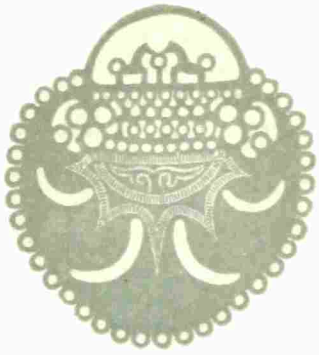
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

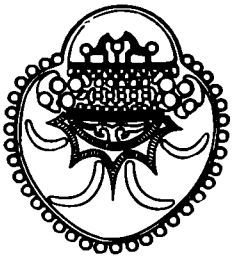
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР

Постановлением Президиума АН СССР от 4 сентября 1959 г. № 667 Институт истории материальной культуры АН СССР переименован в Институт археологии АН СССР, «ввиду того, что современное название Института истории материальной культуры Академии наук не отражает действительного содержания и специфики работы этого учреждения, задачей которого является исследование на основе археологических памятников древнейшего прошлого человечества».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-12229 Подписано к печати 3 XI 1959 г. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$ Бум. л. $10^{3}/_{4}$
Печ. л. 29,46 + 5 вклеек Уч.-изд. л 35,8 Тираж 1750 экз. Заказ 2192

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

К 60-летию А. П. СМИРНОВА И В. Д. БЛАВАТСКОГО

В 1959 г. археологическая общественность отметила шестидесятилетний юбилей двух крупнейших советских археологов — Алексея Петровича Смирнова и Владимира Дмитриевича Блаватского. Выдающийся специалист по археологии и древнейшей истории народов Поволжья Алексей Петрович Смирнов родился 29 мая 1899 г. в Москве. После окончания Московского университета и аспирантуры при РАНИОНЕ А. П. Смирнов посвящает себя археологии малоизученных тогда областей Среднего Поволжья и Прикамья. Одна за другой следуют археологические экспедиции в Удмуртию, Татарию, Чувашию и другие места. Главной темой научных занятий Алексея Петровича становится проблема Волжской Болгарии, ее история и культура. Тщательно изучается Сувар — один из трех главных болгарских городов. Затем начинаются систематические многолетние работы на городище Великие Болгары. Этот важный средневековый город Восточной Европы благодаря трудам коллектива, возглавляемого Алексеем Петровичем, монографически изучен, понята его социальная топография, выделены основные периоды его истории, показана культура и быт разноплеменного его населения. А. П. Смирнов — ученый широких интересов. Параллельно с изучением истории народов Поволжья и Прикамья в раннем железном веке и в эпоху средневековья он много сил и таланта уделяет проблемам бронзового века, вопросам скифо-сарматской археологии. История древней Руси, раннесредневекового Крыма и Золотой Орды — все это входит в круг научных интересов Алексея Петровича.

А. П. Смирнов известен как энергичный организатор больших комплексных экспедиций, таких как Куйбышевская археологическая экспедиция. Он состоит профессором Московского университета. Много сил и труда отдает Алексей Петрович Государственному Историческому музею, заместителем директора которого он является уже много лет.

* * *

Владимир Дмитриевич Блаватский — выдающийся советский антиковед, искусствовед и археолог — родился 12 сентября 1899 г. в Ленинграде. После окончания Московского университета он некоторое время работает вместе с крупным археологом-античником Б. В. Фармаковским. Античные города и поселения Причерноморья становятся главным объектом многочисленных экспедиций, которыми руководит Владимир Дмитриевич: Харакс в 1931—1932 г., Фанагория в 1936—1940 гг., Пантикапей с 1945 г., Аполлония и Орик в Албании с 1958 г.— вот далеко не полный список пунктов, где работал Владимир Дмитриевич. Основные научные труды В. Д. Блаватского посвящены греческой скульптуре, римской архитектуре, искусству Северного Причерноморья в античную эпоху, земледелию и военному делу античного Северного Причерноморья, античной керамике. Для

Владимира Дмитриевича характерен широкий подход к археологическим и историческим проблемам античного Причерноморья. Изучение рабовладельческих государств и городов Причерноморья В. Д. Блаватский рассматривает как часть истории античного Средиземноморья, в то же время постоянно подчеркивая связь греческих поселений со скифо-сарматским миром. Являясь лучшим в СССР знатоком греческой и римской культур, Владимир Дмитриевич руководит многими археологическими и историческими работами по античности. Одновременно он состоит профессором Московского университета, где много лет читает курс античной археологии и ведет большую работу по подготовке молодых археологов-античников.

Советские археологи горячо поздравляют Алексея Петровича Смирнова и Владимира Дмитриевича Блаватского.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА» ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(К 75-летию выхода в свет труда Энгельса)

Семьдесят пять лет назад вышла в свет первым изданием книга Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Тема этой книги на первый взгляд могла показаться неискушенному в марксизме читателю «академической» и не очень близкой к непосредственной революционной борьбе и практике того времени, а потому и не столь важной, как многие другие. Однако она принадлежала не обычному университетскому историку и не специалисту в области изучения первобытного прошлого, а человеку, который был, по словам Ленина. «после своего друга Карла Маркса... самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире» [1]— Ф. Энгельсу.

«В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом,— указывал В. И. Ленин,— можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку» [2].

Именно этому великому делу борьбы за освобождение рабочего класса, а вместе с ним всего человечества и была целиком посвящена книга Энгельса, которая появилась в Цюрихе в 1884 г. под названием «Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. Im Anschluss Lewis H. Morgan's Forschungen von Friedrich Engels».

Характеризуя теоретическую деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин писал: «Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса» [3].

Сюда относится, писал Ленин, и «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Работа над этим произведением была делом не только Энгельса, но и самого Маркса. Работая в этом направлении, Энгельс, по его собственным словам, в известной мере выполнял завещание своего великого соратника, друга и учителя, о котором писал: «Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах, я могу сказать, нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и руководимый им пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» [4].

Энгельс с характерной для него скромностью писал, что его работа может лишь в слабой степени заменить то, что уже не суждено было вы-

---

[1] В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. Соч., т. 2, стр. 5.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же, стр. 11.
[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 160.

полнить его покойному другу [5]. Но он имел в своем распоряжении среди сделанных К. Марксом подробных выписок и конспект труда Моргана «Древнее общество», а также критические замечания самого Маркса по труду Моргана. Произведение Ф. Энгельса, опиравшееся на труд Моргана, вовсе не было изложением результатов, достигнутых последним. Труд Моргана был для него только исходным пунктом дальнейшего исследования. В своих исследованиях Ф. Энгельс пошел далеко вперед по сравнению с Морганом. Он разработал все освещенные его предшественником темы несравненно глубже и принципиально по-новому. Он существенно переработал и дополнил важнейшими фактами разделы о Греции и Риме, вновь написал разделы о кельтах и германцах, так как Морган «располагал тут данными почти только из вторых рук, а о германцах — кроме Тацита — лишь плохими либеральными фальсификациями г. Фримана» [6]. Наконец, Ф. Энгельс писал: «...Экономическое обоснование, которое было достаточно для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточно, все заново переработано мной» [7].

В результате появился труд, который означал новую эпоху в изучении ранней истории человечества, а вместе с тем явился одним из важнейших теоретических произведений научной социалистической мысли. Именно так оценивал его В. И. Ленин. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», по его словам, представляет собой «одно из основных сочинений современного социализма» [8].

В нем, говорил В. И. Ленин, «можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала» [9].

Действительно, чтобы создать такое произведение, понадобилась огромная и напряженная работа по изучению источников, освещающих историю семьи, частной собственности и государства, в том числе этнографических и археологических. В частности, о глубоком интересе Ф. Энгельса к археологическим памятникам первобытной истории человечества свидетельствуют его замечания об образцах древнейшего искусства и каменных орудиях палеолитической эпохи.

Книга Энгельса явилась одним из основных сочинений современного социализма потому, что она содействовала духовному освобождению пролетариата от пут буржуазной идеологии. Она учила пролетариат, прежде всего, новому взгляду на общество и на историю человечества, открывала ему глаза на действительный ход мировой истории — на прошлое, настоящее и, наконец, будущее человека, на положение и будущее самого рабочего класса.

Книга Ф. Энгельса вооружала революционеров глубокой и непоколебимой уверенностью в неизбежность крушения капитализма и в смену его новым, коммунистическим, обществом; она указывала им конечную цель их борьбы — борьбы за разрушение старого, капиталистического, и построение нового, коммунистического, общества. Эту роль книга Энгельса сохраняла на протяжении трех четвертей века, прошедших с момента ее появления на свет. Она в полной мере сохраняет ее и в наши дни, когда на земле осуществлена заветная мечта поколений революционеров, отдавших жизнь борьбе за лучшее будущее человечества, когда рядом с дряхлым миром капиталистического рабства вырос мир победившего социализма и строится коммунизм. Эта книга является могучим оружием борьбы против идеологов старого мира и его пережитков, против извратителей исторической истины и правды истории, против ревизионистов —

---

[5] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 160.
[6] Там же, стр. 162.
[7] Там же.
[8] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.
[9] Там же.

апологетов капиталистической «демократии», жрецов и защитников «Золотого Тельца».

Чтобы в полной мере понять значение этой работы в наши дни, нужно иметь в виду одно важное обстоятельство.

Исторический материализм учит, что история движется вперед благодаря развитию производительных сил. Вместе с тем он свидетельствует, что основной такой производительной силой являются сами люди, что историю делают люди. В наш век, когда человек проникает в тайны вселенной и овладевает силами, открытыми внутри атома, энергия человеческого труда и разума становится все более и более активной творческой силой. Она приобретает значение самой мощной энергии мира, которой подчиняется все остальное.

Для того чтобы энергия человечества была использована полностью и надлежащим образом в интересах самого человека и строительства нового мира, необходимо не только знать прошлое человечества, законы исторического развития, но и вести борьбу за формирование нового сознания, мировоззрения и идеологии.

Для строительства коммунизма нужна повседневная и непрерывная работа по преодолению пережитков прошлого в быту и сознании людей, по искоренению наследия старого мира, по воспитанию коммунистического мировоззрения.

Книга Энгельса является одним из важнейших теоретических пособий для такой работы. Неисчерпаемые возможности имеются в книге Энгельса для разработки таких волнующих, жизненно важных вопросов нашего времени, как вопросы коммунистической этики и морали. Беспощадная критика лжи и фальши буржуазной морали, буржуазной семьи и брака, данная в произведении Энгельса, с огромной силой бьет и по морали современной буржуазии, по пропаганде «американского образа жизни». Для этого общества с самого начала были характерны «самые низменные интересы — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния» [10].

Разоблачая устои морали буржуазного общества, Энгельс противопоставляет ей мораль людей первобытно-общинного строя. Людям буржуазного мира с изломанной и оскверненной капитализмом душой, жадным хищникам капитала, правящим в этом мире, он противопоставляет доверчивых, честных и наивных варваров прошлого, обладающих «чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью». Вместе с тем Энгельс пророчески рисует черты новой морали и новой семьи, которые должны, по его словам, появиться вместе с тем общественным переворотом, которому предстояло уничтожить экономические основы моногамии буржуазного общества, а вместе с ней проституцию и тайную или явную полигамию мужчин.

Исторический анализ развития форм семьи и брака, начиная с каменного века, у Ф. Энгельса, как и вообще в каждом настоящем марксистском исследовании, имеет самое ближайшее отношение и к нашей социалистической действительности, к борьбе двух миров, двух общественных систем нашего века.

Не менее актуальны, столь же жизненно важны и все остальные проблемы, о которых писал Ф. Энгельс и которые, в конечном счете, определяют содержание исследовательской работы современных марксистов, историков первобытной культуры и первобытного общества.

Внимательно изучая труд Ф. Энгельса, наши пропагандисты получают правильное представление о начальной истории человеческого общества и о корнях религии. Они находят в нем гибкое и острое оружие для разоблачения религиозных пережитков. Особо важное значение в связи с этим

---

[10] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 240.

имеет в наши дни труд Ф. Энгельса для историков, и в первую очередь для историков первобытного общества, для этнографов, антропологов и археологов, изучающих начальные этапы прошлого человечества.

В книге Ф. Энгельса мы имеем, прежде всего, образец подлинно научного, диалектико-материалистического исследования первобытной истории человека и неисчерпаемый источник больших идей, обогащающих нашу науку.

Нужно работать так, как работал Ф. Энгельс, с такой же добросовестностью и с таким же глубоким, исчерпывающим охватом всего существенного, всего необходимого. Нужно трудиться с такой же теоретической глубиной мысли, с такой же страстью и самоотверженностью, так же целеустремленно, с таким же творческим пафосом, собирая факты не ради них самих, а ради большой и великой цели. Следует не избегать больших и сложных проблем, а смело идти навстречу трудностям, навстречу неизведанному, ставить новые большие вопросы, поднимать целину науки, ломать устаревшие концепции, мешающие науке двигаться вперед.

В нашей археологической науке к числу таких больших, коренных проблем относятся в первую очередь вопросы, связанные с изучением истоков человечества, со становлением человека и общества. Здесь необходима углубленная работа по освоению всего накопленного уже мировой археологической наукой материала по древнейшим периодам первобытной истории. Еще важнее развертывание дальнейших исследований в этой области, которые должны глубже осветить древнейшие памятники человеческой деятельности на территории Советского Союза и тем самым под нашим, марксистским углом зрения показать жизнь и культуру первобытного человека вообще.

Само собой разумеется, что эти исследования должны дать новые данные для преодоления как открыто идеалистических, так и вульгарно-материалистических тенденций, в частности — попыток отрицать наличие переходного периода от зверя к человеку, стадии формирующегося человека, а следовательно, и формирующегося общества. Не менее важны вопросы истории общественной жизни и культура верхнепалеолитического человека, которым посвящены многочисленные работы советских археологов.

Отдельно могут быть выделены задачи изучения сознания и идеологии, искусства и религии первобытного человечества, в том числе вопрос о происхождении и первоначальных этапах развития и формах религиозных верований. В этой области, как известно, много невыясненного и спорного. Таков, например, вопрос о мустьерских погребениях, в которых большинство исследователей палеолита видит свидетельство возникновения первоначальных форм культа мертвых и веры в душу. Другие же авторы, преимущественно не археологи, отрицают такое объяснение. Обширный материал накоплен советской археологической наукой и по таким важным проблемам, как вопрос о палеолитическом искусстве, а также по верованиям верхнепалеолитического человека. Само собой разумеется, что плодотворная разработка всех этих больших вопросов требует координированной и совместной работы исследователей различных специальностей — археологов, философов, историков, этнографов, языковедов. Так, в частности, следует отметить исключительную ценность для постановки этих тем фольклорного материала, особенно такого, как записи шаманских мистерий и мифов народов Сибири. Однако эти драгоценные материалы, имеющие мировое значение, изучаются и собираются совершенно недостаточно. Исчезают навсегда огромные и невосстановимые научные ценности.

На очереди стоит и создание обобщающих марксистских трудов по этим вопросам. Таковы, с одной стороны, обобщающие коллективные работы: «Палеолит мира» и «Палеолит СССР». Необходимы также научно-популярные работы по истории первобытного человека в целом, по та-

ким важным проблемам, как первобытная религия и первобытное искусство.

Не менее важной задачей советских археологов является работа над периодизацией истории первобытной культуры, которая была разделена Морганом на три большие эпохи: дикость, варварство и цивилизацию.

Ф. Энгельс сформулировал основные черты этой периодизации следующим образом: «...Мы можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; произведения, созданные человеком, служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период усвоения дальнейшей обработки продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства» [11].

Достоинством периодизации Моргана — Энгельса является то, что она отмечает не только эти общие закономерности, но и своеобразие конкретно-исторического пути двух больших частей человечества — населения Старого и Нового света.

Многое в этой схеме и в деталях было правильно намечено Морганом и Энгельсом; многое совпадает с современными представлениями. Так, например, низшая ступень дикости соответствует переходу от животного к человеку. Средняя ступень — нижнему и верхнему палеолиту, о чем определенно писал сам Энгельс, отмечавший, что к этой эпохе относятся грубо сделанные неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические. Средняя ступень дикости соответствует мезолиту. Ф. Энгельс справедливо подчеркнул здесь особо важное место, которое в истории культуры принадлежит луку и стрелам, появляющимся в мезолите.

Хорошо обосновано выделение особой эпохи, когда возникают земледелие и скотоводство. Учитывая современные данные, Г. Чайлд также выделил время так называемой «неолитической революции», начало которой, однако, в передовых областях Востока приходится на мезолит. Не менее убедительна картина высшей ступени варварства, когда происходит бурный рост производства, а на этой основе и крупные сдвиги в обществе — переход от материнского рода к отцовскому, а затем и к классовому обществу.

Таким образом, Морган, как писал Энгельс, «был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе» [12]. Вполне естественно, однако, что за истекшие с тех пор десятилетия материал, как и предвидел Энгельс, действительно разросся настолько, что теперь требуется новая детальная схема, которая должна заменить схему эволюции культуры, разработанную Морганом. Разработка такой схемы — одна из важнейших задач историков первобытной культуры.

Замечательная работа Энгельса принадлежит к числу наиболее выдающихся произведений человеческого гения, над которыми не властно время, которые веками сохраняют свое значение как вклад в познание действительности, как основа и образец для дальнейшего развития теоретической мысли.

Живой голос ее создателя, защитника угнетенных, борца за освобождение человечества от ига капитализма, и в наши дни звучит с такой же страстью и силой, как три четверти века тому назад, призывая к борьбе за новый, справедливый, подлинно человеческий строй жизни — коммунизм.

[11] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 179.
[12] Там же, стр. 174.

СТАТЬИ

В. С. СОРОКИН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ДРЕВНЕЙ СЕМЬИ[1]

Трудно переоценить то влияние, которое оказала и продолжает оказывать на изучение советской наукой истории первобытного общества книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», семидесятипятилетний юбилей которой мы отмечаем в текущем 1959 г. Пожалуй, невозможно найти ни одного советского исторического исследования, касающегося истории доклассового общества, в котором в той или иной мере не отразились бы идеи Энгельса, изложенные в этом классическом произведении марксистской теоретической мысли. Особенно это относится ко всем исследованиям, трактующим о развитии семейных форм и общественных отношений в эпоху до образования классов и в период перехода от доклассового к классовому обществу. Идеи Ф. Энгельса, касающиеся исторически последовательных форм семьи, изменяющейся в связи с развитием общества, являются незыблемой основой всех советских исследований в области первобытной истории потому, что они возникли из научного анализа явлений жизни и опираются на гранитный фундамент материалистического и диалектического мировоззрения.

Одним из важнейших вопросов древней истории, постоянно привлекающим к себе внимание, является вопрос о времени и формах перехода от бесклассового общества к классовому применительно к конкретной истории различных народов. Решение этого вопроса становится исключительно трудным, когда в руках исследователя оказываются только археологические факты. Понятны поэтому те попытки «прочтения» этих безмолвных исторических источников, которые настойчиво предпринимаются археологами. Советские археологи, исходящие из материалистического понимания истории, имеют немало достижений на этом трудном, но увлекательном поприще.

Одним из значительных достижений советской археологии является интерпретация так называемых парных погребений, нередко встречаемых при исследовании могильников эпохи бронзы. Четверть века тому назад М. И. Артамонов предложил свою схему объяснения совместных погребений взрослых мужчин и женщин в могилах бронзового века, оказавшую значительное влияние на развитие советской науки о первобытности[2].

---

[1] Основные положения этой статьи были изложены в виде докладов на секторе Средней Азии и Кавказа ИИМК АН СССР 12 июня и 21 ноября 1958 г., в Отделе археологии Института истории археологии и этнографии АН Казахской ССР 9 декабря 1958 г. и на пленуме ЛОИИМК АН СССР 1 апреля 1959 г.

[2] М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108.

Автор пришел к выводу, что совместные погребения взрослых мужчин и женщин являются свидетельством определенного социального процесса, а именно перехода от матриархального родового строя к патриархальному. М. И. Артамонов считал, что во всех случаях эти погребения были одновременными и поэтому насильственное умерщвление одного из погребенных (женщины) у него не вызывало сомнений. Однако это явление могло иметь значительное распространение лишь в период перехода к патриархату, когда в связи с изменением хозяйственной роли мужчины внутри родовой общины появилась тенденция к замене матрилокального брака патрилокальным, что вызвало практику похищения женщин. С установлением же господства патрилокального брака похищение заменилось соглашением рода мужчины с родом женщины; поэтому насильственное умерщвление жены и погребение ее вместе с мужем стало невозможным и сохранялось только для рабынь-наложниц наиболее богатых и могущественных мужчин, что и отразилось на относительном уменьшении количества совместных погребений в соответствующих археологических памятниках, в частности на территории, где проводились исследования М. И. Артамоновым, в памятниках срубной культуры [3].

Точка зрения М. И. Артамонова получила довольно широкое признание в советской археологической литературе и рядом исследователей принималась в качестве непреложной истины, справедливой во всех случаях и избавляющей их от хлопотливой и подчас неблагодарной обязанности кропотливо и пристрастно исследовать факты. Она нередко без должной осмотрительности распространялась на те территории и культуры, которых М. И. Артамонов в своем исследовании не касался.

Широкие археологические исследования привели к выявлению новых фактов, которые не могли уложиться в схему М. И. Артамонова и, не отменяя ее, значительно ее дополняли и расширяли. Одним из таких фактов явилось открытие на Ангаре в памятниках так называемой глазковской энеолитической культуры особых погребений, которые исследовавший их А. П. Окладников назвал (не совсем, как нам кажется, удачно) «парными соседскими». Речь идет о погребении мужчины и женщины в двух расположенных рядом и нередко покрытых одной каменной кладкой могилах. Особенностью этих погребений, по мнению А. П. Окладникова, является то, что они совершались не одновременно, т. е. вне зависимости от смерти одного члена супружеской пары, а в последовательности естественной смерти каждого. Это, как считает А. П. Окладников, является свидетельством существования в глазковском обществе свободных жен (наряду с рабынями-наложницами), указанием на возникновение прочной связи мужа и жены, чего не могло быть при матриархальном строе и что могло возникнуть только при возникновении патриархального уклада с главенством мужа в семейном хозяйстве, а следовательно, и в семье [4].

Связывая переход к патриархальному родовому строю в специфических условиях таежного Прибайкалья с развитым рыболовством как главной хозяйственной отраслью местных племен, целиком находящейся в руках мужчины, А. П. Окладников, по нашему мнению, правильно угадал развитие семейных форм в этот период. К сожалению, он не сумел привести археологических доказательств в пользу своего мнения о неодновременности «парных соседских погребений», а несомненный факт насильственного умерщвления женщины из одного подобного погребения (Буреть, III, погр. № 1), в тазовой кости которой оказался пробивший ее каменный наконечник стрелы, скорее говорит против его предположения, чем в его пользу [5].

---

[3] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 122—124.

[4] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, МИА, № 43, 1955, стр. 204—205.

[5] Там же, стр. 231 и рис. 112.

Тем не менее, наука обязана А. П. Окладникову плодотворной гипотезой, получившей в недавнее время подтверждение в археологическом материале с других территорий.

Опираясь на эти новые материалы, в частности на наличие двухкамерных могил в андроновских могильниках Центрального Казахстана, М. П. Грязнов в 1957 г. высказал аналогичное суждение в отношении общества развитой бронзовой эпохи лесостепной и степной полосы Южного Приуралья, Казахстана и прилегающих районов Южной Сибири. Связывая возникновение андроновской культуры со сложением патриархального рода и считая, что в связи с этим возник обычай похищения женщин и насильственного погребения жены вместе с мужем в случае его смерти, М. П. Грязнов признал последнее возможным, однако только для федоровского этапа андроновской культуры, для более позднего же, алакульского этапа, он считал характерным замену обычая насильственного умерщвления жены обычаем погребения ее в могиле мужа после ее естественной смерти [6].

Приведенными точками зрения по сути дела и исчерпывается то новое, что высказано в специальной советской литературе в связи с совместными погребениями мужчин и женщин в одной могиле в бронзовом веке. Следует упомянуть еще работу М. А. Итиной, рассмотревшей интересующую нас проблему на этнографическом материале, но коснувшейся и археологических данных. Считая парные разнополые захоронения характерными для общества в состоянии перехода от матриархата к патриархату, М. А. Итина утверждает, что обычай насильственного умерщвления и погребения женщины в могиле мужчины применялся исключительно в среде привилегированной родовой верхушки и касался не жен, а рабынь-наложниц [7]. Не разбирая подробно эту точку зрения, укажу лишь, что отнесение обычая совместного погребения мужчины и женщины только к родовой верхушке опровергается археологическими фактами, а именно весьма значительным процентом совместных погребений мужчин и женщин в могильниках эпохи бронзы (чему прекрасный пример дает исследованный самой М. А. Итиной могильник Кокча 3), а также рядовым, ничем не выделяющимся характером этих погребений.

Могильник Кокча 3 заключал в себе целый ряд могил с двумя погребенными, мужчиной и женщиной, причем по расположению костей бесспорно устанавливается неодновременность их погребения. К сожалению, материалы могильника еще не опубликованы, и мы вынуждены ограничиться лишь констатацией указанного выше факта, сославшись на очень краткое упоминание о нем в печати [8].

Бесспорные факты неодновременности погребения мужчины и женщины в одной могиле (наряду с одновременными погребениями) установлены нами во время раскопок могильника андроновской культуры Тасты-Бутак I на севере Актюбинской области Казахской ССР. Не имея возможности привести здесь подробное описание этих погребений, назовем лишь те признаки, по которым была установлена неодновременность парных захоронений. В двух могилах (каменные кольца №№ 4 и 30), наряду со скелетом, лежавшим в анатомическом порядке (там, где его не коснулась лопата грабителя), обнаружены сложенные перед ним кучкой разрозненные кости другого скелета, принадлежавшего субъекту другого пола. Причем в одном случае (каменное кольцо № 30) под стопами скелета, сохранившего свое первоначальное положение, оказались берцовые кости второго скелета, остальные кости которого были в могиле перемещены.

[6] М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 24.

[7] М. А. Итина. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. СЭ, 1954, № 3, стр. 64, 67—68.

[8] См. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 99 и рис. 13.

История этих погребений восстанавливается следующим образом. Сначала в могиле погребался один умерший, затем по прошествии некоторого времени [9], в ней хоронили второго, для чего яма снова разрывалась, причем вместе с землей из нее удалялись и кости первого погребенного. Затем совершалось погребение нового покойника, перед телом которого кучкой складывали более или менее полно собранные кости предшествующего. Очень важно отметить, что в первом случае (кольцо № 4) сначала была похоронена женщина, а затем мужчина зрелого возраста, во втором случае (кольцо № 30) пол первого погребенного, к сожалению, не мог быть установлен, второй же скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Учитывая, что в парных погребениях андроновской культуры ни разу не встречены совместные погребения взрослых женщин, следует считать, что в кольце № 30 первым погребенным был мужчина.

Нужны, очевидно, особые условия, чтобы неодновременность парного погребения удалось заметить, и, вероятно, этим объясняется то, что до сих пор при археологических раскопках подобные погребения не обнаруживались. Но совершенно ясно, что в этом отрицательную роль сыграло и предвзятое мнение исследователей; иначе невозможно объяснить, почему до сего времени никто не обратил внимания на возраст совместно погребенных мужчин и женщин.

Так, в могиле № 6 могильника Урал-Сай вместе со взрослым мужчиной была погребена женщина 50—60 лет, слишком старая для наложницы. Точно так же никто не обратил до сих пор внимания, что в могиле № 9 того же могильника взрослая женщина была похоронена вместе с маленьким ребенком в могиле, где перед этим был похоронен взрослый мужчина, кости которого (совершенно так же, как в списанных выше погребениях могильника Тасты-Бутак 1) были при этом временно удалены из могилы, а затем уложены обратно, правда, на этот раз в головах женщины, что, может быть, объясняется необходимостью поместить в могилу еще и тело ребенка [10].

Несомненно, что, будь исследователи в свое время более взыскательны и фиксируй они результаты раскопок более тщательно, количество подобных фактов могло бы быть большим. Несомненно и то, что в будущем количество их возрастет. Для нас же важно сейчас констатировать бесспорно и неоднократно установленное наличие неодновременных парных погребений мужчин и женщин на территории Казахстана и в Приаралье в бронзовом веке. Этот факт имеет важнейшее значение, так как он не может быть объяснен с точки зрения рабского положения женщины при властелине — мужчине и несомненно является свидетельством каких-то определенных семейных отношений и общественных институтов.

Что же представляют собой эти разновременные парные разнополые погребения бронзового века в плане историческом, какие явления и процессы общественного развития отразились в них?

Ответить на эти вопросы мы сможем, лишь привлекая данные этнографии и опираясь на возможность сравнения племен и народов, относящихся к одному и тому же хозяйственно-культурному типу. Под «хозяйственно-культурными типами» понимаются «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития» [11]. При

[9] Это время не могло быть очень продолжительным, так как могилы могильника Тасты-Бутак I очень мелки (не более 1 *м* глубиной) и поэтому процесс разложения должен был протекать здесь быстро.

[10] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 11, Л., 1927, стр. 185—186 и рис. 17.

[11] М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4, стр. 4.

этом не имеет значения вопрос о расовой или этнической принадлежности входящих в данный хозяйственно-культурный тип народов, ни их территориальное размещение.

Поскольку разновременные парные погребения мужчин и женщин представляются в настоящее время наиболее характерными для племен андроновской культуры, мы будем сравнивать носителей этой культуры с современными народами одного с ними хозяйственно-культурного типа. К таким народам относятся южноафриканские банту, какими они были до прихода европейцев.

Андроновское общество мы представляем себе оседлым пастушеско-земледельческим с более или менее развитыми патриархально-родовыми отношениями. Андроновцы жили большими семьями в обширных полуземлянках и пасли свои, вероятно, не очень многочисленные стада (главным образом крупного рогатого скота) в непосредственной близости от мест своего обитания. Они занимались также и земледелием, которое, однако, не играло в хозяйстве ведущей роли. Пищей андроновцам служили молочные и растительные продукты; мясо употреблялось, но не входило в повседневный рацион. Свои орудия труда, оружие и бóльшую часть украшений андроновцы изготовляли из бронзы, в связи с чем в некоторых районах, занятых их племенами, значительное развитие получили горное дело и металлургическое производство. Можно предполагать наличие некоторого обмена как с соседними народами, так и внутри андроновских племен, что в свою очередь предполагает довольно развитое общественное производство; однако вряд ли обмен был сколько-нибудь значительным. Вероятно существование некоторого имущественного неравенства, но родовые отношения еще не были изжиты и классов еще не было. Конечно, на обширной территории, занятой андроновскими племенами, существовали различные варианты не только в характере хозяйства и формах быта, но и в уровне развития, однако это не меняет общей картины.

Племена банту в XVII—XVIII вв. жили еще родовым строем, но род уже перестал играть роль хозяйственного организма. Экономической ячейкой общества банту была большая патриархальная семья. Члены больших патриархальных семей жили, как правило, в отдельных поселениях — краалях. Главным их занятием было разведение крупного рогатого скота, который они пасли на ближних лугах, на ночь загоняя в круглые дворы краалей. Мотыжное земледелие играло заметную, но не главную роль в хозяйстве. Пищевой рацион состоял главным образом из молочных и растительных продуктов; мясо употреблялось в пищу сравнительно редко, главным образом в зимние месяцы. Орудия труда и оружие изготовлялись из железа, которое выплавлялось в примитивных печах-ямах, из меди же делались главным образом украшения. Употребление племенами банту железа не должно нас смущать, так как в Африке вообще не было эпохи бронзы и подавляющее большинство африканских народов перешло к употреблению железа прямо из каменного века. В данном случае важно, что банту уже были хорошо знакомы с металлом, так как это позволяет сравнивать их с андроновскими племенами и по этой линии.

Можно было бы продолжить наше сравнение и указать на ряд сходств по другим моментам (например, на незнакомство и банту и андроновцев с гончарным кругом), но в этом нет необходимости, поскольку и так ясна принадлежность обеих сравниваемых групп племен — этнографической и археологической — к одному культурно-хозяйственному типу и их одинаковое социально-экономическое состояние.

Установив это, мы можем предположить, что у андроновцев формы собственности, имущественные отношения и связанные с ними брачно-правовые нормы были сходны с тем, что можно наблюдать в этом отно-

шении у банту, и таким образом подойти к объяснению отмеченных выше археологических материалов.

Основными объектами владения у южноафриканских племен банту были земля и скот и существовавшие формы собственности на них были различны (если не сказать — противоположны). Земля являлась собственностью племени. Вождь племени распоряжался землей, но не являлся ее собственником. В личных интересах вождь мог пользоваться только теми участками, которые закреплялись за ним и за его семьей на более или менее тех же основаниях, что и за любым другим членом племени. Каждый глава семьи имел право свободно занимать любой участок в пределах района, контролируемого его ближайшим племенным вождем (если при этом он не нарушал прав других членов племени), или требовать от вождя выделения ему участка, и вождь обязан был удовлетворить его просьбу. Внутри крааля его глава наделял участками всех зависящих от него людей, ведущих самостоятельное хозяйство, и переданный, таким образом, в пользование участок оставался в одних руках до тех пор, пока его владелец жил в данной местности. Получив такой участок земли, его владелец не мог ни продать, ни заложить, ни подарить его. Кроме участков, выделенных для жен главы крааля и семейных мужчин, в краале имелось общее поле, обрабатываемое сообща всеми жителями крааля и в интересах крааля как целого [12]. К сказанному остается только добавить, что обработка земли, кроме подъема целины, и вообще все земледельческие работы были сферой приложения женского труда и, хотя земля была распределена между семьями, нередко практиковались общинные формы работ. Ясно, что женский труд был связан с древней, племенной, по тому времени уже отсталой формой собственности.

Совсем другой была форма собственности на скот. Скот принадлежал не племени, а отдельным группам лиц или отдельным лицам. Каждый крааль имел свой собственный скот. Как представитель всего населения крааля, его глава являлся распорядителем общего стада, но он, как и другие семьи, имел и свой, лично ему принадлежавший скот. Во владении скотом не было равенства. Каждая семья (малая), состоявшая из мужчины, его жен и детей, владела своим стадом, причем часть этого стада принадлежала главе семьи, а другая делилась между домами, т. е. между женами и их детьми. На скот, находящийся во владении дома, никто посторонний не имел никаких прав, в том числе и глава семьи. Но, мало этого, и внутри дома скот был поделен между отдельными лицами. Скот могли покупать, продавать, дарить, передавать и получать по наследству. Скот, приобретенный на личные средства, являлся частной собственностью данного лица. Следует отметить, что некоторая часть скота не распределялась и оставалась во владении крааля как целого. Эта часть предназначалась для обмена на женщин, а также использовалась в общественных церемониях и обрядах. Только эта часть стада не являлась частной собственностью в полной мере [13].

Таким образом, можно констатировать у банту сложение частнособственнических отношений на почве развития скотоводства, что полностью совпадает с мнением Ф. Энгельса о возникновении частной собственности [14]. Этот вывод очень важен, так как проведенная выше параллель между племенами банту и андроновскими позволяет нам распространить его и на андроновские племена. В связи с этим существенное значение имеют и те отношения, которые у банту лежат в основе наследственного

---

[12] J. Schapera. The Bantu-speaking Tribes of South Africa. London, 1957, стр. 156—157.

[13] Д. А. Ольдерогге. Из истории семьи и брака. СЭ, 1947, № 1, стр. 27—28.

[14] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, М., 1955, т. II, стр. 202.

права, так как и у андроновцев (поскольку хозяйство и общественные отношения представляются у них и у банту близкими) можно предполагать нечто подобное.

У банту в основе наследственного права лежат два принципа: принцип первородства по мужской линии и принцип, согласно которому мужчина может считать детей своими, только передав семье своей жены некоторое количество ценностей, как правило, в виде скота (так называемая «лобола»). Последнее требование нашло свое выражение в поговорке «не люди, а скот рождает детей», которая означает, что, по понятиям банту, женщина, за которую отдают скот («лобола»), т. е. замужняя, не может родить ребенка, который не был бы ребенком ее мужа [15].

Относительно существа обычая, носящего название «лобола», имеются различные мнения, рассмотрением которых здесь нет надобности заниматься [16]. Наиболее правильной представляется точка зрения Жюномладшего, который считает, что лобола — это определенное вознаграждение, за которое род женщины отчуждает ее способность к деторождению роду мужчины. Этот исследователь пишет: «Женщина не продается и не отдается как личность. Она сохраняет свое родовое имя shivongo. Но ее чрево — mbeleko, т. е. ее способность дать новую жизнь, теперь принадлежит клану ее мужа» [17]. Здесь неприемлемо только мнение, что в сделке участвуют кланы, роды; на самом деле брачный договор у банту заключают большие патриархальные семьи, а способность женщины к деторождению, ее «mbeleko» передается персонально ее мужу, на чем и основано все наследственное право банту. Как бы то ни было, очень важно подчеркнуть, что, хотя обычай лоболы и имеет много аспектов, важнейший среди них заключается в том, что понятия «лоболы» и «брака» являются для банту равнозначными и брак без лоболы для него просто немыслим [18]. Здесь важно то, что детьми мужчины считаются исключительно дети, рожденные женщиной, с которой он состоит в браке. Это правило является настолько абсолютным, что фактическое отцовство не имеет значения или, во всяком случае, не принимается во внимание. В связи с этим правилом в среде банту бытуют немало на первый взгляд странных и даже нелепых обычаев, смысл которых, однако, всегда один: вступая в брак, т. е. передав за женщину лобола, мужчина становится отцом всех детей, которых женщина родит, безразлично, от него или от кого-либо другого, в продолжении его жизни или много лет спустя после его смерти.

Откуда могло возникнуть такое правило — вот вопрос, неизбежно встающий перед нами.

В советской исторической науке в соответствии с классическими положениями Ф. Энгельса считается доказанным, что переход от матриархального родового строя к патриархальному, вызванный экономическими причинами, потребовал прежде всего замены счета происхождения по материнской линии счетом происхождения по отцу. Ф. Энгельс считал, что это являлось одной из самых радикальных пережитых человечеством революций [19]. По мнению Энгельса, совершить эту революцию было совсем нетрудно. «Достаточно было простого решения,— писал он,— что на будущее время потомство мужских членов рода должно оставаться в нем, тогда как потомство женщин должно быть исключено из него и перейти в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской

---

[15] S. M. Seymour. Native Law in South Africa. Cape Town, 1953, стр. 156.

[16] Краткую сводку мнений по данному вопросу см. Д. А. Ольдерогге. Ук. соч., стр. 14—16.

[17] H. Ph. Junod. Bantu Marriage and Cristian Society. Bantu Studies, XV, 1941, № 1, стр. 25.

[18] J. Schapera, Ук. соч., стр. 113.

[19] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 203.

линии и наследование по материнскому праву и вводилсь определение происхождения по мужской линии и право наследования по отцу»[20]. К. Маркс также считал этот переход естественным. Однако столь общее представление классиков марксизма по данному вопросу, обусловленное уровнем этнографических знаний того времени, разумеется, не являлось окончательным. Ф. Энгельс, обрисовав в своей книге развитие семьи до возникновения моногамии, был вынужден с целью объяснения ее дальнейшей истории оставить Америку, эту, по его собственному выражению, «классическую почву парной семьи», так как в Америке не было никаких признаков появления более высокой формы семьи в порядке ее естественного развития. Вследствие отсутствия другого материала, ему пришлось сразу же обратиться не к переходным формам семьи, а непосредственно к развитой патриархальной семье пастушеских народов — арийцев в индийском Пятиречье и в области Ганга, в степях бассейна Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и семитов по Евфрату и Тигру[21]. В то время этнографическое изучение Южной Африки еще только начиналось, и Ф. Энгельс в силу этого не мог изучить на африканском материале те формы, в которых совершался переход к моногамной семье, отразившийся, в частности, в своеобразных нормах обычного права банту. Именно это обстоятельство объясняет нам, почему вопрос о переходе от материнского права к отцовскому был решен Ф. Энгельсом в самом общем виде. Опираясь на общие закономерности развития семьи, блестяще аргументированные Ф. Энгельсом, и привлекая новые факты, накопленные этнографией после Маркса и Энгельса, советские историки обязаны перейти от общих положений к установлению тех конкретных форм, в которых совершался переход от материнского права к отцовскому.

Нетрудно себе представить, что в сознании человека эпохи родового строя счет родства по материнской линии представлялся чем-то естественным, очевидным, не требующим никакой санкции, так как постоянно находил себе наглядное обоснование в достаточно часто наблюдаемом физиологическом акте рождения. С другой стороны, родство по отцу всегда может быть подвергнуто сомнению и, во всяком случае, никогда не располагает объективным критерием для своего доказательства. Поэтому с формированием патриархальных отношений старые взгляды на женщину-мать как на источник родственной связи не могли быть просто перенесены на мужчину. Счет родства по отцу не мог получить физиологического обоснования, и поэтому новый порядок потребовал общественной санкции. Нужно было, чтобы общество признало данных детей происходящими от данного отца, нужна была юридическая фикция взамен очевидного факта. Мужчина признавался отцом данных детей совсем не потому, что он был их фактическим отцом (этого все равно нельзя было доказать), а потому, что общество признавало его таковым. Женщина, как и прежде, оставалась матерью своих детей, но ее брак с мужчиной, обставленный определенными условиями и совершавшийся в соответствии с установленными правилами, служил основанием для признания ее детей детьми ее мужа. Выходя замуж, она как бы отчуждала свою способность к деторождению в пользу мужа. Конечно, всем было ясно, что это отчуждение носит формальный, чисто юридический характер, но ведь только это и требовалось.

Именно такой порядок мог послужить основанием брака как юридического института, в противоположность ранее существовавшему «браку» как естественной связи; и породить его могло только стремление сохранить первоначально в роде, а затем и в семье принадлежащее мужчине богатство. В основе вновь возникших брачных норм лежали новые экономические отношения.

---

[20] Там же, стр. 203—204.

[21] Там же, стр. 202.

К сожалению, нам не удалось обнаружить в этнографической литературе никаких указаний на то, как обрисованные выше брачные нормы отразились в их погребальных обрядах, что лишает нас возможности продолжить прямые параллели между банту и андроновскими племенами. Однако весьма возможно, что в обычае погребения членов супружеской пары в одной могиле в последовательности их естественной смерти, в обычае, существование которого в андроновском обществе теперь установлено, отразились именно те экономические отношения и порожденные ими представления и юридические нормы, которые мы наблюдаем у банту.

Известно, что в представлении первобытного человека смерть не является прекращением физического существования. При всей пестроте представлений разных народов о загробном мире весьма распространенным являлся взгляд, что умерший переселяется в другой мир, столь же материальный, как и этот, и продолжает там существовать в условиях, сходных с теми, в которых он находился при жизни. Несомненно, что и люди андроновской культуры в своих взглядах на потусторонний мир разделяли эту «концепцию продолжения».

Приведенные выше археологические факты, касающиеся парных разновременных погребений, становятся понятны в свете изложенных соображений.

В самом деле, если мужчина становится отцом своих детей только посредством брака с женщиной и если дети, рожденные только этой женщиной, единственно признаются его детьми, наследниками принадлежащего ему имущества, и если, далее, после своей смерти он будет существовать в загробном мире на тех же бытовых, хозяйственных, экономических и правовых основаниях, что и в действительной жизни, то, само собой разумеется, что женщина, бывшая его женой при жизни, должна оставаться таковой и после его или своей смерти, иначе он будет лишен возможности оставить детей, своих наследников, не только на этом, но и на том свете. С другой стороны, по изложенным выше соображениям, умерщвление жены при погребении мужа также не могло иметь места, по крайней мере, если мужчина умирал, не успев приобрести мужских потомков, так как таким путем он лишил бы себя возможности иметь их в будущем.

Таким образом, парные разновременные погребения мужчин и женщин бронзового века могут, очевидно, свидетельствовать о возникновении прочных брачных отношений в эпоху формирования патриархальной семьи, в противоположность непрочной парной семье, характерной для матриархального родового строя.

Ф. Энгельс писал: «Для того чтобы парная семья развилась дальше в прочную моногамию, нужны были другие причины, кроме действовавших до сих пор. Уже в парном сожительстве группа была сведена к своей последней единице, своей двухатомной молекуле,— к одному мужчине и одной женщине. Естественный подбор завершил свое дело путем все дальше проводимых изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые, *общественные* движущие силы, то не было бы причины, в силу которой из парного сожительства должна была бы возникнуть новая форма семьи. Но такие движущие силы вступили в действие» [22].

Приведенные нами выше материалы и соображения дают, как нам кажется, возможность конкретизировать это классическое положение Ф. Энгельса, обрисовав те формы, в которых совершался переход от парной семьи к моногамной, по крайней мере, у некоторых племен бронзового века.

---

[22] Там же, стр. 201.

С. Н. БИБИКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА[1]

1

Палеолитические открытия последних лет в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в азиатских частях СССР, в Сибири, Средней Азии и в Закавказье внесли существенные дополнения в понимание восточноевропейского палеолита. Создались более благоприятные возможности для глубокого изучения динамики исторических явлений в палеолите с учетом исследования культур в пределах замкнутых ареалов.

Одной из главных задач палеолитоведения остается проблема относительной хронологии восточноевропейского палеолита и определение его места в хронологической шкале древнекаменного века Старого Света. Сложность решения этих задач для палеолита Восточной Европы состоит в необходимости синхронизировать очень удаленные друг от друга палеолитические культуры, развивавшиеся в разных условиях и с разными хозяйственно-бытовыми укладами.

На территории Европейской части Советского Союза достаточно ясно наметились несколько крупных областей распространения палеолитических культур. Наиболее северная и восточная область палеолита Восточной Европы связывается с Приуральем, со Средним и Южным Уралом. В пределах этого ареала уже известен ряд местонахождений, позволяющих определить довольно раннее заселение этого края, а тем самым значительно расширить ойкумену древнего человека, внести поправку в границы максимального оледенения и пополнить характеристику фауны и флоры приледниковых убежищ в плейстоцене.

В довоенные годы М. В. Талицкий обнаружил на Среднем Урале в урочище Пещерный Лог, в устье р. Чусовой, мустьерский комплекс[2]. Не меньшее значение имело и другое открытие Талицкого, сделанное примерно в том же районе, около с. Остров[3]. Здесь под 20-метровой толщей второй надпойменной террасы, в аллювии был выявлен позднепалеолитический горизонт. Кремневый инвентарь этой стоянки носит мадленские черты. Стоянка Талицкого может быть отнесена к рисс-вюрмскому интергляциалу или к вюрмскому веку.

---

[1] Из доклада на V Международном конгрессе доисториков и ранних историков в Гамбурге в августе 1958 г.

[2] М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка «Пещерный Лог». КСИИМК, вып. XII, 1946; В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Ин-та геологических наук, вып. 64, серия 17, М., 1948, стр. 276—293.

[3] М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой. БКЧП, № 6—7, 1940, его же. Островская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. IV, 1940.

Следы другой позднепалеолитической стоянки были обнаружены на берегу Камы, несколько севернее Перми, у с. Демидково в районе Белой Горы [4].

Своеобразную группу временных охотничьих стойбищ составляют пещерные палеолитические стоянки Урала. Они распространены в пределах восточного склона Среднего Урала, преимущественно в Тагильском Зауралье (на берегу р. Тагила, в скале Медведь-Камень, на р. Туре у Нижне-Туринского завода) и в пределах западного склона северной части Южного Урала, в бассейнах рек Юрюзани и Сима [5]. Те и другие представляют собой убежища, содержащие в своих отложениях преимущественно остатки очагов и кости плейстоценовых животных.

Изучение очень бедного кремневого инвентаря и, особенно, фауны позволяет датировать уральские пещерные местонахождения солютрейско-мадленским возрастом (пещеры Смирновская, Усть-Катавская II, Бурановская, Ключевая). Некоторые из них, с фауной, заключающей пещерную гиену, должны быть отнесены и к более раннему возрасту — ориньяку и мустье (пещеры Усть-Катавская I, Верхне-Лукинская и др.). Остаются еще недостаточно выясненными южные границы заселения палеолитическим человеком Уральского надгорья. Можно говорить об очень неясных следах палеолита ближе к южной оконечности хребта, уже в пределах Оренбургского края (Идельбаево).

Итак, Урал представляется теперь как палеолитическая область, лежащая на стыке двух континентов, двух обширнейших ареалов расселения первобытного человека — европейского и сибирского.

Недавние поиски палеолита между Уралом и Волгой дали важные результаты [6]. С давних пор на Средней Волге на отмелях отмечались находки богатых россыпей хазарской и более поздней фауны. В последние годы в нескольких пунктах, главным образом между Ульяновском и Хвалынском, удалось установить совместные залегания архаического кремневого инвентаря нижне- и среднепалеолитического облика с древней фауной. Вероятность их одновременного отложения не вызывает возражений, особенно для пункта у Красной Глинки, где установлена непотревоженность залегания культурного горизонта [7].

Позднепалеолитические памятники в пределах той же территории определяются очень недостоверно.

Большим событием в археологии явилось открытие М. Н. Грищенко и С. Н. Замятниным [8] мустьерского поселения около Сталинграда (Сухая Мечетка). Культурный горизонт залегает здесь под более чем 20-метровой толщей. Он перекрывается морскими отложениями Хвалынской трансгрессии Каспия и в полном разрезе подстилается отложениями хазарской трансгрессии. Можно думать, что ательские суглинки, в которые заключен культурный слой, соответствуют межстадиальным отложениям рисской эпохи. В процессе раскопок стоянки собран богатейший археологический

---

[4] О. Н. Бадер. Археологические памятники Тагильского края. Уч. зап. Пермского ун-та, т. VIII, вып. 2, 1953; О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. (Ниже приводится только основная литература).

[5] С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. СА, XII, 1950.

[6] О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. Уч. зап. Пермского ун-та, т. V, вып. 2, 1947; его же. Ранний палеолит Урала и Поволжья. Уч. зап. Пермского ун-та, т. VII, вып. 2, 1955; М. З. Паничкина. Разведки палеолита на Средней Волге. СА, XVIII, 1953.

[7] М. З. Паничкина. Разведки палеолита на Средней Волге.

[8] М. Н. Грищенко. Краткое сообщение о геологических условиях залегания новой палеолитической стоянки в районе Сталинграда. БКЧП, № 18, 1953; Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя. Тр. Зоологического ин-та АН СССР, т. 22, 1957; В. И. Громов и Е. В. Шанцер. О геологическом возрасте палеолита СССР. Доклад на V Конгрессе АИЧПЕ в Мадриде в сентябре 1957 г. Изв. АН СССР, сер. геологическая, вып. 5, 1958.

материал. Особенно выразительна коллекция кремневого инвентаря, представленная материалом, рисующим все стадии обработки кремня. В целом это типичный позднемустьерский комплекс.

Таким образом, для Среднего и Нижнего Поволжья можно выделить область, заселенную в среднепалеолитическое время (поздний ашель-мустье). Оставляя в стороне пока еще довольно разрозненные находки позднепалеолитических остатков на Оке, например, в Карачарове (около Мурома) или в Сунгири (район г. Владимира на Клязьме) [9], обратимся к бассейну Дона.

Здесь, южнее Воронежа, на берегу Дона, располагается знаменитый комплекс костенковских позднепалеолитических стоянок. Сейчас в районе с. Костенки обнаружено уже более 20 палеолитических стоянок, причем некоторые из них многослойные, с хорошо выраженной стратиграфией [10].

Еще недавно памятники Костенок как будто хорошо укладывались в хронологическую шкалу, выработанную для восточноевропейского позднего палеолита (П. П. Ефименко, П. И. Борисковский). Однако теперь хронологическая картина резко осложнилась в связи с открытием слоев, лежащих ниже известных ранее по стоянкам Костенки I, Тельманской и др. Усложнились геологические обоснования датировок и характеристики фациальных отличий культурных остатков в пределах хронологических ступеней.

Вокруг костенковского палеолитического комплекса разгорелись споры, выходящие далеко за рамки изучения первобытной истории Средне-Русской возвышенности. Было обращено внимание и предложены объяснения поразительного сходства материалов из Костенок, Авдеева в Курской области и стоянок в долине р. Ваг в Словакии, историческими связями и общностью условий жизни (П. И. Борисковский и П. П. Ефименко) или генетическим единством племен (А. Н. Рогачев).

Оживленно обсуждается вопрос неожиданного переслаивания развитых форм кремневого инвентаря, залегающего в нижних отделах культурной свиты в Костенках (например, треугольных наконечников, отделанных солютрейской ретушью) другими, более технически отсталыми кремневыми комплексами.

А. Н. Рогачев, вопреки другим авторам, видит в этом не хронологический признак, а проявление у замкнутых палеолитических групп населения своих этнографических черт, сохранение отсталых или, наоборот, передовых традиций в обработке кремня.

Оригинальную точку зрения на проблему происхождения костенковских палеолитических культур высказал П. П. Ефименко. Он полагает, что в сложении культур Костенок сыграли роль два источника — селетский (солютрейский) и гримальдийский (южно-ориньякский). Оба они и были основными и одновременными компонентами в сложении костенковских культур [11].

---

[9] О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на Клязьме. СА, 1959, № 1.

[10] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953; его же, Костенки I. М.— Л., 1958, А. Н. Рогачев. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины. МИА, № 39, 1953; его же. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957; его же. Костенки IV—поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955; П. И. Борисковский. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины. МИА, № 59, П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение. МИА, № 59; П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. СА, XXVII, 1957; Г. И. Лазуков. Геология стоянок Костенко-Боршевского района МИА, № 59; его же. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе. СА, 1957, № 3.

[11] П. П. Ефименко. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы. Acta arhaeologica Akademiae scientiarum. Будапешт, 1956; его же. Костенки I, М.— Л., 1958, гл. IX.

Споры вокруг Костенок способствовали ускорению и расширению полевых исследований. В результате раскопок сделано много наблюдений над планировкой поселений и жилищ, над изменениями в природной обстановке в плейстоцене, над условиями образования хронологически маркирующих, погребенных почв и вулканических пеплов.

Сейчас ареал позднепалеолитических памятников Подонья несколько расширился [12]. В низовьях Дона у ст. Недвиговской М. Д. Гвоздовер обнаружены еще две позднепалеолитические стоянки. Может быть, эти местонахождения будут тесно связаны со все больше выявляющимся Донецким или Приазовским ареалом палеолитических памятников, лучше всего представленных интереснейшей стоянкой у Амвросиевки в Донбассе [13]. При сопоставлении археологических материалов по палеолиту Урала, Поволжья и Средне-Русской возвышенности создается впечатление исторической изолированности этих территорий в палеолите. Однако как ни малы наши сведения о палеолите (особенно Поволжья и Урала), но, используя их, все же можно попытаться установить очень древние связи между этими территориями и Средне-Русской равниной.

Обращает на себя внимание отсутствие на Средней и Нижней Волге позднепалеолитических местонахождений при наличии бесспорных остатков поселений нижнего и среднего палеолита. Этот знаменательный факт нельзя не поставить в связь с самой крупной трансгрессией Каспийского моря — хвалынской, сильно изменившей палеогеографию Северного Прикаспия (П. А. Православлев, И. П. Герасимов и К. К. Марков) [14].

Видимо, в эпоху хвалынской трансгрессии (по ряду данных соответствующей риссвюрму, вюрму европейского оледенения) по Средней и Нижней Волге сложились неблагоприятные условия для существования человека (заболоченность пространства, откочевка фауны и др.), из-за чего эти места и были оставлены первобытными людьми.

Можно предположить, что мустьерская стоянка в Пещерном Логу, в устье Чусовой, есть одно из свидетельств связей Приуралья и Волги в позднемустьерскую эпоху. Это тем более вероятно, что в Западной Сибири, откуда можно было бы вести следы проникновения мустьерской культуры в Приуралье, памятники мустьерского времени неизвестны. Однако сказанное касается только одного из намечаемых путей предполагаемой миграции волжских племен в среднепалеолитическое время. Другой, видимо, лежал из Поволжья в бассейн Дона, на восточную окраину Средне-Русской возвышенности.

Уже обращалось внимание на присутствие в древних костенковских кремневых собраниях архаических, мустьерских черт (П. П. Ефименко, А. Н. Рогачев, А. П. Окладников). Они особенно четко выступают в инвентаре Костенок XII (начиная с нижнего горизонта), Маркиной горы (2-й слой), Стрелецкой II (из нижней толщи погребенного гумуса), стоянок Городцовской [15] и Тельманской [16]. Это наблюдение дало повод А. Н. Рогачеву видеть здесь мустьерские традиции культур типа Чокурча, Киик-Коба, Ильской [17]. Еще дальше в своих сопоставлениях пошел А. А. Формозов, отождествляя черты кремневого инвентаря из Староселья в Крыму с мустьероподобным инвентарем донских стоянок. А. А. Формозов скло-

---

[12] Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1952; В. П. Шилов. К изучению палеолита Нижнего Подонья. КСИИМК, вып. 64, 1956.

[13] П. И. Борисковський. Палеолітичне місцезнаходження біля м. Амвросіївки, Археологія, т. V, Київ, 1951; И. Г. Пидопличко. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. КСИА, вып. 2, 1953.

[14] И. П. Герасимов и К. К. Марков. Ледниковый период на территории СССР. Тр. Ин-та географии, вып. 33, 1939.

[15] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки..., рис. 12, 13, 15, 29, 30, 33, 37, 54, 57.

[16] П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Тельманское палеолитическое поселение.

[17] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки..., стр. 40.

нен даже обосновать передвижение некоторых племен Крыма с протосолютрейским инвентарем на Русскую равнину [18]. Однако такое решение этого вопроса представляется нам односторонним и шатким, если не учесть материалов Сталинградской стоянки (Сухая Мечетка), удивительно похожих и даже повторяющих формы и приемы обработки кремня, отмеченные для крымских и кавказских мустьерских стоянок, а также, как теперь выясняется, мустьерских стоянок порожистой части Днепра. Обращаясь к фактическому материалу, не трудно отметить черты действительно поразительного сходства, например, между остроконечниками, представленными одно- и двухсторонне обработанными орудиями — то широкими, то с симметрично расположенным острием, то с несколько отклоненным от длинной оси. Даже в деталях обработки можно отметить тождество приемов (например, в ступенчатой ретушировке, оставлении возвышенной спинки у остроконечников или скребел, обработке овальновытянутых форм орудий типа так называемых скребел). Почти все названные признаки более или менее отчетливо выступают во всех мустьерских, а точнее позднемустьерских, местонахождениях Европейской части СССР и Кавказа.

Как правильно было отмечено, многие позднемустьерские черты запечатлелись и в инвентаре донских стоянок, что подчеркивает несомненную типологическую близость их к позднемустьерскому инвентарю южной половины Европейской части СССР и Кавказа. Таким образом, предположение о генетической близости мустьероподобного инвентаря из донских стоянок с инвентарем из Сухой Мечетки может быть подтверждено морфологической близостью кремневого инвентаря.

Такой путь сопоставлений более естественный, территориально близкий и объясним вынужденным переселением мустьерских племен в эпоху хвалынской трансгрессии из Волжского в Донской бассейн, на восточную окраину Средне-Русской возвышенности. Возможно, что здесь же несколько позже нашли себе пристанища теснимые с запада суровыми условиями оледенения центральноевропейские палеолитические племена, придавшие местной позднемустьерской культуре верхнепалеолитические черты. Однако процесс этот не имел слишком локального характера. Открытия последних лет, сделанные в районе порожистой части Днепра, показали вероятность наличия широкой подосновы для позднего палеолита Восточной Европы в виде хорошо выраженныхмустьерских памятников.

До недавнего времени мустьерские местонахождения в южной половине Европейской части СССР были известны по отдельным находкам (кроме Крыма). Наиболее выразительными из них были кремневые изделия, найденные на р. Деркул (район Луганска), и несколько кремней из оврага ус. Кодак (район Днепропетровска), обнаруженных вместе с плейстоценовой фауной. Позднее к ним прибавились датированные ранним и среднепалеолитическим возрастом многочисленные отдельные находки или группы находок, обнаруженные в Донбассе и в Приазовье и связанные с хорошо выраженными стоянками на Кубани и в Закавказье.

Совсем недавно А. В. Бодянский открыл в районе порожистой части Днепра к югу от Днепропетровска у сел Васильевка и Петрово-Свистуново, две стоянки с великолепным набором мустьерских орудий.

Инвентарь из Васильевки носит отпечаток леваллуазских традиций. Комплекс же из Петрово-Свистуново представлен типичными позднемустьерскими формами, аналогичными крымским (например, из Староселья или Шайтан-Коба). Более ранними выглядят некоторые орудия, происходящие из гравиев у с. Романково в районе Днепродзержинской ГЭС и подобранные здесь С. К. Накельским при выемке котлована для здания станции Кременчугской ГЭС.

---

[18] А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1959, стр. 121—123.

Значение этих находок для истории заселения Европейской части СССР в среднепалеолитическое время трудно переоценить.

Обращает на себя внимание, что расселенность мустьерских племен с морфологически близким кремневым инвентарем не переходит границы 49° северной широты. Наиболее северными стоянками с ярко выраженными мустьерскими чертами остаются Молодова 1 на Днестре, Петрово-Свистуново на Днепре, Сталинградская стоянка на Волге.

Можно говорить о большой топологической близости инвентаря Днепровских и Сталинградской мустьерских стоянок как между собой, так и с более южными местонахождениями Крыма (Староселье), Северного Кавказа (Ильская) и Закавказья (абхазские местонахождения).

В порядке предположения можно заключить, что мустьерские и более ранние местонахождения южной половины Европейской части СССР близки по происхождению к кавказским (если рассматривать кавказский палеолитический массив, как часть переднеазиатского ранне- и среднепалеолитического ареала). В решении вопроса о значении кавказских обществ в истории заселения южной половины Восточной Европы в раннее среднепалеолитическое время большое место принадлежит исследованиям в Крыму, на Северном Кавказе, в Грузии, Осетии, Карачарово-Черкессии, Дагестане, Азербайджане, Армении, где открыто большое число мустьерских местонахождений (С. Н. Замятнин, С. А. Сардарьян, М. З. Паничкина, В. П. Любин, Д. И. Тушабрамишвили, В. Г. Котович, А. А. Формозов, М. М. Гусейнов) [19].

Мустьерские стоянки Европейской части СССР, расположенные в границах до 49° северной широты,— это своего рода форпосты, отмечающие продвижение мустьерских обществ с юга. Исследователи палеолита Кавказа доказали возможность широких передвижений первобытного человека даже в зонах, казавшихся раньше по геологическим и палеогеографическим соображениям недоступными (В. П. Любин).

В свете новых данных инфильтрация первобытных групп с Кавказа в ашельское время «в направлении Кубани, Дона и Волги» не может быть исключена [20]. Оставление высокогорных районов Кавказа, видимо, произошло уже в хазарское время, соответствующее рисскому похолоданию в Европе. В эту эпоху происходит значительное опускание снеговой линии и резко ухудшаются условия жизни, особенно в высокогорных районах Кавказа. Может быть, именно поэтому, как и на Волге, поздний палеолит почти не представлен на Кавказском высокогорье и в северной полосе предгорий, хотя великолепно выражен в южном предгорье.

Таким образом, уже сейчас открываются возможности для установления генетической связи между мустьерскими памятниками южной половины Европейской части СССР и памятниками мустьерской культуры Крыма и Кавказа. Значит ли это, что отмечая только один путь, один источник заселения южной территории Европейской части СССР, мы тем самым вовсе исключаем возможности инфильтрации мустьерских племен с запада. Вопрос этот требует дополнительных исследований. Судя по относительно малой плотности распространения мустьерских памятников в Румынии, Болгарии и Венгрии, эти территории не могли явиться центрами, откуда шли передвижения мустьерцев на восток. Очень ограничены наши

---

[19] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Тр. Ин-та абхазской культуры. Сухуми, 1937; его же. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, т. XII, Л., 1949; его же. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. Сб. МАЭ, т. XIV, Л., 1953; его же. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. БИЭ, т. XVI, 1951; В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. СА, XXVII, 1957; его же. Палеолитические находки в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 54, 1954; его же. Нижнепалеолитические находки на Тереке. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. 13, 1957; В. П. Любин, А. А. Формозов. Изучение нижнего палеолита в СССР за последние 10 лет. Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов М., 1956.

[20] В. П. Любин. Палеолит Турции..., стр. 90.

сведения и о распространении мустьерских находок на территории между восточными областями Чехословакии, Польши и Средне-Русской возвышенности. Наиболее вероятно предположение, что селетский элемент в костенковских комплексах связан с местной мустьерской подосновой, корни которой уходят в южные области — Кавказ и Крым. Возможно, что и мустье Среднего и Нижнего Поднестровья тоже не будет оторвано от этих южных зон.

2

Хорошо известно, что период позднего палеолита на территории Европейской части СССР представляет собой одну из сложных, запутанных страниц истории. Если более или менее основательно освещены некоторые вопросы истории культуры, установлены отдельные зоны размещения позднепалеолитических памятников, то вопросы хронологии и происхождения позднепалеолитических культур разработаны еще недостаточно.

Можно определенно говорить о том, что несмотря на отдельные локальные различия в культурах позднего палеолита, они все же представляют собой огромный Евразийский массив, занимающий в широтном направлении колоссальную площадь — от Атлантики на западе до Восточной Сибири включительно. Даже не разделяя его, как это предложил С. Н. Замятнин, на три области [21], нужно все же считаться с культурно-историческими взаимодействиями между намеченными областями, в том числе и с обменом населения. А. П. Окладников привел убедительные доводы в пользу участия европейских племен в сложении позднепалеолитических культур Сибири, обоснованно раскритиковав предположения О. Н. Бадера об изолированности Сибири от Европейской части СССР водным барьером в плейстоценовое время [22].

В изучении взаимосвязей между отдельными ареалами палеолитических культур и разработке вопросов хронологии большое место принадлежит памятникам южной и юго-западной половины Европейской части СССР. Только на Украине насчитываются сотни палеолитических и мезолитических поселений [23]. Не мало их в Белоруссии и в среднерусских областях РСФСР.

Особое значение палеолитических памятников Европейской части СССР определяется их центральным положением по отношению к западным памятникам приледникового ареала, восточным — связанным с сибирско-китайской областью и южным — принадлежащим к средиземноморско-африканскому или каспийскому ареалу.

В свою очередь каждая из названных крупных палеолитических областей может рассматриваться в пределах внутренних зон или районов, отмеченных своими физико-географическими и культурно-историческими

---

[21] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.

[22] А. П. Окладников. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. СА, XXI, 1954; О. Н. Бадер. Позднечетвертичные палеоантропологические находки в Среднем и Нижнем Поволжье. БКЧП, № 18, 1953; его же. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950; его же. Некоторые проблемы первобытной истории Урала. Уч. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3, 1956.

[23] М. Рудинський. Деякі підсумки та завдання палеонтологічних вивчень в межах УРСР. Антропологія, т. IV, Київ, 1931; его же. З матеріалів до вивчення передісторії Поділля. Антропологія, т. II, 1929; Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, Новосибирск, вып. V, М.—Л.— Новосибирск, 1934; G. Bonch-Osmolovsky and V. Gromov. The Paleolitic in the Union of the Soviet Socialist Republics. Доклады на XVI геологическом конгрессе в 1933 г., Вашингтон, 1936; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953; О. П. Черныш. Карта палеоліту УРСР. Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР, т. II, Київ, 1954.

чертами. Так, например, в результате многолетних исследований поздний палеолит Украины может рассматриваться в границах условно наметившихся районов по бассейнам крупных рек (Днепра, Десны, Южного Буга, Днестра и Прута) и по ландшафтным зонам — причерноморско-азовской (Крым, Степное Приазовье), лесостепной, включающей полосу средних течений рек Днепра, Южного Буга и Днестра, и лесной — бассейн Десны, а также Припять, Сож и Судость.

Позднепалеолитические поселения в пределах очерченных территорий имеют свои отличия так же, как и общие признаки, позволяющие работать над синхронизацией их между собой и в более крупных масштабах.

Однако пока еще трудно проследить культурно-исторические связи позднего палеолита Украины с предшествующим мустьерским временем. Это удается установить для крымских мустьерских местонахождений типа Шайтан-Коба — Сюрень I (нижний горизонт). Слабо улавливаются также и культурно-исторические связи между позднепалеолитическими племенами севера и юга Украины, так же как, например, между днепровскими, бугскими и днестровскими позднепалеолитическими памятниками. Больше накопилось данных о связи позднепалеолитических памятников полесского района или Десны с восточными и северо-восточными районами (особенно при изучении и сопоставлении форм домостроительства; например, Мезин, Гонцы, Елисеевичи, Супонево, Авдеево, Костенки, Тельманская) и с западом (стоянки Словакии).

Вот один из примеров выделения палеолитического района, сложившегося под воздействием, вероятно, разных культурно-исторических влияний. После работ Г. А. Бонч-Осмоловского, установившего принадлежность Крыма к обычному для Западной Европы пути развития палеолитических культур, получили распространение и другие соображения о принадлежности крымского палеолита к капсийской или средиземноморско-африканской палеолитической области (С. Н. Замятнин, П. П. Ефименко, С. Н. Бибиков, Е. А. Векилова). С тех пор прошло уже много времени, появились новые материалы, сглаживающие слишком противоположные результаты имевшей место полемики.

Г. А. Бонч-Осмоловский, как последовательный эволюционист, большой поклонник схемы Мортилье, безуспешно пытался найти в Крыму недостающие звенья эволюционной схемы — солютре и мадлен в том их проявлении, какое наблюдается на Западе. Такого положения установить ему не удалось. Однако великолепно владевший методом исследования Бонч-Осмоловский показал, что инвентарь той же Сюреньской I пещеры представляет три фации (как ему представлялось, ориньяка). Дальнейшие исследования подтвердили принадлежность к ранней поре верхнего палеолита, во всяком случае, нижнего горизонта Сюрень I. Важно, что, опираясь на сюреньские и другие аналогичные материалы, Бонч-Осмоловский показал связь их с западноевропейским поздним палеолитом. Сейчас вопрос о солютрейском комплексе вновь возникает, когда речь заходит даже о памятниках Русской равнины, например, Костенок I, где отмечаются находки микропластинчатых и других видов изделий, созвучных с сюреньскими. Итак, инвентарь Сюрень I, особенно нижнего и среднего слоев, действительно можно сопоставлять с кремневыми комплексами, принадлежащими стоянкам, относимым к приледниковому или атлантическому варианту развития верхнепалеолитических культур. Таким образом, комплексы кремневых изделий из Сюрень I, содержащие полиэдрические резцы, ладьевидные скребки, скребки высоких форм, различные нуклевидные формы, пластинки типа шательперрон, граветт и микропластинки с притупляющей и противолежащей ретушью, указывают на возможность сближения сюреньского комплекса с комплексами «атлантических» стоянок; это и показал Г. А. Бонч-Осмоловский. Что касается мезолитических поселений Крыма, условно относимых к азильско-тарденуазской ступени, то и здесь Г. А. Бонч-Осмоловский имел основание сопоставлять их с запад-

ными комплексами. Итак, отсутствие в Крыму типичных для запада стоянок солютрейского и мадленского типов и дали повод к отнесению Крыма к капсийскому варианту. Следует все же отметить, что и на территории, значительно превышающей крымскую палеолитическую область, т. е. на всей Европейской части СССР, тоже нет солютрейско-мадленских памятников, в том представлении, в каком они рисуются нам по западноевропейским местонахождениям. Таким образом, предстоит задача выделения устойчивых признаков, позволяющих заполнить культурно-историческую брешь в хронологии позднего палеолита Крыма, даже признавая за Крымом чисто капсийский вариант. Речь идет о передатировке нижних горизонтов Шан-Кобы, Фатьма-Кобы, остатков из навеса Буран-Кая и др. Типологическое родство инвентаря из этих стоянок, даже с верхним горизонтом Сюрень I, устанавливается еще довольно ненадежно, хотя для доказательства преемственности между верхним слоем Сюрени I и так называемыми азильскими слоями крымских местонахождений, Е. А. Векиловой затрачено немало усилий [24]. Стратиграфическое же положение так называемых азильских слоев над слоями, представляющими позднюю фазу мезолита (тарденуаз) и наличие в них архаических видов фауны (гигантский олень (?) пещерный лев, овцебык, сайга), дают возможность пересмотра датировки некоторых «азильских» комплексов. Может быть, окажется возможным сблизить их во времени с мадленскими местонахождениями Запада [25]. Об этом, может быть, и не стоило сейчас говорить, если бы не находки гарпунов из рога благородного оленя, обнаруженные в Мурзак-Кобе и Кара-Кобе. Гарпуны из этих местонахождений типологически вовсе не похожи на известные классические азильские гарпуны Западной Европы. Однако их внешний облик, форма зубцов и крестовидная конструкция насада очень напоминает мадленские, отличаясь от последних уменьшенными пропорциями [26].

Палеолит Крыма, видимо, сочетает «атлантические» и «капсийские» черты, как бы отражая географическое положение Крыма по отношению к двум этим областям. Впрочем, и ранние фазы палеолита Крыма, как это устанавливается в свете замечательных открытий ашельских комплексов на Кавказе (пещера Кударо и др.), имеет свои провинциальные признаки. Здесь не созрел кремневый инвентарь, включающий универсальную форму — ручное рубило, зато в ашельское и раннемустьерское время бытовала так называемая аморфная техника.

С точки зрения установления культурно-исторической хронологии и древних связей между палеолитическими областями, важное значение имеют памятники бассейнов Десны и Днестра. Геологическая и культурно-хронологическая схема, предложенная для памятников Десны, остается мало измененной (М. В. Воеводский, В. И. Громов, И. Г. Пидопличко) [27].

Хронологическая колонка днестровского палеолита начинается с нижнего палеолита (Лука-Врублевецкая, Выхватинцы) [28] и завершается самы-

---

[24] Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, № 59, 1957.

[25] Следует иметь в виду, что в капсийских памятниках микролитизация и геометризация кремневых орудий возникает задолго до появления ее в приледниковых палеолитических стоянках Европы.

[26] С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, табл. I.

[27] В. И. Громов. Геологический возраст палеолита на территории СССР. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950.

[28] А. П. Черныш. Краткие итоги исследований позднего палеолита Среднего Поднестровья. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. XII, М., 1957; его же. Многослойная стоянка Молодова 5. КСИИМК, вып. 67, 1957; его же. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. КСИИМК, вып. 69, 1957; И. К. Иванова. О геологических условиях нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднепровья. Тезисы докладов Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Секция ископаемого человека. М., 1957.

ми поздними фазами палеолита (Фрумушика I). Стратиграфические разрезы подкрепляют культурно-хронологическое членение палеолита Днестра, выявляя даже некоторые фациальные его особенности (Молодова 5).

Раскопки палеолитических стоянок на Днестре, проведенные в последнее время, осветили хозяйственную жизнь, культуру и бытовой уклад древнейших охотников, обитавших в приледниковых условиях на Днестре. Выявились следы жилищ, стали массовыми находки остатков фауны, добыты многочисленные и хорошо стратифицированые изделия из кремня, кости и рога. Найдены замечательные изделия, рисующие производственную и духовную жизнь палеолитического человека, в том числе и вырезанные из рога оленя «жезлы» (в одном случае они находились как бы в связке). Кстати, «жезлы» позволяют палеолит Среднего Поднестровья сопоставлять с палеолитом средней полосы Европы и бассейном Дона (Костенки).

Опубликованные крупные труды по палеолиту Украины [29] позволяют не останавливаться подробнее на значении этой территории в истории палеолита не только Восточной Европы. Связи украинского палеолита с западноевропейским и палеолитом Русской платформы неоднократно служили предметом плодотворных исследований. Именно это обстоятельство определило ведущее положение памятников палеолита Украины в разработке периодизации палеолита Восточной Европы.

В свете последних открытий история первобытного человека на территории Восточной Европы очень обогатилась. Определяются новые подходы к изучаемому материалу. Расширение круга источников позволяет обратиться к новым объяснениям исторических явлений, учитывая и внутреннее развитие человеческих обществ в пределах изучаемых территорий и факторы расселения первобытных групп, скрещения их культур и т. д. Намечаются определенные общие закономерности в сложном историческом калейдоскопе возникновения культурных общностей. Стало ясным, что историю древнего человека, заселявшего Юго-Восточную Европу, нельзя рассматривать только в свете автохтонного развития и западных связей. Становится необходимым обратиться к восточным путям, связывавшим в древне- и среднепалеолитическое время Юго-Восточную Европу с Кавказом и Передней Азией. Представляется также вероятным по-иному, с большим количеством фактов решать труднейшие проблемы, связанные с изучением палеолита. Здесь действительно непочатый край работы, в том числе и в области разработки вопросов относительной и абсолютной хронологии.

---

[29] П. П. Ефименко. Первобытное общество; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.— Л., 1953.

Ю. Ф. НОВИКОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ

Переход от собирательства растений к их возделыванию, совершенный человеком в эпоху раннего неолита, являлся первой, бесспорно, самой крупной хозяйственной революцией, ибо он покончил с так называемой «присваивающей» экономикой и позволил воздвигнуть первые цивилизации. Археологические данные, относящиеся к этому времени, скудны и оставляют много места для самых разнообразных толкований. Однако решение вопроса о движущих силах древнейшего экономического переворота имеет большое значение для историка, и если мы не в состоянии пока что прийти к окончательным выводам о причинах возникновения земледелия, то следует хотя бы правильно поставить эту проблему.

Еще Ч. Дарвин указывал на то, что земледелие развивается из систематического собирательства диких растений [1].

Тезис возникновения земледелия из собирательства общепринят, поэтому нет никаких оснований приводить лишние доказательства в его пользу.

В настоящее время признано, что в эпоху, непосредственно предшествовавшую возникновению земледелия, люди уже познали многие общие законы жизни растений, обладали высокоразвитой техникой собирания и обработки плодов и, возможно, в некоторых случаях практиксвали уход за дикорастущими растениями. Эти предположения подтверждаются богатым этнографическим материалом. Известно, например, что многие не знакомые с земледелием народы употребляли в пищу ядовитые или непригодные к употреблению в сыром виде плоды, превращая их путем варки или поджаривания на огне в хорошо усвояемый высокопитательный продукт. Высоко стояла и техника консервирования [2]. На высшей стадии развития собирательства людям, по-видимому, становится известна посуда, употребляемая также для хранения продуктов [3].

Таким образом, ко времени возникновения земледелия человек обладал относительно развитыми производительными силами, обеспечившими возможность перехода к производительной экономике. Технический уровень был настолько высок, что исследователи часто затруднялись провести границу между земледельческими и неземледельческими племенами. Так, ряд малайских неземледельческих народностей производил преднамеренный посев плодов дуриона и даже ухаживал за этими посевами. Поэтому переход от собирания растений к их возделыванию казался многим историкам первобытного общества очень простым и легким: ведь «дикарь» уже знает, что посаженный плод вырастет в дерево и даст полезный урожай,

---

[1] Ч. Дарвин. Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания. М., 1948.

[2] Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, М.—Л., 1929, стр. 80, 81, 92; Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 104—105.

[3] Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934; его же. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

природа уже шепнула ему на ухо тайны произрастания, и остается идти и обрабатывать землю. Вот почему К. Вейле пишет: «Земледелие легко возникает из забавы или благодаря случаю и быстро приводит к той форме неглубокой обработки почвы, которая в настоящее время называется мотыжным земледелием» [4].

Однако подобное решение не выдерживает критики и опровергается историческими фактами.

Известно, что в свое время бразильское правительство пыталось «привить» земледелие племени бороро. Это племя было наделено землей, орудиями для ее обработки, семенами и прошло курс «обучения» под руководством квалифицированных «учителей». Но розданные семена, равно как и посаженные «учителями» плоды маниоки, были незамедлительно съедены «учениками», полученные же топоры — использованы для валки деревьев «пики» с целью собирания их плодов [5]. Известны и другие примеры отказа от занятий земледелием у племен Африки, негритосов о. Лусон и др.

Характерно, далее, что многие народности Южной Америки, Африки, Азии, столетиями соседствовавшие с высококультурными земледельческими племенами и имевшие с ними прочные связи, все же не воспринимали «идеи» земледелия.

Объяснение этих фактов «психологической неподготовленностью» отсталых народов, приводимое Ю. Липсом [6], едва ли намного лучше расистских утверждений о неспособности «дикарей» к восприятию цивилизации. Между тем только к такой трактовке вопроса можно прийти, если продолжать рассматривать возникновение земледелия как «изобретение» или «осознание идеи возделывания растений», приходящее в момент, когда человек «психологически подготовлен» к восприятию этой идеи.

По существу здесь мы имеем дело с чистейшим идеализмом, настолько глубоко проникшим в сознание даже историков-марксистов, что сплошь и рядом в монографиях и статьях можно прочесть: «Земледелие было изобретено женщиной» [7]. Этот лейтмотив повторяется и в последнем издании книги М. О. Косвена «Матриархат». (М.— Л., 1948). У такого крупного материалиста, как Джон Бернал, мы находим такие строки: «Изобретение земледелия едва ли является много большим, чем такое понимание этого случайного явления, которое достаточно ясно для оправдания практики посева злаков в качестве умышленного жертвоприношения хорошей пищи с тем, чтобы иметь более обильный ее возврат в следующий сезон» [8]. Нужны особые обстоятельства, которые заставили бы от сравнительно легкого собирательства перейти к тяжелому земледельческому труду.

Великая промышленная революция конца XVIII в. была не просто совокупностью отдельных изобретений, а необходимостью, вытекавшей из закономерного развития общества в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Анализируя причины этой революции, К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли ее движущие силы, доказали неизбежность революционных переворотов в области производства, неизбежность появления, в частности, самих изобретений, которые казались многим буржуазным ученым исключительно продуктом «гения изобретательности».

«Человечество ставит себе,— писал К. Маркс,— всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда

---

[4] К. Вейле. Первобытное общество и его хозяйство. М.—Птгр., 1923, стр. 27—28.
[5] Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.
[6] Ю. Липс. Ук. соч., стр. 101 сл.
[7] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II., Л., 1947, стр. 17; Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 60.
[8] Дж. Бернал. Ук. соч., стр. 60.

материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[9].

Когда мы говорим о социальной революции, то упоминаем и об условиях, подготавливающих ее, и о необходимости ее свершения. Иными словами, речь идет о противоречиях между развитыми производительными силами и производственными отношениями, форма которых препятствует дальнейшему развитию производительных сил; мы говорим, таким образом, о противоречиях формы и содержания. Именно подобные противоречия лежат и в основе развития самих производительных сил, в частности в основе развития техники производства материальных благ.

В этой плоскости и должен быть поставлен вопрос о возникновении земледелия. К сожалению, до сего времени в крупнейших работах в области археологии и истории первобытного общества мы находим такие ничего по существу не значащие фразы, как: «земледелие непосредственно развилось из собирательства... Наблюдения над произрастанием собиравшихся человеком съедобных зерен привели в конце концов к попыткам регулировать это произрастание»[10].

В ряде других исследований, правда, имеются попытки представить переход к земледелию как вынужденный, однако для обоснования такой точки зрения привлекаются не внутренние закономерности развития экономики, а лишь внешне воздействующие факторы. Так, Г. Чайлд считает, что к возделыванию растений человек перешел в связи с ухудшением климата[11]. Привлечение географическо-климатических факторов к объяснению появления земледелия особенно характерно для части современной зарубежной науки, все еще стоящей на почве географического детерминизма. Возникновение земледелия обычно связывается либо с весьма благоприятными географическими условиями, либо, напротив, с неблагоприятными, с которыми человеку приходилось бороться[12]. Характерно также и мнение, высказанное Н. А. Пономаревым в его работе по истории техники мукомольного производства, согласно которому земледелие возникло в связи с необходимостью «воспроизводить хищнически истреблявшиеся средства существования».

Последняя точка зрения возникла в связи с распространенным убеждением о «паразитической» экономике доземледельческого хозяйства, базирующегося на исключительном присвоении и разграблении природных богатств.

Ниже мы постараемся показать, что это убеждение является очень мало обоснованным; пока же следует заметить, что первобытное общество никогда не истребляло животных и растений больше, чем ему было нужно, регулируя их добычу целой системой разумных запретов. До вторжения европейцев в Америку, Африку, Австралию эти страны изобиловали ценнейшими породами животных, истребление которых — «заслуга» не «дикарей», а «цивилизаторов».

Наиболее распространенной точкой зрения на причины перехода к земледелию до сих пор является гипотеза о «перенаселенности», согласно которой рост населения объявляется главнейшим фактором развития экономики. Тесно к ней примыкает мнение о том, что земледелию человека научил голод. В марксистской литературе эта теория подвергалась критике неоднократно. Ни о какой абсолютной перенаселенности в эпоху неолита говорить нельзя; даже в течение исторической эпохи всегда имелись обширные незаселенные пространства, где сохранялись самые примитив-

---

[9] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 8.

[10] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 49.

[11] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 57; см. также В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1953, стр. 166.

[12] П. Гуру. Азия. М., 1956, стр. 74; Л. Вулли. История научного и культурного развития человечества. Вестник истории мировой культуры, 1957, № 1—2, гл. 1—3.

ные формы хозяйства. Бесспорно, что рост населения влиял на развитие общества, но возводить его в абсолют было бы крупной ошибкой [13].

Проблему возникновения земледелия можно было бы разрешить только в том случае, если последовательно установить: 1) связи земледелия с собирательским хозяйством; 2) условия возникновения земледелия; 3) причины, повлекшие за собой необходимость перехода к земледелию. При этом нельзя отдавать предпочтение ни одному из изучаемых факторов, необходимо рассматривать их действие в совокупности.

Прежде всего следует подчеркнуть еще раз ту неоспоримую истину, что земледелие — не изобретение и не случайная находка, а определенная ступень в экономическом развитии общества; как таковая она тесно связана с предыдущими этапами прогресса, т. е. с охотничье-собирательским хозяйством. Эволюция последнего в течение многих тысячелетий привела к созданию развитой формы хозяйственной деятельности, которая характеризовалась: а) знанием природы растений (идея их возделывания уже усвоена человеком, он знает, что растение вырастет, если посадить в землю его плод); б) совершенной техникой собирания и обработки плодов растений; в) развитой техникой и технологией хранения и консервирования продуктов; г) общим ростом охотничьей и рыболовческой техники; д) оседлостью.

Уровень развития производительных сил, характеризующийся перечисленными факторами, как это установлено археологией и подтверждается этнографией, был достигнут в эпоху раннего неолита.

Было бы ошибочным отрывать проблему возникновения земледелия от проблемы происхождения культурных растений, решать их следует совместно; поэтому мы сразу же должны обратиться к данным палеоботаники и проследить связь между собирательством и возделыванием культурных растений. Надо сказать, что до настоящего времени связь между историческими и растениеводческими науками была недостаточной, благодаря чему их теории о времени возникновения земледелия оказались противоречивыми. Если история и археология относят это время к раннему неолиту, т. е. не далее чем к VII—VI тысячелетиям до н. э., то растениеводы склоняются к значительно более внушительным датам. В самом деле, анализируя остатки растений, возделывавшихся в V—VI тысячелетиях до н. э., проф. К. Фляксбергер пришел к выводу, что уже в эту эпоху возделывали злаки того же культурного типа, что и в настоящее время [14]. К аналогичным выводам пришли датские ученые, обнаружившие на полях древнейших земледельцев Северной Европы те же сорняки, которые растут на них и по сей день, являясь своеобразным продуктом искусственного отбора [15].

Список подобных заключений можно было бы продолжить. Если согласиться с этими заключениями (а в их обоснованности сомневаться трудно), то придется согласиться и с тем, что между пшеницей эпохи Древнего Царства и ее дикими прародичами лежит почти столь же огромная пропасть, что и между этими последними и современной пшеницей.

Таким образом, то, что археологи считают началом земледелия, растениеводами принимается за его относительно развитую ступень. Действительно, если предположить, что земледелие началось с возделывания диких злаков, которые путем чрезвычайно медленного бессознательного отбора превратились в культурные, то время существования земледелия должно быть увеличено в несколько раз. Неудивительно поэтому следующее высказывание известного советского растениевода акад. Н. И. Вавилова: «Ближайшее знакомство с культурными растениями, со множест-

---

[13] Н. А. Пономарев. История техники мукомольного и крупяного производства. М., 1955, стр. 9.

[14] К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Архив науки и техники, вып. 2, 1934.

[15] Е. В. Вульф. Историческая география растений. М.— Л., 1949, стр. 392.

вом сортов, дифференциаций их на географические группы... заставляет относить самое происхождение культурных растений к отдаленнейшим эпохам, для которых обычные периоды археологов в пять-десять тысяч лет представляются коротким сроком» [16].

К подобной точке зрения склонялся и акад. В. Л. Комаров, который относил начало земледелия к палеолиту вслед за проф. Детвайлером, считавшим, что культура пшеницы возникла уже 50 тысяч лет тому назад [17]. О таких сроках говорит и А. Декандоль [18].

Однако против столь большой древности земледелия свидетельствуют решительно все данные истории, археологии, этнографии. В эпоху палеолита развитие производительных сил еще не могло обеспечить перехода от так называмого «присваивающего» хозяйства к земледелию.

Это противоречие можно было бы, по-видимому, считать разрешенным, если принять предлагаемую нами ниже гипотезу возникновения культурных растений. По нашему мнению, культурные растения были созданы человеком еще в доземледельческую эпоху путем применения искусственного отбора, который мы называем докультурным.

В самом деле, отбор растений (а также и животных), безусловно, производился значительно ранее, чем появилась любая древнейшая земледельческая (и скотоводческая) культура.

Каковы же формы этого докультурного отбора и условия его существования?

Первым и самым необходимым условием является наличие в данной местности растений, собирание семян и других съедобных частей которых играет важную роль в жизни какого-либо племени. Однако не всякое данное растение могло быть превращено в культурное с помощью примитивной доисторической «селекции». Для метаморфозы дикого растения в культурное необходимо наличие у первого нестойкой начальной наследственности. В этом случае растение легко образует популяции, в которых намечаются комбинации наследственно передающихся признаков, вообще не свойственных данному растению. Большинство культурных растений имеет гибридную природу в связи с нестойкостью наследственной основы.

Таким образом, необходимым условием действенности докультурного отбора является наличие достаточно пластичного растительного материала, легко поддающегося внешнему воздействию. В зарослях такого рода диких растений, например злаков, в условиях скученности на одной площади происходит интенсивное перекрестное опыление; растения резко гетерозиготны. Это вызывает способность растения давать вариации и обусловливает значительную неоднородность потомства. В образовавшейся популяции появляются различные формы с бо́льшими или меньшими различиями, например, в весе семян или времени созревания.

Естественно, что среди таких диких «посевов» древний собиратель выбирал созревшие семена или те, которые считал более ценными. Известно, например, что между весом плода растения и временем его созревания можно установить некоторую зависимость. Так, мелкоплодные формы моркови и свеклы в одних и тех же диких популяциях — раннеспелы, крупноплодные созревают позднее. Собирание урожая подобных растений вызывает искусственное отделение ранних форм от поздних, а значит и отделение особей с крупными от особей с мелкими корнями.

Конечно, такой отбор был чрезвычайно груб, однако, учитывая его длительность, следует считать, что он мог в конце концов привести к некоторому изменению природы растения.

Второй формой докультурного отбора мог явиться непреднамеренный посев семян в слегка удобренную почву древних поселений, во взрыхлен-

[16] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. М.— Л., 1926, стр. 137.

[17] В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.— Л., 1938, стр. 72.

[18] А. Декандоль. Местопроисхождение возделываемых растений. СПб., 1885.

ную землю могил и т. д. В этом случае мы имеем дело с изменением среды, в которой произрастает растение. Оно ставится в более благоприятные условия, обеспечивается избытком питания и относительно ограждается от порчи полевыми вредителями, что способствует более мощному развитию его и получению большего урожая. На высшей стадии собирательства к этим формам отбора присоединяется и уход за растениями. Так, например, Г. Кунов сообщает, что семанги и сенои, не занимавшиеся земледелием, практиковали подрезку крон деревьев, чтобы добиться появления на них новых побегов внизу ствола. Для сокращения до минимума потерь семян дуриона сенои часто вырубали участки леса вокруг этих деревьев, мелкий кустарник и ежегодно расчищали около них почву.

Другое малайское племя, безизи, впоследствии перешедшее к земледелию, занималось преднамеренным разбрасыванием семян съедобных плодов с целью распространения данного вида растения [19].

В течение десятков или сотен тысячелетий существования собирательского хозяйства человек способствовал быстрому распространению употребляемых им в пищу растений. Растения и их семена переносились людьми часто на большие расстояния от места их произрастания. Такое резкое изменение почвенно-климатических условий жизни растения значительно ослабляло его наследственную стойкость. Благодаря этому могли появляться сложные циклы гибридов, обладающих совершенно новыми свойствами. Тысячелетний отбор той или иной расы гибридного происхождения в условиях жестокой борьбы за существование приводил к появлению мелких сдвигов в составе популяций, с течением времени — к появлению новых экотипов и новых растений окультуренного вида.

Конечно, формы докультурного отбора кажутся слишком слабодействующими, но ведь они применялись уже на заре человеческого общества, т. е. еще сотни тысяч лет тому назад. О том, какое огромное значение имеет даже непреднамеренное вмешательство человека в дела природы, свидетельствуют сорняки, являющиеся также произведением рук человека. Длительная борьба с сорняками привела к появлению на наших полях таких невероятно живучих растений, как осот и пырей. И это произошло хотя и помимо воли человека, но благодаря применению им своеобразного отбора.

Человек никогда не был полностью рабом окружающего его мира: с первых своих шагов он выступает как творец нового, как великий преобразователь природы. Если признать, что создателем культурных растений наряду с земледельцем может считаться и его более отсталый предшественник, то станет очевидным, что собственно «присваивающей» экономики человеческое общество не знало; в течение всего своего существования оно в большей или меньшей степени присваивало продукт предшествующей, прошлой трудовой деятельности людей. Иначе и не могло быть в силу преобладающего характера общественного труда, в какой бы хозяйственной форме он ни осуществлялся. Таким образом, одной из важнейших связей между земледельческим и собирательским хозяйством было существование и в том, и в другом примитивных форм искусственного отбора. К числу завоеваний собирательской экономики, доставшихся в наследство земледелию, относятся, по нашему мнению, и культурные растения. Земледелие как бы вырастало из собирательского хозяйства, внутри которого появлялись и крепли особенности, специфичные для земледелия. Каковы же были условия отмирания одной экономики и возникновения другой?

Переход к земледелию был первой великой экономической революцией, которая в течение одного-двух тысячелетий (охота и собирательство были господствующими формами хозяйства сотни тысячелетий) преобразовала лицо земли. Эта революция могла произойти лишь благодаря

[19] Г. Кунов. Ук. соч., стр. 92.

значительному развитию производительных сил в виде совокупности средств добывающей и обрабатывающей техники. Увеличение производительности труда во всех формах первобытного хозяйства (собирательство, охота, рыбная ловля) привели к оседлому образу жизни людей, тяготевших к основным центрам производства материальных благ (заросли полезных растений, реки в связи с увеличивавшейся ролью рыболовства). В настоящее время общепринято, что оседлость предшествовала земледелию [20]. Каковы же были последствия перехода к оседлости?

Прежде всего она привела к более определенному размежеванию территорий на «сферы влияния» между соседними племенами и родами. Земля приобретает в глазах человека определенную ценность, а поскольку некоторая часть ее (в силу природных условий) оказывается наиболее благоприятной для поселения и добывания пищи, постольку возникает понятие о ее принадлежности. Появляется та форма собственности, которую Маркс и Энгельс называют племенной и которую они относят к неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или земледелием [21].

Описывая быт ряда неземледельческих племен североамериканских индейцев, Энгельс указывает, что отдельное индейское племя в Америке характеризовали собственная территория и собственное имя, причем каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени. «Область, отделенная такого рода не совсем определенными границами, составляла общую землю племени, признавалась таковой соседними племенами, им самим защищалась от захватов» [22].

Таким образом, жизнь племени, а следовательно, и производство материальных благ замыкается внутри определенной территории; возникает локализация производства.

Все эти важнейшие последствия развития производительных сил и перехода к оседлости влекут за собой появление противоречий между производительными силами и теми формами общественного ведения хозяйства, в которых они продолжают функционировать.

Выросший технический уровень, способный обеспечить необходимыми продуктами быстро растущее население, приходит в противоречие с формой хозяйственной деятельности («присваивающее» хозяйство). Последняя ставит преграды дальнейшему увеличению производства. Таким образом, развитые производительные силы в условиях концентрации производства на территории племени не ведут к дальнейшему освобождению человека от подчинения природе. На этой ступени развития человеческого общества оно попадает в усиливающуюся зависимость от стихии и приходит в отдельных случаях к деградации, что, по-видимому, имело место у австралийских племен, в распоряжении которых не было ни годных к культуре растений, ни одомашненных животных.

Собирательство было заменено земледелием не потому, что человек познал секреты произрастания, а прежде всего потому, что старая форма хозяйства уже не соответствовала уровню развития возможностей и потребностей человека. Возникшее противоречие могло быть разрешено лишь отказом от «присваивающей» экономики и переходом к «созидающим» формам хозяйства. Отсюда вытекает и необходимость возникновения земледелия, для которого к тому времени подготовлены все условия — от «идеи возделывания растений» до самих культурных растений.

---

[20] В. М. Слободин. К вопросу о возникновении земледелия. Материалы по истории земледелия в СССР, т. I, М., 1952.

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 20.

[22] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1955, т. II, стр. 234.

Конечно, в ряде частных случаев указанное противоречие разрешалось и другими методами. При благоприятствующих обстоятельствах развивалось интенсивное кочевое скотоводство (оседлое скотоводство способствовало быстрейшему переходу к земледелию). Возможны были, наконец, миграции, захватнические войны.

Процесс отмирания охотничье-ссбирательского хозяйства, конечно, шел постепенно и в разных направлениях, в зависимости от места и времени, поэтому создавать какую-либо догматическую схему такого процесса было бы бесполезно. В нашем очерке мы пытаемся осветить лишь самые общие и основные черты возникновения земледелия.

Земледелие возникло вначале как подсобная форма хозяйства и не играло значительной роли в силу своей примитивности и почти такой же зависимости от природы, как и у предшествующих форм хозяйства. Оно давало вначале лишь некоторый прибавочный продукт. Однако в силу своей революционности оно быстро прогрессировало; появлялись и совершенствовались новые виды культурных растений, человек все более сознательно проводил в жизнь методы искусственного отбора, путем изменения внешних условий воздействуя на природу растений, добиваясь нового развития производительных сил, давших начало не только древней, но и современной цивилизации.

В какой же форме существовало древнейшее земледелие?

Чаще всего, отвечая на этот вопрос, пишут, что земледелие имело вначале «мотыжный» или, реже, «палочный» характер. Однако подобная характеристика ровно ни о чем не говорит. В самом деле, и наиболее примитивное, и высокоразвитое земледелие (китайское огородничество, например) могли базироваться главным образом на мотыжной технике обработки почвы. Уровень развития земледелия принято характеризовать не техникой рыхления земли, а системой мероприятий, направленных на поддержание ее плодородия. В зависимости от характера этих мероприятий различают залежную, переложную, паровую, плодосеменную, травопольную и ряд других современных систем земледелия.

В свое время Л. Морган выдвинул предположение, что земледелие возникло первоначально в форме огородничества [23]. Этот тезис был поддержан Ф. Энгельсом, хотя ни Энгельс, ни Морган нигде не говорят о том, что возделывание растений повсюду и во всех условиях должно было начаться в форме огородной культуры. Тем не менее, в любом учебнике или исследовании первобытного общества мы обязательно столкнемся с этим термином.

Что же принято понимать под «огородничеством» и в чем заключается система мероприятий, которой пользовались древнейшие земледельцы для того, чтобы поддерживать плодородие земли на своих огородах? Заметим, что эта система должна была обеспечить неистощимость почвы, так как, если последняя переставала давать урожаи, ее забрасывали в залежь. В этом случае мы имели бы дело уже с залежной системой, а подавляющее большинство наших историков категорически отрицает возможность возникновения земледелия сразу в виде залежной системы [24].

Обычно под первобытным огородничеством подразумевается возделывание растений непосредственно на территории древнейших поселений. Согласно установившимся воззрениям, почва этих поселений была практически неистощимой, так как постоянно удобрялась отбросами, экскрементами скота и людей [25]. При этом иногда указывается, что первобытное огородничество базировалось не обязательно на возделывании огородных растений [26].

[23] Л. Морган. Ук. соч., стр. 16 сл.

[24] В. М. Слободин. Ук. соч. См. также его докторскую диссертацию «История систем земледелия от возникновения его на территории СССР до Октябрьской социалистической революции». Свердловск, 1951.

[25] Его же. История систем..., стр. 49, 70, 83.

[26] Там же, стр. 49.

Насколько обоснованы эти предположения?

Следует отметить прежде всего, что они вытекают все из той же традиционной точки зрения на земледелие как на изобретение. Считается, что подобное открытие человек легче всего мог сделать близ собственного жилища, случайно рассыпав возле него семена. Обнаружив, что через некоторое время из семян вырастают растения и дают урожай, человек приходит к выводу о возможности преднамеренного посева. Отсюда (согласно все той же «логической схеме» возникновения земледелия) всего лишь один шаг до возделывания растений на территории поселений. Выше мы пытались доказать, что подобная логика не имеет оснований. Если обратиться к археологическим источникам, то окажется, что они совершенно не дают свидетельств о существовании полей на территории древнейших земледельческих поселений.

Бесспорно, что если это земледелие велось лишь на территории поселений и не основывалось на возделывании таких высокопродуктивных культур, как, например, кукуруза и картофель, то оно не могло играть в общей экономике существенной роли и нисколько не заменяло собирательства. Земледелие в Восточном полушарии началось с возделывания сравнительно низкоурожайных злаков, поэтому при расположении полей в местах поселений оно могло обеспечить лишь совершенно ничтожный урожай. Кроме того, хотя почва древнейших поселений, как показывают анализы, сравнительно богата органическими веществами, все же тезис о поддержании ее плодородия за счет бытовых отбросов остается весьма сомнительным.

Прежде всего, этнографические источники свидетельствуют о крайней чистоплотности первобытных народов. Трудно, во всяком случае, представить себе, что отбросы могли равномерно (и в то же время бессознательно) распределяться на поверхности полей. Что касается скота, то он содержался в загонах; пасли же его, конечно, не около жилищ. Вспомним к тому же, что при толочной трехпольной системе скот почти всегда выгоняли на убранное поле. Однако никакого эффекта в смысле поддержания плодородия почвы это не давало и приводило даже к отрицательным результатам. В. М. Слободин в своей докторской диссертации высказывает гипотезу о сознательном использовании удобрений в системе первобытного огородничества [27]. Однако такое предположение вовсе уж нелогично. Откуда мог человек, стоящий у истоков земледелия, знать о необходимости удобрять почву? Все свидетельствует о том, что использование удобрений — достижение значительно более позднее, относящееся, по-видимому, в большинстве случаев уже к исторической эпохе.

Но даже если допустить, что первобытные огороды каким-то образом постоянно удобрялись, то и это еще не свидетельствует о неистощимости их почвы. Ведь плодородие последней зависит не только от содержания в ней пищи для растений, воды и воздуха, но и от ее физического состояния, которое обеспечивает усвоение этих веществ растением. Именно структура почвы является одним из главных условий ее плодородия.

На вопрос, какими способами поддерживалась при первобытном огородничестве прочная структура почвы, по-видимому, никто еще не пытался всерьез ответить. Правда, в докторской диссертации В. М. Слободина мы находим следующее утверждение: «Поддерживание структурного состояния огородной почвы может достигаться лишь за счет большой затраты ручного труда (т. е. тщательного рыхления.— *Ю. Н.*)» [28].

Как пример тщательной обработки почвы на огородах первобытного общества В. М. Слободин приводит описание земледелия у папуасов, взятое им у Миклухи-Маклая. Как известно из этого описания, папуасы рыхлили почву до почти пылевидного состояния. Однако подобное рыхление

---

[27] В. М. Слободин. История систем..., стр. 77 сл.

[28] Там же, стр. 74.

на подавляющем большинстве почв дает отрицательный эффект и допустимо отчасти лишь для некоторых тропических почв. Распыление структурных почв — страшный бич земледельца, и все агротехнические условия на почвообрабатывающие орудия требуют от них минимального распыления при обработке земли. К сожалению, до сего времени мы не имеем таких механических орудий, которые не давали бы распыляющего эффекта. Рыхление почвы (превращение ее в мелкокомковатую структуру), конечно, необходимо, однако, обеспечивая рыхление, орудия вместе с тем и распыляют почву, разрушают ее структуру. Многочисленными исследованиями доказано, что излишняя обработка снижает плодородие[29]. До сих пор не обработка почвы, а как раз ее отсутствие (пар, залежь, травосеяние) являлись способом возвращения почве структурного состояния. Трудно представить себе, что древнейшие земледельцы знали такие методы обработки, которые одни обеспечивали неистощимость почвенного плодородия. Даже современный земледелец во всеоружии агрономических знаний с помощью современной машинной техники не может достичь такого результата, если не прерывает периодически получение со своего поля дохода, высевая на нем траву или оставляя его паровать.

Вообще, если говорить о мотыжной сплошной обработке почвы, то существование ее в эпоху древнейшего земледелия представляется крайне сомнительным в силу ее относительной сложности и тщательности. Характерно также, что при раскопках древнейших земледельческих поселений на территории Европы, Ближнего и Среднего Востока мотыги не найдены, да и в более позднее время встречаются очень редко. Это дало повод немецкому ученому Г. Коте выступить в последнее время с новой гипотезой[30]. Г. Коте считает, что первоначальной формой земледелия было «палочное» земледелие. Одной из наиболее примитивных форм его является так называемое «Pflanzstockbau», при котором с помощью заостренной палки делается вмятина в почве, куда затем опускается семя. Эта форма распространена в Океании наряду с другими, знакомыми с грядковой или сплошной обработкой почвы, но опять-таки с помощью палок-копалок[31].

Гипотеза Г. Коте широко поддерживается в настоящее время за рубежом многими учеными и является, по крайней мере, шагом вперед. Однако она не снимает вопроса об истощаемости почв на древнейших полях. Кроме того, вряд ли обоснованно утверждение Коте о повсеместном применении палочного земледелия. Pflanzstockbau могло быть эффективным лишь при условии возделывания крупных растений, кустарников и деревьев. Таким как раз растением и является таро, возделываемое в Океании с помощью Pflanzstockbau. Но земледелие в Европе и на Ближнем Востоке началось с возделывания злаков, которые требовали уничтожения дикого растительного покрова, а это уже вело либо к огневой системе, либо к более интенсивной обработке почвы. Таким образом, применение палочного земледелия не могло не быть ограниченным, на что правильно указывает А. Я. Брюсов[32].

Предположение о существовании интенсивной обработки на самых первых ступенях развития земледелия вообще не выдерживает критики. Значительно более логичным было бы предположить отсутствие какого бы то ни было рыхления земли в этот период, тем более, что опыта предпосевной обработки человек до момента возникновения земледелия не

[29] O. A. Neal. Adv. in Agronomie, 5. 1953; M. Domsch. Die deutsche Landwirtschaft, 5, 1954; C. G. Forchey. World Crops, 7, 1955.

[30] H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage der neolitischer Anbauformen on Europa, Ethnographisch-archäologische Forschungen, 1, 1953.

[31] H. Damm.Methoden des Feldbau in Ozeanien. Agrarethnographie. Veröff. d. Inst. f. deutsche Volkskunde, т. 13, Berlin 1957; H. Behrens. Kritische Bemerkungen zu einigen Auffassungen. Там же.

[32] А. Я. Брюсов. Рецензия на сб. «Etnographisch-archäologische Forschungen», herausgegeben von H. Kothe und K. H. Otto. ВДИ, 1957, № 2, стр. 182.

мог иметь, ему была известна лишь практика посева в естественный грунт.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что огородничество (в том виде, как его привыкли понимать) не было первичной формой земледелия, по крайней мере в Восточном полушарии.

Исходя из того, что первичные приемы земледелия могли основываться лишь на опыте, который был приобретен человеком на предыдущих ступенях развития его хозяйства, мы считаем, что первоначальная форма земледелия не знала никаких способов поддержания плодородия почвы, не исключая и ее обработки. Из всего цикла сельскохозяйственных работ древнейшему земледельцу были известны лишь посев и уборка урожая. Какие же почвенно-климатические условия могли обеспечить ведение такого примитивного земледелия?

При ближайшем рассмотрении этого вопроса оказывается, что естественные условия, позволяющие земледельцу снимать урожай, не обрабатывая земли, да еще во многих случаях с земли практически неистощимой, не так уж редки. Классическим примером остается долина Нила, хотя ее освоение, по-видимому, началось значительно позже освоения долины мелких рек и речушек, текущих по предгорьям.

Долина Нила обладает неисчерпаемым плодородием, ибо ежегодно в период разлива удобряется и поливается водами реки, несущими в себе огромное количество ила. Вода же и размягчает почву, делая излишней ее предпосевную обработку. Еще в конце XIX в. М. Клинген наблюдал, что посев семян в долине Нила производится зачастую прямо в мокрый ил «без всяких предварительных работ»[33].

Древнегреческие источники подтверждают распространение этого способа в ряде других районов древнего мира. Так, Страбон, описывая древнюю Албанию, указывает на плодородие долин орошающих ее рек: «Протекающий через Албанию Кир и остальные реки, пополняющие его, способствуют производительности почвы. За землею (здесь.— *Ю. Н.*) нет ни малейшего ухода, но все здесь родится несеянным на непаханой почве»[34].

Интересно, что посев семян в необработанную почву дожил на территории, описанной Страбоном, по крайней мере до 1900 г. С. А. Мелик-Саркисян свидетельствует, что еще в 1898 г. на ахмазах и старых руслах Аракса после опада воды и подсыхания свеженанесенного ила «посев производится без предварительной вспашки: семена прямо бросаются в трещины»[35].

Однако долины рек не являлись единственными местами подобного земледелия. Особенно характерны в этом отношении подгорные и горные районы засушливой Передней и Средней Азии и отдельные оазисы этой области. Уже Л. Морган указывал, что происхождение всех злаков и возделываемых растений, вероятно, относится к области больших континентальных гор обоих полушарий[36]. В дальнейшем эта идея была подтверждена исследованиями Н. И. Вавилова[37].

Но если считать, что центры возникновения культурных растений являются одновременно очагами древнейшего земледелия, то именно в изолированных от внешнего мира горах следует искать следы наиболее примитивного земледельческого хозяйства. Действительно, этнография знает такие примеры. Одним из интереснейших является описание Д. Букиничем приемов земледелия по р. Сумбару и в Кюрен-Даге (Туркмения):

---

[33] М. Клинген. Среди патриархов земледелия, т. I, СПб., 1898.

[34] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1893, стр. 141; см. также «Одиссея», IX, 109.

[35] С. А. Мелик-Саркисян. Муганская степь. Естественно-исторический и сельскохозяйственный очерк. СПб., 1897.

[36] Л. Морган. Ук. соч., стр. 143.

[37] Н. И. Вавилов. Ук. соч.

«Для посева выбираются площадки, не более одной-двух десятин у подошвы мергелистых склонов, имеющих небольшую водосборную площадь. Тектоника здешних предгорий дает мелкосопочный рельеф, причем пласты иногда поставлены почти «на голову», так что с небольших кряжиков стекает сравнительно немного воды, ровно столько, сколько нужно для орошения посевных площадок у подошвы. В то же время крутизна склонов и мергелистый состав породы дают сильно иловатые ручейки, наносящие во время весенних дождей легкий кольматажный слой и притом слой рыхлый, пузыристый благодаря содержанию извести в сносимой породе. Последнее условие чрезвычайно важно. Известь делает почву настолько плодородной, улучшая ее физические свойства и усвояемость растениями необходимых элементов, что земледелец никогда не заботится о каком бы то ни было внесении удобрения... Микрорельеф этих площадок настолько удобен для устройства на них поля, что земледельцу не требуется даже прибегать к какому-нибудь выравниванию или сооружениям для напуска воды... Ему даже не приходилось, по-видимому, заботиться первое время о какой бы то ни было предварительной обработке почвы. Наши наблюдения над современными приемами такого лиманного земледелия, практикуемыми на тех же лиманных площадках в Сумбарском и Кюрен-Дагском районах, позволяют сделать это последнее заключение. После того как вода сойдет с затопленных площадок, промоченное поле даже не вспахивается, а зерна пшеницы просто разбрасываются по влажной еще поверхности» [38].

Здесь мы имеем дело, видимо, с наиболее примитивной формой земледелия, не знавшей и не требовавшей обязательной обработки почвы. Восстановление плодородия последней шло исключительно за счет природы, вмешательство человека в ее дела было еще очень небольшим и ограничивалось одним преднамеренным разбрасыванием семян по полю. Вполне вероятно, что таким же было и оазисное земледелие в районах Ближнего Востока. Один из таких оазисов, расположенный в глубокой котловине (900 футов ниже уровня моря) в долине Иордана, известен под именем Иерихона. Долина Иордана сложена из плодородного аллювия, однако из-за сухого климата (описываемый район принадлежит к пустынной зоне со средним коэффициентом увлажнения не более 0,12) представляет собой мертвую пустыню. Однако в районе Иерихона еще чувствуется влияние средиземноморского типа климата с его сухим летом и влажной зимой. Именно в зимний период в Иерихоне выпадает некоторое количество осадков.

В последние годы на территории оазиса К. Кеньон были произведены раскопки древнего Иерихона [39]. Раскопки обнаружили в нижнем слое остатки поселения, датируемого VI тысячелетием до н. э. Многочисленные находки зернотерок, искусно сделанных каменных серпов и других предметов доказывают существование земледельческого уклада жизни у древних иерихонцев. Между тем никаких находок почвообрабатывающих орудий сделано не было, что и отмечает К. Кеньон как «странное обстоятельство» [40].

Между тем на вопрос о форме земледелия в Иерихоне может быть пролит свет, если сопоставить местные климатические условия с условиями Кюрен-Дага. Древний Иерихон находится в ста ярдах от последних предгорий Иудейского хребта. Во время зимних дождей на его территорию должны были попадать многочисленные горные ручьи. Один из них орошает оазис (берет начало в холмах Иудеи), что не могло не привлечь сюда людей. Действие горных потоков могло быть двойным: они могли либо периодически смывать верхний слой почвы, открывая вместе с тем

---

[38] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области. Хлопковое дело, №№ 3—4, 1924, стр. 109, 110, 112.

[39] К. Кеньон. Digging up Jericho. London, 1957.

[40] Там же, стр. 57.

новый слой плодородных речных наносов, либо, наоборот, осаждать на пониженных местах новые отложения, принесенные с гор. В том и другом случае почва оазиса не истощалась.

В пользу этого предположения говорят обнаруженные при раскопках следы эрозии и денудации, являющиеся, по прямому свидетельству К.Кеньон, результатом того, что верхние культурные слои телля Иерихона почти повсюду смыты к подножью холма и использовались населением в виде удобрения (различные остатки глинобитных стен представляют, в сущности, ту же почву). Таким образом, периодический смыв верхних слоев почвы с холмов, соседствующих с Иерихоном, вполне очевиден, а это уже является достаточным условием возникновения лиманного земледелия.

Иерихон, видимо, не является счастливым исключением в этом отношении. На подобные условия «самовосстановления» плодородия почвы для ряда районов Индонезии указывает П. Гуру [41]; нетрудно, вероятно, обнаружить их и в некоторых пунктах Америки и т. д.

Таким образом, лиманное земледелие представляется нам если не единственной, то одной из начальных форм возделывания растений. Конечно, не обязательно оно возникло на неистощимой почве, вполне вероятно, что во многих случаях приходилось забрасывать истощенные или засоленные участки и, значит, практиковать залежную систему. Условия могли быть разными, разными были и формы. Но, во всяком случае, предполагать наличие огородничества, например, для вполне земледельческой культуры Триполья [42] кажется нам совершенно необоснованным. Если земледелие было здесь одной из ведущих отраслей хозяйства, а поля располагались вне поселений, то в связи со всем вышесказанным ни о каком огородничестве не может быть речи. Условий для ведения лиманного земледелия здесь тоже не было. Единственно возможной в этих условиях была залежная система, как это и предполагает С. Н. Бибиков [43].

Подводя итоги, следует сказать, что проблему возникновения земледелия можно решить, лишь связав эпоху первобытной культуры и техники с эпохой и техникой собирательства. В течение эпохи собирательства человек усвоил первоначальные растениеводческие знания и, по нашему мнению, создал культурные (или одомашненные) растения.

При решении поставленной проблемы нужно, далее, отказаться от мысли об «изобретении» земледелия, которое могло возникнуть только в связи с кризисом собирательского хозяйства.

Бесспорно, наконец, и то, что первоначально человек ввел в эксплуатацию лишь те земли, которые не требовали никаких искусственных мер поддержания плодородия, в том числе обработки, ибо опыта таковой у человека до возникновения земледелия не было.

---

[41] П. Гуру. Ук. соч.

[42] Т. Г. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

[43] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953.

Д. Я. БЕРЕНБЕЙМ

КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ ВО ВРЕМЕНА СТРАБОНА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ДАННЫХ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УРОВНЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

Многие исследователи пытались восстановить по данным Страбона очертания берегов Керченского пролива — дать карту Боспора Киммерийского начала нашей эры. Однако скудость сведений, приводимых Страбоном, отсутствие анализа геоморфологических процессов заставляли авторов прибегать к помощи фантазии. Поэтому приводимые К. Герцом [1], М. О. Поночевным [2], С. Ф. Войцеховским [3] и другими авторами палеогеографические реконструкции Керченского пролива представляют собой, как правило, недостаточно обоснованную картину. При этом почти все исследователи исторической топографии Керченского пролива крайне бегло останавливались на северо-восточной части Керченского полуострова и на юго-западной части Таманского полуострова [4].

Основываясь на современных данных о повышении уровня моря за истекший исторический период, можно дать более правильное представление об очертаниях берегов Керченского пролива. При этом мы принимаем современные даные о том, что повышение уровня Черного моря за истекшие две тысячи лет равно примерно 3 *м* [5].

В настоящее время не сохранилось никаких эпиграфических данных, свидетельствующих о глубинах Керченского пролива в античный период. Мы пытаемся оценить глубины Керченского пролива, основываясь на ряде мелких фактов, каждый из которых, взятый в отдельности, вне связи с остальными, не имеет большого значения. Только совокупность этих мелких фактов создает правильное представление о распределении глубин в проливе, особенно в его северной, наиболее мелководной части.

1. Повышение уровня Черного моря

Сведения о повышении уровня Черного моря появляются лишь во второй половине XIX в. Еще в 1828—1833 гг. П. Дюбрюкс [6] считал, что уровень моря во времена основания Пантикапея и других городов Боспорского царства был тот же, что и теперь, или выше. За истекший период,

[1] К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870 (карта в приложении).

[2] М. О. Поночевный. Географический очерк Боспорского царства. Кубанский сб., т. II. Екатеринодар, 1891.

[3] С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, кн. 1 (т. III), вып. 5—6, Ростов-Дон, 1929, стр. 4.

[4] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 23, 24, примеч. 4; К. Герц. Ук. соч., стр. 57.

[5] Наиболее точная карта Керченского пролива во времена Страбона может быть составлена в результате весьма подробной геоморфологической и геологической съемки его. Однако такая работа вряд ли будет проведена в ближайшие десятилетия, в то же время для решения целого ряда вопросов, как археологических, так и океанографических, необходимо теперь получить представление о его берегах в античное время.

[6] П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений. ЗООИД, т. IV, 1858, стр. 49, примеч. 1.

как считал Дюбрюкс, не уровень моря понизился, а земля постепенно повышалась. Находки множества различных поселений, частично погруженных в море, позволили уже К. Герцу поставить вопрос: «не был ли во времена классической древности уровень морской воды ниже настоящего?» [7].

В XX столетии многие исследователи полагали, что уровень Черного моря во времена Страбона был значительно ниже, чем современный. По В. Д. Блаватскому [8], это повышение уровня моря за период 2500 лет можно оценить в 2—4 *м*. В лоции Черного моря 1937 г. [9] указывается, что существует медленное повышение уровня моря. Об этом свидетельствует не только нахождение остатков древних городов на дне моря в прибрежной зоне (Сухуми, Херсонес), но и повышение уровня моря, по данным прибрежных станций. Действительно, по данным гидрометстанций Одесса и Керчь, среднегодовой уровень Черного моря за 76 лет — с 1880 по 1956 г. увеличился примерно на 20—25 *см*. При этом многолетний ход уровня на гидрометстанциях Черного моря от Одессы до Батуми подтверждает, что повышение уровня моря за последние 80 лет имеет место по всему морю и с разной интенсивностью.

По нашим данным, значительные колебания среднегодового уровня Черного моря из года в год с амплитудой до 15 *см* (за два ближайших года) являются следствием колебаний речного стока, главным образом стока Дуная. Несомненно, вековые колебания уровня Черного моря оказывали влияние на уровень Азовского моря и Керченского пролива [10].

Однако В. С. Самойленко в 1947 г. пишет: «Ни в античной литературе, ни в исторических сведениях об Азовском море нельзя найти каких-либо указаний на то, что в прошлом среднее положение его уровня сколь-нибудь заметно отличалось от современного» [11]. Применение вибропоршневой трубки для анализа прибрежных отложений позволило Е. Н. Невесскому [12] установить, что за последние 6300 лет уровень моря повысился на 9 *м*, что соответствует средней скорости повышения уровня около 14 *см* в столетие. Это примерно совпадает со средней скоростью повышения уровня моря по данным В. Д. Блаватского за последние 2500 лет — около 12—16 *см* в столетие (т. е. 3 *м* за две тысячи лет).

Естественно, скорость повышения уровня моря не оставалась постоянной в течение этого времени. Так, по В. Ю. Визе, уровень Черного моря повышался до начала XIX столетия, затем началось его падение (связанное, по-видимому, с уменьшением количества осадков), которое продолжалось до середины или конца 80-х годов. С этого момента уровень моря снова начал повышаться. Этому новому периоду повышения соответствует средняя скорость, как мы указывали выше, 20—25 *см* за 75 лет, или около 30 *см* за столетие — величина одного порядка со средними скоростями повышения уровня, по данным Невесского и Блаватского. В настоящее время существует множество указаний о нахождении остатков древних поселений на дне моря в прибрежной зоне.

Так, К. Герц [13] упоминает о шести колоннах храма Ахилла, которые

---

[7] К. Герц. Ук. соч., стр. 7.

[8] В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—39 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 298.

[9] Лоция Черного моря. Л., 1937, стр. 32.

[10] В современной литературе речь идет обычно о повышении уровня Черного моря за последние две тысячи лет, хотя уровень мирового океана за этот период не изменился. Если же допустить, что не уровень Черного моря повысился, а берега опускаются (что весьма вероятно), то эффект будет такой же, как при повышении уровня моря. Говоря в дальнейшем о повышении уровня моря, мы будем иметь в виду только относительное повышение уровня.

[11] В. С. Самойленко. Ближайшее будущее Азовского моря. Тр. Гос. океанографического института, вып. 3 (15), Л., 1947, стр. 44.

[12] Е. Н. Невесский. Исследования толщ прибрежных отложений с помощью вибропоршневой трубки. Доклады АН СССР, т. 112, вып. 3, 1957, стр. 420.

[13] К. Герц. Ук. соч., стр. 39.

видели в Динском заливе у оконечности косы Чушка, и о существовании строений под водой около Сенной и Тамани. Он же пишет, что Таманский залив с каждым годом заметно углубляется в материк в юго-восточном углу, и в недалеком будущем все курганы здесь будут поглощены морем. Н. Колли [14] упоминает о находках львов в воде у берегов Тамани и о находке под водой в Феодосийской бухте защитного каменного мола. В. В. Веселов [15] нашел остатки поселения на церковной банке против сел. Синягино, свидетельствующие, что эта мель в древности была частью мыса. (П. Дюбрюкс указывает на существование остатков мола под водой у мыса Ак-Бурун [16]). Число этих примеров можно было бы увеличить.

Итак, не вызывает сомнений сам факт значительного повышения уровня моря. Остается определить величину этого подъема.

Мы считаем возможным, что повышение уровня Черного моря за последние две тысячи лет достигло 3 *м*. Эта величина соответствует средней скорости подъема по данным Невесского и совпадает со средней величиной повышения уровня моря за этот период по В. Д. Блаватскому.

Из всего этого следует, что повышение уровня моря, за этот период оказало большое влияние на существование остатков древних поселений (многие из которых частично или полностью находятся под водой) и на положение береговой черты. Таким образом, главной причиной изменений очертаний Керченского пролива является повышение уровня и сопутствующие ему явления. Повышение уровня моря должно было также вызвать увеличение глубины Керченского пролива, усилить темп размыва его берегов, изменить скорость течений и характер движения наносов. Безусловно, большое влияние на берега Керченского пролива оказало изменение гидрологического режима Кубани, особенно в ее устьевой части. Это, в частности, весьма сильно сказалось на очертаниях Таманского полуострова. Но нельзя согласиться с В. Ф. Гайдукевичем, который утверждает, что «основным фактором, которым определялся в античную эпоху иной характер географического ландшафта Таманского полуострова, была река Кубань», и считает, что «природно-географические условия крымской территории Боспора со времен античности никаких существенных изменений не претерпели, если не считать превращения некоторых морских заливов в замкнутые бассейны — озера» [17].

2. Процессы намыва и размыва в Керченском проливе [18]

Вопросами динамики берегов Керченского пролива занимался В. Л. Болдырев [19], который указывал, что почти все косы в Керченском

---

[14] Н. Колли. Следы древней культуры на дне морском. Изв. Таврич. Ученой Архивной Комиссии, № 43. Симферополь, 1909, стр. 126, 129, 130.

[15] В. В. Веселов. Древние городища в районе Синягино. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 232.

[16] П. Дюбрюкс. Ук. соч., карта.

[17] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1947, стр. 194.

[18] У читателя может возникнуть представление о противоречиях в статье в связи с противоречивостью описываемых здесь процессов. С одной стороны, речь идет об усилении размыва в связи с увеличением глубины моря у берегов — следствие относительного повышения уровня моря; с другой — о процессах намыва — процессах, противоположных размыву. Это обстоятельство может служить источником для неправильных толкований намыва. Так, В. В. Веселов в цитируемой статье высказывает предположение даже о повышении суши в районе Керченского пролива только потому, что наносы заполнили древний морской залив. Мы уже указывали, что обычно независимо от повышения или понижения уровня в бухтах и защищенных от волнений местах должен происходить намыв, а у выступающих мысов — размыв. Повышение уровня моря в общем усиливает процессы размыва побережья. Поэтому если у коренных берегов происходит размыв, то в районах развития аккумулятивных форм (наносных образований) может происходить или намыв, или размыв, в зависимости от того, какой процесс является преобладающим.

[19] В. Л. Болдырев. Основные черты геоморфологии берегов Керченского пролива. (Тезисы доклада, прочитанного на сессии ГЭНИС в Геленджике в октябре 1956 г.). Геленджик, 1956.

проливе (за исключением косы Чушки) находятся в стадии размыва (отмирания). По Болдыреву, размыв этих кос — вполне закономерное явление, происходящее вследствие прекращения подачи наносов. Таким образом, в настоящее время имеет место аккумуляция наносов только на косе Чушка.

Но если на Таманском берегу господствуют процессы размыва, начиная от Витязевского лимана, где скорость размыва берега составляет 0,3 *м* в год [20], то по Крымскому берегу зоны размыва и зоны намыва чередуются.

Как и следует ожидать, согласно общим положениям геоморфологии морских берегов [21], особенно интенсивный размыв должен происходить у выступающих мысов, а намыв — в бухтах и защищенных от волнения местах берега.

Размыв происходит в районе пос. Синягино и мыса Змеиный, в районе мыса Ак-Бурну Камыш-Бурунской косы, пос. Героевское и к югу от него. Намыв имеет место между дер. Жуковской и пос. Синягино, в районе Керченской бухты, в районе Чурубашского озера.

В связи с процессами движения наносов в Керченском проливе представляет большой интерес история размыва косы Тузла в 1925 г.

А. А. Каминский, В. Ю. Визе и Г. К. Ижевский полагали [22], что процесс размыва косы Тузла связан главным образом с изменением гидрометеорологических условий на Черном море, в частности с повышением уровня моря. В. Л. Болдырев считает [23], что этот размыв не связан с гидрометеорологическими условиями, а является следствием прекращения подачи наносов от мыса Железный рог, где в результате размыва образовался недостаток материала, входившего в состав наносов, обычно переносимых в район Тузлы. По нашему мнению, точка зрения В. Л. Болдырева не противоречит взглядам В. Ю. Визе и Г. К. Ижевского, так как размыв в районе Железного рога произошел вследствие усиления абразионной деятельности моря, связанной с повышением уровня. Таким образом, изменение береговой черты происходило под влиянием двух главных факторов: повышения уровня моря и связанного с ним усиления абразии берегов, а также с перемещениями и отложениями наносов.

Поэтому вполне естественно, что положение береговой черты, которое меняется довольно резко на протяжении только одного столетия (сравним, например, карту Керченского пролива, составленную П. Дюбрюксом, и современную), претерпело огромные изменения за две тысячи лет, прошедшие со времен Страбона.

3. Изменения ширины Керченского пролива

Повышение уровня моря за истекший период, принимаемое нами за *3 м*, уж само по себе указывает, что ширина Керченского пролива должна была бы быть теперь больше, чем во времена Страбона (Керченский пролив во времена Страбона должен был бы иметь вид, примерно соответствующий положению трехметровой изобаты [24], если не учитывать изменения в движении наносов и в размыве берегов, особенно у выступающих мысов). В основных чертах это положение справедливо в таких районах, где нет сильных течений и где размыв и скорости движения наносов срав-

---

[20] Е. Н. Невесский. Ук. соч., стр. 419.

[21] О. К. Леонтьев. Геоморфология морских берегов и дна. М., 1955, стр. 113, 119.

[22] Г. К. Ижевский. Ук. соч., стр. 20.

[23] В. Л. Болдырев. Ук. соч.

[24] Это справедливо для коренных берегов Керченского и Таманского полуостровов и не может относиться к наносным образованиям, где мы пытались учесть влияние наносов и явлений размыва.

нительно невелики (Таманский залив, Динской залив). В других же районах мы учитывали влияние интенсивных течений и усиления размыва, связанного с повышением уровня (юго-западная часть Таманского полуострова), а также влияние наносов (озера Чурубашское и Соленое, район между Порфмием и Парфением и т. д.).

Что касается «Географии» Страбона, то можно согласиться с М. О. Поночевным, который писал, что у Страбона «особенно точны расстояния, данные им для пространств между различными пунктами, но этой точности не приняли во внимание многие ученые, писавшие о Боспоре» [25]. К этому заметим только, что все расстояния, приводимые Страбоном, применительно к Боспору, даются только в целых десятках стадий, т. е. с точностью примерно до 5 стадий, или до 900 *м*. Это значит, что, сличая расстояния между пунктами у Страбона и на карте, мы можем иметь разницу порядка нескольких сот метров.

В этом случае приводимые Страбоном расстояния от Киммерика до Пантикапея, от Пантикапея до Мирмекия, от Мирмекия до Парфения довольно точно соответствуют современным расстояниям. Но расстояния через Керченский пролив сильно отличаются от приводимых Страбоном. Так, расстояние от Корокондамы (у мыса Тузла) до Акры (у мыса Такиль) в южной части Керченского пролива по Страбону — 70 стадий, а по современной карте 1955 г. № 560—87 стадий. Заметим, что, по Страбону, замерзание Боспора Киммерийского происходило до линии Акра — Корокондама, поэтому измерения расстояний через пролив не представляло труда. Расстояние между Парфением и Ахиллием (в северной части пролива Парфений локализуется на мысе около Синягино [26], Ахиллий, вероятно, был расположен напротив, в южной части косы Чушка) по Страбону — 20 стадий, а по современной карте — 26 стадий. Приведем еще одно сопоставление современной ширины Керченского пролива с данными Страбона. Так, упоминая о переправе из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, он пишет, что ширина в этом месте — около 70 стадий [27]. Очевидно, это соответствует линии, идущей от мыса Ак-Бурну через Тузлинскую косу, Тузлинскую промоину к безымянному мысу, который когда-то являлся основанием косы Тузла. Расстояние в этом месте, по современной карте, соответствует примерно 80 стадиям, причем часть его приходится на косу.

В связи с этим следует помнить, что Страбон разделяет Керченский пролив на три части: северную часть его до современной линии Синягино — южная оконечность Чушки — он называл устьем Меотиды; среднюю часть пролива на юг до линии, проходящей через косу Тузла, он называл Киммерийским Боспором, или входом в Меотиду [28]; наиболее южная часть пролива у него не имеет названия.

Таким образом, сравнение расстояний, приводимых Страбоном, с расстояниями по современной карте свидетельствует об увеличении ширины Керченского пролива как в северной части его, так в средней и южной частях.

Даже если подвергнуть сомнению локализацию отдельных поселений (Акра, Ахиллий, Парфений), сам факт увеличения расстояния в северной, южной и средней частях пролива не изменится; это связано с тем, что и в северной и южной частях Керченского пролива противоположные берега параллельны.

С расстояниями через Керченский пролив, которые приводит Страбон, интересно сопоставить расстояние между Керчью и Таманью, измеренное князем Глебом в 1068 г. по льду.

---

[25] М. О. Поночевный. Ук. соч., стр. 3.
[26] В. В. Веселов. Ук. соч., стр. 227.
[27] Strabo VII, 4, 5.
[28] Strabo VII, 4, 5.

Это расстояние от «Тмутаракани до Корчева», согласно надписи на Тмутараканском камне, равно 10 000 и 4000 сажен, что равно 18 верстам и 333 саженям (около 20 *км*).

По современной карте (рис. 1) это расстояние равняется примерно 22—23 *км*. За истекшие 900 лет ширина пролива в средней его части значительно увеличилась.

В этой работе нами не рассматривается вопрос о локализации отдельных греческих поселений, но многие археологи в своих рассуждениях по

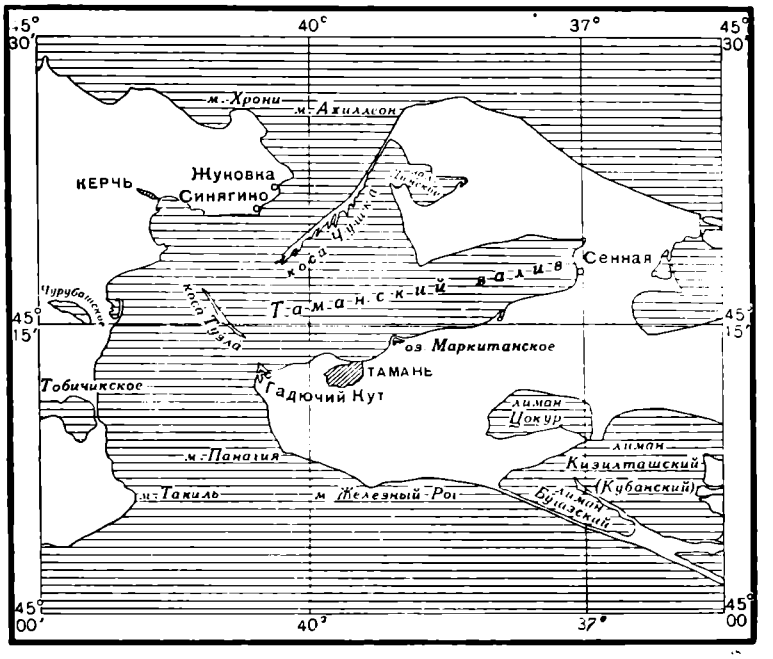

Рис. 1. Современная арта Керченского пролива

этому поводу совершенно не принимают во внимание изменений, происшедших в географии этого района, и рассматривают его как бы неизменным. Так, например, И. П. Бларамберг [29] полагал, что Ахиллий не мог существовать на песчаном берегу южной оконечности мыса Чушки, так как там нет воды, годной для питья, и этот район подвержен частым наводнениям.

К. Герц [30] полагал, что в юго-восточной части Керченского пролива не могли селиться древние греки, так как там отсутствуют удобные гавани, и т. д.

4. Изменение русла Кубани

Таманский полуостров в I в. до н. э. представлял собой архипелаг островов, самые значительные из которых в древности назывались Фанагора и Гермонасса. Страбон писал, что в Корокондамское озеро впадает один рукав Антикита, который образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. На этом острове лежат Фанагория и Кепы. Очевидно, это остров Фанагора. Таким образом, во времена Страбона существовал путь из Корокондамского озера в Меотиду, минуя Керченский пролив, через рукав Кубани. Вероятно, Кубань впадала не только в Азовское море и Таманский залив, но также и Черное море через Бугазский и Витязовский лиманы [31].

[29] И. П. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗООИД, т. II, 1848, стр. 17.

[30] К. Герц. Ук. соч., стр. 57.

[31] С. Ф. Войцеховский. Ук. соч., стр. 6—7; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 195; Н. В. Самойлов. Устья рек. М., 1952, стр. 250.

Это, возможно, позволяло осуществлять сообщение из Черного моря в Азовское, минуя Керченский пролив. По Дюбуа де Монпере [32], такое плавание осуществлялось следующим образом: из Бугазского залива суда входили в Кубанский лиман, плыли вверх по Кубани и одному из высохших ныне ее рукавов, около Перевланского форта, входили в Ахтанизовский лиман, откуда проникали в Азовское море через Темрюцкий канал (ныне расширенное гирло) на месте древнего морского рукава. В середине XIX в. еще существовал Субботин ерик, соединявший Ахтанизовский лиман с Таманским заливом (вернее с той частью его, которая называется Татарским заливом) и пролив между Витязевским лиманом и Черным морем. Впрочем, если и существовали в этот период морские пути из Черного в Азовское море, минуя Керченский пролив, то они, вероятно, были весьма мелководны и представляли большое затруднение для мореплавателей.

Ни один из периплов не упоминает о таком пути; это свидетельствует, что пути в обход Керченского пролива не могли иметь серьезного навигационного, а следовательно, и торгового значения.

Нужно отметить, что исчезновение кос Рубановой и Маркитанской в настоящее время всецело объясняется повышением уровня Черного моря и Керченского пролива (так же как затопление части Фанагории, образование Динского залива, уменьшение размеров косы Чушка) и непосредственно не связано с изменениями русла Кубани.

Лишь исчезновение рукава, соединявшего когда-то Таманский залив с Ахтанизовским лиманом, начало которого находится в районе современной Шевардинской бухты, связано с занесимостью кубанской дельты речными наносами. Таким образом, хотя изменения русла Кубани имели большое значение для восстановления исторической топографии Таманского полуострова в целом, влияние его на изменение очертаний берегов Керченского пролива и, в частности, Таманского полуострова, преувеличено.

5. Изменения очертаний берегов Керченского пролива

Сопоставляя данные о положении среднего уровня моря в период Страбона (с учетом, что за прошедший период уровень повысился на 3 *м*) с результатами археологических раскопок, позволивших уточнить местоположение ряда древних поселений, и с некоторыми указаниями о движении и перемещении наносов, можно схематически представить очертания берегов в период Страбона (рис. 2). Известно, что древнегреческие поселения обычно располагались почти на самом берегу. Порфмий, который по своему названию должен был находиться у берега (Порфмий — по-гречески «переправа»), расположен сейчас в 1,5 *км* от берега. Поэтому вполне закономерно предложение В. В. Веселова о том, что между пос. Жуковка, около которого располагается Порфмий, и пос. Синягино, где располагался Парфений, в древности находился морской залив, который теперь полностью заполнен наносами [33].

Траншея 1956 г. в Керчи на ул. Петра Алексеева свидетельствует о том, что древняя волноотбойная стена, вероятно, находится теперь примерно в 200 *м* от берега, т. е. скорость отступания моря в этом районе составляет около 10 *м* в столетие. Описывая гавань Пантикапея во времена Страбона, И. Толстой и Н. Кондаков [34] полагают, что раньше она была больше современной и занимала часть низменной илистой равнины, расположенной к северу от холма Митридата. Весьма вероятно, что

---

[32] К. Герц. Ук. соч., стр. 30.

[33] В. В. Веселов. Ук. соч., стр. 230—231.

[34] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1, СПб., 1889, стр. 7.

расположенное в районе Керченской бухты Соленое озеро также было ранее морским заливом.

Расположенный в пос. Аршинцево древний город Дия-Тиритака — крупнейший центр рыбного промысла Боспорского царства — должен был иметь хороший порт, защищенный от преобладающих северо-восточных ветров. Сейчас остатки Тиритаки расположены почти в 1,2 *км* от берега моря.

Такой порт мог располагаться в северо-восточной части Чурубашского залива, который превратился теперь в Чурубашское озеро.

В юго-восточной части этого залива, возможно, находился порт Нимфея, о котором Страбон писал, что это «город с хорошей гаванью».

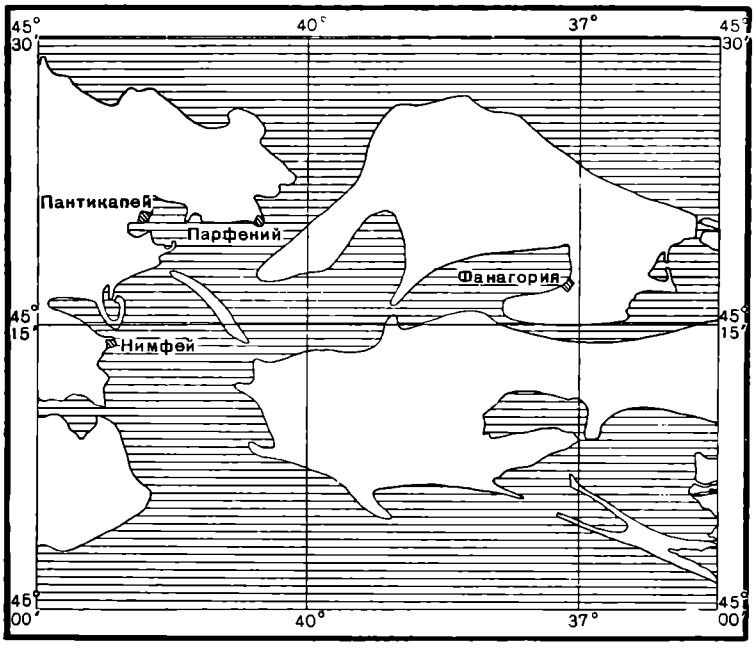

Рис. 2. Предположительная карта Керченского пролива во времена Страбона

Трудно предположить, чтобы в районе Нимфея была построена искусственная гавань. Здесь, как и в других городах Боспорского царства (Пантикапея, Феодосия, Фанагория), очевидно, были использованы местные благоприятные условия для устройства гавани. Таким образом, гавань Нимфея могла находиться в Чурубашском заливе или у мыса Кара-Бурну (или Камыш-Бурун, как он теперь называется). Возможно, что стоянка судов у Нимфея располагалась и в Чурубашском заливе, и у мыса Кара-Бурну, причем в зависимости от ветра суда могли стоять на одном или на другом рейде. По мнению И. Бларамберга, коса, отделяющая ныне Чурубашское озеро от моря, образовалась песками, «принесенными сюда сильными северо-восточными ветрами и течениями Меотийского озера» [35]. То же, вероятно, можно сказать и о Тобечикском озере.

Во времена Страбона или несколько позже в районе впадения в Чурубашский залив реки у современной дер. Ивановки находилось военное поселение, которое В. Ф. Гайдукевич отождествляет с Илуратом [36]. Расположение Илурата в устье Чурубашского залива у впадения реки усиливало значение этого поселения как военного пункта.

Анализируя положение древних поселений в юго-западной части Таманского полуострова, К. Герц указывал на существование городищ

[35] П. Дюбрюкс. Ук. соч., стр. 49.

[36] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 190.

в районе мыса Тузла, мыса Панагия и мыса Кишлы (современный мыс Железный рог). Замечая, что греческие колонии обычно располагаются по берегам морей и лиманов, К. Герц пишет: «...Не легко объяснить себе, как торговые греки могли основать поселения на южном берегу Таманского полуострова, если не принять в соображение изменения, происшедшие в физической природе этой страны со времен греков» [37].

В настоящее время, так же как и при К. Герце, весь южный берег Таманского полуострова от мыса Тузлы до Бугазского лимана на протяжении 17 морских миль (около 32 *км*) обтянут каменным рифом, а у мыса Железный рог гряда острых камней простирается в море на значительном удалении. В связи с невозможностью подхода к берегу в этих местах К. Герц вообще сомневается в том, что здесь существовали греческие поселения [38].

Это же служит, по К. Герцу, веским основанием против локализации Корокондамы в районе мыса Железный Рог.

Если принять во внимание повышение уровня моря на 3 *м* за прошедшие со времен Страбона две тысячи лет и учесть, что интенсивность абразионных процессов с повышением уровня усилилась, то можно предположить, что в древности вместо существующих в настоящее время рифов вдоль южного берега Таманского полуострова простирались небольшие косы, окаймляющие современные рифы: небольшая коса окаймляла рифы у мыса Тузла; у мыса Панагия коса проходила через риф Трутаева и скалу Камень Парус, а у мыса Железный Рог — через риф Кишла и банку Чернышева. Банки Аксенова и Вольского, а, вероятно, также банка Марии Магдалины были небольшими островками на подходах к Боспору Киммерийскому и к Бугазскому лиману. На интенсивный размыв берега у мыса Железный Рог указывает и Е. Н. Невесский [39].

Таким образом, весь этот район не был опасным для мореплавания, как в настоящее время, а, наоборот, изобиловал хорошими бухтами, дающими укрытие от наиболее опасных и часто повторяющихся северо-восточных ветров. Заметим, что, по исследованиям Н. Е. Бучинского [40], климат Боспорского царства за исторический период не претерпел существенных изменений: северо-восточные ветры и тогда были наиболее опасными для мореплавателей. Так, генуэзцы запрещали плавание на Черном море от декабрьских календ до половины марта [41], в период наибольшей повторяемости этих ветров.

На обилие хороших гаваней в районе Боспора Киммерийского указывал еще Страбон [42].

Для иллюстрации изменений в очертаниях берегов Керченского пролива со времен Страбона до наших дней нами приводится современная карта Керченского пролива и предположительная карта Керченского пролива времен Страбона [43].

---

[37] К. Герц. Ук. соч., стр. 57.

[38] Там же.

[39] Е. Н. Невесский. История развития ананской пересыпи. Тр. Института океанологии, т. XXI, 1957, стр. 168.

[40] Н. Е. Бучинский. О климате прошлого русской равнины. Л., 1957, стр. 46.

[41] В. Х. Кондараки. Универсальное описание Крыма. Ч. III, СПб., 1888, стр. 57.

[42] Strabo, XI, 2, 8.

[43] На картах Керченского пролива, приводимых в уже упомянутых работах К. Герца, М. Поночевного, а также на карте Таманского полуострова и части Керченского пролива, составленной С. Войцеховским (не опубликована), в общем правильно отражены особенности Таманского полуострова во времена Страбона, связанные с изменениями в дельте Кубани,— это существование ранее рукава Кубани, впадавшего в Таманский залив, связь Кубани с Черным морем через Кубанский лиман и Бугазское гирло, существование Маркитанской косы и т. д. Но эти исследователи не рассматривают изменения, происшедшие в связи с повышением уровня моря: почти не рассматривают изменения в очертаниях Керченского полуострова, увеличение ширины пролива и т. д. Гораздо ближе к восстановлению истинных очертаний Керченского пролива во времена Страбона подошел Дюбуа де Монпере, карта которого, опубликованная в приложении к «Древностям Боспора Киммерийского», приводится в цити-

6. Изменения в глубинах Керченского пролива

О глубинах Керченского пролива в древности не сохранилось никаких сведений; но есть все основания считать, что две — две с половиной тысячи лет назад он был не только у́же, чем современный Керченский пролив, но и мельче. Вероятно также, что он изобиловал многочисленными островами и мелями, особенно в его северной части.

Большого внимания заслуживает следующий факт. Учитывая, что относительный уровень моря поднялся за последние две — две с половиной тысячи лет на 3 *м*, мы можем предполагать, что самое узкое место в Северной части Керченского пролива находилось в районе Парфения, где от оконечности Церковных банок, которые были когда-то сушей, до косы Чушка (по изобате 3 *м*) расстояние около 3,5 *км* (по Страбону — 20 стадий). В конце XVIII в. (1794 г.) Паллас писал, что Керченский пролив так суживается островами, идущими от Северной косы (Чушка), что составляет вблизи оконечности ее почти 3 версты (около 3,5 *км*). Естественно, возникает вопрос, почему в IV в. до н. э. пос. Переправа (Порфмий) находился не в самом узком месте пролива, где расположен Парфений, а в районе, где ширина его составляла около 3,2 мили (около 6 *км*) [44]. Очевидно, выбор переправы диктовался не шириной пролива, а его глубинами. Словом Порфмий — «переправа» древние авторы обозначали в первую очередь брод.

Таким образом, очевидно, глубина пролива в районе переправы — брода — не превосходила глубины 1—1,5 *м*. Это примерно согласуется с современной картой (при учете повышения уровня моря за последние две тысячи лет на 3 *м*). Однако условия движения наносов за этот период сильно изменились, и о существовании островов в районе античной переправы можно только догадываться. От островков на переправе ко временам Паласса осталось лишь несколько банок.

Если в IV в до н. э. переправа находилась в районе Порфмия (район современной дер. Жуковки), то в I в. н. э. она находилась в районе мыса Павловского (по Страбону). Итак, если в IV в. до н. э. для переправы на азиатскую сторону Боспорского царства требовалось преодолеть 6 *км* водного пространства между берегами, то в I в. н. э. нужно было преодолеть только несколько сот метров в районе, где расположена современная Павловская узость, и, вероятно, Тузлинскую промоину, которая тогда существовала. Остальная часть переправы тогда проходила по острову или группе островов. Страбон пишет: «Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно соединяется с морем» [45]. Так как под Корокондамским озером понимают обычно Таманский залив, а переправа проходила (вероятно, через Тузлинскую косу мимо Корокондамы) в Фанагорию, то: а) должен был существовать Тузлинский остров (вместо косы); б) Тузлинская промоина была, очевидно, несудоходна, что видно из описания судового хода в Фанагорию [46]. Тот факт, что переправа из Пантикапея в «ближайший азиатский город Фанагорию» проходила через Корокондаму, должен был увеличить значение этого поселка в Боспорском царстве.

Небольшие глубины были характерны для северной части Керченского пролива, которую Страбон называл «устьем Меотиды» (в отличие

рованной работе И. Толстого и Н. Кондакова (стр. 104). Однако, из-за ненадежной географической основы, на его карте нанесены неправильно относительные размеры Керченского пролива, его берегов и Таманского залива. Так, у него ширина Керченского пролива в его северной и южной частях одинакова, что противоречит Страбону. Кроме того, он не учел процессов размыва в Керченском проливе; например, у него без изменений показан юго-западный берег Таманского полуострова между косой Тузла и мысом Железный Рог и т. д.

[44] В. В. Веселов. Ук. соч., стр. 227.

[45] Strabo, XI, 2, 9.

[46] Strabo, XI, 2, 10.

от Боспора Киммерийского, который начинался от линии Парфений — Ахиллий и заканчивался линией Акра-Корокондама); также мелководными были и подходы к Танаису (повышение уровня Черного моря за последние две тысячи лет на 3 *м* должно было обусловить соответствующее повышение уровня и Азовского моря). Это препятствовало плаванию больших морских судов с осадкой до 3,6 *м* [47]. Вероятно, это было одной из причин того, что товары, поступавшие из «Меотиды и лежавшей за ней варварской страны», привозились в Фанагорию, а товары, доставляемые в эти районы с Черного моря, привозились сначала в Пантикапей [48]. Таким образом, и Пантикапей, и Фанагория являлись как бы перевалочными пунктами для товаров, идущих в Меотиду из Черного моря, и для товаров, идущих в обратном направлении.

Страбон, описывая холода в Керченском проливе, указывает, что «рыба, захваченная льдом, выкапывается и ловится орудием гангамой, особенно же осетры, величиной не уступающие дельфинам» [49].

Это тоже свидетельствует о небольших глубинах Керченского пролива, так как замерзать рыба могла только на мелководье, среди мелей.

Любопытно, что Страбон, перечисляя населенные пункты Боспора Киммерийского, совсем не упоминает Порфмия; кроме того, он указывает, что переправа из Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию находилась к югу от Пантикапея.

По нашему мнению, Порфмий потерял свое значение в качестве отправного пункта для переправы на Таманский берег вследствие увеличения наносов в бухточке, где он был расположен. Известно, что теперь Порфмий располагается примерно в 0,7 мили от берега (около 1,3 *км*). Если предположить, что эта бухточка равномерно заносилась, то с IV в. до н. э. по I в. н. э. море отступило от Порфмия на 200 *м*. Вероятно, кроме того, имело место и значительное перераспределение глубин в проливе вследствие сильных течений и движения наносов.

Большое влияние могло оказать обмеление бухточки у Порфмия на условия стоянки судов от северо-восточного ветра. Вследствие выравнивания берега северный мыс бухточки переставал защищать якорную стоянку от преобладающих северо-восточных ветров, и бухточка теряла свое значение как безопасное место якорной стоянки. По этой же причине Порфмий мог потерять свое значение как населенный пункт. Кроме того, южный мыс бухты, на котором находилось селение Парфений, размывался: следы размыва этого мыса сохранились и теперь в виде Церковной банки.

* * *

Вследствие повышения уровня Черного моря и изменений в движении наносов, размыва берегов и в деятельности Кубани очертания берегов Керченского пролива и глубины его существенно изменились.

Две тысячи лет назад Керченский пролив был значительно уже и мельче современного. Он изобиловал хорошими бухтами и стоянками для судов. Главнейшие из них — бухты вдоль Керченского полуострова: бухта у Порфмия, Керченская бухта, бухта у мыса Ак-Бурун, Чурбашский залив и, вероятно, Тобечикский залив. Несколько удобных бухт находилось и вдоль юго-западной части Таманского полуострова.

Вероятно также, что в Керченском проливе, помимо острова Тузла, имелись еще острова.

Глубины в проливе были меньше, чем теперь, и можно предположить, что наименьшая глубина Керченского пролива в северной части была около 1—2 *м*. Это являлось препятствием для прохода крупных римских судов в Меотиду.

[47] Ф. Ф. Велишский. Быт греков и римлян. Прага, 1878, стр. 411; И. Д. Марченко. К вопросу о боспорских торговых судах. СА, 1957, № 1, стр. 237.

[48] Strabo, XI, 2, 10.

[49] В. В. Латышев. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 243.

Э. О. БЕРЗИН

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА КЛЕЙМЕНОЙ ЧЕРЕПИЦЫ НА БОСПОРЕ (IV — начало III в. до н. э.)

Истории производства боспорской клейменой черепицы в нашей литературе посвящен ряд работ. Отдельные вопросы этой истории рассматривались уже в работах В. В. Латышева и В. В. Шкорпила [1]. Наиболее обширной по охвату материала в этой области является работа В. Ф. Гайдукевича [2], в которой подвергается исследованию весь известный в то время материал.

С тех пор в результате раскопок за истекшие 25 лет число известных нам черепичных клейм значительно увеличилось. Так, одни только раскопки В. Д. Блаватского в Пантикапее в 1945—1954 гг. дали более 350 боспорских черепичных клейм, в то время как при составлении своего каталога боспорских клейм В. Ф. Гайдукевич располагал лишь 517 экземплярами. Соответственно возросло и число известных нам типов клейм. Если в 1934 г. В. Ф. Гайдукевич в своем каталоге перечисляет 99 типов клейм, то теперь их известно свыше 140 [3].

Все это дает возможность поставить и решить ряд новых вопросов истории черепичного производства, что и было сделано в ряде работ, вышедших за последние годы [4]. В данной работе я также пытаюсь поставить некоторые не рассматривавшиеся раньше или мало рассматривавшиеся до сих пор вопросы производства клейменой черепицы на Боспоре. При этом я исхожу из того, что массовость материала, добытого раскопками последних лет, позволяет применять к нему статистический метод, пользуясь которым можно сделать ряд новых выводов и уточнений в данной области.

В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков и другие исследователи подробно разобрали и точно датировали все клейма, принадлежащие правителям Боспора [5]. Клейма же частных владельцев не подвергались еще такому же подробному рассмотрению. Между тем вопрос об их датировке тесно связан с другим важным вопросом — об установлении государственной монополии в черепичном производстве Боспора.

---

[1] В. В. Латышев. Горгиппийские надписи. МАР, № 17, 1895, стр. 71; В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта. Сборник, поднесенный гр. А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 31—44.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 211—315.

[3] Пользуюсь случаем принести благодарность В. Д. Блаватскому и М. М. Кобылиной за разрешение пользоваться неопубликованными материалами из их раскопок в Пантикапее и Фанагории, а также заведующей отделом экспедиций ГМИИ И. Д. Марченко, сотруднице отдела А. И. Виноградовой, оказавшим мне всемерное содействие при моей работе в фондах ГМИИ, и Д. Б. Шелову, предоставившему мне свою картотеку фанагорийских клейм.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII. 1947, стр. 22; Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, № 19, 1951, стр. 227—235; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, 1954, стр. 119—130.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 267 сл.; Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, вып. 104, стр. 202 сл; В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 31 сл.

Подавляющее число клейм частных владельцев исследователи относят, исходя из особенностей шрифта, к IV или началу III в. до н. э.[6]. Количество более поздних частных клейм совершенно незначительно. Это дало основание полагать, что в первой половине III в. до н. э. (очевидно, при Перисаде II) в этой области была установлена монополия[7]. Однако вопрос об этапах установления этой монополии еще не выяснен до конца.

Как известно, кроме клейм с именами царей и частных владельцев, на боспорских черепицах встречаются клейма, объединяющие имя правящего Спартокида и частного лица[8]. Эти же частные лица (Алким, Астидам, Гермократ, Гиппократ и Притан) выпускали черепицу и от своего имени[9]. Рассматривая вопрос о том, «сначала ли Гермократ, Гиппократ и др. выпускали черепицу со своими именными клеймами без упоминания Перисада и лишь позже включили его имя в свои клейма или же это произошло в обратном порядке», В. Ф. Гайдукевич склоняется к последнему предположению. Нам представляется, однако, что существование частных предприятий предшествовало по времени образованию предприятий, совладельцами которых являлись частное лицо и царь. За это говорит ряд соображений.

Датировка двойных клейм устанавливается совершенно точно. Подавляющее большинство их датируется стоящим на них именем Перисада (349—310 г. до н. э.). Наряду с этим известны очень редкие двойные клейма с именем Сатира (310—309 гг. до н. э.). В то же время не найдено ни одного двойного клейма, в котором встречалось бы имя Евмела (309—304 гг. до н. э.), Спартока III (304—284 гг. до н. э.) или других более поздних царей.

Таким образом, двойное клеймение черепицы происходило в промежутке между 349 и 309 гг. до н. э. и, по-видимому, было прекращено при Евмеле, который вообще во многих отношениях отошел от политики своих предшественников.

Рассмотрим теперь клейма Алкима, Астидама и Гиппократа. В этой группе наблюдается резкое преобладание отдельных клейм частных владельцев над двойными (18 : 1, 20 : 2, 15 : 4, всего 53 : 7)[10]. Едва ли это соотношение случайно, скорее оно отражает соотношение между временем действия отдельных и объединенных «фирм». Действительно, клейма с именами Алкима, Астидама и Гиппократа, не сопровождаемыми царским именем (№№ 4, 11, 35), безусловно, относятся к IV в. до н. э. и при этом скорее к середине века, чем к концу[11].

Предположив, что эти клейма позднее двойных клейм с теми же именами, мы получим, что от 80 до 90% продукции этих трех мастерских было выпущено в течение каких-нибудь нескольких лет после 309 г., в то время как за предыдущие несколько десятков лет было выпущено 10—20%. При значительной рутинности античного производства подобное резкое изменение интенсивности маловероятно.

Считать же эти клейма уходящими сколько-нибудь глубоко во время правления Спартока III (304—284 гг. до н. э.) также невозможно, по-

---

[6] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 261—262.

[7] Там же, стр. 295.

[8] Там же, стр. 268 и приложение — каталог боспорских клейм №№ 21, 67, 68, 69, 75, 76.

[9] Там же, №№ 4, 11, 12, 19, 20, 35—38, 72. В дальнейшем нумерация боспорских черепичных клейм дается по каталогу В. Ф. Гайдукевича.

[10] Если даже считать четыре отдельных клейма Перисада (см. табл. 1), то и тогда получим соотношение (53—4) : (7+4) = 49 : 11.

[11] На это указывает как характер шрифта, так и полная аналогия этих клейм с клеймом Гермократа № 19, которое точно датируется. (Оно найдено в гробнице вместе с кальпидой последней четверти V в. до н. э. См. ДБК, стр. LX; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 265—266).

Таблица 1

Клейма Спартокидов (Перисада и Сатира) и их компаньонов

NN по порядку	NN по каталогу В.Ф. Гайдукевича	NN по каталогу Е.М. Придика	Имена владельцев предприятий	Клейма	Керченский музей *	Эрмитаж **	Раскопки Пантикапея 1945–1954 (ГМИИ)	Сборы в Пантикапее (30-е годы) (ГМИИ)	Раскопки Фанагории в 1938–42 гг. (ГМИИ и ГМИИ)	Тиритака 1932–1934 гг. ***	Тиритака и Мирмекий 1935–40 гг. ****	Итого
1	4	59	Алким	АЛКІМС	11	1	5	—	—	—	—	17
2	—	—		ЖЛА	—	—	1	—	—	—	—	1
3	—	—	Перисад и Алким	Прорись не опубликована	—	—	1	—	—	—	—	1
4	11	—	Астидам	АΣТУС	8	—	3	—	2	1	—	14
5	—	62		АΣТУΔАС	—	1	—	—	—	—	—	1
6	12	—		АΣТУΔА	4	—	1	—	—	—	—	5
7	—	—	Перисад и Астидам	Прорись не опубликована	—	1	1	—	—	—	—	2
8	19	67	Гермократ	ЕРМОС	2	1	1	—	—	—	—	4
9	20	68		ОМ٩Э	3	1	—	—	1	—	—	5
10	21	—	Перисад и Гермократ	ЕРМОСГАІ	6	—	1	—	—	—	4	11
11	67	—		АЗІ٩АП ФЖОМ٩Э	7	—	—	1	—	—	—	8
12	35	—	Гиппократ	ІГГОКРАС	2	—	1	—	—	—	—	3
13	36	—		ОП٦Ɩ	2	—	2	—	—	1	—	5
14	37	—		ОП٦	2	—	—	—	—	1	—	4
15	38	—		⅁І	2	—	1	—	1	—	—	4
16	69	—	Перисад и Гиппократ	ГАІРІС ІГГОКРАС	2	—	—	—	—	—	—	2
17	—	41-42		ГАІРІС ЭОП٦	—	2	—	—	—	—	—	2
18	72	—	Притан	ГРУТАС	5	—	—	—	—	—	—	5
19	68	35	Перисад и Притан	ПАРІΣА ГРУТАМІ	6	1	—	—	—	—	—	7
20	77	—	Сатир	ΣАТ	7	—	3	—	—	—	—	10
21	78	—		ΣАТУС	5	-	1	—	—	—	2	8
22	75	108	Сатир и Гиппократ	ΣА ІГ	1	1	—	—	—	—	—	2
23	76	—		АΣ ٦І	1	—	—	—	—	—	—	1
24	—	37-39	Перисад	ГАІРІС	—	3	1	—	—	—	—	4
25	—	40		ЭІ٩ІА٦	—	1	—	—	—	—	—	1

Примечания.

* В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 268, 300—315.

** Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Птрг., 1917, стр. 129—131.

*** Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 173.

**** Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 393.

скольку клейма, принадлежавшие этому царю, уже существенно отличаются от них по стилю.

Если же отнести начало деятельности этих предприятий к середине IV в. до н. э., а появление клейма Перисада I на их черепицах — к последним 10—15 годам его правления, то эта диспропорция будет устранена.

Далее, в каталоге В. Ф. Гайдукевича имеются два отдельных клейма Гермократа (№№ 19 и 20). Клеймо № 19 по условиям его археологиче-

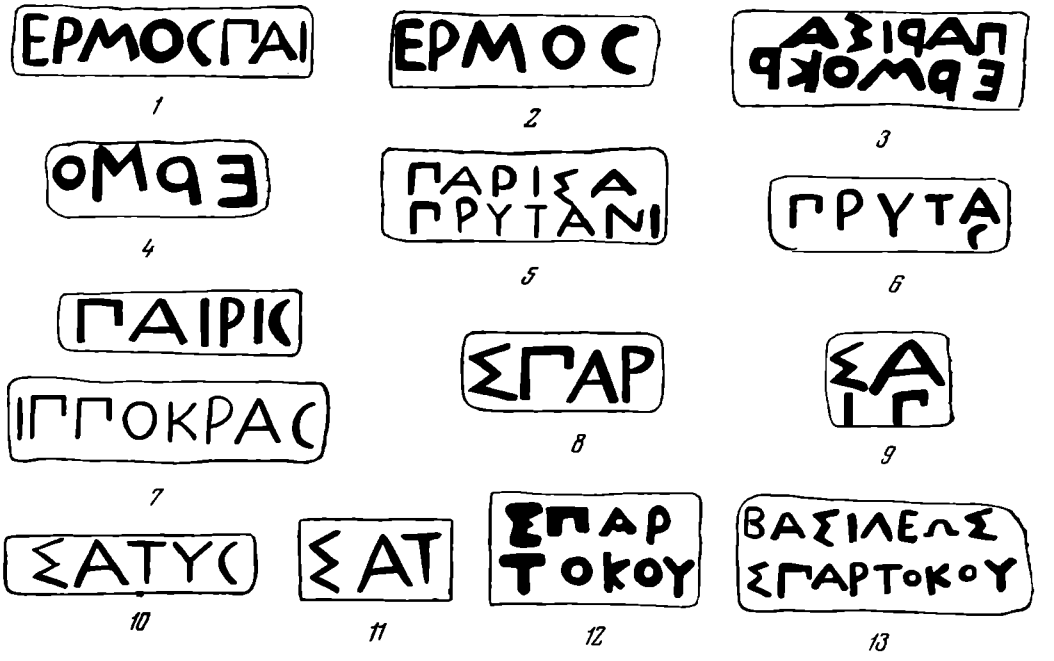

Рис. 1. Боспорские черепичные клейма

ской находки никак не может быть позже середины IV в. до н. э. Стиль клейма вполне соответствует этому времени: буква «О» почти равна по размерам другим буквам, концы «М» равномерно расходятся, имеется знак сокращения. Что же касается клейма № 20, то его следует отнести скорее к концу IV или даже началу III в. до н. э., так как «О» здесь значительно меньше других букв; концы «М» почти параллельны, знак сокращения отсутствует.

Двойные клейма Перисада и Гермократа (№№ 21 и 67), которые датируются 349—310 гг., следовало бы, как нам кажется, поместить по времени между клеймами №№ 19 и 20. Из них клеймо № 21 Ἑρμο... Παι... (рис. 1, *1*) по форме «М», «О», знаку сокращения, а также по тщательной и аккуратной работе совершенно подобное клейму № 19 Ἑρμο... (рис. 1, *2*) [12], имеющее «П» с неравными концами, следует признать более ранним. Клеймо же № 67 Παιρισά... Ἑρμοκρα (рис. 1, *3*), отличающееся меньшим сокращением имен, отсутствием знака сокращения, сильно уменьшенным «О», буквой «П» с равными по длине концами, небрежностью работы — ближе к клейму № 20 (рис. 1, *4*) [13].

Итак, мы видим, что все эти четыре штемпеля связываются в одну непрерывную цепь с середины IV до начала III в. до н. э. Соотношение числа найденных клейм этих четырех типов составляет в хронологическом порядке 4 : 12 : 8 : 5 (всего 29 клейм). Если предположить примерно

[12] Опубликованный В. Ф. Гайдукевичем фрагментированный экземпляр дополняется находками в Пантикапее и в других местах.

[13] Сходство в манере резьбы, вплоть до ретроградного изображения надписи, здесь так значительно, что напрашивается мысль, не принадлежат ли оба штемпеля одному мастеру. То же самое можно сказать о предыдущей паре клейм (№№ 19 и 21).

равную интенсивность производства на этом отрезке времени в 50—60 лет, то получим в среднем одно клеймо на два года. При таком расчете период производства черепицы с клеймом № 19 будет равняться восьми годам. Если мы даже, учитывая крайнюю приблизительность подобных расчетов, удвоим эту цифру и при этом еще примем, что черепица из погребения, раскопанного в 1838 г. [14], о котором говорилось выше (датируемая не позже, чем 50-е годы IV в. до н. э.), относится к самому первому выпуску черепиц с этим клеймом, то и тогда прекращение этой серии едва ли можно датировать позже, чем серединой 330-х годов до н. э.

По всем этим соображениям, наиболее вероятной датой возникновения двойного клеймения на Боспоре мне представляются 40-е — начало 30-х годов IV в. до н. э.

Рассмотрим, наконец, клейма Перисада и Притана. Здесь клеймо № 68 Παρισά... Πρυτάνι... (рис. 1, 5), очень похожее по форме имен на клеймо Перисада и Гермократа (№ 67), очевидно, следует, как и № 67, отнести к самому концу правления Перисада, к 310-м годам до н. э. А отдельное клеймо Притана № 72 Πρυτά (рис. 1, *6*), еще сохранившее знак сокращения и более краткую форму, по типу аналогичное клеймам Перисада и Гиппократа № 69 Παιρι... Ἱπποκρά (рис. 1, *7*), наиболее вероятно датировать предыдущим десятилетием, т. е. 20-ми годами IV в. до н. э.

Итак, подводя итоги, мы получим три хронологические группы клейм времени Перисада: 1) с именем Перисада в форме ΠΑΙΣ (340-е—330-е гг.); 2) с именем Перисада в форме ΠΑΙΡΙС (320-е гг.); 3) с именем Перисада в форме ΠΑΡΙΣΑ (310-е гг.).

К первому периоду относится появление имени Перисада на черепице Гермократа. Клейма Гиппократа, Алкима, Астидама, соединяющиеся с именем Перисада в форме ΠΑΙС не найдены. По-видимому, объединение их с Перисадом произошло только во второй половине его царствования, что подтверждается резким преобладанием отдельных клейм с этими именами над двойными (см. выше).

Таким образом, образование двойных фирм представляется не в виде какого-то единичного акта, например объявления глинищ царской собственностью, как полагали В. В. Шкорпил и В. Ф. Гайдукевич [15], а как постепенный процесс, шедший в течение всего правления Перисада. Свои права в двойных фирмах Перисад, видимо, передал своему наследнику Сатиру II (клейма №№ 75 и 76).

Ликвидация «двойных фирм» после 309 г. до н. э., возможно, была связана с привилегиями и льготами, предоставленными Евмелом пантикапейцам (после его прихода к власти), о которых упоминает Диодор [16].

Уточнив датировку отдельных клейм IV в. до н. э., перейдем теперь к рассмотрению клейм частных владельцев IV — начала III в. до н. э. в целом. Рассматривая эти клейма, мы видим, что подавляющее большинство их представлено в двух или более вариантах. (Клейма, имеющие только один вариант надписи, как правило, редко встречающиеся, найденные в одном — двух экземплярах). Эти различные варианты клейм можно разбить на две большие группы: клейма со знаком сокращения и клейма без этого знака. Для выяснения хронологического соотношения этих двух групп, мы располагаем следующими данными.

[14] ДБК, стр. LX.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. стр. 271; В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 138, примеч. 2.

[16] Diod., XX, 24.

Таблица 2

Клейма IV—начала III вв. до н. э.

NN по порядку	NN по каталогу В. Ф. Гайдукевича	3-я четверть IV в.			NN по каталогу В. Ф. Гайдукевича	4-я четверть IV в.			NN по каталогу В. Ф. Гайдукевича	1-я четверть III в.
		1. Клейма со знаком сокращения				2. Клейма без знака сокращения				3. Клейма с именем в полной форме
		а) более полная форма	NN по В. Ф. Гайдукевичу	б) Сокращенная форма		а) Сокращенная форма	NN по каталогу В. Ф. Гайдукевича	б) Удлиненная форма		
1	3	ЭНОА	1	ϹΑΘ	2	ΙΟ	—	—	—	—
2	4	ΑΛΚΙΜϹ	—	—	—	—	—	—	—	—
3	9	ΑϴΟΛϹ	6	ΑΓϽ	5,8	ΓΑ ϴΑ	—	—	—	—
4	—	—	—	—	—	—	10	ΑΡΙΣΤΑ	—	—
5	11	ΑΣΤΥϹ	—	—	—	—	12	ΛΣΤΥΔΑ	—	—
6	16	ϹΔΗΜ	—	—	—	—	—	—	—	—
7	18	ЭΥΛΙΓΞ	—	ЭΙΓΞ [x]	—	—	—	—	—	—
8	19	ЄΡΜΟϹ	—	—	20	ΟΜϘΞ	67	ϘΚΟΜϘΞ	—	—
9	—	—	—	—	22	ΙΗ	—	—	—	—
10	—	—	24	ϹΛΙ	23	ΛΙ	—	—	—	—
11	28	ΘΕΟϹ	25	ΘΕϽ	27	ΘΕ	—	—	—	—
12	31	ϽΥΞΘϽ	—	—	29,30	ΘΕΥ, ΥΞΘ	—	—	—	—
13	—	—	32	ϹΗΙ	33	ΙΗ	—	—	—	—
14	—	—	—	—	34	ΙΟ	—	—	—	—
15	35	ΙΓΓΟΚΡΑϹ	—	—	36	ΟΠΠΙ	—	—	—	—
—	—	—	—	ϽΟΠΠ [x]	37	ΟΠΠ	—	—	—	—
—	—	—	—	—	75,7	ΙΓ, ΠΙ	—	—	—	—
16	42	ΚΟΙϹ	41	ΚΟΙϽ	40	ΚΟ	—	—	—	—
17	43	ΚΡΑΤΙΠϹ	—	—	44	ΚΡΑ	—	—	—	—
18	—	—	—	—	45	ΥΞΛ	—	—	—	—
19	—	—	—	—	39	ΚΑΛΛΙ	—	ΦΙΛΛΑ Ж [x]	—	—
20	46	ΛΕΛϹ	—	—	47,41	ΛΞΛ, ΛΞ^	—	—	—	—
21	—	ΛΥΚϽ [x]	—	—	48	ΥΥ	—	—	—	—
22	—	—	—	—	50	ΛΥΟ	—	—	—	—
23	51	ϽΒΥΛ	—	—	—	—	—	—	—	—
24	50	ΜΗΞϹ	—	—	57	ΜΗ	—	—	—	—
25	55	ΜΕΝΟΙϹ	—	—	52	ΜΕ	—	—	—	—
26	—	—	—	—	53	ΟΔΞΜ	—	—	54	ΜΕΔΟΝΤΟ<
27	59	ΜΙΤΡΟϹ	—	—	58	ΜΗΤ	—	—	—	—
28	—	—	—	—	60	ΜΗ ΟΥ	—	—	—	—
29	—	—	61	ϽϹΜ	62,63	ΜΟ, ΜΟ	—	—	—	—
30	64	ΝΙΚΟϹ	—	—	—	ΝΙ [x]	—	—	—	—
31	69	ΓΑΙΡΙϹ	—	—	67 68	—	67,68	ΠΑΡΙΣΑ	—	—
32	72	ΓΡΥΤΑϹ	—	—	—	—	—	ΓΡΥΤΑΝΙ	—	—
33	74	ΓΥΘΟϹ	—	—	73	ΓΥΟ	—	—	—	—
34	78	ΣΑΤΥϹ	—	—	47	ΣΑΤ	—	—	—	—
35	80	ΣΟΛΟϹ	—	—	75-76	ΣΑ, ΑΞ	—	—	—	ΒΑΣΙΛΕΛΣ
36	—	—	—	—	81,82	ΣΓΑΡ	—	—	83	ΣΓΑΡΤΟΚΟΥ
37	89	ΤΙΜΟϹ	88	ΤΙϽ	87	ΤΙ	—	—	—	—
38	—	—	—	—	90,91	VT, TV	—	—	—	—
39	94	ϹΦΟΙ	—	—	—	—	—	—	—	—
40 [xx]	—	—	—	—	—	—	—	—	17	ΔΙΟΤΙΜΟΥ
41	—	—	—	—	—	—	—	ΣΑΤΥΡΙΟ [xxx]	79	ΛΤΥΡΙΛΝΛΣ
42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ΝΕΟΚΛΕϹ
43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ΓΑΝΘΗΡΟΣ ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ

Примечания.

* Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, стр. 129—131.

** Клейма №№ 40—43 могут быть отнесены к первой половине III в. до н. э.

*** Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, стр. 41, № 16.

1. Клеймо Ἑρμο... (см. рис. 1, *2*) со знаком сокращения датируется временем не позже середины IV в. до н. э.

2. Клеймо Σπαρ... (№ 81 по В. Ф. Гайдукевичу; см. рис. 1, *8*), принадлежавшее Спартоку III, датируется временем не раньше 304 г. до н. э.

3. Клеймо Перисада I (349—310 гг. до н. э.) и его компаньонов, где штемпеля со знаком сокращения явно более ранние.

4. Клейма Σα...Ἱπ... (№ 75 по В. Ф. Гайдукевичу; см. рис. 1, *9*), относящиеся ко времени правления Сатира II (310—309 гг), унаследовавшего от отца его долю в предприятии Гиппократа, очень немногочисленные. Другие (гораздо более многочисленные) клейма, принадлежащие одному Сатиру (Σατυ и Σατ... ; см. рис. 1, *10, 11* — №№ 78 и 79 по В. Ф. Гайдукевичу), как и клейма Притана, безусловно, относятся еще ко времени Перисада I. Поэтому наиболее вероятной представляется последовательная смена форм ΣΑΤΥᶜ, ΣΑΤ, Σ$\overset{\sim}{\text{Α}}$, т. е. от формы со знаком сокращения к форме без знака, а не наоборот.

Из всего этого вытекает, что форма клейма со знаком сокращения является более ранней. Пользуясь хронологией, установленной нами при рассмотрении клейм двойных фирм, мы могли бы провести грань между периодами применения разных форм клейм (со знаком сокращения и без него) примерно в 320 г. до н. э. Эта дата, конечно, весьма условная. Мы все же можем со значительной уверенностью отнести клейма 1-й группы к третьей четверти IV в. до н. э., а 2-й группы — к четвертой четверти IV в. до н. э.[17].

В первой четверти III в. до н. э. сокращенные формы имен на клеймах переходят в полные (см. табл. 2). Особенно отчетливо этот переход виден в серии клейм Спартока III (304—284 гг. до н. э.): Σπαρ... (рис. 1, *8*), Σπαρτόκου (рис. 1, *12*) [18], Βασιλέως Σπαρτόκου (№ 83 по В. Ф. Гайдукевичу; рис. 1, *13*). Характерно, что ни одно клеймо со знаком сокращения не имеет соответствующего ему клейма с тем же именем в полной форме. Это опять-таки подчеркивает хронологическую отдаленность группы со знаком сокращения от группы клейм III в. до н. э. В группе же клейм, относимых нами к последней четверти IV в. до н. э., напротив, имеются имена (в сокращенной форме), соответствующие большинству имен в полной форме на клеймах первой половины III в. до н. э.

Подводя итоги, можно сказать следующее. В I период клеймения черепицы на Боспоре преобладают клейма, дающие первые два слога имени со знаком сокращения. Во II период (четвертая четверть IV в. до н. э.) преобладающей является сильно сокращенная форма имени без знака сокращения[19]. Однако наряду с этим появляется (прежде всего в клеймах Перисада и его компаньонов) тенденция к удлинению имени, переход к характерному для клейм III в. до н. э. начертанию имен в полной форме.

Теперь, установив относительную и абсолютную хронологию боспорских черепичных клейм IV — начала III в. до н. э., посмотрим, какой вид примет картина установления государственной монополии на Боспоре.

Из табл. 2 видно, что 29 эргастериев из числа там приведенных возникают в первый период (найдены 402 экземпляра клейм). В четвертой четверти IV в. до н. э. процесс создания новых «фирм» заметно затухает. Мы имеем здесь только восемь новых предприятий, а может быть еще меньше, поскольку число найденных клейм большинства этих мастерских

[17] В обеих группах клейм можно выделить по две подгруппы — с именами в более краткой и более полной форме (см. табл. 2), которые, по всей видимости, сосуществовали внутри каждого периода.

[18] Из раскопок Фанагории, 1939 г.

[19] Может быть, это объясняется тем, что имена владельцев фирм стали уже достаточно известными.

так незначительно (всего 42 экз.), что, возможно, ранние варианты, по крайней мере некоторых клейм, еще не найдены. В первую четверть III в. до н. э. из числа эргастериев предыдущих периодов сравнительно долго функционировало, видимо, только предприятие Медонта. Число эргастериев, возникших в III в. до н. э., также очень невелико, причем почти все они находились в Фанагории или Горгиппии [20].

Подводя итоги, можно нарисовать такую картину. Третья (и, может быть, отчасти еще вторая) четверть IV в. до н. э.— время бурного возникновения черепичных эргастериев на Боспоре, расцвет частной промышленности; четвертая четверть — начало ее упадка, старые предприятия еще существуют, новые почти не возникают, продукция их очень незначительна. Очевидно, это результат каких-то ограничений, введенных Перисадом I, что положило начало установлению государственной монополии в черепичном производстве.

В короткий период правления Евмела эти ограничения, возможно, были сняты. (На это указывает и самостоятельное существование «фирмы» Гермократа в конце IV в. до н. э.).

В первой четверти III в. до н. э. практика создания двойных фирм уже не возобновляется, но почти все производство черепицы сосредоточивается на царских предприятиях. Частное черепичное производство, по крайней мере в Пантикапее, где монополия проводилась особенно строго, практически сходит на нет. В дальнейшем частные лица могли выпускать черепицу, очевидно, лишь будучи откупщиками царских эргастериев [21] или пользуясь особой привилегией [22].

---

[20] Таковы, например, мастерские Диотима, Неокла, Пантера и Неокла в Фанагории (см. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 124), Евмела и, возможно, Орхама в Горгиппии.

[21] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 26—27.

[22] Клеймо ΕΥΜΕΛΟΥ, например, происходящее из Горгиппии (В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 248), могло принадлежать члену царской семьи.

Г. А. ЛОМТАТИДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА ТБИЛИСИ[1]

В октябре 1958 г. Советская Грузия праздновала 1500-летие города Тбилиси. К этим торжествам с большой любовью готовились вместе со всеми трудящимися республики и работники исторической науки, которым предстояло подытожить все, что было сделано по изучению истории зарождения и сложного, бурного развития этой одной из древнейших в мире доживших до наших дней столиц. Пришлось поработать в этом направлении и археологам. Одним из выводов, к которым они пришли, явилось то, что в силу ряда обстоятельств, обусловивших своеобразную направленность раскопочных работ в Грузии (развернувшихся по-настоящему лишь с 1936 г.), к юбилейной дате Тбилиси оказался в числе древних городов Грузии, изученных меньше, чем такие, как Мцхета, Дманиси, Рустави, в определенном смысле даже Бичвинта и Урбниси, где работы начались лишь недавно, в 1953 г. Одной из причин этого является факт плотной застройки и заселенности столицы, особенно после установления в Грузии Советской власти. Интенсивное строительство способствует, с другой стороны, случайным археологическим открытиям, пробретающим порой немаловажное значение.

Эти случайные открытия давно, еще с первой половины XIX в., привлекают внимание передовой интеллигенции и ученых-историков Грузии. Так, известный исследователь и пропагандист родной старины Платон Иоселиани писал в 1866 г., подытоживая перечень ряда зафиксированных им открытий: «Нынешний Тифлис весь построен на руинах старого Тифлиса. Подпочва, так сказать, его полна остатками древних стен разных эпох и разрушений, всевозможных, разновременных. На глубине двух сажен создатели новых домов находят вещи или нарочно скрытые древними, или случайно брошенные, или существовавшие в слоях земли,— местах древнего жилища, служивших уровнем города»[2]. В 1887 г. в № 29 грузинской газеты «Иверия», редактировавшейся Ильей Чавчавадзе, была опубликована заметка, в которой сообщалось о ряде весьма интересных археологических находок, сделанных при прокладке водопровода в старой части города. Безымянный автор заметки дает совершенно верную, вполне квалифицированную оценку значения этих находок для истории Тбилиси, а затем с нескрываемым сожалением заявляет следующее: «В других просвещенных странах, где имеются археологи, такое открытие привлекло бы большое внимание; оно было бы тщательно обследовано и, если бы даже среди находок не оказалось ничего выдающегося, они много чего сказали бы специалистам об устройстве и сооружениях древнего города». Интересно вспомнить, что это писалось спустя шесть лет после V Археологического съезда, состоявшегося

---

[1] Статья является несколько сокращенным переводом доклада, прочитанного на заседании общего собрания Академии наук ГрузССР 14 октября 1958 г., посвященного 1500-летию Тбилиси.

[2] П. Иоселиани. Описание древностей города Тифлиса. Тифлис, 1866, стр. 268.

в Тифлисе (тогдашнем центре Кавказского наместничества), но ничего не давшего «раскопочной» археологии ни самого Тифлиса, ни вообще Грузии.

Досадный пробел, отмеченный прогрессивной грузинской газетой более 70 лет тому назад, был ликвидирован лишь советской археологией, да и то с явным опозданием и пока не в должном масштабе, как уже говорилось.

В какой же мере раскопаны и изучены археологические памятники Тбилиси? Что и как надлежит сделать в этом направлении?

Естественно выделить две хронологические группы этих памятников.

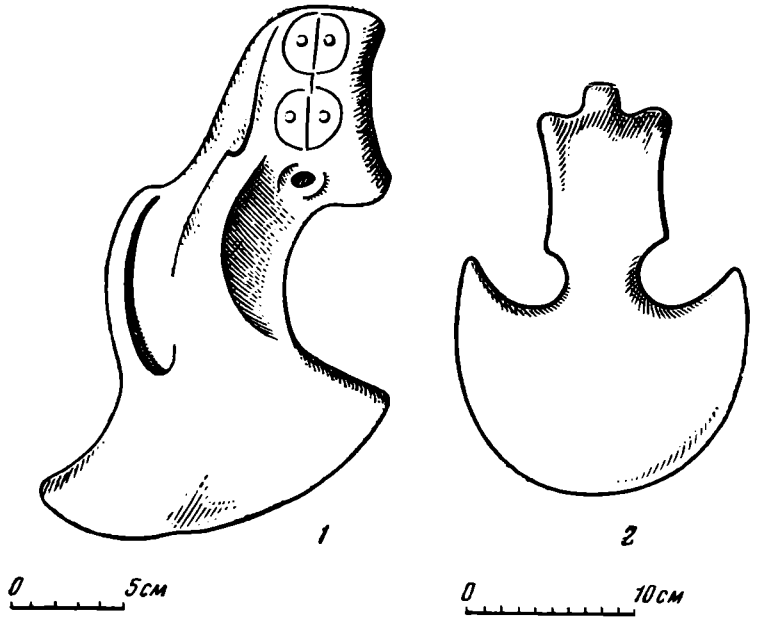

Рис. 1

1 — бронзовая парадная секира из Грма-Геле; *2* — бронзовый топор восточногрузинского типа из погребения позднебронзовой эпохи в Навтлуги

Первую группу составляют памятники достоличного периода. Возраст их предшествует времени превращения Тбилиси в столицу восточногрузинского государства Картли, что́ национальные исторические источники относят ко второй половине V в. н. э., к эпохе царствования выдающегося государственного деятеля Вахтанга Горгасала и его сына и преемника Дачи, закончившего начатое отцом дело устройства новой столицы. Ареал распространения этих памятников почти совпадает с территорией нынешнего, сильно разросшегося (начиная уже с первой половины XIX в.) Тбилиси и, следовательно, во много раз превосходит территорию исторического города, замыкавшегося в тесные рамки цитадели и прилегавших кварталов, обнесенных мощными стенами. Большинство этих памятников вскрыто в пунктах, совпадающих с бывшими «гаретубани» (пригородными районами и селами). Они являются наследием сначала небольших, а затем постепенно укрупнявшихся поселений, образовавшихся на этой территории еще в III тысячелетии до н. э. и ставших впоследствии субстратом, на котором возник мощный укрепленный город — средневековый Тбилиси.

Вторая группа представлена памятниками столичного периода, относящимися к укрепленному городу, основание которого обычно приурочивается к IV в. н. э. В этих границах город дожил до XVIII в., когда получил достоверную картографическую фиксацию в виде известного

плана, составленного в 1730-х годах ученым царевичем Вахушти Багратиони[3].

Памятники второй группы стали предметом планомерного изучения лишь с 1948 г., когда за это дело взялся Институт истории им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР. Случайные же находки, относящиеся к этому периоду, стали накапливаться в Государственном музее им. С. Н. Джанашиа и Тбилисском историко-этнографическом музее уже давно.

Однако внимание специалистов привлекли в первую очередь памятники именно достоличного периода. Так, ныне покойным Г. К. Ниорадзе были изучены случайные находки 1930—1931 гг. в Дидубе. Самыми интересными из них оказались энеолитические предметы — керамика, костяные и каменные орудия и др.[4] Ныне покойному Б. А. Куфтину пришлось, при периодизации триалетских и других синхроничных памятников Грузии, опубликовать и одну найденную в пригороде Тбилиси, Грма-Геле, парадную, украшенную рельефным кружковым орнаментом бронзовую боевую секиру (рис. 1, *1*) «необычной для Кавказа формы». Б. А. Куфтин отнес ее к числу «непосредственных предшественников кобанской поздней бронзы» и сопоставил с переднеазиатскими топорами первой половины III тысячелетия до н. э.[5]

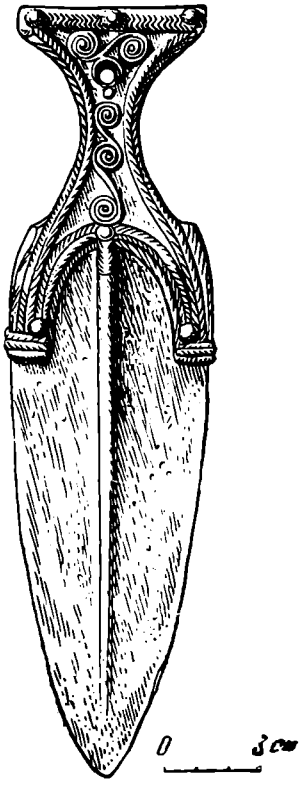

Рис. 2. Бронзовый кинжальчик из погребения начала позднебронзовой эпохи в Грма-Геле

По сообщению, изданному в популярном справочнике, геологу А. Флоренскому, работавшему в 1920-х годах в Грузии, удалось зафиксировать «доисторические поселения», с обсидиановыми стрелками и скребками, керамикой и т. д. на Телетском хребте, в окрестностях монастыря Шав-Набада, к юго-востоку от Тбилиси. Одно из них он относит к концу неолита и началу бронзового века[6]. Ни там, ни в каком-либо другом пункте Тбилиси и его окрестностей не зафиксированы памятники собственно каменного века. Поэтому пока приходится воздерживаться от занесения этой древнейшей и длиннейшей культурно-исторической эпохи на шкалу археологических памятников Тбилиси, несмотря на то, что, вопреки господствовавшему долгое время мнению о заселенности Грузии лишь в эпоху бронзы, советскими исследователями окончательно установлено наличие как нижнего, так и верхнего палеолита и неолита в ряде районов Грузии, в том числе уже и в восточной ее части[7].

В 1949—1950 гг. были открыты грунтовые могильники позднебронзовой поры в двух пригородах по левобережью р. Куры: погребения XIV—XIII вв. до н. э. в Грма-Геле (рис. 2 и 3) и погребения XII—XI вв.

[3] В. В. Беридзе. Тбилиси в XVIII веке, по плану Вахушти. «Аналеби», ежегодник Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, т. I, 1947, стр. 127—144 (на груз. яз.).

[4] Автору не довелось окончить и опубликовать эту работу.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 16—18, рис. 20.

[6] А. Флоренский. Телетский хребет с историко-археологической точки зрения. «Тифлис и его окрестности», путеводитель под ред. И. А. Асланишвили. Тифлис, 1925, стр. 285—287.

[7] См. Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 23—29 (на груз. яз.); А. Н. Каландадзе. К истории формирования дородового общества на территории Грузии. Тр. Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, т. II, 1956, стр. 209—256 (на груз. яз., с русск. резюме).

до н. э. в Навтлуги, у оврага Орхеви, с керамикой, бронзовым оружием (рис. 1, *2*) и орудиями. Эти погребения были раскопаны Д. Л. Коридзе. Изучив обнаруженные им памятники, а также энеолитические памятники из Дидубе, исследовавшиеся Г. К. Ниорадзе, а затем и все памятники дофеодального периода, хранящиеся в Гос. музее Грузии, Д. Л. Коридзе издал их в виде двух книг [8]. Среди этих случайных находок следует отметить: керамику раннебронзовой поры из Сабуртало; погребальный

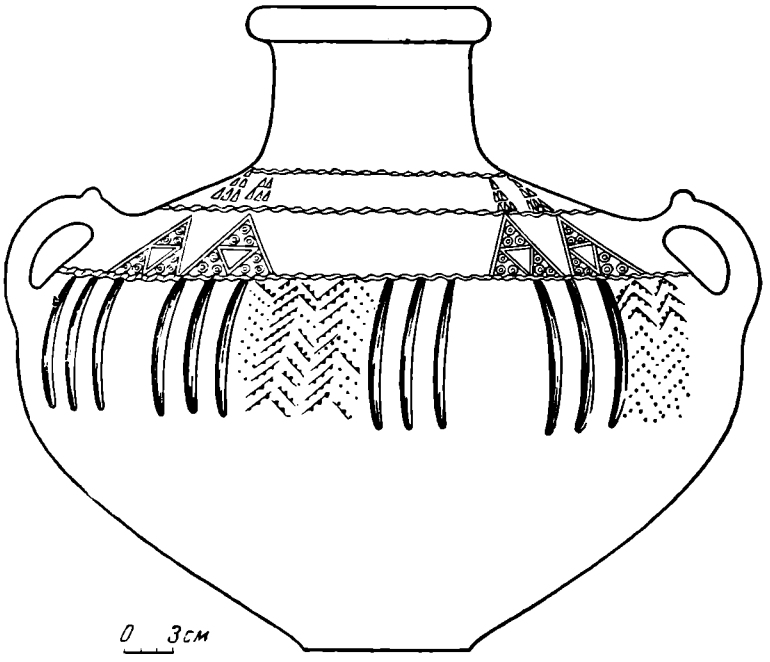

Рис. 3. Чернолощеный сосуд из погребения начала позднебронзовой эпохи в Грма-Геле

инвентарь позднебронзовой поры из Дидубе; бронзовый кинжал конца бронзовой эпохи с территории цитадели Нари-Кала (древнейший из открытых по сей день памятников на территории собственно средневекового города); бронзовый меч начала железной эпохи, найденный при постройке правой набережной р. Куры (рис. 4); инвентарь погребений раннежелезной и античной эпох из Грма-Геле, Надзаладеви, Мта-Цминда, Ваке, Калоубани и др. Особое внимание привлекают памятники I—III вв. н. э.— керамика, украшения, монеты и другие предметы из Ваке (погребение с конем) и некоторых других пунктов. Монографию Д. Л. Коридзе следует считать значительным вкладом в «достоличную» археологию Тбилиси.

Из числа находок, не вошедших в эту работу, но все же опубликованных, надо отметить: бактрийскую монету (III—II вв. до н. э.), найденную в Калоубани; боспорскую монету (I в. до н. э.), найденную в Орта-Чала; римский денарий Августа, найденный в Варазис-Хеви [9], грузинские монеты VII в. н. э., найденные недалеко от храма VI в. Анчис-Хати [10], и др. Заметим, кстати, что вообще в Тбилиси и его окрестностях обнаружено немало различных монет (в том числе чеканенных в Тбилиси), и они изучаются Д. Г. Капанадзе [11].

---

[8] Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, ч. I, Тбилиси, 1955; ч. II, 1958 (русское резюме).

[9] Д. В. Гвритишвили, Ш. А. Месхиа. История Тбилиси. Тбилиси, 1952, стр. 19 (на груз. яз.).

[10] П. Иоселиани. Ук. соч., стр. 268.

[11] Д. Г. Капанадзе. Тбилисский диргем Али Бен Джафара X века. ВГМГ, т. XII-B, 1944 (на груз. яз., с русским резюме); его же. Несколько замечаний о гру-

За последние годы разведочными работами выявлен ряд новых памятников достоличного периода. Так, И. А. Гзелишвили были собраны и опубликованы предметы погребального инвентаря III—I вв. до н. э., открытые при строительных работах в Сабуртало [12]; О. В. Ткешелашвили открыт могильник бронзовой эпохи около пригородного села Дигоми, Г. К. Григолия — остатки поселения той же эпохи на холме у Ортачал ГЭС [13]; Е. Д. Мачавариани фиксировала случайные открытия погребений I—III вв. н. э. с интересным инвентарем (глиняной и стеклянной посудой) на территории завода в Грма-Геле [14] и т. д.

Однако нельзя было довольствоваться случайными открытиями, какими бы интересными они ни были, и уже в 1946 г., при составлении послевоенной пятилетней программы исследовательских работ, Институт истории им. И. А. Джавахишвили запланировал, наряду с другими объектами, начало систематических раскопок и в Тбилиси к предстоящему юбилею столицы. Естественно, решено было начать с территории цитадели Нари-Кала [15]. Но случайное открытие в 1948 г.— в прикуринской правобережной части старого города, рядом с садом им. 300 арагвинцев, заставило Институт заняться в первую очередь этими памятниками (многочисленными остатками керамического производства первой половины XIII в. у городской стены), которым грозило уничтожение при разбивке парка. По инициативе акад. АН ГрузССР Н. А. Бердзенишвили была создана Тбилисская археологическая экспедиция. Пробную кампанию (осенью 1948 г.) она провела под руководством О. М. Джапаридзе [16], а следующие две кампании (зимою 1948 и весною 1949 г.) — под руководством Г. А. Ломтатидзе [17]. Эти раскопки сразу и значительно обогатили наши представления о средневековом Тбилиси.

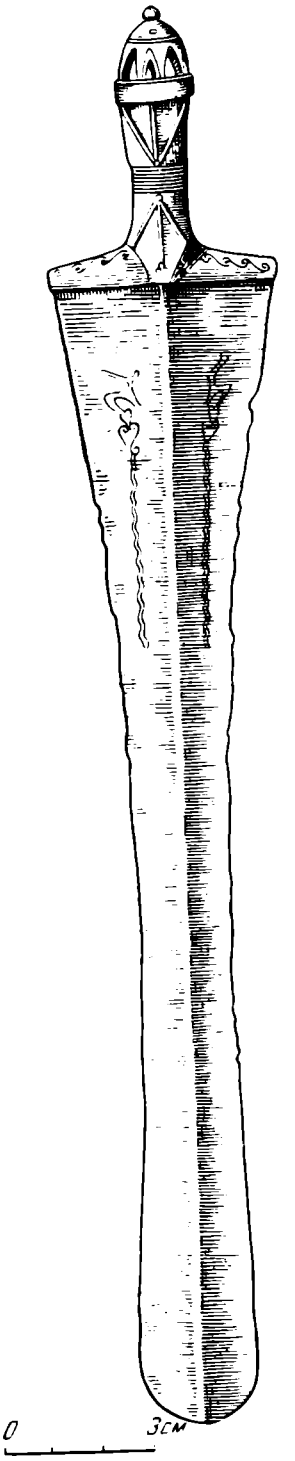

Рис. 4. Бронзовый тупоконечный меч начала раннежелезной эпохи с правой набережной р. Куры в Тбилиси

зино-сасанидских монетах. Сообщ. АН ГрузССР, т. VI, № 1, 1945; его же. Нумизматические находки Тбилисской археологической экспедиции 1956—1957 гг. Тбилиси, 1958; его же. Город Тбилиси по монетам, найденным на его территории. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); его же. К вопросу о происхождении некоторых монет, чеканенных в Грузии по иноземным образцам. Сообщ. АН ГрузССР, т. XXII, № 1, 1959; его же. Грузинская нумизматика. М., 1955.

[12] И. А. Гзелишвили. Новые археологические открытия в Тбилиси. Газета «Тбилиси», 1958, № 172 (на груз. яз.).

[13] Г. К. Григолия. Древнее поселение в нашем городе. «Тбилиси», 1958, № 198.

[14] Находки опубликованы, см. Д. Л. Коридзе. Новые археологические открытия на территории Тбилиси. «Тбилиси», 1958, № 157.

[15] План научно-исследовательских работ Академии наук Грузинской ССР на 1946—1950 гг. Тбилиси, 1946, стр. 8.

[16] О. М. Джапаридзе. Отчет о раскопках 1948 г. в Ганджис-Кари. МАГК, т. I, 1955, стр. 89—99 (на груз. яз., с русск. резюме).

[17] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 г. (на груз. яз., с русск. резюме), МАГК, т. I, стр. 119—170; см. его же. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. СА, XXVII, 1957.

В 1949 г. Отделом охраны памятников культуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров Грузинской ССР была проведена реставрационная расчистка (под руководством А. Н. Каландадзе) остатков дворца царя Ростома (XVII в.). От дворца уцелели в основном вспомогательные помещения, и в первую очередь баня. Это был первый случай раскопок дворцовых сооружений, которых в Тбилиси — городе, систематически подвергавшемся ожесточенным разрушениям вторгавшимися в него вражескими полчищами, сохранилось вообще немного.

Рис. 5. Гипсовый слепок с резного изображения вельможи на халцедоновой печати (IV—V вв. н. э.). Из раскопок на площади Ираклия Второго

Тбилисская археологическая экспедиция, возобновив в 1956 г. раскопки (под руководством И. А. Гзелишвили и при консультации Н. А. Бердзенишвили), провела три кампании в старой части города, недалеко от вышеупомянутых остатков дворца, на площади Ираклия Второго, в ограде храма Анчис-Хати и других местах. Вскрыв ряд весьма важных памятников, экспедиция внесла новый вклад в археологию Тбилиси. Особенно интересным следует считать семиметровый разрез, сделанный в сквере на площади Ираклия Второго и вскрывший культурные слои, начиная с IV — V вв.— времени основания столицы (представленного своеобразной, уводящей в позднеантичную эпоху, керамикой, замечательной каменной печатью с резным изображением вельможи, обрамленным ветвями (рис. 5), и т. д.) [18] и кончая XVII веком, представленным остатками керамического трубопровода, снабжавшего родниковой водой дворец царя Ростома. Другие раскопы дали богатую коллекцию художественной глазурованной керамики XII—XIII в. (в том числе поливную миску с полихромным изображением грузинского воина в доспехах и несколько фрагментов поливных мисок с грузинскими надписями), тигелек для плавки золота, фрагмент каменного декора первоначального сооружения храма Анчис-Хати (VI в.) и т. д. Находки экспедиции легли в основу новой юбилейной экспозиции Тбилисского историко-этнографического музея, участвовавшего в раскопках [19].

Вышеуказанный глубокий разрез в сквере на площади Ираклия Второго показывает перспективность таких разрезов в старых кварталах города, где исключительно тесная застройка делает практически невозможной закладку больших раскопов. Следует учесть и результаты геологоразведочного бурения, которым в ряде пунктов старого города зафиксированы культурные слои на глубине 15—20 *м* [20].

Столь успешные результаты перечисленных выше небольших по масштабу раскопочных работ стимулировали образование к юбилею группы по археологическому изучению Тбилиси Археологическим координационным советом при Президиуме АН ГрузССР. Группа эта, состоящая из

---

[18] Следует подчеркнуть, что именно этот материал дал возможность исследователям с достаточной убедительностью выделить и классифицировать грузинскую керамику раннефеодальной эпохи, которую мы до этого знали гораздо меньше, чем керамику среднефеодальной эпохи (XI—XIII вв.). Лично нам впервые пришлось обратить внимание на подобную раннюю (в том числе поливную) керамику при раскопках в 1950—1952 гг. первоначальных сооружений Уджармской крепости (III—V вв. н. э.). См. Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 г., стр. 165, примеч.

[19] Результаты раскопок 1956—1958 гг. пока опубликованы лишь предварительно в виде газетных и журнальных статей И. А. Гзелишвили и О. В. Ткешелашвили на грузинском языке (газ. «Комунисти», 1957, № 116; журн. «Дроша», 1957, № 6; газ. «Комунисти», 1958, № 180; журн. «Мецниереба да техника», 1958, № 12), а также руководителя группы по археологическому изучению Тбилиси при Президиуме АН ГрузССР Г. А. Ломтатидзе (см. «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 268—269).

[20] Г. А. Ломтатидзе, И. А. Гзелишвили. Новые материалы к археологии Тбилиси. Журн. «Мецниереба да техника», 1956, № 8 (на груз. яз.).

представителей Института истории, Гос. музея Грузии и Тбилисского историко-этнографического музея, составила перспективный план, с учетом I Всесоюзного археологического съезда, который намечается провести в Тбилиси в 1961 г. На этот раз в центре внимания — развалины большой цитадели Нари-Кала, а также остатки замка Метехи, обещающие немаловажные открытия (остатки дворцовых сооружений; древнейшие слои, соответствующие первоначальным крепостным сооружениям, и т. д.).

* * *

Обобщая рассмотренные выше открытия, находки и соответствующие литературные материалы, можно дать следующий предварительный очерк «археологической истории» Тбилиси.

Тот отрезок среднего течения р. Куры, характеризующийся наличием весьма узкой скалистой теснины, который занимает нынешний Тбилиси, вытянувшийся вдоль реки уже на 20 *км*, можно считать привлекательным для человека во все времена, удобным для образования не очень отдаленных друг от друга поселений и успешного ведения хозяйства, со всеми основными его отраслями. Вполне закономерно поэтому, что уже на заре эпохи металла такие поселения появились на обоих берегах Куры. Теоретически можно предполагать заселение этого микрорайона в гораздо более отдаленные эпохи: еще в палеолите здесь на лесистых скалах, плато и террасах могли найти себе приют и пропитание охотники и собиратели. В пользу этого говорят и следующие факты. Во-первых, как уже отмечалось, есть сигнал о находке, возможно, неолитических орудий на юго-восточной окраине городской зоны. Во-вторых, за последние годы палеолит и неолит определенно зафиксированы уже и в Восточной Грузии, в бассейне Куры (а до этого они были известны лишь в Западной Грузии). В-третьих, грузинским палеонтологам удалось сравнительно недавно обнаружить в 70 *км* к юго-востоку от Тбилиси, в пустыне Гареджис-Удабно, остатки человекообразной обезьяны, получившей название Udabnopithecus garedziensis, а это открытие позволяет причислить Восточную Грузию к одной из азиатских зон антропогенеза [21].

Реально же древнейшими археологическими памятниками «Большого Тбилиси» (т. е. территории нынешнего города и его пригородов) следует пока считать энеолитическую керамику, орудия и костные остатки, открытые в Дидубе Г. К. Ниорадзе и относящиеся к рубежу IV—III тысячелетий или к началу III тысячелетия до н. э. Они свидетельствуют о наличии земледелия, скотоводства (кости коровы, козы и даже лошади), охоты и рыболовства, уже довольно развитых гончарного и ткацкого ремесел. Можно предсказать, что в дальнейшем будет обнаружено еще не одно энеолитическое поселение на таких же небольших возвышениях и террасах по обоим берегам Куры. Как выяснилось в результате интенсивных исследований за последние два десятилетия, в энеолитическую эпоху Грузия была уже довольно густо заселена и наиболее доступные и пригодные при тогдашней сельскохозяйственной технике земледельческие участки были уже освоены. Дидубийские памятники, так же как и энеолитические памятники из близлежащего Кикети, из Бешташени, из окрестностей г. Сталинира, из Урбниси (Ква-Цхелеби) и других пунктов, составляют яркую, характеризующуюся своеобразием и высоким уровнем культуру, которую, пожалуй, можно уже называть «грузинским энеолитом».

Следующий за энеолитом большой культурно-исторический период — эпоха бронзы (II тысячелетие до н. э.) — и в Грузии отмечена сильным прогрессом хозяйства и культуры, в частности, постепенным расцветом бронзовой металлургии и черно-серой лощеной керамики. Ранний и сред-

[21] Н. О. Бурчак-Абрамович, Е. Г. Габашвили. Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии. Сообщ. АН ГрузССР, т. VI, 1945, стр. 451—464; А. Н. Каландадзе. Ук. соч.

ний этапы этого периода в «Большом Тбилиси» выявлены пока лишь спорадически, но нельзя вновь не вспомнить парадный бронзовый топор из Грма-Геле (скорее среднебронзового периода), который, видимо, принадлежал уже выделившемуся из коллектива воину-вождю.

Гораздо обильнее представлены в «Большом Тбилиси» (так же как и вообще в Грузии) памятники позднебронзового периода. Интересно, что один из основных памятников этого времени — могильник — обнаружен в том же Грма-Геле, недалеко от Дидубе, а остальные в Навтлуги (могильник), у ОртачалГЭС (керамика и другие остатки поселения), на горе Нари-Кала (бронзовый кинжал) и др. Эти два последних пункта являются типичными образцами тех холмов-поселений, выявление (уже сотнями) и изучение которых (как зачаточных ядер многих крупных населенных пунктов последующих времен) усиленно ведется за последние годы под общим руководством Н. А. Бердзенишвили. Особенно важной для истории города-крепости Тбилиси является Нари-Кала, где можно предполагать существование укрепленного поселения уже в позднебронзовую эпоху — в конце II тысячелетия до н. э.

Хозяйство населения Тбилиси и его окрестностей остается в основном таким же (в смысле отраслевого состава), каким было на предыдущих этапах, но, естественно, в культуре и технике наблюдаются явные сдвиги, особенно в последние века II тысячелетия до н. э., к которым относятся памятники из могильника Навтлуги-Орхеви (памятники из Грма-Геле датируются несколько более ранним периодом). Тбилисская черная и серая лощеная керамика, а также бронзовые оружие и орудия этого времени находят точные аналогии, с одной стороны, среди обильного погребального инвентаря мцхетского могильника Самтавро, а с другой — среди такого же инвентаря из ряда синхроничных некрополей крайней восточной области Грузии — Кахети, отличающегося некоторым своеобразием по сравнению с Самтавро. Следовательно, материал из Грма-Геле и Навтлуги образует как бы некоторое переходное, соответствующее промежуточному географическому положению тбилисского района (и, следовательно, его населения) звено между племенными группами, населявшими низовья р. Арагви, с одной стороны, и среднее и отчасти верхнее течение рек Иори и Алазани, с другой. В целом же все эти памятники входят в тот мощный и уже ярко очерченный для рассматриваемого этапа культурно-исторический комплекс, за которым в грузинской археологии утвердилось название восточногрузинской (или иберской) бронзовой культуры, образовавшейся параллельно с западногрузинской (или колхской, явно перекликающейся с кобанской). Вполне естественно полагать, что этническая принадлежность населения тбилисского района в те времена в общем та же, что и населения Кахети, а также Мцхета и других районов Картли, в которых цветущая бронзовая культура одинаково органично вырастает и развивается на почве оседлой энеолитической культуры.

Начало раннежелезной эпохи представлено пока менее многочисленными материалами. Но уже наличие прекрасного бронзового рубящего меча этого времени (типично «иберского», с обрубленным концом, что является одной из характерных черт восточногрузинской позднебронзовой культуры) дает нам основание говорить о том же высоком уровне развития, какой наблюдается в Мцхета. (Самтаврские «погребения знатных воинов» содержит бронзовые мечи иногда уже в сопровождении единичных железных предметов) [22]. Античная эпоха — период формирования государства и возникновения городов — в Мцхета, как известно, представлена блестящими археологическими памятниками (акрополи в Армазцихе-Багинети и в Севсамора-Цицамури, железное производство в Саркинети, аристократическая резиденция с фамильным некрополем в Армазис-Хеви

[22] Г. А. Ломтатидзе. Бронзовые мечи и кинжалы из древнейших погребений Самтавро. Тбилиси, 1944 (с русск. резюме).

и т. д.) [23], а в Тбилиси — пока лишь несколькими погребениями. Качественно новым компонентом их инвентаря являются монеты, древнейшие из которых представлены бактрийскими (III—II вв. до н. э.). Затем имеются сирийская монета II в. н. э., боспорские I—III вв. н. э., римский денарий I в. н. э. и т. д. Многочисленность монет, наряду с наличием некоторых явно импортных украшений, свидетельствует о том, что подобно столице Картли-Иберийского государства — Мцхета, расположенный недалеко от нее (в 25 *км* к юго-востоку вниз по течению Куры) Тбилиси, видимо, уже представлял собой значительный населенный пункт, вовлеченный в орбиту оживленных международных торговых сношений. О том, что этот населенный пункт носит уже характер поселения городского типа, может говорить наличие среди инвентаря погребений I—II вв. н. э. золотых погребальных венцов, высококачественных стеклянных сосудов и т. д., а также факт обнаружения (в Ваке, в 1933 г.) гробницы, построенной из кровельной черепицы, где и был найден золотой венец. Такая черепица встречается в первые века нашей эры лишь на территории городов и их пригородов как строительный материал для перекрытия зданий или для постройки гробниц [24]. Эти находки позволяют предполагать, что, видимо, поселение городского типа в Тбилиси возникло задолго до IV в., может быть, уже на рубеже нашей эры. Для подкрепления этой гипотезы необходимо приумножить аналогичные наблюдения, а также выявить раскопками древнейшие слои, остатки первоначальных сооружений в кремле города — Нари-Кала и на месте бывш. Метехского замка, где, по устным сведениям, при земляных работах в середине 1930-х годов вскрыты остатки сооружений античного облика. Нам кажется, что значительный субстрат этого периода должен иметься в обоих этих важнейших для истории города «командных» пунктах, расположенных на противоположных берегах Куры, стесненной здесь высокими скалами в виде узкого каньона, представляющего собой и весьма удобное место для моста.

Вообще же, в связи с этим вопросом еще раз ставится под сомнение утвердившееся по инерции мнение о том, что ряд средневековых городов Грузии следует считать возникшими на «пустом месте», так как письменные источники не упоминают о них при повествовании о событиях более раннего времени. В частности, к такому же заключению мы приходим и в отношении Гори, где раскопок пока не было, но имеются случайные открытия, позволяющие видеть там значительный укрепленный город в античную эпоху (кладка из тесаных квадров и сырца типа багинетской и других оград и черепица под средневековыми крепостными сооружениями на горе [25]; фрагмент головы каменной статуи античного облика [26], погребения с инвентарем «городского типа» в равнинной части города [27] и т. д.).

Итак, всё, о чем шла речь, относится к тому отрезку по меньшей мере 5000-летней истории Тбилиси, который совершенно не отражен ни в национальных, ни в иноземных письменных источниках. В сочинениях древнегрузинских историков Тбилиси впервые упоминается при повествовании о событиях, имевших место во время царствования картлийского царя Вараз-Бакура (в 70—90-х годах IV в.); город описывается как значительный стратегический пункт, который становится резиденцией питиахша

---

[23] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 62—91.

[24] Г. А. Ломтатидзе. К культурной и социальной характеристике населения Грузии в I—III вв. н. э. Тр. Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, т. I, 1955, стр. 341, 368 (на груз. яз.).

[25] Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., стр. 120.

[26] Хранится в Горийском историко-этнографическом музее.

[27] С. И. Макалатия. К датировке Горийского некрополя. Тр. Горийского гос. пед. ин-та им. Н. Бараташвили, т. II, 1947, стр. 99—106 (на груз. яз., с русск. резюме); Г. А. Ломтатидзе. Отчет Урбнисской археологической экспедиции за 1956 г. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

(груз.— «эристави») сасанидского шаха, присланного для контроля за действиями картлийского царя, находившегося в Мцхета для обеспечения уплаты последним дани Ирану. При этом питиахш якобы возводит «крепость для Мцхета меж вратами Тбилиси» и, добившись уплаты картлийцами дани, возвращается в Иран, а крепость передает Вараз-Бакуру [28]. Начиная с этого момента, древнегрузинские историки уже неотступно следят за судьбой Тбилиси: одно время упоминают его наряду с Мцхета и другими городами Картли, а для начала VI в. величают его уже «царским домом», т. е. столицей, сообщая, что Вахтанг Горгасал (вторая половина V в.) приступил к постройке города [29] и завещал завершение этого дела своему сыну Дачи, который, достроив ограду, сделал Тбилиси столицей [30].

Таким образом, если до IV в. н. э. археологический материал является единственным источником для истории Тбилиси, то после IV в. он уже сохраняет лишь роль одного из источников. Однако это вовсе не умаляет его значения и для этого нового периода: часто письменные сообщения все еще немногословны, отрывочны и односторонни, а раскопками иногда вскрывается такое обилие разнообразных памятников, что эти сообщения значительно пополняются и уточняются. Указанные памятники дают возможность лучше разобраться в топографии и характере застройки города; изучить уровень и характер его материальной культуры, особенности последней, а также общенациональные ее черты; проследить взаимоотношения Тбилиси с другими грузинскими или более дальними городскими центрами, а также с селами Грузии и т. д.

Так, например, раскопки И. А. Гзелишвили показали, что на том участке правобережной террасы Куры, на котором расположены древнейшие из сохранившихся в Тбилиси (первоначально возведенные уже в VI в.) храмы Анчис-Хати и Сиони, следует предполагать существование довольно значительных кварталов городского поселения (начиная если не с III, то с IV в. н. э.), удаленных от цитадели, но все-таки служивших обиталищем знати. Это наше предположение базируется на вышеупомянутом факте находки халцедоновой печати с резным изображением мужского профиля в обрамлении ветвей (см. рис. 5). Многочисленные находки из того же слоя, датируемого IV—V вв., дают наглядное представление о том, какого типа глиняной и стеклянной посудой пользовались жители Тбилиси тех времен. Начиная с указанного уровня, можно по слоям проследить эволюцию технологии и художественного облика керамики, производившейся и употреблявшейся в Тбилиси до второй половины XIII в., и в частности — эволюцию мастерства и стиля глазуровки и декоровки глиняной посуды. Наконец, особое значение приобретает факт находки в этом же районе города первой собственной монеты феодального государства Картли — серебряной «драмы», битой правителем, или «эрисмтавари», Степанозом в начале VII в.

Далее, приходится склониться к предположению, что цитадель построена еще в конце античной эпохи именно на той самой подходящей (высокой, удлиненной и с трех сторон ограниченной скалистыми обрывами и ущельями) горе, которая была оценена с этой точки зрения намного раньше, еще в эпоху бронзы.

В Мцхета раскопано гораздо больше, чем в Тбилиси, археологических памятников, в частности — могильников с многочисленным инвентарем, даже для раннесредневекового периода (IV—VIII вв.), который раньше в Тбилиси не был археологически зафиксирован. Изучение инвентаря мцхетских гробниц IV—VIII вв. показывает, что даже после перенесения столицы из Мцхета в Тбилиси и последовавшего за этим процесса — выражаясь словами древнегрузинского историка — «обмеления» первой

[28] Картлис Цховреба. Список царицы Анны. Тбилиси, 1942, стр. 86 (сочинение Леонти Мровели) (на груз. яз.).

[29] Там же, стр. 136 (сочинение Джуаншера).

[30] Там же, стр. 140 (сочинение Джуаншера).

и «усиления» второго[31], Мцхета еще на протяжении столетий[32] остается важным городом и центром ремесел и торговли. Мцхета, вероятно, конкурировала с новой столицей, так же как конкурировал (возможно, с обоими) Рустави[33].

Гораздо больше материала, по сравнению с раннесредневековой эпохой, дали раскопки для изучения городской жизни и материальной культуры Тбилиси в среднефеодальную эпоху, в XI—XIII вв. Одной из причин этого является и то, что здесь мы имеем дело в основном с остатками производства. Выяснилось, в частности, что в юго-восточном секторе города (там, где ныне расположен сад им. 300 арагвинцев) были сосредоточены мастерские по изготовлению поливной керамики и стекла, пристроенные к ограде (как это всегда практиковалось в средневековых городах), а около северо-западной стены (в районе храма Анчис-Хати) также можно предполагать наличие керамических мастерских, а в некотором отдалении — и златокузнечных. Раскопки в саду им. 300 арагвинцев вскрыли и внутренний, одновременный с мастерскими, фасад городской стены (наружный возобновлен в XVII—XVIII вв.). Перед нами предстал отличающийся явным своеобразием фрагмент ограды эпохи Руставели, подобных которому вообще немного уцелело в Тбилиси, перенесшем на своем веку множество разрушений и возобновлений. Сами мастерские, по-видимому, стали жертвой одного из вражеских вторжений, претерпели сильный пожар, а мастера были умерщвлены. Судя по нумизматическим находкам, это произошло во второй половине XIII в.[34] Таким образом, раскопанные остатки мастерских становятся одним из красноречивых свидетельств ожесточенных вражеских нашествий на средневековый Тбилиси, так же как и картина разорения и избиения жителей г. Рустави, выявившаяся в результате раскопок 1950 г.[35]

До гибели эти мастерские долгое время, может быть, на протяжении ряда десятилетий, работали интенсивно, на высоком техническом и художественном уровне. Об этом говорят выявленные раскопками остатки семи обжигательных печей, инструментария, готовых изделий (не успевших дойти до потребителя), полуфабрикатов, а также огромной свалки, состоявшей из брака и лома. Они снабжали художественной поливной посудой и строительной керамикой, а также стеклянными сосудами и украшениями[36] население Тбилиси и других пунктов Грузии, в том числе и сел, о чем можно судить по тому, насколько обильно представлены указанная посуда и стеклянные браслеты в раскапывавшихся селищах среднефеодальной эпохи, особенно в Восточной Грузии. Будучи вполне доступной по цене, продукция этих мастерских отличается несомненными художественными достоинствами (рис. 6). Подавляющее большинство представлено чашами и мисками с подглазурными гравированными или полихромно-расписными орнаментами и изображениями, среди которых особенный интерес вызывают изображения птиц (рис. 6, *1*), животных, людей и фантастических существ. Перекликаясь с одновременной и однотипной керамикой других закавказских и ближневосточных стран, тбилисская керамика, так же как и дманисская, руставская и т. д., имеет явно выраженный самобытный характер, будучи произведением грузинских масте-

[31] Картлис Цховреба, стр. 145 (сочинение Джуаншера).

[32] Видимо, до опустошительного похода арабского полководца-карателя Мервана Глухого в VIII в.

[33] Н. Н. Угрелидзе. К истории производства стекла в древней Грузии. (Стеклянные сосуды IV—VIII вв. из Самтаврского могильника). Автореферат канд. диссертации, Тбилиси, 1955; Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт раннефеодальной Грузии. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); см. также «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 267.

[34] Г. А. Ломтатидзе. Раскопки в Тбилиси весною 1949 года. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

[35] Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. МАГК, т. I, стр. 186, 201 (на груз. яз., с русск. резюме).

[36] Стеклянные изделия из этих мастерских специально изучались Н. Н. Угрелидзе.

ров-христиан [37]. Наряду с посудой, в изученных нами керамических мастерских обжигались и поливная черепица, и изразцы для покрытия и внутренней облицовки крупных общественных или культовых сооружений. Не исключена возможность, что именно из этих мастерских и происходила та черепица с голубой поливой, которая составляла первоначальный покров перекрытия построенного в XII в. при царице Тамаре пригородного тогда храма, ныне — «Синего монастыря», находящегося сейчас уже в центре современного Тбилиси, на улице Важа Пшавела [38]. Нельзя не отметить также, что Квемо-Картлийской историко-археологиче-

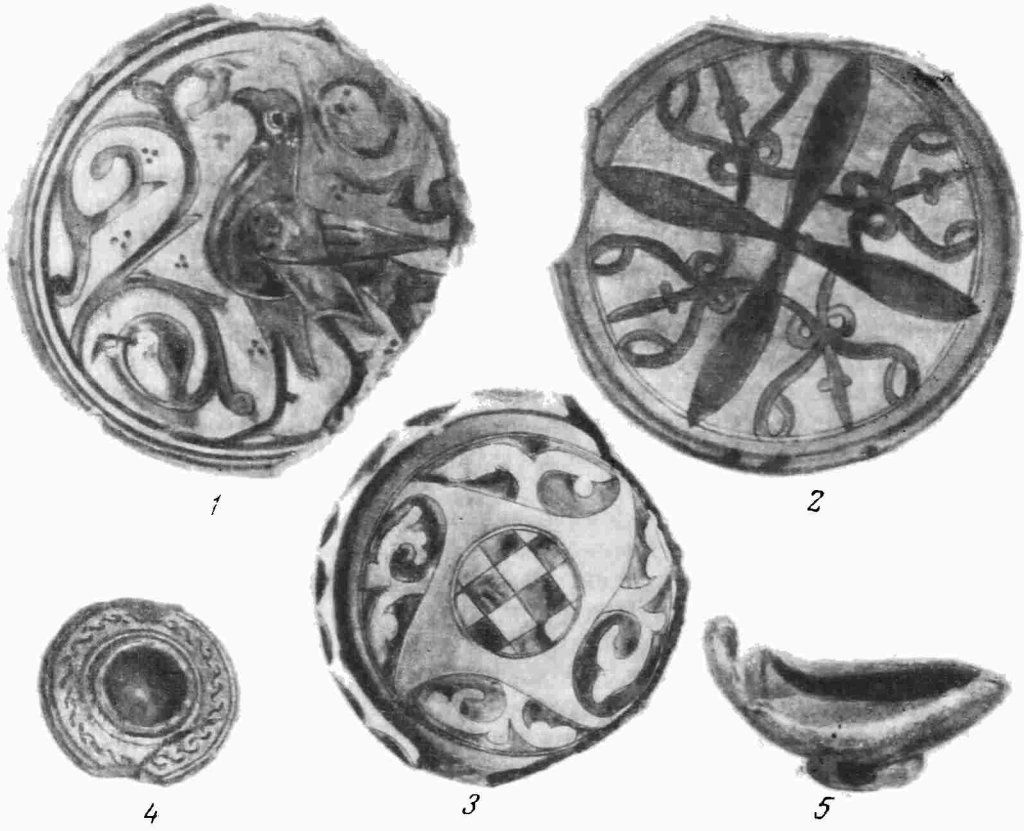

Рис. 6. Образцы поливной керамики из мастерской XIII в., раскопанной в саду им. 300 арагвинцев

1 — полихромная миска с изображением птицы; *2, 3* — полихромные миски с орнаментом; *4* — «солонка»; *5* — светильник

ской экспедицией, работавшей несколько лет под руководством Н. А. Бердзенишвили в районах к югу от Тбилиси, зафиксировано в ряде памятников XI—XIII вв. наличие черепицы со стилизованным рельефным изображением цветка, а также фигурных изразцов, совершенно аналогичных обнаруженным среди развалин тбилисских мастерских экземплярам [39].

---

[37] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки зимою 1948 г. в Тбилиси МАГК, т. I (на груз. яз., с русск. резюме); его же. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии. СА, XXVII, 1957; В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, 1953; его же. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. (по археологическим данным). Тбилиси, 1956 (на груз. яз., с русск. резюме).

[38] В. В. Беридзе. «Синий монастырь» в Тбилиси. Ars Georgica, т. 2, 1948 (на груз. яз.); Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки зимою 1948 г. в Тбилиси, стр. 152.

[39] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Тбилиси зимою 1948 г., стр. 152, 153, 158.

Это наблюдение дало основание, в частности, предполагать, что производство «черепицы с цветком», возможно, являлось монополией определенного лица или даже государства, и цветок служил знаком этой монополии [40].

Поскольку рядом с керамическими мастерскими были и стекольные, то можно говорить о производственном комплексе, тем более что у этих двух отраслей ремесленного производства имеется общее сырье (стекольное и глазурное), а также краски.

Наконец, следует вспомнить и одно наблюдение, сделанное при раскопках: ремесленники, видимо, и жили, и столовались там же, при мастерских, образуя нечто вроде «цехового коллектива». На это указывают ряд хозяйственных и кухонных приспособлений и множество костных остатков мясной пищи, обнаруженных среди развалин.

Таким образом, мы имеем дело с памятниками ремесленного производства в столице Грузии среднефеодальной эпохи, которые в настоящее время уже не являются единственными для Кавказа (особенно после раскопок Орен-Калы в Азербайджане), но все же сохраняют незаурядное значение. При этом следует подчеркнуть исключительное обилие и разнообразие добытых раскопками материалов, которые еще ждут детального исследования.

Что касается позднефеодальной эпохи, то здесь археологией Тбилиси пока сказано немного, однако кое-что уже можно констатировать. В частности, имеется определенное представление об устройстве царского дворца (и особенно — его вспомогательных помещений), о системе и технике водоснабжения и канализации дворца, крепости, монастырей и жилых кварталов и т. д. [41].

* * *

В заключение нельзя вновь не подчеркнуть, что археологам, изучающим Тбилиси, важнейшие открытия еще только предстоят, что перспективы дальнейшего планомерного изучения немалы. Если бывает затруднительно развернуть раскопки в застроенных кварталах, то имеется ряд объектов (в первую очередь, развалины цитадели Нари-Кала и Метехского замка), где это препятствие отпадает и можно ожидать выявления ряда первоклассных памятников (в том числе остатков царских дворцов определенного периода) и установления основных слоев, основных строительных периодов, отражающих этапы зарождения и развития города.

---

[40] И. Н. Цицишвили. Архитектурный комплекс «Монастери». Мимомхилвели (ежегодник Института истории им. И. А. Джавахишвили), т. II, 1955, стр. 299 (на груз. яз., с русск. резюме); Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки зимою 1948 г. в Тбилиси, стр. 152—153; его же. Отчет об археологических работах Квемо-Картлийской историко-археологической экспедиции (1948, 1949, 1954 гг.). Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

[41] Водопроводам и некоторым другим гидротехническим сооружениям, вскрытым раскопками или обнаруженным случайно, посвящены следующие работы (на груз. яз.): И. А. Гзелишвили, О. В. Ткешелашвили. Из истории водопроводов в древнем Тбилиси. «Мецниереба да техника», 1959, № 12; Г. А. Миндадзе. Материалы к вопросу о водоснабжении древнего Тбилиси. Тбилиси, 1958; К. Кутателадзе. Древнетбилисский водопровод в ущелье Цавкисис-Хеви. Тр. Грузинского политехнического ин-та, № 4, 1958. (Юбилейный сборник, посвященный 1500-летию г. Тбилиси).

Н. Н. ВОРОНИН

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЛАДИМИРА И ЕГО ОКРУГИ

История Владимира и его ближайшей округи известна нам по письменным источникам лишь с XII в. В 1108 г. Владимир Мономах сооружает здесь, на холме над Клязьмой, могучую земляную крепость[1]. В 1158—1165 гг. ниже по течению Клязьмы, на ее крутом берегу, князь Андрей Боголюбский строит при устье р. Нерли свой каменный замок Боголюбов-город[2]. О более раннем этапе в истории этого высокого участка Клязьминского левобережья, игравшего столь крупную роль в жизни Владимирского княжества, ничего не было известно. Лишь на основании найденных «близ губернского города» кладов немецких и куфических монет IX—X вв.[3] я осторожно писал, что «древнейший русский поселок, положивший начало городу, возник здесь, по-видимому, в X—XI вв.»[4]. Организованные в 1953 г. Владимирским областным краеведческим музеем археологические работы во Владимире принесли новый материал по данному вопросу.

Разведка на юго-западном мысу Мономахова города, круто обрывающемся к Клязьме и оврагу Муромского спуска, установила следующую стратиграфическую картину (рис. 1): сверху, под щебнем дорожек парка идет на глубину 0,70—1,0 *м* поздний, перемешанный гумусный слой с линзами песка и включениями глины, содержащий в себе, наряду с современным мусором и битой посудой, многочисленные остатки квадратных и фигурных майоликовых плиток из какого-то сгоревшего здания конца XII в. Скопления этих обломков майолики сопровождаются кирпичным и известковым щебнем и углем, залегавшими иногда отдельными прослойками. Весьма вероятно, что это остатки полов Успенского собора 1185—1189 гг., пострадавших в древности от пожара, вынутые, вместе со строительным мусором, при устройстве каналов калориферного отопления в конце XIX в. и сброшенные на край и под откос соборной горы. Далее, ближе к краю городского холма, идет плотный глинисто-песчаный пласт толщиной до 1 *м*, почти лишенный находок и содержащий единичные угольки, кусочки щебня и извести. Его нижняя линия круто падает вниз, обнаруживая древний склон городского холма. Описанный второй слой является насыпью вала мономаховой крепости 1108 г., который был рассыпан и спущен под откос при планировочных работах 1803—1804 гг., когда на его месте был разбит городской бульвар (впоследствии Пушкинский бульвар, теперь парк культуры и отдыха). Следовательно, теперь контур мыса соборной горы значительно изменен по сравнению с древним, он отодвинулся к югу и западу за счет сброшенной вниз насыпи вала. Древний край горы проходил отступя на 4—5 *м* от ее современной кромки. Ниже идет также наклонный по направлению к краю плато слой мощностью 0,80—1,0 *м* плотной глинистой земли, в котором присутствует лишь

---

[1] ПСРЛ, т. XX, 1910, стр. 103.

[2] ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 580.

[3] А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 5, № 27; стр. 6, № 29.

[4] Н. Воронин. Владимир. М., 1945, стр. 5.

лепная сетчатая и гладкая керамика; никаких других находок, позволяющих датировать слой, нет; нижняя зона этого слоя сильно пронизана песком, имеет кофейный оттенок и почти лишена находок. На вскрытом участке площадью 36 $м^2$ мы имели дело со слоем, сползшим к краю горы, так что и стратиграфическое соотношение керамических остатков не может помочь в их хронологическом расчленении — оба типа керамики залегают в слое равномерно. Разведка в глубь плато показала, что этот древнейший слой исчезает на расстоянии 30—40 *м* к северу от кромки мыса.

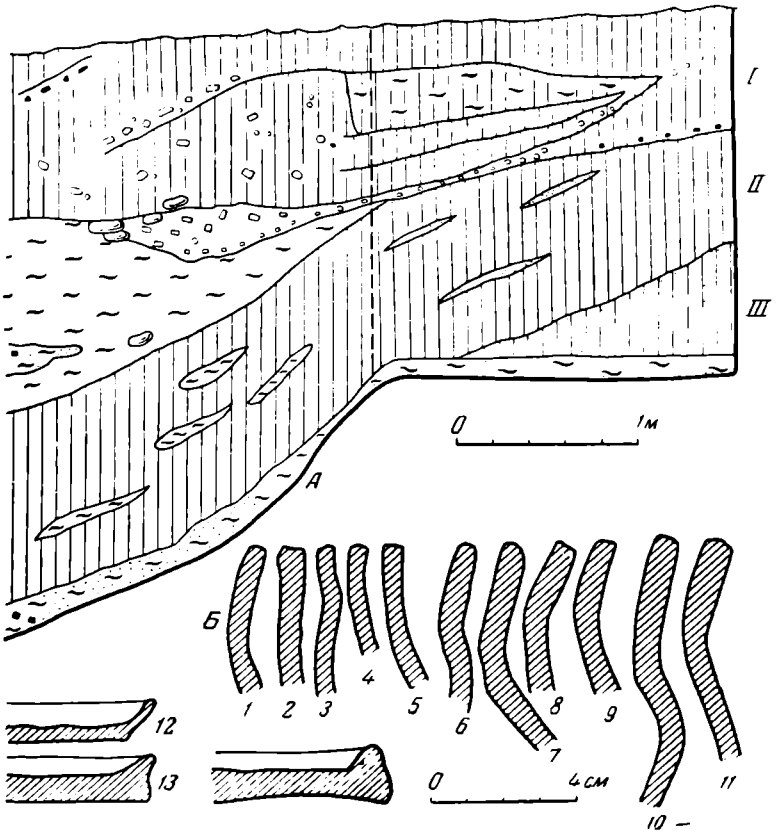

Рис. 1.

А — часть профиля раскопа на мысу соборной горы (западная стенка);
Б — лепная керамика нижнего слоя соборной горы
I — перемешанный гумусный слой; II — глинисто-песчаный слой;
III — плотный глинистый слой с лепной керамикой

Керамика с сетчатыми, ячеистыми, рябчатыми отпечатками имеет коричневато-серый, реже — черный тон. Примеси — мелкий песок и блестки слюды. Черепок плотный, толщиной 5—7 *мм*, венчики прямые; форму сосудов по небольшим фрагментам установить трудно. Днища — с выступающим карнизиком, они также покрыты сетчатыми отпечатками. Таким образом, древнейшее поселение на мысу Мономахова Владимира принадлежит ранней поре дьяковской культуры.

Гладкая лепная керамика (рис. 1) имеет сероватый, изредка охристый тон; тесто с примесью шамота, реже дресвы, образующих шероховатую поверхность с волосяными трещинами и царапинами от заглаживания. Черепок толщиной до 7 *мм*; венчики — прямые с легким изгибом плечей сосуда (рис. 1, *1—5*). Фрагменты гладкой керамики решительно преобладают над сетчатой (589 и 67 экз.).

Следует отметить присутствие в слое гладкой лепной керамики особых форм. Это, прежде всего, обломки лепных глиняных сковородок с невысоким (1—1,5 *см*) бортом, толщиной 5—10 *мм* и диаметром 18—22 *см*, характер фактуры близок к гладкой лепной посуде, описанной

выше (рис. 1, *12—14*). Далее есть единичные обломки лепных сосудов коричневато-охристого тона с подлощенной, глянцевитой поверхностью; форма этих сосудов приближается к горшку — венчик отогнут наружу, плечи обозначились резче, стенки толще; этот тип посуды приближается по профилю к ранней гончарной (рис. 1, *6—9*; ср. рис. 3, *17—23*). Наконец, есть небольшое количество черепков лепной посуды с сильным черным лощением — это сосуды с выпуклыми плечами, близкие по форме позднейшим гончарным горшкам (рис. 1, *10—11*). Эти типы керамики принадлежат иному времени. Глиняные сковороды характерны, в частности, для городищ роменской культуры VIII—X вв. (Монастырище, Вашкевичи[5], Ново-Троицкое поселение[6]), но они есть и на мордовских городищах первых веков нашей эры на Мокше. Обломки «черной глянцевитой посуды» вместе с диргемами IX в. есть на Федяшевском городище[7] и городище Дуна. Однако отдельные фрагменты такой керамики встречаются и в слоях середины I тысячелетия н. э. на верхневолжских памятниках. Коричневая подлощенная лепная посуда находит аналогию в подобной керамике нижнего слоя Мурома IX—X вв.[8] и в мерянских поселениях VI—IX вв.[9] В то же время, гладкая лепная керамика имеет общие черты с лепной посудой из ранних слоев Суздаля[10] и Ярославля[11].

Описанные типы лепной керамики показывают, что и значительно позднее, во второй половине I тысячелетия н. э., соборная гора была занята поселком местного населения и что город и мономахова крепость 1108 г. возникли на давно обжитом месте. Это как будто подкрепляется и упомянутыми выше монетными находками IX—X вв., сделанными под Владимиром. Возможно, что древние поселки были и в глубине городского плато, на что может указывать находка обломка лепного горшка при наших разведках во дворе дома № 11-а по ул. Подбельского (район владимирского торга XII—XIII вв.). Однако полученные разведочные материалы не дают пока оснований для окончательных суждений, равно как нет данных для определения этнического состава населения этого поселка. Существенно, однако, что около Владимира нет славянских могильников с трупосожжениями; русские курганы здесь принадлежат лишь XII в., и вероятнее полагать, что поселение, предшествующее русскому Владимиру, было мерянским.

* * *

После владимирских высот левый берег Клязьмы имеет еще несколько выгодно приподнятых точек вплоть до устья Нерли.

После долины р. Ирпени к востоку от Владимира полого поднимаются высоты, занятые теперь с. Добрым. Юго-западный отрог этих высот, известный в народе под именем городища Березовец, сохранял в середине прошлого столетия валы, называвшиеся у местного населения «курмышами»[12]. А. А. Спицын предположительно относил это городище к дьяковскому времени[13].

---

[5] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 68.

[6] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, рис. 18, *6*, рис. 24, *7—8*.

[7] В. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, 1898, № 7—8, стр. 222.

[8] Раскопки 1946 г. См. Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. 21, 1947, стр. 136.

[9] Попадьинское селище VI—VII вв. и Дурасовское городище VIII—IX вв. (раск. Е. И. Горюновой).

[10] Н. Н. Воронин. Отчет о раскопках 1936 г. в Суздале. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». Л., 1941, стр. 94.

[11] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 184—186.

[12] В. Доброхотов. Древний Боголюбов-город и монастырь с его окрестностями. М., 1852, стр. 100.

[13] А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 132.

В центральной части добросельской высоты лежит территория древнего Константино-Еленинского монастыря, возникшего, вероятно, еще в домонгольское время и известного по знаменитой уставной грамоте митрополита Киприана 1391 г., фиксировавшей «старые пошлины» феодальных взаимоотношений крестьян с монастырем [14]. К северо-востоку от мона-

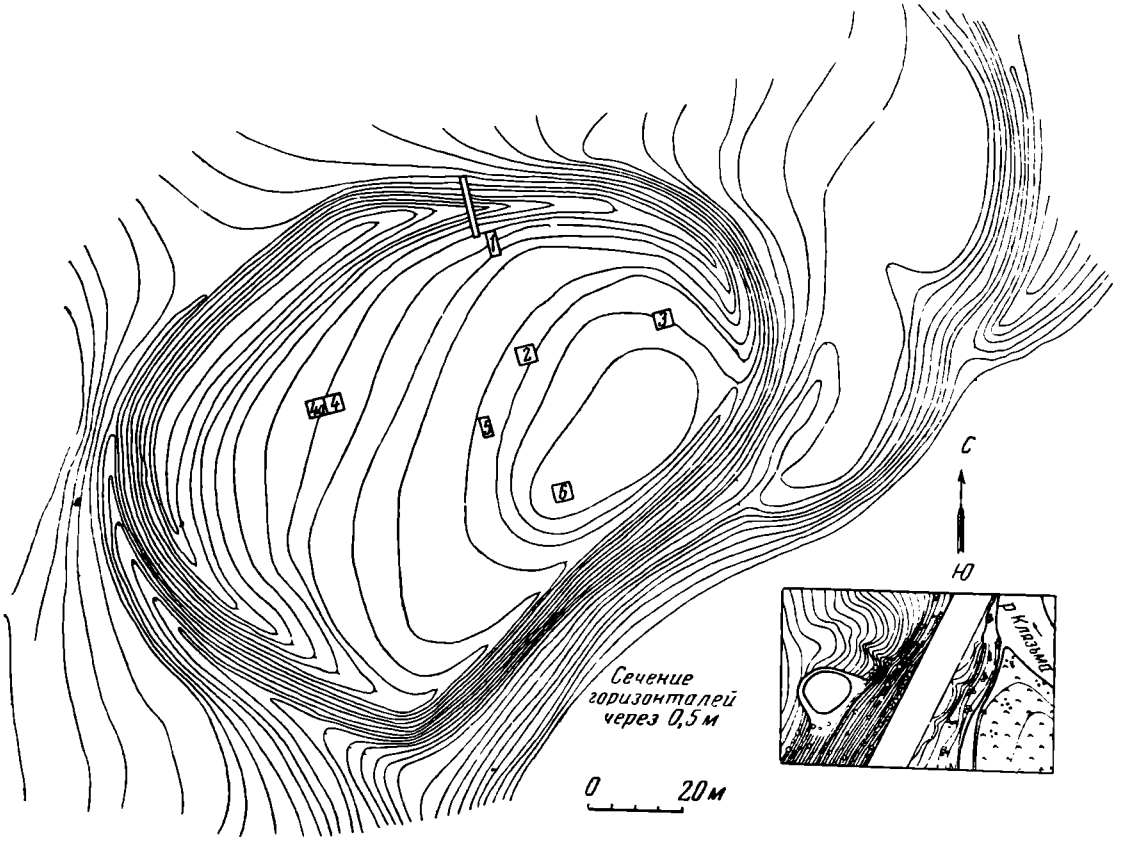

Рис. 2. Сунгиревское городище (план)

стыря К. Н. Тихонравовым был раскопан курганный могильник XII в. в урочище «Бабка-Деревенька». Данных о древнейших поселениях на этом участке нет; в обследованных разрытиях культурный слой почти отсутствует.

Далее на восток от с. Доброго левобережные высоты пересекаются глубоким оврагом Сунгирь, выходящим к Клязьме. Недалеко от его западного склона, на высоком плато, приподнятом на 46 *м* над уровнем Клязьмы, откуда хорошо видно ее течение, вплоть до Нерльского устья расположено городище, носящее у населения различные названия: Чаша, Дворец, Двор, Добросельский вал. Памятник впервые описан В. Доброхотовым, издавшим и его рисунок, изображающий городище с северной стороны; он же привел местное предание об основании городка Андреем Боголюбским [15]. Несколько позднее городище описал К. Н. Тихонравов, в основном повторивший данные Доброхотова [16]. Его осматривал Н. Макаренко, издавший и весьма неточный план его [17].

Городище (рис. 2) имеет почти овальную форму 80×120 *м*; оно окружено валом, а с напольной стороны — рвом; вал лучше сохранился с северной стороны, с запада он распахан; место въезда на городище неиз-

[14] ААЭ, т. I, № 11.
[15] В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 101—104.
[16] К. Н. Тихонравов. Владимирский сборник. М., 1857, стр. 62.
[17] Н. Макаренко. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губ. и археологическая поездка по Владимирскому уезду. Тр. ВУАК, т. X, 1908, стр. 4—5.

вестно. К северу от городища меж его рвом и небольшим овражком расположено селище, легко определимое по подъемному материалу. Здесь собраны фрагменты лепной (63) и гончарной (112) керамики. Лепная посуда, по-видимому, была двух типов (рис. 3, *1—3*): первый — сравнительно высокие банки с прямыми, почти вертикальными слабо профилированными стенками, второй — в виде низкого горшка с широким устьем; по

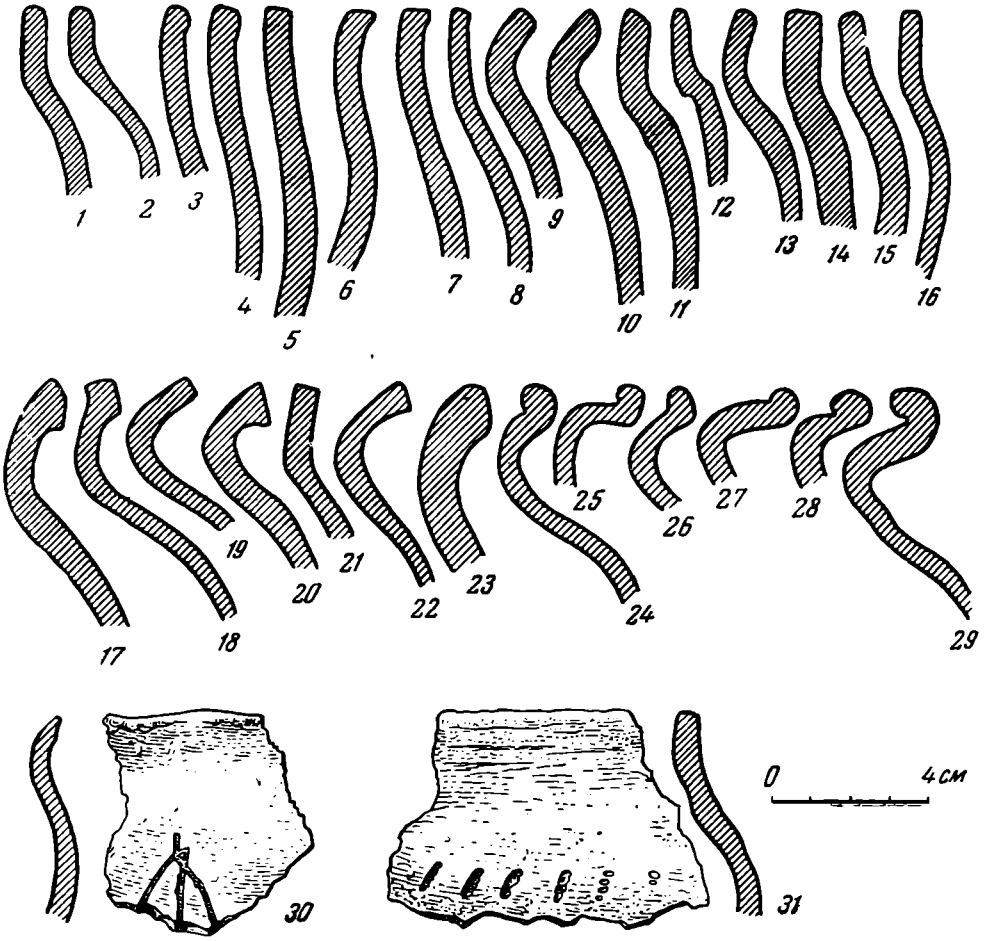

Рис. 3. Сунгиревское городище. Керамика: *1—16, 30—31* — лепная керамика; *17—29* — гончарная керамика

своей фактуре эта керамика аналогична некоторым образцам описанной выше лепной керамики IX—X в. из Владимира, Суздаля и Ярославля; есть несколько черепков подлощенной лепной посуды. Лепная керамика встречается преимущественно по восточному краю селища. Вместе с ней много обломков гончарной посуды XI—XII вв. и более поздней — XIII—XIV вв.

Разведки 1954 г. в черте валов городища имели задачей определить возраст и характер поселения. Из шести небольших раскопов общей площадью около 100 *м*^{2} раскопы №№ 2, 5 и 6 не дали древнего культурного слоя, а в остальных слой обычно перепахан. Раскоп № 1 у вала показал, что пола вала лежит на аморфном культурном слое до 0,70 *м* толщиной; слой содержал фрагменты гладкой лепной и ранней гончарной керамики, куски железной руды и шлаков; в верхней зоне слоя найдены шиферное и костяное (рис. 4, *5*) пряслица, в нижней — преобладает лепная керамика; здесь же найдены костяная проколка, подвеска-амулет из медвежьего зуба (рис. 4, *10*). В насыпи вала найден железный гвоздь и 31 обломок керамики XI—XII вв., свидетельствующие о позднейшем со-

оружении вала на месте более раннего открытого поселка. В толще насыпи вала прослежены следы срубной конструкции из бревен «в режь», составлявшей основу вала [18]. В раскопе № 3 отмечу две хорошо сделанные костяные иглы (рис. 4, *6, 7*), костяную проколку (рис. 4, *8*), брусочек желтой меди (весом 98,65 *г*) — вероятно, заготовка для литья украшений (?) (рис. 4, *9*). Интересный материал дал раскоп № 4, где слой, залегавший в

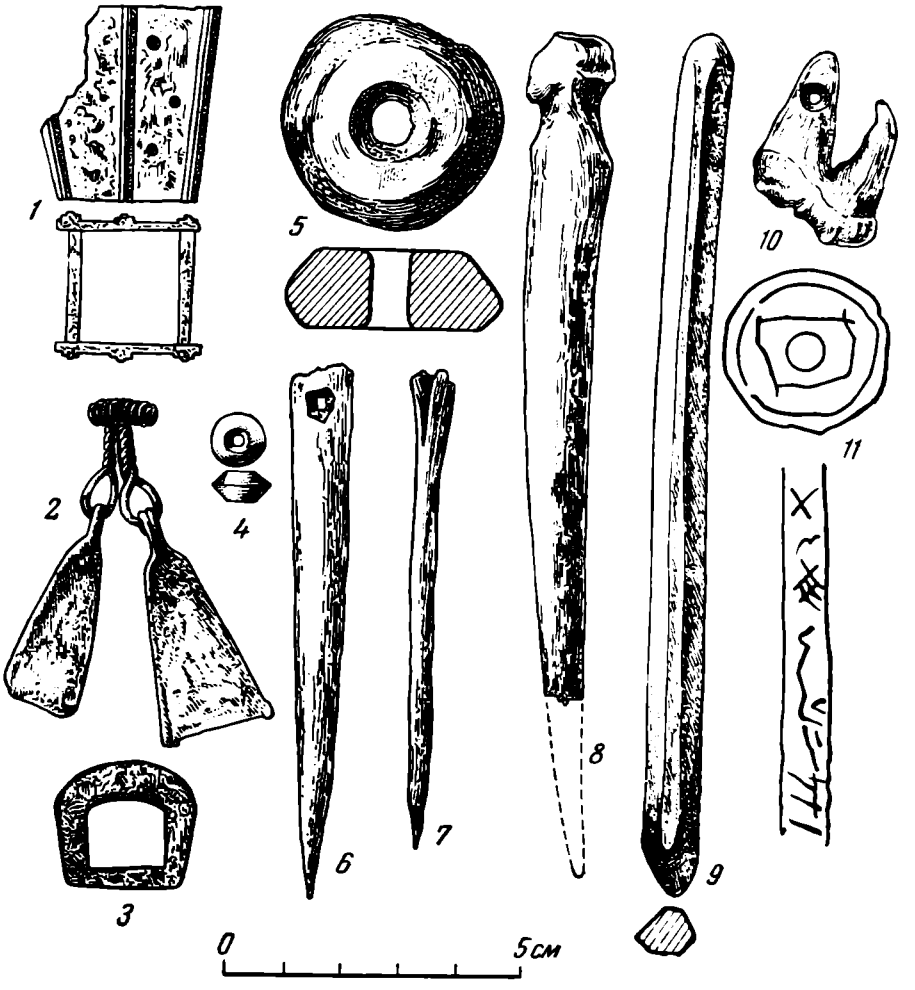

Рис. 4. Сунгиревское городище. Находки

1 — часть коробки навесного замка; *2* — мерянская шумящая привеска; *3* — железная пряжка; *4* — синяя биконическая бусина; *5* — костяное пряслице; *6,7* — костяные иглы; *8* — костяная проколка; *9* — медный брусок — заготовка для литья украшений; *10* — подвеска-амулет из медвежьего зуба; *11* — половинка шиферного пряслица с прочерченными знаками

неглубокой бесформенной яме естественного происхождения, содержал много костных остатков и находок. Здесь лепная керамика преобладает, в ее числе — обломок горшка с буквенным (?) знаком (рис. 3, *30*), фрагмент с гребенчатым штампом (рис. 3, *31*); отдельные находки: синяя биконическая бусина (рис. 4, *4*), костяная проколка, половинка шиферного пряслица с прочерченными знаками (рис. 4, *11*), обломки черенковых ножей, часть коробки навесного замка (рис. 4, *1*), железный шлак, мерянская шумящая привеска (рис. 4, *2*), железная пряжка (рис. 4, *3*), серебряная монетная привеска — саксонский денарий герцога Ордульфа, или Оддо (1059—1071) [19].

[18] Исследование вала проведено П. А. Раппопортом.

[19] N. Dannenberg. Die deutschen Münzen der Sächsischen und Fränkischen Keiserzeit. Berlin, 1876, стр. 232, № 595. Определение В. Л. Янина, которому приношу здесь сердечную благодарность.

Лепная керамика (рис. 3, *1—16*) как на селище, так и на городище близка по фактуре гладкой лепной керамике из Владимира, Суздаля и Ярославля. Есть несколько черепков сероватой подлощенной посуды; она обычно тоньше и с более прямыми стенками (рис. 3, *6—8*). Диаметр сосудов — от 28 до 45 *см* (последние со стенками толщиной 1,5 *см*). Есть образцы посуды переходного типа с доработкой на круге. Гончарная керамика представлена как ранними типами X—XI вв. с резко отогнутым прямым венчиком (рис. 3, *17—23*) и диаметром 12—26 *см*, так и типами XII—XIII вв. с отогнутым и завернутым внутрь венчиком (рис. 3, *24—29*) и диаметром 20—30 *см* [20]. Это свидетельствует о непрерывном существовании поселка с IX по XIII в.

Существенны данные о хозяйственном укладе обитателей Сунгиревского селища. Данных о земледелии пока в нашем распоряжении нет. Зато собран значительный костный материал, дающий следующую картину [21]:

Крупный рогатый скот	16,5
Лошадь	34,7
Свинья	21,10
Мелкий рогатый скот	4,1
Собака	3,2
Лось	23,9
Бобр	15,7
Медведь	6,3
Барсук	1,1
Выдра	1,1
Горностай (или ласка?)	1,1
Птица	3
Рыба (преимущественно щука)	5

Таким образом, остатки домашних животных составляют 62,4%, диких — 37,6%. Соотношение говорит об очень значительном удельном весе охоты, а следовательно, об известном архаизме хозяйственного строя. Наличие костей лося — крупного мясного зверя — обычно и в составе костных остатков из древнерусских городов (например, Старой Рязани). Большое количество костей бобра является, может быть, местной особенностью. В упомянутой выше уставной грамоте Константино-Еленинскому монастырю 1391 г. одним из существенных расхождений требований монастырских властей и «сирот монастырских» является вопрос о «бобровой ловле» («на бобры им в осенине поити»), восходившей к «старой пошлине» [22]. Очевидно, Клязьма, озера и «истоки» данного района изобиловали бобрами еще в XIV в. Существенно, что кости медведя найдены лишь в заполнении ямы и шурфе № 4, а амулет — подвеска из медвежьего клыка — в нижнем горизонте слоя под полой вала в шурфе № 1. В своей работе о медвежьем культе у смердов Верхнего Поволжья в XI в. я писал об архаическом хозяйственном строе обитателей поволжских погостов и закономерно связанных с ним живыми пережитками медвежьего культа [23]. Видимо, Сунгиревское селище X—XI вв. является конкретным примером такого поселения. Находка здесь мерянской шумящей подвески свидетельствует о наличии мерянского элемента в составе его обитателей, а может быть, и о его преобладании. Существенно и развитие некоторых домашних

---

[20] По словам местного старожила, крестьянина с. Суромны А. Т. Панкратова, при поисках кладов на городище в дореволюционное время были встречены обломки тонких кирпичей. Сообщено О. Н. Бадером.

[21] Определение проф. В. И. Цалкина. В числителе — количество костей, в знаменателе — количество особей.

[22] ААЭ, т. I, № 11.

[23] Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, № 6, 1941, стр. 169—171.

промыслов и ремесел — плавки железа, литья украшений из меди (заготовка меди), костерезного дела. До начала XII в. Сунгиревский поселок был неукрепленным поселением свободных общинников.

С образованием Ростово-Суздальского княжества и борьбой за его независимость в конце XI в. (усобица Олега) стратегически важные высоты клязьминского левобережья укрепляются. Видимо, в первую очередь сооружается крепость Владимира в 1108 г. Вероятно в первой половине XII в. на месте поселка у Сунгиревского оврага возникает кольцо валов и рвов княжеского сторожевого городка, контролирующего течение Клязьмы от с. Доброго до устья Нерли. Предание о постройке крепости на Сунгире Андреем Боголюбским представляется весьма вероятным. Им в 1158—1165 гг. возводятся твердыни белокаменного Боголюбова-города. Очень существенно, что и этот пункт имел свою давнюю предысторию: при разведках 1954 г. на территории бывш. Боголюбова монастыря были найдены единичные черепки лепной посуды, сходной с описанной выше IX—X вв. Следовательно, выясняется, что в это время высоты левобережья Клязьмы были довольно густо населены — здесь лежало по меньшей мере три поселка (Владимир, Сунгирь, Боголюбово). На этот район в связи с его важным стратегическим значением и было обращено внимание княжеской власти. На месте древних поселков возникают княжеские зáмки и крепости.

Б. А. РЫБАКОВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ НОВГОРОДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

1. Во всей Восточной Европе только два города — Новгород Великий и Псков — обладают счастливым сочетанием прекрасной сохранности древних сооружений и четкости стратиграфии культурного слоя с подробными записями местных городских летописцев, осветивших историю этих городов на протяжении нескольких столетий. Псков археологически изучен еще недостаточно, а Новгород за 30 лет работ Новгородской экспедиции под руководством А. В. Арциховского дал исключительно важные для науки результаты: сотни разновременных сооружений, 28 ярусов настилов деревянных мостовых, сотни знаменитых берестяных грамот и целый музей ценных вещевых находок X—XV вв.

2. Хронологическая шкала новгородских древностей очень важна для многих областей древнерусской археологии, хотя она и не имеет, разумеется, универсального значения для всех русских городов; Киев, Чернигов, Галич дают нам ряд существенных отличий для X—XIII вв. Хронологическая шкала создавалась постепенно. За время с 1929 по 1950 г. был сделан ряд отдельных хронологических и стратиграфических наблюдений. В 1951 г. в связи с началом широких работ в Неревском конце Новгорода А. В. Арциховским дано впервые обоснование стратиграфии [1]. Сделано это с точностью до одного-двух столетий; по поводу расхождений в датировке печатей автор признает, что «для хронологии пластов эта разница в несколько десятков лет не имеет значения» [2]. Автор прав в этом, так как он оперирует категориями вещей, имеющих подчас очень широкую дату: стеклянные браслеты — XI—XIII вв.; шиферные пряслица X—XIII вв.; сердоликовые бипирамидальные бусы XI—XIV вв. (все датировки — по А. В. Арциховскому).

В публикации грамот следующего года дана уже более подробная таблица хронологии строительных ярусов XVI—XI вв. [3], хотя количество аргументов возросло только для ярусов XV в.

Грамоты из раскопок 1953, 1954 и 1955 гг. публиковались в соавторстве с В. И. Борковским, и в первой же совместной публикации обнаружились расхождения в датировках стратиграфических, с одной стороны, и лингвистических — с другой [4]. Большинство расхождений относится к тем грамотам, которые археологи стратиграфически датируют XII в.; лингвисты же вносят поправку и датируют их XIII в.

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 53—62.

[2] Там же, стр. 59. Разрядка здесь и везде ниже моя.— *Б. Р.*

[3] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 9—10.

[4] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 89, 90, 102, 105, 117—119, 127, 133; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 95, 100, 102, 109, 111, 112.

3. Новгородская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, к сожалению, не предприняла дополнительных работ для уточнения хронологии, ставших особенно необходимыми после того, как выяснились разногласия с лингвистами. Можно было бы провести сопоставление новгородских находок с точно датированными слоями и комплексами в других городах. В качестве примера можно указать многочисленные комплексы 1238—1240 гг., связанные с батыевым нашествием (Киев, Старая Рязань и др.), приводящие к общему хронологическому знаменателю древности разных городов. Необходимо было бы произвести зондажные раскопки на месте древних церквей, известных нам по летописям. Неподалеку от Неревского раскопа (на расстоянии, равном длине самого раскопа) находились две церкви, построенные еще в XII в.: церковь Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице и церковь Саввы. В Новгородской летописи они упоминаются:

церковь Кузьмы и Демьяна	церковь Саввы
1146 г.	1154 г.
1181 г.	1181 г.
1271 г.	1271 г.
1303 г.	1356 г. (деревянная)
	1418 г. (каменная) [5]

Церкви сгорали, разрушались, строились заново и сопоставление этих пожарищ и слоев строительного мусора с летописными записями за пять столетий должно дать несравненно бо́льшую точность, чем безымянные усадьбы Неревского раскопа, стратиграфия которых должна быть привязана к стратиграфии церквей XII—XV вв. Это — одна из ближайших задач Новгородской экспедиции.

Вызывает удивление, что Новгородская экспедиция, технически хорошо оснащенная и являющаяся часто новатором в применении различных технических приемов и анализов, до сих пор не подготовила необходимой коллекции спилов бревен из разных ярусов, которая могла бы послужить основой для дендрохронологического анализа. Это тем более странно, что экспедиция давно связана с крупным специалистом по древесине проф. В. Е. Вихровым. Анализ годовых колец на бревнах позволит датировать не только настилы мостовых, но и каждую отдельную постройку независимо от того, к какому ярусу археологи ее относят. Создание дендрохронологической шкалы диапазоном в 600 лет на основе нескольких тысяч бревен Неревского раскопа не только решит все споры между археологами и лингвистами, но и позволит пользоваться этой шкалой во всех других районах Новгорода, т. е. даст общий единый и объективный хронологический критерий для всего города. Это — еще одна из неотложных задач Новгородской экспедиции [6].

4. Не завершив полностью всех работ по установлению новгородской хронологии, руководители экспедиции, тем не менее, позволили себе (на мой взгляд, преждевременно) объявить свою предварительную шкалу, рабочий вариант шкалы, окончательным, точным и даже не подлежащим дальнейшему уточнению: «Первоначально, вследствие недостаточности находок были допущены некоторые небольшие ошибки в датировке ярусов..., но затем, с накоплением находок, даты стали точными и в полной публи-

---

[5] Новгородская I летопись. М., 1950, стр. 91, 214, 215, 227, 321, 364, 411.

[6] Создание точной хронологической шкалы по годовым кольцам в Новгороде облегчено, во-первых, непрерывностью исходного материала (дерево сохраняется на протяжении 28 ярусов с X по XV в.), а во-вторых, наличием в летописях записей о климатических аномалиях в Новгородской земле. Например: 1143 г.—теплая зима, 1145 г.— сильный зной в середине лета и непрерывные дожди во вторую половину лета; 1170 и 1188 гг.— неурожай по неизвестным причинам; 1194 г. — сухое лето; 1201 г. — дождливое лето; 1215 г.— мороз побил озимые; 1228 г.— дождливая осень; 1230 г.— ранние морозы; 1251 г.— дождливое лето и морозная осень и т. д. и т. д. (Новгородская I летопись). Восемь определенных указаний за один век с удобными сдвоенными датами — 1143 и 1145 гг., 1228 и 1230 гг.— могут составить хорошую основу дендрохронологии.

кации (грамот) они уже не подлежат уточнению»[7]. При публикации спорных по датировке грамот мальчика Онфима А. В. Арциховский отождествил стратиграфию с хронологией, признавая тем самым непогрешимость своей шкалы: «Стратиграфия, а следовательно, и хронология здесь бесспорны»[8]. Утверждая, что создана «твердая хронологическая шкала» и что «летописные даты пожаров позволили уточнить абсолютную хронологию», А. В. Арциховский на следующей странице резюмирует: «Итак, в Неревском конце удалось добиться хронологической точности до четверти века. Такая степень точности для археологии нова. Не знаю, скоро ли удастся ее превзойти»[9]. Б. А. Колчин, опираясь на ту же самую, по его мнению, «строгую и единственно возможную связь летописных дат пожаров со стратиграфией ярусов»[10], считает, что «Хронологические рубежи некоторых ярусов датируются с точностью до года и даже дня»[11].

5. После того как авторы так определенно выразили полное удовлетворение результатами своих исследований, у читателей, естественно, повышается интерес к методике датировок, позволившей дать столь точную хронологическую шкалу, не требующую уже ни доработок, ни уточнений. Основой наших суждений о методике составления хронологической шкалы новгородских древностей является первый том «Трудов Новгородской археологической экспедиции», содержащий, как сказано в предисловии, «научную аргументацию этой хронологической шкалы»[12]. Авторами двух крупных разделов, обосновывающих хронологию, являются А. В. Арциховский и Б. А. Колчин. Они же оба и редактировали весь том. Никаких разногласий и расхождений в методике и в выводах между обоими авторами-редакторами нет[13], что позволяет рассматривать хронологическую шкалу как шкалу Арциховского — Колчина. Анализ этой шкалы надо провести в два приема — сначала необходимо выяснить степень точности относительной хронологии, основанной на стратиграфии, а затем и методы перевода относительной хронологии в абсолютную.

6. Несмотря на то, что статья Б. А. Колчина называется «Топография, стратиграфия и хронология...», я позволю себе сказать, что стратиграфии в статье Б. А. Колчина нет. Как можно назвать сводным археологический отчет о нескольких сезонах широких раскопочных работ, в котором нет ни одного профиля?[14] Вся сложность 28 строительных ярусов на площади в 3396 $м^2$ со многими сотнями построек, ям, мостовых, пожарищ, с наклоном материка, со рвами для каменного терема — все это уложено Б. А. Колчиным в простенькую схему (см. рис. 51 в его статье), из которой ясно только то, что 20 ярусов (с 9-го по 28-й) равны 20 «пластам» (с 14-го по 33-й), по 20 *см* каждый (рис. 1). Такая геометрическая равномерность удивляет. Раскопки в Новгороде ведутся широкой площадью без оставления в процессе работы контрольных промежуточных стенок. Культурный слой срезается ровными горизонтальными пластами по 20 *см*. Такая методика раскопок может вызывать возражения; во всяком случае, она не общепринята. Основной отчетной еди-

[7] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 16.

[8] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3, стр. 215.

[9] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 17 и 18.

[10] Там же, стр. 137.

[11] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 92.

[12] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 4.

[13] Там же, стр. 7—43; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, стр. 44—137.

[14] Б. А. Колчин не может оправдаться недостатком места или полиграфическими трудностями: во всей его статье 12 печатных листов; из них около 1,5 печатных листа ушло на публикацию рисунков, не имеющих никакого отношения к теме исследования. См. Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 63, 75, 81, 83, 89, 107, 113, 119, 121.

ницей является «строительный ярус», основой яруса является бревенчатый настил мостовой на древних улицах. Ярус — это «совокупность срубов и других сооружений, одновременных одной мостовой»[15]. Стремление выявить строительный ярус на всей площади раскопа (иногда на 15—20 *м* в сторону от мостовой) неизбежно приходит в резкое противоречие с методом раскопок по «пластам», определяемым по нивелиру: «горизонтальные пласты не совпадали по залеганию с теми или иными слоями ярусов», так как падение материка равнялось 3 *м* и раскопочные «пласты» рассекали исторически отложившиеся слои, образовывали острые углы с «ярусами».

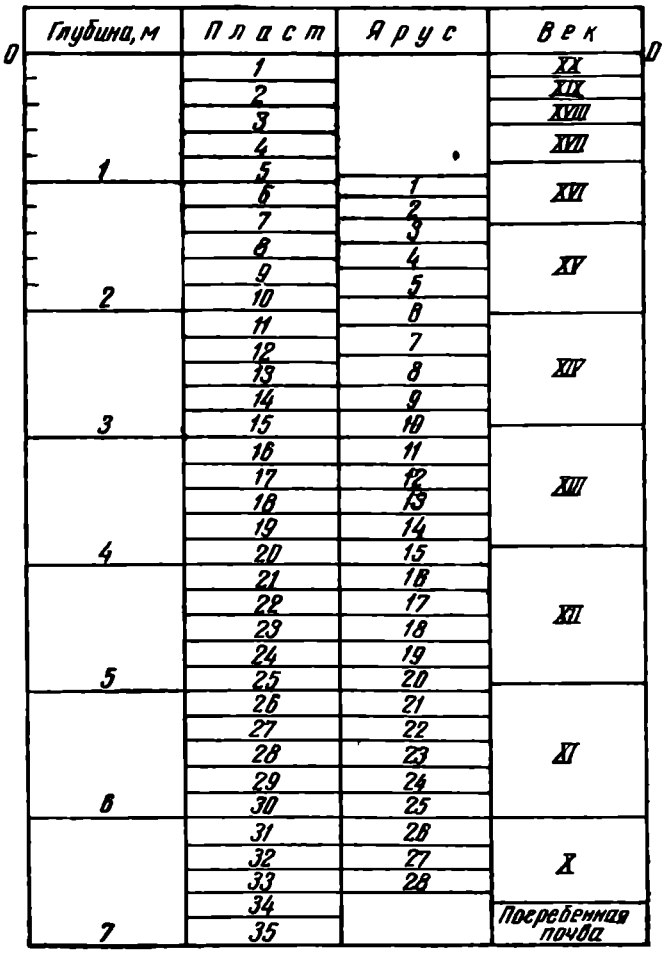

Рис. 1. Единственная схема, документирующая стратиграфию Неревского раскопа в работе Б. А. Колчина

Б. А. Колчин сам признает, что «во время раскопок удавалось связать ту или иную постройку либо находку с соответствующей ей мостовой улицы лишь на относительно маленьких участках»[16]. Следовательно, основная работа по стратиграфии проходила вне процесса раскопок, в кабинетных условиях, когда никакая проверка не была уже возможна. А. В. Арциховский признает, что замена глубин залегания вещей по пластам на глубины по строительным ярусам «потребовала очень сложных расчетов, продолжавшихся несколько месяцев»[17].

[15] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 16. Автор почему-то настаивает на том, что этот термин впервые введен им в 1951 г., но термин «ярус» в том же смысле применялся еще Н. И. Репниковым при работах 1911—1913 гг. См. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 108—112 и др.

[16] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 44 и 50.

[17] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты... (из раскопок 1952 г.), стр. 7.

Существование в Новгородской экспедиции такой громоздкой и неточной системы, восходящей к методике XIX в.,— копать «на одну лопату» — может быть объяснено только одним — стремлением ускорить процесс раскопок. Возможно, что принципу скорости принесена в жертву точность. Полное отсутствие раскопочных профилей в томе «Трудов» лишает читателей возможности в какой бы то ни было степени проследить за методикой выделения строительного яруса и поверить в правильность единственного стратиграфического документа во всем томе — сводной таблицы пластов и ярусов, где показано тождество 20 ярусов и 20 пластов.

7. На протяжении четырех лет представления руководителей экспедиции о «ярусе» и принципах членения культурного слоя существенно изменились: в 1951 г. применялось понятие «строительного яруса», и все находки берестяных грамот определялись их положением м е ж д у строительными ярусами [18]. В итоговой публикации понятие стратиграфической единицы сузилось до бревенчатого настила мостовой; исчезло слово «строительный». «Ниже употребляется,— пишет А. В. Арциховский,— обычно термин «ярус». Число ярусов должно совпадать с числом мостовых, поэтому ярусов тоже 28» [19]. Здесь за терминологическими оттенками скрывается серьезное изменение п р и н ц и п а учета стратиграфии, отказ от членения по строительным периодам и фетишизация бревенчатого настила мостовой как единственного определителя стратиграфии и хронологии. Нет сомнений в том, что 28 настилов надо использовать для стратиграфических целей, но разве вся стратиграфия Неревского раскопа подчинена смене бревен на мостовой Великой и Холопьей улиц? Разве жизнь внутри усадеб всегда обязательно должна была меняться одновременно с этими бревнами?

Анализ долговечности построек, вскрытых Неревским раскопом, показывает как раз противоположное, в ряде случаев многие дома переживали н е с к о л ь к о мостовых настилов. Так, 38% построек 7-го яруса были сооружены тогда, когда мостился еще 8-й ярус. В 10-й ярус из предыдущих ярусов перешло 58% домов, а для 12-го яруса процент долговечных домов, унаследованных от 13-го яруса, достигает 71%.

Составленная мною по данным Б. А. Колчина таблица (рис. 2) показывает наличие в Неревском раскопе нескольких с т р о и т е л ь н ы х п е р и о д о в. Наиболее ярким примером являются 13-й и 12-й ярусы. Из всех построек 14-го яруса в 13-й перешел только один дом; за время существования 13-го яруса был построен вновь 21 дом, и 16 из них продолжали существовать после смены мостовых, т. е. в 12-м ярусе. Это дает нам право объединить 13 и 12-й ярусы в один строительный период, который и следовало бы называть строительным ярусом 13/12. Такими же строительными периодами можно считать ярусы 11/10, ярусы 8/7, ярусы 6/5 и условно — ярусы 17/16. Важно отметить, что если из яруса в ярус переходит много домов, то из одного строительного периода в другой переходят лишь единичные постройки. Иногда происходила полная перестройка всех кварталов, попавших в поле зрения археологов, когда ни один дом старой стройки не сохранялся (например, 15-й ярус). Может быть, это связано с изменением состава владельцев участков [20].

Надо обязать руководство Новгородской экспедиции опубликовать серии раскопочных профилей, так как только тогда разъяснятся многие недоумения, возникающие сейчас при чтении отчетных обобщений А. В. Арциховского и Б. А. Колчина.

---

[18] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты... (из раскопок 1951 г.), стр. 54, 60—62.

[19] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 16. К сожалению, автор не указал соответствия старого и нового счета. Поэтому читатель не знает, какому ярусу 1954 г. соответствует, например, указание 1951 г. на положение «м е ж д у пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами».

[20] Таблица составлена мною на основе данных, заключающихся в рис. 53 в статье Б. А. Колчина «Топография, стратиграфия...», стр. 135.

Очередной том «Трудов Новгородской археологической экспедиции» может выйти в свет только при условии, если там будут даны полное и документированное чертежами обоснование и анализ стратиграфии.

8. Из сказанного ясно, что «ярус» является величиной условной, пригодной лишь для уличного пространства, но не для усадебных участков, т. е. только для 12—15% площади раскопа. Думаю, что одной из задач археологов в Новгороде является р а с ч л е н е н и е стратиграфии улиц и

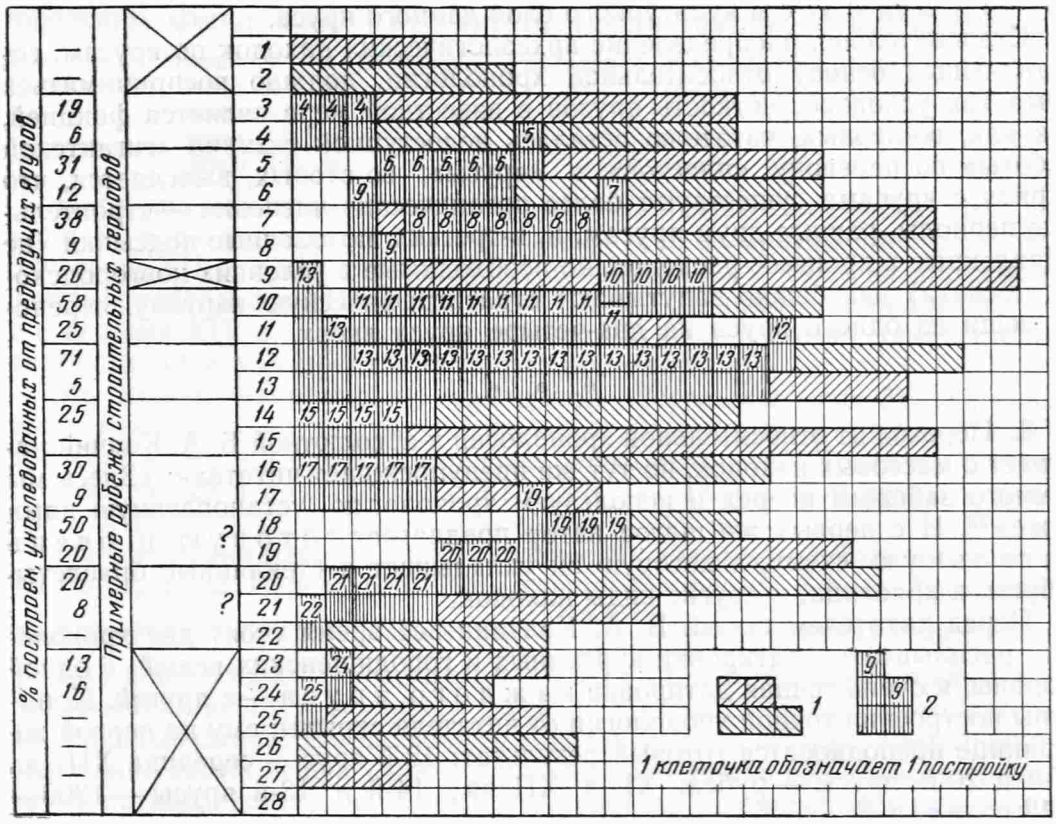

Рис. 2. Соотношение «ярусов» и периодов строительства в Неревском раскопе

1 — постройки, просуществовавшие столько же, сколько и одна мостовая; *2* — постройки, продолжавшие существовать после смены двух или более мостовых (цифры обозначают ярус, соответствующий времени сооружения постройки)

стратиграфии усадеб, выяснение их различий. Одно из таких различий заключается в потолочных подсыпках на домах. Для всех северных и южных великорусов характерна засыпка потолка слоем земли в 25—30 *см* при постройке дома [21].

Естественно, что земля для засыпки потолка новопостроенного дома бралась из культурного слоя, т. е. из «яруса», п р е д ш е с т в у ю щ е г о постройке дома: потолочная подсыпка снова возвращалась в культурный слой после разрушения дома, т. е. тогда, когда уже сменилось несколько настилов мостовых и на дневной поверхности времен постройки этого дома вырос значительный культурный слой, б о л е е м о л о д о й, чем потолочная подсыпка, взятая из слоя старшего этой же дневной поверхности. Проследить эти потолочные подсыпки в процессе раскопок в Новгороде, вероятно, трудно, так как город непрерывно жил и его культурный слой по-

[21] «На потолок зимней избы н а в а л и в а ю т м н о г о з е м л и, сухих листьев, омялья и сполины». «Поверх потолка н а с ы п а е т с я з е м л я» («Верхне-Волжская этнологическая экспедиция». Л., 1926, стр. 10 и 69. Постройки Моложского и Краснохолмского уездов). «Поверх потолочин натаскивают сухих листьев, сухого мху, льняной кострики и наваливают слой земли» (Е. Э. Б л о м к в и с т. Крестьянские постройки восточных славян. В кн. «Восточно-славянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 78). Археологически потолочные подсыпки хорошо прослежены во Вщиже.

стоянно нарушался, перекапывался, расчищался, разгребался в стороны и т. д. Мне хотелось бы только привести некоторые цифры: площадь потолков построек в ярусах с 15-го по 7-й равна примерно 400 $м^2$ для каждого яруса. Это значит, что при сооружении построек одного яруса на потолки насыпали около 100 кубометров культурного слоя со всеми содержащимися в нем пряслицами, бусами и обломками стеклянных браслетов. Это значит, что при разрушении домов эти 100 кубометров распределялись на площади около 3000 $м^2$ (за исключением улиц), а это составит примерно 10—15% всей массы культурного слоя данного яруса.

Следовательно, распределение археологических находок по ярусам, составляющее основу относительной хронологии, должно восприниматься нами как условное. Четкость ярусов в известной мере является фикцией, так как, во-первых, читателю осталась недоступной техника «гигантской работы» по переводу «пластов» в «ярусы», во-вторых, выясняется, что наряду с ярусами существуют более органические членения — строительные периоды, равные двум ярусам, и, в-третьих, потолочные подсыпки (не выявленные в процессе раскопок, но необходимые в условиях новгородского климата) неизбежно запутывают стратиграфическую картину, перенося вещи из одного яруса на два-четыре яруса вверх.

* * *

9. Переход от относительной хронологии к абсолютной Б. А. Колчин начинает с массовых находок, но тут же предупреждает читателя: «Здесь мы немного забежим вперед и используем хронологию, установленную нами ниже»[22]. И с первых же шагов автор предлагает готовую и очень детальную схему, в которую он укладывает и стеклянные браслеты, и бусы, и пряслица, и другие виды находок.

Перед читателем статьи Б. А. Колчина все время стоят две хронологии: расплывчатые датировки курганных и городищенских вещей, с одной стороны, и очень точная датировка каждого яруса — с другой. Принципы построения точной хронологии от читателя скрыты; ему на первой же странице преподносится готовый результат: 12-й ярус — середина XIII в., 21-й и 20-й ярусы — рубеж XI и XII вв., 14-й и 13-й ярусы — 1200—1242 гг. и т. д.[23]

Но самое интересное это то, что из таких «забегов вперед» автор на стр. 123 делает уже хронологический вывод: «Итак, в Новгороде стеклянные браслеты бытовали в течение XII и XIII в. Временем широкого распространения этого украшения ... явилась 1-я половина XIII в.»[24]. Как известно, в южнорусских городах стеклянные браслеты появляются на рубеже X и XI вв.[25]. Расхождение в полтора столетия между Киевом и Новгородом нужно было объяснить, нужно было доказать, когда появляются стеклянные браслеты в Новгороде, а не ставить читателя перед утверждением, неизвестно на чем основанном. Рассмотрение бус, аналогичных бусам из русских курганов X—XIV вв., Б. А. Колчин тоже заканчивает интересной фразой: «...Я должен отметить, что стратиграфическая датировка всех других типов бус ни в одном случае не нарушала принятые в археологической литературе датировки их типов»[26]. Значит у автора уже есть какая-то «стратиграфическая датировка», с которой он сопоставляет мнение других ученых и которая все еще остается скрытой от читателя статьи о хронологии Неревского раскопа.

10. Попытаемся проникнуть за эту таинственную завесу. Для этого нужно составить график по осям координат, в котором по ординате будут отложены 28 ярусов, а по абсциссе — пять столетий, с X по XIV в. Дан-

[22] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 122.
[23] Там же, стр. 122.
[24] Там же, стр. 123.
[25] Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 115—116.
[26] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 125.

ные всех 14 таблиц Б. А. Колчина с поярусным распределением датирующих вещей надо нанести на этот график. Длительность бытования каждой категории вещей будет здесь выражена двояко — и в веках и в ярусах; длительность бытования должна быть показана наклонной прямой; нижняя точка — пересечение нижнего яруса (где встречаются подобные вещи) с нижней датой вещей, а верхняя точка — пересечение верхнего яруса с верхней датой. Ярусы будут указаны точно, а даты будут отражать мнения археологов, занимавшихся ранее датировкой этих вещей по другим, не новгородским комплексам [27]. Результаты такого графика будут следующие:

вещи X	в.	встречены	в диапазоне	28-го—23-го ярусов
вещи XI	в.	»	»	28-го—17-го »
вещи XII	в.	»	»	23-го—14-го »
вещи XIII	в.	»	»	17-го— 9-го »
вещи XIV	в.	»	»	14-го— 4-го »

Нетрудно заметить, что четких рубежей между столетиями здесь нет: вещи XI в. сосуществуют с вещами X в. на протяжении шести ярусов; вещи XII в. сосуществуют с вещами XI в. тоже на протяжении шести ярусов; вещи XIII в. с вещами XII в.— на протяжении трех ярусов, а с вещами XIV в.— на протяжении пяти ярусов. Конечно, такая таблица дает нам общую предварительную ориентировку.

Мы можем, например, по тем частям диаграммы (рис. 3), где видно, что в некоторых ярусах сосуществуют вещи не двух, а трех столетий, провести через эти ярусы примерные рубежи столетий. Тогда мы получим следующее: 23-й ярус — рубеж XI и XII вв.; 18-й и 17-й ярусы — рубеж XII и XIII вв., а 14-й ярус — рубеж XIII и XIV вв.

На основании массовых археологических находок мы можем датировать ярусы Неревского конца (принимая формулу А. В. Арциховского, что средняя длительность яруса $= \frac{600 \text{ годам}}{28 \text{ ярусам}} = 20$ годам) с допустимой погрешностью до одного столетия (пять-шесть ярусов сосуществования вещей). Большего и нельзя требовать от массового материала. Расплывчатость его датировок обусловлена, во-первых, длительностью бытования самих вещей (для украшений надо учесть возможность передачи их по наследству), во-вторых, возможным перемещением культурного слоя и, в-третьих, неудовлетворительным состоянием датировок того курганного материала, который используется для сопоставлений. Лучшая по методике датирования вещей работа А. В. Арциховского «Курганы вятичей» требует все же ряда поправок. Так, например, витые тройные браслеты, отнесенные автором ко II стадии (XIII в.), в Новгороде встречаются в ярусах 23-м — 6-м и датируются здесь значительно шире, покрывая все три стадии вятических древностей — XI—XIV вв. [28] Вторым примером могут служить вятические семилопастные височные кольца. Определение колец, литых в одной литейной форме и, следовательно, синхронных (по изготовлению), расходится с распределением курганов по стадиям [29]. Сопоставлю некоторые синхронные вещи с датировками А. В. Арциховского:

Литейная форма «В»		**Литейная форма «З»**	
Воскресенский Посад	—XII в. (I стадия)	Чертаново	—XII в. (I стадия)
Судаково	—XIII в. (II стадия)	Спас-Тушино	—XII в. (I стадия)
Пузиково	—XIII в. (II стадия)	Фили 3^{B}	—XIII в. (II стадия)
		Фили 3^{A}	—XIV в. (III стадия)

[27] См. Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., табл. №№ 1—14 на стр. 120—127. Для шиферных пряслиц (табл. № 9) нужно принять известную поправку и отбросить единичные находки в 8-м — 1-м ярусах. Разбитые стеклянные браслеты или поломанные гребни, будучи выброшены, уже не могли служить вторично, прочные же пряслица, утерянные в одну эпоху, могли быть найдены потом и снова использоваться по назначению, что и объясняет их единичное бытование до XVI в.

[28] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 247.

[29] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 444.

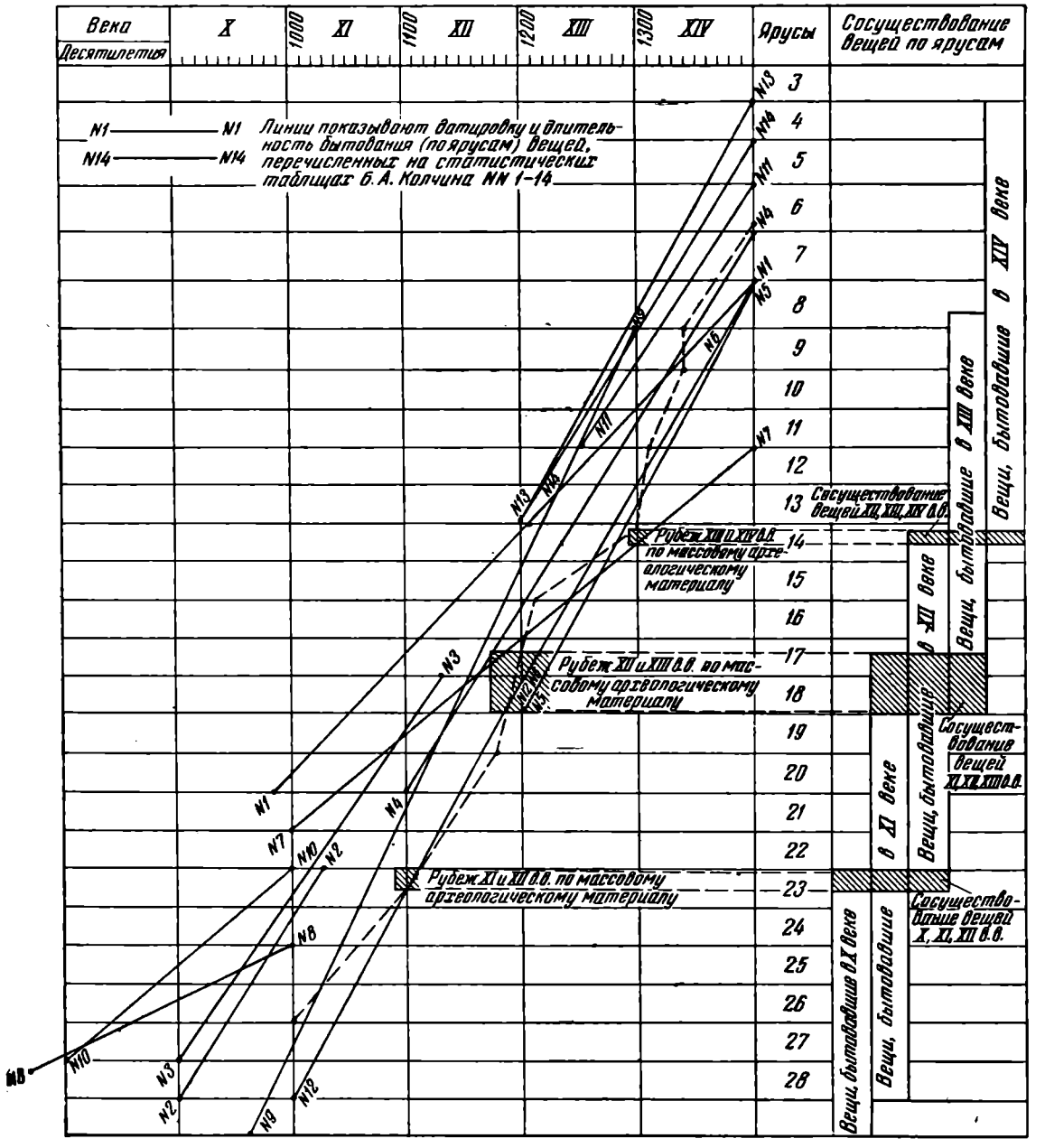

Рис. 3. Хронологический график массового археологического материала X—XIV вв. (по данным Неревского раскопа)

Если височные кольца, сделанные одним мастером, могут оказаться в датировочной схеме в трех разных стадиях, то значит сама схема требует еще дополнительной работы и уточнений [30].

Итак, массовый археологический материал, привлеченный Б. А. Колчиным, не может сам по себе служить основой его детальной хронологической шкалы. Нам надо продолжить поиски оснований этой шкалы в работе Б. А. Колчина.

---

[30] В Новгороде найдены два семилопастных височных кольца в 17-м и 16-м ярусах (см. М. В. Седова. Ук. соч., стр. 224, рис. 1). Одно из них типологически близко к поздним типам решетчатых и ажурных колец XIII—XIV вв., но 16-й ярус, в котором оно найдено, Б. А. Колчин относит к 1170—1180-м годам. В статье Б. А. Колчина одно височное кольцо ошибочно отнесено к 18-му ярусу (Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 130).

11. Следующим разделом там является анализ вислых печатей, связываемых с определенными историческими лицами — князьями, посадниками, архиепископами. Перечислив распределение печатей по ярусам, Б. А. Колчин делает следующий вывод: «... 22 печати по времени их изготовления соответствуют дате яруса, в котором они найдены (сравнение произведено после установления хронологии ярусов.— *Б. Р.*); 9 печатей обнаружены в более поздних слоях, т. е. попали в землю не сразу, а через 30 — 100 лет...» [31]. Такой подход крайне удивляет: вместо того, чтобы использовать печати с точными датами как один из методов датировки, Б. А. Колчин механически сопоставляет даты печатей с какой-то готовой схемой датировок всех ярусов и отмечает только совпадения и отклонения от этой схемы. Читатель снова оказывается перед закрытой дверью; исследователь, как древний алхимик, ревниво оберегает секреты создания им своей датировочной шкалы.

Когда археолог имеет дело со сфрагистическим и нумизматическим материалом, то для него самым трудным, но и самым важным является вопрос об интервале между временем чеканки печати или монеты и временем попадания ее в толщу культурного слоя, временем ее выброса или утери. Длительность хранения документов с вислыми печатями нам неизвестна, а длительность хождения восточных и западноевропейских монет известна приблизительно. Б. А. Колчин по непонятным причинам считает, что нормой является «соответствие дате яруса», т. е. что монеты и печати, как правило, должны датировать ярус временем, близким к их чеканке. То обстоятельство, что 22 печати из 31 попали в «соответствующие» членения его схемы, укрепляет его в мысли о правильности последней, хотя нигде не доказано, что печати обязательно должны были выбрасываться немедленно по получении документов [32].

Нельзя забывать, что княжеские печати XI—XII вв. скрепляли важные правительственные акты, феодальные привилегии, земельные права и т. п., и трудно допустить, чтобы получатели княжеских грамот так быстро уничтожали юридические основания закрепленных за ними прав. На примерах XVII—XIX вв. мы знаем, что ряд грамот с вислыми печатями хранился сотни лет, переходя из поколения в поколение. Только в XIV—XV вв., когда на территории Неревского раскопа жили сами посадники, отношение к документации могло стать иным и печати могли быстрее попадать в слой.

Трудно принять принцип Б. А. Колчина о быстром выбрасывании печатей адресатами как обязательный для всех эпох жизни Новгорода, а резкий скачок интервала с 80 лет в X в. до 13 лет в XI в. вызывает большие сомнения. Однако этот принцип — один из краеугольных камней хронологической шкалы Новгорода.

В 1953 г. в 8-м и 6-м ярусах были найдены берестяные грамоты посадника Онцыфора Лукича и его сына Юрия Онцыфоровича. Это укрепило верхние звенья новгородской хронологической шкалы. Из всех видов находок берестяные грамоты надо считать наиболее надежными для датировок, так как эти письма и записки не предназначались (в отличие от грамот, скрепленных печатями) для долгого хранения и быстро попадали в культурный слой.

12. Предпоследний этап работы над хронологией изложен у Б. А. Колчина на стр. 130—133. Сущность этой работы такова: определив более или менее точно нижний и верхний горизонты всей свиты в 28 ярусов, автор далее условно (по его же словам) провел рубежи столетий через 25-й,

[31] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 129.

[32] Удовлетворение своей схемой доходит у Б. А. Колчина до наивности: упомянув о находке печати посадника Захарии (1164—1167 гг.) в 17-м ярусе, он пишет: «17-й ярус по нашей хронологии датируется 50—60-ми годами XII в. Совпадение дат поразительное!» (Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 92). Такие «совпадения» должны были бы предостерегать исследователя, говорить ему о необходимости пересмотра шкалы, ее некоторого омоложения.

20-й, 15-й и 10-й ярусы [33]. Здесь все ярусы равны друг другу и все века с XI по XIII одинаковы [34], т. е., другими словами, на протяжении трех столетий новгородцы с поразительной пунктуальностью меняли бревенчатые мостовые через каждые 20 лет независимо от периодов подъема или упадка города. И только в XIV—XV вв. темп коммунального строительства почему-то замедлился — на протяжении XIV в. мостовые меняли только четыре раза, а в XV в.— всего лишь три раза. Такая затухающая кривая привела Б. А. Колчина к оригинальному историческому выводу, что «XIII—XIV вв.— эпоха расцвета Великого Новгорода» [35].

Если XIV в. действительно был эпсхой наибольшего расцвета Новгорода, как правильно писал А. В. Арциховский, то считать расцветом города XIII век — век татарского ига и тяжелейшей борьбы с Орденом — значит не понимать исторических судеб того города, изучению истории которого служат раскопки. Графическая схема Б. А. Колчина дает для XIV в. не расцвет, а наоборот — замедленность развития.

13. Последним этапом в создании хронологической шкалы Б. А. Колчина является сопоставление археологических пожарищ с летописными справками о пожарах в Неревском конце. Читатель, надеющийся на то, что в этом итоговом разделе будут, наконец, раскрыты принципы построения и окончательного уточнения шкалы, должен разочароваться; летописные записи сопоставляются опять-таки с готовой хронологической шкалой, уже настолько детальной, что ее можно сопоставлять с точными летописными датами. Дадим слово Б. А. Колчину: «Рассмотрение топографии пожаров по ярусам мы начнем не в хронологической последовательности их вскрытия, а с 12-го яруса... Хронологически конец 12-го яруса по нашей стратиграфии падает на 60-е годы XIII века» [36]. Откуда появилась эта дата? В разбивке 28 ярусов на столетия не говорилось о более дробном членении. Нигде перед этим ни одного слова не было сказано о том, что 12-й ярус относится к 1260-м годам, ничем это не было аргументировано. В этом ярусе были найдены: печать тиуна Калиста, датируемая расплывчато, и золотая печать предположительно 1177—1181 г. [37], ни тот, ни другой предмет не уполномачивают нас датировать 12-й ярус именно 1260-ми годами, и истоки этой даты, явившейся для автора основой всего «спектра пожаров», находятся в той же закрытой для читателя лаборатории алхимика.

* * *

14. Крупной методической ошибкой Б. А. Колчина следует считать его подход к сопоставлению археологических данных с летописными. Вместо того чтобы использовать записи о пожарах как один из методов определения хронологии, проверить по данным летописей предварительные предположения, Б. А. Колчин начал с того, что стал подбирать подходящие сведения о пожарах к дробным членениям своей шкалы, а когда эта операция была закончена, хронологическая шкала предстала перед читателем в своем окончательном виде, освященная авторитетом новгородских летописцев и щеголяющая точнейшими датами ярусов до дня и часа.

Важность вопроса и тяжесть обвинений, предъявляемых мною Б. А. Колчину и А. В. Арциховскому (одобрившему и подтвердившему методику и выводы Б. А. Колчина) [38], требуют детального рассмотре-

---

[33] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 133.
[34] Там же, рис. 51.
[35] Там же, стр. 131.
[36] Там же, стр. 134.
[37] Там же, стр. 128. См. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, № 55, стр. 144.
[38] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 17.

ния того «спектра пожаров», который Б. А. Колчин считал «строгим и единственно возможным».

Сопоставление летописных записей о пожарах с реальными пожарищами в слоях Б. А. Колчин, как уже сказано, неожиданно начинает с середины всей толщи культурного слоя, с 12-го яруса, хотя в распоряжении автора был точно датированный посадничьими грамотами 8-й ярус, содержащий остатки пожарища. Далее автор опускается вглубь, определяя пожарище 14-го яруса как пожар 1211 г., затем он поднимается вверх по шкале ярусов и определяет пожарище 10-го яруса как результат двух пожаров — 1299 и 1311 гг., считая, что каждый из них захватил только одну какую-то локальную группу построек.

Следует заметить, что того строгого топографического разграничения этих двух пожарищ, о котором пишет автор, на плане сооружений 10-го яруса нет: дом 11 ш, отнесенный Б. А. Колчиным к южной группе, находится в самом северном конце всего Неревского раскопа, далеко от построек южной группы [39]. Нет также и в летописной записи никаких следов того, что пожар 1299 г. будто бы «быстро» уняли, как пишет об этом Б. А. Колчин [40]. Вообще разделение одного пожарища на два разновременных пожара не представляется убедительным, так как оба пожара описываются летописцами как очень сильные: «В лето 6807 (1299 г.) месяца априля в 18 день, в суботу великую, в 1 час нощи загореся на Вареской улици... въздвижеся буря с вихром; и тако бысть силень огнь вборзе, кто же, мало что похватив, выбежа из своего двора, а иное все огнь взя. И вержеся огнь из немечкого двора в Неревьскыи конець: загореся на Холопьи улици, и тамо того селнее огнь, а неревляне на онои стороне, а мост Великыи огнь заял. И тако створися пагуба велика; и тако бо на свете бог и добрии люди уяша; а злеи человеци падоша на грабежи...» [41].

Обратим внимание на топографию пожара 1299 г.: огонь попал на Холопью улицу с юго-востока и отсюда распространился как на запад до св. Ивана, так и на север до св. Якова (см. план Неревского конца). Район раскопок неизбежно оказывался в самом центре пожара. Холопья улица горела тогда, когда жители этой части города, тушившие пожар на другом берегу Волхова (не думая, очевидно, что «буря с вихром» занесет огонь на их улицы), оказались отрезанными от своих домов.

Интересна топография и второго пожара 1311 г.: «...загореся на Розважи улици Глебов двор, и погоре конець Неревьскыи, семо до гребле, а семо и за Боркову улицю; и сгоре церков святыи Козма и Дамиан, и другая святого Савы, и четырьдесят церков огоре, и домове добрыи. О горе, бяше лют пожар, с ветром и с вихром...» [42]. Огонь шел с юга через территорию Неревского раскопа на север на Боркову улицу и на запад к церквям Кузьмы и Демьяна и Саввы, расположенным рядом с раскопом (рис. 4).

Деление одного пожарища 10-го яруса на две локальные группы, «южную» и «северную», в применении к пожарам 1299 и 1311 гг. представляется искусственным не только потому, что «южный» дом находится в северной части северной группы, но главным образом потому, что обе группы разделены ничтожным интервалом в 16 *м*, а пожар 1299 г. бушевал так, что для него даже широкий Волхов не был преградой.

15. От пожаров 1299 и 1311 гг. Б. А. Колчин поднимается снова вверх к пожарам 1340 и 1342 гг., причем для пожарища 9-го яруса ав-

[39] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 73, рис. 16; стр. 134.
[40] Там же, стр. 135.
[41] Новгородская I летопись, стр. 329.
[42] Там же, стр. 334.

тор избирает пожар 1342 г., считая, что пожар 1340 г. района раскопок, центра Неревского конца не коснулся. А между тем летопись говорит об этом пожаре так, что создается впечатление, что Неревский конец погорел почти весь: 7 июня 1340 г. во вторник «загореся на Розважи улици в поли за святым Федором, и погоре Неревьскыи конець даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улици и церкви вси и дворове; оттоле вержеся в город, и погоре двор владычен, церкви святыя Софея и что дворов в городе и церквии, и Людин конець и до

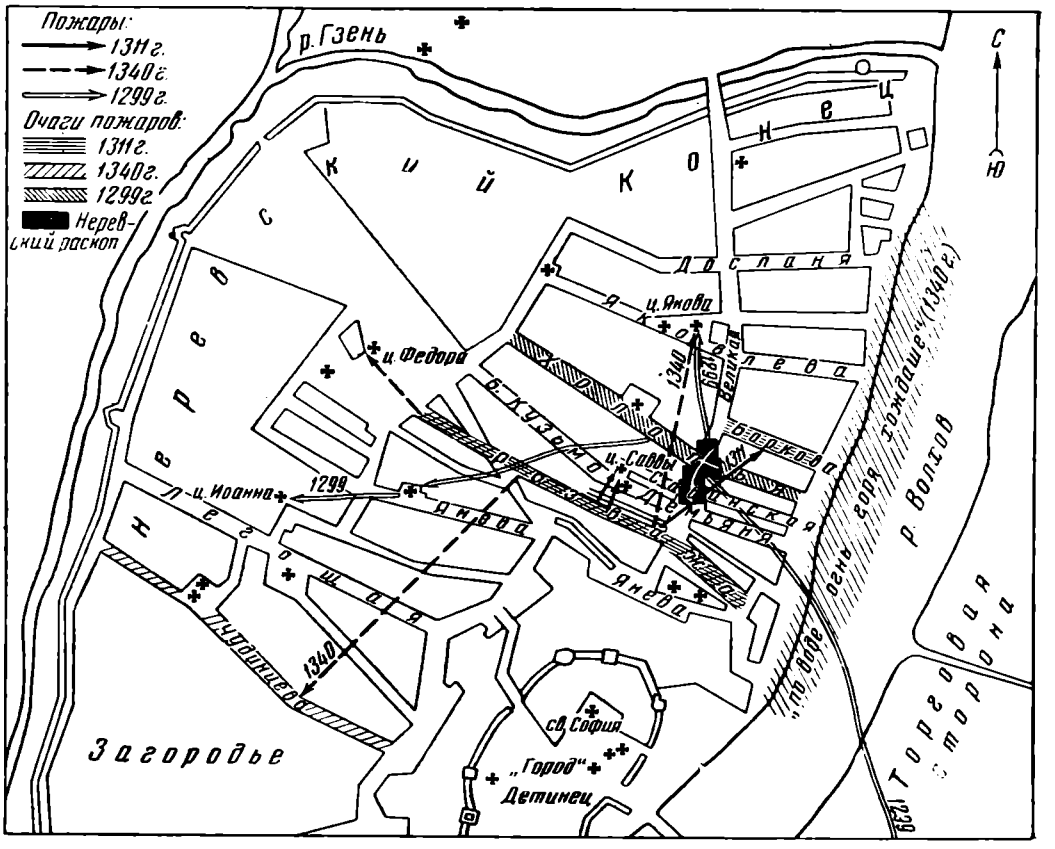

Рис. 4. Примерное распространение новгородских пожаров 1299, 1311 и 1340 гг. и их отношение к Неревскому раскопу

святого Алексия, тако же и церкве и домове, а семо и до Пруской улице. Тако бяше велик и лют пожар, с бурею и с вихром, яко мнети уже концина, по воде огнь горя хожаше и много людии истопи на Волхове» [43]. Трудно допустить, чтобы этот грандиозный пожар, занесенный даже в таблицы пасхалии («пожар велий»), полыхавший почти во всем Неревском конце, не оставил никакого следа на перекрестке Великой и Холопьей улиц, когда огонь шел (как и в 1311 г.) с юга от Розважи к св. Якову, расположенному много севернее раскопа (см. план Неревского конца с показанием топографии пожаров).

Описав затем пожары XIV—XV вв., Б. А. Колчин возвращается к пожарам значительно более ранним, разбирая пожарища 15-го — 20-го ярусов. Пообещав на стр. 133 связать конец 20-го яруса с пожаром 1113 г., автор, к сожалению, забыл об этом, больше к этому вопросу не возвращался и никакой аргументации не привел.

В итоге мы видим, что четкого принципа в изучении пожаров у Б. А. Колчина нет и что он произвольно, вопреки летописному тексту, сократил количество пожаров и искусственно слил два пожара воедино.

[43] Новгородская I летопись, стр. 351.

Такое отношение к летописям может дискредитировать вообще сопоставление письменных и археологических источников.

16. Записи новгородских летописцев XII—XV вв. о пожарах являются драгоценным историческим источником, с помощью которого можно предпринять попытку установления более точной хронологической шкалы «ярусов», чем это позволяет сам археологический материал. Однако следует заранее сказать, что воспользоваться тем или иным вариантом сопоставления археологических пожарищ с летописными записями о пожарах мы сможем, во избежание случайностей, только после проверки этого варианта другими методами. Простейшим и первостепенным методом может быть отсчет всех пожаров и всех пожарищ от точно датированного яруса. Таким ярусом является 8-й, содержащий письмо к посаднику Онцыфору 1350—1354 гг.; с 8-м ярусом естественнее всего связать пожар 1368 г., когда горел Неревский конец от кремля до Даньславлей (Дослани) улицы. Сопоставляя каждый пожар вокруг места раскопок с каждым археологическим пожарищем, мы получим следующее:

Пожар	1368 г.	— пожарище	8-го яруса* (сгорело 5 построек)
»	1342 г.	»	9-го яруса (сгорело 16 построек)
»	1340 г.	»	10-го яруса (сгорело 13 построек)
»	1311 г.	»	12-го яруса (сгорела 21 постройка)
»	1299 г.	»	14-го яруса (сгорело 13 построек)
»	1267 г.	»	15-го яруса (сгорело 14 построек)
»	1211 г.	»	16-го яруса (сгорело 3 постройки)
»	1194 г.	»	18-го яруса (сгорело 2 постройки)
»	1177 г.	»	20-го яруса (сгорело 2 постройки)
»	1113 г. (?)	»	23-го яруса (сгорело 5 построек)

* С грамотой № 98 1350-х годов.

17. Произведем проверку этого списка по принципу интенсивности пожаров. Для археологической стороны критерием будет количество сгоревших в том или ином ярусе построек, а для летописных заметок — прежде всего точные топографические указания на район пожара и на направление огня, а также примечания о силе огня или о количестве сгоревших домов и церквей.

Такое сопоставление доказательнее всего в виде графика с ярусами на ординате и годами на абсциссе. Введя четыре градации: слабые пожары и сильные пожары, небольшие пожарища (от двух до пяти домов) и большие пожарища (свыше 12 построек), мы сможем объективно проверить первый вариант (рис. 5). Необходимо только условиться, какие пожары по данной летописи следует считать для района раскопок сильными и какие слабыми.

Во время пожара 1368 г. «огоре, и Неревьскыи конець по половине улиць...». По сравнению с описанием других пожаров пожар 1368 г. нельзя назвать сильным. Пожар 1342 г., бушевавший в районе раскопок от берега Волхова до церкви Кузьмы и Демьяна, был настолько силен, что целую неделю жители Неревского конца «не смеяху в городе жити, нь по полю, а инии по рли живяху, друзии же по брегу в учанех» [44]. Грандиозный пожар 1340 г. (пропущенный Б. А. Колчиным) описан выше. Пожары 1299 и 1311 гг. тоже следует отнести к числу «лютых», когда бушевала «буря с вихром». Пожар всего Неревского конца в 1267 г. тоже описан в летописи как очень сильный: «...яко и по воде огнь хожаше.., и одином часе все погоре...» [45].

Больше в Новгородской летописи нет описаний сильных пожаров Неревского конца. Пожар 1211 г. начался на южной окраине Новгорода, и только небывалая цифра сгоревших дворов и церквей говорит о том, что

[44] Новгородская I летопись, стр. 355 и 370.
[45] Там же, стр. 315.

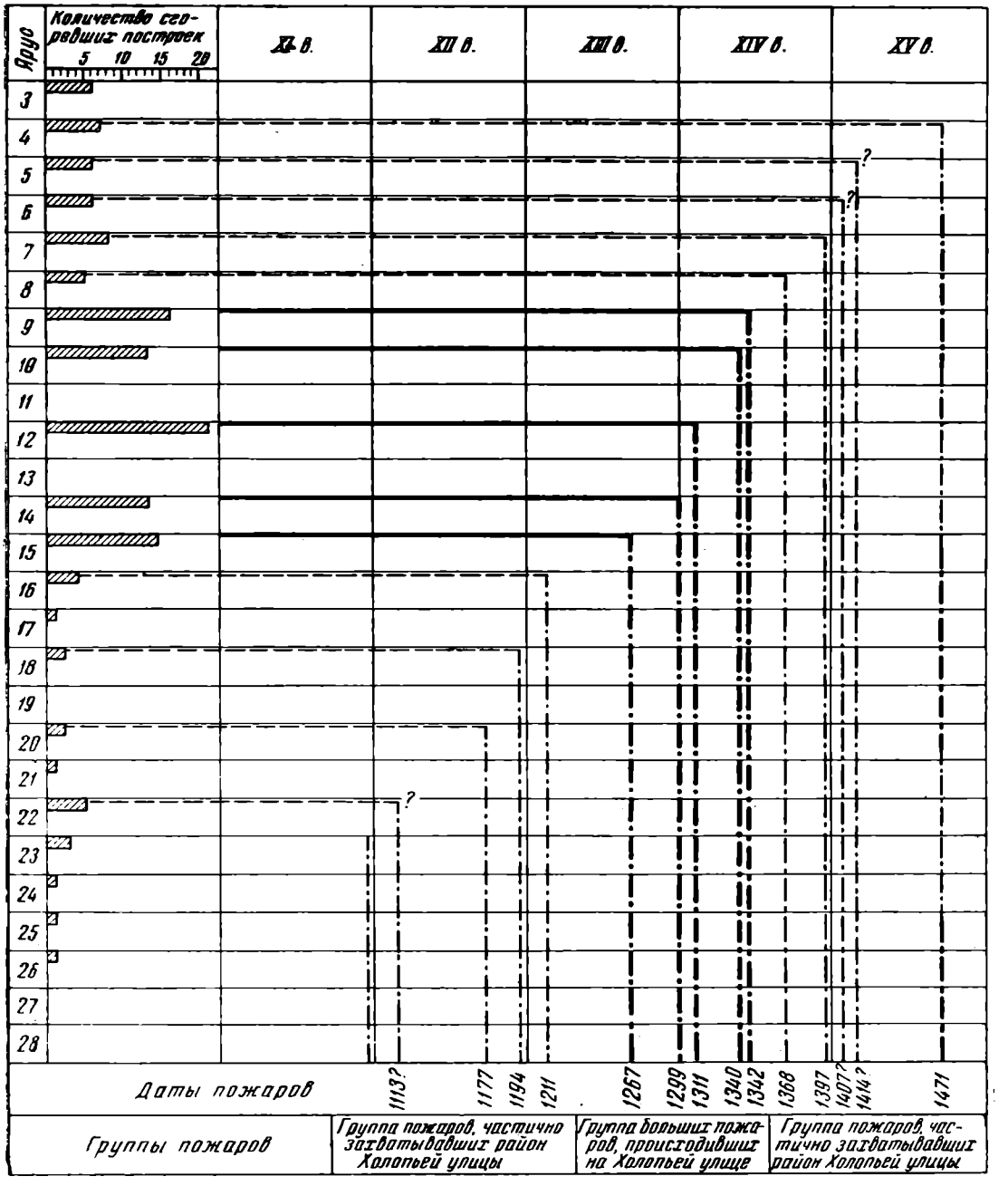

Рис. 5. Один из методов сопоставления археологических пожарищ с летописными данными XII—XV вв. (Размеры пожарищ сопоставляются с большими и малыми пожарами в районе Холопьей улицы.)

пожар охватил по крайней мере всю Софийскую сторону. Сгорело 4300 дворов [46], а благодаря раскопкам мы знаем теперь, что представлял собой двор и какова была его площадь [47]. На пространстве одного Людина конца 4300 дворов уместиться не могли. Здесь могло быть около 1000—1500 дворов; частично в эти 4300 дворов входят, очевидно, и дворы пустынного Загородья и густо заселенного в XIII в. Неревского конца. Считать этот пожар сильным в применении к Неревскому концу у нас нет оснований.

[46] Новгородская I летопись, стр. 250.

[47] Принимая данные П. И. Засурцева о количестве обнаруженных раскопками самостоятельных хозяйственных единиц (см. П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, стр. 293—298), мы можем определить для этой эпохи среднюю площадь одного двора примерно в 400 $м^2$. Тогда для Людина конца мы получим примерно 1000—1300 дворов, для Неревского — 2000—3000 дворов.

Пожар 1194 г. прошел с юга по западной половине Неревского конца от Хревковой улицы к ручью Гзени. Для района раскопок он не мог быть сильным, хотя всего в конце сгорело семь церквей.

В 1177 г. горела тоже западная часть Неревского конца у церкви Ивана, и район раскопок мог быть затронут лишь частично; то же следует сказать и о пожаре 1113 г. (наименее достоверным из всех), очаг которого находился на южной границе Неревского конца у Кромного города [48].

Если мы взглянем на график, то увидим, что пунктирные линии незначительных пожарищ пересекаются только с линиями слабых пожаров, а линии крупных пожарищ — с линиями сильных пожаров. Хронологически первый крупный пожар Неревского конца 1267 г. падает на первое крупное пожарище 15-го яруса. Важно отметить, что совпадает весь порядок сильных и слабых пожаров. Следовательно, проверка увенчалась полным успехом.

Мы рассмотрели пожары только в направлении от XIV к XII в. Если же мы рассмотрим пожары XIV и XV вв., то также обнаружим совпадения с археологическими данными. У меня нет особых расхождений с Б. А. Колчиным в отношении распределения пожаров конца XIV—XV в. [49].

18. Предлагаемая мною новая схема сопоставления летописных пожаров с пожарищами ярусов Неревского раскопа полностью совпадает с той зоной хронологической шкалы Арциховского — Колчина, которая надежно датирована берестяными грамотами посадников (середина XIV—XV в.) и несколько расходится с другой зоной этой же шкалы, не подкрепленной точно датированными находками (XI — начало XIV в.). Расхождения колеблются от 20 до 70 лет для разных ярусов. Новая схема требует дополнительной проверки. Здесь следует вспомнить о поправках, вносимых лингвистами в датировки берестяных грамот А. В. Арциховского. Лингвисты в своих определениях дат берестяных грамот исходят из норм языка, не считаясь со стратиграфической датировкой [50].

Независимость метода датировки очень важна в тех случаях, когда есть расхождения между лингвистикой и археологией. Таких расхождений на 136 грамот свыше двух десятков. Некоторые из них очень незначительны или выражены в условной форме. Меньше всего расхождений в отношении грамот верхних ярусов XIV—XV вв. Основная масса поправок лингвистов, вносимых ими в археологическую датировку, падает на грамоты XII или XI—XII вв. Все поправки сделаны в одном направ-

---

[48] Новгородская I летопись, стр. 233, 225, 204.

[49] Возможно, что с пожарищем 7-го яруса надо связывать не пожар 1394 г., а пожар 1397 г. В 1394 г. горели Околоток и Загородье. Под Околотком, судя по всем летописным упоминаниям, надо понимать пространство, непосредственно примыкающее к кремлевским стенам. В 1397 г. горели восточные (прибрежные) части улиц: Розважи, Кузьмодемьяней, Холопьей, Щерковой и др. Огонь был близко от района раскопок (см. Новгородская I летопись, стр. 386, 387, 389).

Во время дискуссии по моему докладу в ИИМК 5 марта 1959 г. А. Ф. Медведев вслед за А. В. Арциховским признавал ошибочным метод сопоставления археологических пожарищ с летописью и указывал на неиспользованные, по его мнению, записи о пожарах 1384, 1391, 1405, 1407 и 1433 гг. Но дело в том, что все эти пожары (кроме пожара 1407 г.) шли стороной и района раскопок не касались. В 1384 г. горело за Гзенью в полуверсте от раскопок. В 1391 г. огонь шел от Борковой улицы не на юг (не к раскопу), а на север к Гзени. В 1405 г. горела Янева улица и на юг от нее — Людин конец. Пожар 1407 г., хотя и коснулся Неревского конца, но главный очаг его был в кремле и на Людогощей улице; Неревский конец упомянут глухо, без подробностей. Пожар 1433 г. настолько ясно описан в летописи, что говорить о нем не стоит (горела Янева улица и далее огонь пошел на юг в Загородский и Людин концы).

См. Новгородская I летопись, стр. 379, 384, 399, 416.

[50] Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955. (В сборнике помещены работы Р. И. Аванесова, Н. Б. Бахилиной, В. И. Борковского, Л. П. Жуковской и П. С. Кузнецова.) В. И. Борковскому принадлежит лингвистический анализ грамот из раскопок 1953, 1954, 1955 гг. См. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г., М., 1958.

л е н и и: лингвисты «о м о л а ж и в а ю т» грамоты или на целое столетие, или передвигают дату в пределах столетия из начальных десятилетий на последние десятилетия. Интересно сопоставить поправки лингвистов с новой шкалой пожаров. Оказалось, что и эту вторую проверку новая шкала выдержала: почти все грамоты, датированные А. В. Арциховским XII в. и перенесенные лингвистами в XIII в., по моей шкале тоже оказываются в ярусах, датируемых XIII в. (рис. 6).

19. Третий случай проверки нового варианта хронологической шкалы может представить комплекс знаменитых грамот мальчика Онфима, состоящий из 10 грамот [51]. Все они найдены в соседних квадратах, в одном горизонте (разница в глубине залегания всего 27 *см*) в 15-м ярусе, в 1,5—2 *м* от мостовой [52]. С 15-м ярусом Б. А. Колчин связывает пожар 1194 г. К сожалению, А. В. Арциховский совершенно не коснулся палеографической датировки грамот, ограничившись фразами: «Стратиграфия, а следовательно, и хронология здесь бесспорны: все перечисленные куски бересты залегали в пятнадцатом строительном ярусе. Таким образом, все они относятся к рубежу XII—XIII вв., чему вполне соответствует и палеография» [53]. Никаких доказательств того, что палеография позволяет относить грамоты Онфима к рубежу XII—XIII вв., автор не приводит. Там же, где А. В. Арциховский разбирает другие грамоты из этого же 15-го яруса, он ведет поиски аналогий в неверных направлениях. Так, например, по поводу грамоты № 147, где есть буква «Ш» с хвостиком, не выходящим за строку, вспоминает надгробную плиту болгарского царя Самуила X в., а в связи с перевернутым «Ю» говорит об XI в. [54]. Естественнее было бы обратиться к самим же берестяным грамотам. Оба мнимо-архаичных признака имеются в более п о з д н и х грамотах 13-го — 9-го ярусов, т. е. ведут к XIV в. [55]. Палеография грамот Онфима точно так же связывает их, с одной стороны, с грамотами 14-го — 11-го ярусов [56], а с другой стороны, с рядом пергаменных материалов 1260—1280-х годов (в том числе многих новгородских) [57]. Я не буду останавливаться на палеографии, так как это уже сделано М. В. Щепкиной, отнесшей почерк Онфима ко второй половине XIII в. [58]. По моей схеме пожаров, 15-й ярус может быть связан с пожаром 1267 г., что согласуется с палеографией берестяных грамот этого яруса.

20. Особый интерес представляет грамота № 206, написанная Онфимом. Здесь «стоит сильно искаженное обозначение года по тогдашнему ле-

---

[51] А. В. А р ц и х о в с к и й. Берестяные грамоты мальчика Онфима, стр. 215—223. Я не могу согласиться с отнесением к этому комплексу грамоты № 201, так как все начертания букв резко отличаются от остальных букв Онфима. Поэтому, расходясь с автором публикации, я считаю комплекс Онфима состоящим из 10 грамот, а не из 11.

[52] Б. А. К о л ч и н. Топография, стратиграфия..., стр. 137.

[53] А. В. А р ц и х о в с к и й. Берестяные грамоты мальчика Онфима, стр. 215.

[54] А. В. А р ц и х о в с к и й и В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 26.

[55] Буква «Ш» такого рисунка есть в грамоте № 71 из 13-го яруса и в грамоте № 92 из 9-го яруса. Перевернутое «Ю» есть в грамоте № 142 из 11-го яруса.

[56] 14-й ярус, грамоты №№ 56, 61, 111, 112.
13-й ярус, грамоты №№ 68, 71.
12-й ярус, грамоты №№ 65, 69.
11-й ярус, грамоты №№ 142, 191.

Такой палеографический признак, как і десятиричное с перекрестием, появляется в б е р е с т я н ы х грамотах впервые в 15-м ярусе у Онфима, но позднее он встречается в 14-м ярусе (грамота № 61), в 9-м ярусе (грамота № 102) и даже в грамоте с именем Онцыфора (8-й ярус № 98).

[57] Договорная грамота Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1265 г.; Новгородская Кормчая 1282 г.; Рукописанье Климяты 1258—1268 гг.; Паремейник 1271 г.; Пролог 1283 г.; см. «Сборник снимков с русского письма XI—XVIII вв.» под ред. И. Ф. Колесникова и В. К. Клейна. М., 1913, табл. 7; М. Н. Т и х о м и р о в, М. В. Щ е п к и н а. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 15; Я. И. Т р у с е в и ч. Изборник 1905 г., лист VI, СПб., 1905.

[58] Выступление М. В. Щепкиной по моему докладу 5 марта 1959 г. в ИИМК. А. В Арциховский и тогда никаких палеографических аргументов в пользу своей датировки не привел.

Рис. 7. Одна из грамот мальчика Онфима (№ 206), содержащая дату

а — общий вид (фото 1956 г.); *б* — славянские цифры 6000 + 700 (?) + 70(?) + 1 (увеличено)

Рис. 8.

1, 2 — современный вид спорных цифр на грамоте Онфима (№ 206); *3, 4* — неправильно написанные буквы «О» в грамоте Онфима (№ 207)

тосчислению; определить этот год нельзя», пишет А. В. Арциховский [59]. К сожалению, автор не дал макрофотографии этого важного и интересного места и не проверил прорись, отличающуюся от фотографии [60]. Четыре знака этой цифры покрыты титлами. Знак тысяч покрыт отдельным титлом, а знаки сотен, десятков и единиц — общим. Бесспорны знаки тысяч (6) и единиц (1) (рис. 7). Знак сотен написан как «Ч», но на фотографии 1956 г. можно различить среднюю вертикальную черту, которая превращает эту букву в «пси». Трудно сказать — проведена ли эта черта «писалом» Онфима или здесь оказался дефект коры, пришедшийся как раз на середину чашечки этой буквы. Решить этот спор уже нельзя, так как недостаточная консервация грамоты привела к ее порче и в настоящее время именно в этом спорном месте образовалась трещина.

Буква «Ч» означает 90, а стоит она на месте сотен; следовательно, более вероятно, что Онфим поставил на месте сотен и знак сотен, букву «пси», т. е. 700.

Вторая спорная буква написана так, что ее можно принять и за «С» и за необычно написанное «О» (именно так, как «О» и прочел эту букву рисовальщик прорисей М. Н. Кислов). Примеры таких дефектных «О» есть у Онфима, есть они и в других грамотах (рис. 8). Нам снова остается решать по смыслу — буква «С» (200) на месте десятков бессмысленна, буква «О» соответствует своему месту, так как обозначает 70. Онфим, знавший коммерческую корреспонденцию, писавший псалмы, выработавший уверенный индивидуальный почерк и писавший не хуже любого новгородского грамотея, едва ли мог допустить две грубые ошибки и в знаке сотен, и в знаке десятков. Предположить здесь ошибочную перестановку знаков мы тоже не можем, так как тогда получится 6291 г. или 783 г. н. э.

Остается допустить, что Онфим написал сотни на месте сотен, а десятки на месте десятков. Ничего невероятного в этом предположении нет. Из всех знаков сотен на букву «Ч» похоже только «пси» (писавшееся с круглой чашечкой), а из всех знаков десятков на букву «С» похожа только одна буква «О». На месте сотен он изобразил «пси» с неясной средней чертой, а на месте десятков написал не совсем обычным приемом знак О = 70. Тогда вся дата будет читаться так:

$$\overline{\text{s}}\ \overline{\text{ѱоа}} = 6771 \text{ г.} = 1263 \text{ г. н. э.}$$

Эта дата полностью согласуется как с палеографией грамот Онфима, так и с измененной датировкой 15-го яруса, постройки которого сгорели, как я думаю, не в 1194 г., а в 1267 г.

Будем надеяться, что со временем появятся новые грамоты с датами или именами, которые позволят более надежно проверить существующие датировки.

21. Итак, с предложенной мною новой схемой сопоставлений летописных пожаров и пожарищ (за исходную точку которой взята грамота посадника Онцыфора Лукича, 1350—1354 гг.) совпали: 1) шкала интенсивности пожаров; 2) поправки лингвистов; 3) палеография комплекса грамот Онфима; 4) год, написанный на грамоте № 206; 5) очень важно отметить, что новый вариант хронологии хорошо вписывается в широкие рамки массового археологического материала и на хронологическом графике (рис. 3) найдет свое место на нижней границе появления вещей, что наиболее логично. С моим вариантом почти совпадают те рубежи

---

[59] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима, стр. 221, рис. 6 и 8.

[60] Для суждения об этой грамоте надо учитывать не прорись и не фотографию ее современного вида, а фотографию, сделанную на месте раскопок в 1956 г. С. Т. Бочаровым и опубликованную А. В. Арциховским на рис. 8 в статье «Берестяные грамоты мальчика Онфима».

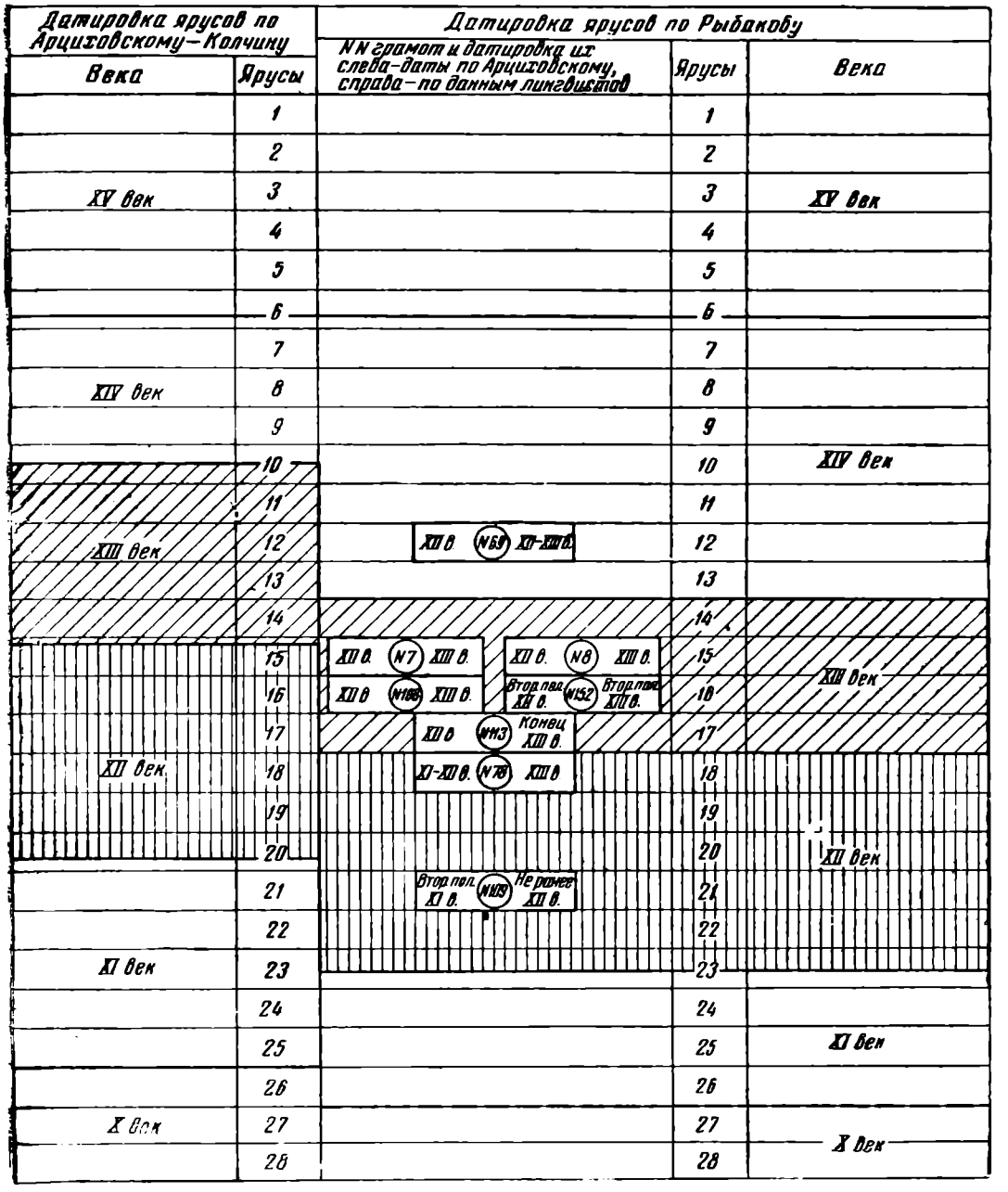

Рис. 9. Поправки лингвистов к датировкам берестяных грамот и сопоставление этих поправок со схемой Арциховского—Колчина и со схемой Рыбакова

столетий, которые получены на основании массового материала. Создание хронологической шкалы — настолько важное и ответственное дело, что необходимо вновь и вновь проверять и уточнять эту шкалу.

Произведем сопоставление хронологической шкалы Арциховского — Колчина с предлагаемым новым вариантом в общеисторическом плане в связи с жизнью Новгорода, насколько мы ее можем знать по всей совокупности данных. Используем для этого наиболее объективную форму графического изображения — уже упомянутые выше координаты с ярусами на ординате и годами на абсциссе. Мой вариант шкалы легко нанести на этот график: пересечение линий годов пожаров с верхним рубежом того или иного яруса даст нам дату гибели построек этого яруса; соединение всех точек пересечений между собой даст нам хронологическую кривую. Эта кривая (по моему варианту) круто поднимается вверх на протяжении XII и начала XIII в., резко замедляется в XIII в. и снова идет на

подъем в первые десятилетия XIV в. К исторической интерпретации этой кривой я еще вернусь. Данные Б. А. Колчина труднее нанести на график, так как в одних случаях он применяет тот же самый принцип, что и я, беря за основу пожарища к о н е ц яруса, его в е р х н и й горизонт (ярусы 20-й, 12-й, 10-й, 9-й, 8-й, 7-й, 6-й, 4-й), а в других случаях, по непонятным для нас пока причинам, он проводит пожарище п о с е р е д и н е я р у с а (ярусы 16-й, 15-й, 14-й, 10-й) [61].

Мотивировка его абсолютно неубедительна: «Так как в этих пожарах сгорела т о л ь к о ч а с т ь п о с т р о е к того или иного яруса, мы удлиняем время яруса еще н а т а к о й ж е (?) отрезок, т. е. дату пожара относим к середине яруса» [62]. Но ведь во всех других ярусах тоже сгорала только ч а с т ь построек (в 20-м ярусе — только два дома, в 8-м ярусе — пять домов и т. д.), а между тем Б. А. Колчин счел возможным здесь приурочить пожар к к о н ц у яруса. А вот для 14-го яруса, в котором сгорел 81% построек, он почему-то сдвигает пожарище н а с е р е д и н у яруса. Совершенно очевидно, что Б. А. Колчин не придерживается провозглашенного им принципа. Да существует ли самый принцип? Нанеся данные Б. А. Колчина (со всеми их нелогичностями) на наш график, мы увидим почти прямую линию, р а в н о м е р н о пересекающую все ярусы. Секрет этой прямолинейности очень прост — вспомним, какие находки послужили опорными точками при определении рубежей столетий: во-первых, клад 970-х годов, найденный в 27-м ярусе, и грамота Онцыфора 1350-х годов, найденная в 8-м ярусе. По формуле А. В. Арциховского (600 лет = 28 ярусам; длительность яруса $\frac{600}{28}$) вычислены рубежи столетий, содержащих эти опорные точки: рубеж X и XI вв.— 25-й ярус; рубеж XIII и XIV вв.— 10-й ярус. На три столетия (XI, XII и XIII вв.) осталось ровно 15 ярусов. Исследователь поступил очень просто: при помощи элементарной арифметической операции (15 : 3 = 5) он получил рубежи всех столетий: 10 + 5 = 15 и 15-й ярус объявлен рубежом XII и XIII вв.; 15 + 5 = 20 и 20-й ярус объявлен рубежом XI и XII вв.

22. Соединим на нашем графике точку 973 г. с точкой 1354 г. п р я м о й л и н и е й. Эта прямая, во-первых, почти сольется с хронологической «кривой» Б. А. Колчина, а во-вторых, объяснит нам, наконец, все загадочные моменты в той хронологии Б. А. Колчина, в которую «хорошо укладывался» массовый материал, которой «не противоречила» палеография грамот, с которой «поразительно совпадали» даты вислых печатей. Эта прямая линия пройдет таким образом, что часть пожаров действительно придется на с е р е д и н ы ярусов и именно тех, которые Б. А. Колчин поместил с р е д и ярусов (пожар 1177 г. в середине толщи 16-го яруса; пожар 1194 г.— в середине 15-го яруса и др.). Некоторым ярусам повезло, и они пересеклись с этой прямой своими в е р х н и м и горизонтами; это именно те самые ярусы, которые Б. А. Колчин обозначил с пожарищем в в е р х н е м горизонте (ярусы 20-й, 12-й, 9-й). Мало того, загадочное и необоснованное (ни исторически, ни археологически) объединение двух пожаров 1299 и 1311 гг. в один ярус получает свое объяснение: вышеупомянутая прямая пересекает линии годов 1299 и 1311 на пространстве о д н о г о 10-г о я р у с а. Объясняется и исчезновение из колчинского «спектра пожаров» грандиозного пожара 1340 г.: между «объединенным» пожарищем 10-го яруса (1299—1311 гг.) и точно датированным пожарищем 8-го яруса (1368 г.) фактически находилось т о л ь к о о д н о п о ж а р и щ е 9-го яруса, поэтому Б. А. Колчину пришлось выбирать из двух пожаров один [63].

[61] Б. А. К о л ч и н. Топография, стратиграфия..., см. таблицу пожаров на стр. 136, рис. 53.

[62] Там же, стр. 137.

[63] Там же, стр. 135. При этом Б. А. Колчин вынужден был поступиться истиной. Он не упомянул в своем тексте о том, что огонь пожара шел от Розважи и «даже и до святого Якова», т. е. должен был пройти через место раскопок. См. Новгородская I летопись, стр. 351.

Я уже выражал свое удивление по поводу того, что анализ летописных данных Б. А. Колчин начинает почему-то с пожара 12-го яруса, дата которого была предрешена им. «Хронологически конец 12 яруса по нашей стратиграфии,— пишет Б. А. Колчин,— падает на 60-е годы XIII в.» [64]. Теперь и это ясно — прямая на графике пересекает 12-й ярус как раз на 1250-х — 1260-х годах.

23. Итак, методика определения хронологии новгородских древностей нам теперь ясна во всех своих фазах.

1 этап (1951 г.). А. В. Арциховский добросовестно, но неизбежно приблизительно произвел первую, примерную разбивку культурного слоя Неревского раскопа на века, опираясь на даты курганных вещей, стеклянных браслетов и шиферных пряслиц. Точность этой шкалы не превышала одного столетия. В качестве стратиграфической единицы применялся «строительный ярус».

2 этап (1952—1954? гг.). За стратиграфическую единицу стал приниматься ярус мостового настила. Синхронность настила и усадебных слоев представляется очень условной и совершенно не документирована ни в одной из публикаций Новгородской экспедиции.

Находки большого количества печатей, монет и точно датированных посадничьих грамот укрепили нижние и верхние звенья предварительной хронологической шкалы (27-й ярус и 8-й — 6-й ярусы).

3 этап (1954—1956? гг.). Б. А. Колчин арифметическим (или графическим) путем разделил 15 ярусов на 300 лет и получил «точные» даты для каждого яруса от 25-го до 10-го, отнеся их к XI, XII и XIII вв. Этот среднеарифметический принцип, лежащий в основе его хронологии, Б. А. Колчин не решился обнародовать в полном виде и, используя его на практике, прикрывал словами: «наша хронология», «наша стратиграфия». Применяя этот принцип, Б. А. Колчин исходил из предвзятой мысли о полной равномерности исторической жизни Новгорода за три столетия и о равных сроках смены бревенчатых мостовых. Массовый археологический материал, датируемый нередко в диапазоне трех-четырех столетий, не мог выявить схематизм и порочность этой шкалы. Сфрагистический материал тоже не мог доказательно опровергнуть эту шкалу, так как Б. А. Колчин предусмотрительно провел свою хронологическую кривую (на самом деле почти прямую) вплотную к хронологическому графику вислых печатей и монет, почти не оставляя интервала между временем их чеканки и временем их выброса. Отсюда и «совпадения» дат печатей с датами ярусов. По этой шкале были распределены все находки, и дата их определялась градациями этой шкалы.

4 этап (1954—1956? гг.). Хронологическую кривую 28 ярусов, содержащих следы 21-го пожарища, Б. А. Колчин механически сопоставил с летописными записями о пожарах, подбирая только те сведения о пожарах, которые укладывались в его хронологию.

А. В. Арциховский печатно одобрил шкалу Б. А. Колчина и применял ее сам при публикации берестяных грамот и даже объявил ее не подлежащей дальнейшему уточнению. Скрытая до сих пор широкими датами археологических находок ошибочность «среднеарифметической» шкалы Б. А. Колчина сразу же выявилась при соприкосновении с более точными данными о летописных пожарах.

После моего доклада на славяно-русском секторе ИИМК (12 февраля и 5 марта 1959 г.) и на славяно-русской секции пленума ИИМК (8 апреля 1959 г.) «О хронологии новгородских древностей» А. В. Арциховский, а вслед за ним и ряд сотрудников Новгородской экспедиции признали ошибочность «сверхточной» колчинской схемы и необходимость дальнейших уточнений, но тем не менее категорически отказались от внесения каких

[64] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия..., стр. 134.

бы то ни было поправок. А. В. Арциховский, одобрявший ранее сопоставление с летописными записями о пожарах[65], во время дискуссии резко изменил свою позицию и выступил против использования этих летописных данных для уточнения хронологии Неревского раскопа.

Надо надеяться, что коллективные усилия археологов, и в первую очередь самих участников новгородских раскопок, позволят уточнить хронологию, предложить новые варианты хронологической шкалы и отобрать из них наиболее аргументированные.

Для этого нужно будет составить дендрохронологическую шкалу, на которую я возлагаю большие надежды, создать специальную палеографию берестяных грамот, уточнить методы учета слоев и строительных ярусов (может быть, переходя местами на микростратиграфию отдельных усадеб, так как границы усадеб были стабильны), произвести зондажи на месте древних церквей и т. д.

24. Предлагаемый мною вариант хронологической шкалы Неревского раскопа носит предварительный характер, отнюдь не претендует на непогрешимость и, разумеется, потребует исправлений. От колчинской шкалы его выгодно отличает отсутствие таинственности; моим критикам не нужно будет доискиваться истинных оснований моей шкалы — все основания ее изложены выше.

Сущность различий заключается в следующем:

1. Не все ярусы являются действительными историческими слоями и не всегда полно отражают этапы строительства.

2. Смена бревен мостовых н е в с е г д а производилась через р а в н ы е интервалы.

3. Два — три яруса, относимых Б. А. Колчиным к XII в., надо передатировать и отнести их к XIII в. (ярусы 15-й — 17-й). Три — четыре яруса, относимых к XIII в., следует отнести к XIV в. (ярусы 11-й — 13-й). Таким образом, следует несколько «омолодить» средние звенья хронологической шкалы (но н е о д и н а к о в о для всех ярусов) от 20 до 70 лет.

4. К X в. примерно относятся ярусы 28-й и 27-й; к XI в. можно отнести ярусы 26-й — 23-й; к XII в.— 22-й — 18-й; к XIII в.— 17-й — 14-й; к XIV в. — 13-й — 6-й ярусы.

Предложенная мною хронология находит соответствие в исторической жизни Новгорода, и полученная хронологическая кривая не позволяет сделать вывод о «расцвете» города в эпоху татарского ига.

В хронологической кривой, как уже говорилось, есть два периода увеличения крутизны — это от 1177 до 1211 г. и от 1299 до 1340 г. и период замедления — между 1211 и 1299 гг.

Это означает, что ярусы хронологически не одинаковы, что иногда бревенчатый настил мостовой (основу счета ярусов) меняли через 20 лет, а иногда — через 8—10 лет. Очевидно, это зависело от темпа исторической жизни. Нельзя брать исключительные случаи, когда два сильных пожара 1340 и 1342 гг. сократили ярус (т. е. срок жизни мостовой) всего до двух лет[66]. Исключением было и то, что в середине XIII в. мостовую не меняли около 50 лет (15-й ярус)[67].

[65] А. В. А р ц и х о в с к и й. Археологическое изучение..., стр. 17. «Летописные даты пожаров позволили уточнить абсолютную хронологию»,— писал А. В. Арциховский в 1956 г. в этой статье.

[66] Культурный слой этого двухлетнего яруса образовался, очевидно, от потолочных подсыпок 16 рухнувших в 1342 г. построек. Потолки этих 16 построек (площадью около 250 $м^2$) должны были содержать примерно 80 кубометров культурного слоя 1320-х—1340-х годов, распределившегося после пожара 1342 г. по всей площади усадеб.

[67] При этих подсчетах нужно вспомнить, что понятие «яруса» как настила мостовой и как «строительного яруса» различны, но в то же время и условны. Синхронность построек усадеб мостовым не документирована. Мне кажется плодотворной попытка П. И. Засурцева выделить определенные периоды застройки. Он выделяет их шесть (см. П. И. З а с у р ц е в. Ук. соч., стр. 291—294). Любопытно отметить, что выделяемые мною «строительные периоды» по два яруса ни разу не нарушили границ периодов П. И. Засурцева; они оказались лишь внутренними более дробными членениями схемы П. И. Засурцева.

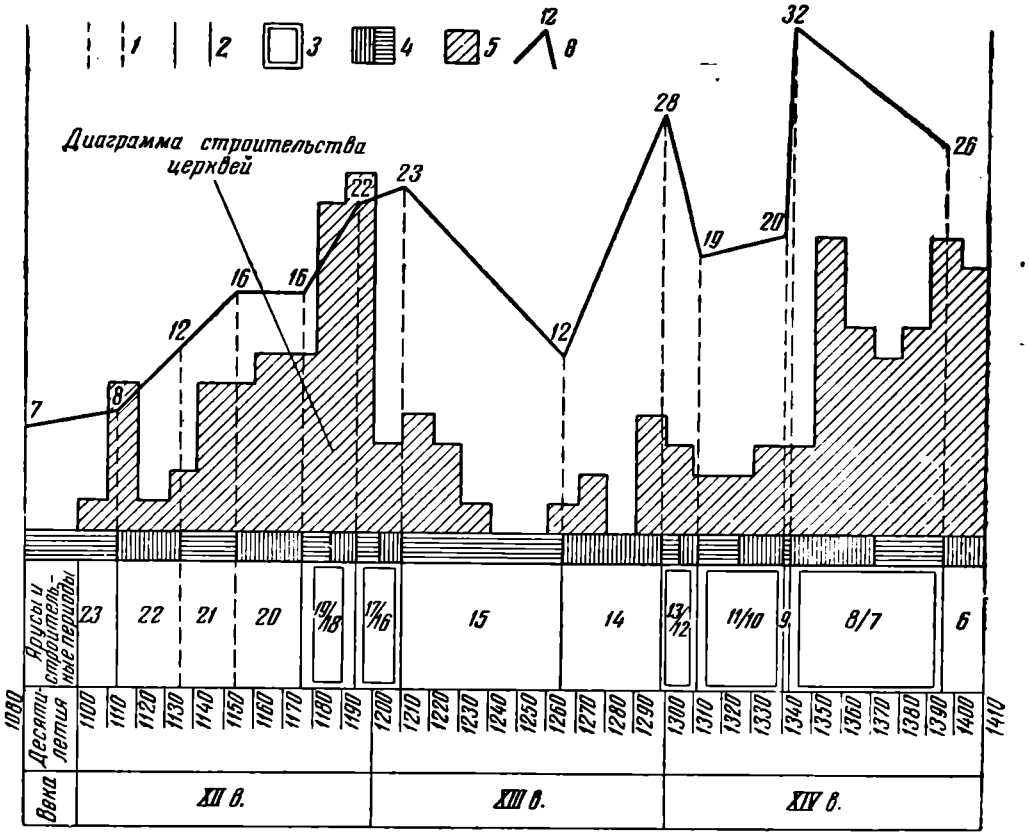

Рис 10. Периоды расцвета и упадка новгородского строительства (по данным летописей о церковном строительстве и по данным раскопок о домах и мостовых). Кривая дает количество построек, созданных на протяжении яруса (или строительного периода)

1 — приблизительные хронологические рубежи ярусов; *2* — более точные хронологические рубежи ярусов; *3* — строительный период с двумя ярусами мостовых; *4* — смена бревенчатых настилов мостовых; *5* — одна церковь; *6* — количество деревянных построек Для сопоставления дана диаграмма строительства церквей в Новгороде (церкви, означенные в летописи как деревянные, не включены). Подсчеты количества даны по десятилетиям

Периоды более быстрой смены мостовых являются и периодами более интенсивного усадебного строительства (рис. 10). Период замедления, пренебрежения к мостовым — середина XIII в.— это время ослабления строительства домов на перекрестке Великой и Холопьей улиц.

Раскопанная часть Неревского конца представляет собой незначительную часть Новгорода и поэтому важно знать, в какой мере на этом перекрестке отразились общие явления жизни Великого Новгорода. Единственным материалом для нас могут служить записи летописцев о постройках церквей. Такие записи велись из века в век и поэтому они могут в известной мере послужить показателем периодов подъема или упадка городской жизни [68].

На сводной диаграмме ломаной линией показано количество вновь построенных зданий в ярусах и строительных периодах Неревского раскопа. Для каждого десятилетия столбиками показано количество построенных каменных церквей.

Здесь мы видим три периода подъема, одинаковых и для деревянного строительства Неревского конца и для каменного строительства господина Великого Новгорода.

---

[68] Новгородская I летопись, стр. 204—208, 214—215, 217, 219, 222, 224—230, 234—235, 236—238, 247, 250, 258, 260, 267, 269—270, 282, 312, 321, 330—335, 339, 346—347, 357, 362, 364—365, 367—369, 371—372, 375, 377, 379—380, 383—388, 393—394, 396—400. В список включались все церкви, кроме тех, относительно которых сказано, что они были деревянными.

Первый период — 1180—1200-е годы, когда на площади раскопок было выстроено вновь 42 дома (19/18 и 17/16 строительные периоды), а в городе — 28 церквей. Мостовые меняют примерно через 10 лет.

Второй период — 1290—1300-е годы. Домов построено в один строительный период (13/12) — 28, а в городе после длительного перерыва возобновилось каменное строительство и построено семь каменных и восемь деревянных церквей. Мостовые меняют в среднем через 15 лет.

Третий период — 1350—1410-е годы. Дома строят по 20—32 в один строительный период, а общее количество построенных в городе церквей достигает 67.

Между первым и вторым периодами подъема лежит период упадка, депрессии, застоя, приходящийся на годы 1240-е — 1280-е. Именно в это время медленнее всего сменяют мостовые (15-й ярус). За 59 лет было поставлено всего три церкви, да и то, по всей вероятности, деревянных, так как вскоре на их месте были поставлены новые, одноименные им. Первая каменная церковь после длительного перерыва была построена в 1292 г.[69]. Дома строились примерно по четыре-пять в десятилетие. Время напряженной борьбы Новгорода с Орденом за свою самостоятельность, время тяжелого татарского «числа» и приезда баскаков сказалось на всем облике города как на незначительности новых построек на Холопьей улице, в пренебрежении к мостовым, так и в длительном перерыве в каменном строительстве во всем городе.

Новый вариант хронологической шкалы полностью вписался в крупные исторические периоды жизни Великого Новгорода, и неравномерность ярусов получила объяснение при сопоставлении с периодами расцвета и упадка города.

25. В связи с крупными историческими вопросами жизни и хронологии Новгорода встает еще один — это вопрос о древнейшем Новгороде, о том «новом городе», с которого началась многовековая история одного из важнейших центров древней Руси.

От IX века — века первых летописных упоминаний о Новгороде — археологам досталось лишь святилище Перуна на Перыни, «когда Новгорода еще не было». «...Слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием города»[70].

Такой ответственный вывод о начале исторического бытия Новгорода, вывод, зачеркивающий все летописные сведения о Новгороде в IX в., нельзя делать на основании произведенных в 1910—1958 гг. раскопок. Эти раскопки доказали, что на Славенском холме, Ярославовом Дворище и в Неревском конце действительно нет слоев IX в. Но уже относительно Детинца можно сомневаться, так как раскопки там велись в очень ограниченных размерах.

Неисследованным остается Людин конец Новгорода, а между тем его местоположение, его древние урочища намекают на важную роль этого конца именно в начальный период новгородской истории.

Людин конец примыкает к Детинцу с юга и образует вместе с ним обособленный треугольник, ограниченный Волховом и его притоками на востоке и на юге и знаменитой Прусской улицей на западе. За Прусской улицей лежало пустынное Загородье; на старых планах здесь не показано ни одной улицы.

Таким образом, Людин конец составлял одно органическое целое с Детинцем и топографически может рассматриваться как его первоначальный посад. Древность и значительность Людина конца видны из того, что в центре его на Волосовой улице стояла церковь св. Власия — двойника языческого Волоса-Велеса. Неподалеку был и монастырь св. Ильи — двойника языческого Перуна. Людин конец должен был играть важную роль в ту пору, когда Новгород был тесно связан с Киевом — че-

[69] Новгородская I летопись, стр. 312 и 321, 327, 357, 364, 411.

[70] А. В. Арциховский. Археологическое изучение..., стр. 14, 15.

рез Людин конец шли пути на юг: в Перынь и княжескую Ракому, на Старую Русу, мимо него ездили и плавали в Киев. Стариннейшие боярские фамилии Новгорода были связаны с Людиным концом. Категорический ответ на вопрос о древнейшем ядре Новгорода нельзя давать до того, как будут произведены широкие раскопки Детинца и Людина конца.

* * *

Выступив против «не подлежащей уточнению» хронологической шкалы А. В. Арциховского — Б. А. Колчина, я, разумеется, ожидал от Новгородской экспедиции ответа, серьезного и обоснованного ответа по существу, с новой дополнительной аргументацией. В этом смысле статья А. В. Арциховского, идущая в этом номере журнала вслед за моей и известная мне в рукописи, меня сильно разочаровала. У А. В. Арциховского возник целый ряд сомнений и недоумений (изложенных им с большой экспрессией), которые я постараюсь разъяснить ему в печати после выхода в свет окончательного варианта его статьи.

Я очень рад, что А. В. Арциховский признал теперь возможным критиковать его хронологическую схему и принял ряд возражений. Что касается «резких выпадов» против А. В. Арциховского, обнаруженных им в моей статье (см. стр. 107), то должен сказать, что наиболее категоричные определения сделаны мною путем цитирования работ самого А. В. Арциховского и не моя вина в том, что они неприятны для их автора.

У меня есть только одна просьба к читателю — после прочтения статьи А. В. Арциховского вторично просмотреть мою статью, поднятые в ней вопросы методики и доказательства. Почти весь иллюстративный материал моего оппонента я с удовольствием включил бы в свою статью, так как считаю его не противоречащим моим основным положениям.

Будущая полемика по общим и частным вопросам новгородской хронологической шкалы должна будет предохранить эту важную для нас шкалу от преждевременного окостенения и должна будет вестись по существу, а не только ради того, чтобы сказать своему критику: «сам еси таков».

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

О НОВГОРОДСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Хронологической полемике посвящено много археологических статей. Обычно они написаны спокойно: хронология редко вызывает страсти. Статья Б. А. Рыбакова отличается повышенной страстностью и в связи с этим резкими выпадами. Это тем удивительнее, что предложенные им хронологические поправки невелики, от 20 до 70 лет, да и то не для всех новгородских ярусов. Для части ярусов он принимает хронологию Б. А. Колчина и мою.

Ответную статью я должен начать с характеристики самого понятия «ярус», иначе предмет спора останется для читателей неясен. Замечу попутно, что Б. А. Рыбаков напрасно ищет какую-то разницу между употребляемыми Новгородской экспедицией терминами «строительный ярус» и «ярус». Это одно и то же. Первый термин предложен мною еще в 1951 г., а при полной публикации грамот я и теперь иначе не пишу. Второй термин является простым сокращением. В этой статье, где особенно надо беречь место, употребляю только второй термин.

Ярус — это культурный слой, выросший на территории раскопа за время существования одной мостовой. Все сооружения, построенные за это время, относятся к тому же ярусу. После настила новой мостовой начинался рост нового яруса. Конечно, в разных местах толщина яруса разная. Кое-где она превышает толщину мостовой, кое-где она значительно тоньше.

Своего рода градусником, связующим все горизонты культурного слоя, являются уличные мостовые. На этот градусник проецируются все постройки и находки.

Б. А. Рыбаков говорит, что термин «ярус» в том же смысле употреблялся еще Н. И. Репниковым в 1911 г. Нет, Н. И. Репников с подобными ярусами дела не имел, у него даже мостовых не было.

Тому, кто не бывал на новгородских раскопках, может быть и не вполне ясно, почему все (или, точнее, почти все) находки удается связать с тем или иным ярусом: ведь прямой связи с сооружением находка может и не иметь. Дело в том, что количество бревен, тесин, палок и прослоек щепы при раскопках так велико, что это дает ориентиры для связи с ярусами. Помогают и многочисленные прослойки навоза, оставшиеся от хлевов и конюшен (они покрывали пол этих сооружений), глина, песок, угли и т. д.

Рост яруса продолжался до тех пор, пока мостовая улицы не оказывалась ниже общего уровня. Тогда возникала необходимость ее подъема, т. е. настила новой мостовой.

Понятие «ярус», будучи связано с деревянными постройками, не вполне совпадает с обычным археологическим понятием «горизонт», но различие здесь неглубоко. Выступая с докладами о Новгороде по-французски (в Риме и в Париже) и по-английски (в Лондоне), я вынужден был переводить слово «ярус» словом «горизонт» (иначе не сумел).

Средняя толщина яруса равна примерно толщине мостовой, т. е. сумме размеров лаг и плах. На таблице (рис. 1) приведены средние мощности

ярусов, определенные на прямой линии квадратов в 80 *м* (до изгиба Великой улицы).

Несколько раз Б. А. Рыбаков выставляет в качестве одного из своих главных аргументов рассуждение о периодах процветания и периодах упадка, которое должно убедить читателя, будто периодичность смены мостовых находится в прямой зависимости от политических условий. Для XIII в. (а это, конечно, было тяжелое время) он предполагает «пренебрежение к мостовым» (стр. 104). Такое пренебрежение могло иметь место только в том случае, если бы в мощении улиц действительно был перерыв.

Ярусы		28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3
Мощность культурного слоя в см		20	16	17	16	17	19	16	17	17	18	18	13	14	16	22	19	23	18	20	25	27	28	27	23	18	15
Хронология В. А. Рыбакова	Длительность наслоения вычисленная по пожарам (в годах)							64			17			11	56	32	12		29		2	52		20	57		
	Века	X		XI			XII						XIII			XIV								XV		
Хронология Новгородской экспедиции	Века	X			XI			XII				XIII					XIV						XV			

Рис. 1. Мощность ярусов и различия между хронологиями

Между тем в Новгороде не найдено пока ни одной мостовой, которая своими лагами не опиралась бы на плахи предыдущей мостовой. Следовательно, не может быть отмечено ни одного случая, когда мостовая оказывалась в пренебрежении: ее поддерживали до того времени, когда появлялась необходимость ее замены.

Эта необходимость во всех случаях связана только с ростом культурного слоя. Если бы шкала Б. А. Рыбакова была правильна, пришлось бы говорить не о пренебрежении к мощению улиц, а о замедленном росте культурного слоя. По Б. А. Рыбакову получается, что в XIII в. культурный слой увеличивался в два-три раза медленнее, чем, скажем, в XII или XIV в. Однако нельзя предполагать безлюдье в Новгороде XIII в. Ведь он не был захвачен врагами, ведь, конечно, он укрыл в своих стенах беженцев из центральной и южной Руси.

Толщина яруса определяется, как уже сказано, толщиной плах и толщиной лаг. Эти две величины долго были в общем неизменными. В XIV в. плахи стали более мощными. Для замены мостовой требовалось теперь не 20 в среднем лет, а уже лет 25—30. Этим и объясняется меньшее число ярусов в XIV в., удивляющее Б. А. Рыбакова.

Б. А. Рыбаков думает почему-то, что его хронология хорошо согласуется с расцветом Новгорода в XIV в. (о самом расцвете спорить нечего, я тоже считаю, что он приходится на XIV в.). Нет, совсем не это утверждает он, нагромоздив в XIV в. больше всего ярусов. Поскольку причиной смены ярусов у него здесь являются пожары, получилось, что признаком процветания города является обилие пожаров.

Весьма любопытным кажется оперирование цифрами в рассуждении Б. А. Рыбакова о строительных периодах. Устанавливая эти свои периоды, он отмечает, что в первом было построено 42 дома, во втором — 28, в третьем — 20—32, а вот в промежутке между первым и вторым периодами, во времена якобы упадка «дома строились примерно по 4—5 в десятилетие» (стр. 105). Если бы Б. А. Рыбаков привел эти цифры к одному знаменателю, ему пришлось бы отметить, что во время, отнесенное им к упадку (14-й — 15-й ярусы), было построено 35 срубов, т. е. в каждом ярусе больше, чем в любом из ярусов периодов процветания.

Между тем, если принять нашу новгородскую хронологию, предположенное Б. А. Рыбаковым замедление строительства во второй половине

XIII в. подтверждается не на фиктивных, а на подлинных цифрах. Действительно, количество вновь построенных срубов распределяется по ярусам так:

15-й ярус,	рубеж XII—XIII вв.	— 23 сруба
14-й ярус,	начало XIII в.	— 12 срубов
13-й ярус,	первая половина XIII в.	— 21 сруб
12-й ярус,	середина XIII в.	— 7 срубов
11-й ярус,	вторая половина XIII в.	— 13 срубов
10-й ярус,	рубеж XIII—XIV вв.	— 8 срубов
9-й ярус,	первая половина XIV в.	— 19 срубов
8-й ярус,	середина XIV в.	— 19 срубов

Читателю видно, что, если искать период упадка, связанный с монгольским нашествием, то для этого не требуется создание новой хронологии. О периоде расцвета и периоде упадка можно больше не говорить.

Ярусы дают стратиграфию Новгорода. Однако Б. А. Рыбаков заявляет, что «стратиграфии в статье Б. А. Колчина нет» (стр. 84). Доказательством служит отсутствие в издании профилей. Да, их нет там. Рисунок 51 не служил заменой профилей, но и вообще он оказался неудачным, что Б. А. Колчин теперь признал. Но основная часть статьи Б. А. Колчина посвящена именно стратиграфии Неревского раскопа (стр. 50—115). Здесь подробно и последовательно рассмотрены по ярусам наслоения культурных напластований от современной поверхности до материка.

В ИИМК в Отделе полевых исследований хранится более ста профилей с подробными описаниями, выполненные Новгородской экспедицией на Неревском раскопе (они представлены при отчетах). Генеральные профили в Новгороде составляются через каждые 10—20 *м*.

Во многих стоянках, городищах и городах при плохой сохранности построек основой стратиграфии являются профили. Но в Новгороде стратиграфия определяется не столько разрезом в каком-то условном месте, сколько многочисленными (сменяющими друг друга) планами мостовых и связанных с ними сооружений.

В этом отношении Новгород похож на города греческие и римские. Там ведь планы тоже стратиграфически важнее, чем профили. Нашим деревянным срубам и настилам там соответствуют каменные кладки и вымостки. Но там все-таки много ям, а в Новгороде и их очень мало.

Итак, профили Новгородская экспедиция составляет, как любая другая экспедиция, только имеют они у нас меньшее значение, благодаря обилию настилов и срубов. Я согласен, что некоторые профили надо опубликовать, но не как основу стратиграфии, а лишь как дополнительные аргументы.

Б. А. Рыбаков бросает Новгородской экспедиции странный упрек, связанный с тем, что раскопки идут у нас не только по ярусам, но и по пластам (пласт — горизонтальный срез толщиной в 20 *см*). Он говорит: «Существование в Новгородской экспедиции такой громоздкой и неточной системы, восходящей к методике XIX века — копать на одну лопату — может быть объяснено только одним — стремлением ускорить процесс раскопок» (стр. 86). Такого стремления нет: копать только по ярусам было бы быстрее. Постоянное выравнивание пластов после нивелирных проверок требует лишнего времени, равно как и ведение двойной отчетности (по пластам и по ярусам). Но пласты дают точные вертикальные координаты (о XIX в. и о лопатах, которые здесь вообще не при чем, Б. А. Рыбаков вспомнил лишь для красного словца). Когда нам при раскопках встречаются отдельные прослойки щепы, навоза и т. д., отдельные срубы и т. д., мы не всегда заранее знаем, имеем ли мы дело с признаками нового яруса или нет. Это выясняется в процессе работы, через день, через два или даже позднее. Ведение раскопок только по ярусам вносило бы ежедневно элемент субъективности. Паспорта многих находок, будь они написаны только по ярусам, пришлось бы с каждым уточнением менять, что практи-

чески невозможно. Удобнее писать паспорта сначала по пластам (впрочем, часто на них отмечаются и ярусы), а потом составлять особые таблицы для перевода пластов в ярусы.

Наш критик цитирует мое заявление о том, что такой перевод «потребовал очень сложных расчетов, продолжавшихся несколько месяцев». Он неверно понял эти слова. Речь шла лишь о раскопках 1952 г. Да, тогда такие сложные расчеты были нужны, поскольку разобраться в ярусах удалось, конечно, не сразу. Сложность новгородского слоя потребовала некоторого времени для создания соответственной методики. Теперь перевод пластов в ярусы делается гораздо проще и быстрее, в процессе раскопок.

Много полемического пыла Б. А. Рыбаков потратил на поиски какой-то магической формулы, по которой якобы была рассчитана новгородская хронология. Оказалось, что такая формула существует и состоит из элементарного выражения 15 : 3 = 5. Я и Б. А. Колчин впервые узнали о существовании формулы и крайне сожалеем, что не знали ее раньше, ибо были бы избавлены от продолжительной и трудной работы по составлению новгородской хронологии. Но эта хронология составлялась не по формулам и графикам, а на основе изучения всех наслоений и находок. Изложение археологических аргументов, которые имеются в печатных статьях Б. А. Колчина, но не разобраны Б. А. Рыбаковым, заняло бы здесь десятки страниц. Б. А. Рыбаков признал даты Б. А. Колчина и мои для ярусов 1-го — 8-го. Его здесь убедили грамоты, адресованные посадникам. Но он неоднократно утверждает, будто и мы только на этом основываемся. Таким путем он открывает мнимое злодейство Б. А. Колчина, восклицая: «Секрет этой прямолинейности очень прост — вспомним, какие находки послужили опорными точками при определении рубежей столетий: во-первых, клад 970-х годов, найденный в 27-м ярусе, и, во-вторых, грамота Онцифора 1350-х годов, найденная в 8-м ярусе» (стр. 101). Дальше именно отсюда Б. А. Рыбаков выводит вышеупомянутую формулу 15 : 3 = 5. Но ведь эти слова об опорных точках неверны. Клад и грамота Онцифора (а также Юрия Онцифоровича) найдены лишь в 1953 г., а рукопись моей книги «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)» была сдана в ИИМК 16 июня 1953 г., т. е. еще до раскопок. Там уже тогда в ряде мест 8-й ярус был отнесен к середине XIV в., а 6-й (где потом нашли грамоту Юрия) — к рубежу XIV—XV вв. О 27-м ярусе (где грамот нет) там ничего не сказано, но он и тогда был отнесен к X в., что ясно из других дат. Находки 1953 г. явились не основанием, а подтверждением хронологии, подобно тысячам позднейших находок, в том числе некоторым новым грамотам с именами посадников.

Затем Б. А. Рыбаков открыл еще некую «формулу А. В. Арциховского $\left(\frac{600}{28}\right)$», по которой якобы тоже делает свои расчеты Б. А. Колчин. Никакой такой формулы нет. Просто я, имея готовую хронологию (а 28 ярусов вместе занимают 600 лет), написал, что средняя длительность яруса 20 лет с небольшим [1]. Никто никогда не делал никаких научных выводов на основе этого непритязательного деления.

На чем же Б. А. Рыбаков основывает свои даты? Только на пожарах. А ведь это совсем не основание.

Сначала мы, сотрудники Новгородской экспедиции, думали, что пожары в какой-то мере можно привлекать, когда абсолютная хронология уже имеется и надо ее немного уточнить. Для этого Б. А. Колчин подобрал несколько летописных пожаров, но увлекся. Отсюда и его даты с точностью до дня и часа. Я в своих книгах о грамотах вообще не привожу дат с годами пожаров, а ограничиваюсь римскими цифрами веков, с дополнениями: начало, первая половина, середина, вторая половина, конец, рубеж. Б. А. Рыбаков на пожарах основал все.

[1] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 17.

Летописные упоминания о пожарах не дадут никакой археологической хронологии по трем причинам.

Первая причина. Были ведь пожары местные, маленькие по территории, хотя для этой территории тоже истребительные. Сгорало несколько домов. Средневековые люди, в том числе новгородцы, умели все-таки бороться с распространением огня, хотя и терпели часто в этой борьбе поражения. Новгородская летопись прямо говорит о такой борьбе. Для большого по территории пожара требовалось сочетание засухи и сильного ветра. При слабом ветре для сильного огня непреодолимым препятствием служил обычный огород, а их было много. Наконец, мог начаться проливной дождь и потушить пожар. Вспомним новгородский дождливый климат. В летопись такие случаи никогда не вносились, а археологический след на нашем участке могли оставить очень значительный. Б. А. Рыбаков пытается датировать все пожары, не зная их размеров, по летописям. Оба Бориса Александровича этим занимаются, но Б. А. Колчин с меньшим вредом, поскольку его хронология покоится на других основаниях.

Вторая причина. Огромные пожары, занесенные в летопись, о силе которых говорит Б. А. Рыбаков, никогда или почти никогда не выжигали город сплошь или даже большими сплошными кусками. Сады и огороды занимали значительные пространства. Это доказано новгородскими геологическими промерами, не обнаруживающими культурного слоя на ряде участков почти вовсе, даже в центральных районах города. Из-за этих препятствий отдельные жилые кварталы сохранялись. Все города в подобных случаях выгорали пятнами. Возьмем самый знаменитый пожар в истории человечества, Московский пожар 1812 г. Те же сады и огороды сохранили много жилых кварталов. В пустыне пожарища были уцелевшие оазисы. Возьмем самый сильный пожар в истории человечества, Лондонский пожар 1666 г. Много каменных церквей рухнуло. Однако остались такие же оазисы.

Но Б. А. Рыбаков напоминает, что огонь переходил даже через Волхов. При обилии деревянных кораблей это не так удивительно («много товара погоре на Волхове в лодьях», 1267 г.) [2]. Но это не основной путь. Б. А. Рыбаков говорит о двух случаях перехода огня через Волхов — в 1299 г. и в 1340 г. Но оба раза сгорал Великий мост. По нему, очевидно, огонь и переходил. Эта масса дерева превращалась в огромный факел. Под 1299 г. сказано: «мост Великыи огнь заял» [3]. Под 1340 г. сказано: «а Великыи мост сгоре весь по воду» [4].

Третья причина. После пожаров приходилось выравнивать поверхность. Этнографически это всегда наблюдается. После сильных пожаров рельеф настолько неровен, что перед новым строительством надо все срыть. Конечно, после глубоких нивелировок кое-где оставались скопления угля и золы, но смещенные. Тогда нельзя установить пожарную прослойку.

Итак, вся предлагаемая Б. А. Рыбаковым хронология основана на трех ложных постулатах: 1) всякое пожарище является якобы следом большого пожара, занесенного в летопись; 2) всякий большой пожар, касавшийся Неревского конца, доходил якобы до всех его частей; 3) слои всех пожаров якобы можно проследить при раскопках. Если эти постулаты убрать (а их надо убрать), ничего от этой хронологии не останется.

Может быть, меня упрекнут в недоверии к летописям. В летописи я верю и в летописные известия о пожарах тоже верю, а вот основанной на них хронологии слоев доверять нельзя.

Б. А. Рыбаков должен был бы доказать самую допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами. Но он этого вопроса даже не касается. Можно ли нагляднее выставить произвольность выводов?

[2] Новгородская первая летопись. М.— Л., 1950, стр. 85.
[3] Там же, стр. 90.
[4] Там же, стр. 352.

Оказывается, можно. Б. А. Рыбаков идет дальше. Он сопоставляет крупные и мелкие пожарища с сильными и слабыми пожарами. Но ведь сила древнего пожара всегда неизвестна. Поэтому Б. А. Рыбаков непосредственно связывает мощность пожарного слоя со степенью красноречия того или иного летописца. Если летописец писал просто и лаконично, значит слой золы и угля остался тонкий, если рассказ подробен и красочен, значит слой толще.

Предложен тут же и другой способ оценки силы огня: если пожар начался далеко, значит в Неревском конце он был слаб, и наоборот. Но огонь слишком капризная стихия, чтобы подчиняться подобным законам. Легкая искра, занесенная издалека, могла при подходящих условиях быстро превратиться в море огня, в то время как в месте первоначального возгорания пожар мог быть скоро подавлен.

Оба способа определения силы огня таковы, что все линии на соответственной диаграмме надо признать проведенными произвольно. Однако Б. А. Рыбаков этой своей диаграммой настолько доволен, что говорит: «Следовательно, проверка увенчалась полным успехом» (стр. 97). При такой методике она не могла не увенчаться.

Имеются и отдельные ошибки в топографии пожаров. Но они не имеют особого значения при неверности основных предпосылок. Однако одной ошибки надо коснуться.

Б. А. Рыбаков пишет: «Б. А. Колчин вынужден был поступиться истиной — он не упомянул в своем тексте о том, что огонь пожара шел от Розважи к «даже и до святого Якова», т. е. должен был пройти через место раскопок» (стр. 101). Речь идет о пожаре 1340 г. Летописный текст (выше цитируемый самим Б. А. Рыбаковым) гласит: «загореся на Розважи улици в поли, за святым Федором, и погоре Неревьскыи конець даже и до святого Якова» [5].

Итак, пожар начался где-то близ церкви Федора. Слова «за Федором» могут означать только «по ту сторону Федора» (если смотреть из центра), а это для построений Б. А. Рыбакова еще хуже. Доныне стоящая церковь Федора находилась на Розваже улице. Церкви Федора и Якова отмечены на плане Б. А. Рыбакова, но он провел между ними не прямую линию, а сложно-изломанную, ровно вдвое длиннее. Иначе эта линия не проходила у него через место раскопок, т. е. через пересечение Великой улицы с Холопьей и Кузьмодемьянской (направление стрелок на плане тоже неверное). Но читатели сами проведут эту линию и убедятся, что пожар, остановившийся у Якова, едва ли дошел до раскопок. Б. А. Рыбаков, кажется, думает, что пожар прошел именно здесь в Детинец и за Волхов. Однако в Детинец огонь попал тогда не из Неревского конца, а из Загородского (с Чудинцевой улицы), о чем летопись говорит точно. За Волхов он перекинулся по мосту (см. выше), тем более, что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий).

Наш критик упрекает меня теперь в изменении отношения к пожарам и цитирует мои старые слова: «Летописные даты пожаров позволили уточнить абсолютную хронологию». Собственно говоря, и тогда речь шла лишь об уточнении дат, основанных на других данных (прием Б. А. Колчина, противоположный приему Б. А. Рыбакова). Но не буду за это цепляться. Отказываться от неверных взглядов всегда полезно. Именно разбор грубых ошибок Б. А. Рыбакова по этому вопросу убедил меня в том, что и Б. А. Колчин неверно использовал пожары, а я напрасно с ним здесь согласился. Попытки прямо датировать пожарища по историческим пожарам всегда заманчивы, но всегда обманчивы. Это опасное упрощение хронологической методики.

Хронология Б. А. Рыбакова покоится только на пожарищах. Других оснований у него нет. Он пытается говорить о проверке по другим источ-

[5] Новгородская первая летопись, стр. 351.

никам и о полученных при этом совпадениях. Насчитывает их он целых пять (стр. 99). Все эти совпадения мнимые (см. выше для пункта 1, см. ниже для остальных пунктов).

Прилагаю график (рис. 2), на котором изображены две кривые скорости роста культурного слоя: по Новгородской экспедиции и по Б. А. Рыбакову. Наглядно видно, что стремление Б. А. Рыбакова ввести в хронологию все полюбившиеся ему пожары привело к чудовищным и необъяснимым скачкам.

В итоге этих скачков 9-й ярус существовал, по Б. А. Рыбакову, всего два года, от пожара 1340 до пожара 1342 г. Но в нем не меньше находок, чем в других ярусах. 15-й ярус, по Б. А. Рыбакову, существовал

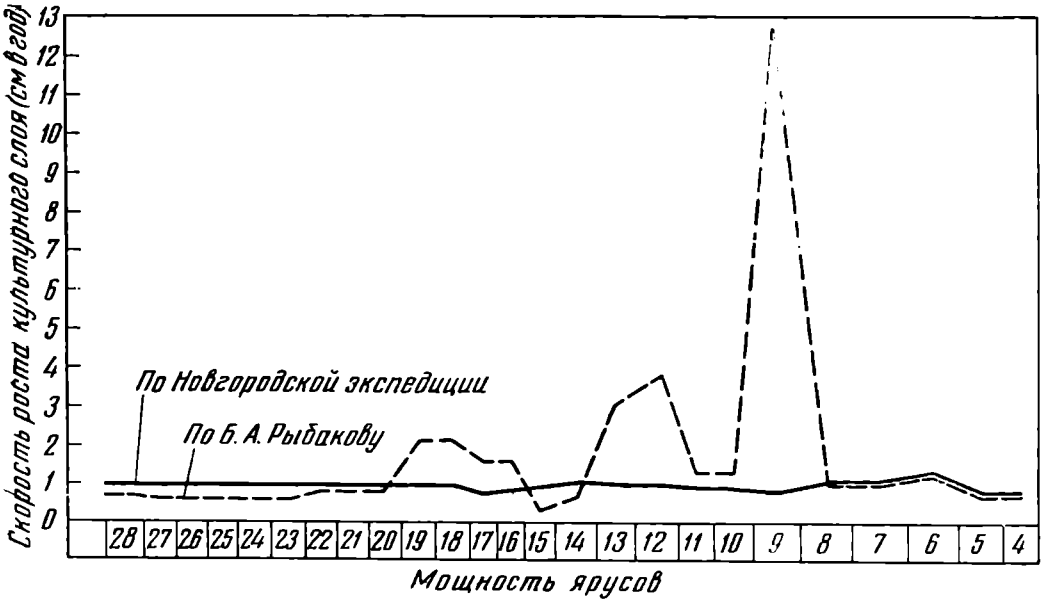

Рис. 2. Скорость роста культурного слоя

целых 56 лет, от пожара 1211 до пожара 1267 г. Но в нем не больше находок, чем в других ярусах. Примером могут быть ножи (этот пример можно заменить любым другим). Никто не скажет, конечно, что все ножи потеряны во время пожаров. Все археологи знают, что́ такое нормальные находки в нараставшем культурном слое. Да ведь, кроме потерянных ножей, много выброшенных. Сколько там сточенных ножей, сколько поломанных. И вот, в 9-м ярусе, существовавшем якобы два года, накопилось 69 ножей (по 35 в год). В 15-м ярусе, существовавшем якобы 56 лет, накопилось 55 ножей (по одному в год) [6]. Подобные примеры можно привести и по другим ярусам.

Что касается потолочных подсыпок, на которые Б. А. Рыбаков возлагает такие большие надежды (тот же 9-й ярус, по его объяснению, вырос на 25 *см* за два года только благодаря этим подсыпкам), то и они ему ничем не помогут.

Прежде всего о самих потолочных подсыпках. Этнографы в Новгородской земле знают только обмазку потолков глиной, а не засыпку землей. Все же возможно, что в древнем Новгороде потолки засыпали. Но чем? Б. А. Рыбаков считает, что на потолки новгородских домов вываливали (для одного яруса) «около 100 кубометров культурного слоя со всеми содержащимися в нем пряслицами, бусами и обломками стеклянных браслетов» (стр. 88). Он не говорил бы так, если бы знал со-

[6] Б. А. Колчин. Металлообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 48.

став культурного слоя в Неревском раскопе. Это необыкновенно влажная земля, смешанная с навозом, щепой, кусками дерева и т. д. Следовательно, прежде чем эту землю насыпать на потолок вместе с сухими листьями и сухим мхом (стр. 87), ее нужно было специально приготовить, т. е. высушить, размельчить и очистить от гниющих предметов, т. е. перебрать руками. Вполне понятно, что из нее выкидывали посторонние предметы. Новгородцы знали, что потолочная подсыпка удержит тепло только в том случае, если она будет сухой, рыхлой и воздушной. Итак, бусины и браслеты могли попадать на чердак лишь в виде исключений. Тем более не могли попадать такие предметы, как ножи, а о них только что говорилось.

Но предположим, что Б. А. Рыбаков прав, что на чердаках оказывались все предметы, находившиеся в земле. Что за этим следовало? За время жизни дома вокруг рос культурный слой. Внутри дома он не рос. Во время гибели или разборки дома потолочная подсыпка вместе с коллекцией древностей попадала в котлован, образовавшийся внутри стен, т. е. возвращалась на тот же горизонт, с которого была взята (брать ее могли только с поверхности, так как из-за влажности новгородцы избегали копать ямы, что хорошо доказано раскопками). Интересно и то, как Б. А. Рыбаков подсчитывает свои огромные массы потолочных подсыпок. Это основано на том, что толщина подсыпки будто бы равняется 25—30 *см*. За этой цифрой следует ссылка на этнографические труды, где, однако, цифр нет. Вес можно рассчитать по строительному справочнику. При такой толщине вес земли на новгородской избе (площадь которой от 20 до 120 $м^2$) составлял бы от 10 до 60 тонн. Под такой тяжестью потолок рухнул бы.

В своих докладах на секторе и на пленуме Б. А. Рыбаков вовсе не привлекал археологические вещи для подтверждения хронологии. Теперь он составил график № 3, единственный документ, где оперирует этими вещами. Туда он внес материалы 14 таблиц Б. А. Колчина. Но у того цифры отражают поярусную историю вещи, т. е. время ее появления, быстрого или медленного распространения, наибольшего бытования, быстрого или медленного исчезновения и, наконец, выхода из употребления. Б. А. Рыбаков просто проводит прямые линии между крайними датами. Положение этих линий на графике определяется четырьмя данными: время появления и исчезновения вещи, ярус ее появления и исчезновения. На оси ординат отложены ярусы, на оси абсцисс — века. В паутине линий графика важны только те, которые находятся на краях этой паутины. Их пересечение с линиями рубежей столетий служит Б. А. Рыбакову для хронологических выводов. Вполне очевидно, что точность таблицы целиком зависит от правильного воспроизведения всех четырех данных, на основании которых построена каждая наклонная линия; достаточно изменить одно из четырех показаний, чтобы линия заняла на графике иное положение и точки ее пересечения с линиями столетий изменились. Проверим эти данные.

Б. А. Рыбаков здесь пишет: «...а даты будут отражать мнение археологов, занимавшихся ранее датировкой этих вещей по другим, не новгородским комплексам» (стр. 89). **Каких археологов?** По каким комплексам? Автор обязан был это сказать. В 20 случаях из 28 он просто берет даты, приведенные Б. А. Колчиным. В других случаях он дает новые даты без аппарата и без доказательств. После этого он еще решается говорить: «...моим критикам не нужно будет доискиваться истинных оснований моей шкалы — все основания ее изложены выше» (стр. 103).

В большинстве случаев Б. А. Рыбаков даты расширяет (что ему удобнее), кроме нижней даты калачевидных кресал, которую ему для построения графика необходимо повысить. Их появление он датирует началом XI в. (линия № 12), хотя они обильны в X в. Не станет же

Б. А. Рыбаков отрицать, что Гнёздовские курганы относятся к X в., а там таких кресал много[7]. Появились они в IX в. Примеры неправильного расширения дат даны будут ниже. Впрочем, хронология Б. А. Рыбакова вступает в противоречие и с теми датами вещей, которые он взял у Б. А. Колчина (пример тоже см. ниже).

В графике имеются и ошибки в ярусах находок (линии №№ 3 и 10).

Рассматриваемый археологический график Б. А. Рыбакова составлен на основании следующего странного постулата: «Мы можем, например, по тем частям диаграммы, где видно, что в некоторых ярусах сосуществуют вещи не двух, а трех столетий, провести через эти ярусы примерные рубежи столетий. Тогда мы получим следующее: 23-й ярус — рубеж XI и XII вв.; 18-й и 17-й ярусы — рубеж XII и XIII вв., а 14-й ярус — рубеж XIII и XIV вв.» (стр. 89).

Иными словами, для того чтобы обнаружить рубеж столетий, вовсе не достаточно появление характерных для нового столетия вещей. Скажем, вещи XII в. уже могут появиться в слое, но это еще ничего не значит; о рубеже XI—XII вв. мы сможем говорить только тогда, когда перестанут встречаться вещи X в. Да, десятого. Это не опечатка, такой принцип проведен последовательно. Но какое отношение к рубежу XI—XII вв. может иметь X в.? Это можно объяснить только мистикой чисел. То же самое автор проделывает с рубежами XII—XIII вв. и XIII—XIV вв. А как обстоит дело с рубежами X—XI вв. и XIV—XV вв.? О них автор умалчивает и умалчивает не потому, что у него на шкале их нет, а потому, что эти рубежи его не устраивают. Всех его натяжек здесь не хватает. Однако проведенные автором прямые позволяют нарисовать эти квадраты, определяющие рубежи. Рубеж X—XI вв. пройдет через 28-й — 25-й ярусы. Это для Б. А. Рыбакова слишком широкий диапазон. Упомянув однажды, что рубежи веков найдут «свое место на нижней границе появления вещей, что наиболее логично» (стр. 99), он должен будет признать 28-й ярус за рубеж X—XI вв. Рубеж XIV—XV вв. пройдет через 11-й — 8-й ярусы, что тоже для Б. А. Рыбакова неудобно.

Б. А. Рыбакову нужно во что бы то ни стало связать свою, основанную лишь на пожарах, хронологию с археологическим материалом. Прямые на своем чертеже, как уже показано, он проводит произвольно, но, надо сказать, совсем не бесцельно. Возьмем в виде примера калачевидные кресала (о них уже была речь). Если бы он провел линию кресал (линия № 12) согласно принятым датам, т. е. через X—XII вв., то нижняя граница рубежа XI—XII вв. прошла бы не через 23-й (как нужно автору), а через 21-й ярус, где названная линия пересечется с линией 1100 г., а на таких пересечениях построены все выводы графика. Вот почему появляется новая дата кресал: XI—XII вв. Границы рубежей изменятся, если мы исправим линию стеклянных браслетов (линия № 1), а это надо сделать (см. ниже). То же можно сказать и о других вещах, для которых Б. А. Рыбаков дает недоказанные даты.

Б. А. Рыбаков говорит, что «четкость ярусов в известной мере является фикцией» (стр. 88). Надо показать на некоторых примерах, что ярус в Новгороде является достаточно четким и ощутимым понятием.

Приведу цифровые таблицы, в которых читатель увидит распределение по ярусам некоторых массовых археологических находок. Это лимоновидные бусы (321 экземпляр), боченковидные золоченые бусы (127 экземпляров) и стеклянные браслеты (4212 экземпляров). В таблицах имеется по два ряда цифр. Эти ряды показывают количество вещей по ярусам на разных раскопах. Подсчеты сделаны в разное время, разными сотрудниками экспедиции и, самое главное, на разных территориях Неревского раскопа.

---

[7] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, стр. 56.

Начнем со стеклянных браслетов.

Ярус	20-й	19-й	18-й	17-й	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й	8-й
Раскопы I—XI	9	46	69	122	248	271	461	461	273	153	96	36	23
Раскопы XII—XX	—	—	4	94	176	328	460	450	183	124	65	44	16
Всего	9	46	73	216	424	599	921	911	456	277	161	80	39

На раскопах I—XI в 14-м и 13-м ярусах встречено 40% от общего количества браслетов. На раскопах XII—XX в тех же ярусах встречено 43%. Эта закономерность говорит сама за себя. Обе кривые правильны и одновершинны.

Боченковидные золоченые бусы.

Ярус	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й
Раскопы I—XI	1	2	3	4	8	7	6	5	1	1	3
Раскопы XII—XX	3	5	9	15	12	10	7	11	5	6	3
Всего	4	7	12	19	20	17	13	16	6	7	6

Основная масса в обоих случаях встречена в ярусах 25-м—21-м. По поводу самой даты можно (чтобы не возвращаться к этим бусам) сказать здесь, что она неоднократно доказана в археологической литературе. Это, как я печатно отмечал, типичнейшие бусы XI в., встречаемые, но реже, в X и в XII в. Так оно и выходит в этой табличке.

Лимоновидные бусы.

Ярус	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й
Раскопы I—XI	54	41	21	16	8	5	1
Раскопы XII—XX	64	42	35	16	7	8	3
Всего	118	83	56	32	15	13	4

Постепенное уменьшение цифр от 28-го яруса вверх совпадает в обоих рядах. Это типичные бусы X в. (см ниже).

Какими путями ни создавалась бы хронология, она должна непрерывно проверяться новыми археологическими находками, будь то массовый вещевой материал, будь то печати, грамоты и т. д. Важна проверка раскопками. Хронологическая шкала Новгородской экспедиции такую проверку новыми находками выдерживает уже ряд лет.

Основанный Б. А. Рыбаковым на пожарах вариант хронологии, по словам автора, «хорошо вписывается в широкие рамки массового археологического материала» (стр. 99). Стоит рассмотреть на примерах, как укладывается археологический материал в этот вариант.

Приходится подробно остановиться на хронологии стеклянных браслетов. Эти находки важны своей массовостью. Б. А. Рыбаков в своем графике дает для них фантастическую дату: с конца X до конца XIV в. Дата Б. А. Колчина — с рубежа XI—XII вв. до середины XIV в. Ее подтвердил В. В. Кропоткин, давший новейшее исследование об этих браслетах[8].

Надо разобрать вопрос подробнее. Прежде всего никак не относятся к рассматриваемой теме (что уже отмечалось в печати В. В. Кропоткиным) ранние привозные браслеты византийских типов, да их и слишком мало. Они обычно плоски и имеют по внешней поверхности узор. В Новгороде они встречены в ярусах X—XI вв. (есть находка даже на материке), но всего от одного до трех экземпляров на ярус. Такое ничтожное количество находок даже не может быть отражено в прилагаемой диаграмме обычного масштаба. Туда включено 4 212 стеклянных браслетов. Это огромное количество составляют обычные русские браслеты. Они отличаются от византийско-черноморских не только типологически, но и по составу стекла, что для Новгорода доказано Ю. Л. Щаповой.

[8] В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 40, 42.

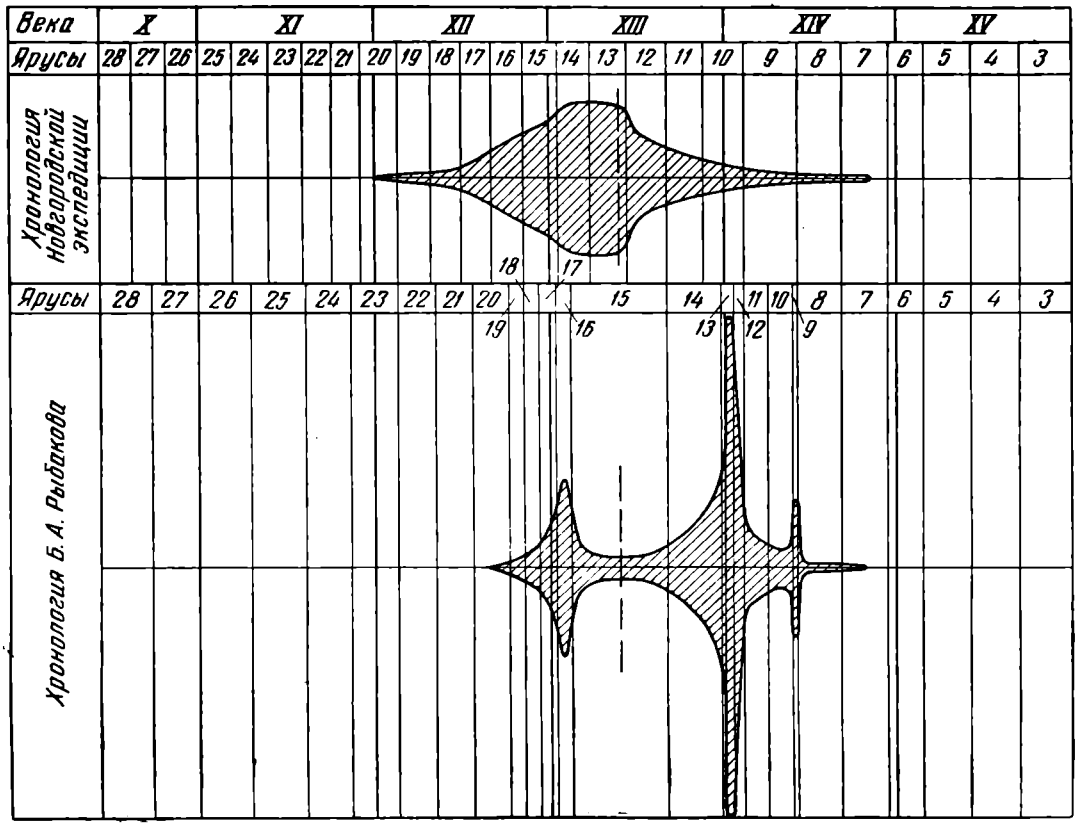

Рис. 3. Стратиграфия и хронология стеклянных браслетов

Свою раннюю дату Б. А. Рыбаков обосновывает так: «Как известно, в южнорусских городах стеклянные браслеты появляются на рубеже X и XI вв.» (стр. 88). Дана ссылка на работу Л. А. Голубевой. Но там речь идет о стеклянных браслетах в двух погребениях (раскопки прошлого века), время которых неясно. Да две находки ничего и не дают для даты массового распространения и возникновения русского производства. О ней ведь идет речь.

Однако Б. А. Рыбаков продолжает: «Расхождение в полтора столетия между Киевом и Новгородом нужно было объяснить». Но существует ли такое расхождение? Ответ на этот вопрос даст статистическое изучение киевских стеклянных браслетов, когда оно будет произведено. Пока что исследования М. К. Каргера говорят против такого расхождения. Он восемь раз упоминает о находках стеклянных браслетов в целом ряде жилищ XII—XIII вв.[9] Упомянуты там еще четыре случая находок в слоях, датированных неточно (раскопки других археологов). Похоже, что в Киеве, как и в Новгороде, широкое распространение и начало местного производства стеклянных браслетов приходятся на рубеж XI—XII вв. Но расхождение появится, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова (см. ниже).

Раскопки в других русских городах подтверждают ту же дату. Я не касаюсь здесь таких городов, как Тмутаракань и Белая Вежа. Там уже в слоях X—XI вв. стеклянные браслеты обильны. Русские города Причерноморья и Приазовья не отличались в этом отношении от нерусских городов тех же областей, где стеклянные браслеты вышеупомянутых византийско-черноморских типов распространились не позже X в.

Но ни в одной из русских земель нет пока доказательств бытования этих украшений раньше начала XII в. Иногда исследователи говорят

[9] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 296, 303, 304, 325, 326, 333, 346, 348.

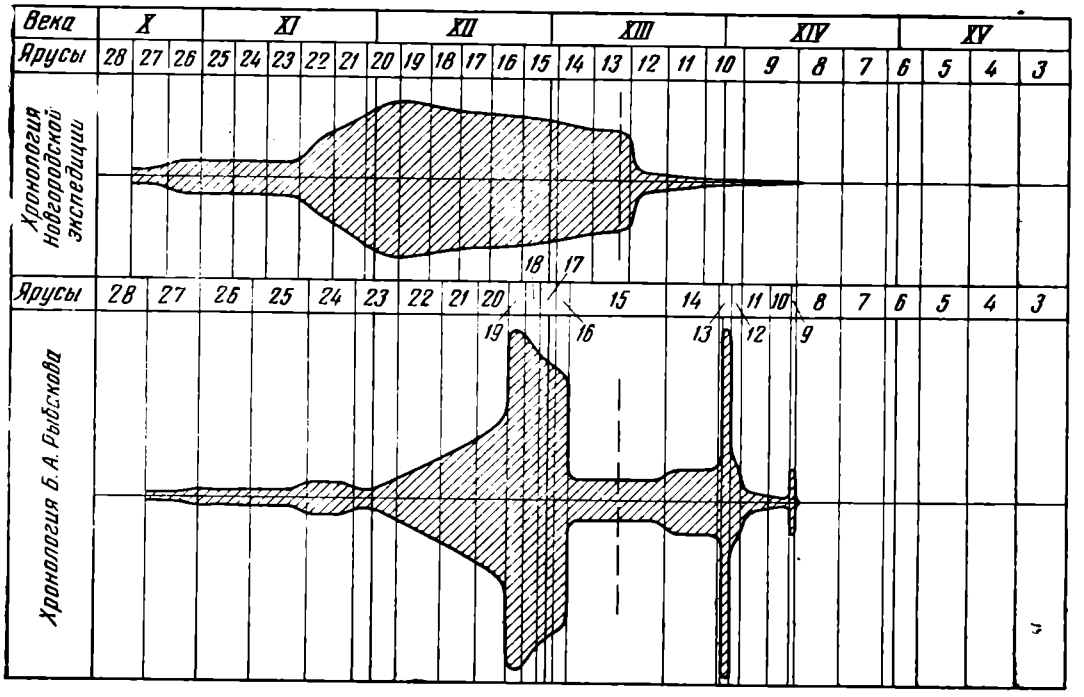

Рис. 4. Стратиграфия и хронология амфор

суммарно об XI—XIII вв., но это лишь признак нерасчлененности слоя. В Старой Рязани стеклянные браслеты изобилуют в жилищах XII в. и отсутствуют в жилищах XI в.[10]. Можно привести и другие примеры.

Однако совершенно неожиданный эффект получится, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова. Нижняя дата стеклянных браслетов придется тогда не на конец X в., как он утвердил в своем графике, и не на рубеж XI—XII вв., как утверждает Новгородская экспедиция, а на конец XII в., что никак не может быть объяснено и действительно противоречит хронологии всех русских городов. Такая дата наглядно видна на прилагаемой диаграмме (рис. 3).

Теперь надо коснуться поздней даты Б. А. Рыбакова. Он довел стеклянные браслеты до конца XIV в. без всяких доказательств. Никто никогда не относил их (хотя бы в виде пережитков) к столь позднему времени. Дату эту он тоже использовал в своем графике, но она противоречит его хронологии, как видно на той же диаграмме.

Упомянутая диаграмма (рис. 3) поучительна и в другом отношении. Перед нами две кривые распространения стеклянных браслетов. Одна из них составлена по хронологии Новгородской экспедиции, другая — по Б. А. Рыбакову. Цифры, по которым они составлены, приведены выше. Первая кривая плавна и одновершинна; ясно видно, как эти украшения постепенно распространялись, затем довольно долго держались на достигнутом уровне и, наконец, начали, тоже постепенно, выходить из употребления. Другая кривая состоит из резких скачков вверх и вниз, каждый из которых легко объясняется, но лишь стремлением автора привязывать хронологию к пожарам. Почему, например, в начале XIV в. браслетов у него стало на несколько лет в 18 раз больше, чем в XIII в.? Только потому, что он увлекся здесь очередными пожарами. То же можно сказать о других зубцах кривой. Ясно, какая из двух кривых соответствует нормам вариационной статистики.

Столь же показательно построение подобных кривых для киевских амфор (рис. 4). На кривой, составленной по Б. А. Колчину, ясно видно, что ввоз амфор в Новгород, постепенно нарастая, достиг максимума в

[10] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 41—61.

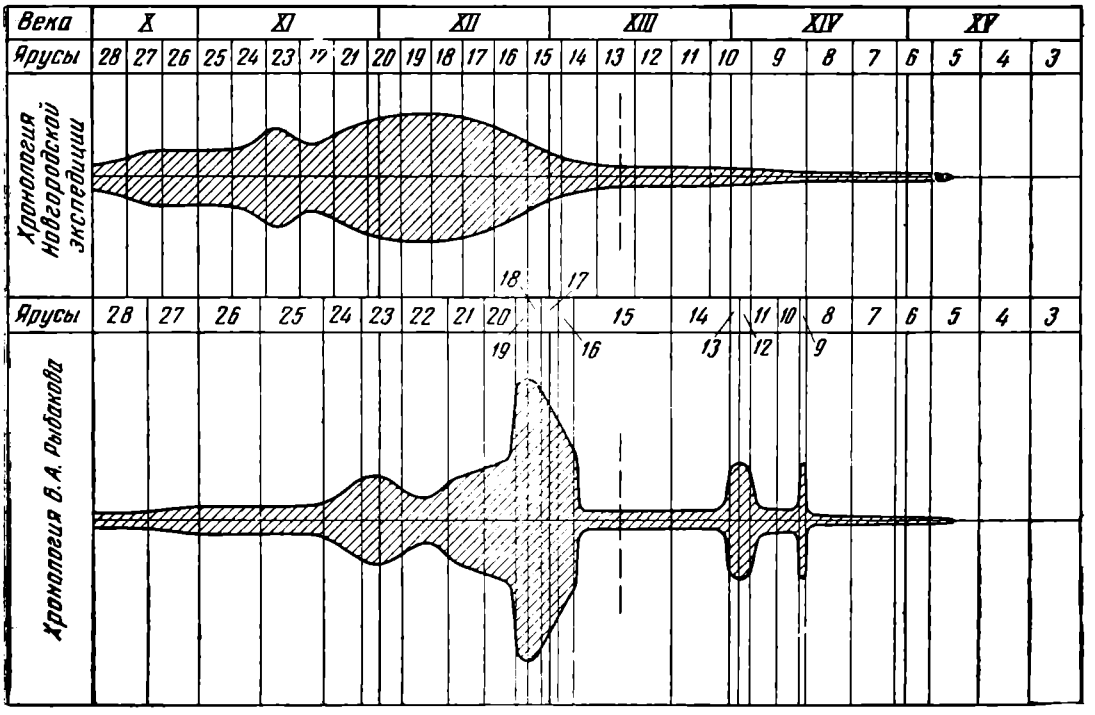

Рис. 5. Стратиграфия и хронология шиферных пряслиц

начале XII в., во время наивысшего расцвета Киева. Затем он, слегка сокращаясь, держался на высоком уровне до разрушения Киева монголами в 1240 г. После этого амфоры в Новгороде не сразу исчезли, некоторое их количество хранилось в погребах до XIV в. Но число их в середине XIII в. сократилось катастрофически, что исторически закономерно. Кривая, составленная по Б. А. Рыбакову, говорит сама за себя своими причудливыми очертаниями. Все зубцы здесь опять связаны только с пожарами. Приведу цифры распределения амфор. Оговорюсь, что подсчитаны не обломки, а сосуды, от которых эти обломки дошли.

Ярусы	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й	17-й	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й
Число	4	7	8	11	8	22	31	39	40	36	36	34	35	33	30	7	4	2	3

Для шиферных пряслиц контрасты между кривыми те же самые (рис. 5). Причины те же, повторяться не буду. Цифры таковы:

Ярусы	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й	17-й
Число	30	52	61	64	71	110	71	117	125	128	128	115

Ярусы	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й	8-й	7-й	6-й	5-й
Число	92	56	38	22	22	25	18	14	10	7	6	6

Для многих вещей хронология Б. А. Рыбакова ведет к грубому искажению их общепринятых дат. О таком искажении для калачевидных кресал речь уже была. Но возьмем стеклянные лимоновидные бусы. Б. А. Рыбаков ввел в свой график их правильную дату: до начала XI в. включительно. Однако фактически по его хронологии, как показано на прилагаемой диаграмме (рис. 6), эти украшения захватывают весь XI в. и даже начало XII в., что совершенно невозможно. Широко известны эти бусы (похожие формой и цветом на лимоны), столь обильные в X в. на всем пространстве от Прибалтики до Урала. Дата их твердо установлена разными исследователями. Нет места перечислять многие могильники X в., где эти бусы обычны. Приведу в виде примера распределение таких бус именно в курганах Новгородской земли. Их нет среди десятков тысяч бус из многочисленных курганов Водской пятины, датируемых XI в. и позже. Зато в курганах Приладожья в трупосожжениях IX—X вв. это —

самые частые бусы [11]. После раскопок 1951 г. я в подтверждение дат мог сослаться лишь на пять находок таких бус в Новгороде. Теперь их уже 321 (см. выше цифры, положенные в основу прилагаемой диаграммы).

Арбалеты распространились во всей Европе, как известно, в первой половине XII в. А. Ф. Медведев показал, что в Новгороде арбалетные стрелы встречаются с 17-го яруса, т. е. с середины XII в. [12]. Если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова, дата эта сдвинется на рубеж XII—XIII вв. В XIII в., где он растянул даты ярусов, число этих стрел будет тогда совсем ничтожно. Все это исторически невероятно.

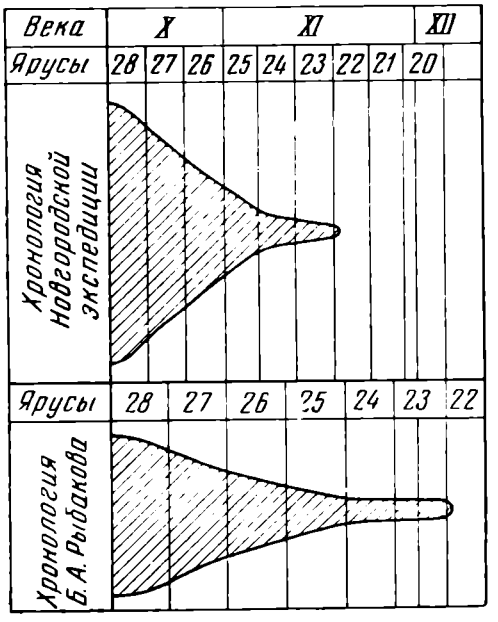

Рис 6. Стратиграфия и хронология лимоновидных бус

Б. А. Рыбаков призывает к сопоставлениям новгородского материала с материалами разрушенных монголами городов. Такие сопоставления делались неоднократно; приведу свежий пример. А. Ф. Медведев для писчих стержней отметил, что тип, встречаемый в Новгороде в слоях второй половины XII — первой половины XIII в., встречен в южнорусских слоях того же времени, в том числе в разрушенных монголами жилищах в Киеве и Изяславле.

Новые категории находок неизменно подтверждают хронологию Новгородской экспедиции. В виде такого примера мною изданы шпоры [13]. Проверка дат производится здесь по западноевропейским рисункам, и главным образом по скульптурным надгробиям королей и рыцарей, где шпоры обычны, а даты точны. В X—XIII вв. во всей Европе бытовали шпоры с шипом. В X—XII вв. они горизонтальны, в XII—XIII вв. изогнуты. Новгородские находки дают в точности те же даты. В XIV—XV вв. всюду господствуют шпоры со звездочкой. В новгородских слоях этих веков все шпоры именно таковы. Хронология Б. А. Рыбакова уничтожила бы эти соответствия.

Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами. Археологический материал никак не укладывается в хронологию Б. А. Рыбакова. Но приведенных примеров хватит.

Иногда Б. А. Рыбаков не замечает, что одно его возражение плохо ладит с другим. Можно привести пример по курганам вятичей. Б. А. Рыбаков сначала говорит, что для украшений «надо учесть возможность передачи их по наследству» (стр. 89). А несколькими строчками ниже берется под сомнение датировка вятических семилопастных височных колец на том основании, что кольца, изготовленные в одной литейной форме, оказываются в курганах разных хронологических стадий. Приведены два примера. «Значит сама схема требует еще дополнительной работы и уточнений»,— резюмирует Б. А. Рыбаков (стр. 90). Я не защищаю свою старую работу «Курганы вятичей», а о ней здесь идет речь. Мне через 30 лет ясно видны ее недостатки. Все же, особенно после разъяснений Б. А. Рыбакова отно-

---

[11] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 150. См. также в архиве ИА АН СССР отчеты А. М. Линевского.

[12] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 154.

[13] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 228—230.

сительно переживания женских украшений, не вижу ничего странного в этих кольцах, изготовленных в одной форме. Уж не полагает ли Б. А. Рыбаков, что приобретение височных колец у того или иного мастера влекло за собой обязательную и скоропостижную смерть всех его покупателей, и все три, а во втором случае четыре височных кольца должны были оказаться в земле на другой день после их изготовления. Если мастера, делавшие эти кольца, жили во второй половине XII в., то некоторые покупатели могли умереть тогда же, а другие — в первой половине XIII в. Учитывая подсказанную самим Б. А. Рыбаковым возможность передачи украшений по наследству, не вижу противоречий и в единичной находке кольца XII в. в кургане XIV в. Это не стеклянная бусина, а прочная вещь. В моих курганных датах можно найти ошибки, но не этим способом.

Своеобразно отношение Б. А. Рыбакова к печатям. В статьях В. Л. Янина уже показано, что некоторые печати попали в землю значительно позже даты своего изготовления. Б. А. Рыбаков хочет превратить это в общее правило. Его удивляют те печати, даты которых совпадают с установленными Б. А. Колчиным датами ярусов, где эти находки сделаны. Б. А. Рыбаков думает, что всякая печать хранилась долго. Между тем так ли безнадежны для стратиграфических дат хронологические показания печатей? Рассмотрим некоторые цифры. В 1951—1954 гг. (ограничиваюсь теми же материалами, которыми пользовался Б. А. Рыбаков) в процессе раскопок была обнаружена 41 печать[14]. Из них 31 печать датирована методами сфрагистики, т. е. независимо от условий залегания в слое, 10 печатей датированы стратиграфически. В числе 31 печати 16 по своим датам соответствовали датам тех ярусов, в которых они залегали, 15 к моменту их потери были уже старыми, т. е. утерянными спустя долгий срок после их употребления при грамоте. Б. А. Колчин указывает 22 печати с совпадающими датами, так как сюда он включил 6 товарных пломб рубежа XI—XII вв. (эти родственные печатям пломбы бытовали недолго).

Однако из 16 совпадений 12 относятся к слоям 3-го — 8-го ярусов, с датировкой которых Б. А. Рыбаков согласился. Итак, действительные расхождения между ним и Новгородской экспедицией составляют не 22 печати, а 4. Б. А. Рыбаков пишет: «Нигде не доказано, что печати обязательно должны были выбрасываться немедленно по получении документов» (стр. 91). Вот в каком нелепом виде он изображает взгляды своих оппонентов. Об обязательности уже сказано, а немедленного выбрасывания тоже никто, конечно, не предполагал ни для одной печати. В слоях 3-го — 8-го ярусов, датируемых (и Новгородской экспедицией, и Б. А. Рыбаковым) с середины XIV по конец XV в., за рассматриваемое время было найдено 16 печатей. И из этого числа 12 имеют даты, совпадающие с датами ярусов. Вывод ясен. В числе документов с печатями существовали не только акты, подлежащие длительному хранению, но и акты преходящего, узко временного значения. Не говорю о возможных случайных потерях. Казалось бы, что эти наблюдения должны оказать помощь и при осмыслении материала, обнаруженного в более ранних слоях, датировка которых провозглашена Б. А. Рыбаковым спорной. В этих ранних слоях в числе 15 печатей с точными датами оказалось всего 4 печати, даты которых соответствуют тем ярусам, из которых они извлечены. Однако Б. А. Рыбаков чисто умозрительным путем пытается убедить читателя, что все грамоты с вислыми печатями обязательно должны были храниться века, как об этом свидетельствует «ряд грамот с вислыми печатями» XVII—XIX вв., что «княжеские печати XI—XII вв. скрепляли важные правительственные акты, феодальные привилегии, земельные права и т. п.» (стр. 91).

Ссылка на вислые печати XVII—XIX вв. понятна. Б. А. Рыбаков пытается сблизить княжескую печать XI—XII вв. с вислой печатью дипломов

---

[14] В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, № 55, 1956.

и патентов позднейшего времени и противопоставить ее печати XIV—XV вв. Однако какими же печатями, если не княжескими, скреплялись в домонгольское время обычные рядовые документы? Ведь не менее 90% вислых печатей этого времени принадлежит к кругу княжеской сфрагистики. Это громадный фонд в несколько сот экземпляров XI—XII вв., ничуть не меньший, чем вся совокупность посадничьих, владычных, тысяцких, тиунских и других печатей XIV—XV вв. Б. А. Рыбакову не удалось доказать, что между печатью XI—XII вв. и печатью XIV—XV вв. лежит коренная противоположность.

Когда В. Л. Янин при обсуждении доклада указал Б. А. Рыбакову, что даты печатей совпадают у нас не столько с датами ранних ярусов (как думал Б. А. Рыбаков), сколько с датами поздних, тот сначала заявил, что печати XIV—XV вв. были многочисленнее и ими меньше дорожили. Когда и это было опровергнуто В. Л. Яниным, Б. А. Рыбаков стал искать новые доводы. Теперь он пишет: «Только в XIV—XV вв., когда на территории Неревского раскопа жили сами посадники, отношение к документации стало иным и печати могли быстрее попадать в слой» (стр. 91). Получается, что посадники отличались особо легкомысленным отношением к документации и, упиваясь своей властью, расшвыривали направо и налево печати. У нас нет никаких оснований утверждать, что они выбрасывали чужие грамоты, попадавшие к ним в руки, так же как нет оснований думать, что документы, принадлежавшие лично посадникам, меньше ценились ими, чем другими владельцами документов.

Вниманию читателя предлагаются на таблице два варианта стратиграфической хронологии печатей, найденных в 1951—1955 гг. (рис. 7). Надо только отметить, что включенные в нее печати из раскопок 1955 г. (№№ 47—54) не вошли в вышеприведенную статистику. Они теперь тоже изданы и подтверждают те же выводы. Вообще же после 1954 г. при раскопках было обнаружено 18 печатей, которые ни в одном случае не вступили в противоречие с хронологической схемой Новгородской экспедиции.

В иных случаях документ, даже значительный, мог исчерпать свои возможности чрезвычайно быстро. В частности, вопреки Б. А. Рыбакову, надо подчеркивать совпадение даты печати посадника Захарии (1161—1167 гг.) с датой 17-го яруса (50—60-е годы XII в., по Б. А. Колчину), где эта печать была обнаружена в 1956 г. Посадник Захария был казнен новгородцами в 1167 г. как изменник, и вряд ли его распоряжения могли сохранять силу после его казни.

Нужно отметить две важные находки, по поводу которых никак не может возникнуть мысль об отставании дат. Имею в виду две трапециевидные подвески, одна из которых несет знак Владимира I, другая — знак Ярослава Мудрого. Это точное повторение известных знаков монет Владимира и Ярослава. Подвески всеми исследователями, в том числе и Б. А. Рыбаковым, признавались знаками княжеских доверенных лиц. Следовательно, они сохраняли значение лишь до смерти князя. Подвеска со знаком Владимира (умер в 1015 г.) обнаружена в 25-м ярусе, который, по шкале Б. А. Колчина, датируется первой четвертью XI в.; подвеска со знаком Ярослава (умер в 1054 г.) — в 23-м ярусе, датированном по той же шкале серединой XI в. Совпадения действительно поразительные. Что касается шкалы Б. А. Рыбакова, то в ней подвеска со знаком Владимира попадает в слои середины XI в., а подвеска со знаком Ярослава — в слои рубежа XI—XII вв.

Б. А. Рыбаков интересуется расхождениями моих археологических дат берестяных грамот с датами, которые дают лингвисты. Но таких разногласий он мог указать очень мало, всего семь. Напомню, что лингвистами комментированы все грамоты №№ 1—194.

В свою соответственную таблицу Б. А. Рыбаков включил восемь грамот, но одну из них, № 69, по ошибке. Я, по его словам, отношу ее к XII в., а лингвисты — к XII—XIII вв. (он относит к XIV в.). В действительности

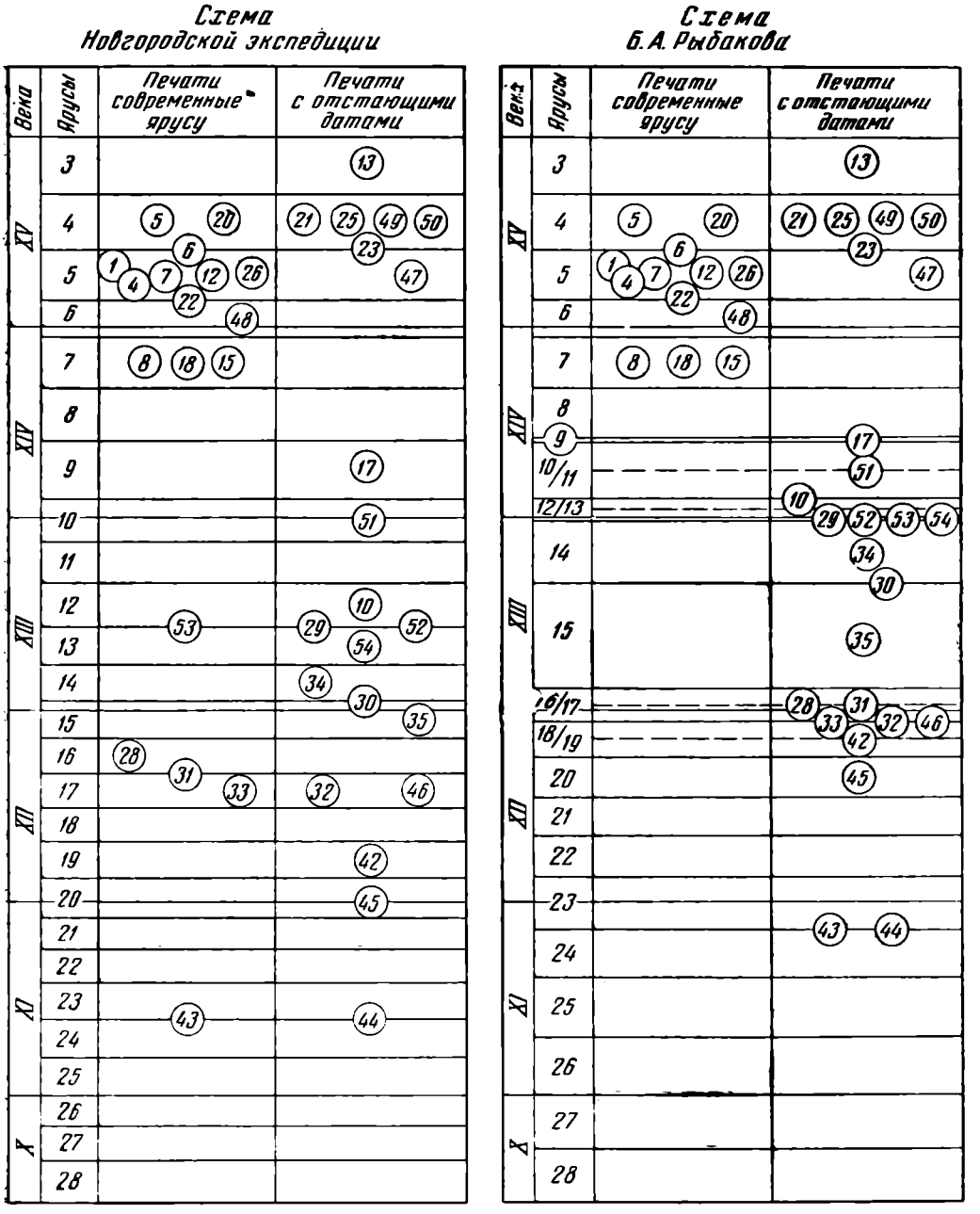

Рис. 7. Стратиграфия и хронология печатей (в кружочках стоят номера печатей)

я говорю, что она палеографически относится к XII в., а стратиграфически — к XIII в. [15]. Спор ведь у нас с Б. А. Рыбаковым идет о стратиграфических датах.

Малое число неизбежных разногласий скорее говорит о совпадении археологических и лингвистических дат. Затем для XI—XII вв. лингвистические даты основаны на слишком малочисленных наблюдениях. От этих веков дошло мало пергаменных рукописей. Палеографические даты для этого периода надежнее, хотя они основаны на тех же рукописях. Ведь любая буква представлена в них гораздо чаще, чем любое слово. Для устранения элемента случайности всякие научные выводы должны иметь свои статистические основания. Для стратиграфических, как и для палеографических дат, статистические основания обильны.

[15] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 72.

Б. А. Рыбаков подчеркивает, что все эти семь грамот я отношу к XII в., а лингвисты к XIII в. Но ведь для XIII в. различия между хронологией Б. А. Рыбакова и моей еще больше, чем для XII в. Однако для грамот XIII в. ни одного расхождения с лингвистами Б. А. Рыбаков указать не мог, ни одну из них лингвисты не относят к XIV в. В связи с этим стоит вспомнить, что лингвистические даты для XIII в. уже обоснованы статистически, будучи основаны на многих пергаменных рукописях. Во всяком случае, отсутствие лингвистических поправок к моим датам XIII в. не может быть объяснено, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова.

Наш критик упрекает меня в том, что я не коснулся палеографии грамот Онфима ни в статье о них, ни в выступлении по докладу 3 марта. Но в предварительных публикациях я никогда (за недостатком места) не даю палеографической аргументации; она дается при полных изданиях. В выступлении по докладу Б. А. Рыбакова 3 марта мне и без того пришлось слишком много говорить о формах букв, опровергая палеографические аргументы докладчика. А их тогда было много. Он назвал ряд букв, якобы характерных у Онфима для XIII в. Я показал тогда, что все указанные им аналогии неверны.

Думаю, что это мое выступление было полезным, прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку теперь он убрал свои палеографические аргументы. Он оставил, правда, ссылки на рукописи (договор 1265 г., Кормчая 1282 г. и т. д.), откуда он тогда эти буквы брал. Но ведь в палеографии всегда надо ссылаться не на рукописи (если речь не идет об общих пропорциях, чего здесь нет), а на определенные формы букв. Рукопись содержит сотни или тысячи или даже сотни тысяч знаков. Надо знать, что имеет в виду палеограф. Я готов печатно повторить свои возражения, но едва ли имею право, поскольку буквы не названы. Одна ссылка на букву все же осталась. Б. А. Рыбаков говорит, что десятиричное «і» с перекрестием встречено на бересте не только у Онфима, но и в трех позднейших грамотах (стр. 98). Кажется, он думает, что это поздний признак. Но на пергамене эта форма известна с XI в. [16] Нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже. Она и слишком редко встречается для обоснования подобных выводов. Нет ничего удивительного, что она держалась до XIV в., ее можно найти и позднее. Таких долговечных форм палеография знает много.

Но надо здесь все-таки дать палеографический разбор букв Онфима. Петли «б», «ъ», «ь» и т. п. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв. [17]. Верхние части «в», «к», «ж» еще не сокращены, это говорит о тех же веках [18]. Несколько раз в три приема написано «ж», что типично для XI—XII вв. [19]. Середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI в., а для XII в. лишь пережитком [20]. Характерно и «ч», оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв. [21] Наконец, отмечу одну форму, встреченную лишь на бересте, а именно «р» в виде тросточки. Я в печати уже описал эту букву, отметив, что она попадается только в ранних слоях [22]. Вопрос о хронологии новгородских слоев не имеет тут

---

[16] Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода русской книги. Л., 1925, табл. 14.

[17] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 102; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 241.

[18] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 101; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 241.

[19] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 102; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 156; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 188.

[20] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 100; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 200.

[21] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 103; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 158 и 241; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 202.

[22] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 53.

значения, поскольку все другие грамоты с таким «р» старше, чем грамоты Онфима.

Среди основных известных в палеографии признаков XI—XII вв. нет, таким образом, ни одного, который не был бы встречен у Онфима. Конечно, в палеографии общепризнано, что любая ранняя форма может в виде исключения встречаться в поздних рукописях. Но здесь при таком обилии ранних признаков нет ни одного позднего. Ранняя дата подтверждена и тем, что ни Б. А. Рыбаков, ни М. В. Щепкина не смогли указать у Онфима ни одного признака XIII в.

Напрасно Б. А. Рыбаков говорит теперь: «Я не буду останавливаться на палеографии, так как это уже сделано М. В. Щепкиной, отнесшей почерк Онфима ко второй половине XIII в.» (стр. 98). Следует лишь ссылка на ее выступление 3 марта. Но ведь М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы. Она только сослалась голословно на некоторые (немногие) рукописи, а такие ссылки, как я уже говорил, не поддаются даже проверке.

Итак, палеография позволяет датировать грамоты Онфима не позже XII в., а стратиграфической датой является рубеж XII—XIII вв. Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, Б. А. Рыбаков позволил себе поместить «палеографию комплекса грамот Онфима» в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию.

Подробно моя палеографическая аргументация по грамотам №№ 1—194 излагается в ряде томов, где эти грамоты изданы. Б. А. Рыбаков коснулся почему-то лишь грамоты № 147. Он считает, что я напрасно упоминаю там два ранних признака: «щ» с хвостиком, не выходящим за строку, и перевернутое «ю». Но я обязан был упомянуть эти признаки, поскольку авторитетные палеографы (ссылки на них я даю) считали их архаичными. Однако я при издании этой грамоты № 147 пишу, что эти формы «являются здесь, по-видимому, лишь пережитками». Дальше сказано: «Против столь ранних дат здесь говорят уже несколько набухшие петли «в», а также орфография» [23]. Смысл, таким образом, прямо противоположен тому, который ищет у меня Б. А. Рыбаков. Он говорит также, что обе формы известны на бересте и позднее. В виде исключений это всегда возможно. Да и примеров Б. А. Рыбаков привел слишком мало: два для «щ», один для «ю» (в ранних грамотах эти формы встречаются довольно часто). Последняя ссылка неверна, в грамоте № 142 нет такого «ю». Палеографические даты грамот важны, как проверка стратиграфических дат. В науке, во всякой науке, ценна взаимная проверка выводов, полученных разными способами. Более ранние (по форме букв) грамоты всегда залегают в ранних ярусах, более поздние — в поздних. Это, наряду с типологией археологических находок, лучше всего доказывает, что наш ярус не «фикция», как склонен считать Б. А. Рыбаков. Но этого мало, с нашей хронологией совпадают и абсолютные даты букв, подобно абсолютным датам вещей. Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями. Вероятно, там имеются ошибки, но мой критик даже не пытается эти палеографические аргументы опровергнуть.

Б. А. Рыбаков начал пересматривать новгородскую хронологию лишь после того, как прочитал по-своему дату Онфима в грамоте № 206.

Спор идет о двух буквах, которые стоят на месте сотен и на месте десятков. Первая буква «ч». Оно бокаловидное, обычное (у Онфима оно всегда такое). Пси здесь нет, поэтому Б. А. Рыбаков предположил, что оно исчезло под трещиной. Исчезла под трещиной одна линия, самая нужная, все остальные сотни линий этой грамоты целы. Да она и не могла исчезнуть. Ведь трещина тонка и зигзагообразна, гораздо тоньше, чем линии Онфима. Следы прямой линии все равно были бы заметны. Это осо-

[23] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 25—26.

бенно хорошо видно на макрофотографии. Б. А. Рыбаков говорит здесь о фотографии 1956 г. Однако и там эта черта является трещиной, резко отличаемой по фактуре от всех линий.

На месте десятков стоит буква «с», совершенно не похожая на «о» (рис. 8.). Здесь никто не читал и не читает «о»: ни М. Н. Кислов, ни вообще кто бы то ни было, кроме Б. А. Рыбакова. В связи с нашей полемикой сделаны макрофотографии всех «с» и всех «о» из грамот Онфима. Различие очень четкое, что видно на издаваемых образцах. Правая часть буквы, как у всех «с» Онфима, состоит из двух линий, расположенных не на одной оси. Обе они, особенно нижняя, выходят за черту левой части. Получается прямолинейное отчеркивание нижнего края особым штрихом. Для «с» у Онфима это обязательно, а у «о» никогда не встречается. Все «о» у Онфима являются простыми овалами и иногда почти кружками. И напрасно Б. А. Рыбаков говорит: «Примеры таких дефектных «о» есть у Онфима». Он издал два примера, сходства никакого. В обоих этих случаях овалы «о» просто не сомкнулись в основании. Все признаки «с» тут отсутствуют, а в букве из даты они имеются все.

В полемике Б. А. Рыбаков выдвигал ряд доказательств того, что перед нами не «ч», а пси, не «с», а «о». Теперь он все эти доказательства снял после выступлений М. Н. Кислова и моих и говорит просто: «нам снова остается решать по смыслу» (стр. 99). Но решать такие споры «по смыслу» значит решать их по своему предвзятому суждению. Онфим, по словам Б. А. Рыбакова, «едва ли мог допустить две грубые ошибки, и в знаке сотен, и в знаке десятков» (стр. 99). Однако он их допустил. Это был маленький мальчик. Неизвестно, успел ли он выучить цифры больше десяти, но, во всяком случае, дал при попытке написать дату случайный набор букв. Будь ошибка одна, еще можно было бы (да и то с оговоркой) дать реконструкцию по смыслу; одну ошибку мог сделать и взрослый. Но две ошибки делают всякую реконструкцию произвольной. Однако Б. А. Рыбаков позволил себе поместить «год, написанный на грамоте № 206», в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию.

Б. А. Рыбаков советует Новгородской экспедиции «зондажные раскопки на месте древних церквей». Да, строительные прослойки древних каменных зданий дают нам надежные даты (чего нельзя сказать о слоях пожаров). Две церкви называет Б. А. Рыбаков: Кузьму и Демьяна на Холопьей улице и Савву (стр. 83). Зондажные раскопки на месте Кузьмы и Демьяна производить нельзя. На этом месте в XVIII в. воздвигнута Тихвинская церковь (ПСРЛ, III, 278). Это здание, сильно перестроенное в XIX и XX вв., стоит доныне. Конечно, поиски древних строительных прослоек там возможны (хотя и очень затруднены поздним строительством). Но между раскопом и этой церковью находится древний холм, где толщина культурного слоя ничтожна. Провести через этот холм горизонты, связующие строительную прослойку с ярусами нашего семиметрового слоя, невозможно. Да и современная застройка мешает. Затем Б. А. Рыбаков не говорит, что церковь Кузьмы и Демьяна до XIV в. была деревянной. Она стала каменной лишь в 1360 г. (ПСРЛ, III, 227, IV, 59). Для наших споров с Б. А. Рыбаковым прослойка этого года безразлична, ведь для этого времени споров уже нет. А поиски деревянных строительных прослоек возле каменных церквей надо признать ненадежным делом. Они не могут быть отличены от прослоек соседних изб, поскольку не могут быть привязаны к самой деревянной церкви, следов которой нет. Церковь Саввы, как пишет сам Б. А. Рыбаков, стала каменной лишь в 1416 г.

Уцелевшие церкви далеки. Были в Неревском конце и другие древние церкви, но их точные места неизвестны, а стремление обязательно дотянуть до них раскоп потребовало бы многомиллионных расходов. Да и едва ли оно оправдалось бы. Церкви обычно стояли на местах, которые в древности были высоки; о возникающих при этом стратиграфических неудобствах уже сказано. На этих местах из-за относительной сухости

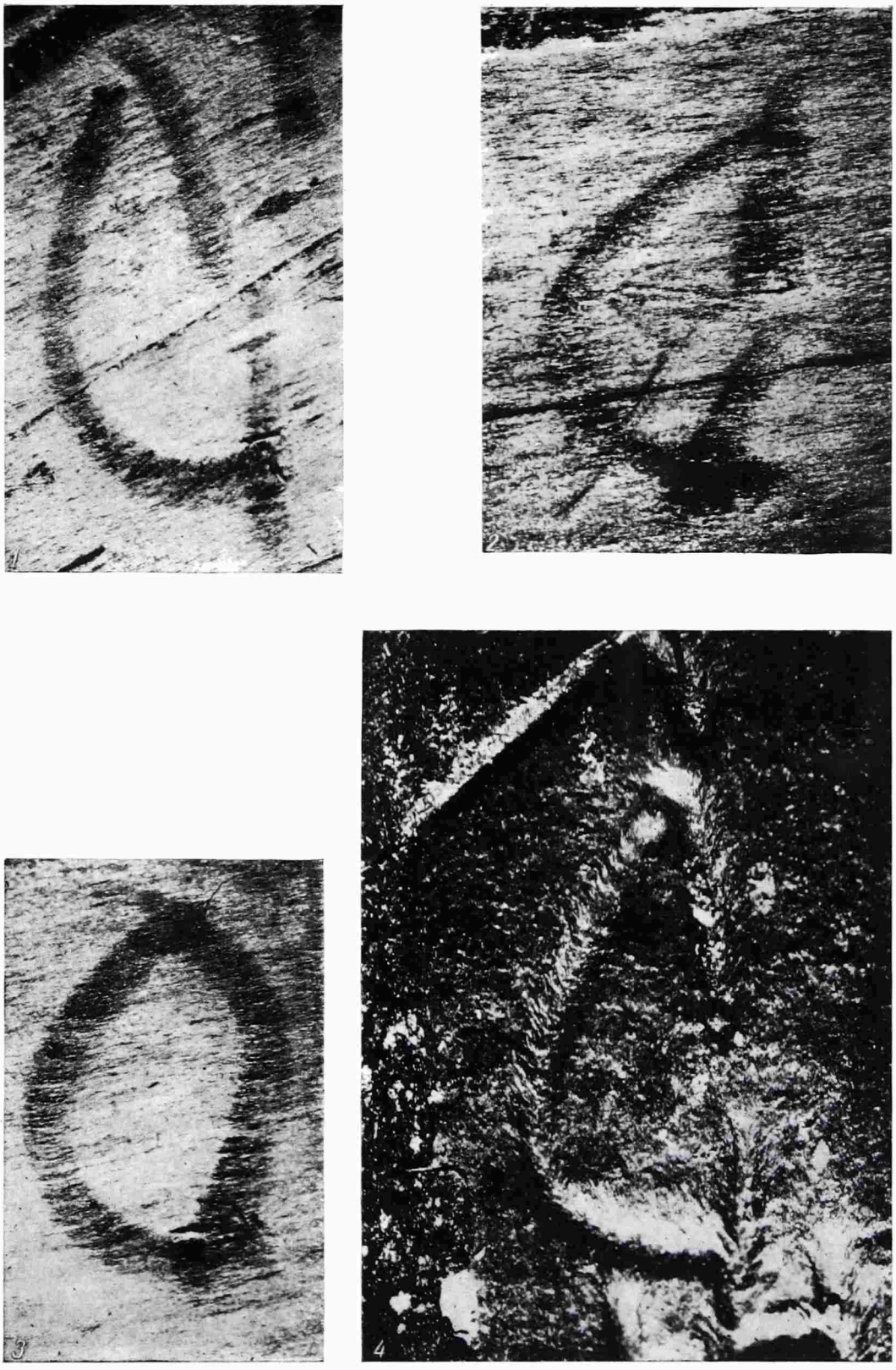

Рис. 8. Макрофотографии букв

1 — буква «с» из так называемой даты, грамота № 206; *2* — буква «с» из слова «насо», грамота №206; *3* — буква «о» из слова «насо», грамота № 206; *4* — буква «с» в складах («си» после «ри»), грамота №199

скудны находки и маловероятны грамоты, чем пренебрегать нельзя. Наконец, вокруг церквей изобилуют погребения, которые могут (хотя и необязательно) сделать стратиграфические розыски невозможными. Конечно, церкви важны сами по себе, но в Новгороде и так можно любоваться многими прекрасными целыми церквами всех эпох.

Затем Б. А. Рыбаков говорит о значении дендрохронологического анализа. Да, дендрохронология в будущем будет давать точные абсолютные даты. Но пока что она ни в Европе, ни в Азии еще не дает этих дат; другое дело Америка, где ботанические условия для создания хронологических шкал особо благоприятны. Новгородская экспедиция поэтому считала эту работу не первоочередной. Теперь дендрохронологические анализы производятся. Они дадут если не абсолютные даты, то хотя бы разницы в возрасте между ярусами, что поможет решить возникший спор.

В стороне от основного спора лежит вопрос о древнейшем Новгороде, тоже поставленный Б. А. Рыбаковым. Он согласен, что слоев IX в. на Славенском холме, Ярославовом дворище и в Неревском конце нет. Дальше он говорит: «Но уже относительно Детинца можно сомневаться, так как раскопки там велись в очень ограниченных размерах» (стр. 105).

Это основано на неосведомленности. Лично я в Детинце (Новгородском кремле) не работал никогда, но другие археологи там копали, притом, что важно, во всех его частях. Довоенные раскопки никак нельзя считать «очень ограниченными». А. А. Строков вскрыл тогда в Детинце 1882 $м^2$. После войны А. Л. Монгайт вскрыл там 118 $м^2$ и в последние годы М. Е. Алешковский 248 $м^2$. Во всех случаях я отбрасываю чисто архитектурные шурфы. Все подсчитанные здесь раскопы дошли до материка. Однако нигде в Детинце не обнаружены слои IX в. Мало того, слои X—XI вв. там гораздо тоньше, чем в других частях Новгорода, что отмечено всеми названными исследователями.

Но вернусь к основному вопросу, к хронологии ярусов. О хронологических ошибках Б. А. Рыбакова выше речь была много раз. Однако его критика принесла некоторую пользу. Он верно указал на чрезмерную удовлетворенность хронологией, которая царила в Новгородской экспедиции. Мои и Б. А. Колчина заявления по этому вопросу, цитируемые Б. А. Рыбаковым, действительно неудачны. Хронология всегда нуждается в новых и новых уточнениях.

Поправки будут, а затем изучение дендрохронологии или палеомагнетизма проверит когда-нибудь даты. И тогда мы с улыбкой будем вспоминать ожесточенность теперешней хронологической полемики.

Своей статье Б. А. Рыбаков дал длинное название «К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей». Судя по названию, можно было ожидать попыток дать особо точные методические приемы. Но все сводится к выписыванию летописных дат пожаров и к безнадежным усилиям связать эти даты с пожарищами. Хронология Б. А. Рыбакова основана только на этих усилиях. Проверить ее научными методами ему не удалось.

А. П. СМИРНОВ, Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В историографии Золотой Орды большую роль играло изучение материальных памятников джучидской эпохи. Первый, кто поставил исследование Золотой Орды на прочный фактологический фундамент, был Х. М. Френ, начавший изучение истории Золотой Орды с нумизматики [1]. Одновременно с этим Х. М. Френ поставил ряд вопросов археологического характера: о локализации золотоордынских городов [2], об Увекском городище [3], о существовании двух Сараев и т. д. [4].

К 1840—1850 гг. относятся работы А. Терещенко на Царевском городище, сопоставленном им с Новым Сараем [5]. Раскопки Терещенко дали обширный материал по ремеслу, искусству, культуре и торговле золотоордынского города. Перед русскими историками открылась картина богатейших производственных и торговых центров, какими являлись золотоордынские города.

Раскопки А. Терещенко, проведенные в 40-х годах прошлого века, не отвечают требованиям нашего времени. Главные недостатки работ А. Терещенко характерны вообще для археологии той эпохи: отсутствие документации по отдельным раскопам, планов, профилей, паспортизации вещей и стратиграфических наблюдений. Помимо этого, большая часть материала разошлась по разным музеям. Огромное количество монет погибло для науки. Мы не знаем массовых керамических находок, отсутствуют данные об остеологическом материале. Основное внимание при раскопках уделялось предметам роскоши и искусства.

Царевское городище не раз обращало на себя внимание русских ориенталистов XIX в. [6]. Работы на нем в конце XIX — начале XX в. были про-

---

[1] Наиболее важные работы Френа по джучидской нумизматике: Х. М. Френ. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, СПб., 1832; C. M. Frähn. Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae. SPl., 1826.

[2] Список золотоордынских городов с предположениями Френа о их локализации см. Х. М. Френ. Ук. соч., стр. 44.

[3] Х. М. Френ. О бывшем некогда монгольском городе Увеке на юге от Саратова и о найденном там недавно кладе. Тр. Российской Академии наук, ч. III, СПб., 1840.

[4] Его же. Монеты ханов..., стр. 44.

[5] А. Терещенко. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева. ЖМВД, 1843, ч. II, IV; 1844, ч. VII, VIII; его же. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. Северное обозрение, 1848, ч. II, № 11, стр. 52—62; его же. Археологические поиски в развалинах Сарая. ЗАНО, т. II, СПб., 1850; его же. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кыпчакского царства. Уч. зап. Росс. Акад наук по I и III отделениям, т. II, СПб., 1854; его же. Следы Дешт-Кыпчака и внутренняя киргиз-кайсацкая орда. Москвитянин, 1853, т. VI, отдел. VII. Более ранние описания развалин Царевского городища и гипотезы о местоположении Сарая — столицы Золотой Орды см. А. Ф. Леопольдов. О развалинах Сарая. Материалы для Статистики Российской империи, т. I, СПб., 1839.

[6] Г. С. Саблуков. Исследование о месте Сарая. Уч. зап. Казанского Университета, т. II, Казань, 1842; В. В. Григорьев. О местоположении столицы Золотой Орды — Сарая. ЖМВД, 1845, ч. IX; В. К. Трутовский. Гюлистан Золотой Орды Древности, т. I, М., 1893; Н. Веселовский. Загадочный Гюлистан Золотой Орды (по поводу статьи В. К. Трутовского), ЗВО РАО, т. XXI, СПб., 1912.

должены А. А. Спицыным [7], Рыбушкиным [8], Ф. В. Баллодом [9] и П. С. Рыковым. В трудах Ф. В. Баллода ясно выступает идеализация Золотой Орды и односторонняя характеристика ее культуры. Эти археологические исследования были малы по своим масштабам, несистематичны; они почти ничего не прибавили к той отрывочной и поверхностной картине жизни Сарая, которая была нарисована в результате работ Терещенко.

Важнейшим событием в историографии Золотой Орды был выход в свет сборников материалов по истории Золотой Орды, составленных В. Г. Тизенгаузеном по арабским [10] и персидским [11] источникам, до сих пор являющихся основным пособием по Золотой Орде. Дополненные сведениями из русских летописей, армянских источников, венгерских хроник и западноевропейских путешествий, эти материалы легли в основу всех последующих работ по истории Улуса Джучи.

Археологическое изучение Золотой Орды не ограничилось одним только Царевским городищем. В разные годы были обследованы и изучены городища с золотоордынским материалом на Нижней Волге [12], изучался, хотя и поверхностно, Увек [13], ряд археологических материалов золотоордынской эпохи известен из Азака [14] и крымских городов. Установлено местонахождение золотоордынской Мохши [15]. Многолетние систематические раскопки Булгара дали значительный материал по истории этого города в золотоордынскую эпоху [16].

Не разбирая подробно такие работы западноевропейских ученых, как исследования Д. Оссона [17], Ховерса [18], Б. Шпулера [19] и др., содержащие большой фактический материал исторического характера, следует отметить, что эти авторы не привлекали археологические данные и очень слабо и поверхностно использовали богатейшие возможности золотоордынской нумизматики. Работа Г. Вернадского [20] дает извращенное представление об истории золотоордынского периода и искажает действительные взаимоотношения между Золотой Ордой и Русью.

Необходимо отметить две важнейшие работы по Золотой Орде, подытожившие основные направления в исследовании этого вопроса:

[7] ОАК за 1893 г., стр. 88—91.

[8] ЖМВД, 1867, ч. XXIII, стр. 132.

[9] Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923.

[10] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884.

[11] Его же. Сборник материалов..., т. II, М.—Л., 1941.

[12] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. Птрг., 1923.

[13] М. Н. Минх. Набережный Увек. Саратовские губ. ведомости, 1879, стр. 206, 219, 221; А. Д. Пономарев. На развалинах Увека близ Саратова. Древняя и Новая Россия, 1879, № 4; М. Н. Минх. Набережный Увек. Саратовский сборник, т. I, Саратов, 1881; Г. С. Саблуков. Остатки древностей в с. Усть Набережном Увеке Саратовской губ. и уезда. ИОАИЭ, т. III, 1884; Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский. Увек. Саратов. 1891. О раскопках С. С. Краснодубровского в Увеке см. ОАК за 1891 г.; А. Лаппо-Данилевский. Увек (рецензия на книгу Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровского). ЖМНП, 1891, № 7, стр. 235 сл.; К. П. Медокс. Новейшие находки близ Увека. ИОАИЭ, 1892, т. X, вып. VI, стр. 643—646. О раскопках Духовникова на Увеке см. АИЗ, 1894, № 5, стр. 157—159.; П. Баев. Историческая справка о раскопках на Увеке. Тр. Саратовской УАК, вып. 32, стр. 134 сл.; А. А. Кротков. Раскопки на Увеке. Там же, стр. 76; А. А. Гераклитов. Увек. Витебские губ. ведом., 1910, № 61.

[14] См., например, работы М. А. Миллера, С. А. Вязигина и Б. А. Лунина в Азове в 1934—1935 гг. (Архив ЛОИА, ф. 2, 1935, д. № 100).

[15] А. А. Кротков. В поисках Мохши. Тр. Об-ва истории, археологии и этнографии Саратовского университета, т. I, вып. 34, 1916; его же. Два собрания джучидских монет. Тр. Нижне-Волжского общества краеведения, вып. 37, Саратов, 1930.

[16] В основном работами Куйбышевской археологической экспедиции. См. статьи в МИА, № 42 за 1954 г. и № 61 за 1958 г.

[17] J. Hhosson. Histoire des Mongoles depuis Tchingis-Khan jusqu'à Timour-beg ou Tamerlan. Paris, 1852.

[18] H. Howorth. History of Mongols, тт. I—III, London. 1876—1888, т. IV, 1927.

[19] B. Spuler. Die Goldene Horde. Leipzig, 1943.

[20] G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven, 1953 (См. рецензию Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто в ВИ, 1955, № 8, стр. 180 сл.).

А. Н. Насонова «Монголы и Русь»[21] и Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение»[22]. В последней книге ярче, чем где бы то ни было, видны перспективы, которые открывает археология для истории Золотой Орды, и те вопросы, которые могут быть поставлены в связи с археологическими исследованиями.

История Золотой Орды с самого начала, как и всякое историческое явление, развивалась в диалектическом противоречии. С одной стороны, это движение вызвало разрушение крупнейших культурных центров, гибель целых государств, моральное унижение покоренных народов. Такие факты, как разрушение среднеазиатских городов, из которых только часть возродилась спустя несколько десятилетий, а часть осталась в развалинах, разорение русских княжеств, уничтожение центров ремесленного производства ясно показывают, что нарушение экономической жизни не могло не сыграть глубоко отрицательной, регрессивной роли в истории покоренных народов. С другой стороны, создание крупнейшей империи, объединение в рамках монгольского государства таких культурных стран, как Китай, Средняя Азия, Закавказье, Волжская Болгария и Русь, не прошло бесследно. Устанавливаются широчайшие торговые и культурные связи, на базе концентрации производительных сил создаются крупнейшие культурные центры на Нижней Волге. В это время в Восточной Европе прослеживается воздействие культуры Китая, сказавшееся, в частности, в распространении чугуна в Поволжье, на Северном Кавказе и на Руси и влияние Средней Азии, проявившееся главным образом в широком распространении поливной посуды и художественной майолики. Организация ямской и почтовой службы способствовала торговле и распространению культурных достижений.

В это же время укрепляются связи с Западом. Целый ряд пунктов в Крыму и в Приазовье был местом контакта азиатского мира с западноевропейским в лице итальянских торговцев.

Важнейшей проблемой изучения собственно Золотой Орды является анализ социально-экономической структуры золотоордынского общества. Эта тема распадается на две части: социально-экономические отношения в городах связанных, по-видимому, с центральной властью, и в оседлых сельскохозяйственных районах, с одной стороны, и общественный строй кочевой степи, с другой.

Необходимо археологическое исследование золотоордынского города и, прежде всего, ремесла. В настоящее время есть ряд археологических данных, позволяющих говорить о значительной роли крупных мастерских, объединявших большое количество ремесленников, находившихся на положении рабов или полурабов. Примером могут служить открытые на Царевском городище мастерские. В одном месте, по словам А. Терещенко, было вскрыто восемь горнов, один из них имел 70 отдушин. Печь окружали трубы (сопла), которые расходились по стенкам отдушин. Около печи нашли несколько ночников, кувшинов, котлов и множество слитков железа, меди, плавильных чашечек и форм[23]. По мнению А. Ю. Якубовского, это типичная для монгольского периода корхана, т. е. большая мастерская с разделением труда, принадлежавшая ханскому двору или феодалу[24]. Подобные мастерские — металлургические и керамические — были открыты и в Болгарах[25]. Исследования больших производственных комплексов, начатые Терещенко и продолженные в Болгарах, прольют свет на форму организации ремесла.

---

[21] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940.

[22] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

[23] В. В. Григорьев. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. ЖМВД, 1847, ч. IX, стр. 24.

[24] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 143—146.

[25] О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 348.

Если мы установим ту значительную роль, которую играли крупные частные мастерские, обслуживаемые подневольным трудом захваченных во время войны ремесленников, то мы будем вправе поставить вопрос о причинах сравнительно быстрого возрождения ремесла и городской жизни в Болгарах и Хорезме и о быстрых темпах роста новых золотоордынских городов на Нижней Волге. Эти высокие темпы были обусловлены огромным притоком подневольных ремесленников, захваченных монголами в плен.

Мы знаем по письменным данным о русском мастере, работавшем в далеком Каракоруме [26]. Продукция, по-видимому, русских гончаров была найдена в монгольских городах [27].

Раскопки производственных центров дадут возможность выяснить тот уровень производства и культуры, которого достигла Золотая Орда в XIV в. (техника металлургии, высокое искусство бытовой и архитектурной поливной керамики, появление огнестрельного оружия, строительное дело, городское благоустройство, наличие мостовых, водопроводы и т. д.).

Одной из основных задач золотоордынской археологии является выяснение корней золотоордынской культуры. Господствующий в советской исторической литературе взгляд на золотоордынскую городскую культуру, как на эклектическую, синкретическую культуру, выросшую на основе производственных и культурных достижений покоренных народов, правилен, но нуждается в дальнейшем уточнении. А. Ю. Якубовским был доказан хорезмийский характер золотоордынской поливной керамики [28]. Несомненно, под китайским влиянием возникли некоторые типы золотоордынских и болгарских зеркал. По-видимому, из Херсонеса или из Болгар пришел широко распространенный тип замков в форме лошадок. Массовая золотоордынская керамика связывается или с болгарами, или с аланами. Материал Сарая говорит о том, что русские ремесленники играли большую роль в золотоордынском производстве. Из Сарая происходит ряд уникальных памятников русской культуры. Исследование Сарая-Берке, несомненно, даст большое число вещей, приготовленных русскими мастерами, и позволит выяснить удельный вес русской культуры в золотоордынской, а также заполнит пробел в изучении русского ремесла второй половины XIII — первой половины XIV в.

Только археологическим путем мы сможем установить время максимального развития и продолжительность расцвета золотоордынских городов. Этот вопрос очень важен. Уже сейчас мы можем на основании археологического и нумизматического материала сказать, что торговля и ремесло в нижневолжских городах значительно сокращаются в 70-х годах XIV в., т. е. за 20 лет до похода Тимура, к которому обычно относили начало запустения. Важным вопросом является выяснение причины упадка городов. Мы должны найти те социальные и экономические основы феодальной раздробленности, которые привели Золотую Орду к упадку и губительно сказались в первую очередь на городской жизни. Этот вопрос должен быть изучен на широком историческом фоне. Должны быть учтены движения кочевников и борьба в среде их аристократической верхушки, в руках которой находилась политическая власть. Эта борьба катастрофически отразилась на экономике Золотой Орды и привела к упадку ее города. Поход Тимура завершил этот процесс, вызванный внутренними причинами.

Важное значение приобретает история денежного обращения, показывающая, что в 60—80-х годах прежде единое по своему составу обращение золотоордынского дирхема расчленяется на ряд локальных областей (Нижнее Поволжье, мордовские земли, Волжская Болгария, Азовский

[26] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 78.
[27] С. В. Киселев. Монгольские города. СА, 1957, № 2, стр. 99.
[28] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, Л., 1931.

район и земли по Дону и Донцу, Крым, Северное Приазовье). Этот экономический процесс, улавливаемый нумизматикой, должен быть поставлен в связь с феодальной междоусобицей 60—70-х годов XIV столетия и ростом производительных сил на окраинах Золотоордынского государства. Об этом процессе в отношении Руси свидетельствуют исследования Б. А. Рыбакова, который отметил, что застой, вызванный разгромом 1237—1241 гг. и последующим установлением татарского господства, продолжался до XIV в. В середине XIV в. в развитии ремесла наступает перелом, и в течение второй половины XIV в. наблюдается расцвет ремесла, обусловленный общим развитием русской культуры [29]. Аналогичное явление прослежено и в Волжской Болгарии, где развитие производительных сил замечается с конца XIII столетия и заканчивается разгромом города Булак-Тимуром в 1361 г. [30].

Археологические раскопки дадут огромный материал для детальной характеристики денежного обращения отдельных городов и экономических районов. Наиболее интересен в этом отношении состав медных монет, почти не известный по комплексам кладов. Уже сейчас можно считать установленным тот факт, что обращение медных денег, в отличие от серебряных, с самого начала было различным в разных районах (в Новом и Старом Сарае, Хорезме, Мохше, Болгарах).

Исследование золотоордынских памятников, несомненно, расширит наши представления об истории торговли Золотой Орды с соседними странами (о торговых связях со Средиземноморьем, с Китаем, о значении китайско-средиземноморского пути через Золотую Орду).

Особенно перспективно археологическое исследование торговли со Средней Азией. Отсутствие взаимопроникновения монет Средней Азии и Нижнего Поволжья установлено довольно точно на основе топографирования монетных находок. Однако источники свидетельствуют о большой активности купцов, ездивших с караванами из Хорезма в Нижнее Поволжье и обратно. Можно говорить о существовании каких-то объединений купцов, возможно пользовавшихся своего рода системой векселей. Об объединениях купцов говорят некоторые письменные источники. Так, последние знают купцов — «уртаков» (что обозначает компаньона, члена торговой артели) [31]. Археологически устанавливаются факты организации трудных и технически сложных перевозок, которые могли быть под силу только крупным купеческим объединениям. Сравнительное химическое и стилистическое изучение хорезмийских и болгарских изразцов, микроскопическое исследование показывают их близость. Совершенно иной характер носят изразцы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Болгарские изразцы, шедшие на постройку больших зданий, по-видимому, привозились из Хорезма, а это свидетельствует, с одной стороны, о налаженном производстве изразцов на экспорт, а с другой — о наличии крупных торговых объединений [32].

Установлено, что в Хорезме, Болгарах, мордовских землях, на Северном Кавказе в золотоордынскую эпоху продолжалось развитие местной культуры. Золотоордынская культура наслоилась на местную, и ряд компонентов последней органически вошел в местную, получив дальнейшее развитие.

На территорию Руси эти общие для памятников золотоордынской эпохи культурные явления проникали в крайне незначительной степени. Если сопоставить это с указаниями письменных источников, не включавших Русь в состав Золотой Орды и повествующих лишь о феодальном васса-

[29] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 781.

[30] А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография. МИА, № 42, стр. 319.

[31] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 153 сл.

[32] А. П. Смирнов. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1957 году. Казань, 1959, стр. 28; Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, № 2, стр. 218.

литете русских князей, то мы должны будем признать, что из всех земель, покоренных монголами, Русь была наименее затронута влиянием собственно золотоордынских городов и в политическом отношении пользовалась наибольшей долей автономии.

Волжские Болгары были более тесно связаны в экономическом, культурном и религиозном отношениях с Нижним Поволжьем. Это находит яркое выражение в археологическом материале из Болгар. Но и Болгары пользовались значительной долей автономии в условиях феодальной системы вассалитета. Письменные источники говорят о болгарских князьях в джучидскую эпоху [33], об этом говорят и данные сфрагистики XIV в. [34].

Стремление к автономии в условиях феодального государства прослеживается на нумизматическом и историческом материале и для Хорезма [35].

Борьба отдельных провинций, покоренных монголами, за автономию — явление, проходящее красной нитью через историю улуса Джучи. В этом Золотая Орда не отличается от других монгольских государств. Картины напряженной борьбы целого ряда иранских провинций за независимость против власти хулагуидских ханов рисуют источники по истории Ирана XIII — XIV вв. [36].

Важное значение имеет вопрос о правах чингизидских царевичей на покоренные города и оседлые земли. Мы можем предполагать, что в XIII в. все управление было в руках имперских каракорумских чиновников и откупщиков. Чингизидские царевичи пользовались лишь частью дохода с этих районов и не участвовали непосредственно в управлении.

В конце XIII — начале XIV в., когда Хулагуидский, Джучидский и Джегатаидский улусы превращаются в самостоятельные государства, эта система отмирает. Реформы Газан-хана, видимо, были главным образом направлены на уничтожение этой откупной системы и на организацию городской жизни и торговли под непосредственным контролем хана. Аналогичное реформаторство было проведено в Средней Азии при хане Кепека.

В Золотой Орде мы знаем лишь о денежной реформе 1310 г. хана Тохты, установившего единую денежно-весовую систему. По аналогии с Ираном и Средней Азией, где денежная унификационная реформа сопровождалась целым рядом других мероприятий, мы можем поставить вопрос о том, что это была эпоха более широкого реформаторства, аналогичного реформам Газана и Кепека.

Своеобразие Золотой Орды заключалось в сосуществовании разноэтнических массивов в рамках одного государства, под властью, одинаково чуждой всем покоренным народам. Вместе с тем своеобразие истории Золотой Орды заключалось также и в сосуществовании кочевых племен и земледельческого ремесленного населения.

Для изучения кочевой степи (Дешт-и-Кыпчак) в золотоордынскую эпоху большой материал дают кочевнические погребения. Выделение из общей массы позднекочевнических комплексов погребений XIII—XV вв. может быть произведено по ряду археологических признаков (джучидские монеты, особый тип арочных стремян с широкой прямой подножкой, бокка, богато орнаментированные костяные накладки на колчаны, характерные типы серег в виде знака вопроса и т. п.).

Изучение этих поздних кочевнических комплексов показывает, что основное население южнорусских степей осталось половецким и не претерпело сколько-нибудь значительных культурных изменений.

Археологически прослеживается резкая разница в погребальном обряде Приаральских кочевников и кочевников, живших между Волгой и Ду-

[33] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877, стр. 162.

[34] Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать XIV в. в фондах музея. Казань, 1956.

[35] Г. А. Федоров-Давыдов. Из истории политической жизни Хорезма XIV в. КСИЭ, т. XX, 1958.

[36] B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, стр. 22 сл.

наем. Видимо, этот археологический факт отражает деление кочевников Джучиева улуса на две основные группы: восточную (гузы) и западную (кыпчаки). Этому этническому разграничению, быть может, соответствовала граница между собственно Золотой Ордой и Ак-Ордой.

Археологический материал в настоящий момент позволяет установить передвижение некоторых групп кочевников на Волгу. Домонгольские кочевнические погребения на Волге сравнительно редки. В золотоордынскую эпоху их количество значительно увеличивается. По-видимому, зимовки многих кыпчакских племен после монгольского завоевания переносятся на Нижнюю Волгу. Этот район, в XII — начале XIII в. мало населенный, во второй половине XIII—XIV в. приобретает большое значение.

Характерные для Киевщины XII — начала XIII в. погребения в гробу головой на запад, с черепом и ногами коня, разложенными в анатомическом порядке (на приступке или на дне могилы, головой на запад, к северу от костяка человека) появляются в золотоордынское время близ важнейших золотоордынских центров (Сарай, Увек). Племена Киевщины продвигаются на Волгу и, быть может, попадают в вассальную зависимость от золотоордынской кочевой аристократии.

Необходимо подчеркнуть важность критического изучения кочевнической социальной структуры и терминологии Золотой Орды. Эта проблема теснейшим образом сплетается с археологическим изучением кочевнического материала XIII—XIV вв. После монгольского завоевания кыпчакские племена и роды попадают в вассальную зависимость от монгольских царевичей и найонов и кочуют по новым маршрутам. Изменения кочевых территорий половцев в связи с монгольским завоеванием, прослеживаемые археологически, могут быть поставлены в связь с этими отношениями вассалитета. Сходные явления находим в Монголии XII—XIII вв. [37].

Особенно интересным является вопрос о наличии денежного обращения у кочевников, о чем говорят монетные находки в погребениях. Характерно, что по этим находкам намечаются некоторые зоны кочевого мира, тяготевшие экономически к той или иной культурной территории (Поволжские степи — к нижневолжским городам; Молдавские степи — к Крыму; степи по Донцу имеют находки монет из Азова). Необходимо отметить, что деньги появляются только в степях к западу от Волги. Заволжские степи и Казахстан не дают находок монет. Видимо, кочевники этой части улуса Джучи сохраняли в полной мере натуральное хозяйство.

Большая литература, посвященная золотоордынским ярлыкам, пока единственному нашему источнику о социально-экономических отношениях в Золотой Орде, ни в коей мере не дает удовлетворительной картины феодальных отношений в улусе Джучи. Мы можем лишь предполагать, что перед нами та форма феодальных пожалований, которая в Средней Азии называлась «суюргал». Это ленное владение включало как оседлые районы, так и кочевые степи. Если археологически удастся связать определенные районы степи с определенными хозяйственными оседлыми центрами, то в наших руках будет ключ к пониманию экономических процессов, обусловивших своеобразие феодальной ленной системы в Золотой Орде.

Вопрос о распаде Золотой Орды и гибели золотоордынской культуры тесно связан с кочевниками Золотой Орды. Стоявшие на более низкой ступени развития производительных сил и слабо связанные экономически с городами кочевники к концу XIV в. приобретали все большее влияние в политической жизни края. С другой стороны, города приходили все в больший упадок. В XV в. городская жизнь окончательно заглохла и кочевники стали безраздельными хозяевами южнорусских степей. В победе кочевой стихии следует искать разгадку того факта, что блестящая золотоордынская культура в южнорусских степях оказалась пустоцветом и получила дальнейшее развитие в оседлых районах: Казани, Хорезме и Крыму.

[37] П. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 59 сл.

Г. Г. ШТОБЕ

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Человек своим вмешательством в естественный процесс развития почвы может увеличить или уменьшить ее плодородие в зависимости от характера своей деятельности. При изучении окультуренных почв Латвийской ССР было выяснено, что поля, находящиеся поблизости от древних поселений, обыкновенно более окультурены, чем отдаленные от них. Часто плодородие самых отдаленных участков ниже, чем плодородие естественных почв. Характерно также, что приусадебные участки — огороды и сады гораздо плодороднее приусадебных пашен, так как в течение нескольких десятков или даже сотен лет подвергались лучшему удобрению и обработке. Особенно высоким плодородием отличаются почвы древних поселений и городищ.

Принимая во внимание особенности почвы, в частности повышенное содержание фосфора, С. Аррхениус (около 1930 г.), К. К. Круминьш (в 1936 г.) [1] и Л. Веллесте (в 1952 г.) [2] разработали методы, при помощи которых можно установить местонахождение древних поселений.

Основная цель нашей работы — показать с помощью новых дополнительных исследовательских материалов изменения свойств почвы под влиянием медленного исторического окультуривания и популяризировать более широкое применение методов почвенных исследований, а также значение химических анализов в археологии.

Большинство почв Латвийской ССР образовалось на осадочных породах ледникового периода — карбонатной суглинистой морене. Древние поселения и городища также чаще всего встречаются на холмистых моренах. Чтобы показать отличительные особенности почв древних поселений, изучались широко распространенные в Латвии дерново-подзолистые лесные почвы и постепенно образовавшиеся из них в медленном историческом ходе окультуривания слабо окультуренные полевые, окультуренные огородные почвы и почвы древних поселений и городищ.

Под влиянием медленного исторического окультуривания первобытная дерново-среднеподзолистая лесная почва в значительной степени изменяет не только плодородие, но и свои морфологические, химические, физические и другие свойства. В результате окультуривания горизонт гумуса постепенно увеличивается, и исчезают характерные для подзолистых почв генетические горизонты. Кроме этого большое значение в уничтожении подпахотных слоев имеет также деятельность дождевых червей, насекомых и других обитателей почвы, количество которых увеличивается по мере окультуренности почвы. Обитатели почвы, образуя норы и прокладывая ходы (рис. 1), перемешивают почву и, таким образом, перегнойный пахотный

---

[1] Krūmiņš. Latvijas augsnes. Latvijas zeme, laba, tauta, Rīga, 1936; его же. Augsne kā vēstures avots, Brīvā zeme, Rīga, 1938; его же. Kulturaugsnes. Lauku darbs un zinātne, Riga, 1939.

[2] Л. Веллесте. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК, вып. XII, 1952; см. также G. Toms. Zur Wertschätzung der Ackererden. Mitteilung, III, Riga, 1900.

слой перемещают вглубь, а более щелочной нижний слой почвы вносят в пахотный слой.

По мере окультуривания почвы сначала уменьшается, затем увеличивается содержание в ней органических веществ, а окисленные соединения постоянно увеличиваются. Перегнойные вещества со временем окрашивают почву все в более темно-серый цвет, а окисленные соединения железа и марганца (главным образом оксигидраты $Fe^{...}$) придают ей коричневатые оттенки. Поэтому сероватый цвет перегнойного слоя лесной почвы при ее

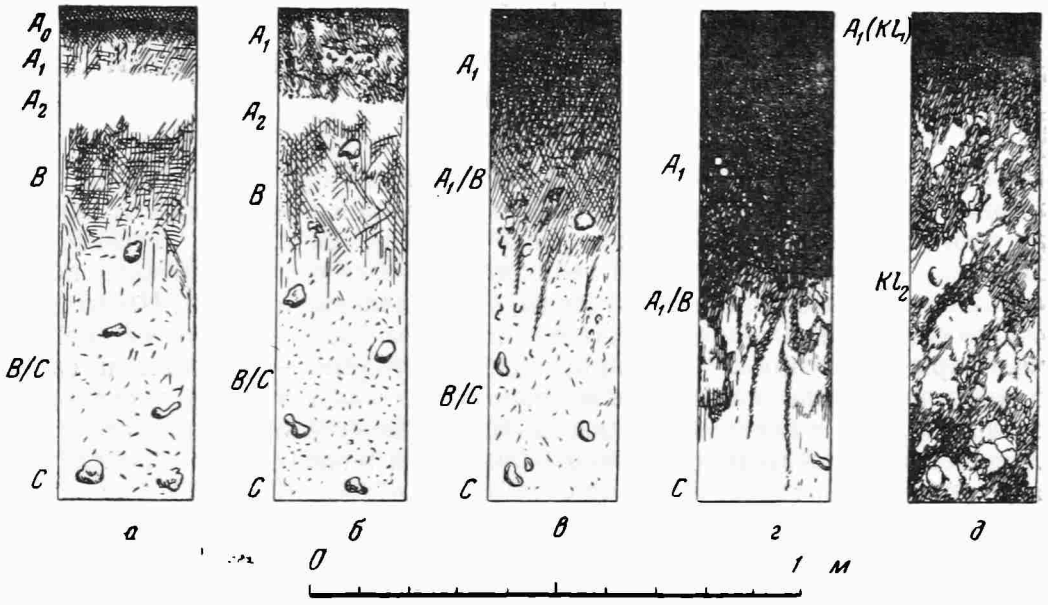

Рис 1. Схематическое изменение дерново-подзолистых почв под влиянием медленного исторического окультуривания

а — лес, дерново-среднеподзолистая почва; *б* — поле, дерново-среднеподзолистая почва, слабо окультуренная; *в* — приусадебный огород, дерново-среднеподзолистая почва, средне- до сильно окультуренная; *г* — место древнего поселения, сильно окультуренная почва; *д* — городище — насыпанная, образованная человеком почва

окультуривании переходит постепенно в более темно-серый цвет окультуренной пахотной почвы, а в почвах древних поселений и городищ верхний слой принимает коричневато-серую или коричневато-черную окраску. В ходе окультуривания физические свойства почв улучшаются, и в результате почвы древних поселений и городищ характеризуются высокоценными физическими свойствами, которые главным образом обусловливаются образованием прочных агрегатов структуры.

В отличие от лесных, полевых и приусадебных огородно-садовых почв, в почвах древних поселений и городищ имеется много включений антропогенного характера. Широко распространенные в Латвийской ССР дерново-подзолистые лесные и неокультуренные полевые почвы имеют повышенную кислотность. Реакция почв древних огородов и поселений близка к нейтральной, а почвы городищ, обыкновенно содержащие карбонаты в пределах от 0,1 до 9,6%, имеют слабо щелочную реакцию. По сравнению с пахотными почвами содержание органического вещества в почвах городищ сравнительно высокое — от 2,72 до 13,60%, но локально может содержать лишь только 0,24% (в среднем 3,7%). Содержание легкоусвояемого калия небольшое и колеблется в пределах от 0,5 до 36,0%, в среднем около 7,4 *мг* K_2O на 100 *г* почвы. Содержание трудноусвояемого растениями калия — около 0,200—0,288%. Легко- и трудноусвояемого фосфора в лесных и полевых почвах, особенно в материнских породах, содержится мало, но в почвах древних поселений и городищ он нередко присутствует в очень больших количествах. Легкоусвояемого фосфора в почвах древних поселений содержится от 40,0 до 121,0 *мг* (в среднем 80,5) P_2O_5 на 100 *г* почвы.

т. е. приблизительно в 6—20 раз больше, чем в лесных и полевых, а также в 1,4 — 4,2 раза больше, чем в сильно удобренных почвах приусадебных огородов. В почвах городищ легкоусвояемого фосфора содержится от 133,0 до 1030,0 *мг* (в среднем 334,0) P_2O_5 на 100 *г* почвы, т. е. в 14—206 раз больше, чем в обыкновенных полевых и в 4,4—34 раза больше, чем в сильно удобренных почвах приусадебных огородов (таблица).

Трудноусвояемого фосфора в перегнойном горизонте (A_1) лесных и полевых почв содержится от 0,078—0,104%, в почвах приусадебных огородов — от 0,184 до 0,229%, а в почвах древних поселений и городищ от 0,325 до 7,800% (в среднем около 1,4%).

В лесных, полевых и огородных почвах фосфор сравнительно равномерно размещен по всему перегнойному слою почвы (A_1), а в почвах древних поселений и городищ он размещен не так равномерно, потому что в культурном слое находятся разные включения материнских пород, насыпей, остатков строек и др., которые содержат мало фосфора. Образцы почв древних поселений и городищ для химического анализа следует брать в нескольких более характерных местах. Для целей данной работы такой способ сбора образцов не применялся [3].

Соотношение содержащихся в органическом веществе углерода и азота (C : N) в перегнойном горизонте лесных почв варьирует в пределах от 15 до 35, в полевых почвах — от 9 до 15, а в почвах поселений — только от 4,7 до 9,1. Это объясняется тем, что органические вещества в почвах поселений лучше минерализовались, чем в остальных почвах.

Морфологические, физические и химические свойства почвы, особенно постепенное увеличение в ней (в зависимости от степени окультуренности почвы) легкоусвояемого фосфора можно использовать в качестве руководящих признаков в поисках местонахождения древних поселений и городищ. Указания об этом имеются в работах К. Круминьш и Л. Веллесте.

При поисках древних поселений и городищ в исследованной местности производится систематическое зондирование почвы.

По свойствам отобранного буром почвенного профиля — строению почвы, толщине перегнойного слоя, цвету, археологическим антропогенным включениям, а также по актуальной реакции, содержанию карбонатов и легкоусвояемого фосфора можно уже на поле судить о степени окультуренности почвы.

Как отмечалось выше, окультуренный слой почвы не имеет равномерной структуры. Поэтому для химического анализа из почвенного бура надо взять такой образец почвы, морфологические признаки которого более всего отвечают признакам, характерным для почв древних поселений и городищ. В наиболее характерных местах исследуемой территории образцы почв надо брать чаще, чтобы более точно установить границы древних поселений и получить для химического анализа несколько параллельных образцов, по содержанию фосфора в которых можно увереннее судить о действительном местонахождении существовавших когда-то древних поселений и городищ.

Таким образом, в результате применения простых методов почвенного исследования можно в значительной мере ускорить и уточнить археологические полевые работы [4].

Благодаря проведенным в течение нескольких десятков лет почвенным исследованиям установлено, что в Латвийской ССР нет минералов, содержащих большое количество фосфора, которые могли бы затруднить уста-

---

[3] Нам нужно было получить общее представление о пределах колебания химических свойств образованной человеком почвы; если же анализировать только более характерные образцы почвы, то содержание фосфора в них будет больше приведенных в этой работе наименьших предельных цифр.

[4] Описываемые методы археологической полевой работы можно применять только в тех республиках и районах, где минералы, содержащие фосфор (фосфориты, апатиты, вивианиты), встречаются в незначительном количестве.

Наиболее характерные свойства (средние данные) перегнойного слоя (A_1) лесных, полевых и сильно окультуренных огородных почв, а также древних мест поселений и городищ

Свойства, характеризующие почву	Горизонт A_1 лесной почвы	Пахотный слой полевой почвы	Пахотный слой окультуренной огородной почвы	Почвы древних мест поселений	Почвы городищ
Мощность гумусового горизонта (в *см*)	15	22	50	60	110—500
Цвет	Светло-серый	Светло-серый	Желтовато-серый	Коричневато-темно-серый	Коричневато-темно-серый, коричневато-черный или серовато-черный
Включения антропогенного характера	Нет	Нет	Мало	Много	Очень много
pH/H_2O	4,89	6,02	6,68	7,06	>7,8
$pH/n\ KCl$	3,96	5,28	6,11	6,62	>7,2
$CaCO_3$ (в %)	Нет	Нет	Нет или имеется локально	Нет или имеется локально	0,10—9,64* 3,77
Гидролитическая кислотность в милиэкв. на 100 *г* почвы	6,2	4,4	3,7	3,0	<2,0
Сумма поглощенных оснований в милиэкв. на 100 *г* почвы (по Каппену)	2,0	6,0	13,0	18,9	>50,0
Содержание органического вещества (в %)	2,06	2,5	3,26	5,6	0,24—13,60 3,7
Подвижный калий (по Круминьшу) в *мг* K_2O на 100 *г* почвы	3,0	6,0	14,0	4,9	0,5—36,0* 7,4
Калий, растворимый в горячей 20-процентной соляной кислоте в % K_2O	0,043	0,121	0,216	0,109	0,020—0,288* 0,101
Фосфор, легко усвояемый растениями (по Эгнеру-Дениже) в *мг* P_2O_5 на 100 *г* почвы	6,0	5,0	29,0	80,5	133,0-1030,0* 334,0
Содержание легкоусвояемого растениями фосфора на *га* в однометровом слое P_2O_5 (в тоннах)	0,68	0,75	3,63	7,67	50,10
Фосфор, растворимый в горячей 20-процентной соляной кислоте в % P_2O_5	0,039	0,104	0,184	0,396	0,176—7,800* 1,387
Соотношение легкоусвояемого и растворимого в соляной кислоте фосфора	1 : 6,5	1 : 20,8	1 : 6,3	1 : 4,9	1 : 4,2

* В числителе—предельные, в знаменателе—средние числа.

новление мест древних поселений по указанному методу. Лишь в отдельных местах имеются небольшие отложения вивианита, обыкновенно залегающие под мощным слоем торфа, в низинах, где редко встречаются древние поселения.

Химический анализ почвы можно с успехом применять не только при поисках мест древних поселений, но и при уточнении деталей археологических раскопок. Вышесказанное хорошо иллюстрируют примеры из опыта Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР. Институт производит широкие археологические раскопки на Асотском городище

(Крустпилский район ЛатвССР). Толщина окультуренного слоя городища около 5,0 *м*. Верхний слой относится к XIII в., а самый нижний — к I тысячелетию до н. э. На глубине 4,0 *м* находится промежуточный слой без явных признаков пребывания на нем людей, что подтверждает также и химический анализ — содержание трудноусвояемого фосфора в этом слое достигает только 0,176% P_2O_5. Следует отметить, что на всем городище в слоях с признаками пребывания на них людей содержание легкоусвояемого растениями фосфора колеблется от 222 до 1030 *мг* P_2O_5 на 100 *г* почвы, а трудноусвояемого — от 0,325 до 7,8%.

В этом же городище на глубине 2,5 *м* найдена светлая зола со сравнительно большим содержанием легкоусвояемого (400,0 *мг* P_2O_5 на 100 *г* почвы) и растворимого в горячей соляной кислоте (1,84% P_2O_5) фосфора. Содержание же калия, растворимого в соляной кислоте, соответствует его количеству в легких супесчаных почвах (0,088% K_2O). Поэтому имеется предположение, что эта зола образовалась не только в результате сжигания растений. Это предположение частично подтверждает яма для жертвоприношения на Талсинском городище, в котором скопилось много древесной золы и где содержание калия составляет 0,528%, что, по сравнению с остальными проанализированными образцами из городища, надо считать очень высоким. Еще более ценные заключения можно сделать при анализе архаических металлических предметов и других объектов.

Используя данные других авторов, а также полученные результаты этой работы, можно сделать следующие выводы.

1. При исследовании широко распространенных в Латвийской ССР почв, образовавшихся на карбонатной суглинистой морене,— лесных, пахотных, окультуренных огородных и почв мест древних поселений и городищ — было установлено, что морфологические и химические свойства дерново-подзолистых почв в большой мере зависят от степени их окультуренности. Почвы мест древних поселений и городищ по своим свойствам сильно отличаются от остальных почв. Эти почвы характеризуются большой мощностью (от 0,5 до нескольких метров) и зернистой структурой; богатый гумусом перегнойный горизонт имеет характерную коричнево-серую, коричнево-черную или серовато-черную окраску. Обычно эти почвы содержат много включений антропогенного характера.

Нейтральный или слабощелочной гумусовый слой обладает характерными химическими свойствами: низкой гидролитической кислотностью, значительным количеством обменных оснований и, что особенно характерно, повышенным содержанием фосфора.

Почвы мест древних поселений содержат легкоусвояемого растениями фосфора приблизительно в 13 раз, а почвы древних городищ — в 60 раз больше, чем лесные и обыкновенные пахотные почвы. Фосфора, растворимого в горячей 20% соляной кислоте в почвах мест древних поселений в 10 раз, а в почвах древних городищ — в 34 раза больше, чем в гумусовых горизонтах лесных почв.

2. Характерный для этих почв признак — высокое содержание фосфора — легкоусвояемого и растворимого в горячей 20% соляной кислоте, можно использовать в археологических исследованиях при установлении мест древних поселений и городищ.

3. Характерные образцы почв изучаемой территории для морфологических и химических исследований берутся при помощи зондирования почвенным буром или из небольших ямок — прикопок, глубиной 40—50 *см*. В наиболее характерных местах зондирование почв надо проводить чаще, чтобы теснее установить границы распространения мест древних поселений и городищ.

4. Применяя простые скоростные методы почвенных исследований в археологических полевых работах для установления мест древних поселений, а также при уточнении деталей раскопок, можно сократить объем разведывательных археологических раскопок, ускорить и уточнить работу.

И. Л. ЗНАЧКО-ЯВОРСКИЙ, Я. Г. БЕЛИК, В. Т. ИЛЛИМИНСКАЯ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ И ВЯЖУЩИХ ВЕЩЕСТВ

Значение экспериментальных методов исследования в изучении истории науки, техники и материальной культуры

Письменные исторические источники очень мало сообщают нам о производстве и применении в прошлом цемента и его предшественников (гипсовых и известковых вяжущих веществ). Эти источники нуждаются в дополнении экспериментальным исследованием вещественных остатков строительных растворов. Такое исследование требует сотрудничества археолога и технолога — историка техники и экспериментатора. Экспериментальное изучение археологических находок, архитектурных памятников, материалов, продукции и отходов древних производств и других вещественных исторических источников является важнейшим и надежнейшим средством историко-технологического и археологического исследования.

Значение эксперимента в историческом исследовании возрастает в связи с многочисленными изменениями терминологии, самого значения или понятия слова, определяющего изучаемый предмет. Так, на долгом пути развития производства и применения цемента значение слова «цемент» под влиянием ряда причин (и в том числе изменения социально-экономических условий вообще и производительных сил в особенности) во всех языках претерпевало многочисленные изменения. На протяжении нашей эры слово «цемент» имело применительно только к строительным материалам минерального происхождения по крайней мере пять различных родовых значений, а именно: битый камень, гидравлические (пуццоланические, придающие водостойкость) и ускоряющие твердение добавки к извести, воздушные и гидравлические (водостойкие) известковые растворы [1], вяжущая (известково-пуццолановая) часть гидравлических растворов и, наконец, собственно цемент, или современные вяжущие вещества. Некоторые из этих значений или понятий сосуществовали на протяжении многих веков, а каждое из них охватывало многочисленные разновидности по составу. Последовательная эволюция значения этого слова привела от первоначально заложенной в нем идеи разъединения (лат. caedo, caedimentum, caementum — разбивать, битый камень) к противоположной идее — соединения, связывания (cement — вяжущее).

Поэтому для того чтобы говорить о цементе определенного времени, необходимо сначала установить значение этого слова, принятое в то время. Такая задача часто оказывается весьма сложной и может быть решена только путем лингвистического изыскания или экспериментального исследования. Пренебрежение же ею и неправильное, не обоснованное экспериментально или лингвистически современное истолкование слова семент, цемент и т. д. при изучении письменных источников прошлого может привести к ошибкам в изучении истории науки и техники.

---

[1] Также воздушные гипсовые и глиняные растворы.

Один из таких ошибочных выводов — о применении в петровское время наряду с известью также и цемента (более совершенного вяжущего вещества) — вошел в нашу историческую и химико-технологическую литературу. Однако проведенные нами экспериментальные исследования строительных растворов сооружений петровского и послепетровского Петербурга и изыскания лингвистического характера, а также дополнительные письменные источники XVIII в.[2] и архивные материалы, обнаруженные А. В. Коноровым[3], позволили установить следующее. Петровский «цемент» — это измельченные, иногда обожженные добавки, придававшие воздушной извести водостойкость и ускоряющие твердение и нарастание прочности воздушной и гидравлической извести (цемянка, глинит, карбонатные породы и т. д.). Эти добавки смешивали с известями — тогдашними вяжущими — при изготовлении строительных растворов.

Между тем методы экспериментального и лингвистического исследования в изучении истории науки, техники и материальной культуры, как правило, не применяются, а использование их в отдельных случаях носит чисто спорадический характер. Совершенно недостаточно пользуются методами точного исследования и археологи, располагающие неисчислимыми запасами интереснейших находок — объектов для экспериментального изучения.

В обширной археологической литературе самые разнообразные вяжущие вещества (а иногда и строительные растворы) различных времен обычно объединяются под малоговорящим термином «цемент». В то же время совершенно ясно, что раскрытие природы этого «цемента» очень важно прежде всего для самого археолога. В большой литературе по истории архитектуры и строительства сведения о вяжущих веществах приводятся в минимальной степени, а чаще отсутствуют, хотя значение строительных материалов, и особенно вяжущих, для развития архитектуры и строительного дела не вызывает сомнений.

Скудные сведения о древних вяжущих веществах, приводимые в той и другой литературе, чаще основаны на визуальной оценке. Отдельные же экспериментальные исследования древних растворов и вяжущих веществ выполняются без контакта с археологами и строителями, публикуются обычно в специальной химико-технологической литературе и часто остаются вне поля зрения и археолога, и строителя.

Всесторонние исследования растворов и вяжущих веществ прошлого имеют двоякое значение. Прежде всего, они выясняют состав, свойства, способы производства и применения древних вяжущих веществ и растворов, уточняют время возникновения и этапы развития их производства и применения, устанавливают преемственность строительных традиций и технологических приемов. Они же облегчают реставрацию и сохранение памятников культуры.

В то же время такие исследования содействуют уточнению теоретических представлений о процессах твердения и коррозии вяжущих веществ, что имеет отношение к проблеме долговечности бетонных и железобетонных сооружений и экономии цемента. В ряде случаев они позволяют непосредственно использовать проверенный временем опыт прошлого в современной строительной практике. В этом отношении представляют интерес, например, слоевые субструкции или так называемый ольвийский бетон, для монументального строительства на слабых грунтах, растворы для антисейсмического строительства в Средней Азии, растворы непревзойденных по долговечности древних морских гидротехнических сооружений, изумительные по воздухостойкости растворы и штукатурки наземных строений и т. д.

---

[2] Должность Архитектурной Экспедиции. Трактат — кодекс 1737—1740 гг. Архитектурный Архив, 1, М., 1946.

[3] ЦГИА ВМФ, ф. 3, оп. 2, д. 1075, «Годовое правление Шлиссельбургской крепости за 1792 год».

Важное значение экспериментального метода в историческом исследовании видно на ряде примеров. Так, экспериментальным путем было установлено применение в древнем Египте до периода Птоломеев только гипсового вяжущего и отодвинуто на 2500 лет вперед использование известкового вяжущего [4]; начало применения андернахского трасса (гидравлическая добавка), наряду с цемянкой, в строительных растворах на территории Германии было точно датировано началом нашей эры [5], а производство стекла (и огнеупоров) и поташа на Руси — не XVII и XV вв., а XI в. [6]. Удалось выяснить полное соответствие гранулометрического состава заполнителей римского бетона I в. н. э. в Германии и Румынии применяемым ныне графикам рекомендуемого состава заполнителей современного бетона [7]. Большое значение имеют экспериментальные работы Б. А. Колчина по черной металлургии и металлообработке в древней Руси [8] и П. М. Лукьянова по древним краскам [9].

Некоторые итоги экспериментального исследования строительных растворов и вяжущих веществ Ольвии

Авторами настоящей статьи под руководством И. Л. Значко-Яворского проводится комплексное химическое, петрографо-минералогическое и физико-механическое исследование древних растворов и вяжущих веществ из различных районов страны.

Первым объектом систематического изучения являются растворы, взятые из сооружений Крыма. На местах при участии археологов отобраны 120 проб и выяснены условия службы растворов греческих, римских, скифских, генуэзских, византийских, армянских, турецких, татарских, славянских и других сооружений от VI в. до н. э. до XVIII в. н. э. Отобраны и исследуются растворы и некоторых других районов.

Экспериментальная работа была начата с исследования образцов растворов периода V в. до н. э.— первых веков нашей эры из Ольвии. Образцы отобраны во время раскопок, произведенных Ольвийской экспедицией (рук. Е. И. Леви, А. Н. Карасев). Они характеризуют одну из древнейших традиций строительства и техники строительных материалов Северо-Западного Причерноморья. Исследованы шесть образцов растворов различных сооружений, находившихся на территории сел. Козырки (в 10 *км* к северу от Ольвии, образец № 1) и на огражденном священном участке ольвийской агоры (образцы №№ 2—6).

Образец № 1 (лаб. № 296). Внутренняя штукатурка здания, возможно колумбария, первых веков нашей эры.

Образец № 2 (лаб. №№ 295, 295а). Раствор типа бетона из площадки алтаря для жертвенных возлияний V в. до н. э.

Образец № 3 (лаб. №№ 324, 324а, 325, 325а). Растворы тела и внутренней обмазки огромной цистерны IV в. до н. э., заглубленной в материковом грунте (рис. 1). Диаметр в верхней и нижней части

---

[4] Это открытие стало возможным только с учетом геологических условий залегания местного сырья. A. Lucas. Ancient Egyptian Materialis and Industries. London, 1948.

[5] K. Biehl. Beiträge zur Kenntnis alter Römer-Mörtel. Tonindustrie-Zeitung, 1927, № 10, стр. 139—143, 1928, № 19, стр. 346—348, 1929, № 22, стр. 449—451.

[6] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1958.

[7] R. Grün. Zusammensetzung und Beständigkeit von 1850 Jahre altem Beton. Angewandte Chemie, 1935, № 7, стр. 124—127; S. C. Solacolu. Téchnologie des matériaux. Considérations sur la technique du ciment et du béton chez les Romains. Étude du béton du pont de Trajan sur le Danube. Extrait du Bulletin de Mathématiques et de Physique. Bucarest, 1936, № 1, стр. 1—17.

[8] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953.

[9] П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России. Т. IV. История производства красок. М., 1955.

цистерны составляет 1,5 и 4 *м*, сохранившаяся глубина достигает 8 *м*. Служившая для хранения воды цистерна в дальнейшем использовалась для сброса культовых предметов (терракоты, формы, букрании).

Образец № 4 (лаб. № 368). Внутренняя окрашенная штукатурка каменной стены общественного или культового здания V в. до н. э.

Образец № 5 (лаб. № 369). Внутренняя окрашенная штукатурка кирпичной сырцовой стены здания того же назначения IV в. до н. э.

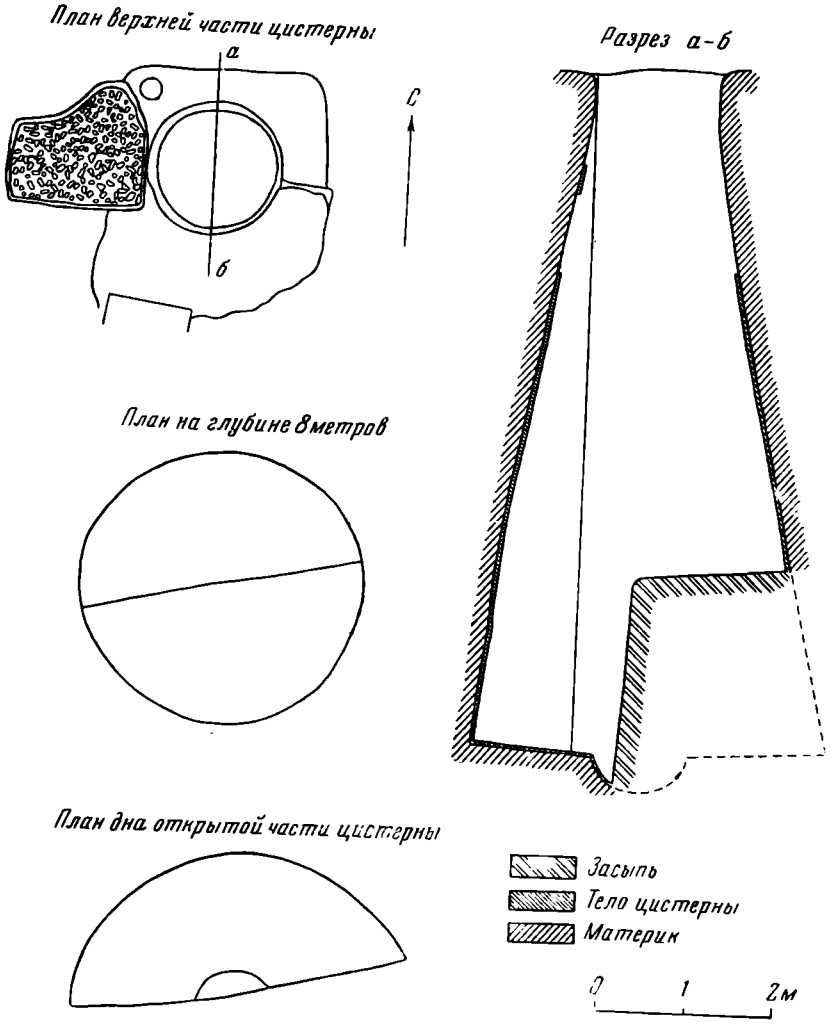

Рис. 1. Цистерна на агоре

Образец № 6 (лаб. №№ 370, 370а). Наружная окрашенная штукатурка кирпичной сырцовой стены здания того же назначения и времени.

Исследование древних строительных растворов — многокомпонентных систем разнообразного и неравномерного состава, зависящего от многих, часто не поддающихся учету факторов,— значительно осложняется отсутствием общепринятой деталированной методики. В то же время единообразная методика является обязательным условием для сопоставления результатов работы и выводов разных исследователей. Надежность принятой нами методики и достоверность основанных на ней выводов проверены параллельным исследованием соответствующих материалов заведомо известной характеристики. Она явилась дальнейшим развитием методики, примененной В. Н. Юнгом при исследовании древнерусских растворов [10].

[10] В. Н. Юнг. Основы технологии вяжущих веществ. М., 1951, стр. 12—15.

Таблица 1

Химический состав отвердевшего вяжущего вещества (извести) ольвийских растворов* и содержание нерастворимого остатка отвердевшей вяжущей (известково-пуццолановой) их части**

Лаб. №	Исходный образец	Потеря при прокаливании		SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	SO_3	Сумма	Нерастворимый остаток, прокал. при 850°
		500°	900°								
296	Внутренняя штукатурка колумбария	4,43	41,20	0,54	0,69	0,19	50,99	0,51	1,43	99,98	7,78
295	Площадка алтаря для возлияний	4,74	41,02	0,36	0,72	0,27	50,56	1,63	0,69	99,99	15,66
295а	То же, крупные включения	2,86	42,28	0,37	0,62	0,39	51,86	1,31	0,29	99,98	19,52
324	Внутренняя обмазка цистерны	26,02	20,62	1,26	9,59	3,51	34,25	3,83	0,94	100,02	76,33
325	Основной средний слой тела цистерны	4,28	40,37	0,53	1,45	0,53	51,66	0,73	0,48	100,03	19,72 нерастворимый остаток, высушен. при 105°
368	Внутренняя штукатурка каменной стены	4,09	41,53	0,57	0,82	0,46	51,38	1,00	0,31	100,13	22,61
369	Внутренняя штукатурка сырцовой стены	3,54	41,83	0,72	1,17	0,50	51,02	0,73	0,44	99,95	40,91
370	Наружная штукатурка сырцовой стены	2,26	41,32	0,39	0,44	0,32	52,51	1,85	0,91	100,00	38,48

* %% на сухое вещество растворимой в 5% HCl части пробы.
** %% на сухое вещество подготовленной пробы, отделенной от заполнителей.

Химическая характеристика растворов Ольвии

Химический состав отвердевшего вяжущего вещества (карбонизированной извести и исходного известняка) растворов, а также содержание нерастворимого остатка в отвердевшей вяжущей (известково-пуццолановой) части растворов приведены в табл. 1. Эти же данные приведены и для крупных включений (заполнителей) раствора № 2 площадки алтаря. Очень сходный, практически совпадающий состав вяжущего вещества этого раствора и его заполнителей характеризует карбонатную природу последних и одно и то же происхождение известняка, использованного древними строителями Ольвии в качестве сырья для обжига извести и как заполнителя.

Для оценки исходных известей по химическому составу, извести классифицированы по модулям — гидравлическому или основному $M_0 = \frac{\%CaO}{\%SiO_2 + \%R_2O_3}$ и известково-магнезиальному $M_{и\text{-}м} = \frac{\%CaO}{\%MgO}$, а также отнесены к виду и сорту по содержанию MgO и (CaO + MgO) в прокаленном веществе по стандарту на строительную воздушную известь ГОСТ 1174-51. По этим данным, в четырех из пяти растворов наземных сооружений, предназначенных для службы в воздушных условиях (№№ 1, 2, 4, 6), применена маломагнезиальная жирная воздушная известь 1-го сорта. Один из этих растворов (№ 5) изготовлен на тощей (промежуточной между жирной воздушной и гидравлической) маломагнезиальной воздушной извести 1-го сорта.

Что же касается подземной цистерны, предназначавшейся для хранения воды (образец № 3), то раствор основного среднего слоя тела цистерны изготовлен на тощей маломагнезиальной воздушной извести 1-го сорта. Состав же вяжущего вещества раствора внутренней обмазки, соприкасавшейся с водой, соответствует характеристике сильно гидравлической магнезиальной извести. С этим согласуется и наибольшее, резко выделяющееся содержание в нерастворимом остатке вяжущей части

Таблица 2

Химический состав нерастворимого остатка отвердевшей вяжущей части отдельных ольвийских растворов (%%)

Лаб. №	Исходный образец	Содержание нерастворимого остатка в вяжущей части	SiO_2	Al_2O_3	TiO_2	Fe_2O_3	CaO	MgO	SO_3	R_2O	Сумма
324а	Внутренняя обмазка цистерны	76,33	82,36	8,91	1,41	2,36	1,00	1,16	0,55	2,16	100,36
325а	Основной средний слой тела цистерны	19,72	82,63	6,67	0,38	0,57	0,60	0,55	0,55	7,30	99,25
370а	Наружная штукатурка сырцовой стены	38,48	93,51	1,80	0,21	0,46	0,81	0,24	0,41	2,21	99,65

раствора [11] обмазки (и в меньшей мере — основного тела) цистерны окиси магния, а также и полуторных окислов, характерных для глинистой части, придающей извести гидравличность (табл. 2).

[11] В таком остатке в общем случае могут находиться оставшиеся при отделении заполнителей тонкие зерна песка, не усвоенная при обжиге сырья глинистая его часть и не связанная при твердении раствора гидравлическая добавка. В значительной мере здесь остаются и щелочи.

Установлено отсутствие во всех растворах свободного гидрата окиси кальция и наличие в них (за исключением раствора обмазки цистерны) сохранившихся некарбонизированных гидросиликатов и гидроалюминатов кальция.

Петрографо-минералогическая характеристика ольвийских растворов

Образец № 1 (штукатурка колумбария, плотная разновидность). Прочная светло-серая, с желтоватым оттенком, камневидная мелкозернистая карбонатная масса с многочисленными желтовато-розовыми угловато-округлыми зернами измельченной слабо обожженной цемянки.

В шлифах обнаруживается пелитоморфная, местами порфировидная структура, а в основной тонкозернистой карбонатной массе — включения зерен заполнителей — цемянки, кварца, полевых шпатов, халцедона и обломки раковин макрофауны и оолитового известняка (рис. 2, *1—5*). Зерна цемянки, а особенно явно — кварца и полевых шпатов,— окружены каемками, часто зонального строения (рис. 2, *2, 3*). При этом зерна, обычно неизмененные внутри, в наружной части обнаруживают снижение двупреломления и нередко становятся изотропными с показателем преломления, как у опала. На контакте периферической их части с карбонатной массой наблюдается слабополяризующая кайма мелкоагрегатного строения с показателем преломления, характерным для халцедона. Подобный халцедоновый ореол особенно хорошо виден вокруг зерен цемянки (рис. 2, *4*).

Зональное строение у периферической части зерен-заполнителей обусловлено новообразованиями — продуктами взаимодействия гидрата окиси кальция с веществом заполнителей [12] и последующей их карбонизации. Продукты указанного взаимодействия (гидратные силикаты и алюминаты кальция и др.) и остаточный свободный гидрат окиси кальция $Ca(OH)_2$ — структурно-прочностные компоненты твердеющего раствора — в дальнейшем под действием углекислого газа CO_2 воздуха подвергаются карбонизации с образованием кристаллизующегося карбоната кальция $CaCO_3$ и выделением аморфного водного кремнезема $SiO_2 \cdot aq$. Последний — изотропное гелеобразное вещество характера опала, обезвоживаясь, постепенно переходит в кристаллический халцедон, окаймляющий зерна заполнителя.

В прямой связи с изложенным находится следующий факт. После нахождения обломков образца в среде пятипроцентной соляной кислоты до прекращения вскипания первоначальная форма обломков остается неизменной, и частично сохраняется прочность образца. Это свидетельствует о том, что прочность длительно твердевшего раствора, по-видимому, определяется не только кристаллизующимися и растворимыми в соляной кислоте гидратом окиси кальция, карбонатом кальция и гидросиликатом кальция $x \cdot CaO \cdot SiO_2 \cdot aq$, но также нерастворимым в кислоте аморфным водным кремнеземом. Сочетание всех (кроме $Ca(OH)_2$) перечисленных новообразований обусловило высокую в данном случае прочность образца № 1 (76,3—82,7 *кг/см*^{2}). Сохранение же образцом остаточной прочности после обработки его соляной кислотой, вероятно, полностью обязано гелю кремневой кислоты [13].

Отвердевший раствор образца № 1 состоит из вяжущей части — в основном тонкозернистого карбоната кальция — и заполнителей. Последние включают примерно 67—83% цемянки с зернами 0,05—0,2 *мм*, изредка до 1 *мм*, 17—27% кварцево-полевошпатового компонента с зернами 0,1—0,2 *мм* и 7—10% обломков и створок раковин макрофауны

[12] Также гидравлической добавки и неусвоенной при обжиге глинистой части извести, изготовленной из загрязненного глинистыми примесями известняка.

[13] Как показано далее, выделение кремнекислоты из гидросиликата в определенных условиях может иметь и отрицательное значение для прочности твердеющего раствора.

(карбонатный заполнитель). Установленное микроскопически в шлифах соотношение между вяжущей частью и заполнителями отвердевшего раствора приводит к примерному объемному составу исходного раствора 1 : 0,4 (известковое тесто : заполнители).

Образец № 2 (раствор типа бетона из площадки алтаря для жертвенных возлияний).

Вяжущая часть раствора (лаб. № 295) представлена карбонатным материалом. Нерастворимый ее остаток — серая, рыхлая, полевошпатово-кварцево-глинистая масса — является нерастворимой примесью исходного известняка для обжига извести.

Крупный заполнитель величиной более 5 *мм* (лаб. № 295а) представляет собой продолговатые, окатанные, галечные обломки ракушечника и органогенного, частично перекристаллизованного известняка, окрашенных гидроокислами железа (лимонит) в желтоватый (до оранжевого) цвет. Встречающиеся красноватые в изломе гальки — продукт неполного обжига известняка (недожог), обогащенного гидроокислами железа, перешедшими при обжиге в гематит. Нерастворимый остаток заполнителей по минералогическому характеру и происхождению аналогичен остатку вяжущей части раствора. Более мелкие заполнители, размерами 1—5 *мм* и 0,1—1 *мм*, представляют собой измельченную часть того же материала.

Сырьем для извести служили те же третичные известняки, разрушение которых привело к образованию гравелисто-галечникового материала заполнителей, накапливавшегося в прибрежной зоне Бугского лимана. Раковины-заполнители представлены обломками створок различных кардид (пелециpод), реже — гастропод — неизбежный компонент прибрежного морского песчано-гравелистого материала. Красная корочка, отчасти сохранившаяся на поверхности площадки алтаря, содержит железистый пигмент состава, свойственного природным красителям типа мумии.

Таким образом, отвердевший раствор (бетон) образца № 2 состоит из вяжущей карбонатной части — продукта твердения исходной извести и карбонатных же заполнителей с распределением последних по фракциям: крупнее 5 *мм* — 40%, 1—5 *мм* — 32%, 0,1—1 *мм* — 25% и раковины — 3%. Примерный состав исходного раствора 1 : 3.

Образец № 3 (растворы цистерны). Трехслойный образец состоит из двухслойного элемента тела цистерны и примыкающего к нему куска материкового грунта.

Первый, внутренний слой (лаб. № 324) — тонкозернистая обмазка толщиной 3—4 *мм*, придававшая основному среднему крупнозернистому слою тела цистерны более плотную, гладкую поверхность, менее проницаемую для воды. Светло-серая, с палевым оттенком, известково-песчано-глинистая, иногда с чешуйками слюды, масса обмазки легко рассыпается под давлением пальцев. После обработки пятипроцентной соляной кислотой она теряет связность и первоначальную форму. В обмазке преобладает кварц, зерна которого окружены каймой со слабым двупреломлением, с поверхности подвержены аморфизации, а часто сочленены гелем кремнекислоты. Нерастворимый остаток (лаб. № 324а) обмазки является тонкозернистым глинистым песком и содержит также 5—7% геля кремневой кислоты.

Второй, средний слой, основное тело цистерны (лаб. № 325) толщиной 10—15 *мм*, является светло-серой камневидной пористой массой, сложенной мелкозернистым кальцитом и грубозернистой песчано-гравелистой фракцией. После обработки соляной кислотой образец сохраняет первоначальную форму и остаточную прочность. В тонких шлифах образца видна псаммитовая равномернозернистая структура (рис. 2, *6*, 7). Мелкозернистый углекислый кальций имеет характер контактового, местами базального цемента. Заполнители — угловатые зерна дробленого кварца

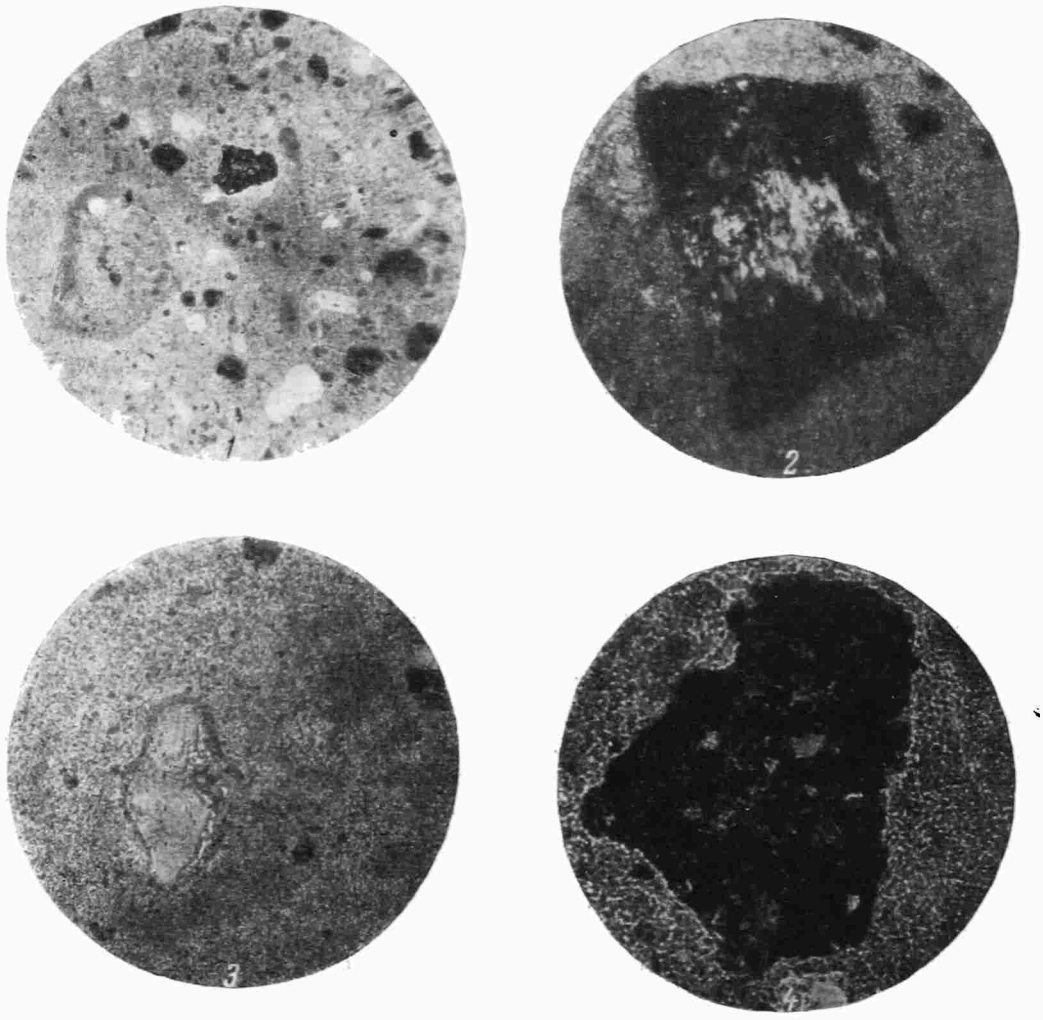

Рис. 2

1 — общий вид микроструктуры штукатурки колумбария: серое — основная мелкозернистая масса кальцита, белое овально-круглое — поры, белое угловатое—кварц, темно-серое и темное — цемянка (увел. в 22 раза, без анализатора); *2* — штукатурка колумбария, зерно полевого шпата в основной кальцитной массе (увел. в 125 раз, при скрещ. николях); *3*— штукатурка колумбария, зерно кварца с каймами новообразований в основной массе (увел. в 125 раз, без анализатора); *4*—штукатурка колумбария, обломок цемянки в основной массе, внутри белые включения — кварц (увел. в 135 раз, без анализатора)

и полевых шпатов, обломки песчаника, яшмы, оолитового, мраморовидного известняков и раковин кардид (размерами 0,2—4 *мм*, редко больше при средних размерах 1,5—2,5 *мм*). Примерный состав исходного раствора тела цистерны 1 : 1,5.

Третий, наружный слой грунта толщиной 5—7 *мм*, примыкающий к телу цистерны, представляет собой светло-желтый, лёссовидный суглинок, при устройстве цистерны пропитанный гидратом окиси кальция и в дальнейшем упроченный и скрепленный с основным средним слоем цистерны новообразованиями от взаимодействия $Ca(OH)_2$ с грунтом ($x \cdot CaO \cdot SiO_2 \cdot aq \rightarrow CaCO_3$ и $SiO_2 \cdot aq$).

Образец № 4 (внутренняя штукатурка каменной стены).

Камневидный конгломерат светло-серого, с желтоватым оттенком, цвета, толщиной около 20 *мм*, составлен из песчано-гравелистой массы крупных и мелких зерен-заполнителей, погруженных в тонкозернистую массу кальцита. С наружной, лицевой поверхности покрыт тонким, около 0,2 *мм*, слоем минерального, типа мумии красителя красного (почти малинового, как у киновари) цвета и отполирован. На окрашенной поверхности образца наблюдаются пришлифованные зерна крупнозернистого гравелистого заполнителя, лишенные окраски, — следствие втирания

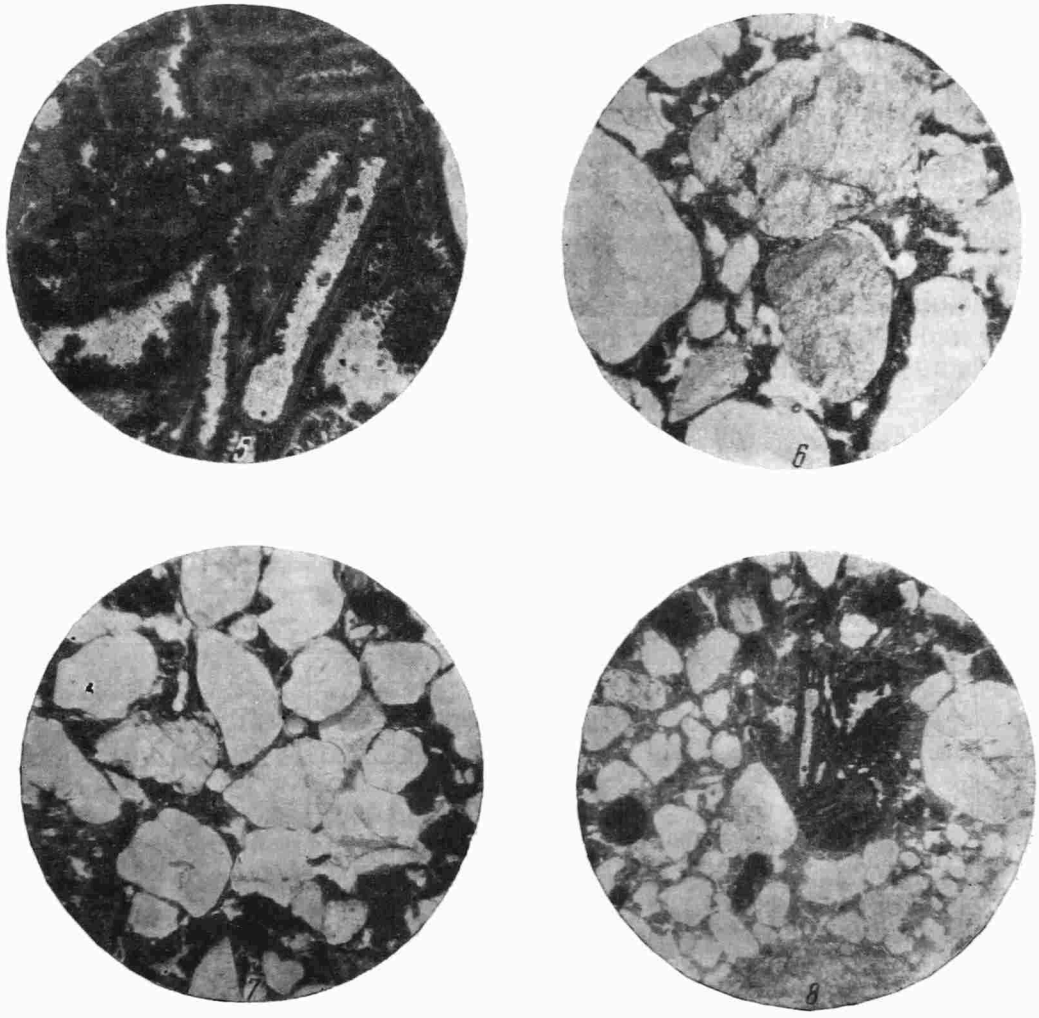

Рис. 2 (продолжение)

5 — штукатурка колумбария, обломок оолитового известняка в основной массе (увел. в 22 раза, при скрещ. ник.); *6* — общий вид микроструктуры тела цистерны: серое со штрихами — полевой шпат, белое — кварц, темное—основная масса кальцита (увел. в 15 раз, без анализатора); *7* — общий вид микроструктуры тела цистерны, заполнитель полевошпатово-кварцевый (увел. в 15 раз, без анализатора); *8* — общий вид микроструктуры внутренней штукатурки каменной стены, заполнители: белое — зерна кварца, темное и серое — обломки оолитового и кристаллического известняков (увел. в 15 раз, без анализатора)

краски каким-то каменным орудием. Темные пятна на красной поверхности являются следами действия огня.

По микроструктуре (рис. 2, *8*), характеру связующей массы и заполнителей, взаимодействию гидрата окиси кальция с последними данный раствор в общем подобен раствору тела цистерны. Примесь в исходном сырье глинистого вещества, составляющего 15—20% нерастворимого остатка вяжущей части данного раствора, положительно влияет на его прочность. Исходный состав раствора штукатурки № 4, подобно составу раствора № 3 тела цистерны, около 1 : 1,5.

Образец № 5 (внутренняя штукатурка сырцовой кирпичной стены).

Этот раствор очень сходен с предыдущим раствором образца № 4. С внутренней стороны образца, примыкающей к сырцовому кирпичу, наблюдаются отпечатки растительных остатков типа соломы,— по-видимому, следствие изготовления сырца с примесью соломы или сухой травы. Состав исходного раствора, как и у образца № 4, — 1 : 1,5.

Образец № 6 (наружная штукатурка сырцовой кирпичной стены). В отличие от образцов №№ 4—5 внутренних штукатурок, эта штукатурка имеет значительно меньшую толщину (около 7 *мм*), окрашена в красный

цвет малой интенсивности, без полировки, носит поверхностные следы атмосферных влияний (щербинки). Раствор значительно менее прочен, чем оба предыдущих, вследствие менее благоприятных условий службы и наименьшего содержания вяжущего вещества. Исходный состав раствора № 6 и № 2 — 1 : 3.

При изучении ольвийских растворов под микроскопом ни разу не были обнаружены сульфаты в виде кристаллов или обломков их. Гипс не вводился строителями в исходную шихту, а наличие 0,21—1,30% серного ангидрида SO_3 в вяжущей части растворов — следствие природного загрязнения сырья небольшим количеством гипса, или сульфидов (например, железный колчедан или пирит), постепенно окислившихся в сульфат в качестве вторичного продукта.

Физические и физико-механические свойства растворов Ольвии

Физические свойства и прочность некоторых из ольвийских растворов приведены в табл. 3.

Таблица 3

Лаб. №	Образец	Объемный вес (г/см³)	Водопоглощение (в %)	Пористость (в %)	Прочность на сжатие (кг/см²)	Размеры образца (в мм)	Исходное отношение вяжущего к заполнителям
296	Внутренняя штукатурка колумбария (плотная разновидность)	1,49	20,2	30,3	76,3	14,5×13,1×14,5	1 : 0,4
		1,50	20,5	30,7	82,7	17,9×20,7×18,6	
368	Внутренняя штукатурка каменной стены	1,92	11,2	21,7	15,4	26,4×16,7×21,6	1 : 1,5
369	Внутренняя штукатурка сырцовой стены	2,00	10,2	20,4	15,7	То же	1 : 1,5
		1,95	11,2	21,9	23,7	22,5×23,8×17,5	

Сопоставление показателей прочности по табл. 3 с марками, т. е. прочностью в *кг/см²* на сжатие кубов 7 × 7 × 7 *см* из раствора пластичной консистенции 28-суточного возраста современных известковых растворов 1 : 2—1 : 4 и портландцементных растворов 1 : 3—2, 4, 10, 25, 50, и в особых случаях 100 — характеризует сравнительно высокую прочность ольвийских растворов.

Некоторые выводы по растворам Ольвии

Для изготовления всех пяти растворов наземных сооружений в качестве вяжущего вещества применена маломагнезиальная воздушная известь — в четырех случаях жирная и в одном тощая. Раствор основного тела подземной водяной цистерны также изготовлен на маломагнезиальной тощей воздушной извести. Состав же вяжущего вещества раствора внутренней, соприкасавшейся с водой, обмазки цистерны характеризует его как сильно гидравлическую известь. По содержанию окиси магния она относится к магнезиальным известям, дающим более твердую поверхность обмазок и штукатурок, чем маломагнезиальные (и гидравлические, и воздушные) извести. Это обстоятельство, подтвержденное исследованием растворов других, явно гидротехнических сооружений, является основанием для того, чтобы относить начало сознательного приме-

нения гидравлической извести к V в. до н. э.[14]. До сих пор общепринятой датой этого нововведения в строительном деле считался XVIII в. н. э.

Состав новообразований при длительном твердении растворов свидетельствует о завершении первичных физико-химических процессов твердения и о продолжении до сих пор последующих процессов взаимодействия первичных новообразований с углекислым газом воздуха.

Установлено применение карбонатных заполнителей — обломков известняков и раковин,— представляющих собой всю минеральную составляющую для приготовления известково-карбонатного раствора (бетона) в V в. до н. э. (площадка алтаря). Это имеет весьма существенное значение. По словам В. Н. Юнга, открывшего при исследовании древнерусских растворов известково-карбонатные растворы XII и XVII вв., «эти весьма качественные растворы, нигде ранее не описанные, представляют особенный интерес». Далее он пишет: «Можно утверждать, что приоритет изобретения и успешного применения известково-карбонатных растворов принадлежит русским мастерам XII в...»[15]. Эффективность и теоретическое обоснование этого и по современным представлениям прогрессивного строительного приема установлены только в наше время.

Значительная прочность и сохранность ольвийских растворов, в течение почти двух с половиной тысячелетий находившихся в гипергенной зоне, свидетельствует об их воздухоустойчивости. Представляется, что важнейшие предпосылки для этого заключаются в составе раствора и его вяжущей (известково-пуццолановой) части, а также во взаимодействии вяжущего вещества с заполнителями при длительном твердении раствора.

Карбонизация гидросиликата кальция — одного из первичных новообразований — приводит к разложению этого структурно-прочностного компонента твердеющего раствора и обычно рассматривается как разрушительный процесс. Однако образование карбоната кальция при этом процессе содействует прочности продолжающего твердеть раствора, выделение же из гидросиликата кремнекислоты, по-видимому, может иметь двоякое значение. При малом содержании извести в известково-пуццолановом вяжущем веществе этот процесс в связи с относительно быстрым образованием гидросиликатов кальция протекает в рыхлой, пористой, еще не окрепшей за счет образования кристаллических сростков $Ca(OH)_2$ и $CaCO_3$ массе раствора и влечет к уменьшению, а иногда и к потере ее связности и прочности.

Напротив, при значительном преобладании извести над пуццоланической добавкой углекислый газ воздуха первоначально реагирует со свободным гидратом окиси кальция, образуя карбонат кальция, уплотняющий и укрепляющий раствор и замедляющий дальнейшую карбонизацию во внутренней его части. Последующее замедленное выделение геля кремнекислоты способствует дальнейшему твердению и нарастанию прочности воздушного раствора.

Прочность и воздухоустойчивость ольвийских растворов, пять из которых не содержат пуццоланической добавки (цемянки), в определенной мере обусловлены взаимодействием гидрата окиси кальция с веществом кремнеземистых заполнителей и последующей карбонизацией образующихся при этом гидросиликатов кальция.

Соотношение между сухой гашеной известью и гидравлической добавкой — цемянкой в растворе № 1 и очень мелким, сильно корродированным известью песком в растворах № 4, 5, 6 (1 : 0,4 — 1 : 0,5) соответ-

---

[14] Это положение подтверждено исследованиями растворов цистерн греческих виноделен III—I вв. до н. э. на Боспоре, римских рыбозасолочных ванн первых веков нашей эры Херсонеса и римских терм I—II вв. Харакса. Здесь установлено раздельное, с явным учетом условий службы растворов, использование гидравлической и воздушной известей.

[15] В. Н. Юнг. Ук. соч., стр. 15 и 25.

ствует установленному Б. С. Лысиным и Ю. Е. Корниловичем для пяти известково-цемяночных растворов киевских сооружений XI в. (1 : 0,4—1 :0,6) [16]. Таким образом, наши результаты подтверждают вывод названных авторов о том, что основным фактором долговечности и воздухоустойчивости древних строительных растворов является повышенное количество гашеной извести, превышающее содержание гидравлической добавки. Современные воздушные растворы, изготовляемые на известково-пуццолановых (особенно известково-глинитных) цементах с 10—30% извести, невоздухоустойчивы.

Ольвийские растворы относятся к жирным и очень жирным растворам с объемным соотношением между известковым тестом и заполнителями порядка 1 : 3 (№№ 2 и 6), 1 : 1,5 (№№ 3, 4, 5) и даже 1 : 0,4—1 : 0,1 (№ 1). Подобные растворы широко известны для многочисленных сооружений последующего времени в разных странах. Современные кладочные известковые растворы имеют состав 1 : 4 — 1 : 2 и штукатурные — 1 : 3—1 : 1,5.

Основной слой тела цистерны, плотно скрепленный с примыкающим слоем лёссовидного суглинка, усиленного новообразованиями, достаточно прочен для долговременного хранения сухих материалов. Однако материал его весьма пористый (~20%), довольно легко фильтрует воду при обычном давлении и при увлажнении в значительной мере теряет связность. Более плотная и мелкозернистая обмазка обладает значительно меньшей фильтрующей способностью, но и она в сохранившемся слое не может служить экраном для воды. Просачивание же воды через стены цистерны должно вызывать просадку увлажняемого лёссовидного суглинка, ведущую к деформациям сооружения. Это согласуется с представлениями археологов о том, что цистерна неудовлетворительно выполняла первоначальную функцию водохранилища и в дальнейшем была использована для сброса культовых предметов.

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что экспериментальные исследования строительных растворов и вяжущих веществ сооружений прошлого имеют неоценимое значение как для археологии и исторической науки, так и для истории и современной теории и практики производства и применения цемента. Они должны проводиться планомерно и регулярно при постоянном сотрудничестве археологов и технологов и с полным учетом условий службы растворов в сооружениях.

Результаты экспериментального изучения древних растворов являются предпосылкой для постановки специальных теоретических исследований с целью достижения долговечности современных растворов и бетонов. В частности, необходимы углубленное изучение процессов взаимодействия углекислого газа и гидросиликатов (гидроалюминатов) кальция и дальнейшее экспериментальное уточнение теории твердения и коррозии вяжущих веществ, до сих пор не получившей исчерпывающей разработки. Такие исследования направлены к разрешению самых важных для современного строительства проблем долговечности бетонных и железобетонных сооружений и экономии цемента.

Необходимо широкое внедрение экспериментальных методов в практику разнообразных исторических исследований с координированием методики и плана работ отдельных учреждений и исследователей.

Совместное исследование вещественных исторических источников комплексными группами специалистов различных отраслей с использованием новейших методов исследования должно сыграть важнейшую роль при изучении истории различных отраслей науки, техники и материальной культуры. Опыт прошлого должен быть использован в практике настоящего и будущего.

[16] Б. С. Лысин и Ю. Е. Корнилович. Исследование древних киевских строительных растворов. Сборник научных работ по химии и технологии силикатов. М., 1956, стр. 89—94.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЕФИМЕНКО

(К 75-летию со дня рождения)

9 ноября 1959 г. исполняется 75 лет со дня рождения академика АН УССР Петра Петровича Ефименко.

В 1906 г. П. П. Ефименко перешел из Харьковского в Петербургский университет с горячим желанием посвятить себя изучению доисторической археологии. Поступив на физико-математический факультет, П. П. Ефименко с отличием окончил его по естественному отделению по специальности «доисторическая археология» и в качестве поощрения был направлен в кругосветное путешествие. П. П. Ефименко был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Постоянно общаясь с выдающимися учеными Ф. К. Волковым, В. А. Городцовым, А. А. Спицыным, Д. И. Анучиным, П. П. Ефименко осваивал лучшие традиции русской археологической школы. Однако уже с первых же шагов своей научной деятельности Петр Петрович пошел своими исследовательскими путями в поисках новых аспектов в изучении первобытного прошлого человечества. Петр Петрович даже в ранних своих работах выступает как большой знаток фактов, умелый и зоркий исследователь, способный и к скрупулезным наблюдениям, и к обобщению.

Подлинное раскрытие таланта Петра Петровича произошло после Великой Октябрьской социалистической революции. С 1917 г. начинается очень яркая и многогранная деятельность П. П. Ефименко сначала в Москве, а затем в Ленинграде. Он участвует во многих мероприятиях по организации и перестройке центральных музеев, настойчиво трудится над объединением коллектива археологов-первобытников, ведет преподавательскую работу и руководит молодыми научными работниками.

Творческая разработка труднейших проблем палеолита, примененные им оригинальные методы исследования, сочетаемые с глубиной и широтой изучения исторических явлений, поставили П. П. Ефименко в число ведущих специалистов. Имя Петра Петровича, автора фундаментальных трудов «Первобытное общество» и «Костенки I» и множества принципиально важных статей, широко известно в СССР и за границей. П. П. Ефименко является почетным членом ряда зарубежных археологических учреждений, в том числе Лондонского Королевского Антропологического Института, и почетным членом Международного Союза доисториков.

Роль П. П. Ефименко в изучении ранних эпох каменного века общеизвестна. Не менее известны его исследования по ранним славянам Подонья. Свое место должен занять в истории нашей науки и блестяще разработанный Петром Петровичем метод исторического анализа могильников массового типа — на материалах дославянского населения Оки.

Советские археологи с чувством глубокого уважения, признательности и благодарности поздравляют П. П. Ефименко.

ПУБЛИКАЦИИ

В. И. МАТЮЩЕНКО

К ВОПРОСУ О БРОНЗОВОМ ВЕКЕ В НИЗОВЬЯХ р. ТОМИ

В результате раскопок Томского могильника, произведенных А. В. Адриановым [1], и дальнейшего исследования этих материалов М. Н. Комаровой [2] впервые удалось установить наличие памятников андроновского времени в низовьях р. Томи. М. Н. Комарова на основании выделенных ею 12 погребений Томского могильника охарактеризовала андроновское время в низовьях р. Томи, восстановив в общих чертах хозяйственный и общественный строй населения того времени. Для более широких выводов материал, которым она располагала, был недостаточен. Упоминания о памятниках андроновского времени в низовьях Томи есть также у А. П. Дульзона [3]; однако он только указывает на наличие памятников. Некоторые материалы по Самусьской стоянке приводит в своей работе Н. Л. Членова [4], датируя эту стоянку андроновским временем. Но и эти материалы чрезвычайно ограничены и не позволяют по-настоящему широко решать вопросы истории томских племен эпохи раннего металла. Таким образом, до настоящего времени эпоха ранней бронзы в нижнем течении Томи остается почти не изученной.

В последние годы мною проведены исследования некоторых археологических памятников интересующего нас времени. Так, в 1953—1954 гг. в пос. Самусь была частично раскопана стоянка на ул. Стахановца (Самусь III) [5], где был собран некоторый вещественный материал, относящийся к эпохе бронзы. В 1954—1957 гг. экспедиция Музея истории материальной культуры Томского гос. университета исследовала поселение на ул. Набережной в том же пос. Самусь (Самусь IV). Это поселение оказалось наиболее интересным; здесь было собрано очень много находок, а также вскрыты остатки жилищ.

На стоянке по ул. Стахановца (Самусь III) вскрыто 40 $м^2$ площади. Здесь можно выделить два слоя, один из которых относится к эпохе неолита, другой — к эпохе бронзы. Однако стратиграфически эти два слоя разделить не удалось: не были обнаружены и остатки жилых комплексов.

---

[1] А. В. Адрианов. Томский могильник. Извлечения из дневника. ОАК за 1889 г., стр. 99—111.

[2] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952, стр. 16—30.

[3] А. П. Дульзон. О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области. Уч. зап. ТГПИ, т. XII, 1954, стр. 223—278; его же. Археологическая карта Томской области. Тр. ТОКМ, т. V, 1956.

[4] Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 53, 55, 57.

[5] В окрестностях пос. Самусь имеются другие археологические памятники: Самусьский могильник (Самусь I) и поселение эпохи железа (Самусь II).

К эпохе неолита следует отнести керамику, имеющую наибольшее сходство с украшенной отпечатками отступающей палочки керамикой Самусьского могильника. Весь облик этой керамики свидетельствует о довольно раннем времени ее происхождения. К этой же ранней эпохе следует отнести рыболовные стерженьки из глинистого сланца, напоминающие глазковские и имеющие аналогии в Самусьском могильнике и в могильнике на старом мусульманском кладбище у г. Томска.

К эпохе бронзы, по нашему мнению, следует отнести каменные треугольные наконечники стрел, грубо обработанные, изготовленные из кварцита. Такие наконечники довольно редки в памятниках эпохи неолита. Кроме того, эпохой бронзы следует датировать каменные орудия, сделанные из валунов галечника, обработанные широкими грубыми сколами. Подобные орудия отличаются от неолитических своей грубостью и несовершенством выделки. Сосуды, которые мы относим к эпохе бронзы, имеют плоское дно, изготовлены из серой глины и украшены различного рода желобчатым и резным орнаментом. Желобки и резные линии, а иногда и чеканно-гребенчатые узоры покрывают всю стенку сосуда.

Поселение на ул. Набережной (Самусь IV) расположено в северном конце пос. Самусь, на мысе, образованном правым берегом Томи и левым берегом речки Камышинки. Высота берега в этом месте достигает 7—8 *м*. Это наиболее низкая часть материкового берега у пос. Самусь. Памятник открыт нами в 1954 г.; тогда же были проведены небольшие пробные раскопки. В 1955 и в 1957 гг. работы были продолжены. Всего за три года вскрыто 768 $м^2$. В итоге работ на поселении собран материал эпохи бронзы.

Наибольший интерес представляют вскрытые здесь остатки жилищ. В 1957 г. нам здесь удалось обнаружить следы трех землянок.

Землянка № 1 (рис. 1, *I*) расположена у обрыва в северо-западной части раскопа. Границы землянки выявлены на глубине 0,75 *м* от поверхности. Она прослеживалась в материке в виде овального темного пятна с наибольшим диаметром — 5,10 *м*; глубина от поверхности — 1,25 *м*. Землянка представляет собой постепенно углубляющуюся впадину с плохо выраженными стенками. В середине дна землянки (ближе к северо-восточному краю) открыты остатки круглой в плане ямы от очага размером 1,3 *м* и глубиной 0,50 *м*. На дне ее находился толстый слой угля, толщиной в 0,15—0,18 *м*, который подстилался прослойкой сильно обожженной земли.

В 0,4 *м* юго-западнее от описанного очага вскрыты остатки другого очага, устроенного прямо на дне землянки, без углубления. Диаметр очага — 1,3 *м*, толщина очажного слоя — 0,20—0,25 *м*. У первого и второго очагов обнаружены обломки двух сосудов. Во втором очаге найдены кости лося, лежавшие кучей; среди костей и обломков сосудов часто попадаются многочисленные камни со следами ударов, служившие, видимо, в качестве отбойников.

Вдоль северной стенки землянки была выложена цепочка из камней размером 0,20—0,50 *м*. Некоторые из них представляют собой обломки валунов. Небольшое скопление подобных же камней находилось и в южной половине землянки. Среди этих камней найдены различные отбойники, наконечники стрел, а также камни, которые могли служить грузилами и т. п.

Землянка № 2 (рис. 1, *II*) прослежена в виде нечеткого воронковидного углубления размером 5,2 × 5,0 *м*, глубиной 0,9 *м* от поверхности. В плане углубление вытянуто с северо-запада на юго-восток. По расположению объектов внутри эта землянка сходна с землянкой № 1. Так, с северо-востока на юго-запад сплошной цепочкой залегало скопление камней, целых и разбитых. Под этими камнями находился очаг в виде округлого углубления диаметром 1,4 *м* и глубиной 0,4 *м*, заполненный углистой землей. Некоторые камни из скопления попали в очаг и имели следы действия огня. Другие камни лежали на дне землянки.

Среди камней, попавших в очаг, найдены каменные скульптуры: голова человека (с отбитой левой частью лица) и голова медведя. Лицо человека выполнено очень искусно, правильно переданы нос, губы и выступающий вперед подбородок. Шея изображена в виде выступа с закругленными краями. Глаз сделан в виде овала, окруженного углублением. В облике лица ясно проступают европеоидные черты.

Изображение головы медведя из песчаникового сланца правильно передает основные черты медведя: выпуклый лоб и выпуклые глаза. Пасть намечена правильным углублением. Правая часть верхней челюсти отбита.

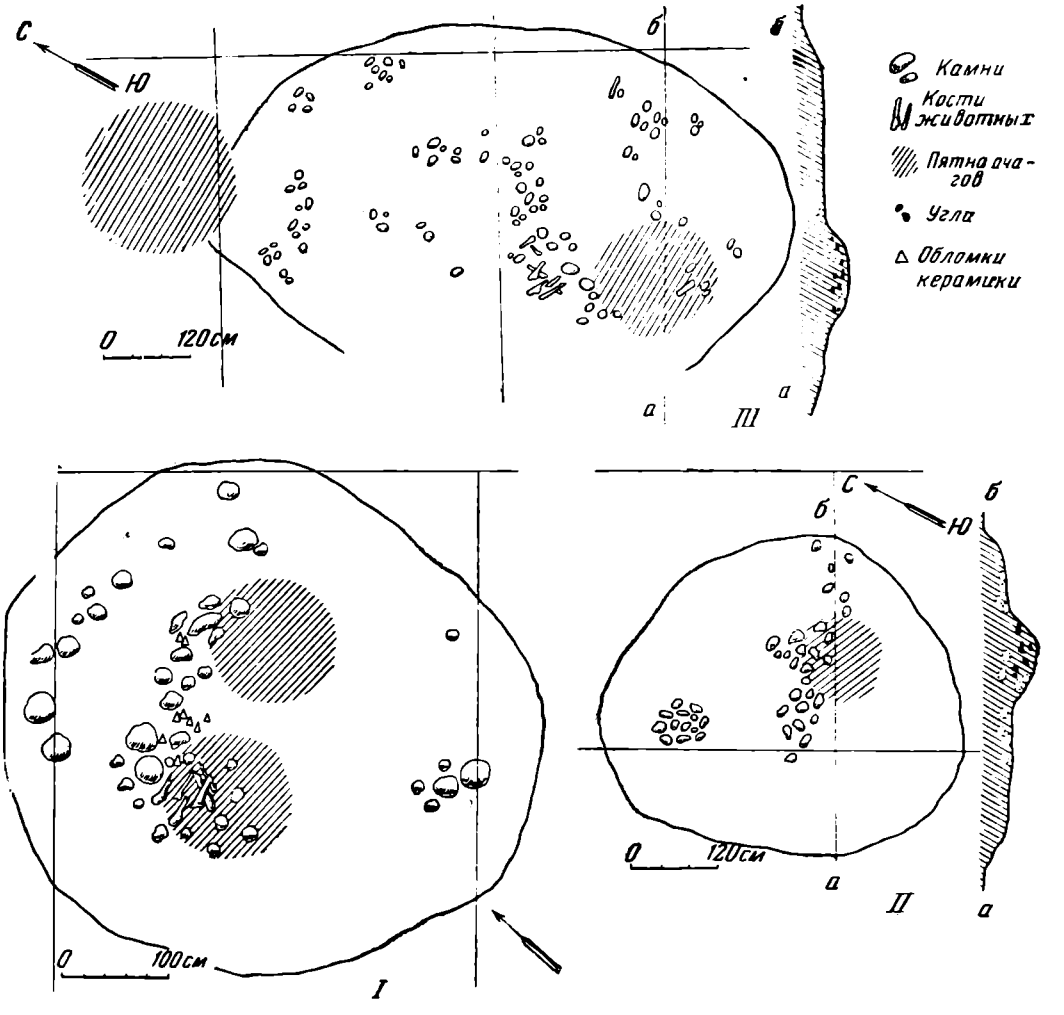

Рис. 1

I — план землянки № 1 на поселении Самусь IV; *II* — план и профиль землянки № 2 на поселении Самусь IV; *III* — план и профиль землянки № 3 на поселении Самусь IV

Среди обломков камней очага найдены, как и в первой землянке, отбойники, грузила, песты и прочие каменные орудия. На расстоянии 1 *м* к северо-западу от очага располагалось скопление камней, которое было обнаружено еще во втором слое и основанием своим залегало на материке. Это скопление состояло из камней различной формы и размеров, большинство из них расколото. Такие камни носят на себе яркие следы воздействия огня. Среди камней находилось незначительное количество углей. Вероятнее всего, здесь был очаг.

Границы землянки № 3 (рис. 1, *III*) прослежены нечетко, ее юго-западная часть разрушена обрывом берега. Вместе с тем бесспорно, что это жилище было вытянуто с севера на юг и имело не менее 7 *м* в длину и глубину — 1 *м* от поверхности. Во всех частях землянки на дне были разбро-

саны различные камни без особого порядка. В центральной части землянки находилось округлое очажное пятно диаметром 1,6 *м*, глубиной 0,35 *м* от дна землянки. В северном конце углубления землянки имелось второе очажное пятно, интенсивно насыщенное углями. В плане оно, как и предыдущие, круглое, диаметром 2,10 *м*, глубиной в материке — 0,80 *м*. Однако второе очажное пятно к землянке отношения не имеет. В пользу этого предположения свидетельствуют стратиграфические наблюдения; очажное пятно нигде не нарушено углублением землянки, в то время как пологая стенка углубления землянки перерезана очагом.

В 0,5 *м* к северо-западу от первого очага находилось скопление крупных костей лося. Отдельные небольшие кости или обломки встречались и среди камней, разбросанных по всей площади землянки.

На поселении обнаружены также многочисленные очаги, в большинстве своем сооруженные из камней. Камни чаще всего сложены кучей, между ними и особенно в нижней части встречаются угли и углистая земля. Очаг, расположенный рядом с землянкой № 1, состоял из камней различной формы, некоторые из них сильно разбиты, многие имеют следы огня. Размеры его — 2,0 × 1,2 *м*. Толщина очажного слоя — 0,25 *м*, самая нижняя часть насыщена углистой землей, которая встречается и в верхней части между камнями. Рядом с очагом часто находились целые и сломанные каменные орудия (наконечники стрел, песты, отбойники и пр.), а также литейные формы для изготовления бронзовых орудий. У очага лежал большой камень, который мог использоваться в качестве наковальни, судя по тому, что он имеет многочисленные царапины на верхней стороне. О том, что возле этого очага производилась выработка каменных орудий, свидетельствуют многочисленные отщепы и обломки камня, усеивающие площадь вокруг очага. В некоторых случаях у очагов находились обломки глиняной посуды или целый сосуд.

Кроме того, имелись очаги без камней, устроенные в ямах, вырытых в земле. Это обыкновенно воронкообразные углубления, округлые в плане, заполненные углями и углистой землей.

В некоторых местах поселения найдены скопления камней различных размеров; многие из них отбиты или расколоты. Вблизи таких скоплений частой находкой являются каменные отщепы. Но камни этих скоплений, в отличие от каменных очагов, не имеют никаких следов огня. Вероятно, это места, где могла производиться обработка каменных орудий.

Представляет несомненный интерес каменная выкладка, сооруженная из небольших цельных камней, уложенных в один слой плотно друг к другу, и обнаруженная на глубине 0,60 *м*. В плане она подчетырехугольная, с размерами сторон 1,6 × 0,9 *м*. Связь ее с очагами или землянками установить не удалось, назначение неясно.

Найденные на поселении каменные наконечники стрел довольно разнообразны по форме. Есть лавролистные (рис. 2, *1*), иволистные (рис. 2, *2*, *5*, *15*), треугольные (рис. 2, *3*, *4*, *17*) с прямым и вогнутым основанием. Отдельные экземпляры очень широкие (до 1,9 *см*), другие, наоборот, длинные и очень узкие. Некоторые наконечники имеют черешок (рис. 2, *16*). Материалом для изготовления наконечников служил преимущественно кварц, использовался также кремнистый сланец. Средняя длина наконечников 3—4 *см*. Большинство наконечников обработано довольно примитивной отжимной ретушью. Есть несколько экземпляров кварцитовых наконечников стрел, не до конца обработанных.

Найдено всего два наконечника копий из камня на поселении. Один сделан из розового сланца (рис. 2, *14*), другой из черного кремня (рис. 2, *6*). От остальных найдены обломки, по которым трудно судить о форме орудия.

Каменные ножи представлены на поселении несколькими экземплярами (рис. 2, *8*, *13*). Один из них имеет форму неолитического асимметрич-

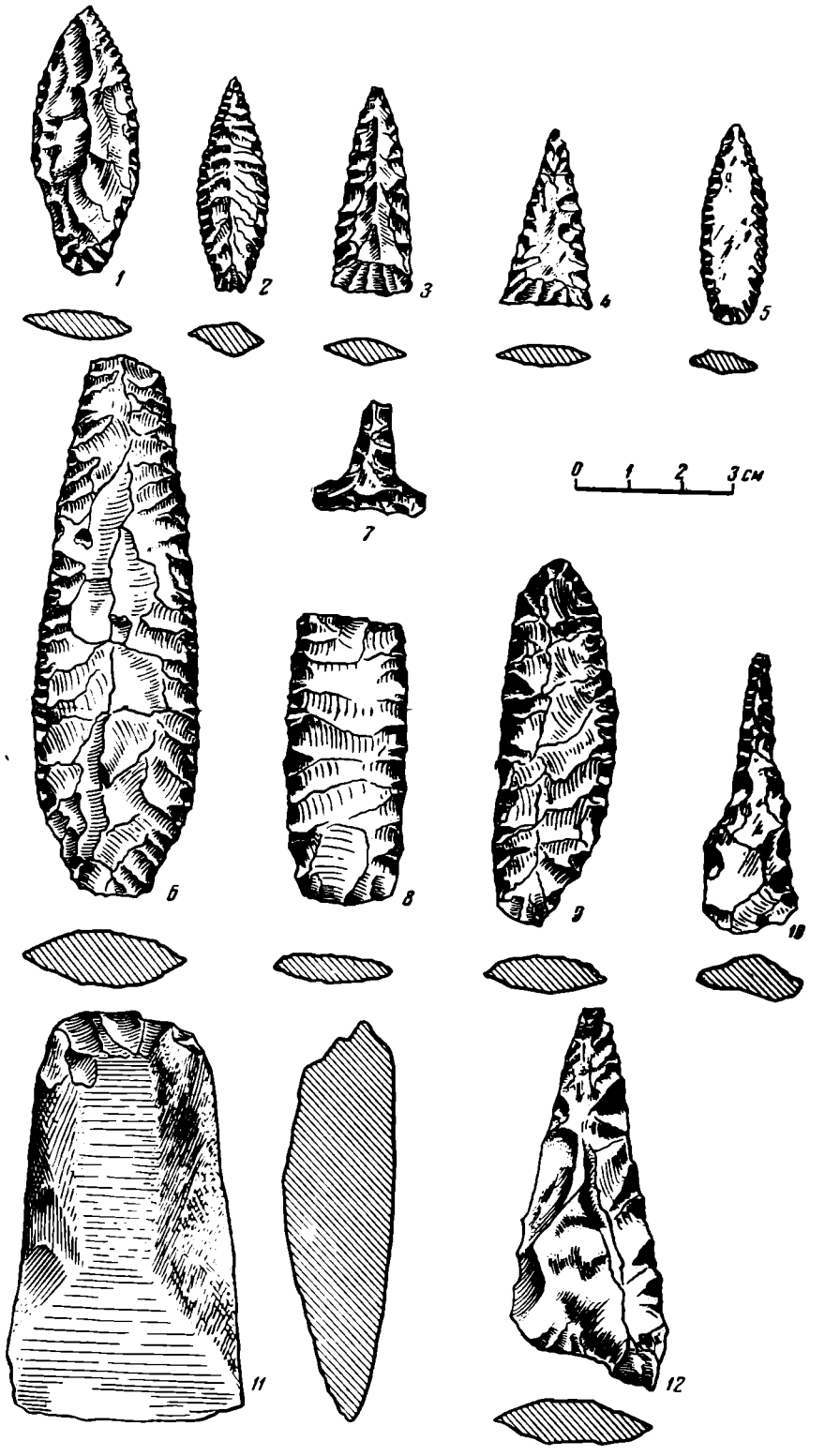

Рис. 2. Каменные орудия с поселения Самусь IV

ного ножа, другой напоминает современный нож с коротким широким черешком (рис. 2, *9*).

Найдены две каменные проколки. Одна из них изготовлена из толстого, длинного отщепа кварцита, более широкая сторона которого могла укрепляться в рукоятке, а тонкая и узкая была острием (рис. 2, *10*).

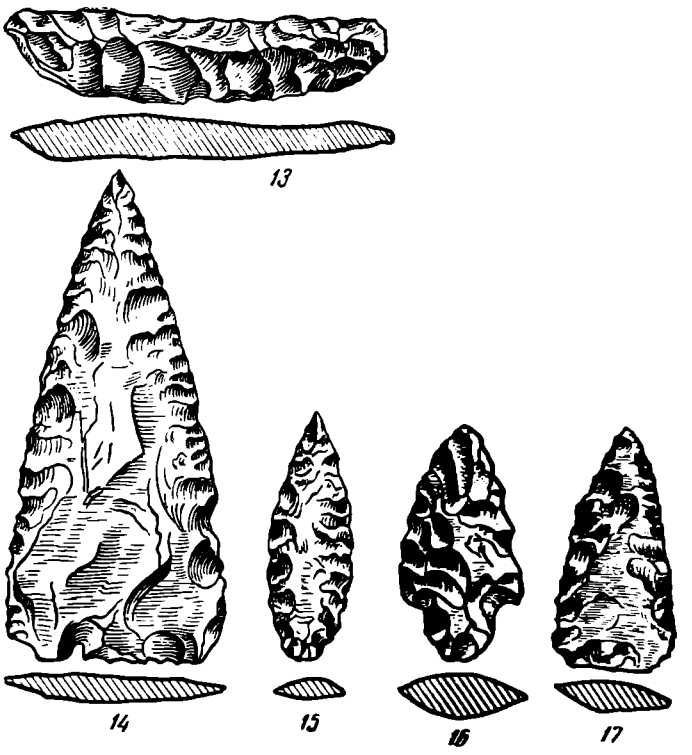

Рис. 2 (продолжение). Каменные орудия с поселения Самусь IV

Другая, тоже кварцитовая, имеет форму буквы «Т», острие сломано; вся поверхность ее обработана отжимной ретушью (рис. 2, 7).

Каменные топоры и тесла на поселении немногочисленны. Они преимущественно массивные и тяжелые, изготовлены из кремнистого или глинистого сланца или из кварцита, обработаны грубыми сколами, лезвие зашлифовано. Имеется одно тесло, отличающееся от других более совершенной обработкой. Оно изготовлено из отщепа кремнистого сланца, трапециевидной формы, со слегка выпуклым лезвием (рис. 2, *11*).

Кроме того, найдены заготовки для каменных орудий. Это в основном остроконечники из кварцита. Формы этих орудий только намечены и не обработаны ретушью (рис. 2, *12*). Имеются такие заготовки для топоров и тесел.

Многочисленны находки пестов, которые изготавливались из самого разнообразного материала: кварцита, диорита, различных пород сланца и пр. Для изготовления песта нередко употреблялся камень подходящих форм и размеров. В некоторых случаях мастер сбивал несколькими ударами неровности валуна и притуплял рабочую часть.

Отбойники встречаются на поселении очень часто. Для них иногда выбирались валуны галечника длиной 10—15 *см,* формы удобной для захвата рукой, они несколько вытянуты, рабочая часть заостренная, с многочисленными следами ударов.

На поселении обнаружено несколько видов наковален, для которых использовались большие тяжелые камни весом 8—10 *кг*. Плоская сторона такого камня обыкновенно использовалась как рабочая поверхность. Иногда в качестве наковальни использовались огромные камни. Так, у землянки № 2 была обнаружена наковальня весом до 12 *кг*. Одна сторона ее плоская, другая выпуклая; в поперечном сечении наковальня четырехугольная. Выпуклая сторона служила рабочей поверхностью. В результате частого использования на этой поверхности имеются многочисленные царапины. Наковальни большей частью находятся у костров, вместе с многочисленными отщепами камней.

Шлифовальные плиты — необходимое орудие при обработке камня. На Самусьском поселении обнаружено четыре плиты и несколько обломков. Все они сделаны или из мелкозернистого песчаника, или из глинистого сланца. Верхняя, рабочая плоскость хорошо заполирована, а иног-

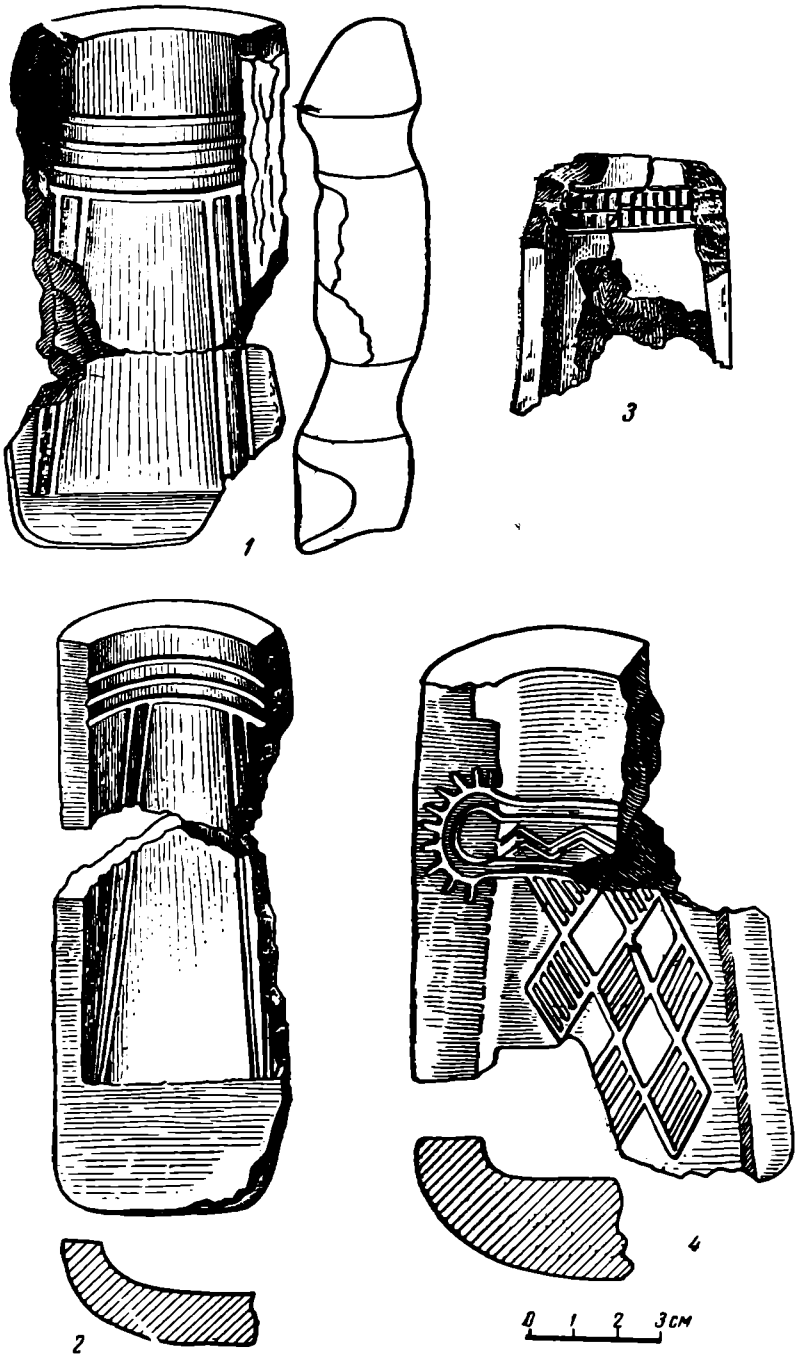

Рис 3. Литейные формы для кельтов с поселения Самусь IV

да и сильно сработана от длительного употребления. Одна из плит имела размеры около 0,4×0,25 *м*. Другие плиты были несколько меньших размеров.

Рыболовные грузила, обнаруженные на поселении, имеют самые различные размеры и формы. Отдельные экземпляры достигают веса 2—3 *кг* и изготовлены из валунов. Другие, наоборот, очень маленькие, в несколько сот граммов, сделаны из больших отщепов камня. Для пере-

вязи на них сделаны желобки, иногда опоясывающие все грузило; иногда выемки выбиты только на изгибах поверхности грузила. Некоторые грузила, изготовленные из целых валунов, имеют сквозные отверстия. Каменные якоря напоминают по форме грузила, но они значительно больших размеров. Они также имеют или поперечные желобки для перевязи, или сквозные отверстия сбоку.

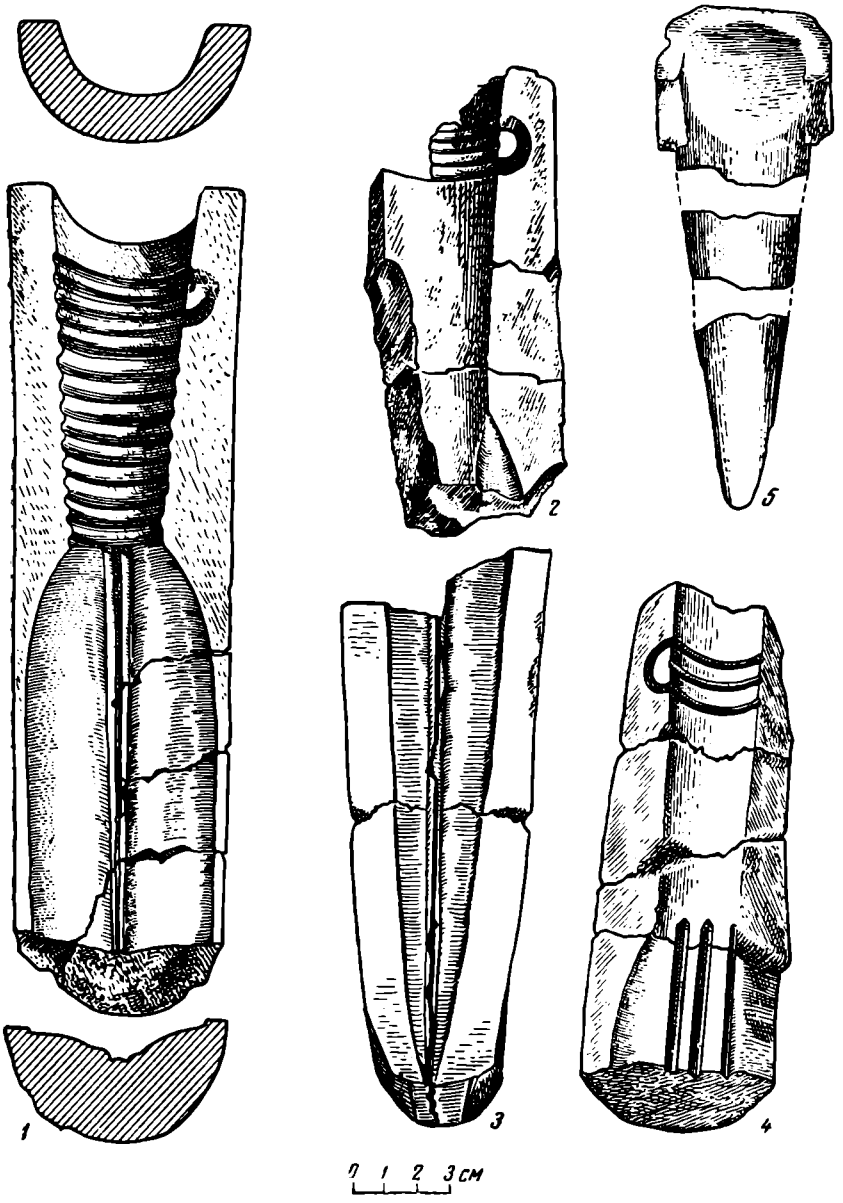

Рис. 4. Самусь IV. Обломки литейных форм для копий (*1—4*) и обломки литейной шишки (*5*)

Пряслица почти все изготовлены из глинистого сланца. Интересны два экземпляра, сделанные из обломков глиняного сосуда. На одном из них имеются остатки чеканно-гребенчатого орнамента. Другое пряслице еще не закончено обработкой и имеет вид полукруга с отверстием в середине. С одной стороны нанесен желобчатый орнамент, выполненный отступающей лопаточкой, и резной линейный.

Каменных подвесок найдено несколько экземпляров; они сделаны из пластинок глинистого сланца и на одной стороне имеют сквозное отверстие Форма их сегментовидная или подчетырехугольная.

Найдено два каменных шара, диаметром 5—6 *см*. Целый экземпляр сделан из крупнозернистого песчаника, а половина от другого — из галечника. Как тот, так и другой имеют сквозные просверленные отверстия.

Особенно интересными находками являются каменные и глиняные

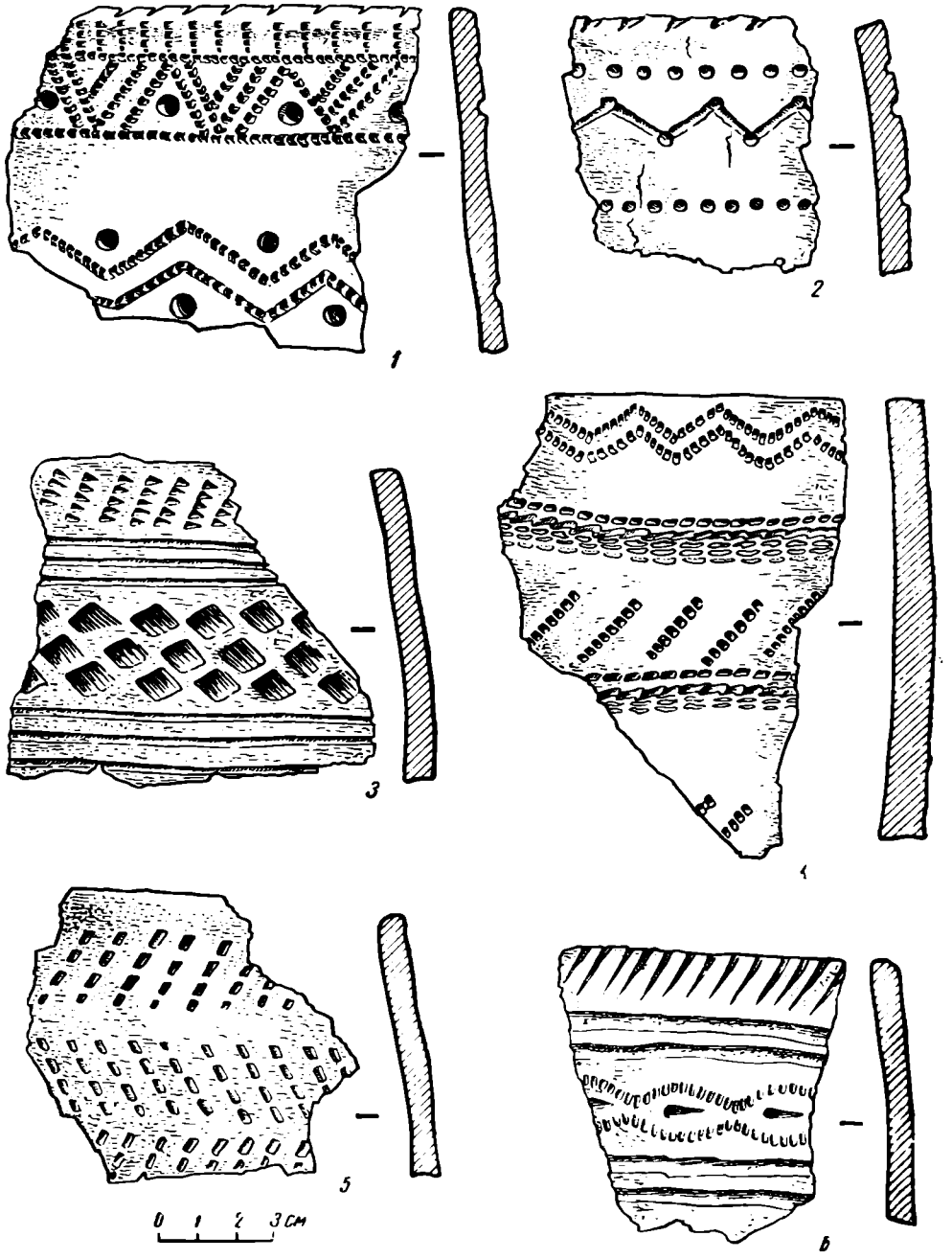

Рис. 5. Керамика с поселения Самусь IV

формочки для литья бронзовых орудий. На поселении собрано большое количество обломков таких форм; некоторые из них нам удалось частично восстановить.

Формы для отливки кельтов сделаны из мелкозернистого песчаника, отливавшиеся в них кельты по верхней части имели два-четыре горизонтальных желобка, от которых вниз спускаются два вертикальных желобка (рис. 3, *1, 2*). Некоторые кельты имеют другие виды орнамента. В одном случае верхний орнаментальный пояс кельта состоит из заштрихованных ромбов, от которых вниз спускаются фестоны из таких же ромбов

(рис. 3, *4*). Другой кельт по верхней части украшен тремя горизонтальными валиками, которые пересекаются несколькими поперечными линиями, образуя горизонтальную лесенку (рис. 3, *3*). Некоторые формы имеют на внешней стороне поперечные желобки для скрепления двух половинок.

Кроме того, на поселении найдено несколько обломков глиняных форм для литья кельтов. Кельты, изготовленные по этим формам, имели вертикальные и горизонтальные валики. Узор процарапывался на готовой глиняной форме.

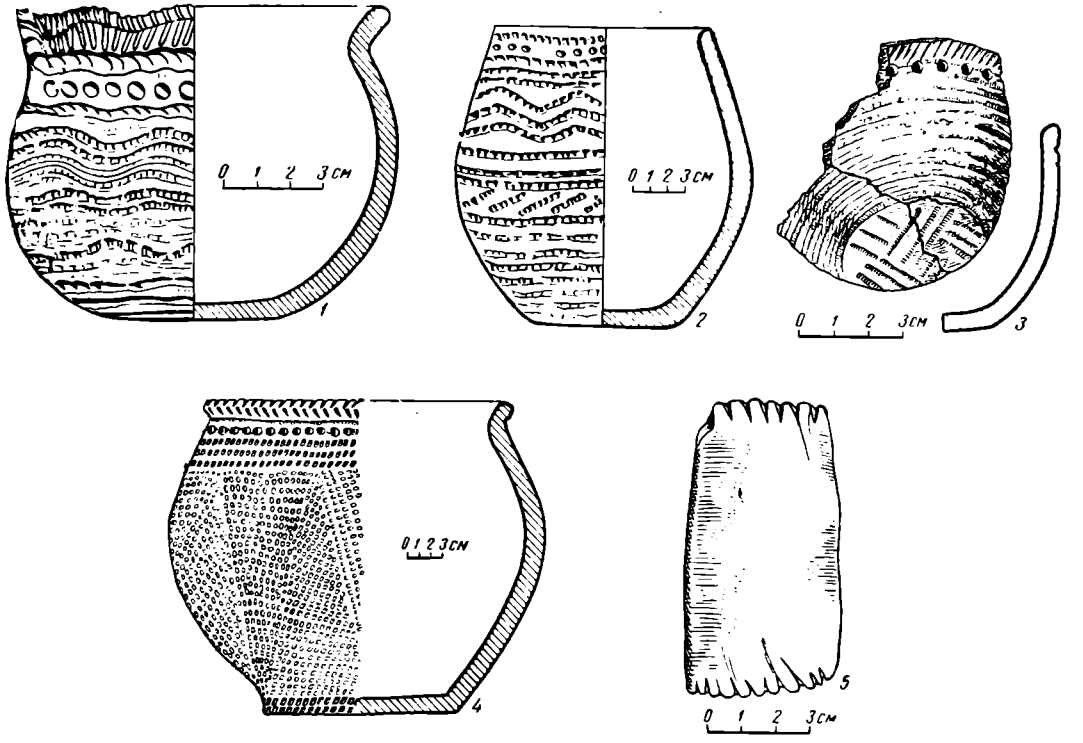

Рис. 6. Глиняные сосуды (*1—4*) и гребенчатый штамп из глиняного сланца (*5*) с поселения Самусь IV

Много найдено форм для литья наконечников копий. В одной из них отливался наконечник копья с длинной втулкой и с боковым ушком. Втулка была украшена 14 валиками (рис. 4, *1*). Обломки таких формочек являются довольно частой находкой; однако по ним не всегда удается полностью восстановить общий вид готового орудия (рис. 4, *2*, *3*, *4*).

Интересны находки глиняных шишек, применявшихся в литейном деле древними мастерами. Так, одна из таких шишек использовалась, видимо, при литье наконечника копья (рис. 4, *5*).

Керамика поселения представляет собой, по-видимому, единый комплекс. Все сосуды, за исключением одного небольшого сосуда, плоскодонны. Венчики прямые, слегка отогнуты наружу. К середине сосуд слегка расширяется и затем суживается ко дну. Есть сосуды баночной формы. Глина преимущественно серая, иногда желтая, отжиг средний, примесь в тесте — песок, и только изредка — слюда или дробленый гранит. Толщина стенок сосудов — 0,7—1 *см*; изготовлены сосуды ленточным способом. Изнутри они имеют ясные следы вытирания широкой дощечкой. Размеры разнообразны. Есть экземпляры, емкость которых не превышает одного стакана, другие — вместимостью 3—5 *л* и более.

Орнаменты керамики можно разделить на два вида: 1) выполненные гребенкой и 2) выполненные палочкой. Первый вид орнамента довольно разнообразен. Отпечатки гребенки можно видеть в разных комбинациях.

Отпечатки многозубчатой гребенки покрывают весь сосуд сплошными горизонтальными поясами (рис. 5, *5*), образуют линии в виде зигзага (рис. 5, *1*, *4*) в сочетании с другими геометрическими узорами, ямочками и отступающей гребенкой; иногда гребенчатый орнамент украшает обрез венчика. Очень многообразны узоры, образуемые отступающей гребенкой. Сплошные широкие ленты ее покрывают иногда весь сосуд (рис. 6, *1*, *2*). Иногда такие ленты строго горизонтальны, иногда выполнены несколько волнисто. В некоторых случаях они спускаются от венчика до дна; на отдельных сосудах имеются треугольные поля, заполненные отпечатками гребенки (рис. 6, *4*).

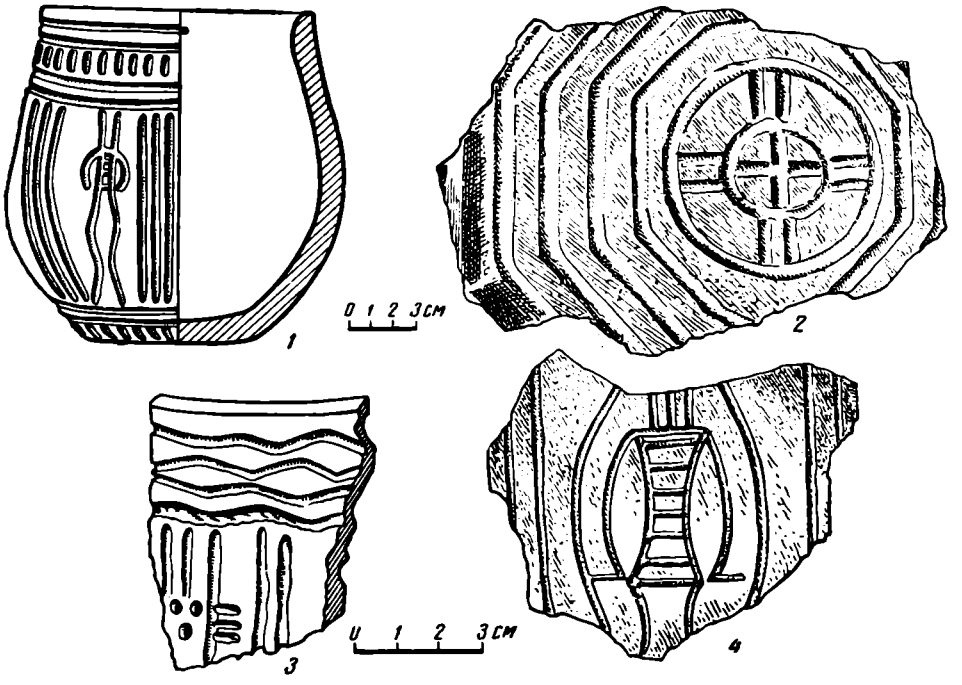

Рис. 7. Керамика с антропоморфными изображениями (*1*, *3*, *4*) и геометрическими фигурами с поселения Самусь IV

Кроме того, имеется орнамент, названный нами отпечатками ромбической гребенки (рис. 5, *3*). Этот вид орнамента представляет собой действительно отпечатки широкой палочки, рабочая часть которой имеет в разрезе форму ромба, но вместе с тем и неглубокие параллельные поперечные прорези, в результате чего отпечатки имеют вид ромбической гребенки.

Нам посчастливилось обнаружить во время раскопок каменную гребенку, при помощи которой украшались сосуды (рис. 6, *5*). Она представляет собой пластинку глинистого сланца, узкие стороны которой имеют неглубокие нарезки, в результате чего получилась двусторонняя гребенка. Эта гребенка могла применяться и при заглаживании стенок сосудов.

Другой вид орнамента, выполненный палочкой, представлен различного рода желобчатыми узорами (рис. 6, *3*), резными линиями в сочетании с ямочками и лунками (рис. 5, *2*, *6*) и фигурными комбинациями (рис. 7, *2*), образующими иногда антропоморфные фигуры и личины (рис. 7, *1*, *3*, *4*). Желобки, как правило, нанесены горизонтально и представляют собой то сплошные резные линии, то желобки, выполненные отступающей палочкой с небольшими надавливаниями. Резные линии и желобки иногда нанесены волнообразно.

Орнаментация керамики очень сходна с орнаментами предметов, отливавшихся в найденных нами формочках. Как в том, так и в другом случае имеется желобчатый горизонтальный и вертикальный орнамент. Орнамент в виде штрихованных ромбов встречается и на сосудах и на кельтах. Вместе с тем именно этот вид орнамента немногочислен в керамике и только один раз встречен на литейной форме.

Керамика поселения имеет большое сходство с керамикой из других памятников этого же района, но относящихся к более раннему времени. Такова, например, керамика из погребений Самусьского могильника, из могильника на мусульманском кладбище и, наконец, из неолитических погребений Томского могильника. В указанных могильниках и на поселении встречаются сосуды одинаковых форм. То же можно отметить и относительно типов орнамента и приемов его выполнения. Орнамент, нанесенный отступающей палочкой и гребенкой, и ямочки встречаются как на сосудах из указанных памятников, так и на сосудах нашего поселения [6].

Материалы Самусьского поселения (Самусь IV) бесспорно очень близки материалам из погребений андроновского времени в Томском могильнике. Об этом свидетельствуют формы сосудов. О времени поселения свидетельствуют находки формочек для литья кельтов сейминского типа, с орнаментом в виде опускающихся вниз штрихованных ромбов, и формы для наконечников копий с ребристой втулкой и ушком.

Наиболее близкие аналогии предметам, отливавшимся в найденных нами литейных формах, имеются среди находок Сейминского могильника, около г. Горького, Турбинского и Усть-Гайвенского могильников в Западном Приуралье [7]. Особенно близки копья с широким пером и кельты с линейным орнаментом. Но в отличие от Турбинского могильника, где нет никаких остатков керамики, наше поселение дало богатую коллекцию посуды, которая хорошо увязывается с находками литейных форм.

Учитывая все эти данные, нам представляется возможным определить время поселения II тысячелетием до н. э., точнее — его серединой. Оно принадлежит местной культуре, синхронной андроновской, но вместе с тем резко отличной от последней.

Керамика эпохи бронзы со стоянки Самусь III имеет очень большое сходство с керамикой поселения, открытого в пос. Самусь на ул. Набережной (Самусь IV). Это два памятника одной эпохи. Вместе с тем, как уже было сказано выше, эта керамика имеет прямую связь с предыдущей, неолитической. На этом основании можно сделать вывод о том, что культура томских племен имела непрерывное развитие от неолита до эпохи бронзы.

Богатый материал, добытый на описанных памятниках, ярко характеризующий культуру эпохи бронзы в низовьях р. Томи, позволит по-новому решать многие вопросы истории таежных племен Западной Сибири.

---

[6] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, т. V, 1956, рис. 67—79.

[7] O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. Helsinki, 1957, рис. 3 и 4.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, С. ИСЛАМИ

РАСКОПКИ АПОЛЛОНИИ И ОРИКА
в 1958 г.

Основным объектом работ Албанской археологической экспедиции в 1958 г. была Аполлония, расположенная в южной части древней Иллирии. Этот город, основанный коринфянами и коркирянами, вероятно, около 588 г. до н. э. [1], был одним из крупнейших античных городов в восточной Адриатике; Цицерон [2] упомянул об Аполлонии как о «magna urbs et gravis».

Местоположение Аполлонии [3] возле нынешней дер. Поян было установлено еще в 1806 г. посетившими ее французскими исследователями Пукевилем и Леаком [4] (рис. 1). В дальнейшем Аполлония неоднократно привлекала внимание археологов [5]. В 1916—1918 гг. австрийский археолог К. Прашникер производил исследования Аполлонии, сопровождавшиеся многочисленными зондажными раскопками; эти работы заложили прочную основу наших представлений об археологической топографии города (рис. 2) [6].

С 1924 г. в Аполлонии начал вести раскопки французский археолог Леон Рей. Работы Л. Рея дали много ценных данных для истории градостроительства и архитектуры Аполлонии. Сначала в центральной части городища было обнаружено два богатых жилых дома [7]. Затем работы были перенесены на участок, расположенный примерно в 300 *м* к северо-западу от этих домов. Там была обнаружена длинная подземная галерея [8], которая примыкала к целому ансамблю общественных зданий.

---

[1] C. Praschniker. Musakhia und Malakastra. Archäologische Untersuchungen in Mittelalbanien. Österr. Jahreshefte, XXI—XXII, 1920, стр. 37.

[2] Cicer. Phil., XI, 26.

[3] Общему обзору истории исследования Аполлонии посвящена недавно вышедшая статья. См. H. Ceka. Mbi historikum e kërkimeve dhe gërmeve arkeologjike në Apoloni Buletin in Uiversitetit Shtetëror të Tiranes. Seria chkencat shoqërore, № 4, 1958, стр. 213 сл.

[4] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924). Albania. Revue d'archéologie, d'histoire, d'art et des appliquées en Albanie et dans les Balkans, (I), 1925, стр. 9, прим. 2; Pouqueville. Voyage de la Grèce, т. I, Paris, 1826, I, стр. 354 сл.

[5] L. Heuzey, H. Daumet. Mission archéologique de Macédoine. Paris, 1876, стр. 394 сл.; C. Patsch. Das Sandschak Berat in Albanien. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung, т. III, Wien, 1902, стр. 149 сл.

[6] C. Praschniker, A. Schober. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung, т. VIII, Wien, 1919, стр. 69 сл.; C. Praschniker. Ук. соч., стр. 23 сл.

[7] L. Rey. Ук. соч., стр. 11 сл.

[8] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1925). Albania, II. 1927, стр. 11 сл.

Рис. 1. Общий вид Аполлонии с востока

Его составляли: открытая длинная двунефная галерея, в задней стене которой было 17 ниш [9], расположенные возле нее святилище и одейон [10] и группа построек к югу от последних, в том числе богато украшенное здание Агонофетов [11].

Восточнее описанных сооружений была открыта монументальная подпорная стена [12], поддерживавшая террасу холма и прорезанная аркой лестничного подъема на холм. Еще далее на восток, на самом краю города, в 1941 г. итальянский археолог П. Сестьери раскапывал мощные оборонительные сооружения [13] из прекрасно отесанных квадров и обожженных кирпичей; он обнаружил обширное здание в южной части города, которое истолковал как гимнасий [14].

Помимо раскопок городища, работы велись и на некрополе; там обнаружено большое число могил различных типов [15].

После установления Албанской Народной Республики впервые работы в Аполлонии начали вести албанские археологи. В 1948 г. были проведены большие работы по упорядочению заповедника. Тогда же и в последующие годы производились обширные раскопки и некрополя Аполлонии; найдено много могил различных типов, в том числе погребения архаического времени с каменными саркофагами, а также с пифосами. Среди могил, обнаруженных в 1950 г., заслуживает упоминания сложенная из кирпичей большая гробница с костяком, в ногах которого были положены остродонная амфора, два наконечника копья и светильник [16]. Раскопки велись и на городище; к востоку от ансамбля общественных зданий был открыт целый склад больших остродонных амфор эллинистического времени [17]. В 1956 г. Хасан Цека [18] продолжил раскопки некрополя и, кроме того, открыл наружную сторону мощной оборонительной стены, сложенной из обожженных кирпичей на каменном цоколе.

---

[9] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1926—1927) Albania, № 3, 1928, стр. 13 сл.

[10] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie. Albania, № 6, 1939, стр. 5 сл.; стр. 13 сл.

[11] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1931—1933). Albania, № 5, 1935, стр. 7 сл.

[12] H. Ceka. Ук. соч., стр. 227 сл.

[13] E. Homann-Wedeking. Archäologische Grabungen und Funde in Italien, Albanien und Libyen. AA, 1942, т. IV, стр. 373 сл.

[14] Там же, стр. 368 сл.

[15] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1930—1931). Exploration de la nécropole. Albania, № 4, 1932, стр. 7 сл.

[16] Skender Anamali. Te dhama mbi elementin ilir në qytetet antikë Epidamn dhe Apolloni. Buletin për Shkencat Shoqërore, I, 1956, Tiranë, стр. 20.

[17] H. Ceka. Ук. соч., стр. 232.

[18] Там же, стр. 236 сл.

Летом 1958 г. раскопки[19] в Аполлонии производила экспедиция[20], организованная Тиранским университетом с помощью Академии наук СССР.

В результате работ предшествующих лет было много сделано для изучения археологической топографии города, открыты значительные произведения архитектуры и скульптуры, найдены и опубликованы эпиграфические памятники. Однако целый ряд важных вопросов оставался нерешенным, и разрешение их, естественно, явилось задачей экспедиции[21]. Прежде всего нужно было наметить хотя бы основные вехи истории города, его градостроительства, истории экономики, культуры и быта населения. Необходимо было заложить раскопы в различных частях Аполлонии, чтобы изучить все культурные напластования. Ведь до последнего времени стратиграфия Аполлонии оставалась мало освещенной. Раскопы, расположенные в различных частях города, дают археологу возможность составить представление о характере и истории различных участков; сопоставление этих данных помогло бы пролить свет на историю Аполлонии в целом. Далее следует отметить, что до сего времени внимание ученых привлекали главным образом монументальные памятники зодчества, а рядовой, массовый материал надлежащим образом не исследовался и даже почти не собирался. Попутно заметим, что на первых порах изучение аполлонийской стратиграфии представляло для нас некоторые трудности ввиду значительного своеобразия состава доминирующих находок в культурных напластованиях этого города. В отличие от обычного для северочерноморских городов преобладания фрагментов амфор эгейских и причерноморских центров, в Аполлонии преобладают обломки обожженного кирпича, черепиц; довольно много черепков расписной керамики при сравнительно умеренном количестве фрагментов остродонных амфор. Накопление, учет и планомерное изучение этого материала будут способствовать уточнению наших представлений об экономической истории Аполлонии и ряде ее своеобразных особенностей.

* * *

Экспедицией, работавшей в Аполлонии в 1958 г., были заложены шесть раскопов. Раскоп «А», расположенный в средней части восточной оборонительной стены города, явился продолжением работы, начатой здесь Х. Цекой в 1956 г. К северу от раскопа «А» на вершине ближайшего холма был разбит небольшой раскоп «В»[22]. У северной подошвы того же холма на восточной окраине города был расположен раскоп «С».

В средней части городища возле дороги, ведущей из дер. Поян в монастырь, был разбит раскоп «F», к северо-западу от него на склоне,

---

[19] Об этих раскопках см. Ekspedita arkeologjike n'Apolloni dhe Orik. Buletin i Universitet Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore, № 3, 1958, стр. 239.

[20] Начальником экспедиции был С. Ислами, руководителем группы советских археологов — В. Д. Блаватский, работа по изучению массового материала и руководство раскопками кургана проводились И. Б. Зеест вместе с А. Буда и В. Лазари. Начальниками Орикского отряда были М. М. Кобылина и Д. Будина. Начальниками раскопов в Аполлонии: раскопа «А»—Х. Цека и Н. И. Сокольский, раскопа «С»—Т. В. Блаватская и С. Анамали, раскопа «D» — Н. А. Онайко и Ф. Пренди, раскопа «F» — С. Ислами и И. Т. Кругликова, раскопа «G» — Х. Цека и С. Ислами и раскопа за городом — Г. А. Цветаева. Реставрацию вещевых находок производили Н. М. Немнонова и Е. Сорокина. Реставрационно-консервационные работы памятников архитектуры вел К. Жегу. В экспедиции принимали участие 25 студентов Тиранского университета и до 200 землекопов.

[21] Помимо археологического исследования Аполлонии, в задачу экспедиции входило также способствовать превращению ее в научный центр-заповедник и организовать в ней музей древностей Аполлонии.

[22] Раскоп «В» имел площадь 50 $м^2$; работы на нем показали почти полное отсутствие древних культурных напластований на этом месте. Нужно думать, что они были срыты при планировке вершины холма, вероятно, в новое время.

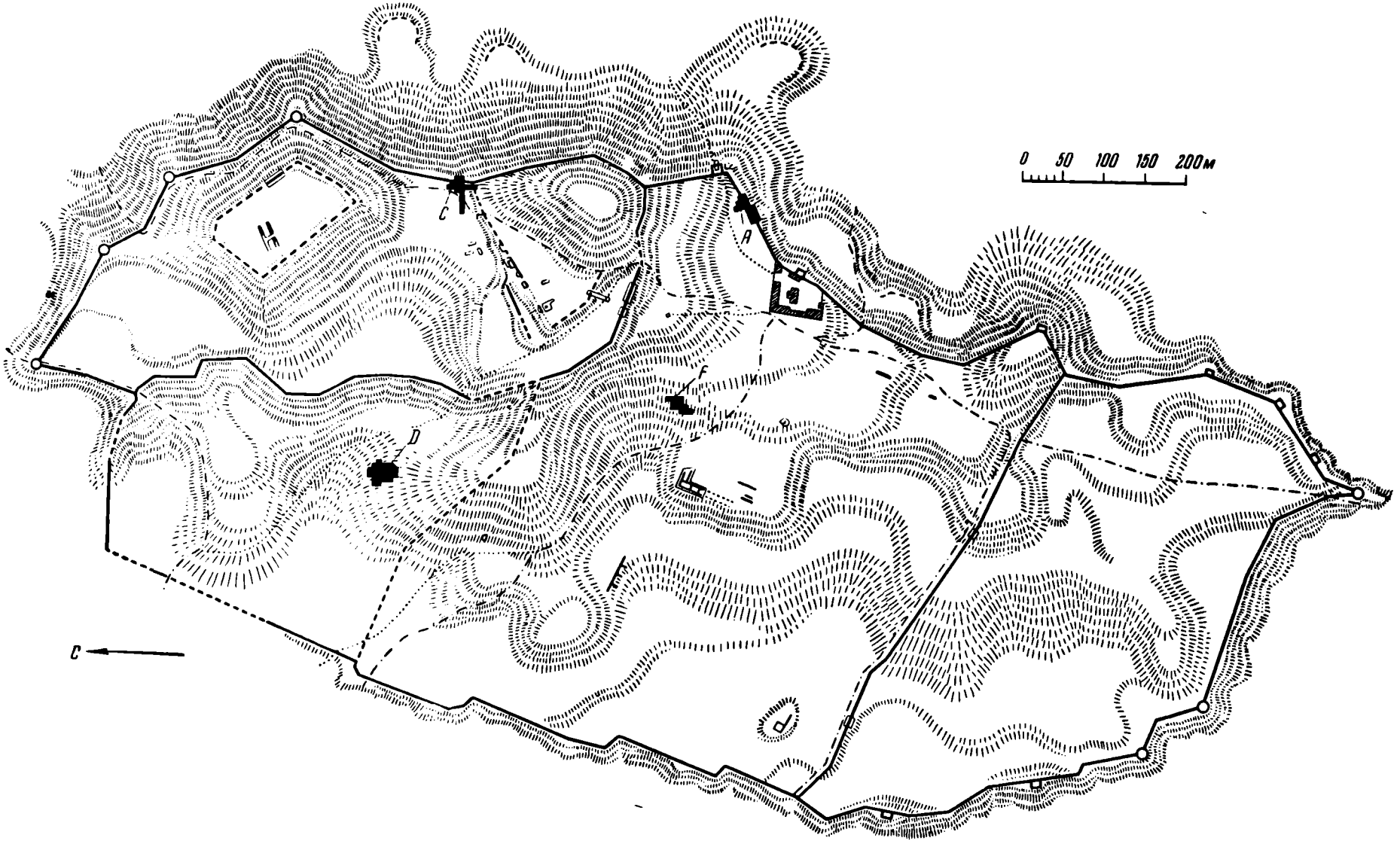

Рис. 2. Генеральный план Аполлонии

имеющем форму большой полукруглой воронки,— раскоп «E» [23], еще дальше в том же направлении, уже в западной части городища,— раскоп «D».

Кроме того, в связи со случайной находкой скульптуры был заложен раскоп за пределами города, к востоку от последнего, и, наконец, производились раскопки одного из курганов [24] на некрополе Аполлонии.

Остановимся сначала на раскопе «C», где обнаружены наиболее ранние культурные напластования. Там была вскрыта площадь в 475 *м*^{2}. Толщина культурного слоя достигала 3 *м*, материк состоял из коричневатой глины или красноватого песка. Основная северо-восточная часть раскопа налегла на городскую оборонительную стену. На двух ответвлениях раскопа — западном и южном — обнаружены подпорные стены террас.

Рис. 3. Свинцовый рельеф, представляющий сидящую на троне богиню (раскоп «C»)

На раскопе «C» выявлена довольно сложная стратиграфия; там впервые в Аполлонии был обнаружен отчетливо выраженный слой VI— начала V в. до н. э. Он состоял из серовато-желтоватого суглинка (толщиной около 0,30 *м*), содержавшего обломки расписной посуды, коринфской и архаической, с узором в виде поясов, чернолаковых сосудов и амфор VI в. до н. э., а также малочисленные черепки местных сосудов из коричневой глины с орнаментом в виде насечек, образующих своего рода «елочку», маленькие грузила характерной для Аполлонии конической формы [25], фрагменты соленов (со скошенными утолщениями на краях продольных сторон, образующими в сечении сильно вытянутый прямоугольный треугольник), а также железную крицу; последняя указывает на наличие в Аполлонии в первое столетие ее существования кузнечного дела.

К VI в. до н. э. относится небольшая свинцовая фигурка (рис. 3), обнаруженная в архаическом слое, поврежденном в последующее время. Это сквозной рельеф, явно предназначенный для прикрепления его к какому-то, скорее всего деревянному, фону. Фигурка представляет собой восседающую на троне богиню в профиль. По типу это произведение близко известной серии архаических свинцовых скульптур, найденных в Спарте.

---

[23] В силу необходимости произвести раскопки в Орике работы на раскопе «E» пришлось законсервировать в самом начале.

[24] Раскопки этого кургана (не вполне завершенные в 1958 г.) дали 87 разнотипных захоронений от VI до II в. до н. э., отличающихся большим разнообразием типов и богатством погребального инвентаря. Этот курган требует специальной публикации, которая будет подготовлена И. Б. Зеест.

[25] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 22сл, рис. 21.

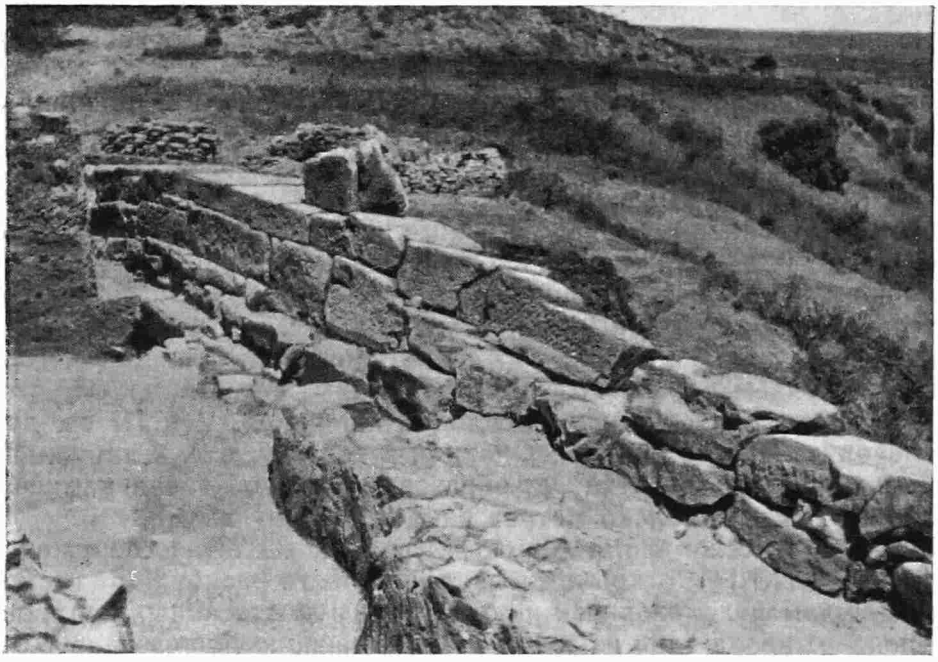

Рис. 4. Оборонительная стена примерно второй половины V — первой половины IV в. до н. э. (раскоп «С»)

Вторая половина V—III в. до н. э.— это время оживленной строительной деятельности на рассматриваемом участке. Примерно во второй половине V — первой половине IV в. до н. э. была сооружена мощная оборонительная стена (№ 1), которая тянется на 15 *м* с юго-юго-востока на северо-северо-запад над склоном холма и затем поворачивает под острым углом (№ 2) по направлению с запада-северо-запада на восток-юго-восток примерно на 5 *м*. Ширина стены № 1 в северной части — 2 *м;* значительная часть стены, особенно южная половина, в последующее время подверглась капитальному ремонту. Северная часть стены (первоначальной постройки) имеет два панциря, составляющих большую часть ее массива, промежуток между ними (шириною не более 0,50 *м*) заполнен бутовым камнем, по большей части средней величины.

С внешней стороны стена была полностью зачищена лишь в южной части; там она сохранилась на высоту 2,65 *м,* из них на долю фундамента приходится 1 *м*. Фундамент сложен из больших грубоотесанных каменных блоков. Лежащая на нем стена состоит из больших продолговатых квадров, достигающих в длину 1,60 *м.* Квадры были обработаны остроконечным теслом (шпунтом). Стена с внутренней стороны сложена преимущественно из продолговатых квадров (рис. 4). Они меньше по размеру, чем на наружной стороне, и обработаны тщательнее; края их старательно выровнены, остальная поверхность носит следы шпунта. Постели камней — горизонтальные, но чередование их не очень четкое.

Подошва наружной стороны стены на 2,56 *м* глубже подошвы внутренней стороны. Иначе говоря, в массив стены как бы оказалась включенной земляная масса, залегающая под внутренним панцирем [26].

Видимо, одновременно с постройкой стены вдоль внутренней стороны ее была проведена стратегическая дорога шириной не менее 6 *м,* а возможно, и значительно больше. От ее мостовой уцелели небольшие части, состоящие из плотно утрамбованной крупной и мелкой гальки, иногда обломков черепицы или бутового камня.

---

[26] Сравн.: Veget. De re mil., IV, 3.

В южной части раскопа залегал слой суглинка, заключавший обломки керамики VI—IV вв. до н. э., в том числе — архитектурной терракотты со следами росписи и биконический глиняный предмет — diabolo; в этот слой было впущено основание подпорной стены террасы холма; фундамент ее состоял из блоков известняка и конгломерата, а стена — из квадров, преимущественно песчаника.

Возле внутренней стороны оборонительной стены во второй половине IV—III в. до н. э. отложился сравнительно небогатый культурный слой. Примерно в III в. до н. э. происходили большие ремонтные работы оборонительной стены. Новые камни — квадры пиленого песчаника — укладывались без четкой системы. По фасу стены видны длинные, горизонтально уложенные блоки, квадратные квадры и узкие плиты, стоящие на ребре; применялась также прокладка кирпичом IV и III вв. до н. э.

Оборонительная стена имеет наклон к востоку, т. е. к наружной стороне; верхняя часть ее рухнула, образовав большой завал камней, простирающийся на несколько метров вниз по склону холма.

Примерно в то же время (около III в. до н. э.) была сооружена подпорная стена (№ 14), открытая в западной части раскопа. От нее уцелел только фундамент, сложенный из больших грубоотесанных квадров. Эта стена поддерживала одну из террас холма, расположенного к югу от раскопа. Подпорная стена в западной части шла по прямой линии, а в восточной сильно закруглялась, в результате чего лицо стены соответственно было обращено на север и на северо-запад. Схожее явление (изгиб в плане) наблюдается у хорошо сохранившейся подпорной стены, раскопанной Л. Реем по другую (южную) сторону того же холма, возле арки с лестницей [27].

Во II в. до н. э. оборонительная стена № 1—2, видимо, утратила свое боевое значение. На место, ранее занятое стратегической дорогой, теперь стали сваливать отходы керамического производства. Эти сбросы состояли из пласта сажи с золой (в среднем толщиной 0,35—0,40 *м*), насыщенного обломками керамики настолько обильно, что их было больше, чем выкида. Эти обломки представляли собой керамический брак преимущественно миниатюрной, но также и средней величины посуды, тонкостенной, простой или расписной. Помимо отдельных небольших обломков, которых было собрано несколько кубических метров, обнаружены в очень большом числе фрагментированные сосуды (примерно половинки), а также слегка поврежденные сосуды; число последних достигало нескольких тысяч. Весьма показательны разнообразные образцы брака: раздавленные, различным образом деформировавшиеся и слипшиеся один с другим сосуды. Формы миниатюрных сосудов [28] отличались значительным многообразием; это были килики, ойнохои, ольпы, пелики, чашечки, блюдечки и отчасти флаконы. Среди сосудов средней величины встречались килики, кувшины, ойнохои и редко фиалы. На обломках бо́льших по размерам сосудов наблюдалась роспись в виде поясов лака и незамысловатых узоров, характерных для эллинистического времени. Однако и некоторые миниатюрные сосуды были украшены узором в виде бордюра из небрежно нанесенных точек.

Достойно внимания, что хотя время изготовления описываемых сосудов — II в. до н. э., однако некоторые из них явно восходят к типам VI в. до н. э. Подобное явление — устойчивость некоторых форм сосудов и типов росписей — может быть отмечено не только в Аполлонии, но и в других местах периферии эллинского мира (Великая Греция, Боспор).

В свалке керамического брака в значительно меньшем числе попадались обломки чернолаковых сосудов IV, III и II вв. до н. э. и эллини-

---

[27] H. Zeka. Ук. соч., стр. 227 сл.

[28] Ср. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 24.

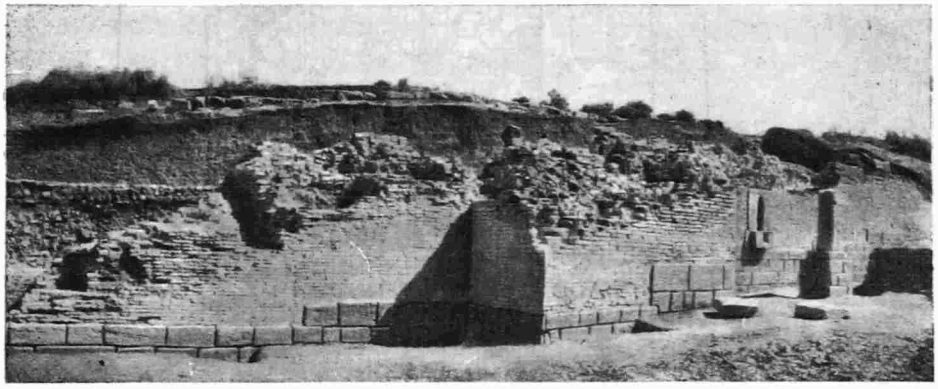

Рис. 5. Оборонительная стена из обожженного кирпича на каменном цоколе сооруженная в III в. до н. э. (раскоп «А»)

стических расписных (с узором в виде полос). Кроме керамики, датировку сброса примерно первыми десятилетиями II в. до н. э. подтверждают также и находки монет.

Над описанными выше сбросами лежал гумусный слой, относящийся к I в. до н. э.— первым векам нашей эры и содержавший многочисленные обломки керамики. Этот слой налегал на развал оборонительной стены; там среди камней стены была обнаружена мраморная база ионийской колонны и обломок расписной глиняной таблички — пинака с изображением пояса пальметт и бутонов и пояска бус, по-видимому, коринфской работы VI в. до н. э.

Над этим слоем обнаружена стена № 7, сложенная из ломаного кирпича. Она идет с севера на юг. Ширина стены — 0,50 *м*, высота — всего 0,16 *м*. С запада к стене примыкает вымостка из гальки (возможно, мостовая двора). Далее на запад обнаружен сброс слоев первых веков нашей эры, состоящий из кирпича, черепиц и сильно раскрошившихся кусков обожженной глины — вероятно, остатков разрушенных печей. Там же найдены обломки великолепного ажурного акротерия из белого известняка; он состоял из пальметты, извивающихся жгутов листов аканфа и цветков каллы; высота собранной части акротерия была около 0,90 *м*. Этот акротерий, а равно и находки фрагментов антефиксов, украшенных пальметтами, свидетельствуют о том, что в районе раскопа «С» находились сооружения, имевшие богатый архитектурный декор.

На раскопе «А» раскрыта оборонительная стена, наружная сторона которой была частично раскопана Х. Цекой в 1956 г. В 1958 г. было вскрыто около 470 $м^2$. Длина открытой части стены — 35 *м*, ширина — около 6,10 *м*, в высоту она сохранилась до 6,48 *м* (рис. 5 и 6). Снаружи стена имеет цоколь, заключающий до пяти рядов хорошо отесанных каменных квадров, уложенных насухо; постели рядов — горизонтальные, но высота рядов неодинакова; различна и длина блоков: одни близки к квадратам, другие — к вытянутым прямоугольникам. Следуя рельефу местности, стена понижается к западу-юго-западу, соответственно понижается уступами и цоколь. В уступах широко применяется врубка одного блока в угол другого.

Над цоколем лежит кирпичная кладка, местами на прокладке из черепицы. Кирпич обожженный, квадратной формы, близкий греческому сырцовому кирпичу; размеры боковых сторон его — 0,42—0,45 *м*, толщина — 0,06—0,08 *м*. Западная часть стены сложена на небрежно нанесенном тонком слое промазки из извести (без песка).

Почти посередине раскопанного участка стена была усилена прямоугольной башней, выступавшей за линию стены на 3,05 *м* и имевшей в длину по фасаду — 6,10 *м*. Размеры башни и толщина оборонительной

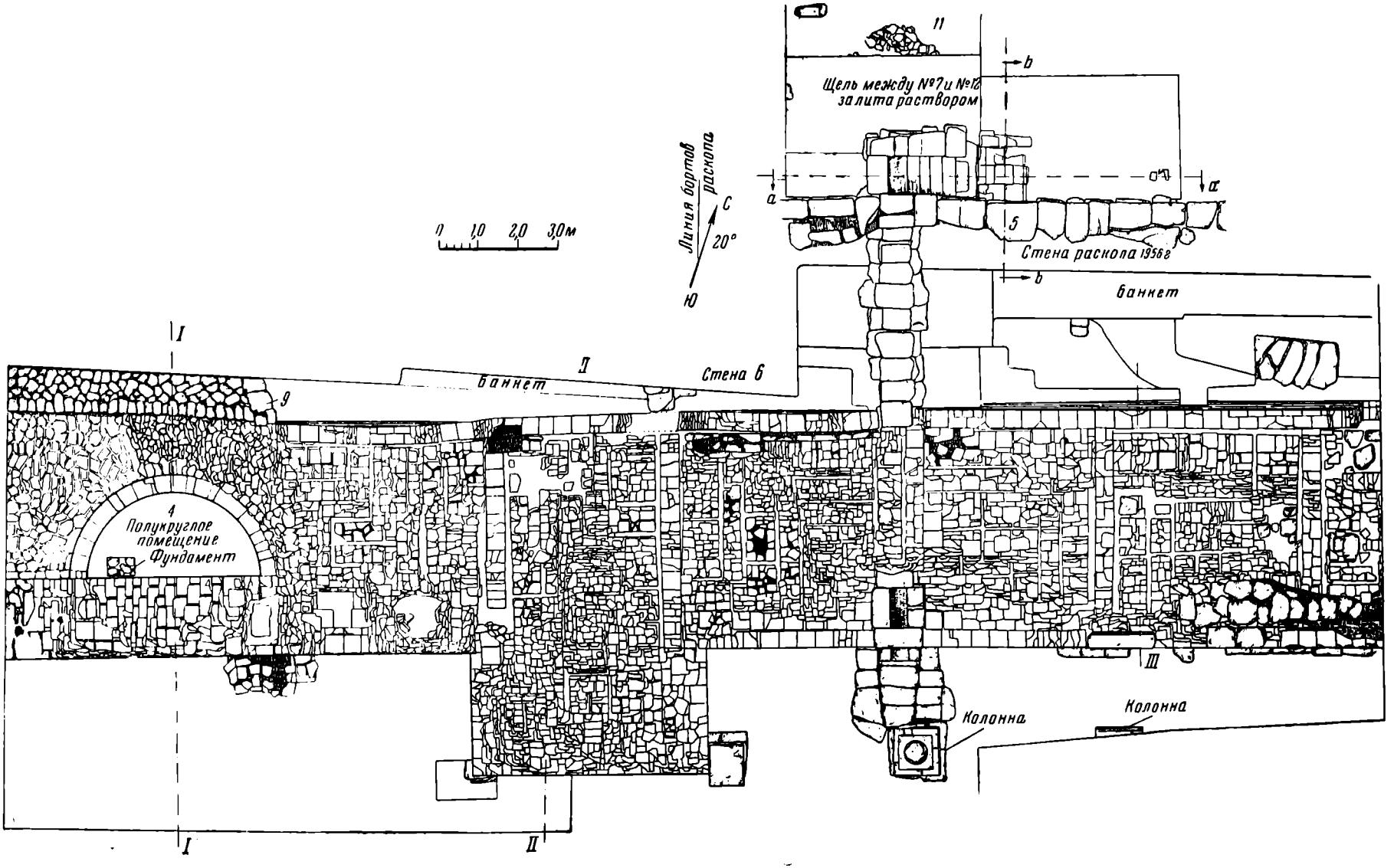

Рис. 6. План раскопа «А»

стены позволяют, как нам представляется, наметить величину фута, применявшегося при постройке стен Аполлонии,— 0,305 *м* (вынос башни — 10 футов, длина — 20 футов).

В западном углу башни фундамент был зачищен до подошвы; он был шире стены и сооружен из грубо обработанного камня; высота его — 1,05 *м*. Высота каменного цоколя над ним — 1,52 *м;* поднимающаяся выше кирпичная стена сохранилась в высоту на 1,28 *м*, состоит она из 14 рядов кирпичей, лежащих на довольно толстом слое крепкого известнякового раствора с примесью песка. Такой же характер имеет и кладка стены к востоку от башни вплоть до водостока.

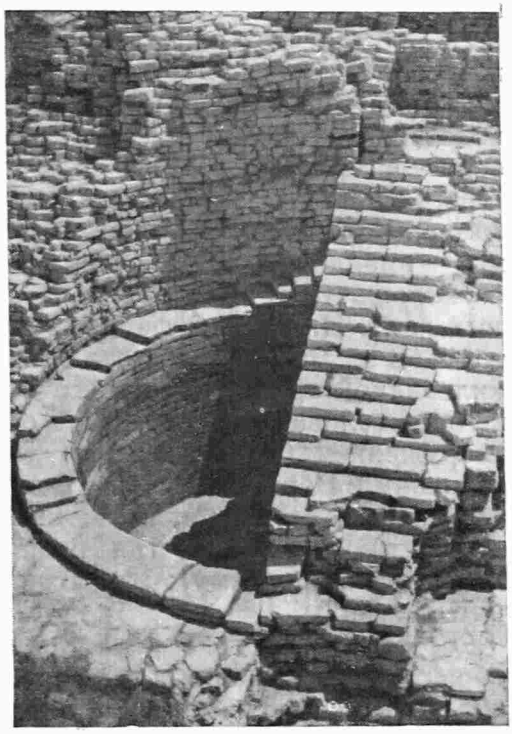

Рис. 7. Полукруглое в плане помещение, устроенное в толще оборонительной стены III в. до н. э. (раскоп «А»)

В западно-юго-западной части стены, в толще ее, было сооружено помещение, почти полукруглое в плане (рис. 7); длина его была 4,34 *м*, наибольшая ширина — 2,10 *м*. Прямой стороной помещение примыкало к наружной части стены.

Помещение, вероятно, служило складом или, может быть, караульней. Оно имело два периода жизни. Нижний пол был засыпан полутораметровым пластом земли, заключавшим обломки керамики, в том числе 33 конусовидных грузила. Ко второму периоду бытования помещения относятся находки двух фрагментированных остродонных амфор, весов с бронзовыми чашками и железным коромыслом и бронзовой фигурки танцующего сатира.

Наружная стена помещения во всю толщу (1,90 *м*) была сложена из целых кирпичей. Обращенная к внутреннему массиву полукруглая стенка помещения была выложена в один кирпич. В остальных частях оборонительной стены целые кирпичи лежали также только на наружной и внутренней сторонах панциря, а во внутреннем заполнении, помимо целого, широко применялся ломаный кирпич, подобно буту внутри каменных стен.

Внутри стены имеются просветы, как бы сеть каналов, пересекающихся под прямым углом. Вероятно, это следы деревянного каркаса [29] стены, усилившего ее прочность при ударах таранов и землетрясениях. Когда деревянные балки сгнили, увеличилась деформация стены, особенно заднего фасада, покосившегося во внутрь.

Задний фасад стены до самой подошвы выведен из кирпича. Как у стены на раскопе «С», глубина подошвы южного фасада меньше, чем переднего, а именно она на 1,44 *м* выше верхней поверхности цоколя и на 3,40 *м* выше подошвы последнего.

Рассматриваемая стена имела сложную историю. Заложенные в нее большие каменные квадры, вероятно, были отесаны в IV в. до н. э.; тогда же, возможно, была сооружена и часть цоколя стены. В дальнейшем цоколь был частично переложен, при этом применялись единичные рустованные блоки; тогда цоколь получил облик, сохранившийся до на-

[29] Vitruv., 1, 5, 3.

шего времени. В то же время была возведена кирпичная стена на тонком растворе, заключающая полукруглое помещение. Эти работы, видимо, были произведены не позднее III в. до н. э.[30]

Во II—I вв. до н. э. крепостная стена (как и на раскопе «С») утратила свое прежнее значение. Теперь она стала подпорной, поддерживающей насыпь террасы. Стена была перестроена, внутри нее был устроен водосток для дождевой воды с верхней террасы. На краю верхней террасы, вдоль стены было построено, вероятно, общественное сооружение, от которого уцелел только фундамент. Можно думать, что тогда же на нижней террасе перед наружной стороной прежней оборонительной стены была поставлена монументальная колоннада, обнаруженная в 1956 г.

При этих работах была переложена кирпичная кладка на участке от водостока до башни включительно, т. е. там, где кирпичи лежат на толстом слое раствора. Тогда был поставлен и водосток, материал для которого, вероятно, был взят из более ранней постройки, возможно, близкого назначения. Длина водостока (по горизонтали) — 10,61 *м;* это — коридор с круто спускающимся вниз каменным полом, стенами из хорошо тесанных квадров и перекрытием из горизонтально уложенных плит. Наружный фасад его обрамлен каменным наличником высотой 2,08 *м*. Выход водостока имеет форму узкой амбразуры, перекрытой килевидной аркой; высота его — 1,56 *м*, ширина — 0,36 *м*. Обращенная в город голова водостока была обрамлена заглубленным прямоугольным сооружением (длиной 2,80 *м*), куда вела каменная лестница с пятью ступенями. Верхняя ступень была слегка подтесана, дабы облегчить слив воды. К этой ступени примыкал желоб из кирпичей (размером 0,46×0,42× ×0,08 *м*), лежащих в три ряда (средний — горизонтально, боковые — наклонно к среднему); желоб примазан известковым раствором к камням лестницы.

С юго-юго-востока к лестнице примыкала стена, видимо, большого общественного здания. От нее сохранился ряд хорошо отесанных квадров высотой 0,33 *м*, стоявший на фундаменте из грубоотесанных блоков. Вдоль северной стороны этой стены, вероятно, тянулся кирпичный водосток; его конец уцелел возле лестницы. При постройке описываемого здания вдоль внутренней стороны оборонительной стены была сооружена насыпь из гумированного суглинка и глины до 3 *м* толщиной. Среди находок керамики в этой насыпи отметим характерные для Аполлонии крышки амфор[31].

В напластованиях первых веков нашей эры найдено большое количество различных глиняных изделий, достойных внимания. Среди них обломки сосуда из bucchero nero, аналогичного по форме краснолаковой керамике I—II вв. н. э. Слой этого времени залегал и над полукруглым помещением, где обнаружена ручная мельница с жерновом-толкачом. Верхний жернов прямоугольной формы, с большим вырезом (для зерна), сохранился полностью; длина его — 0,46 *м*, ширина — 0,37 *м*, высота 0,11 *м*. От нижнего жернова в виде большой плоской плиты уцелела только часть.

Верхний слой III—IV вв., состоявший из сильно гумированного суглинка, в значительной части подвергался перекопке. Среди находок в нем отметим обломки кирпича, в том числе шлакированного, кусок глиняной формы для изготовления антефиксов с женской головой (вероятно, богини) и монету императора Константина.

---

[30] Судя по находкам, слой суглинка, отложившийся с внутренней стороны оборонительной стены, относится к концу III — началу II в. до н. э.

[31] L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 24, рис. 22 и 23.

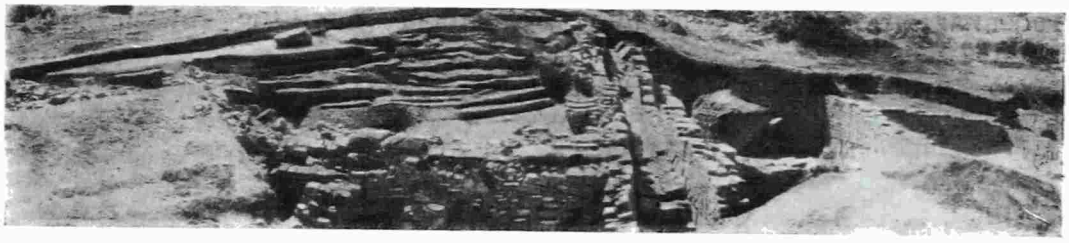

Рис. 8. Общий вид раскопа «F». Две группы остатков сооружений от II в. до н. э. до III—IV вв. н. э., разделенных проходом-водостоком, вымощенным кирпичом во II в. н.э

Заложенный в средней части городища раскоп «F», площадью 350 *м*², имел довольно сложную стратиграфию (рис. 8). В древности этот участок был занят двумя террасами, причем верхней принадлежала неширокая полоса вдоль восточного борта, покрытая тонким культурным слоем. Лежавшие под скатом напластования нижней террасы были значительно толще; глубина здесь до материка (желтоватой глины) достигала 2,32 *м*. Скат между террасами — крутой, не менее 45°.

На данном участке, где, по всей вероятности, располагались жилые кварталы, шла интенсивная жизнь с VI в. до н. э. до IV в. н. э. При этом ранние культурные напластования позднее были перекопаны, а постройки ранее II—I вв. до н. э. не уцелели. Нижние напластования, встречавшиеся преимущественно в северо-восточной половине раскопа, содержали много находок от VI до II в. до н. э. Там обнаружены обломки кирпича, черепицы, остродонных амфор, посуды — чернолаковой, расписной коринфской и архаической с узором в виде поясов, аттической черно-фигурной и краснофигурной, южноиталийской, простой тонкостенной, кухонной из коричневой глины, терракотовых фигурок, светильников, грузила, фрагмент полного профиля светлоглиняной формы для оттискивания рельефных фиал с орнаментом в виде пальметт и бутонов, многочисленные железные крицы и т. д.

В эти напластования были впущены нижние части построек II—I вв. до н. э. Они, по-видимому, относились к двум зданиям, разделенным нешироким проходом (№ 34), вымощенным рваным камнем, и этот проход тянулся с северо-запада на юго-восток, подобно лежащему над ним более позднему кирпичному водостоку.

К юго-западу от прохода находилось обширное сооружение, содержавшее прямоугольную комнату со стенами, сложенными из больших грубоотесанных блоков. Продолжением северо-восточной стены этой комнаты на северо-запад является примыкающая к проходу стена (№ 22), сложенная из кирпича насухо и стоящая на цоколе из каменных квадров; ширина этих кирпичей — 0,45 *м*, толщина — 0,08 *м*.

Второе здание стояло к северо-востоку от прохода (№ 34); стены его довольно тонкие, сложены тщательно. В основании их лежат три-четыре ряда рваных камней, над которыми расположены кладки из обломков черепиц эллинистического типа.

Все описанные сооружения ориентированы с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад. Такая ориентация встречается и в последующих напластованиях, показывая, что общий характер городской планировки на данном участке сохранился до позднеантичного времени.

Остатки следующего строительного периода — I в. до н. э.— I в. н. э.— открыты в северо-западной части раскопа. Они также расположены по обе стороны прохода, тянущегося с северо-запада на юго-восток. На юго-запад от прохода обнаружена подходящая впритык к кладке № 22 (II—I вв. до н. э.) стена № 21, сложенная из кирпича насухо, на цоколе из каменных квадров; ширина этих кирпичей — 0,38 *м*, толщина 0,07 *м*. К этой стене с запада примыкала круглая печь, по-

строенная из битой черепицы и кирпича (диаметр внутри нее — около 1 *м*).

По другую (северо-восточную) сторону прохода находится стена № 5а, сложенная из кирпича насухо.

Многочисленные остатки построек следующего слоя, примерно II в. н. э., свидетельствуют об оживленной строительной деятельности в этот период.

В это время проход между домами был выстлан кирпичом. Кирпичи (размером 0,41×0,41×0,07 *м*) были уложены в три ряда; в среднем ряду они лежали горизонтально, а в боковых — с наклоном к среднему, образуя водосток (№ 20) [32]. Проход-водосток сильно понижался по направлению с юго-востока на северо-запад, падение горизонтали в среднем было 1 *м* на 5 *м* в длину. Проход был засыпан в III — начале IV в. н. э.

По сторонам прохода стояли большие здания. К северо-востоку от него возвышались две стены (№№ 2 и 3), подходившие одна к другой под прямым углом; они служили подпорными стенами верхней террасы. Стены выложены на глиняном растворе из камня и кирпича (размером 0,45×0,45×0,07 *м*). С внутренней стороны к стенам примыкали кладки из битого кирпича на глине, служившие забутовкой, поверхности их, обращенные в сторону насыпи террасы, имели рваные очертания.

К северо-западу от описываемой террасы раскопаны два комплекса стен из кирпича и черепицы на глиняном растворе. В числе их — примыкающая к проходу-водостоку стена № 5, которая стоит на служащей ей фундаментом более ранней стене № 5а (последняя, как говорилось, сложена из кирпича насухо).

На юго-запад от прохода находилось обширное здание, ему принадлежала стена № 1, тянувшаяся вдоль прохода более чем на 15 *м*. Она была сложена на глиняном растворе из ломаных и целых кирпичей (размером 0,37 × 0,37 × 0,07 *м*); фундамент был возведен из каменных блоков, а частично им служили стены нижних слоев.

Кладка № 7, подходившая под прямым углом к стене № 1, соединяла последнюю с довольно большим прямоугольным помещением, стены которого были сложены из ломаного кирпича на глиняном растворе; фундаменты стен были устроены из больших каменных блоков; пол помещения покрывал слой розоватого раствора извести с примесью толченой керамики.

К последнему напластованию III—IV вв. н. э. относятся две кладки. Крупноблочная, квадровая кладка № 28 в юго-восточном углу раскопа обнаружена над проходом-водостоком № 20, она пересекает его под прямым углом. Кладка № 8 в северо-западной части раскопа имеет хищнический характер; она небрежно сложена из обломков кирпичей и черепиц, бутового квадрового камня, среди которых заложен обломок барабана колонны; это показывает, что при постройке стены были применены остатки различных, вероятно, разновременных зданий.

В верхних напластованиях, состоявших из коричнево-сероватого суглинка, найдено много обломков кирпичей, черепицы, остродонных амфор (а среди них — ручек с латинскими клеймами), лутериев, посуды — простой, чернолаковой, краснолаковой, расписной и (в небольшом количестве) кухонной. Далее назовем крышки амфор, обломки терракотовых фигурок, грузила пирамидальной и конической формы, светильники со щитками и орнаментом на плечах, осколки сосудов из прозрачного стекла, один из них с рельефным орнаментом и частью надписи ΥЄΦ, обломок чаши из синего стекла с глазками и пирамидальный свинцовый грузик. Отметим кусок пода с продухами от камеры обжигательной печи и многочисленные железные крицы.

---

[32] Такой же проход-водосток между домами был обнаружен Л. Реем при раскопках Аполлонии в 1923—1924 гг. См. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durrazzo (1923—1924), стр. 11, рис. 8.

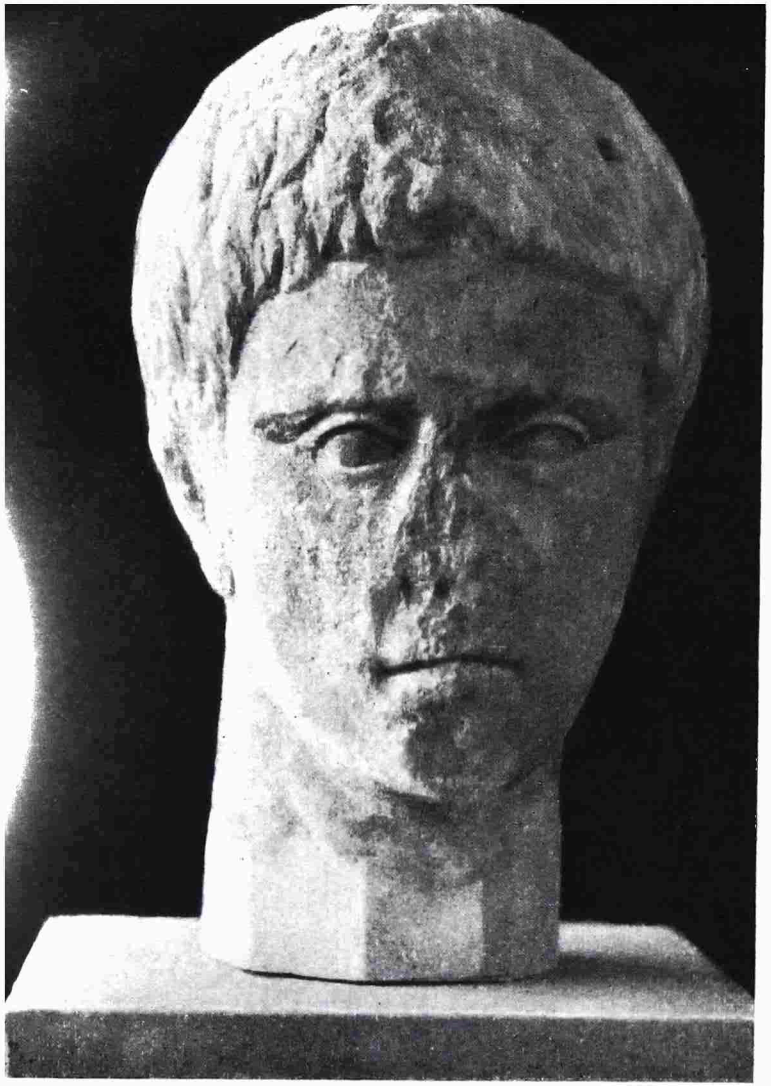

Рис. 9*а*. Мраморная голова атлета. Копия оригинала круга Поликлета (раскоп за городом)

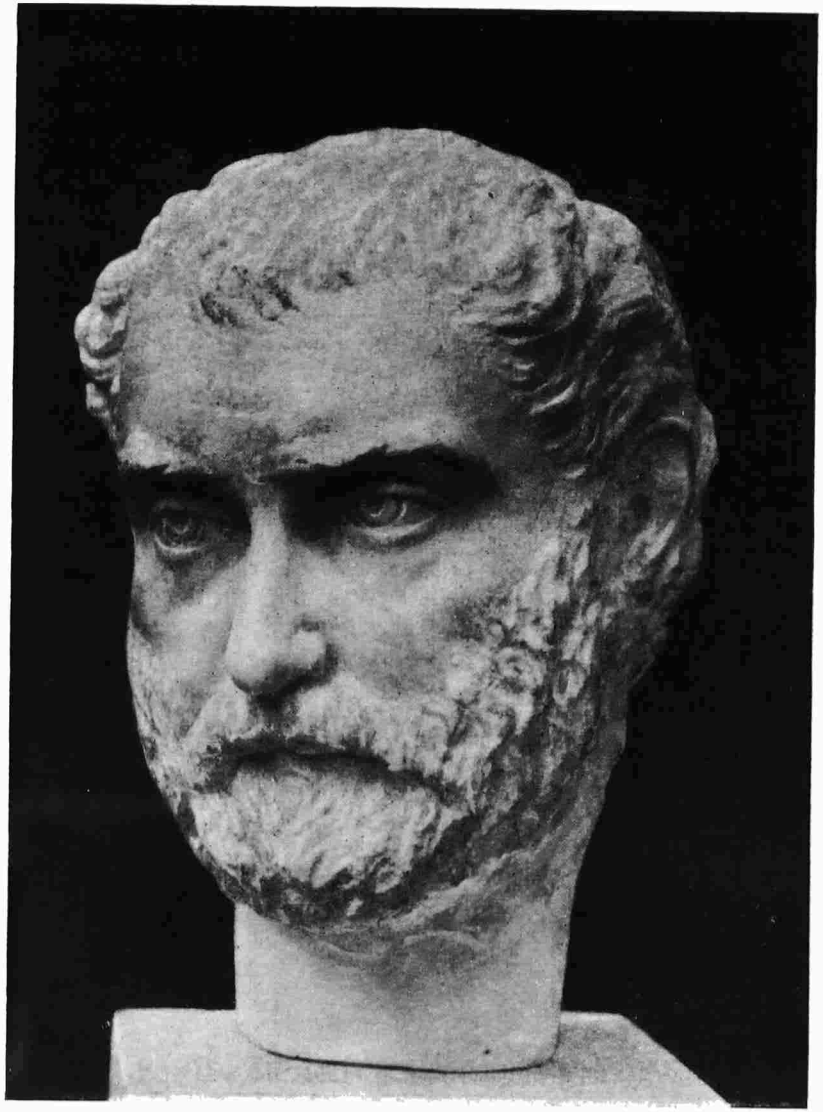

Рис. 9*б*. Портретная мраморная голова, исполненная около начала III в. н. э.; по типу близка Демосфену (раскоп «Р»)

Рис. 10. Мозаика, представляющая Нереиду на дельфине (раскоп «D»)

Рис. 11. Мраморная женская фигура; возможно, портретная статуя (раскоп «F»)

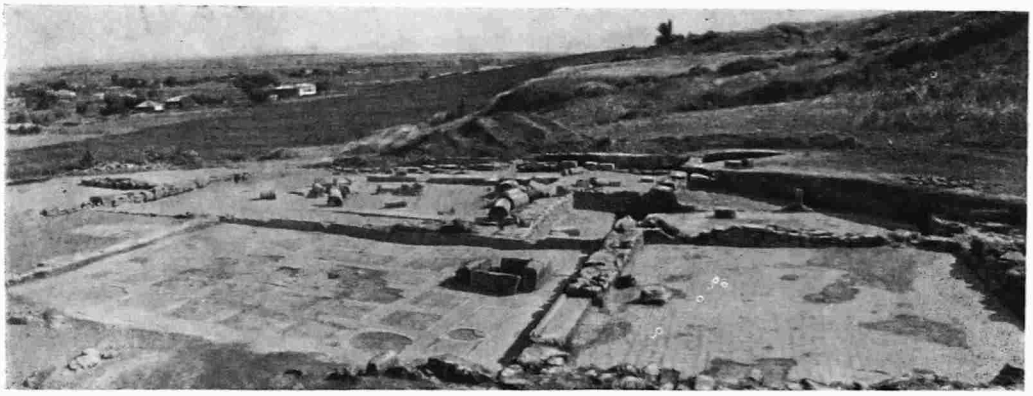

Рис. 12. Общий вид перистильного двора (раскоп «D»)

Ряд находок свидетельствует о богатстве архитектурного декора: фрагменты облицовочных плиток из белого и цветного мрамора, куски раствора со следами этих плиток, обломки баз, барабанов и капителей колонн и полуколонн дорийского и ионийского ордеров.

Наконец, особо следует отметить находку двух скульптур: портретной мужской головы и женской фигуры.

Мраморная голова, возможно, представляет собой портрет знаменитого аттического оратора Демосфена (рис. 9, *б*). Правда, у аполлонийской головы нет полного сходства с хорошо засвидетельствованной ватиканской копией [33] известной статуи Полиевкта, но нельзя забывать, что другие реплики — эрмитажная [34], берлинская [35], мюнхенская [36] и особенно парижская [37] — пожалуй, не менее отличаются от ватиканской. Что же касается времени исполнения аполлонийской головы, то, судя по технике выполнения волос, бороды и глаз, ее вряд ли можно датировать раньше конца II в. или, вернее, первых десятилетий III в. н. э. Общая манера работы позволяет усмотреть скорее некоторую близость ее с художественными традициями аттической школы скульпторов (сравнить хотя бы с портретами косметов), чем с портретным искусством Италии того же времени.

Большая мраморная статуя представляет собой женскую задрапированную фигуру; голова, руки и ступни ног отбиты (рис. 11). По типу эта скульптура близка портретным женским статуям римского времени [38].

Около статуи обнаружен обломок надгробного памятника — цилиндрического столбика с частью надписи: «...ENTA».

Раскоп «D», заложенный в западной части городища, был целиком занят домом первых веков нашей эры, в силу чего более ранние напластования удалось вскрыть лишь на небольшом участке в северной части раскопа. Там выявлен слой III—II вв. до н. э., заключавший обломки черепицы эллинистического времени, краснолаковой эллинистической посуды, чернолаковой керамики IV—III вв. до н. э., фрагментированную коринфскую расписную ойнохою [39] и небольшие грузила конической формы.

---

[33] Brunn-Arndt. Griechische und Römische Porträts. München, 1903, табл. 574.

[34] О. Ф. Вальдгауер. Этюды по истории античного портрета. Л., 1948, стр. 183 сл., рис. 64—65.

[35] Brunn-Arndt. Ук. соч., табл. 138.

[36] Там же, табл. 136—137.

[37] Там же, табл. 139—140.

[38] См. Г. А. Παπαβασιλείου. Βαλανεῖον' Ρωμαϊκῶν χρόνων ἐν Αἰδηψῷ. Ἐφ. Ἀρχ., 1907, стр. 10, табл. 3.

[39] Ср. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 13, рис. 9.

Обширный, многокомнатный дом, занимавший всю площадь раскопа (687,5 *м*^{2}), был открыт не полностью; в длину (с северо-запада на юго-запад) он был выявлен на 30 *м*, в ширину — на 26 *м*. Стены его, обнаруженные на глубине 0,10—0,20 *м*, обычно сохранились на небольшую высоту (0,10—0,80 *м*); сложены они из кирпича, преимущественно битого, и камня в основном рваного, средней величины; встречаются также грубоотесанные квадры. Эти материалы перемежаются без особой

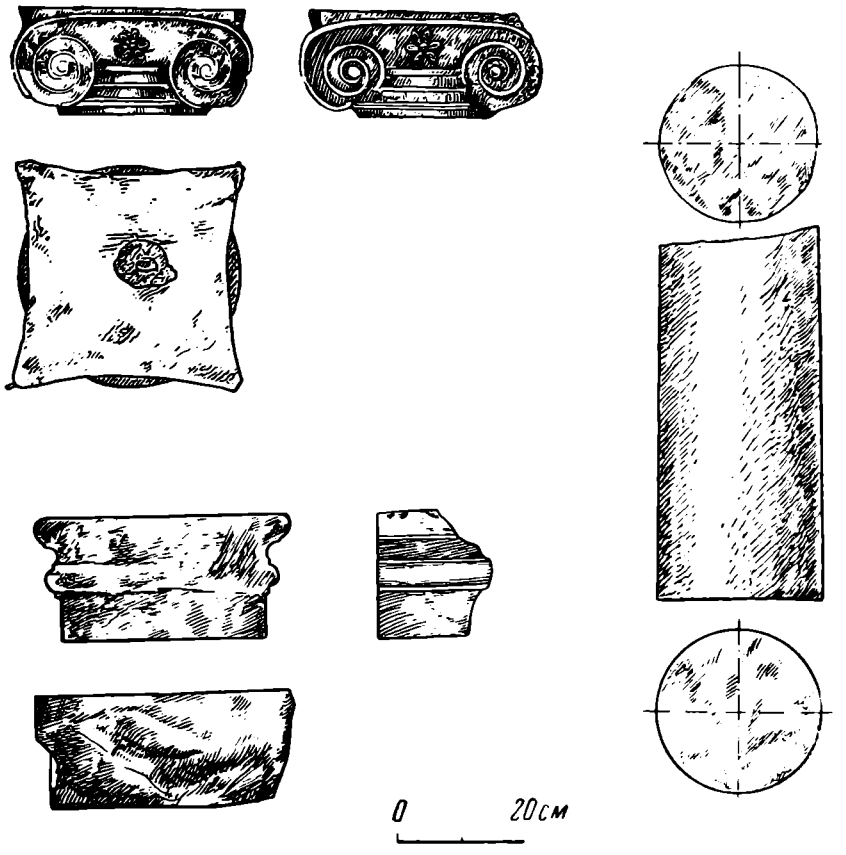

Рис. 13. Части колонн нижнего и второго ярусов, обнаруженные в перистильном дворе (раскоп «D»)

системы, что характерно для «хищнической» кладки. Самая кладка выполнена небрежно, на белом известковом растворе с примесью очень мелкой гальки. Полы и вымостки обнаружены на глубине не более 0,80 *м*.

Посередине дома находился большой прямоугольный перистильный двор размером 15×12,5 *м*, со всех сторон окруженный комнатами (рис. 12). Центральную часть двора обрамлял квадратный стилобат [40] (величиной примерно 8 × 8 *м*), выложенный из больших квадров, шириной в среднем 0,55 *м;* на некоторых из них видны следы троянки. Остатки раскрошившейся базы колонны в западном углу и следы других баз (диаметром 0,45 *м*) показали, что на каждой стороне стояло по четыре колонны, а всего их было 12; на местах некоторых баз сохранились служившие надстилами свинцовые листы. Во дворе лежало 12 гладкоствольных барабанов колонн и их обломков; некоторые складывались в неполные колонны. Одна из них составилась на 3 *м* в высоту, другая, высотой

[40] В доме «А», который Леон Рей раскопал в Аполлонии в 1924 г., был обнаружен перистильный двор со стилобатом для несохранившихся колонн, примерно таких же размеров, как и в доме 1958 года. См. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apolonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 12, рис. 4, стр. 15.

Рис. 14. Мраморная статуя Афины, обнаруженная в перистильном дворе (раскоп «D»)

2,93 *м*, имела наибольший диаметр внизу — 0,42 *м*, а вверху — 0,308 *м*. К сожалению, капители и верхние барабаны не сохранились (рис. 13).

Помимо этих обломков колонн, по двору были разбросаны три профилированные базы, десять гладкоствольных барабанов и три ионийские капители других колонн, значительно меньших размеров (нижний диаметр баз был всего 0,35 *м*). Нужно думать, что малые колонны стояли во втором этаже. Следовательно, перистильная галерея и, во всяком случае, примыкавшие к ней части дома были двухэтажными. Ионийские капители[41] были двух типов — две от угловых, одна от промежуточной колонны. Отметим еще находку частей пилястр — базы и капители, украшенной растительным орнаментом.

Средняя часть двора глубже боковых на 0,19—0,29 *м;* она была вымощена беломраморными плитками, уцелевшими лишь частично; на остальной поверхности видны остатки подстилки из розоватого известкового раствора с прослойкой черепков амфор, на котором имеются следы лежавших на нем плиток (размером 0,33×0,34 *м*). Галереи двора также имели мраморные вымостки; сохранились они плохо.

В южном и северном углах двора части боковых галерей были отгорожены (видимо, в более позднее время).

Собиравшаяся во дворе дождевая вода стекала в водосток, дно и перекрытие которого были выложены из хорошо обожженных кирпичей (величиной 0,28×0,28×0,25 *м*), а боковые стенки из ломаного кирпича толщиной 0,08 *м*. Ширина канала водостока — 0,15 *м*, высота — 0,12 *м*.

В слое, лежавшем над двором, встречались обломки штукатурки, белой, красной, желтой, черной, голубой, а также расписной с разноцветными полосками, сеткой и другими мотивами; найдены также куски лепных штуковых карнизов и вырезанные из тонких мраморных пластинок лепестки пальметты (вероятно, части богатой инкрустации).

В перистильном дворе обнаружено несколько мраморных скульптур натуральной величины — женская задрапированная фигура без головы и правой руки, вероятно, статуя Афины (рис. 14), статуя стоящего магистрата (рис. 15)[42], также без головы, нижняя часть шеи еще одной скульптуры и торс юноши (рис. 16). Вне двора, около его восточного угла, лежала база статуи (рис. 17), возможно, Аполлона; уцелели части ступней, высокий узкий треножник, над которым находится щит черепахи (нужно думать, часть лиры).

Перистильный двор со всех сторон обрамлялся комнатами различной сохранности. К двору с северо-запада, юго-запада и юго-востока примыкали парадные помещения; полы двух комнат были покрыты мраморными плитками, пяти других — украшены мозаикой[43].

Такие дома, богато украшенные мозаичными полами, встречаются в римских провинциях[44] во времена их экономического подъема. Техника исполнения мозаик описываемого дома характерна для мозаичных полов периода империи. Это pavimentum tessellatum[45], в котором мозаика выкладывается из прямоугольных камешков (tessella).

К северо-западу от двора, против его середины, находилась комната

---

[41] Аналогичный вариант ионийской капители известен в Аполлонии. См. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 20, рис. 13.

[42] Статуя, аналогичная по типу, была найдена в Аполлонии в 1925 г. См. L. Rey. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924), стр. 16, стр. 21, рис. 14.

[43] Отметим, что наличие мозаичных полов в Аполлонии уже давно отмечалось ее исследователями. См. C. Patsch. Das Sandschak Berat in Albanien, стр. 150; C. Praschniker und A. Schober. Ук. соч., стр. 71; C. Praschniker. Ук. соч., стр. 39.

[44] P. Gauckler. Musivum opus. Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des Antiquités, III, 2, стр. 2108 сл., рис. 5249.

[45] Там же, стр. 2092.

Рис 15. Мраморная задрапированная мужская фигура вероятно, статуя магистрата (раскоп «D»)

размером 5,70×4,80 *м*, пол которой покрыт мозаикой, хорошо сохранившейся, за исключением центральной части и северного угла.

Мозаику обрамляет белый бордюр и двойная плетенка; внутри нее ковер сложных узоров из окаймленных плетенкой больших, округлых, крестообразных фигур с четырехлистником посередине; между этими фигурами — небольшие кружки, заполненные орнаментом (рис. 18). В длину мозаики таких крестообразных фигур — три, в ширину — две с половиной. Орнаменты выложены из белых, желтых, розовых, светло-серых и темно-серых кубиков величиной около 0,01 $м^3$, форма их — квадрат или чуть вытянутый прямоугольник; подстилом служит розоватый известковый раствор.

Посередине мозаики находится круг, обрамленный лопастями, составляющими крестообразную фигуру; таким образом образуются пять клейм — одно круглое и четыре лунарных. В них были фигурные изображения на белом фоне, которые сохранились лишь частично (рис. 19). Эта часть мозаики выложена из более мелких кубиков, чем узоры. Полихромия богатая, применены белый, желтый, розовый, кирпично-красный, коричневый, черно-коричневый, черный, серый, зеленый двух оттенков, аквамарин и синий цвета. В центральном кругу помещалась фигурная композиция, от которой уцелела только небольшая часть фигуры актера — голова в венке и левая рука в плотно облегающей одежде. В лунарных клеймах находятся изображения человеческих голов, возможно, времен года; северо-западная голова в зеленом венке представлена почти впрямь, юго-восточная — в три четверти.

Юго-западная стена комнаты «актера» прерывается дверным проемом шириной 1,01 *м*, поверхность которого аккуратно выложена обломками черепицы. Дверь ведет во вторую комнату (размером 4,80× ×5,20 *м*), пол которой также покрыт хорошо сохранившейся мозаикой. Размеры кубиков примерно такие же, как в предыдущей; цвета их — белый, светло-серый, темно-серый, розовый, желтый и кирпично-красный. По краям идут белый бордюр и рамка, заполненная побегом плюща. Остальную поверхность мозаики занимает строгий геометрический орнамент, состоящий из темных пересекающихся кругов, расположенных так, что на центр каждого из них налегают четыре соседних. Образовавшиеся при этом фигуры оживлены мелкими цветными полями. Посередине мозаики расположено небольшое квадратное клеймо в рамке из двойной плетенки и стилизованных волн. В эту рамку вписан небольшой квадрат, внутренняя часть которого не сохранилась.

К комнате «с узорной мозаикой» примыкала третья комната; вдоль ее северо-западной стены, впритык к ней, тянется другая кирпично-каменная стена, вероятно принадлежавшая иному зданию.

На юг от комнаты с узорной мозаикой расположена большая продолговатая комната, раскопанная не полностью. Пол ее был вымощен разноцветными мраморными плитками, из которых уцелели немногие. Описываемая комната соединялась дверью с перистильным двором; уровень комнаты был много выше, чем у двора, поэтому перед дверью устроили ступеньку.

К продолговатой комнате с юго-востока примыкал большой зал (размером 9,10×7,25 *м*). Нижние части его стен были облицованы мраморными плитками (высотой 0,21 *м*), в большинстве сохранившимися на месте; пол вымощен мраморными плитками различных цветов: белого, желтоватого, серовато-голубоватого, сине-черного, лилового, белого с розоватыми прожилками и красновато-коричневого с белыми прожилками.

Вдоль узких северо-западной и юго-восточной сторон тянутся полосы беломраморных плит, а за ними следуют полосы штучной работы — четыре прямоугольника в цветных рамках, между которыми помещены три квадрата; из них боковые — белые с вставленными в них цветными

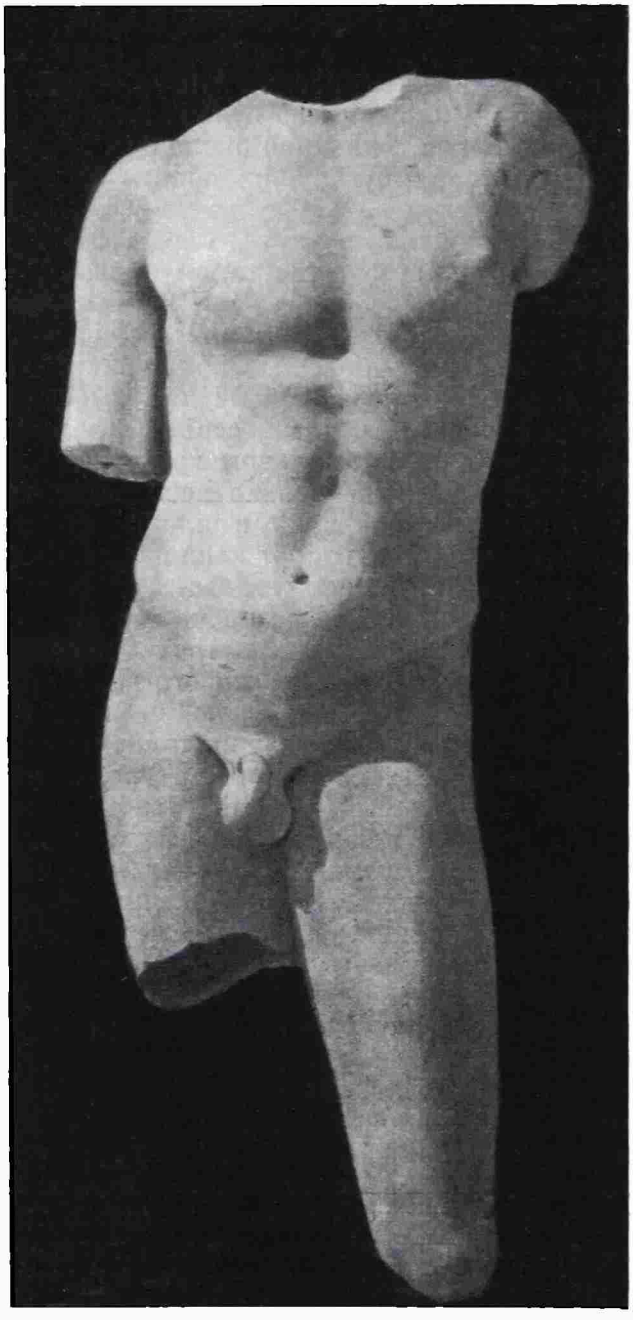

Рис. 16. Мраморный торс юноши
(раскоп «D»)

кругами, центральный — серовато-голубой с вписанным в него другим квадратом.

Остальная поверхность пола разделена серовато-голубоватой сеткой на 36 квадратов (6×6). Угловые четыре квадрата — белые; в них вписаны цветные круги. Остальные 32 квадрата — красновато-коричневые, с белыми прожилками, обрамленные белой каймой. Мраморный пол, еще

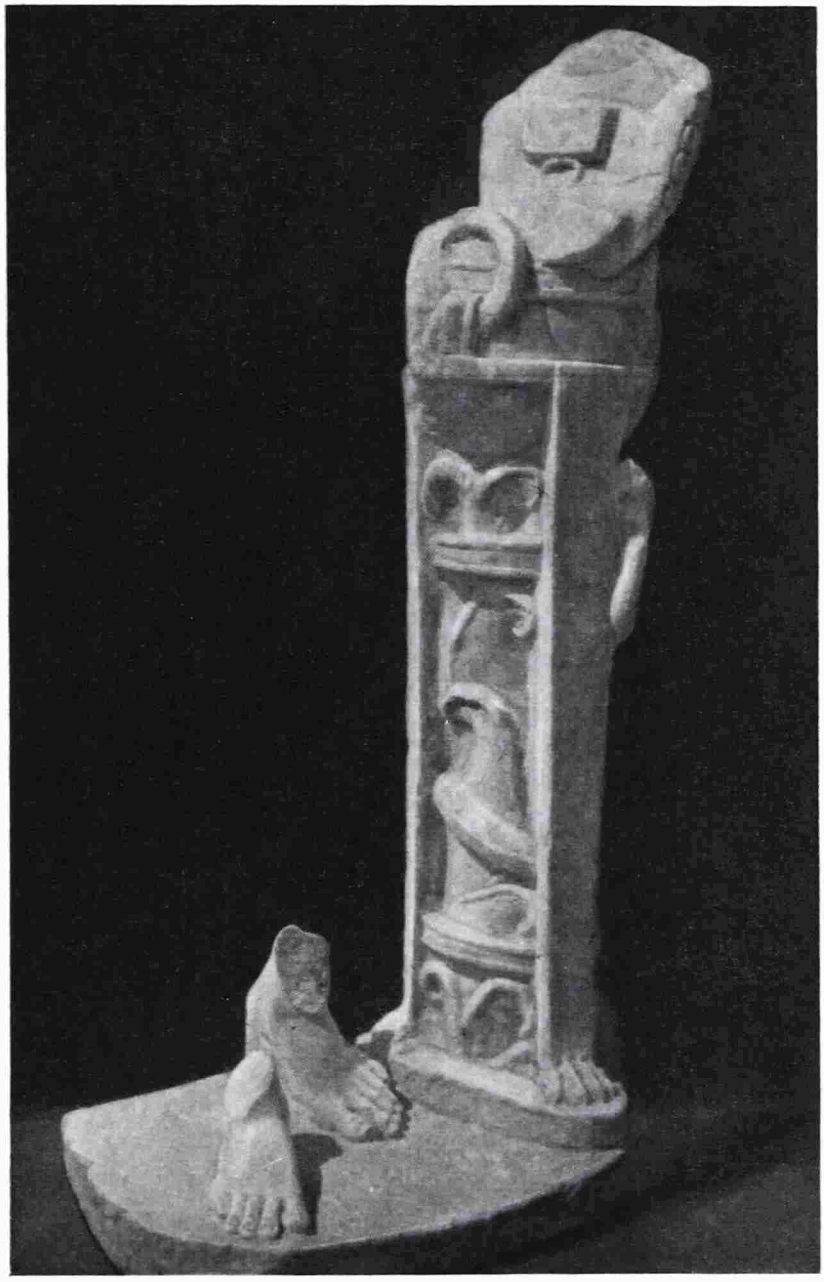

Рис. 17. Часть мраморной статуи: база со ступнями ног и треножник; возможно, принадлежала той же скульптуре, что и торс юноши (раскоп «D»)

в древности ремонтировавшийся, во многих местах поврежден. Посередине зала мраморный пол продавлен, вероятно, стоявшим здесь тяжелым предметом, оставившим крестообразный след; к востоку от него на полу стояли четыре каменных блока.

В восточном углу зала находится дверь; она ведет в помещение в южном углу перистильного двора. Хорошо сохранился высокий камен-

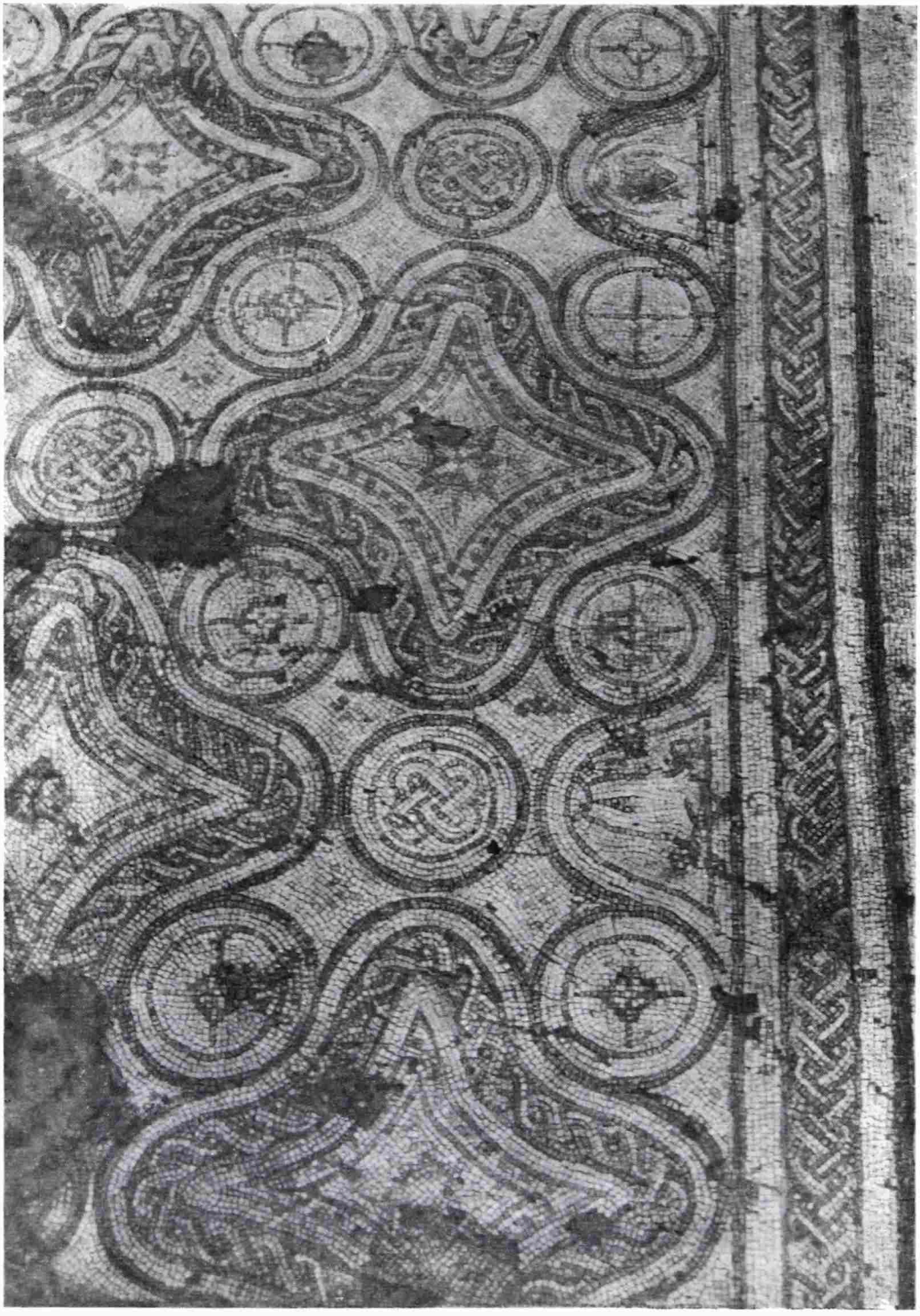

Рис. 18. Мозаичный пол «комнаты актера», украшенный округлыми крестообразными фигурами (раскоп «D»)

ный порог с небольшим барьерчиком со стороны мраморного зала; возле барьерчика по обеим сторонам порога имеются круглые углубления для подпятников двухстворчатых дверей.

К залу с юго-востока примыкала обширная комната с мозаичным полом; туда из зала вела широкая (1,67 *м*) дверь, от которой уцелел высокий каменный порог. Он имел барьерчик со стороны зала. Возле барьерчика по обеим сторонам порога выдолблены круглые углубления для подпятников двухстворчатых дверей. Юго-восточная створка двери,

Рис. 19. Центральная часть мозаичного пола «комнаты актера», украшенная женскими головами и, вероятно, сценой театрального представления (раскоп «D»)

сильно осевшая, протерла четко заметные следы на пороге (размер створки — 0,83 *м*). Часть мозаики возле порога была повреждена еще в древности и заменена вымосткой из мраморных плиток.

Пол комнаты покрывала сложная по мотивам мозаика. Вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стен шли полосы узора из вытянутых ромбов, чередующихся с поставленными на угол квадратами; на концах этот узор фланкировали квадраты с вписанными в них полукругами. Эта рамка охватывает с трех сторон большую квадратную композицию, занимающую значительную часть помещения, а также широкую полосу монотонного геометрического орнамента вдоль юго-западной стены.

Квадратная композиция обрамлена сложной рамой из шести поясов — сначала меандра, затем перемежающихся белых и черных треугольников, за которыми следуют четыре полихромных пояса: сильно стилизованного кимматия, двойной плетенки, квадратов, поставленных на угол, и ординарной плетенки (рис. 20). Внутри рамы находятся 13 разделенных бордюрами клейм с фигурными изображениями на белом фоне. Фон и фигуры исполнены из камешков значительно меньших размеров, чем пояса орнаментов.

Рис. 20. Часть мозаичного пола в «комнате Нереиды». Узоры обрамления центральной части с фигурными изображениями (раскоп «D»)

По четырем углам квадрата отделены четверти кругов, куда помещены плохо сохранившиеся изображения каких-то морских животных, вероятно, каракатиц. Между ними расположены полукруглые клейма с изображением гиппокампов, под которыми клубятся волны (рис. 21). Посередине находится круг, в четырех просветах между ним и остальными полями помещены изображения рыб. В круг вписан восьмиугольник, обрамленный плетенкой; в этом поле изображена нагая Нереида, сидящая на дельфине, плывущем по клубящимся волнам (рис. 10).

Полихромия фигурных изображений богатая. Применены следующие цвета: белый, желтый, желто-сероватый, розовый, бледно-розовый, ярко-желтый, кирпично-красный, оранжевато-красный, красно-лиловый (темный и светлый), лиловый, светло-коричневый, темно-коричневый, зеленовато-коричневый, темно-зеленый, светло-оливковый, зеленый, аквамарин и черный. Сохранность мозаики в общем вполне удовлетворительная.

К «комнате Нереиды» с юго-западной стороны примыкала другая комната, плохо сохранившаяся и не полностью раскопанная. На северо-западной стене ее уцелела облицовка из мраморных плиток, высотой

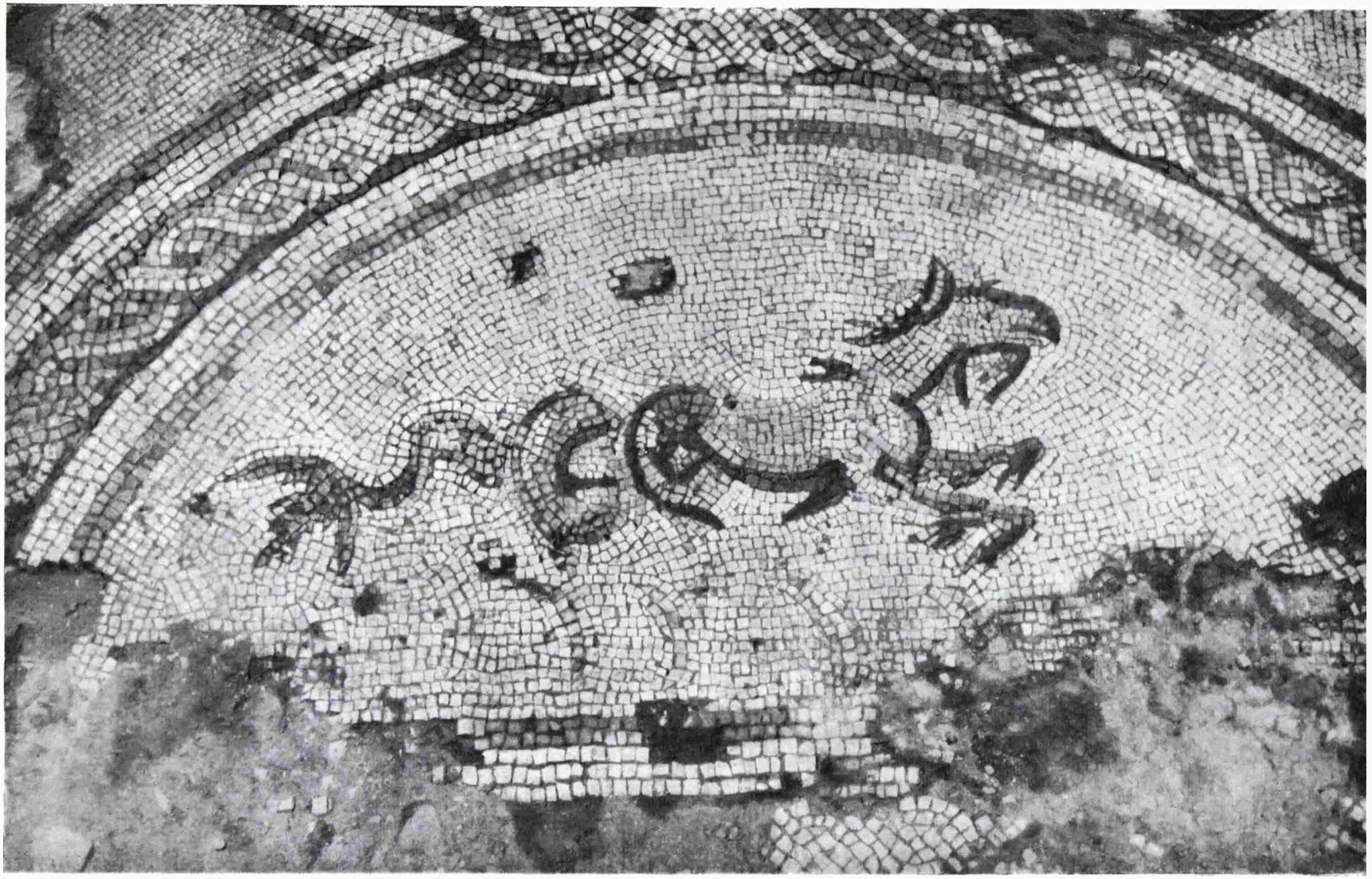

Рис. 21. Часть мозаичного пола в «комнате Нереиды». Гиппокамп (раскоп «D»)

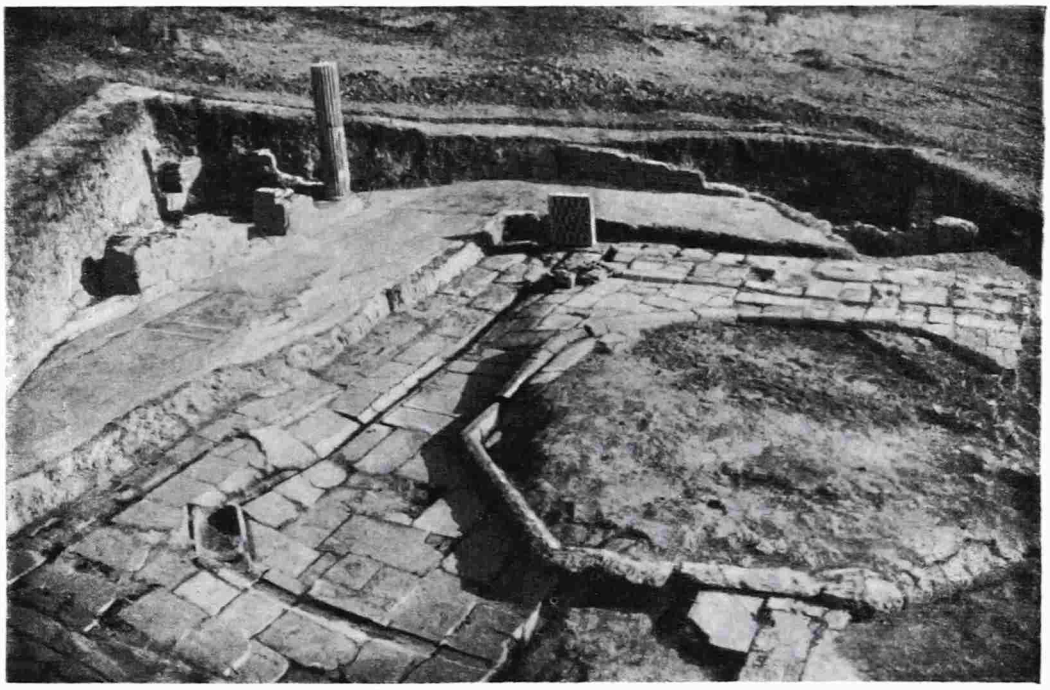

Рис. 22. Общий вид двора богатого дома (раскоп «G»)

0,12 *м;* на полу около той же стены сохранилась полоса сильно поврежденной мозаики. По краю мозаики тянется широкий белый бордюр, за которым расположен орнамент из серых перемежающихся кругов, размещенных таким образом, что через центр каждого проходят четыре соседних; образующиеся при этом поля выложены белыми, желтыми, а также серыми камешками.

На северо-восток от «комнаты Нереиды» расположено прямоугольное помещение, пол которого покрыт мозаикой, по большей части хорошо сохранившейся. Состоит она из очень простого узора, составленного из белых, серых и черных кубиков. Мозаику обрамляет белая кайма с редкими квадратами, исполненными пунктиром, и узкий пояс перемежающихся серых и белых равнобедренных треугольников. Остальная поверхность покрыта пересекающимися кругами, так расположенными, что четыре соседних круга пересекаются в одной точке; поля между ними расцвечены белыми, серыми и черными камешками.

Посередине юго-восточной стены находилось какое-то сооружение: мозаика здесь прерывается, а кайма обрамляет это место. Как показала пробоина, под полом этой комнаты находился выложенный из кирпича канал, шедший по направлению с северо-запада на юго-восток. Этот канал по внешнему облику напоминает часть гипокаустов, которые обычно сооружались под кальдарием [46]. Однако раскопки соседних помещений, произведенные в 1959 г., показали, что этот канал относится к системе водостоков.

Вдоль северо-западной стороны кальдария тянется каменный порог, за которым находится отгороженная часть в южном углу двора. Посередине и на концах порога вырублены углубления. Вероятно, на концах его стояли полустолбы, а посередине столб, поддерживавший перекрытие.

Комната к северо-востоку от описанного помещения, а также и следующая за ней выявлены лишь частично. Во второй комнате на се-

[46] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2104, рис. 5244.

Рис. 23. Мозаичный пол прохода, обрамляющего двор (раскоп «G»)

веро-западной стене сохранились остатки высококачественной штукатурки (stucco lustro) белого цвета с вертикальной красной полосой.

Общее число комнат в первом этаже дома, видимо, было не менее 22. В наличии второго этажа (хотя бы не над всеми помещениями) нельзя сомневаться. Жители покинули дом, вероятно, в довольно спокойных условиях; в доме каких-либо предметов обихода или остатков мебели

Рис. 24. Мраморная статуэтка Афины, восходящая к оригиналу Фидия; работа Евемера афинянина (раскоп «G»)

обнаружено не было. Развалины дома покрывал слой гумированного суглинка, верхний пласт которого многократно перепахивался. Этот слой образовался после разрушения дома в результате наплыва земли со склона холма. В слое обнаружены многочисленные куски кирпича, черепицы, в том числе клейменой (круглое клеймо с изображением совы), обломки штукатурки различных цветов: красного, зеленого, желтого, синего и белой с росписью. В меньшем числе встречались черепки остродонных амфор, простых, чернолаковых и краснолаковых сосудов, све-

тильников и осколки прозрачного зеленоватого стекла. Возможно, что один из обломков принадлежал оконному стеклу. Особо отметим находку железного косаря для рубки кустов и инталии с изображением женской задрапированной фигуры с младенцем в руках. Встречались монеты I—IV вв. н. э.

После гибели дома в западной части его была устроена детская могила; костяк, ориентированный головой на северо-запад, лежал в гробнице, устроенной из черепиц римского времени.

На раскопе «G», площадью 225 *м*², разбитом в южной части города, обнаружен другой богатый дом первых веков нашей эры. Там раскопан внутренний двор и части прилегавших к нему помещений (рис. 22). Прямоугольный двор (размером 10×11 *м*) был вымощен мраморными плитками. Его обрамлял прямоугольный в плане неглубокий желоб для дождевой воды. В каждом из углов желоба были небольшие углубления. Восьмиугольное пространство посередине двора обрамлялось невысоким барьерчиком. По сторонам внутреннего двора, несколько выше уровня последнего, тянулся проход шириной 2,60 *м*. Поверхность этого прохода была сплошь покрыта мозаикой (рис. 23). По краям прохода идут бордюры (до 0,65 *м* шириной), выложенные из белых кубиков, размеры которых больше, чем в мозаичных полах дома на раскопе «D». Между бордюрами находится широкая полоса (1,95 *м*), занятая богатыми геометрическими и растительными орнаментами. Эта мозаика выложена камешками того же размера, как и в бордюрах; камешки эти белого, желтого, красного (с оттенками от темно-красного до розовато-красного), синего, серого и черного цветов. В углу прохода находится следующий орнаментальный мотив: четыре квадрата расположены один внутри другого. Во внешнем поясе извивается побег плюща; соседний с ним пояс — белый, следующий заполнен вытянутыми в ряд треугольниками. В центре — вихрящаяся розетта. Посередине прохода основу композиции составляют четыре квадрата, расположенные один внутри другого. Внешний и внутренний пояса заполнены белыми камешками, а более широкий, средний — сложным мотивом плетенки. Во внутренний квадрат вписано кольцо с мотивом двойной плетенки, а в углах этого квадрата — по листу плюща. Внутри кольца помещена многолепестковая розетта. Между мотивами посередине и углам прохода тянутся в два ряда квадраты, со всех сторон обрамленные сильно вытянутыми ромбами, которые, соединяясь между собой, образуют крестообразные фигуры. Внутри квадратов в шахматном порядке чередуются узоры в виде розетт или сложных плетенок. В проходе была найдена каннелированная колонна и три скульптуры. Весьма интересна мраморная статуэтка богини Афины, восходящая к оригиналу второй половины V в. до н. э. аттического скульптора Фидия (рис. 24). На прямоугольном пьедестале этой скульптуры имеется подпись исполнившего ее мастера:

ΕΥΗΜΕΡΟΣ ΑΘΗΝΑΙΟΣ	Евемер афинянин
ΕΠΟΕΙ	сделал.

Высота статуэтки вместе с пьедесталом — около 0,70 *м*.

Вторая скульптура представляет собой портретный герм бородатого грека; это работа II в. н. э., оригинал которой, вероятно, был исполнен примерно в конце IV в. до н. э. (рис. 25).

Наконец, назовем небольшую, очень выразительную фигуру стоящего Атланта, отличающуюся резко моделированной мускулатурой (рис. 26).

В долине к востоку от древнего города, возле нынешней дер. Бакер, у подошвы холма, на котором лежит Аполлония, был заложен еще один раскоп площадью 200 *м*². Там открыты на небольшой глубине развалины

многокомнатного загородного дома первых веков нашей эры. Здание построено из грубоотесанных камней, а также кирпичей и их обломков. Размеры некоторых кирпичей 0,37×0,36×0,075 *м*. При сооружении этого здания в качестве строительного материала использованы также обломки двух больших мраморных статуй львов, рельеф с изображением Ники.

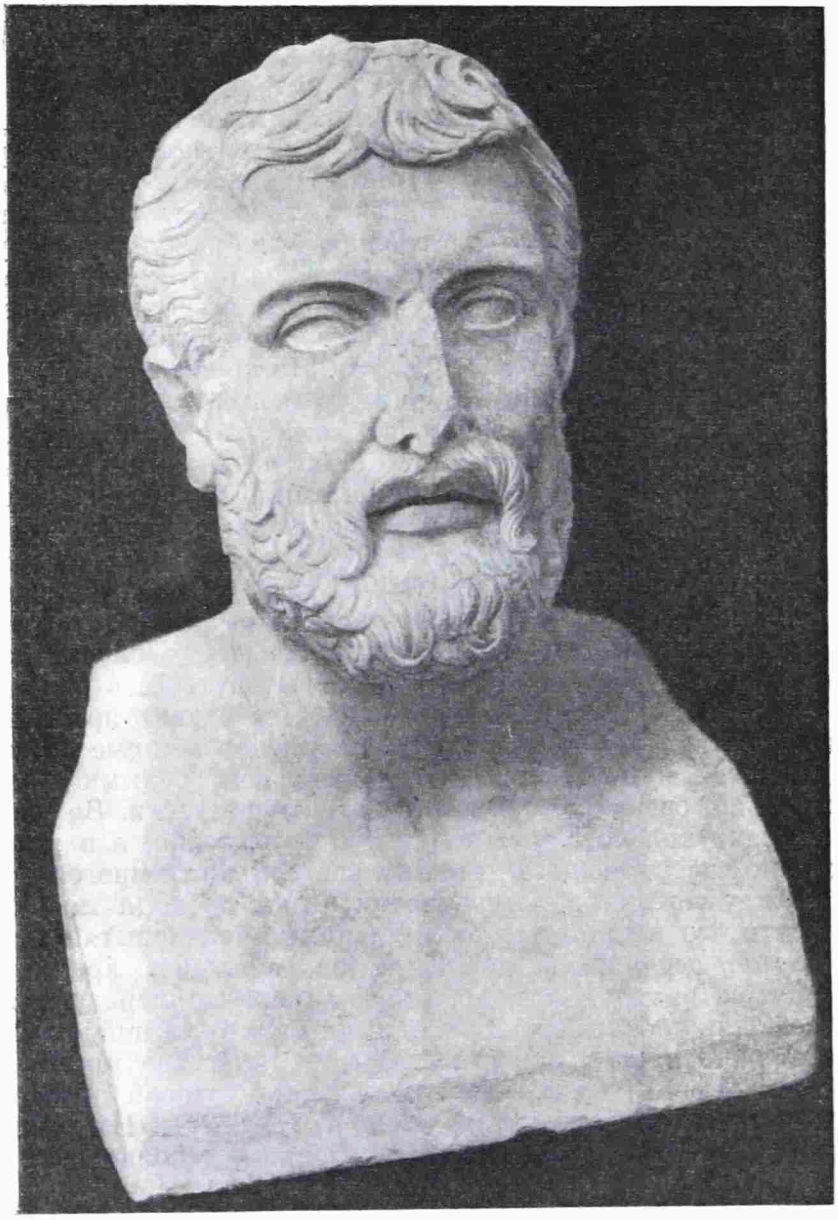

Рис. 25. Мраморный портретный герм, копия оригинала около конца IV в. до н. э. (раскоп «G»)

закалывающей быка, и мраморная голова юноши; последняя, видимо, принадлежала статуе юного атлета-победителя, представлявшей собой копию римского времени с бронзового оригинала круга Поликлета (**рис. 9, *а***).

Во время раскопок в Аполлонии обнаружен ряд случайных находок. Среди них отметим найденные за пределами города фрагментированную мраморную статую юноши и надгробный памятник, весьма типичный для античных некрополей Иллирии, в виде небольшого (высота 0,18 *м*)

цилиндрического столбика с высеченной на нем надписью:

ΕΡΜΙΑ Гермия
ΧΑΙΡΕ прощай

Надгробие Гермии обнаружено около дер. Круджата. Особого внимания заслуживает также небольшой свинцовый барельеф-односторонка, представляющий собой стоящую задрапированную женскую фигуру с венком в руке, повернутую в профиль; возможно, это изображение Артемиды; по общему характеру эта фигурка близка известным архаическим свинцовым рельефам, найденным при раскопках Менелайона в Спарте [47] и хранящимся в Афинском Национальном музее.

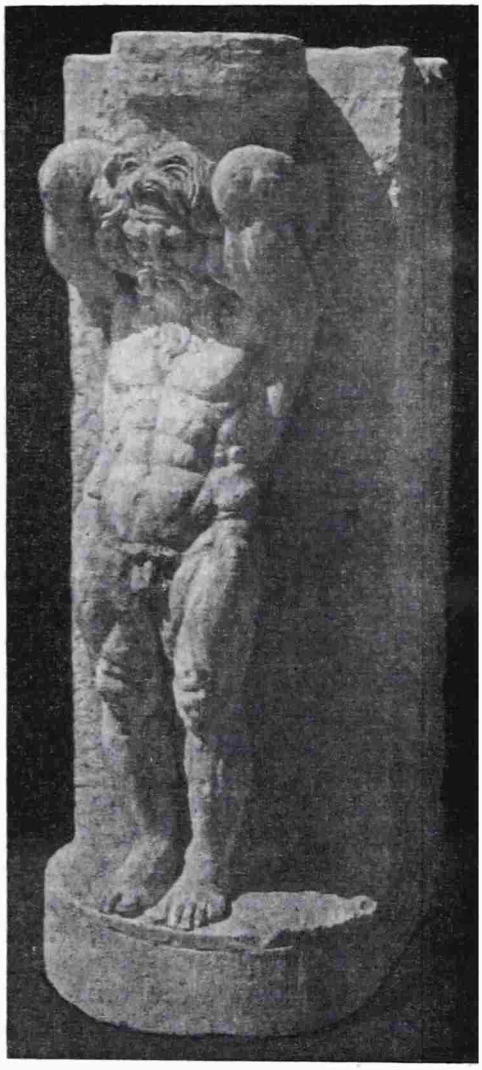

Рис. 26. Статуэтка Атланта (раскоп «G»)

Подводя итоги основным результатам раскопок Аполлонии в 1958 г., отметим, что был исследован характер культурных напластований и история жизни четырех различных участков города; при этом обнаружены многочисленные находки, начиная с VI в. до н. э. и кончая III—IV вв. н. э. Получены новые данные по фортификации Аполлонии, причем вскрыты два участка оборонительной городской стены, различные по устройству; на обоих участках крепостная стена сохраняла оборонительное значение примерно до II в. н. э., после чего на южном участке она приобрела значение подпорной, а на северном возле нее была устроена свалка отходов керамической мастерской. В средней части города обнаружена часть жилого района, раскрывшего перед нами весьма сложную историю строительной деятельности в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры. Наконец, в западной части городища частично вскрыт обширный жилой дом с перистильным двором и многочисленными комнатами и богато украшенными парадными помещениями.

В результате раскопок можно считать установленным в Аполлонии значительное развитие ремесла. Наличие кузнечного и бронзолитейного дела засвидетельствовано многочисленными находками железных криц (начиная со слоя VI в. до н. э.), а также бесформенных кусков меди. Большим разнообразием отличалось керамическое производство Аполлонии, там изготовлялся кирпич, черепица, простая посуда (в том числе тонкостенные сосуды средней величины и мелкие), расписная и рельефная посуда, а также фигурки из терракоты. На это указывают находки керамического брака (кирпича, черепицы и особенно многочисленной

[47] A. J. B. Wase. Excavations at Sparta 1909. The Menelaion. Annual of the Brit. Sch. at Ath., XV, 1908—1909, стр. 128, рис. 6, *21*; стр. 139сл.; стр. 135сл., рис. 9, *21* и сл.; стр. 128, рис. 6, *21* и сл.; стр. 130сл.; стр. 135сл., рис. 9, *21* и сл.

простой, а также расписной посуды), кусков форм для изготовления антефиксов, терракотовых статуэток и рельефной фиалы, а также часть пода обжигательной камеры гончарной печи. Особенно обширным по масштабу было производство кирпича, который уже с IV в. до н. э. был в большом ходу в гражданской архитектуре и в оборонительных сооружениях Аполлонии.

Заслуживают внимания находки орудий труда — обломков ручных мельниц, железного секача [48] для вырубки кустарников, многочисленных грузил обычно конусовидной и реже пирамидальной формы.

Наконец, следует отметить, что пополнились наши сведения о торговых связях Аполлонии с Коринфом и Великой Грецией. Особо следует отметить наличие некоторых находок (керамика в ранних напластованиях), которые скорее всего следует связать с местной — иллирийской культурой.

Обнаружение ряда памятников зодчества, образцов архитектурного декора, произведений скульптуры и художественного ремесла обогатили наши представления об искусстве Аполлонии и своеобразии ее культуры.

* * *

Во время раскопок в Аполлонии при земляных работах в Пашалимане, находящемся на месте древнего Орика [49], обнаружена монументальная постройка, потребовавшая археологического обследования. Для этого был заложен раскоп площадью 400 *м*^{2}, расположенный на восточном склоне холма, некогда занятом древним Ориком (рис. 27). Юго-западный угол раскопа накрыл часть большой довольно отлогой лестницы, вырубленной в материковой скале.

На эту лестницу налегают субструкции большой монументальной постройки, вероятно, театра, вскрытого не полностью (рис. 28). Это сооружение имеет очень богатую архитектурную отделку и характеризует высокий уровень каменотесного дела. Здание состоит из подковообразной площадки, обрамленной полукольцом поднимающихся уступами мест для зрителей. Округлой стороной площадка ориентирована на юго-запад; диаметр ее — 9,55 *м*, а длина с северо-востока на юго-запад достигает 12,80 *м*. Бóльшая часть верхней поверхности площадки вырублена в материковой скале, а остальная — вымощена хорошо отесанными каменными плитами; однако возможно, что это не древняя дневная поверхность, а лишь подстил для вымостки штучной работы из высококачественных облицовочных плиток [50].

С юго-западной стороны площадка обрамлена стеной, высотой 1,57 *м*, имеющей вид подия [51]. На небольшом расстоянии от «подия», вдоль края площадки, проходит полукольцо невысокого каменного барьера. Возможно, что барьер обрамлял снаружи предполагаемую нами мостовую штучной работы, а проходивший по краю площадки неглубокий канал предназначался для стока воды.

В основании «подия» находится цоколь, по очертаниям близкий к упомянутому кольцевому барьеру. Выше тянется пояс довольно сложного профиля с двумя сильно выступающими округлыми валиками. Над поясом поднимается гладкая стена, увенчанная карнизом, состоящим из ряда высоких и узких дентикул и сильно нависающей выносной плиты. За исключением выносной плиты, сохранность «подия» очень хорошая.

---

[48] Аналогичное орудие, но несколько иного типа см. L. M. Ugolini. Allbania Antica, т. I, Roma — Milano, 1927, стр. 50, табл. XXII, 11.

[49] Орик находится в 42 *км* к югу от Аполлонии; расположен он на южном берегу глубокой бухты.

[50] Ср. вымостку орхестры театра Диониса в Афинах.

[51] Ср. театр в Аспенде (J. D u r m. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 469, рис. 431 *b*).

Рис. 27 Орик. План раскопа

Профилированный пояс по самой середине имеет небольшой прорыв, а над этим прорывом в карнизе не прорезаны дентикулы. Вероятно, здесь некогда стояла плита, возможно, со строительною надписью.

Над «подием» располагались полукругом уступами поднимавшиеся места для зрителей. Их уцелело четыре ряда; нижний (первый) уступ, шириной 0,81 *м*, видимо служил только для хождения. На более широком

Рис. 28. Орик. Общий вид здания

(0,98 *м*), втором уступе сохранились следы некогда стоявших здесь массивных каменных кресел, плотно прилегавших к третьему уступу. Кресла занимали около половины ширины уступа, что видно по фактуре камней: на поверхности, ранее прикрытой креслами, сохранились следы инструментов каменотесов; те же части поверхности камней, которые находились перед креслами, носят следы сильной обтертости вследствие длительного хождения по ним.

В средней части полукружья, вероятно, был радиально расположенный проход, обрамленный монументальными креслами (рис. 29). Один из блоков кресел (размером на двоих людей) обнаружен немного сдвинутым возле своего места, три других примерно таких же блока найдены в других частях раскопа.

У всех кресел спинки не сохранились, верхняя поверхность была немного вогнутой, передняя сторона была немного подрезана книзу, а задняя сторона вертикально срезана. В плане кресла имели не прямоугольные очертания, а образовали прогибы, следуя округлым очертаниям уступов. Кресло, примыкавшее с юго-востока к проходу, имело с края ножку в виде львиной лапы и ручку в виде льва (грифа или сфинкса?). Аналогичные украшения, вероятно, имелись и у кресла, стоявшего с противоположной, северо-западной стороны. Следы подобной ножки прослеживались на поверхности второго уступа.

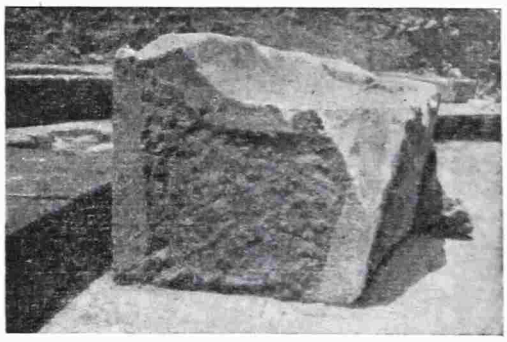

Рис. 29. Орик. Деталь здания. Кресло

На третьем уступе, видимо, как и на втором, стоял ряд кресел; поверхность наружной половины там значительно более обтерта, чем внутренней. Что же касается блока в средней части полукружия, то он чуть выступает над другими, а верхняя поверхность его выглядит несколько более свежей (возможно, в результате ремонта очень сильно обтертой ступени лестницы).

От четвертого уступа уцелел только нижний ряд камней; они имели тщательно обработанную боковую поверхность; так же был обработан и прилегающий к ней немного заглубленный край верхней поверхности. Остальная же часть верхней поверхности была грубо отделана шпунтом.

За пределами четвертого уступа сохранились остатки субструкций, основу конструкции которых составляли радиально расположенные кладки. Такие кладки по краям «выкружки подия» дошли в довольно хорошей сохранности. Длина субструкций у юго-юго-восточной стороны достигает 11,30 *м*. Характер подтески северо-восточных сторон этих кладок показывает, что там были проходы.

Вдоль северо-восточного края мощеной площадки тянется с северо-северо-запада на юго-юго-восток широкий (0,60 *м*) каменный цоколь высотой 0,25 *м*.

Описанное нами здание в основном было построено из камней повторного использования. В блоках, из которых сооружены уступчатые места для зрителей, наблюдаются беспорядочно расположенные углубления, явно не связанные с новым, повторным использованием камней. В субструкции юго-западной части здания обнаружен блок, представляющий собой архитектурную деталь — тонкую полуколонну, приставленную к пилястру. Наконец, в южной части здания при сооружении субструкций в них были заложены два блока с надписями; одна из них ΟΝΑΣΙΜΟΥ лежала в перевернутом положении; другая надпись ΑΜΜΙΑΣ... Судя по шрифту, надписи вряд ли могут быть датированы временем ранее II в. до н. э., что

дает terminus post quem сооружения здания. Вместе с тем наличие в субструкциях блоков повторного использования, которые первоначально могли находиться в фасаде стены или служить именными местами для зрителей, делает возможным предположение, что в качестве строительного материала для дошедшего до нас здания театра были частично использованы камни, взятые из аналогичного по назначению более раннего сооружения.

Во время раскопок в Орике имели место довольно многочисленные случайные находки в ближайшем районе. Среди них следует отметить богато профилированные архитектурные детали, обломки алтарей, скульптур, надписей, сферическое ядро (диаметром 0,125 *м*) из известнякового камня для баллисты, конусовидные глиняные грузила, одно из них с характерной для рыбака посвятительной надписью ΤΥΧΑΙC — счастливым судьбам или случаям. Наконец, следует упомянуть неолитический топор, найденный в слое античного времени; аналогичный по типу топор был обнаружен в окрестностях Шкодры (хранится в музее Шкодры).

Заканчивая наш краткий обзор раскопок Аполлонии и Орика в 1958 г., мы хотим подчеркнуть, что он имеет лишь предварительный характер, отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту. К тому же необходимо подчеркнуть, что раскопки 1958 г.— это лишь начало намечаемых больших работ, после осуществления которых мы будем располагать значительно более обильными и разнообразными материалами. Изучение всех этих многообразных находок, добытых Албанской археологической экспедицией, потребует немало времени и будет осуществляться всем научным коллективом участников этой работы.

М. Р. ПОЛЕССКИХ

РАННИЕ МОГИЛЬНИКИ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1952 г. недалеко от г. Пензы, у с. Селиксы, был открыт древний грунтовой могильник, расположенный среди луговины на небольших буграх вдоль речки Отвиль. Проведенные здесь экспедицией Пензенского музея раскопки показали, что могильник состоит из двух ярусов. Верхний ряд погребений [1] вполне аналогичен древнемордовскому Армиевскому могильнику [2]. Нижний ряд погребений относится к более древнему времени и отличается своеобразием ритуала и составом вещей.

На Старшем Селиксенском могильнике раскопано 16 погребений (7 мужских и 9 женских). Могильные ямы имели прямоугольную форму и глубину около 1 *м*. Длина могил в отдельных случаях (мужское погр. № 14) достигает 3,65 *м;* ширина не превышает 0,6 *м*. Сохранность костей очень плохая. Положение погребенных вытянутое, на спине, со сложенными на животе руками, головой на запад, с легким уклоном к северу.

Другой грунтовый могильник (подобный Селиксенскому) открыт на окраине с. Ражки Голицынского р-на (левый берег р. Мокши). В этом могильнике вскрыто 14 ранних погребений (6 мужских, 4 женских, 4 детских). Плохо сохранившиеся костяки, ориентированные головой на север, с уклоном к западу, залегали в ямах овально-вытянутой формы, на глубине около 1 *м*.

В 1930 г. Н. И. Спрыгиной, в окрестностях г. Пензы, на правом размываемом берегу протока р. Суры, были раскопаны три погребения. Судя по отрывочным данным дневника раскопок, погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Найденные здесь вещи [3] совершенно сходны с вещами из Старшего Селиксенского могильника.

В последнее время был открыт могильник у с. Шемышейки (левый берег р. Узы, в 12 *км* от с. Армиева), где раскопано два женских погребения, совершенно сходных по составу вещей и ритуалу (если не считать ориентировки погребенных головой на юг) с погребениями Старшего Селиксенского могильника.

За редким исключением в погребениях всех названных могильников находились глиняные сосуды. Горшок ставился в головах умершего, в единичных случаях — у ног. Обычны сосуды в форме банок, мисок, горшков, имеющих прямой или слегка отогнутый край, украшенный в некоторых случаях косыми зарубками (рис. 1). Сосуды довольно грубы; неорна-

---

[1] М. Р. Полесских. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 147—149.

[2] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Нижне-Волжский институт краеведения им. М. Горького при Саратовском гос. университете. Саратов, 1930; его же. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936, стр. 66—70.

[3] Коллекция хранится в фондах ГИМ, инв. № 77911.

ментированная поверхность бугриста, обжиг слабый, цвет бурый или желтовато-бурый. Размеры горшков: высота — 7—10 *см*, ширина горла — 9—12 *см*. Отмечается некоторая разница между сосудами из мужских и женских погребений — в первом случае сосуды крупнее по размеру и отличаются лучшим качеством выделки.

Близкими аналогами этих сосудов являются сосуды из поселений городецкой культуры. Так, способ нанесения косых зарубок по краю горшка

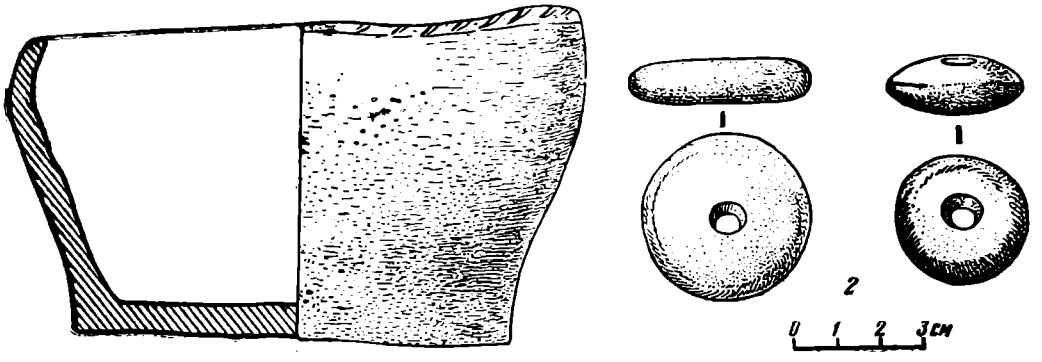

Рис. 1. Глиняный сосуд (Селиксенский мог., погр. № 17) и пряслица (Ражкинский мог., погр. № 3)

характерен для сосудов с Чардымского [4], Троице-Пеленицкого [5] городищ. Это же можно проследить на посуде Кошибеевского [6] и некоторых окских могильников [7], а также на посуде с поздних дьяковских поселений [8]. По форме баночные и баночно-выпуклые сосуды напоминают сосуды с предмордовского Теньгушевского городища, датируемого Е. И. Горюновой первыми веками нашей эры [9].

Пряслиц найдено всего несколько экземпляров (рис. 1). Уплощенная и округлая или битрапецоидная их форма напоминает отдельные образцы пряслиц с Чардымского городища [10].

Для богатых погребений характерны крупные пластинчатые прорезные бляхи [11] (рис. 2, *2, 3*). Эти бляхи являлись или нагрудным украшением и, в таком случае, отличались крупным размером — до 26 *см* (Селикса, погр. № 17), или накосником [12], или подвеской к поясу (погр. № 5, Ражки). Все бляхи снабжены подвижной обоймицей, внутренний игловидный конец которой служил для пристегивания бляхи к одежде, а внешний конец — для подвешивания. В некоторых случаях обоймицы орнаментированы насечками. Поверхность блях покрыта выдавленным изнутри орнаментом в виде концентрических кругов, расположенных вокруг центра. На поясной бляхе (погр. № 5, Ражки) присутствовал еще добавочный узор в виде се-

---

[4] П. С. Рыков. Чардымское городище. Изв. Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького, т. VI, 1933, стр. 87, табл. 4.

[5] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 81, рис. 3.

[6] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. XII.

[7] Там же, табл. XX.

[8] Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 20.

[9] Ее же. Теньгушевское городище. Зап. НИИ Мордовской АССР, вып. 9, 1939, стр. 194, табл. II.

[10] П. С. Рыков. Чардымское городище, стр. 86, табл. 3.

[11] Все украшения, за исключением особо упомянутых, изготовлены из бронзы золотистого цвета.

[12] По мнению А. П. Смирнова, бляхи-косники получают широкое распространение к концу III в. н. э. См. А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 117.

миконечной звезды. Некоторые бляхи (Селикса, погр. №№ 29, 52) снабжены серьговидными колечками (рис. 3, *15*) и отличаются также от остальных способом нанесения концентрического орнамента, в данном случае — прочерченного.

Оба вида блях — с той и другой техникой орнаментации есть среди вещей Сергачского [13], в древнейших погребениях Кошибеевского [14], в Суворовском (междуречье Вятки и Волги) и Ныргындинском [15] могильниках.

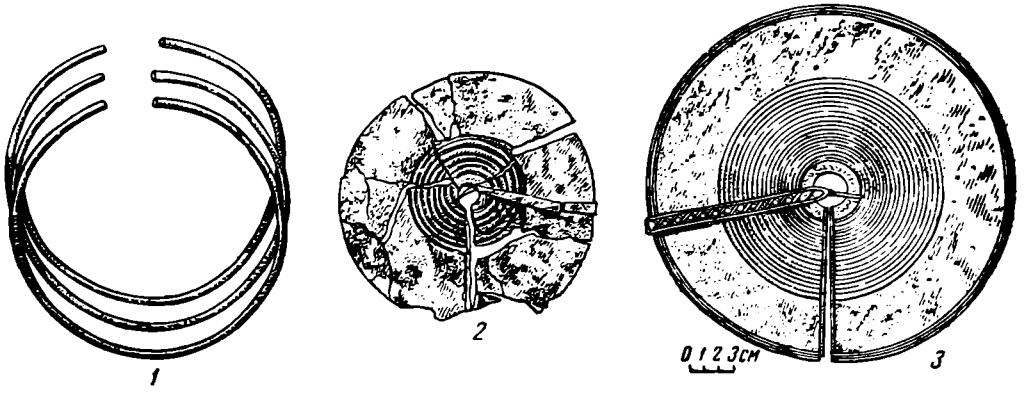

Рис. 2. Бронзовые украшения

1 — шейная гривна (Селиксенский мог., погр. № 11); *2,3* — пластинчатые бляхи (Ражкинский мог., погр. № 5; Селиксенский мог., погр. № 29)

Пластинчатые прорезные бляхи с выдавленным орнаментом, по-видимому, являются наиболее ранним вариантом украшений этого рода. Аналогичные бляхи из могильников последующего времени — Армиевского, Борковского, Кузьминского и др. — обладают более сложным строением и иной орнаментацией.

Другим украшением, характерным для женских погребений, являются шейные гривны, согнутые из круглого дрота толщиной 8 *мм*, беззамковые — с несходящимися прямо обрубленными, а в одном случае (Ражки, погр. № 3) — шиловидными концами. В детских погребениях встречены тонкопроволочные гривны с простым запором.

Гривны встречаются по два, иногда по три экземпляра в одном и том же погребении (рис. 2, *1*). В одном случае гривна оказалась в мужском погребении (Селикса, погр. № 6). Прототипами подобных простых гривен являются золотые гривны из скифских курганов [16] и бронзовые гривны из ананьинских могильников [17]. Золотая круглопроволочная гривна с утолщенными концами найдена В. П. Шиловым в сарматском погребении (рубеж нашей эры) в Сталинградской области. Аналогичного вида бронзовые гривны найдены в погребениях позднесарматского Пашковского могильника (III—IV вв. н. э.) [18], в Вичмарском, Мари-Луговском, Кошибеевском могильниках.

Во всех описываемых пензенских могильниках гривны сделаны из бронзы [19] и имеют сходную форму. Исключение представляет гривна из погр.

[13] Архив ЛОИИМК, № 585.

[14] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XIII, 8.

[15] Древности Камы, по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933, табл. X, 7.

[16] См., например, золотые гривны из собрания Гос. Эрмитажа.

[17] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.

[18] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 43.

[19] Химический анализ фрагмента шейной гривны из погр. № 5 (Ражки) дает следующие результаты (в процентах): меди — 72, цинка — 26, кремния — 1,6, никеля — 0,03, свинца — 0,02, железа — 0,02; следы сурьмы, висмута, мышьяка.

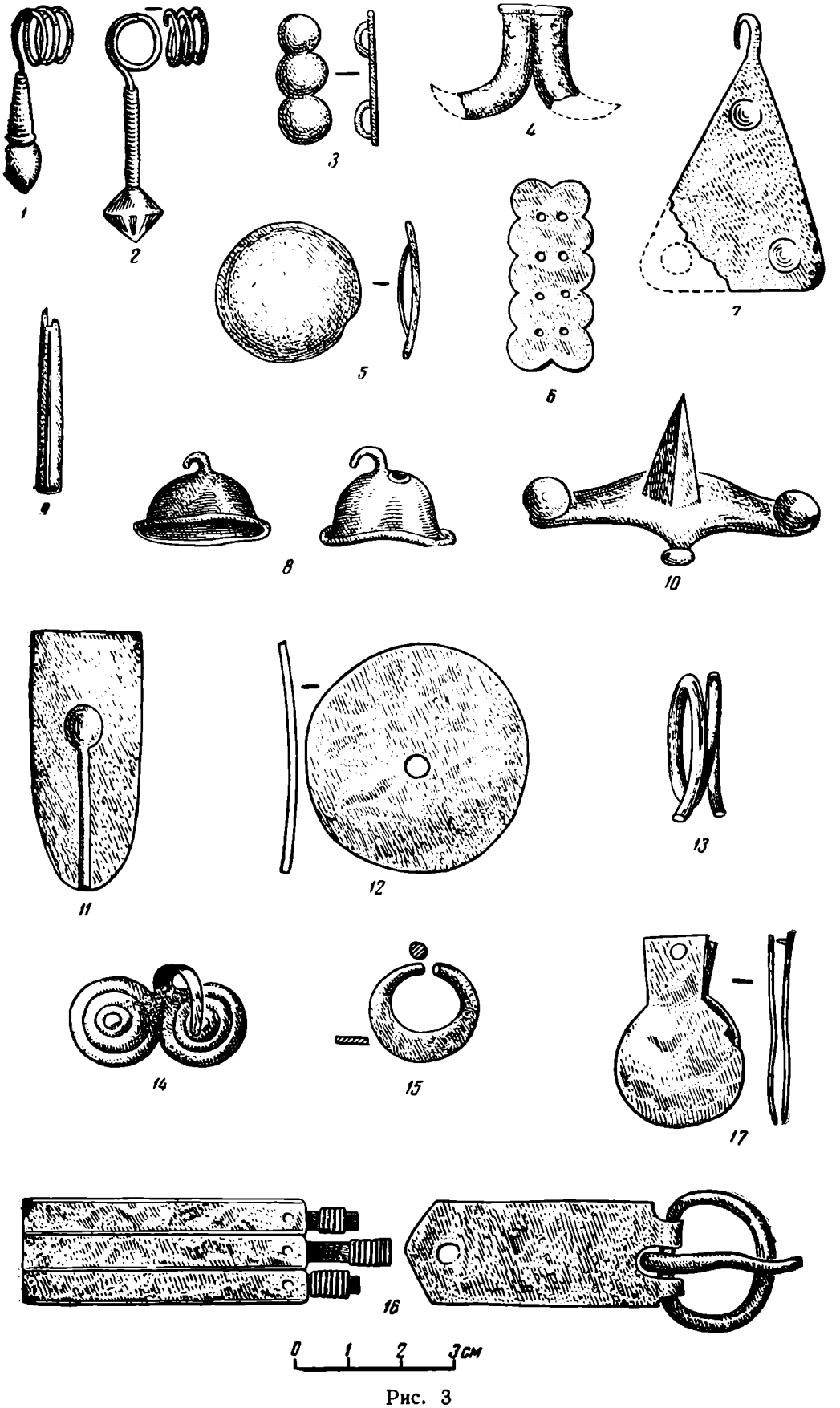

Рис. 3

Подвески (*1—9, 12, 17*), шпора (*10*), пластинка от головного убора (*11*), перстни (*13, 14*), колечко от бляхи (*15*), пряжка и пластина обувного ремня (*16*)
1 — Селиксенский мог., погр. № 17; *2, 6, 10, 12—14* — Ражкинский мог., погр. № 5; *3, 4, 9* — Селиксенский мог., погр. № 7; *5, 16* — Селиксенский мог., погр. № 16; *7* — Ражкинский мог., погр. № 3; *8, 15* — Селиксенский мог., погр. № 29; *11* — могильник под Пензой; *17* — Селиксенский мог., погр. № 6

№ 52 (Селикса), состоящая из сомкнутого деревянного прута, плотно обвитого спиралью ленточной проволоки.

В женских погребениях встречены круглопроволочные браслеты, аналогичные браслетам из сарматского Таркинского могильника (II—III вв. н. э.) [20]. Любопытен массивный бронзовый браслет с продольными каннелюрами и фигурными концами (Ражки, погр. № 5; рис. 4, *1*). Совершенно аналогичный браслет, но не столь массивный, найден в могильнике Неаполя скифского — I—IV вв. н. э. Серия подобных браслетов представлена в Мощинском кладе, датируемом IV—V вв. [21].

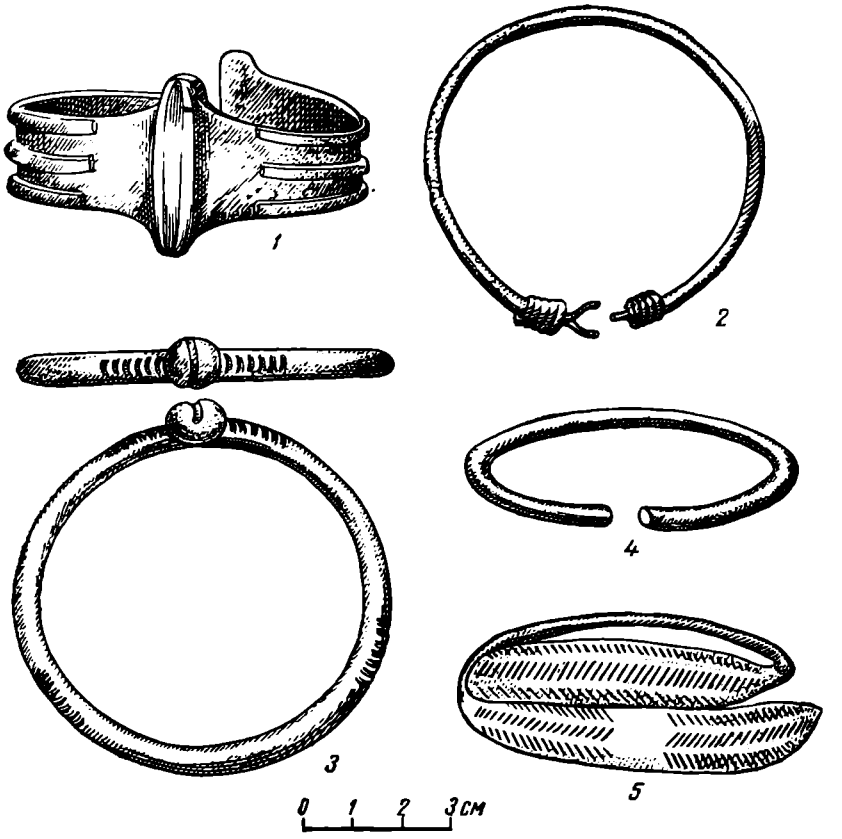

Рис. 4. Браслеты
1, 2, 5 — Ражкинский мог.; *3* — могильник под Пензой; *4* — Селиксенский мог., погр. № 17

В том же погребении № 5 Ражкинского могильника среди шести браслетов (по три на каждой руке) находился браслет круглопроволочный, с завязанными концами (рис. 4, *2*), формы, характерной для северокавказских могильников, начиная с позднекобанских [22]. В упомянутом выше могильнике Неаполя скифского найдены браслеты — с завязанными концами и несомкнутый, с утолщенными концами. Браслет с завязанными концами имеется среди вещей из Вичмарского могильника, датируемого первыми веками нашей эры [23]. Простые круглые в сечении браслеты встречаются в сарматских [24] и пьяноборских [25] могильниках.

[20] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 217.

[21] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, табл. XIII; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 50, 56.

[22] МАК, вып. VIII, табл. XXXIV, 11.

[23] А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 30.

[24] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 185; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 123.

[25] Древности Камы...., табл. VI, 3, 4.

Интересны браслеты с расплющенными, заходящими друг за друга концами, с елочным орнаментом на внешней поверхности (Селикса, погр. № 29, Шемышейка, погр. № 1, рис. 4, *5*), или продольными каннелюрами (Ражки, погр. № 5). Аналогами их являются: один браслет из Кошибеевского могильника [26] и браслеты из могильников Северного Кавказа [27]. Оригинальны два массивных сомкнутых браслета из Пензенского могильника (рис. 4, *3*), имеющие некоторое сходство с браслетом из осетинского могильника Дергавс [28]. В погр. № 6 Ражкинского могильника на месте правого запястья найдена бронзовая «шпора римского времени» (определение В. Д. Блаватского), употреблявшаяся, по-видимому, как украшение.

Перстни из могильников — двух видов: пластинчатые несомкнутые, со щитком в виде двух завитков (рис. 3, *14*) и простые спиральные. Первый вид перстней, возможно, происходит от подвесок аналогичных форм андроновской [29] и кобанской [30] культур. Вариантом перстней со спиральными щитками более позднего времени, по-видимому, были перстни со щитками из четырех завитков [31]. Простые спиральные перстни обычны для инвентаря окских могильников.

Среди многочисленных подвесок из женских погребений особое внимание обращают на себя височные подвески, представляющие собой круглопроволочный стерженек, средняя часть которого обвита тонкой проволокой, нижний конец оформлен в виде биконического грузика, а верхний — в виде спиральки (рис. 3, *1, 2*). Длина этих подвесок (от вершины грузика до основания спиральки) — 23—29 *мм*. Известно, что височные подвески с грузиком являются характернейшей принадлежностью женских погребений в древнемордовских могильниках типа Армиевского [32], более ранние варианты подобных подвесок до сих пор в литературе не были известны. В пьяноборских и Кошибеевском могильниках височные подвески с грузиком отсутствуют [33].

Начиная с армиевского времени, височные подвески постепенно удлиняются, грузик получает бипирамидальную, также постепенно вытягивающуюся форму [34].

Другого вида подвески немногочисленны. Такова конусовидная подвеска (рис. 3, *9*) — украшение, в высшей степени характерное для погребений армиевского типа. В трех случаях оказались серебряные зеркаловидные подвески (рис. 3, *5*). Оригинальной является подвеска (Ражки, погр. № 3) в виде треугольной лопасти, орнаментированной выпуклинами и снабженной крючком для привешивания (рис. 3, 7). Возможно, что прототипом ее является медная подвеска из погр. № 199 Зуевского могильника [35]. Наконец, в погребении № 29 (Селикса) встретились три бронзовые птицевидные привески — «уточки» дубровического типа. Подобные привески, найденные в Дубровическом могильнике, на Троице-Пеленицком городище, датированы II—III вв. [36].

---

[26] Коллекция ГИМ, № 44263, раскопки В. Глазова.

[27] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 200.

[28] МАК, вып. VIII, табл. LII, 5.

[29] С. А. Теплоухов. Древнеметаллические культуры Минусинского края. Природа, 1929, № 6.

[30] МАК, вып. VIII, табл. XXXIV, *5, 6*.

[31] А. А. Спицын. Ук. соч., XXIII, *2*.

[32] П. С. Рыков. Культура древних финнов..., альбом, рис. 6, 7, 8; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, табл. XV.

[33] Единичные экземпляры височных подвесок с грузиком были найдены в Сергачском могильнике. См. отношения Архивной комиссии в Нижегородский музей от 27 ноября 1899 г., № 2089. Архив ИИМК, № 197.

[34] М. Полесских. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956, стр. 60, 61.

[35] Древности Камы..., табл. V, *5*.

[36] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 году. Рязанский областной Средне-Окский музей, вып. V. Рязань, 1930, стр. 33, 36.

Непременную принадлежность женских погребений составляют стеклянные четковидные бусы, позолоченные изнутри. Четковидные золоченые бусы одинаково характерны для пьяноборских [37] и сарматских могильников. Судя по присутствию мелких стеклянных с внутренней позолотой и пастовых бус, К. Ф. Смирнов считает возможным датировать погребения сарматского Пашковского могильника № 3 II—IV вв. н. э. [38]. Мелкий золоченый стеклянный бисер — четковидные палочки — в сочетании с бусами из красной пасты обычен для древнейших погребений рязанских могильников, датируемых П. П. Ефименко III в. н. э. и несколько более ранним временем (стадия «А») [39].

Всего в трех погребениях (Селикса, погр. № 52; Ражки, погр. № 3; Шемышейка, погр. № 1) встретились в небольшом числе отдельные красные пастовые бусы, шаровидной формы, яркого цвета. Бусы других видов найдены также в единичных экземплярах. Бусина стеклянная темно-фиолетового цвета, эллипсоидная в сечении (Селикса, погр. № 7), аналогична бусам из Ныргындинского могильника [40] и сарматского Таркинского могильника, датируемого II—III вв. н. э. (верхний ярус) [41]. Бусина из синего стекла, четырехгранная, со скошенными углами (Селикса, погр. № 11); такая же бусина — красного цвета (Шемышейка, погр. № 1); обломки граненых бус найдены в Пензенском могильнике. Эти украшения представляют собой предмет вывоза из соседних областей сармато-аланского мира [42]. В том же погребении № 11 из Шемышейки оказались две черные, цилиндрические в сечении, по-видимому, гешировые бусинки, характерные для сарматского погребального инвентаря и не чуждые инвентарю пьяноборских погребений [43]. Бусина розоватого цвета, с продольными полосками, бочковидная, напоминает бусину из могильника у станицы Усть-Лабинской [44] и бусину из Пьяноборского могильника [45].

В погребениях № 7 Селиксы и № 8 Ражки встретились бусы из бронзовых несомкнутых колечек, аналогичные бусам из камских могильников [46].

Влияние пьяноборской культуры на состав инвентаря пензенских могильников ярко выражено мелкими простыми и фигурными бляшками. Бляшки не многочисленны, но характерны (рис. 5). Это круглые полусферические — мелкие или более крупные, с петельками на обратной стороне, а также тройчатая, сапожковидная и овальная бляшки, плоская бляшка с фигурными краями и парными отверстиями и др. Аналогичного вида пьяноборские бляшки входят в состав вещей Сергачского [47] и, единично, Кошибеевского (раннего) могильников.

В мужских погребениях (Селикса, погр. № 4; Ражки, погр. № 9) и одном женском (Селикса, погр. № 52), найдены кольцевые застежки с завернутыми концами. В первом случае застежка — крупная, плоская, с парой колечек у краев заверток, во втором — массивная круглопроволочная, в третьем — из тонкой круглой проволоки. Подобные застежки есть в

---

[37] Ныргында II, погр. № 3 (См. «Древности Камы...», стр. 18). Золоченые бусы найдены в Уфимском, Бахмутинском могильниках, на гляденовском костище и т. д.

[38] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, стр. 124.

[39] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. СЭ, т. III, вып. I, стр. 67.

[40] Древности Камы..., табл. IX, 4.

[41] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. МИА, № 23, стр. 263; рис. 17 на стр. 261.

[42] См., например, И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. Саратовского областного музея краеведения. Археологический сборник, вып. I. 1956. стр. 30, 57.

[43] Древности Камы..., табл. IX, 4 (погр. № 133 — Ныргында I).

[44] Н. В. Анфимов. Ук. соч., рис. 18—26 на стр. 199.

[45] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. II, *35*.

[46] Древности Камы..., стр. 18.

[47] Горьковский областной краеведческий музей, экспозиция

сарматских погребениях III в. н. э.[48]), в пьяноборских могильниках — Вичмарском, Ныргындинском II — погр. № 1[49].

В женских погребениях Селиксенского могильника встречены металлические и кожаные части обувных ремней. Один конец ремня, вероятно, заканчивался медной пряжкой, имеющей круглый приемник и удлиненную обоймицу, другой — медным прямоугольным наконечником, составленным из строенных пластинок (рис. 3, *16*). Наконечник заклепками скреплялся с тремя продолжающими ремень кожаными полосками, обвитыми медными спиральками. Это оригинальное украшение отдаленно напоминает украшения обуви из Подболотьевского могильника. В погр. № 29 (Селикса) найден вариант описанного украшения: вместо строенной пластинки — строенные округлые в сечении стерженьки, утолщенные по середине и оформленные по концам коническими грузиками[50] (рис. 5, *11*).

Интересно найденное в Пензенском могильнике украшение головы, состоящее из 14 одинаковых, рельефно орнаментированных пластинок[51]. В целом пластинки образовывали, по-видимому, нижний край головного убора, подобно тому как это делается на чувашском женском уборе «тухье»[52].

Отметим также своеобразное украшение,— по-видимому, кисть пояса,— состоящее из двух овальных полусферических блях и свисающих от них ремешков, плотно обвитых медными колечками (Селикса, погр. № 17; рис. 5, *6*).

Различными вещами сопровождаются и мужские погребения. Наиболее полное представление о мужском погребальном инвентаре дает погр. № 6 Селиксенского могильника. В головах погребенного находились: горшок, бортик которого орнаментирован косыми зарубками, и ременный набор, составленный из бляшек, подвесок, пряжки сарматского типа и ременного наконечника (рис. 5, *5*). Подвески этого набора, состоящие из двух соединенных шарниром пластинок и фигурный наконечник являются вариантом подобных украшений из погребений алан в керченских склепах[53] и фигурных подвесок из женских погребений рязанских могильников[54]. Оригинальны «ракетковидные» подвески (рис. 3,*17*) и подобие ожерелья из железного дрота с навешанными на него медными обоймицами, которое по мнению А. Ф. Медведева могло быть оковкой щита (рис. 5, *9*). На том же месте находилась часть массивного ножа с остатком черенка. Из других вещей найдено: на шее покойника — простая легкая гривна; наконечник копья с остатком древка, лежавший острием к голове; у левого плеча — большое железное кольцо (пряжка?), у правого локтя — остаток огнива, кремешок и куски хорошо сохранившегося трута, с левой стороны таза; между бедрами — прямоугольная и круглая железная пряжки, две бляшки пьяноборского типа и обломок железного ножа. Все медные вещи были покрыты и подостланы кусками частично сохранившегося луба. Характерны наборные бляшки-обоймицы (Селикса, погр. № 14; рис. 5), совершенно аналогичные бляшкам из Зуевского могильника[55].

Из орудий труда найдены: проушной топор с округлым обушком, узколезвийный (рис. 5, *1*), и кельт (Ражки, отвал ям и погр. № 9); ножи были во многих могилах.

---

[48] Раскопки А. А. Спицына у дер. Норки Саратовской обл. Экспозиция, ГИМ.

[49] Древности Камы..., табл. I, *18*.

[50] А. М. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. т. II. Dorpat, 1925, стр. 107.

[51] Коллекция ГИМ.

[52] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографическое исследование. Казань, 1956, стр. 306, 307.

[53] Случайная коллекция разнообразных вещей из керченских могильников хранится в фондах Пензенского обл. музея, инв. № В-564.

[54] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 21—22, табл. XIII, *3*.

[55] Древности Камы..., табл. VII, *16*.

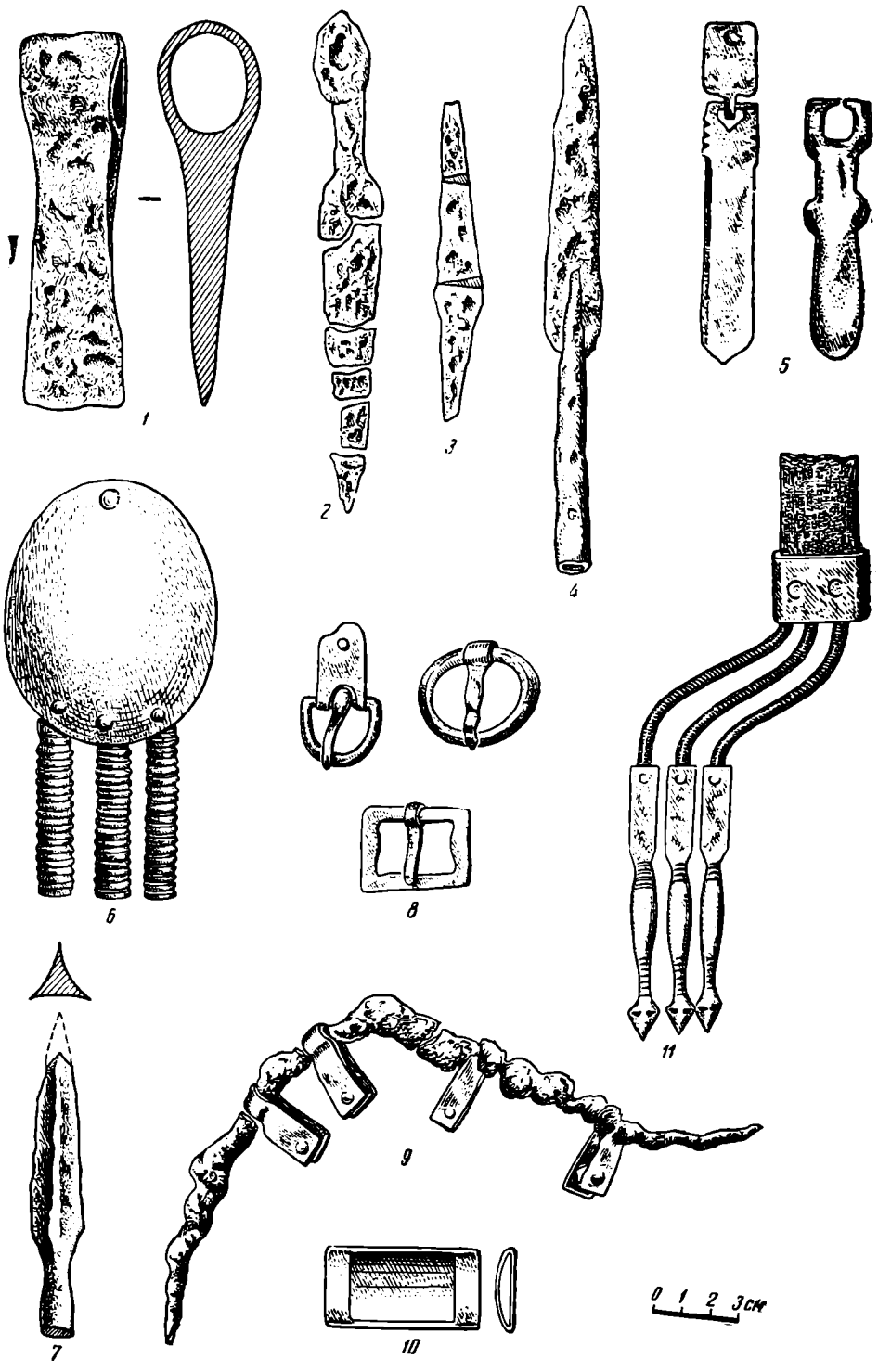

Рис. 5

Железный топор (*1*), кинжал (*2*), нож (*3*), наконечник копья(*4*), наконечники ремня (*5*), бляшка-наконечник пояса (*6*), наконечник стрелы (*7*), пряжки (*8*), дрот с обоймицами (*9*), бляшка-обоймица (*10*), наконечник обувного ремня (*11*)

1 — Ражкинский мог., *2* — Селиксенский мог., погр. № 4; *3*, *11* — Селиксенский мог., погр. № 29; *4*, *5* — Селиксенский мог., *6* — Селиксенский мог., погр. № 17; *7* — Ражкинский мог., погр. № 5; *8* — из мужских погр. Селиксенского мог.; *9* — Селиксенский мог., погр. № 6; *10* — Селиксенский мог., погр. № 11

Оружие представлено небольшим числом трехперых наконечников стрел и наконечников копий. Копья имеют листовидное перо (Селикса: рис. 5, *4*) и в одном случае — острие с жальцами (Ражки, погр. № 19). В некоторых мужских погребениях (в ногах) находились удила, снабженные крупными кольцами на концах, и наборы для высекания огня.

Следует остановиться на некоторых замеченных чертах погребального обряда в рассматриваемых могильниках.

Едва ли не во всех могилах присутствуют куски или следы луба, прикрывавшие или подстилавшие бронзовые вещи. В погр. № 5 (Ражки) лубом были покрыты три пластинчатые бляхи и браслеты на обеих руках, при этом куски луба оказались аккуратно обрезанными по общей форме украшений. Обертывание покойников шерстяной тканью и лубом отмечалось исследователями Борковского и других рязанских могильников [56], этот традиционный обряд доходит до поздних могильников мордвы [57].

Другой чертой обряда является то, что с умершим клали разбитые или испорченные вещи. Примером тому могут служить упомянутые выше осколки разбитой зеркаловидной подвески (зеркальца?), надломленный браслет и сломанные шейные гривны (Ражки, погр. № 5). Этот обряд, очевидно, был заимствован от сармат [58].

Факт обнаружения совместного захоронения женщины и ребенка в погр. № 6 Ражкинского могильника точно так же свидетельствует о влиянии, шедшем со стороны сарматского мира [59].

В настоящее время существование этого влияния и его значение для сложения культур Волго-Камья считаются общепризнанными [60]. Скифо-сарматские элементы, как указывает А. П. Смирнов, отчетливо проступают в украшениях, бусах, вооружении, в распространении римских провинциальных фибул, монет, зеркал [61].

Проникновению сарматской культуры содействовал непосредственный контакт носителей культуры пензенских могильников с поздними сарматами. Достаточно вспомнить о Сусловском курганном могильнике, о сарматских погребениях на р. Колышлее в Саратовской области и под Бугурусланом, о впускном погребении в кургане у дер. Хрящевки Куйбышевской области [62] и т. д.

Таким образом, древнейшие погребения пензенских могильников представляется возможным датировать позднесарматским временем, т. е. II—IV вв. н. э.

Присутствие в составе вещей — комплекс «селиксенского типа» — височных подвесок с грузиком, этого стойкого этнографического признака древней и средневековой мордвы, не оставляет сомнения в этнической принадлежности рассмотренных могильников, наиболее ранних среди всех памятников древней мордвы.

---

[56] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 78.

[57] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Археологический сборник, вып. I, Саранск, 1948, стр. 215.

[58] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 17. К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре..., стр. 125.

[59] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 26.

[60] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 138; П. С. Рыков. Культура древних финнов.

[61] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 53, 115.

[62] Н. Я. Мерперт. Вопросы происхождения булгар. В книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». 1949, стр. 278.

К. А. АДЫКОВ

ГЛАВНЫЕ СТАНЦИИ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ТОРГОВОМ ПУТИ ИЗ СЕРАХСА В МЕРВ

(По археологическим данным)

За послевоенные годы археологические исследования памятников древней земли Туркменистана, проводимые советскими учеными, дали определенные результаты. Особое место в этой большой работе занимают археологические исследования Южно-Туркменистанской Археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН Туркм ССР с 1946 г. Полученные ею значительные материалы по истории Туркменистана составили основу многих разделов первой книги I тома «Истории Туркменской ССР». ЮТАКЭ впервые выдвинула задачу всестороннего историко-археологического изучения древних торгово-караванных путей — экономических артерий восточных и западных азиатских стран, проходивших в прошлом через территорию Туркменистана. Одному из таких торговых путей, пролегавшему в период средних веков между Мервом и Серахсом и соединявшему страны Передней Азии со Средней Азией и Китаем, посвящается настоящая статья (рис. 1).

Упоминаемый в дорожниках восточных авторов отрезок торговой магистрали соединял между собой две богатые культурные области — Мерв и Серахс, расположенные в южной части Туркменистана. Сведения о существовании в IX—X вв. большой караванной дороги и расположении на ее трассе пяти главных остановок-станций мы находим в ранних сочинениях восточных авторов.

Одним из первых авторов, в сочинениях которого сохранились подобные сведения, был ибн Хордадбех. Он, в частности, указывал, что от Серахса до замка Наджара 3 фарсаха, от замка Наджара до Уштурмагака 5 фарсахов, от Уштурмагака до Тильситанта 6 фарсахов, от Тильситанта до Денданакана 6 фарсахов, от Денданакана до Януджира 5 фарсахов, от Януджирда до Мерва Шахиджана 5 фарсахов и все это 375 фарсахов от Багдада [1] (30 фарсахов от Серахса).

Таким образом, от Серахса до Мерва трасса караванной дороги имела протяженность в 30 фарсахов, что равняется 187,5 *км* (1 фарсах в Средней Азии равен 6,25 *км*). О функционировании главной торговой дороги и ее остановок писали также арабский историк ал-Якуби [2], арабский географ X столетия ибн ал-Факих [3], Истахри [4], Макдиси [5]; имеются данные в материалах о путешествии ибн Фадлана [6] и у ряда других восточных авторов.

---

[1] МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 144.

[2] Там же, стр. 147.

[3] П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX— начала X в. о маршрутах и городах Средней Азии. Канд. диссертация, Л., 1954, стр. 85, 88.

[4] МИТТ, т. I, стр. 177.

[5] Там же, стр. 184, 191, 193, 195, 201, 207.

[6] Там же, стр. 93; см. также А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 122.

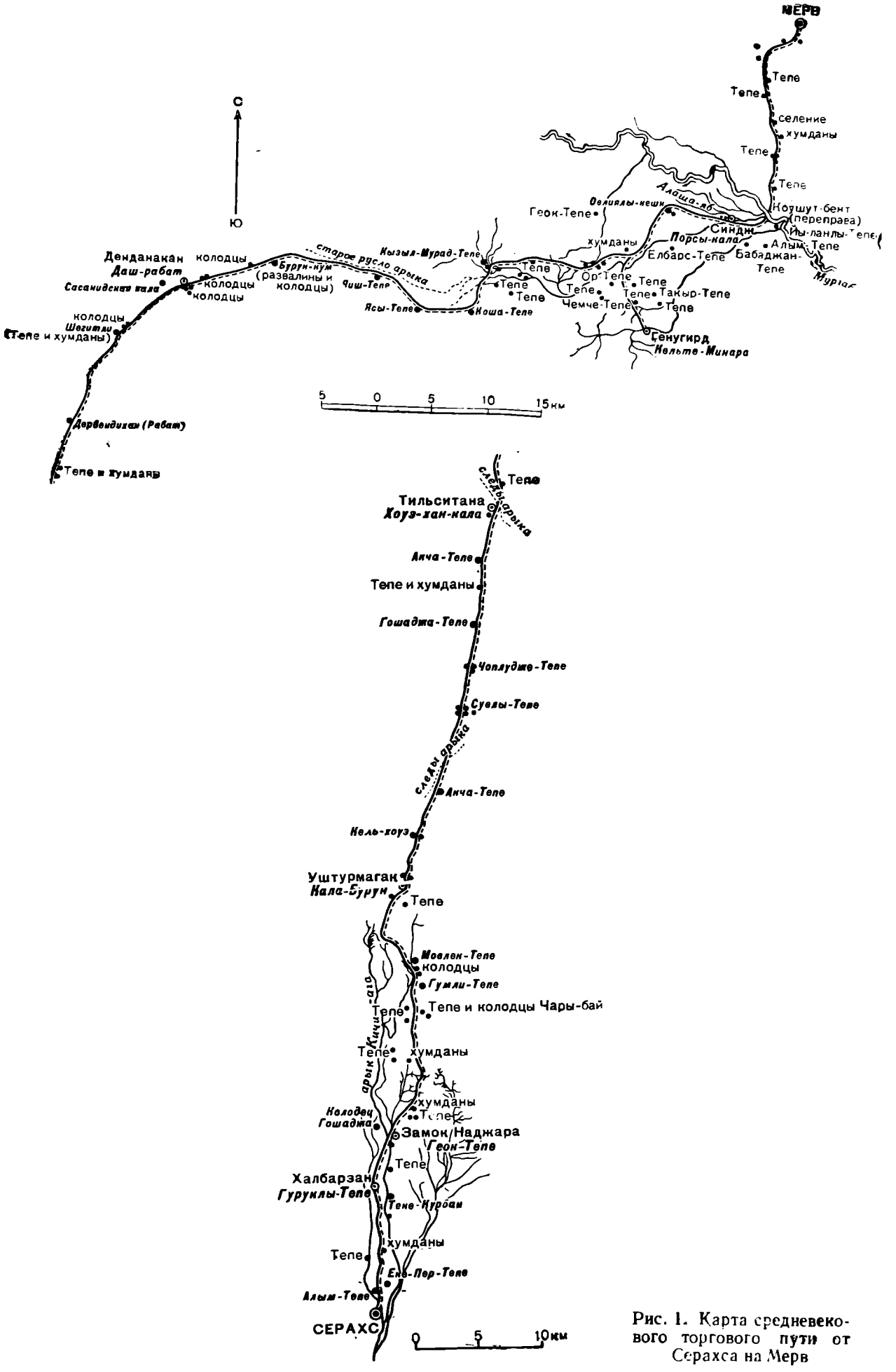

Рис. 1. Карта средневекового торгового пути от Серахса на Мерв

Основываясь на сведениях арабских дорожников, в полевой сезон 1953 г. XXIII отряд ЮТАКЭ, возглавляемый автором настоящей статьи, приступил к обследованию районов, где могла проходить трасса дороги, а после того как она была выявлена и установлена,— к изучению ее придорожных пунктов.

Первой упоминающейся в дорожниках главной остановкой караванов, шедших по трассе со стороны Серахса, был замок Наджара, расположенный в 3 фарсахах от него. Историко-археологическое изучение Серах-

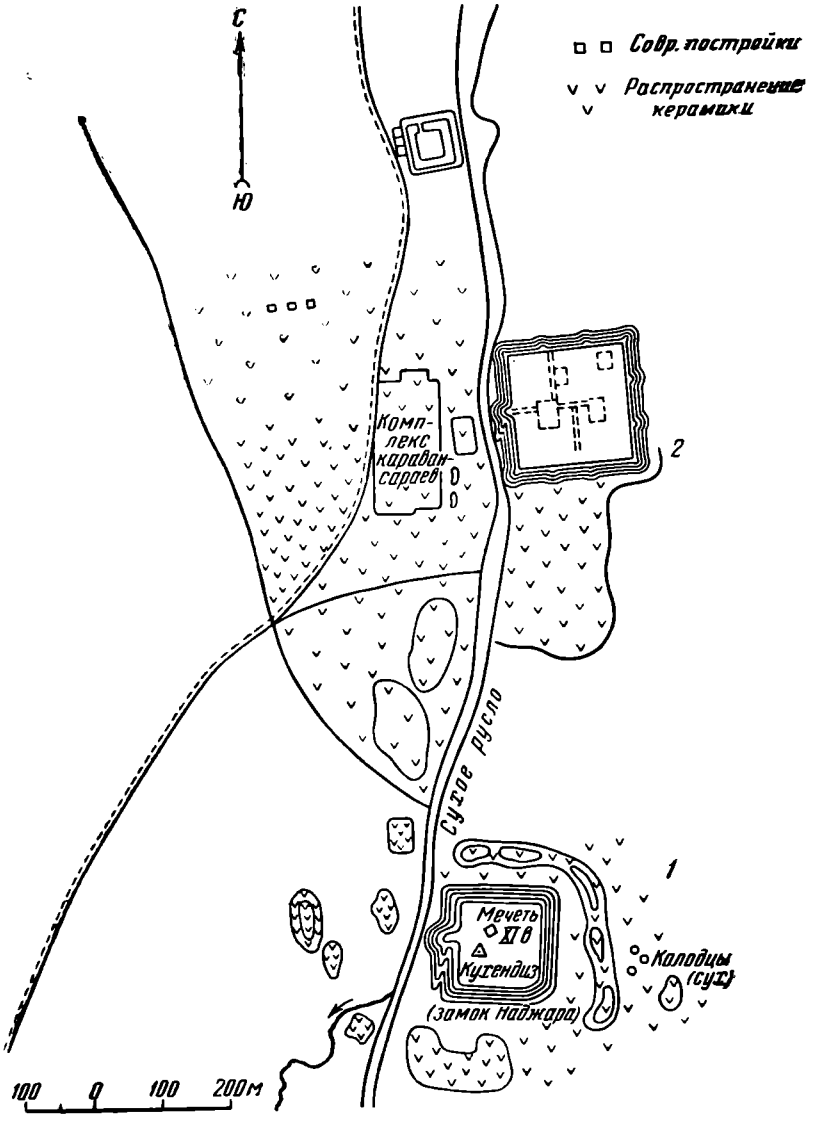

Рис. 2. Геок-Тепе. Замок Наджара

ского оазиса дало нам основание предположить, что эта остановка находилась на месте сохранившего значительные остатки прежних строений и археологических материалов Геок-Тепе (т. е. зеленое тепе), которое расположено в 14 *км* на север от Старого Серахса (рис. 2).

Остатки строений этого пункта вытянуты с юга на север на 1450—1500 *м*, с востока на запад — более чем на 600 *м*. Они расположены вдоль двух больших магистральных арыков, идущих с юга на север, и на площадях между ними. Наиболее густо застроенной является центральная часть, где были расположены вытянутые сплошными рядами с юга на север жилые постройки. Отдельные строения находятся на южной и восточной окраинах.

В северной части сохранились остатки крупного караван-сарая (75×75 *м*) с квадратным двором, с въездом в северной стене, почти правильно ориентированного по странам света. Наиболее важными и интересными сооружениями являются огромное укрепление в южной части и укрепленный шахристан — в северо-восточной. Укрепление имеет форму квадрата (140 × 140 *м* — по верху и около 200 × 200 *м* — по низу); стороны его обращены по странам света, причем юго-восточный угол как бы срезан, а остатки былых построек, лежащих на обширной поверхности укрепления, поднимаются над окружающей местностью более чем на 10 *м*. Разрушенные и оплывшие со временем высокие стены и погребенные под толщей земли строения были возведены на массивной насыпной платформе высотой до 6,5 *м*. Крутые и высокие скаты укрепления и единственный въезд (устроенный в виде длинного пандуса с западной стороны, через который осуществлялся подъем) свидетельствуют о неприступности сооружения. Укрепления с трех сторон, за исключением западной, где в 20—25 *м* проходят два параллельных русла арыка, окружают бугры — остатки строений. Последнее указывает на то, что в первоначальный период существования небольшое селение концентрировалось вокруг укрепления, возможно дихканского замка. Это обстоятельство полностью подтверждается однородностью археологического материала, собранного как на укреплении, так и на описанных выше остатках строений.

В ходе исследования укрепления нам удалось обнаружить почти в центре его северной половины остатки разрушенного здания (рис. 2), возведенного из обожженного кирпича (27×27×5 *см* и 25×25×4 *см*). Облицовки его стен включали фигурные кирпичи — шестигранные (сторона 17 *см*, толщина 5 *см*) и квадратные (25×25×6 *см*) с отверстием в центре. Здание включало комнаты; удалось замерить пролет двух из них: 3,25 *м* (южная) и 5 *м* (северная). Стены толщиной 1,55 *м*. Собранные в большом количестве фрагменты отделки портальной части здания представляют собой выточенные из обожженного кирпича фигурные вставки и отдельные буквы арабского письма «насх», широко применявшегося в архитектуре Южного Туркменистана XI—XII вв.

Таким образом, выяснилось, что в XI столетии на площади древнего укрепления существовало крупное архитектурное сооружение, богато декорированное фигурными кирпичами с орнаментами и надписями. Некоторые косвенные данные позволяют считать, что это руины мечети. В первую очередь об этом говорит ориентировка здания — не по странам света, а диагонально, с главной осью, обращенной с северо-востока на юго-запад. Кроме того, на этом же месте чабанами-туркменами найдены два небольших металлических сосуда типа блюд на невысокой ножке, у которых по внутренней части имелись круговые надписи религиозного содержания; вставные буквы для них были вырезаны из серебряных пластинок. Чабаны же нашли сосуд из розовой глины, шаровидной формы, со сливом (сосуд, как они считают, был предназначен для таарата). Необычайно парадный архитектурный декор в свою очередь приводит к мысли о культовом назначении здания, вероятно сооруженного до XI в., когда на нем были проведены ремонтные и отделочные работы.

Один из арыков, проходящих с запада укрепления (восточный), выложен по дну и с боков обожженным кирпичом (27×27×5 *см*), типичным для XI—XII вв.

Немногим более 0,5 *км* севернее описанного укрепления расположено второе значительное укрепление (310×310 *м*) с почти правильной ориентировкой по странам света (рис. 2, *2*). С западной его стороны выступают ворота. Площадь его окружали толстые и высокие стены (толщина по оплывам — 4 *м;* высота над внутренним уровнем — 3,5 *м*). На углах и в промежутках между ними, а также по сторонам ворот были возведены округлые башни. Внутри укрепления находились кварталы, улицы и площади, заметные и сейчас по рельефу поверхности.

Перед воротами проходит арык, за которым с севера на юг тянутся остатки построек, здесь же находятся развалины значительного караван-сарая, южнее которого расположен целый комплекс караван-сараев.

Ирригацию данного пункта дополняет третий крупный магистральный арык, шедший на северо-запад и образовывавший как бы дельту близ северо-западного угла укрепления I. Обследование местности вокруг поселения показало, что в 1 *км* к северо-западу от него имеется действующий колодец глубиной 16—17 *м*, под названием Гошаджа, что значит по-туркменски «парный». Местные жители предполагают здесь наличие второго колодца. Около функционирующего колодца сохранились развалины какого-то сооружения, сложенного из сырцовых (38 × 38×9 *см*), а также из обожженных (36×36×9 *см*) и из клинообразных кирпичей (46×36× × 32 × 10 *см*; 39 × 36 × 30 × 12 *см*).

На развалинах селения и его укрепленных сооружениях был собран обильный археологический материал в виде керамики, стекла, металла, строительного материала, на основе чего можно сделать выводы о времени существования жизни на городище и близлежащей местности. Историко-топографические и историко-археологические наблюдения показали, что селение в прошлом не было так пустынно, на что указывают русла арыков, вдоль которых, возможно, имелись растительные насаждения, наличие следов пахотных земель на самой территории пункта и вокруг него.

Вместе с тем археологическое изучение пункта, сопровождавшееся сбором подъемного материала, позволило выявить историю его развития с момента появления в нем жизни.

Установлено, что тот пункт на караванной дороге между Серахсом и Мервом, который ибн Хордадбех[7] называет замком Наджара, существовал в VI—VII вв. в виде крупного феодального поместья с кешком и небольшим поселением вокруг него. Владельцем этого поместья, вероятно, и был феодал Наджар[8].

После арабского завоевания Хорасана и с установлением и расширением трассы торгового пути на отрезке Серахс — Мерв, этот населенный пункт являлся одной из ее остановок; в IX—X вв. с развитием и благоустройством трассы караванной дороги, к этому времени получившей международное значение, селение перерастает в городок, в котором возводится шахристан (укрепление II), обнесенный укрепленными стенами. Вокруг него в рабаде возводится множество жилых и общественных построек, а полуразрушенный кешк уже играет роль кухендиза.

В XI—XII вв., как показали историко-археологические исследования, происходит дальнейшее разрастание городка, появляются новые жилые постройки вдоль арыков, возводится комплекс караван-сараев, строится в кухендизе мечеть, благоустраиваются шахристан и арыки.

В связи с монгольским завоеванием оазиса в жизни городка отмечается резкий упадок, но все же она продолжается. В XIV—XV вв. наблюдается частичное новое возрождение, а затем окончательное захирение.

По всем данным исследований можно сделать вывод, что развалины Геок-Тепе являются остатками первой остановки на торговом пути из

---

[7] Сведения ибн Хордадбеха в фарсахах самые ранние и точные; они восходят к данным византийских и сасанидских канцелярий, а основной комплекс его сведений следует отнести к VI—VII вв. Переводы византийских и сасанидских канцелярских сведений были осуществлены в конце VII в., когда местное делопроизводство переводилось на арабский язык.

[8] В IX в. при правлении Халифа аль Мамуна в халифате широкой известностью пользовалось имя крупного феодального рода аль Наджар. Возможно, что представители старших поколений этого рода были владельцами кешка и колодцев, находившихся на торговом пути между Серахсом и Мервом, которые и позднее, уже при преемниках их, назывались именем Наджар; см. «The Encyclopaedia of Islam», т. III, Leiden — London, 1936, стр. 819.

Серахса на Мерв, называемой средневековыми авторами замком Наджара[9].

Второй главной остановкой караванной дороги, упоминающейся в дорожниках, является Уштурмагак (что означает в переводе с арабского — «верблюжье логово», находившийся в 5 фарсахах от замка Наджара[10] (примерно в 40—43 *км* от старого Серахса). Археолого-топографическое изучение северных окраин Серахского оазиса позволило нам установить в 40 *км* севернее Серахса наличие значительного окруженного сплошным, расплывшимся со временем валом укрепления, называемого жителями района Кала-Бурун («Крепость с носом или углом»; рис. 3). Очевидно, название дано по наличию выступов в древней крепостной стене.

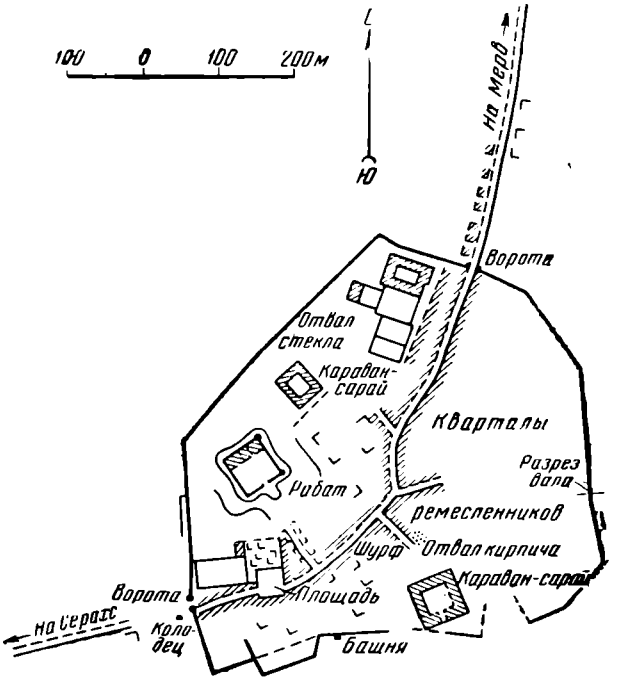

Рис. 3. Уштурмагак. Кала-Бурун

По плану, снятому М. Е. Массоном в 1955 г., видно, что этот пункт представлял собой многогранное, типичное для степи укрепленное городище площадью около 20 *га*. Вся эта площадь обнесена валом, охватывающим неправильный семиугольный участок. В некоторых участках вала имеются выступы, напоминающие бастионы; с южной стороны они выдвинуты на 25 *м* (при ширине до 90 *м*) с западной стороны аналогичное сооружение выступает на 10 *м* (при длине около 70 *м*) и с восточной стороны выступает на 10 *м* (при протяженности до 30 *м*). Несомненно, это фортификационные укрепления, тем более что рядом с южным бастионом стояла башня.

Укрепленных башнями ворот было двое: одни с западной, другие — с северной стороны. Они соединялись большой улицей, от которой отходили небольшие переулки. Один из таких переулков вел через юго-западную часть прямо к рабату, второй — на юго-восток к караван-сараю, третий — на северо-восток в глубь квартала керамистов, четвертый — на северо-запад к комплексу караван-сараев. Близ западных ворот, ведущих на Серахс, улица проходила через большую площадь (55×55 *м*), видимо, базарную. Внутренняя территория городища включала около 10 караван-сараев, рабат, кварталы ремесленников и другие кварталы. Бóльшая часть караван-сараев, стены которых выложены из пахсы, расположена в северо-западной стороне, ближе к воротам на Мерв. В этом комплексе вначале был выстроен самый значительный из них — северный (65×50 *м*), затем южнее постепенно возводятся еще четыре караван-сарая (размерами 50×40 *м*; 50×35 *м*; два по 50×30 *м*). Крупный караван-сарай (50×45 *м*) с высокими глинобитными стенами расположен в 100 *м* к юго-западу от комплекса. Ориентировка сторон почти одинаковая — диагонально к странам света со въездами с юго-восточной стороны. Самым

---

[9] Из источников, по средневековым данным, известны координаты замка Наджара — 61° 15′ восточной долготы и 36° 38′ северной широты; ср. П. Г. Булгаков. Ук. соч., стр. 106.

[10] МИТТ, т. I, стр. 144, 147, 164, 207.

крупным караван-сараем городища являлось квадратное сооружение (70×70 *м*), расположенное в юго-восточном секторе, со въездом также в юго-восточной части. У стен последнего караван-сарая стояли постройки, возведенные из обожженного кирпича.

На площади городища, в его юго-западной части, сохранились остатки усадьбы, включавшей прямоугольный двор и сооружение, возведенное на возвышенном месте, очевидно, жилище местного феодала. В западном секторе расположен рабат (75×75 *м*), укрепленный высокими стенами с башнями по углам и по сторонам ворот с юго-восточной стороны; в северо-западной стене его видны несколько помещений жилого назначения. В одном углу при расчистке помещения удалось обнаружить комплекс археологических предметов, содержавший глиняные сосуды, металлические и костяные предметы, а также медную монету, чеканенную в Бухаре при саманиде Нухе I (943—954 гг.) либо при Нухе II (976—997 гг). Дата чекана стерта; диаметр кружка 2,6 *см*, вес 2,73 *г*. Большой квартал ремесленников Кала-Буруна расположен в восточной и северной его частях; здесь выделывались глиняная посуда, кирпич, стеклянные изделия.

Регулярная застройка выходила за пределы валов и тянулась вдоль дороги на Мерв на 200 *м* и более. Разрез вала показал, что его стены шириной около 2 *м* были сложены из пахсы, а стратиграфический шурф на городище выявил однослойность памятника.

Удалось установить, что вода в Кала-Бурун поступала по арыкам, шедшим со стороны Серахса и терявшимся в песках у окрестностей Кала-Буруна. Другим средством водоснабжения жителей этого населенного пункта были колодцы, один из которых обнаружен перед западными воротами, другой — в центре крупного караван-сарая в юго-западной части.

Вопрос о времени возникновения пункта и его первоначальных размерах решается на основе имеющихся историко-археологических наблюдений.

Несомненно, первым придорожным сооружением являлся описанный выше рабат, время возведения которого относится к IX—X вв. В последующие столетия создаются другие сооружения и территория застройки обносится валами. Это могло происходить в XI и первой половине XII в., когда оазис вошел в состав могущественной державы сельджукидов. Окончательное угасание жизни, как свидетельствуют археологические данные, произошло здесь спустя некоторое время после монгольского нашествия.

Как следует из наших наблюдений, развалины Кала-Буруна можно считать остатками одного из крупных средневековых населенных пунктов Серахского оазиса, расположенного на торговой дороге между Серахсом и Мервом, а также можно отождествить этот археологический памятник с упоминаемой в дорожниках второй остановкой караванов — Уштурмагаком [11]. Между прочим, шейх Тартуси упоминает о наличии рабата Нуха ибн Мансура (Нуха II—976—997 гг.) по дороге из Мерва на Серахс [12].

Следующей, третьей большой остановкой — станцией караванного пути, как указывают дорожники, была Тильситана, находившаяся в 6 фарсахах от Уштурмагака [13].

Рекогносцировочные исследования XXIII отряда ЮТАКЭ, в котором активную роль играли местные старожилы, позволили установить нахождение на трассе большой караванной дороги из Мерва в южные прикопетдагские области Туркменистана и Ирана, своего рода перевалочного пункта, существовавшего еще в XIX в. Развалины его носят название Хоуз-Хан-Кала, что означает по-туркменски «крепость владетеля колодцев».

[11] Имеются данные о расположении Уштурмагака в средневековых координатах 61° 17′ восточной долготы и 36° 50′ северной широты; ср. П. Г. Булгаков. Ук. соч., стр. 106.

[12] В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 162.

[13] МИТТ, т. I, стр. 144, 147, 164.

Здесь происходило скрещение основных проезжих дорог из различных мест Хорасана [14]. После присоединения Туркменистана к России основная караванная дорога из Серахса в Мерв называлась Хоуз-Хан-Ел [15]. Изучение развалин (во время которого в 1955 г. М. Е. Массоном был снят археолого-топографический план, рис. 4), выявило, что наиболее древним и, возможно, первоначальным придорожным сооружением станции являлся рабат в северо-восточной части пункта. Укрепленный рабат, прямоугольный в плане (70 × 50 *м*), имеет въезд с северо-запада (где стояла башня); он был воздвигнут на насыпной платформе, по которой выложен настил из сырца (размеры кирпича — 31,5 × 31,5 × 5 *см*).

С юго-западной стороны к рабату пристроен квадратный в плане (75 ×75 *м*) караван-сарай, ориентированный, как и рабат, углами по странам света. В нем сохранились следы строений вдоль северо-западной стены и колодец в юго-западном углу. Рабат и караван-сарай представляют как бы единое строение, обнесенное высокими стенами, ныне оплывшими до 5—6 *м*, высотой до 3 *м*: у второго они возведены из сырца (размер кирпича — 33 × 33 × × 7,5 *см*).

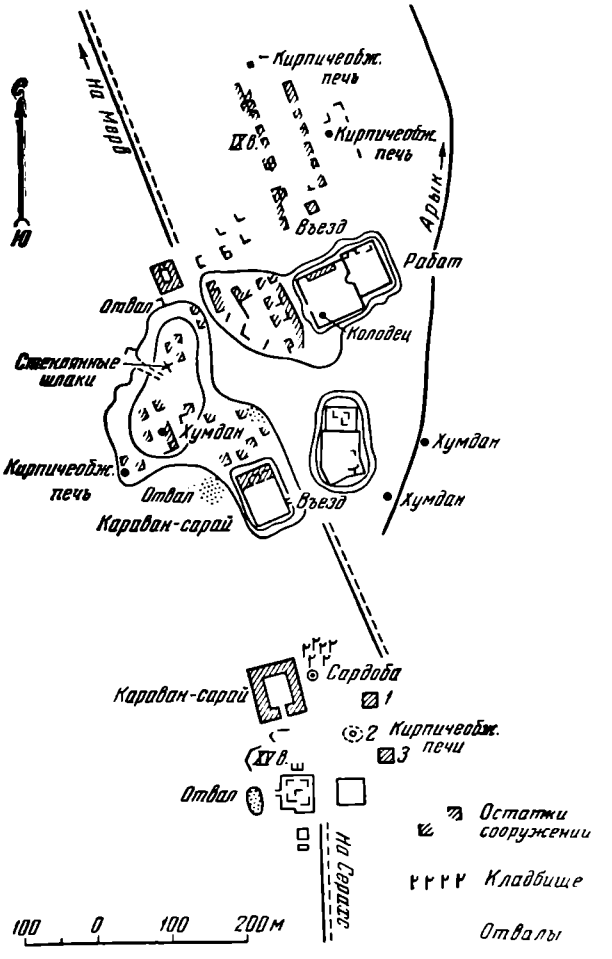

Рис. 4. Тильситана. Хоуз-Хан-Кала

С юго-западной стороны караван-сарая имеется комплекс зданий, план которых хорошо прослеживается по остаткам стен. Пять-шесть из них вытянуты с северо-запада на юго-восток на площади около 120 *м*, а другие расположены западнее первых. Подъемный археологический материал (керамика, монеты, строительный кирпич), собранный на поверхности, относится в основном к IX—X вв.; но все же здесь встречены остатки доарабской культуры сасанидского времени: клинообразные, крупные обожженные кирпичи (размером 41×36×6 *см;* 25×26×22×7 *см*, 26×25 *см*, 5×22, 5×7 *см*), сырцовые (размером 34×34×8 *см;* 36×36×8 *см*), а также использовавшийся в строительстве VIII—IX вв. сырец (размером 33×36×6 *см*, 33×33×7,5 *см*).

В IX—X вв. к северо-западу от рабата начинает разрастаться квартал ремесленников, возводятся строения также вдоль дороги на Мерв. На северных и восточных окраинах квартала обнаружено несколько печей для обжига кирпича.

Вероятно, в конце X и начале XI в., когда отмечается все более интенсивное развитие торговых сношений на исследуемой трассе, сооружения Хоуз-Хан-Калы не могли вмещать многочисленные караваны, в силу чего

---

[14] МИИТ, т. II, 1938, стр. 176.

[15] А. М. Алиханов-Аварский. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 92.

площадь станции была увеличена за счет свободных участков к западу от современной дороги, к юго-западу от первоначальных строений. Здесь возникает целый комплекс строений с караван-сараем в южной части, прямоугольным в плане (50×95 *м*), ориентированном почти по странам света, с въездом у юго-восточного угла.

Изучение этого комплекса позволило установить, что, во-первых, заброшенные, разрушенные строения использовались позже как места сооружения хумданов, обжигательных печей, печей для изготовления стеклянных предметов и т. п.; во-вторых, при расширении площади застройки за счет новых сооружений и строений, с западной стороны дороги возникла как бы замкнутая площадь, через которую пролегал путь караванов. Установлено также, что, помимо колодцев, вода доставлялась сюда по руслу арыка, шедшего с юго-восточной стороны и прослеженному с восточной стороны станции более чем на 1 *км*.

С конца XII в., и особенно после монгольского завоевания, площадь станции сокращается. К XIII в. рабат с караван-сараем были заброшены, а их сырцовые и пахсовые стены использованы для хумданов. Археологические материалы показывают, что в XIII—XIV вв. жизнь здесь резко сократилась по сравнению с IX—X и особенно с XI—XII вв.

В конце XIV и в начале XV в. площадь станции переместилась на 200 *м* южнее прежней. Здесь был возведен прямоугольный в плане (80 × 75 *м*) караван-сарай со въездом с юго-западной стороны; рядом с ним сохранились остатки небольшой усадьбы (50 ×50 *м*) и комплекс жилых помещений на площади (50 × 50 *м*). На новом месте жители станции сооружали также печи для обжига кирпича, три из которых обнаружены нами в 100 *м* к востоку от караван-сарая. Рядом с восточной стеной последнего сохранилась прекрасная сардоба [16] диаметром 15 *м*, обложенная средневековыми кирпичами, собранными из остатков ранее заброшенных строений и сооружений. Вся эта вновь обжитая площадь станции теперь усеяна керамикой, типичной для XV в.

В дальнейшем, в XVI—XVII вв. жизнь в Хоуз-Хан-Кале захирела, и хотя она была заброшена, все же ее развалины служили своего рода ориентиром для проходивших здесь караванов, а в основном она имела значение перевалочного пункта в походах армий Ирана, Хивы, Бухары [17].

Историко-археологическое изучение Хоуз-Хан-Калы с убедительностью подтвердило тот факт, что этот памятник был одной из крупных остановок былого торгового пути, с укреплениями, караван-сараями, колодцами, сардобой, арыком, керамическими, кирпичеобжигательными и стеклодувными печами, массивными строениями, возведенными из сырцового и жженого кирпича.

Данные дорожников о нахождении в шести фарсахах от Ишгурмагака крупной остановки, Тильситана, подтверждаются полностью современным расположением развалин Хоуз-Хан-Калы — в 33,5 *км* от Кала-Буруна. Археологическое изучение подтвердило существование и функционирование этой крупной станции, начиная с эпохи поздних Сасанидов — VI—VII вв. и вплоть до XV—XVI вв.

По сведениям дорожников, в Мервском оазисе трасса торгового пути проходила еще через две большие остановки — станции Денданакан и Генугирд, после которых шедшие по ней караваны достигали главного города, богатого культурного оазиса — Мерва или же, двигаясь к Се-

---

[16] Впервые эта сардоба упоминается в 80-х годах XIX в. (см. А. М. Алиханов-Аварский. Указ. соч., стр. 92), а в XX в. первое упоминание оставили геологи (см. П. С. Макеев. По юго-восточным Кара-Кумам. Экспедиция АН СССР, 1935 г., М.—Л., 1937, стр. 270).

[17] В 1830 г. через нее проходили войска Алла-Кули-хана; ср. МИТТ, т. II, стр. 438—439.

рахсу, миновав их, вступали в пустынную полосу магистрали в Серахском оазисе.

Следующей остановкой является Денданакан, расстояние до которого, по сведениям авторов средневекового Востока, составляло 6 фарсахов [18]. Если уже описанные выше станции торгового пути были впервые нами изучены, а затем отождествлены, то Денданакан еще в прошлом столетии был правильно отождествлен с развалинами Таш-Рабада, расположенного в 30 *км* от Хоуз-Хан-Калы [19]. Археологическое изучение объекта в пределах квадратного рабата начато было в 1942 г. [20] и значительно расширено и пополнено исследованиями XVIII отряда ЮТАКЭ.

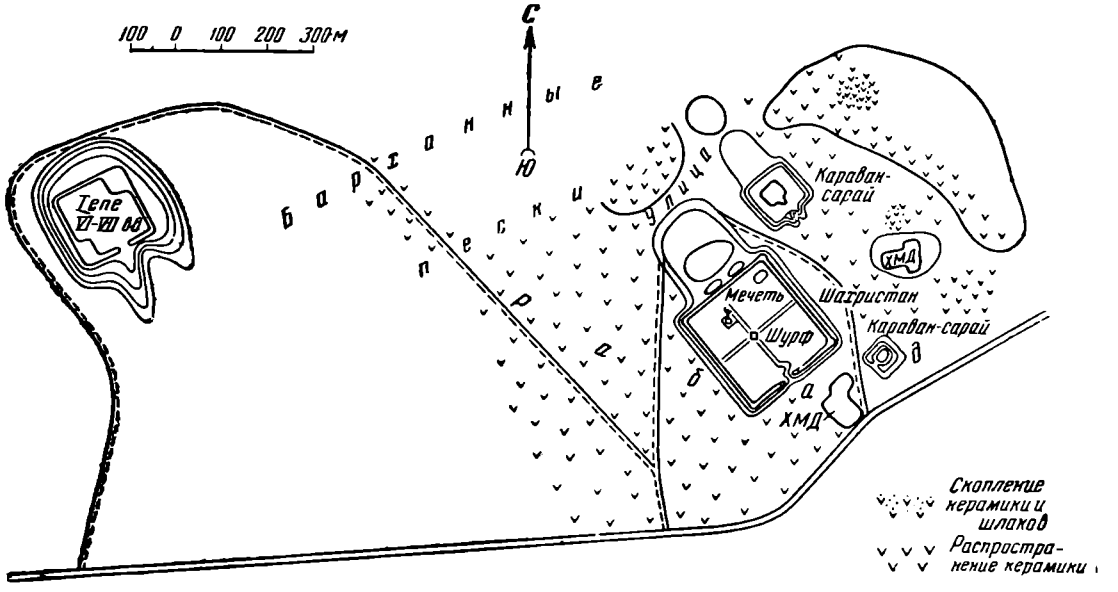

Рис. 5. Денданакан. Таш-Рабад

Современное название — «Даш-Рабад» — местное, туркменское (в европеизированной транскрипции — «Таш-Рабад») в переводе с туркменского языка означает или «каменный», или «дальний» укрепленный пункт. Учитывая, что он был возведен на раннесредневековых окраинах Мервского оазиса и граничил с песками, значение «дальний» — более приемлемо. Мы также считаем, что развалины средневекового Денданакана (рис. 5) были переименованы в Таш-Рабад в XVI, а может быть, в XVII в., когда трасса торгового пути из Серахса на Мерв имела уже не международное, а лишь местное значение.

Прежде чем начать описание результатов историко-археологического изучения средневекового городища, необходимо остановиться на характеристике большой калы, находящейся около 1 *км* западнее его. Впрочем, до исследований ЮТАКЭ это укрепленное сооружение считалось самостоятельным пунктом, якобы ни в коей мере не имевшим отношения к значительным руинам средневекового города Денданакан. Засыпанная у подошвы песками крепость представляет собой в плане квадрат (160 × 160 *м*), ориентированный углами по странам света. Въезд был с юго-восточной стороны. Крепость возведена на искусственной насыпной платформе высотой свыше 6 *м* от подошвы. Строения внутри видны в отдельных местах

[18] МИТТ, т. I, стр. 144.

[19] Впервые отождествление развалин Таш-Рабада с Денданаканом было выдвинуто в 80 г. прошлого столетия военным инженером П. М. Лессаром, см. П. М. Лессар. Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв и Чарджоу. ИИРГО, т. XX, вып. I, СПб., 1885.

[20] Б. Н. Заходер. Данданакан. Исторический журнал, 1943, № 3-4, стр. 74—77; С. А. Ершов. Данденакан. КСИИМК, вып. XV, 1947.

в виде бугров, особенно у северного и южного углов и в центральной части калы. Очевидно, кала была заселена не только в своих пределах. Вокруг нее имеется вытянутое всхолмление в северо-западном и юго-восточном направлении; в нем содержатся руины строений. Здесь на протяжении 100 *м* можно проследить бугры, очевидно, остатки развалившихся строений. Пандус, ведший к въезду в калу, прикрывали вытянутые холмы — следы какой-то застройки. Хотя кала вокруг погребена песками и изрыта на поверхности в поисках кирпича и ценностей, однако все же на ней собран подъемный материал в виде различных предметов (керамика, стекло) последнего периода ее бытования, относящихся к доарабскому времени. Здесь встречаются жженые кирпичи клинообразной формы (размером 24,5 × 21,5 × 16 × 6 *см*) и квадратные сырцовые (размером 34 × × 34 × 8 *см* и 33 × 33 × 9 *см*).

При обследовании калы найдена глиняная фигурка без головы, высотой 7 *см*, шириной внизу 4 *см*. Это типичная позднеантичная маргианская богиня III в. н. э., широко известная по работам ЮТАКЭ в Мервском оазисе.

Встреченные здесь сырцовые и клинообразные жженые кирпичи, а также формы и типы безглазурной керамики типичны для Мерва поры III—VII вв., когда весь Мервский оазис входил в состав сасанидского государства.

Обследование и изучение калы показали, что это большое укрепление крупного феодала, расположенное у западной окраины Мервского оазиса, что оно существовало наряду с аналогичными крупными раннефеодальными укреплениями усадьбами-замками области Мерва, такими, как Дуечёкен, Обайдаш, Гечигран и др.[21], вплоть до арабского завоевания (651 г.). После этого, очевидно, разрушенная арабами, она была заброшена. Позднее в 1 *км* восточнее зарождается более крупный населенный пункт, известный по письменным источникам как город Денданакан.

Городище Денданакана имеет укрепленную центральную часть, вокруг которой простирается обширное поселение. Укрепление квадратное в плане (225 × 225 *м*). С северо-запада к нему примыкает площадь с развалинами в виде большого крутого бугра размером 210 × 240 *м*. Большое крепостное строение ориентировано углами по странам света. Ворота-въезд расположены почти в середине юго-восточного фасада. Сохранившиеся от 2 до 4 *м* по ширине оплывы валов крепостных стен, местами доходящих по высоте до 5,5—6 *м* от основания, характеризуют фортификацию сооружения. Крепостные стены были укреплены башнями на всех четырех углах, и еще две башни имеются по сторонам ворот. Внутренняя площадь изрыта при «добыче» кирпича, изъезжена, истоптана, что мешает выяснению рельефа. Однако имеется ряд некоторых общих наблюдений. Во-первых, прослежена главная улица, тянущаяся от самых ворот; отходя от них, она огибает какое-то строение, а затем проходит прямо на северо-запад, разделяя территорию на две части, из которых северо-восточная несколько больше по площади. Судя по наличию продолжения улицы за стенами укрепленного квадрата, можно предполагать, что она выходила через ворота, позднее прорубленные в северо-западной стене.

Отмечено также наличие в центральной части укрепления поперечной улицы. В западной четверти располагалась средневековая мечеть, отстроенная в X в., судя по надписям, ремонтировавшаяся в 90-х годах XI в. Она была обнаружена при земляных работах в 1942 г. и в том же году на ней были произведены археологические раскопки[22].

---

[21] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 121.

[22] Средневековая мечеть Денданакана была раскопана экспедицией Туркменского филиала Академии наук СССР (ТФАН), во главе которой стоял профессор Б. Н. Заходер; раскоп осуществлял С. А. Ершов, а архитектурный обмер производил архитектор М. Л. Камышников. Результаты исследований мечети нашли отражение в ряде публика-

Мечеть представляла собой прямоугольный двор, окруженный навесами, поддерживаемыми кирпичными колоннами, между которыми были переброшены стрельчатые арки перекрытия; в юго-западной части был вскрыт михраб. Поверхность колонн и арок, покрытая ганчем, была украшена богатой резьбой, причем дважды.

На городище нами был собран подъемный материал — керамика, стекло, строительные материалы, металл и найдено несколько монетных кружков, причем один из них, медный фельс, был определен М. Е. Массоном как чекан Бухары 356 г. х. (967 г.) при правлении Мансура I бен Нуха. Весь археологический материал охватывал периоды IX—X, XI—XII и частично XIII—XIV и XV вв.

Заложенный нами в центре главной улицы стратиграфический раскоп впервые позволил установить, что городище Денданакана на участке шахристана представляет собой однослойный памятник и что на территории его, по археологическим данным, в XIII в. произошел большой пожар, после чего жизнь здесь резко сократилась. Археолого-топографическое изучение пункта выявило, что вокруг укрепленного шахристана располагался обширный (1,6 на 1 *км*) рабад, в северной и восточной частях которого было несколько караван-сараев (90 × 90 *м* и 60 × 60 *м*), квартал гончаров, в котором удалось обнаружить целые комплексы печей-хумданов. Вокруг них собрано множество печных припасов — штырей, калыпов-матриц и других орудий ремесленного производства. Следы былых застроек заметны также в северо-западной и частично юго-восточной окраинах рабада, где располагались производственные кварталы и караван-сараи.

Изучение показало, что здесь вначале существовало укрепленное поселение VI—VII вв. После арабов жизнь переместилась на восток, где появился укрепленный рабат, впоследствии переросший в небольшой, но достаточно благоустроенный город Мервского оазиса, в котором имелись шахристан и обширный рабад.

В сведениях восточных авторов упоминается о наличии в Денданакане в IX—X вв. кафедры, бани, обширных домов, крепостных стен с одними воротами и т. д. [23]. К этому периоду относится и обильная, нередко высокохудожественная керамика с городища. К той же поре восходит и формирование рабада-пригорода, расположенного вокруг города.

Денданакан стал известным городом еще в первой половине XI в., когда в мае 1040 г. под его стенами сельджуки разбили газневидское войско [24], что явилось своего рода датой начала господства их в Хорасане.

Из других дорожников известно, что из этого города происходили видные люди Хорасана — проповедник Мансур бен Амер бен Кесир ас-Сулами, которому приписывают стоявшую еще в середине XII в. известную мечеть города [25] (возможно, мечеть, вскрытую в 1942 г), а также известный законовед по имени Фадл Алах ибн Мухаммед ибн Исмаил ад Данданкани, родившийся там в начале XII в. [26]. О наличии в городе мечети с минаретом и о времени разрушения города в начале второй половины XII в., во время огузской смуты 1158 г., сообщают дошедшие до нас источники [27].

Разрушение Денданакана огузами, видимо, было значительным; уже будучи разоренным, он просуществовал до начала XIII в., когда его положение было образно описано посетившим город в 1217 г. Якутом. Он писал: «...Я видел его (Денданакан.— *К. А.*), и не было там ничего, кроме

ций. См. Б. Н. Заходер. Ук. соч.; С. А. Ершов. Ук. соч.; М. М. Дьяконов. О дате данденаканской мечети. КСИИМК, вып. XXIII, 1948; М. Е. Массон. Новые данные о надписях одного Мешхеди-Мисрианского минарета. Сб. «Эпиграфика Востока», т. VII, М.—Л., 1953, стр. 12, прим. 2; Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 256—259.

[23] МИТТ, т. I, стр. 184, 191, 193, 195, 201, 207, 213.

[24] Там же, стр. 233

[25] В. А. Жуковский. Ук. соч., стр. 38.

[26] Якут. Рукопись, т. III, стр. 610. Хранится в фондах библиотеки ЛГУ.

[27] Там же.

стоящей стены и следов красивых зданий, указывавших на то, что это был город» [28].

Страшный удар городу был нанесен в 1221 г. монголами, предавшими его разрушению и, как выяснено в результате наших раскопок, большому пожару.

Итак, перед нами исторический город Мервского оазиса, представляющий собой чрезвычайно интересный объект для широких археологических работ.

Пятой и последней остановкой караванов, расположенной на трассе средневекового торгового пути, упоминаемой в дорожниках, являлся Генугирд, находившийся в 5 фарсахах от Денданакана в сторону Мерва [29].

Этот пункт был открыт и отождествлен с Генугирдом XVIII отрядом ЮТАКЭ в полевой сезон 1950 г., когда были осмотрены расположенные в районе Талхатан-Баба, в 18 *км* южнее плотины Коушут-Бент, на Мургабе развалины городища Кельте-Минара и с них собран подъемный материал. Хотя собранные здесь археологические материалы и полученные наблюдения довольно обстоятельно охарактеризованы в статье В. М. Массона [30], выдвинувшего гипотезу об отождествлении Кельте-Минара с Генугирдом, его археолого-топографическая характеристика нуждается в определенной дифференциации.

Впервые развалины, включавшие укрепленное городище с цитаделью и с большим селением вокруг него, упоминаются в конце прошлого столетия под названием Минаре-Кала [31], которое прочно держится до сих пор у жителей близлежащих районов. Правда, встречается и другое название — «Улы-Минара», т. е. «большой минарет», но первое употребляется чаще.

Археологическое исследование показало, что городище Кельте-Минара — более сложный памятник, нежели четыре описанных нами станции торгового пути (рис. 6). Мы дадим лишь краткую характеристику его ранней истории, а в основном остановимся на истории и значении пункта в период существования и функционирования его на трассе торгового пути в средневековую пору. Наиболее ранние его развалины состоят из значительного укрепленного городища, почти квадратного в плане (340—350 *м*). Стороны его имеют ориентировку, близкую к странам света; оно окружено валами высотой до 2—3 *м*, с въездами с северной и восточной сторон. В северо-восточном углу имеется древний аркс, претерпевший впоследствии большое число реконструкций, о чем свидетельствуют наращенные столетиями мощные строительные отложения; высота аркса — 14,4 *м*, размеры — 200 × 200 *м* — понизу, 100 × 100 *м* — поверху. Поверхность городища и площади вокруг цитадели-аркса изобилует археологическими остатками доарабского времени, а заложенный в нем стратиграфический шурф дал материалы даже парфянского времени [32].

Таким образом выяснилось, что городище имеет античную основу. Этому соответствует также правильная, почти квадратная конфигурация городища, характерная для парфянской эпохи [33], когда на месте поздней цитадели в северо-восточном углу находился древний аркс. Это городище впоследствии, в пору образования сасанидского государства, было обжито, а прежний аркс города обведен стенами и превращен в цитадель раннефеодального населенного пункта. В период же средневековья античный город был заброшен и поселение развивалось на территории вокруг него. На цитадели в северной части в это время из сырца (32 × 32 × 6,5 *см*)

[28] МИТТ, т. I, стр. 416 и 421.

[29] МИТТ, т. I, стр. 144.

[30] В. М. Массон. Развалины Генугирда. ИАН ТуркмССР, 1951, № 3, стр. 11—16.

[31] В. А. Жуковский. Ук. соч., стр. 191.

[32] В частности, шурф в нижних слоях дал три фрагмента одного сероглиняного черепка с надписями, исполненными знаками арамейского письма и выполненные черной краской.

[33] Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 28—29.

было возведено здание дворцового типа, квадратное в плане (15,5 × ×15,5 *м*), с ориентировкой углов по странам света; по углам цитадели воздвигаются круглые, с прочными стенами башни.

В 100 *м* восточнее, за стенами заброшенного античного городища, уже в VIII—IX вв. возводится мечеть (в плане 135 × 100 *м*) с ориентировкой на кыблу (юго-запад). Мечеть сложена из сырцового кирпича (32 × 32 × × 6,5 *см*), тех же размеров, которые мы наблюдали в здании на цитадели. Выяснено, что она реставрировалась в XI—XII вв., на что указывают вмонтированные в кладку стен жженые кирпичи (размером 21 × 21 ×

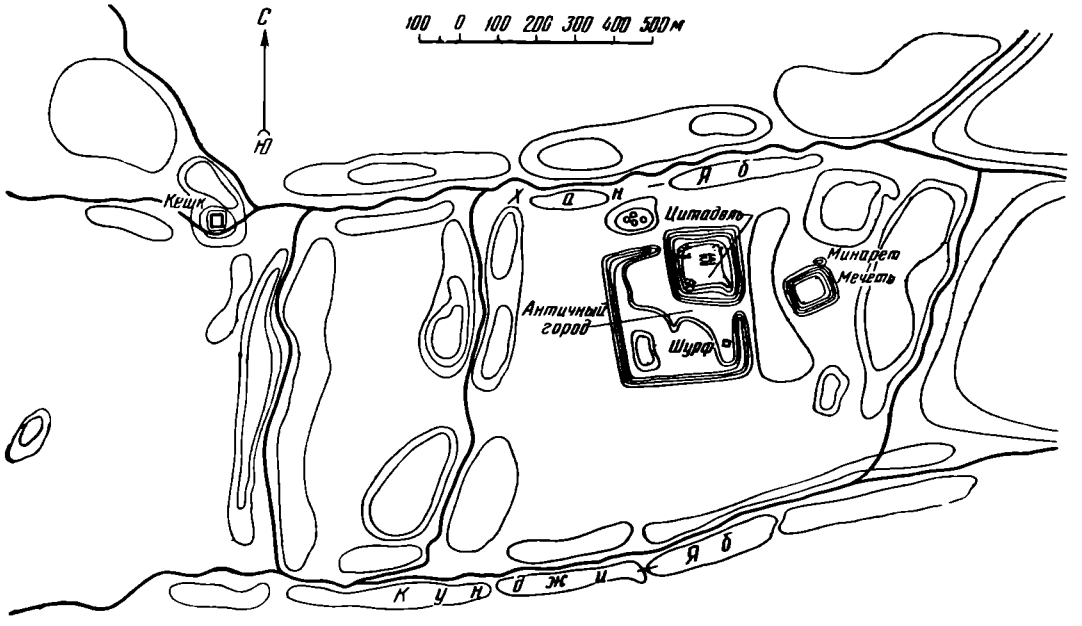

Рис. 6. Генугирд. Кельте-Минара

× 3,5 *см*), декоративные резные кирпичики (размером 10,5×10,5×4 *см* и 12,5 × 10,5 × 5,5 *см*). В северном углу высился разобранный ныне минарет, по которому городище получило свое позднее наименование — Кельте-Минара.

Мечеть имела с трех сторон сводчатые айваны, в юго-западном фасе с внутренней стороны располагался михраб. Устанавливается, что сложившееся впоследствии за пределами античного городища поселение располагалось вдоль и на площади между двумя большими каналами — Кунджи-Яб и Хан-Яб, подходившими с востока и северо-востока из р. Мургаб; оно простиралось с севера на юг на 1300 *м* и с запада на восток более чем на 2500 *м*. Характерно, что в таком большом селении не имелось караван-сараев; приезжие караваны, очевидно, вполне устраивало укрепленное стенами античное городище; вероятно, в это время в нем и был прорублен второй, северный въезд.

На обширной территории, между каналами, усматриваются площади, видимо, базарные; вдоль канала в северо-восточной части расположен квартал ремесленников, где встречены до десятка хумданов и обжигательных печей, масса ошлакованных предметов, шлаки, печные припасы. Отдельные хумданы встречены также и в северной части. В северо-западной части селения сохранился полуразрушенный кешк феодала X—XI вв., сложенный из квадратного сырца 32—32,5 × 6 — 6,5 *см*, квадратный в плане (13,5 × 13, 5 *м*), с почти правильной ориентировкой север — юг. Примечательным являются сводчатые перекрытия, своды, коробовые и монастырские [34], и фасады, оформленные гофрами.

[34] Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 244.

Окружающие селение со всех сторон обширные земельные пустыри сохранили следы обработки. Несомненно, эти пространства, пронизанные руслами арыков, в средние века были засажены садами, огородами, виноградниками, о чем писали восточные авторы и что подтверждается археолого-топографическим изучением XXIII отряда ЮТАКЭ.

Таким образом, местонахождение пункта и прослеженная нами историческая топография его, сбор большого количества археологического материала (керамика, стекло и т. д.), охватывающего довольно обширный период (античность, средние века), подтвердили выдвинутое в свое время В. М. Массоном предположение о тождественности руин Кельте-Минара с Генугирдом.

Эта последняя большая станция торгового пути, расположенная в 30—32 *км* южнее Мерва, входила в богатый и культурный оазис и в прошлом сыграла определенное значение в его экономической жизни, о чем свидетельствуют восточные авторы.

В IX—X вв. Генугирд (арабизированно — Джануджирд), будучи первой остановкой караванов, шедших по трассе от Мерва [35], входил в состав поместий рода Али ибн Хишама ибн Фаррахосроу [36].

Во втором десятилетии XIII в., в 1217 г., перед самым нашествием монголов на Хорасан, Генугирд посетил Якут, который указывал, что это селение (остановка караванов) имело довольно значительные размеры и здесь были отстроены красивые здания, большая мечеть, имелся обширный базар, были сады и виноградники. Генугирд был крупным административным пунктом с большим количеством жителей [37].

Эти отрывочные сведения письменных источников вполне подтверждаются в результате полученных нами археологических данных на городище Кельте-Минара. Сложившийся как город еще в парфянское время, Генугирд в VII столетии входил во владения дихканского рода Фаррахосроу, получив большое значение особенно в связи с его местоположением на большой караванной дороге. В раннем средневековье он характеризуется как большое селение Мервского оазиса.

По археологическим данным, монгольское завоевание в основном положило конец жизни в этом пункте, хотя она еще продолжала теплиться в XIV—XV вв., когда со стороны тимуридов была сделана попытка возрождения торговой трассы и ее станций, после чего жизнь здесь совершенно прекращается.

Такова в общих чертах характеристика главных остановок средневекового торгового пути из Мерва на Серахс, упоминающихся в дорожниках средневековых авторов. Следует ко всему изложенному добавить, что перечисленные пункты в свое время играли не только значение торговых станций, но они также включались в политическую, экономическую и культурную жизнь двух больших оазисов — Мерва и Серахса. Остановки серахского оазиса — замок Наджара, Уштурмагак, Тильситана, между которыми существовали десятки впервые зафиксированных нами промежуточных станций — были значительными пунктами ремесленного производства, а в окружавших их просторных степях с кормовыми травами развивалось скотоводство. Остановки Мервского оазиса — Денданакан и Генугирд служили местами, где процветали культурные растения — виноград, дыни и т. п. В источниках имеются сведения о том, что из Денданакана еще в IX—X вв. вывозили шелк и хлопок [38].

При таком положении главные остановки шедшей из Передней в Среднюю Азию и Китай международной торговой магистрали, которая была самой благоустроенной именно на участке Серахс-Мерв [39], не могли не

[35] МИТТ, т. I, стр. 144.
[36] Там же, стр. 147.
[37] Там же, стр. 416 и 427.
[38] История Туркм. ССР, т. I, кн. 1, Ашхабад, 1958, стр. 217.
[39] МИТТ, т. I, стр. 93; ср. А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 122.

быть упомянутыми путешественниками, географами и историками Востока.

Таким образом, в результате проведенного нами историко-археологического изучения пунктов торгового пути установлены многие этапы истории этих пунктов, не отраженные в письменных источниках, в частности, принципиально важное положение о формировании трассы в доарабское время — в VI—VII вв.— в связи с процессом сложения феодальной системы в Хорасане и появлении крупных дихканских вотчин (замок Наджара, укрепленная усадьба в окрестностях Денданакана, цитадель античного города Генугирд).

На основе археологических наблюдений была изучена историческая топография былых станций торгового пути, разрешены некоторые вопросы, связанные с уровнем развития в них ремесленного производства, а также освещена жизненно важная в Средней Азии проблема — водоснабжение и ирригационные сооружения, совершенно не отраженная в дорожниках восточных авторов. Именно на основе археологических материалов стало возможно точнее проследить историю отрезка международного торгового пути из стран Передней Азии в Китай и Индию, расположенного в южных областях Туркменистана, между городами Мервом и Серахсом.

ЗАМЕТКИ

ТО Ю ХО, ХВАН ГИ ДОК

РАСКОПКИ В ДИ-ТАП-ЛИ

С начала апреля до конца мая 1957 г. экспедиция Института археологии и этнографии Академии наук КНДР под руководством чл.-корр. АН КНДР То Ю Хо произвела археологические раскопки в дер. Ди-Тап-Ли уезда Бон-Сан, провинции Северная Хван-Хэ.

Раскопано многослойное поселение, расположенное на равнине, на широких новых наносах, созданных р. Черенг-Сохын. Культурный слой обнаружен внутри и вне глиняного вала. Культурный слой каменного века лежит под новыми наносами на глубине 1—1,50 *м*.

Раскопки произведены в двух местах (первый участок — внутри вала, а второй — вне вала, на расстоянии 700 *м* от него, на южном берегу притока р. Черенг-Сохын).

На этих двух участках обнаружены слои разного времени — от каменного века до средневековья.

На первом участке найдены в основном следующие древние вещи: несколько железных стрел, железные шлаки, бронзовые кольца, керамика, кирпичи и черепица. Подавляющее большинство находок относится к ханьскому периоду.

Древний культурный слой ханьского времени на втором участке (вне вала) лежит выше слоя каменного века на 0,60 *м*. Среди найденных в ханьском слое вещей обращают на себя внимание железные наконечники стрел, железный шлак, трубчатые бусы, раковины и многочисленные обломки керамики. Однако здесь почти не найдены кирпичи и черепица ханьского периода.

В ненарушенном первобытном слое обнаружена полуземлянка квадратной формы (рис. 1) с остатками очага, размером 7×7 *м*, а пол ее находился на глубине 1,70—1,90 *м* от поверхности. На полу найдены каменные орудия — стрелы, наконечники копий, зернотерки, точильный камень, топоры, долота, а также много обломков керамики от круглодонных или с уплощенным дном сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом (рис. 2). Глиняное тесто имеет примесь асбеста. Сосуды лежали вверх дном. Так же лежала и каменная зернотерка.

Над центральной частью полуземлянки находился глинистый слой толщиной в 0,20—0,40 *м*, в котором была найдена гребенчатая керамика (с примесью асбеста), а также каменные орудия — топоры, наконечники копий и обломки кинжалов. В некоторых местах под древним слоем найдены обломки «роговидной» керамики, рукоятки с зональными узорами и обломки серповидного ножа.

На втором участке первобытный культурный слой прослежен в восточной и западной частях раскопа. Здесь найдены две маленькие полуземлянки, длина сторон которых достигла 3—4 *м*, а пол лежал на глубине более 2 *м* от поверхности земли. В плане полуземлянки были полу-

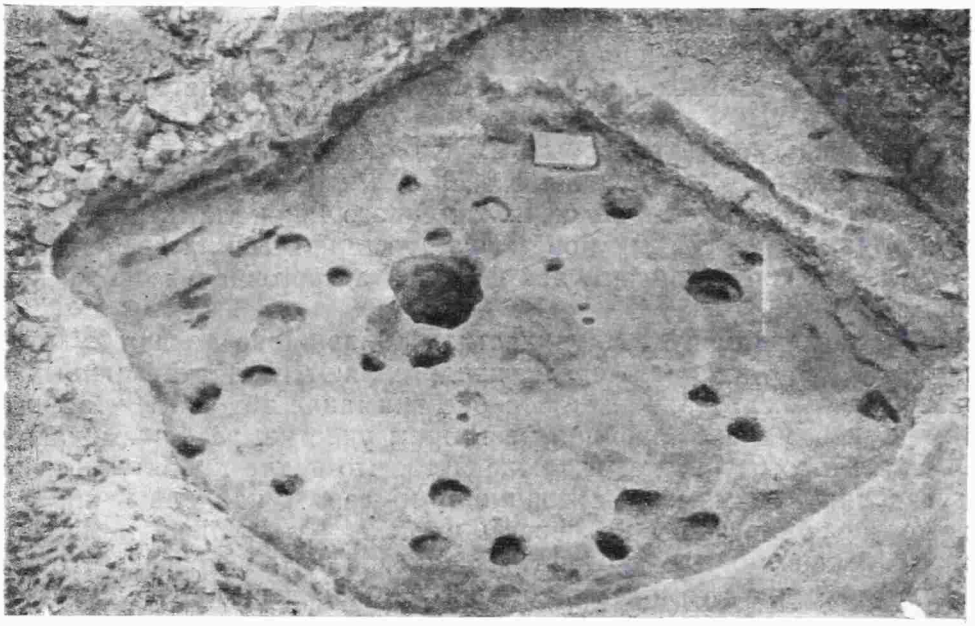

Рис. 1. Полуземлянка

круглыми. Вокруг центрального очага и большого сосуда, положенного рядом с ним вверх дном, были расположены почти по кругу ямы для столбов.

В этом слое, кроме гребенчатой керамики (обнаруженной и на первом участке), найдена керамика с зональным волнистым узором (рис. 2, *2*). Из каменных вещей здесь найдены стрелы, наконечники копий, зернотерка, точильный камень, топор, долота, грузила, сошник, серп

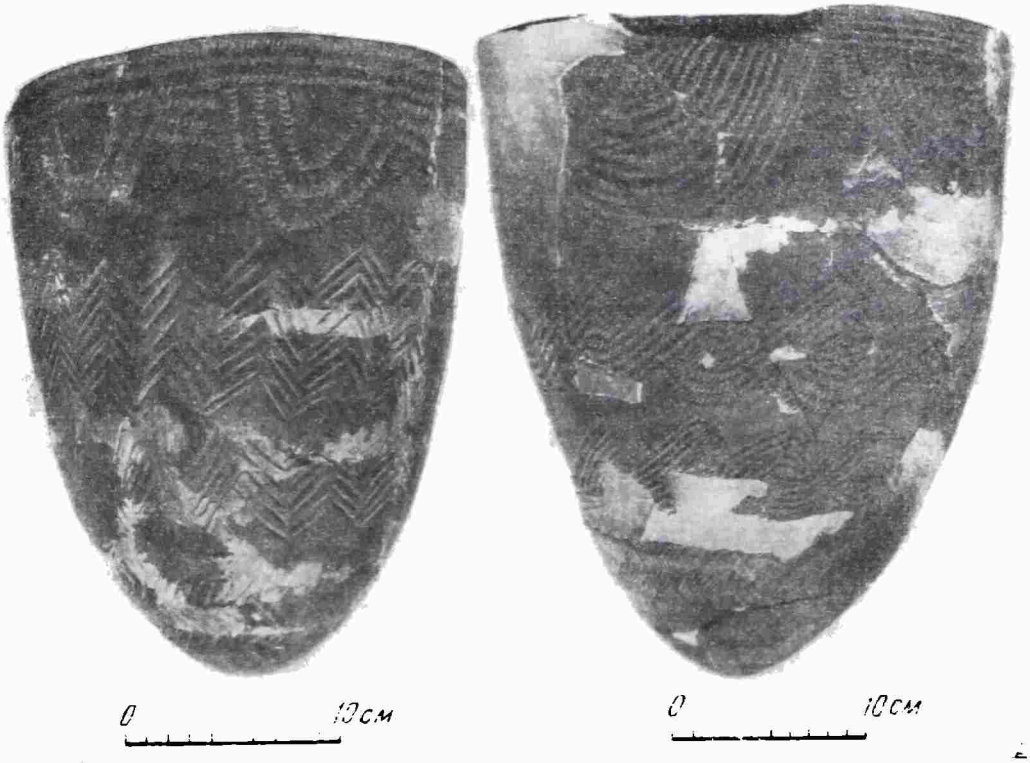

Рис. 2. Глиняные сосуды

и др. Надо отметить, что в Корее в первобытных остатках каменные сошник и серп найдены впервые.

Обнаружены также зерна проса и желуди, что представляет большой интерес.

Между ханьским и первобытным слоями в восточной части лежала прослойка без находок толщиной 0,20 *м*. Рядом с этой прослойкой, на той же глубине найдены обломки каменного кинжала, стрелы, булавы, рога и обломки «каменных монет», но здесь не было ни гребенчатой, ни древней керамики, а найдены два фрагмента «роговидной» керамики без узоров.

Итак, на первом и втором участках обнаружено по два культурных слоя, а эти слои, в свою очередь, представляют по два различных культурных комплекса. Привлекает особое внимание тот факт, что форма и орнамент керамики, найденной на втором участке, резко отличаются от керамики первого участка, а также и то, что такие характерные каменные изделия, как каменные сошники и серпы, найденные на втором участке, не обнаружены на первом участке. Культурный комплекс, содержащий керамику с гребенчатым или волнистым точечным орнаментом, находился над комплексом с «роговидной» керамикой, резко отличным от него.

Подводя итоги археологических раскопок в Ди-Тап-Ли, можно сделать следующий вывод. Над первобытным слоем лежит древний (ханьский) слой, а над ним — средневековый. Последний слой непосредственно связан с современным. Эти слои занимают обширную площадь, и раскопки охватили еще очень малую ее долю. Дальнейшие раскопки остатков Ди-Тап-Ли дадут возможность получить материалы не только для выяснения общественно-экономической структуры первобытного общества на территории нынешней провинции Хван-Хэ, но и для решения вопроса о периодизации неолита в Корее.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ СРЕДНЕГО ПОРОСЬЯ

Белоцерковский краеведческий музей обладает значительной коллекцией археологических материалов, составленной в основном из собрания местного археолога-любителя С. Л. Дроздова, основателя данного музея. Вещи, входящие в состав этой коллекции, происходят из случайных находок на территории Белоцерковского и соседних районов, а также — из раскопок, проводившихся С. Л. Дроздовым в различных местах названной территории.

В числе этих материалов имеется довольно много предметов (главным образом сосудов) культуры полей погребений, широко распространенной в области Среднего Поросья. Наибольшее количество вещей происходит из известного могильника черняховского типа в с. Ромашки, Рокитянского района, Киевской области, но наряду с этим имеется ряд находок из других местностей, которые, однако, до сих пор не введены в научный оборот. Описанию этих вещей и посвящена данная заметка.

Материалы зарубинецкой культуры в Белоцерковском музее представлены одним сосудом, происходящим из г. Богуслава, Киевской об-

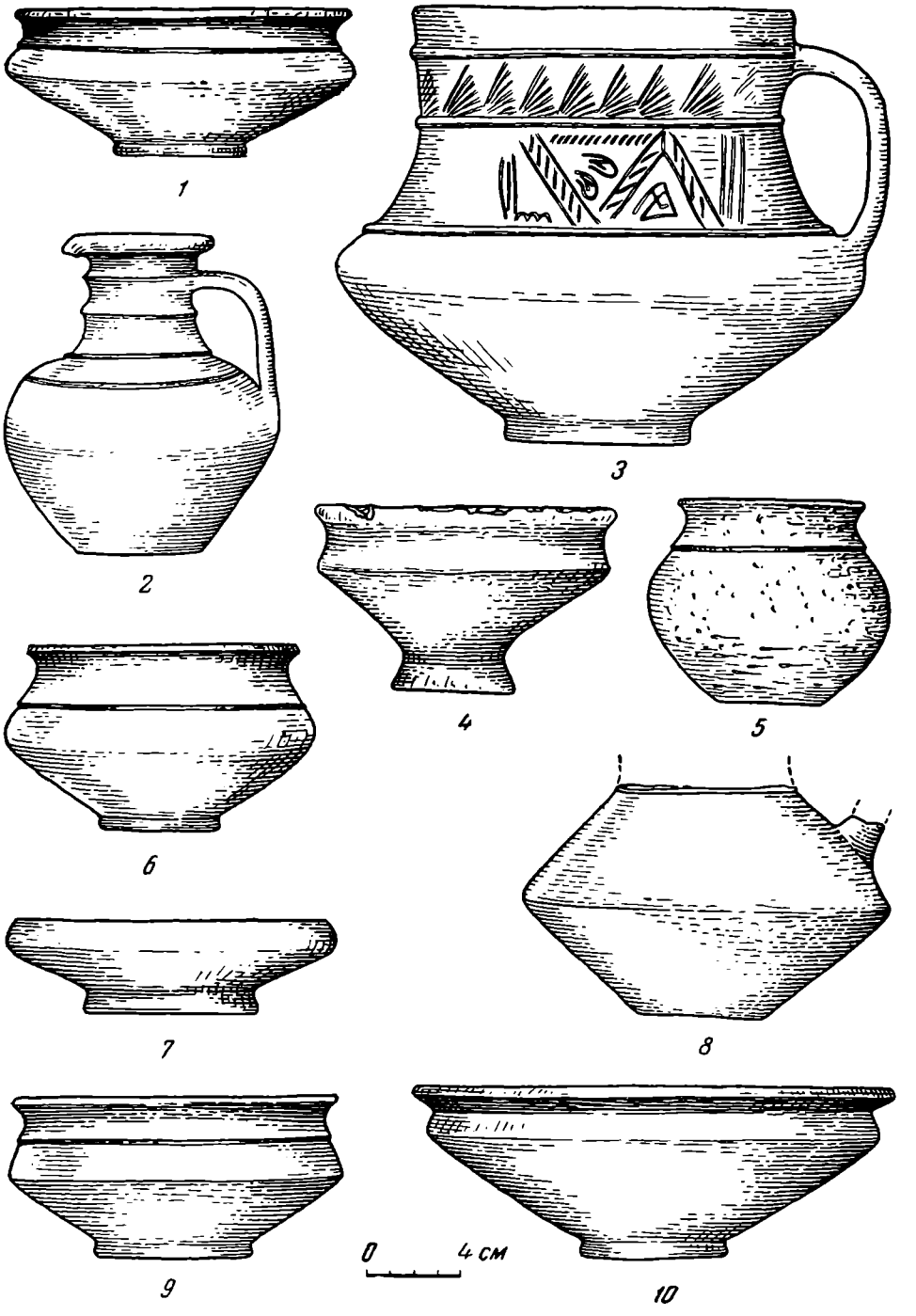

Рис. 1. Керамика из Среднего Поросья

ласти[1]. Это — лепная мисочка (рис. 1, *4*), изготовленная очень тщательно из глины с примесью мелкого песка. Цвет черепка темно-бурый, поверхность черная, лощеная. Форма приближается к биконической, с резко выраженным ребром. Венчик слегка отогнут наружу, дно — на высокой полой ножке.

Эта находка представляет большой интерес, ибо до сего дня является единственной находкой вещи явно зарубинецкого типа в Среднем Поросье. Известные до сих пор среднеднепровские памятники зарубинецкой

[1] Инв. № 191.

культуры располагаются либо севернее — в бассейне рек Стугны и Красной, либо восточнее — в области Нижнего Поросья (на Каневщине).

Большой интерес представляет также хранящийся в Белоцерковском музее лепной кувшинчик пшеворского типа, найденный в с. Пищана (Белоцерковский район Киевской области), в урочище «Голяки»[2] (рис. 2, *1*). Сосуд изготовлен тщательно, из глины с примесью песка. Цвет черепка серый, поверхность черная, лощеная. Тулово сосудика низкое, с округлыми плечиками, горло широкое. Имелась одна ручка, которая отбита. Кувшинчик орнаментирован рядом косых каннелюр по плечикам и резкой линией при переходе горла к тулову. Ближайшие наход-

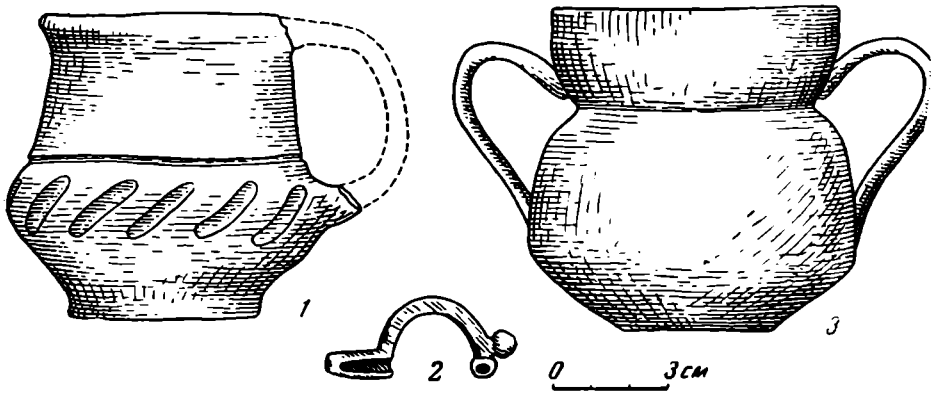

Рис. 2. Находки из Среднего Поросья

1 — лепной кувшинчик из с. Пищана; *2* — бронзовая фибула (место находки неизвестно); *3*— гончарный сосуд из с. Пологи

ки подобной керамики в области Поросья известны в Ягнятине (Ружинский район Житомирской области), расположенном на р. Роставице (левый приток р. Роси), в 70 *км* к западу от места находки описанного сосудика[3].

К сожалению, неизвестны условия находки этого кувшинчика: представляет ли он собою часть комплекса, который может быть отнесен к местному варианту пшеворской культуры, или же находка его связана с памятником черняховского типа[4].

Более многочисленны среди коллекций Белоцерковского музея материалы черняховской культуры.

Любопытный сосуд (рис. 2, *3*) происходит из погребения, раскопанного в с. Пологи (Гребенковский район Киевской области)[5]. Это — тонкостенная гончарная вазочка оригинальной формы, с двумя ручками. Венчик имеет необычную, выпуклую форму. Цвет черепка серый, поверхность черная, лощеная.

Наиболее близкой, хотя и не полной, аналогией этому сосуду является ваза, найденная в составе известного Борочицкого клада (Берестечковский район Волынской области)[6]. Еще более отдаленно он напоминает двуручные вазы провинциального римского производства, известные, например, на территории Венгрии[7].

---

[2] Инв. № 317.

[3] Материалы Житомирского областного музея.

[4] Находки пшеворской керамики в комплексе черняховской культуры в Поросье известны, например, на Ягнятинском поселении. См. Є. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, т. III, 1952, стр. 154—168.

[5] Инв. № 193. Сведений о погребении нет.

[6] I. Piotrowski. Skarb Boroczycki, pow. Gorochów, na Wołyniu. Lwów, 1929.

[7] Sz. K. Póczy. Die Töpferwerkstätten von Aquincum. Acta archaeologica, т. VII, Budapest, 1956, табл. IX, *5*.

Несколько характерных находок происходит из с. Телешовка (Рокитянский район Киевской области), расположенном на р. Гороховатке, рядом с с. Ромашки, где находится известный могильник черняховской культуры.

Среди них имеются две биконические лощеные миски черняховского типа, изготовленные на гончарном круге (рис. 1, *1, 9*) [8]. Обе миски орнаментированы рельефным валиком.

Третий сосуд, происходящий из Телешовки, представляет собой привозной предмет и принадлежит к эллинистической чернолаковой кера-

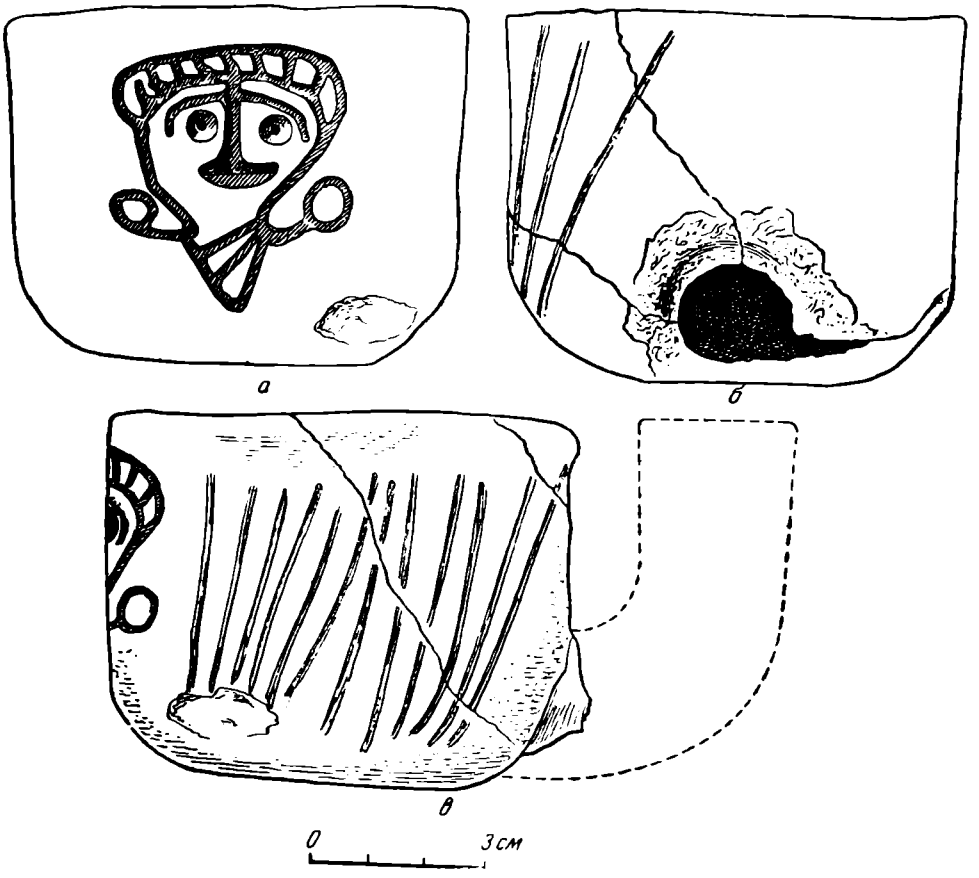

Рис. 3. Глиняный лепной светильник из раскопок в Богуславском районе

мике (рис. 1, *7*) [9]. Это — мисочка со штампованным орнаментом, расположенным на внутренней поверхности дна: в центре — четыре оттиска пальметт, образующих в совокупности крестообразную фигуру, которая обрамлена тремя концентрическими кругами из радиально расположенных черточек.

Про условия находки описанных трех сосудов известно лишь, что в музей они попали из местной трудшколы. Во время археологической разведки, проведенной в с. Телешовке автором в 1947 г., был зафиксирован ряд памятников культуры полей погребений черняховского типа, расположенных на территории села [10]. Из них наиболее интересно местонахождение Телешовка II, представляющее собой поселение и связанное с ним поле погребений. Поселение расположено на выступе правого берега р. Гороховатки, ориентированном на восток, и занимает низкую

[8] Инв. №№ 1078 и 1081.

[9] Инв. № 1097.

[10] М. Ю. Брайчевський. Слов'янські пам'ятки Середнього Поросся. АП, т. III. 1952, стр. 57—65.

часть очень пологого склона. Могильник расположен выше по склону, в его верхней части, непосредственно прилегающей к плато. Погребения обнаруживаются в глинище, где крестьяне берут глину, причем встречаются человеческие кости и сосуды, типичные для культуры черняховского типа. Коль скоро вышеописанные сосуды сохранились полностью, можно полагать, что они происходят из погребений, а поскольку других раскопанных могильников в селе как будто не имеется, можно предположительно связывать эти сосуды именно с данным могильником.

Характерная миска черняховского типа (рис. 1, *10*) происходит из г. Богуслава [11]. Изготовлена она на гончарном круге из хорошо промешанной, но слабой глины с примесью песка и дресвы. Цвет черепка красный, поверхность серая, с покрытием, которое легко отслаивается. Дно миски имеет кольцевое углубление по краю.

В с. Шамраевке (Великополовецкий район Киевской области) найден характерный низкий горшок культуры полей погребений черняховского типа (рис. 1, *5*) [12]. Он изготовлен на гончарном круге из глины с примесью песка. Форма горшка приближается к шарообразной. Под венчиком имеется рельефный валик.

Помимо описанных материалов, в Белоцерковском музее хранится ряд находок, указания на точное местонахождение которых не сохранилось. Среди них исключительный интерес представляет светильник (рис. 3), найденный С. Л. Дроздовым во время раскопок где-то на Богуславщине [13]. Светильник имеет, безусловно, местное происхождение, но подражает (хотя и неудачно) известным римским светильникам с одним рожком, отличаясь от них бо́льшими размерами. Туловище его цилиндрическое, в виде низкой открытой чаши. Рожок отбит. Изготовлен светильник из хорошо обработанной, плотной глины с примесью песка. Цвет глины розовый, поверхность серая, с плохим лощением.

С одной стороны на стенке сосуда прочерчены широкие вертикальные или слегка наклонные резные линии. Весьма интересен рисунок, прочерченный на противоположной от рожка стороне сосуда и изображающий человеческое лицо. Этот рисунок сделан после обжига. Изображение крайне схематичное. Особенно глубоко проработаны глаза, нос и рот. Глаза представляют собой воронкообразные высверлины, в центре которых просверлены еще узенькие точки, изображающие, надо думать, зрачки. Нос слит сверху с дугообразной линией бровей, а снизу — со ртом.

Данное изображение (как, впрочем, и сосуд в целом) является уникальным: подобные рисунки, процарапанные на стенках сосудов, неизвестны в культуре полей погребений черняховского типа. Говоря об антропоморфных изображениях I тысячелетия н. э. в Среднем Поднепровье, естественно вспомнить некоторые ювелирные поделки, например известные мартыновские фигурки [14]. Эти изображения, выполненные в другом материале, совершенно иной техникой, не могут представлять собой полную аналогию изображению на светильнике. Тем не менее некоторые общие стилистические черты здесь и там можно усмотреть, например в характере изображения прически, в слитности носа с бровями и ртом и т. д. Правда, мартыновские изображения безбороды, но нам известны изображения бородатых лиц, например, на фибулах [15].

Следует указать еще пять предметов, относящихся к культуре полей погребений черняховского типа, происходящих из Среднего Поросья, точное место находки которых неизвестно.

---

[11] Инв. № 1085. Условия находки неизвестны.
[12] Инв. № 315.
[13] Инв. № 309.
[14] Хранятся в Центральном историческом музее УССР в Киеве.
[15] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 84.

1. Характерная миска, изготовленная на гончарном круге из хорошо обработанной глины черного цвета (рис. 1, *6*) [16]. В верхней части тулова имеется рельефный валик.

2. Большой одноручный кувшин, изготовленный на гончарном круге (рис. 1, *3*) [17]. Цвет — желто-серый. Поверхность лощеная. Тулово широкое, приземистое, резко расширяющееся от дна к перегибу. Дно на кольцевой ножке. Горло низкое и очень широкое. На плечиках и на горле имеются три рельефных валика, между которыми нанесены различные узоры, выполненные пролощенными линиями.

3. Одноручный кувшин, изготовляемый на гончарном круге из хорошо обработанной глины с примесью мелкого песка (1, *2*) [18]. Цвет глины серо-бурый, поверхность серая с плохим лощением. Горло суживается кверху и имеет три горизонтальных желобка. При переходе тулова в горло имеется рельефный валик.

4. Одноручный гончарный кувшин с отбитым горлом и основанием ручки, с биконическим туловом (рис. 1, *8*) [19]. Поверхность серая, с плохим лощением.

5. Бронзовая дугообразная фибула римского типа с массивным литым корпусом (рис. 2, *2*) [20]. В сечении дужка прямоугольная, со слегка выгнутой внешней поверхностью. Иглодержатель составляет часть корпуса. Головка — в виде пластинки с круглым отверстием для стерженька пружины. Над ней — выступ в виде шарика. На спинке вверху и внизу — насечка, состоящая из шести поперечных черточек, расположенных по три.

Богатство Среднего Поросья памятниками культуры полей погребений черняховского типа известно давно, и материалы Белоцерковского музея еще раз подтверждают правильность этого представления.

---

[16] Инв. № 1080.
[17] Инв. № 311.
[18] Инв. № 196.
[19] Инв. № 188.
[20] Инв. № 148. Прежде хранилась в Сквирском музее (из сборов К. В. Болсуновского).

И. С. ВИНОКУР

МАТЕРИАЛЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ЖИТОМИРСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В Житомирском краеведческом музее хранятся сосуды черняховской культуры, доставлявшиеся в музей на протяжении целого ряда лет как исследователями-археологами, так и частными лицами. Бóльшая часть этих сосудов передана Житомирскому музею из Бердичевского краеведческого музея в 1954 г. Все сосуды сделаны на гончарном круге, из хорошо отмученной глины с примесью песка. Поверхность почти всех сосудов (за исключением случаев, отмеченных в тексте) серая, лощеная.

1. Бассейн р. Роставицы. Из с. Чернорудка, Вчерайшанского района, происходит миска, доставленная в Бердичевский музей в 1927 г. как случайная находка (рис. 1, *5*).

В 1926 г. в Бердичевский музей из с. Вовчинцы, Ружинского района, доставлены случайные находки — миска и кувшин. Миска (рис. 1, *6*)

украшена на плечах и изгибе двумя параллельно идущими ободками. Кувшин с ручкой (рис. 1, *8*) украшен на изгибе слегка выделяющимся валиком.

В 1954 г. в Житомирский музей поступило сообщение о том, что у с. Голубьевки, Ружинского района, на левом берегу р. Роставицы при

Рис. 1. Сосуды из различных пунктов

1,2 — Семеновка; *3,4* — Голубьевка; *5* — Чернорудка; *6,8* — Вовчинцы; *7* — Райки; *9,12* — Обуховка; *10, 11* — Татарское Селище

рытье глины для строительства кирпичного завода были обнаружены глиняные сосуды и человеческие кости. При выезде на место находки директор музея В. А. Месяц зафиксировал место расположения могильника черняховской культуры и запретил дальнейшее разрушение памятника [1].

[1] Сосуды публикуются с любезного разрешения В. А. Месяца.

Широкогорлая миска (рис. 1, *3*) украшена на ребре валиком. Горшок (рис. 1, *4*) сформован из глины с примесью кварца и имеет шероховатую поверхность.

В 1926 г. из с. Быстрик, Ружинского района, в Бердичевский музей была доставлена случайная находка — миска (рис. 2,*4*), имеющая в верхней части тулова ребро. У самого венчика — две параллельные врезанные линии. В 1956 г. автор настоящей заметки доставил из Быстрика еще пять небольших сосудов (рис. 2, *5—9*), происходящих из расположен-

Рис. 2. Сосуды из различных пунктов

1 — Бураки; *2* — неизвестный пункт; *3* — Катериновка; *4—9* — Быстрик

ного здесь могильника. Могильник находится на глинище, при впадении ручья в озеро, питающее р. Роставицу, на усадьбе гр-на Гладышко. Сосуды были обнаружены вместе с детским скелетом при обвале края глинища, на глубине 1,8 *м*. По рассказам очевидцев, сосуды как бы обрамляли детский скелет от головы до пояса. Один из горшков (рис. 2, *5*) имеет в месте плавного перехода от горла к тулову невысокий валик. Другой горшок (рис. 2, *7*) имеет поверхность черного цвета. На плечиках сосуд орнаментирован каннелюрами. В каждой из розеток, образуемых волнообразной линией каннелюр, перпендикулярно этой линии идут каннелюры такой же формы, но меньших размеров. Каннелюры об-

рамлены линией вдавлений, нанесенных острым игольчатым штампом. Вся поверхность каннелюр имеет хорошее лощение черного цвета. В верхней части тулова, при переходе к горлу,— небольшой валик. В нижней части горшка идут хорошо пролощенные вертикальные линии. Третий сосуд — небольшая чарка с ушком (рис. 2, *6*). Поверхность шероховатая, серого цвета. В средней части тулова — ребро. Четвертый горшок, с шероховатой поверхностью, имеет в верхней части две параллельные врезанные линии (рис. 2, *9*). Пятый горшок (рис. 2, *8*) имеет также шероховатую поверхность.

2. Бассейн р. Гнилопяти. В 1936 г. из с. Семеновки, Бердичевского района, в Бердичевский музей были переданы сосуды, найденные с остатками трупоположения. Это широкогорлый горшок с выпуклыми стенками (рис. 1, *1*) и миска с резко выраженным ребром (рис. 1, *2*).

В 1933 г. из с. Райки, Бердичевского района, в Бердичевский музей передана миска, найденная во время рытья ямы для хозяйственных нужд. Миска имеет в нижней части тулова ребристый излом (рис. 1, *7*).

3. Бассейн р. Тетерева. В 1940 г. из с. Бураки, Янушпольского района, передан в Бердичевский музей как случайная находка широкогорлый сосуд, украшенный на ребре рельефным ободком, который соединен с венчиком тремя симметрично расположенными ручками (рис. 2, *1*) [2].

Во время проведения археологических исследований на Волыни в 1921 г. С. С. Гамченко раскопал в одном из погребений у с. Катериновка (левый берег р. Тетерева, под Житомиром) вместе с лепными сосудами корчакского типа миску черняховской культуры (рис. 2, *3*) [3]. Миска имеет лощеную поверхность коричневого цвета. В средней части тулова — ребристый излом с рядом чередующихся граней. При переходе к венчику тулово украшено ободком и геометрическим орнаментом из едва заметных пролощенных линий. Венчик горизонтальный.

4. Находки из различных других пунктов. В фондах Житомирского музея находится переданная из Бердичевского музея миска, происхождение которой неизвестно (рис. 2, *2*). В музее находятся также переданные из Бердичева вместе с черняховской посудой пирамидальные глиняные грузила. Это обычные для черняховской культуры вещи. Два грузила происходят из с. Обуховка, Бердичевского района (рис. 1, *9, 12*), и два из с. Татарское Селище, того же района (рис. 1, *10, 11*).

Приведенные в данной заметке материалы черняховской культуры из юго-восточных районов современной Житомирщины относятся к первой половине I тысячелетия н. э.

---

[2] См. Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 149.

[3] См. Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 35.

М. В. ФЕХНЕР

ШИХИНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА

Близ дер. Шихино (Брусовский район Калининской области), в 45 *км* от Вышнего Волочка по Бежецкому тракту, находится курганная группа, представляющая значительный интерес сочетанием в ней различных форм насыпей. Кроме курганов обычной полушарной формы, здесь встречаются большие круглые в плане насыпи с плоской вершиной и насыпи с плоской вершиной и покатыми склонами, четырехугольные или квадратные в плане. Последние две разновидности курганов относятся к числу еще мало исследованных археологических памятников.

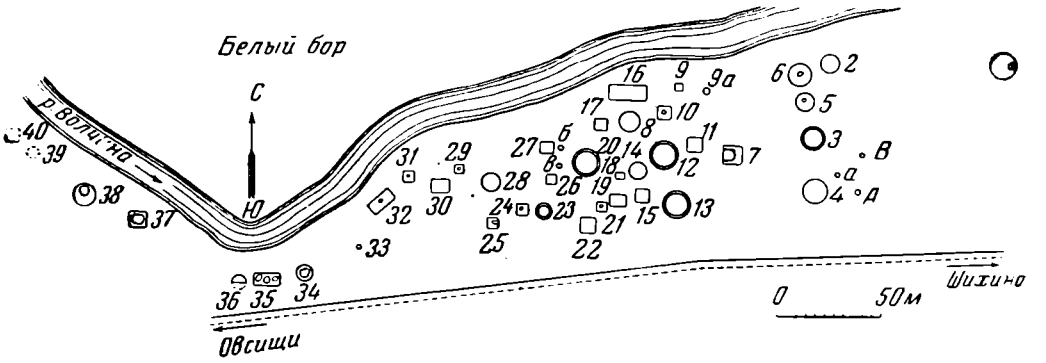

Рис. 1. План курганной группы (по А. Х. Репману). Двойной окружностью выделены плоские курганы

Шихинская курганная группа была открыта в 1951 г. директором Вышневолоцкого музея А. Х. Репманом. Она состоит из 46 насыпей (19 полушарных, 5 круглых с плоским верхом, 22 четырехугольных и квадратных) и занимает площадь 530 × 95 *м* вдоль правого берега р. Волчины на задернованном песчаном плато, известном у местного населения под названием «Гари» (рис. 1). По-видимому, при проведении Бежецкого тракта некоторые курганы были разрушены. На 15 курганах заметны следы старых раскопов, но кем и когда они раскапывались, выяснить не удалось.

Высота шихинских курганов достигает в среднем 0,7—0,8 *м*. Вокруг основания большинства курганов хорошо заметны ровики с перемычками. У некоторых насыпей четырехугольной формы вместо ровиков имеются следы ям, из которых брали землю для насыпки кургана.

В 1952 г. мы раскопали шесть курганов: три четырехугольных (№№ 11, 17, 27), два полушарных (№№ 9а и 28) и один большой курган с плоской вершиной (№ 20). Таким образом, были исследованы все типы курганов, встречающиеся в шихинской группе (рис. 2).

Во всех вскрытых нами четырехугольных насыпях шихинской группы обнаружены остатки обгорелых костей. Трупосожжение производилось вне кургана.

В кургане № 27 на глубине 0,45—0,50 *м* обнаружен слой угля толщиной 0,15—0,20 *м* и шириной 0,4—1,5 *м*, образующий кольцо (см. рис. 2, *II*), который лежал прямо на материке. Ниже угольного слоя шел песок с мелкой галькой, не имевшей никаких следов огня. При расчистке угольного слоя были обнаружены мелкие пережженные кости, железный бородок или пробойник (рис. 3, *7*), сапожный нож (рис. 3, *6*) и обломок грубой толстостенной лепной керамики. Судя по погребальному инвентарю, курган № 27 содержал мужское погребение.

В кургане № 17 угольный слой, как и в предыдущем кургане, лежал непосредственно на материке. В юго-западной части находились пере-

жженные человеческие кости. Здесь же стоял глиняный толстостенный лепной сосуд с прямым венчиком, наполненный жжеными костями и мелкими угольками. Из вещей найдены стеклянные бусы фиолетового цвета в оплавленном виде, железный нож (рис. 3, *5*), обломки бронзового браслета, треугольного в сечении (рис. 3, *3*), и маленького бронзового круглопроволочного кольца (рис. 3, *1*). В юго-восточной части кургана тоже были обнаружены пережженные человеческие кости, лежавшие компакт-

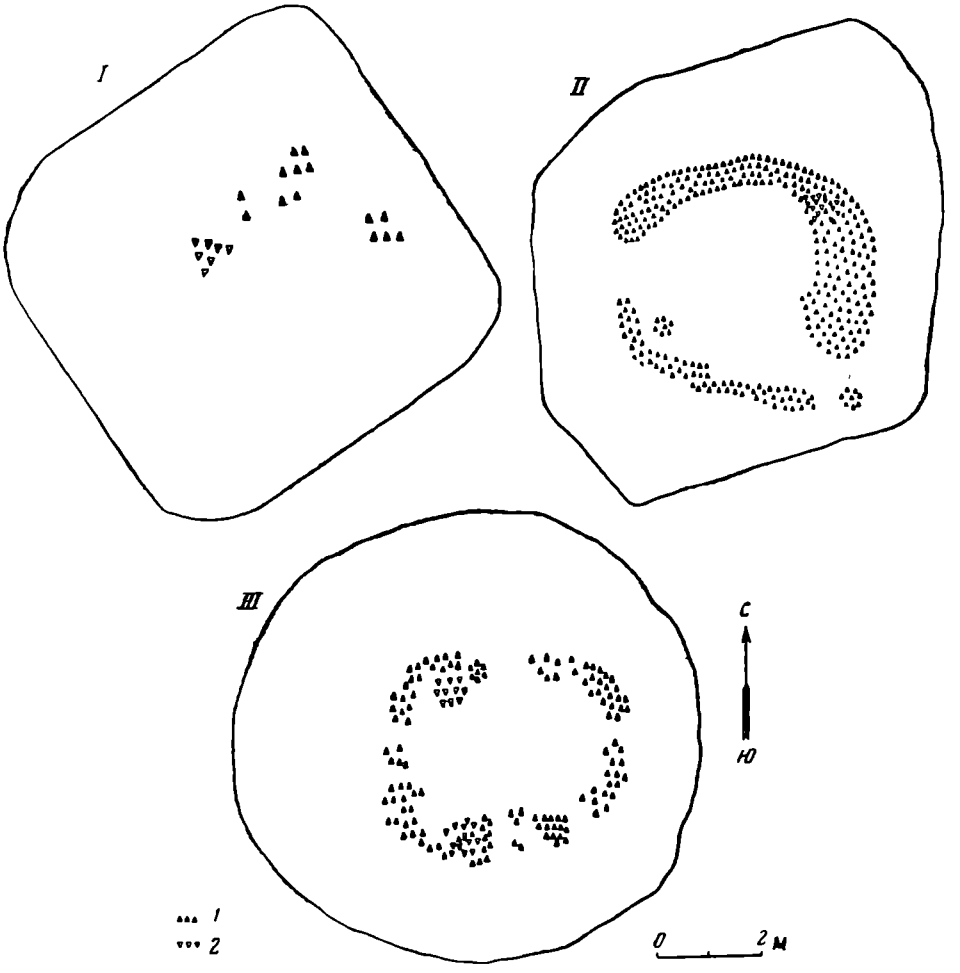

Рис. 2. Планы курганов №№ 11 (*I*), 27 (*II*) и 28 (*III*) на уровне материка
1 — уголь; *2* — пережженные кости

ной массой в слое угля, а также оплавленные стеклянные бусы темно-синего, фиолетового и зеленого цветов, обломки бронзовой бусины, бронзового спирального кольца в три оборота (рис. 3, *2*) и бронзового пластинчатого браслета с продольным ребром посредине (рис. 3, *4*). Подобные браслеты найдены в удлиненном кургане у дер. Горско и в круглом кургане с трупосожжением у дер. Городня Псковской области, относящемся ко второй половине I тысячелетия н. э. [1] По-видимому, под насыпью данного кургана находились остатки двух женских захоронений, произведенных одновременно.

В кургане № 11 (квадратной формы) погребальный инвентарь отсутствовал. В нем обнаружено было лишь незначительное количество жженых костей и отдельные куски угля (рис. 2, *1*).

На основании этого небольшого материала можно заключить, что четырехугольные насыпи шихинской группы, судя по погребальному об-

[1] С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением. КСИИМК, вып. XXXVI, 1950, стр. 153, 154.

ряду и найденным в них лепной керамике и бронзовым браслетам, а также по аналогии с четырехугольными насыпями, известными на территории, некогда населенной кривичами, принадлежали последним и могут быть

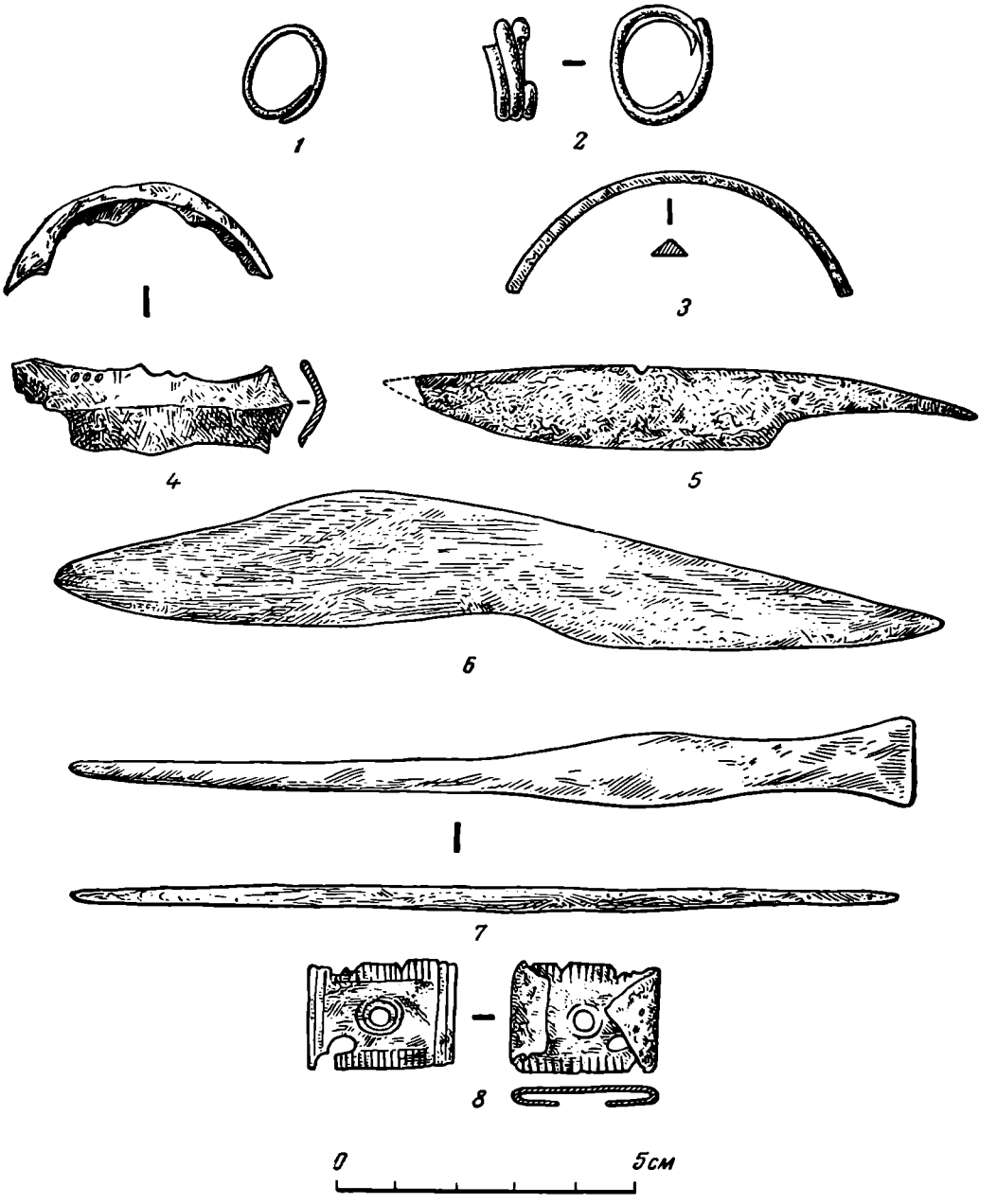

Рис. 3. Вещи из шихинских курганов

1—5 — курган № 17; *6,7* — курган № 27; *8* — курган № 28

датированы IX в. Так, курганы, имеющие четырехугольное основание, с трупосожжением, встречаются совместно с длинными и круглыми курганами в ряде курганных групп бассейна верхнего течения Днепра и Западной Двины [2], на побережье Псковского озера, в бассейне рек Плюссы,

[2] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленского Гос. музея, вып. I, Смоленск, 1924, стр. 9, 10, 18, 38—40; его же. Археолёгічныя досьледы у Віцебской акрузе. Працы Археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 94—100; его же. Археолёгічныя досьледы у вадазборах р. р. Сажа, Дняпра и Каспли. Там же, стр. 274, 275, 304, 305, 309.

Луги и Великой [3]. Один из четырехугольных курганов гнездовской группы, раскопанный в 1949 г. Д. А. Авдусиным, точно датирован по аббасидским монетам IX в. [4]

За последние два года погребальные сооружения этого типа обнаружены еще в некоторых курганных группах на территории Вышневолоцкого, Удомльского и Есеновичского районов Калининской области, где они, однако, не преобладают над круглыми насыпями, как в Шихине [5], а составляют незначительный процент к общему числу курганов каждой группы [6].

Из раскопанных двух курганов полушарной формы курган № 28 (рис. 2, *III*) по характеру насыпи (из песка с галькой; высота 0,7 *м*, диаметр 8,7 *м*), обряду погребения и погребальному инвентарю не отличается от четырехугольных курганов, что дает возможность говорить об одновременном сосуществовании этих двух типов насыпей.

Погребение, вскрытое в кургане № 28 на глубине 0,40—0,45 *м* от поверхности насыпи, представляло собой незначительное количество пережженных костей, лежащих в угольном слое; последний находился непосредственно на материке и достигал 0,25—0,30 *м* толщины. В погребении найдены обломки лепной керамики, круглая и четырехгранная бусина из фиолетового стекла, бронзовая обоймица.

Что касается кургана № 9-а (высота 0,5 *м*, диаметр 6,2 *м*), то он содержал остатки трупоположения, в связи с чем его можно датировать несколько более поздним временем, чем остальные раскопанные курганы.

Среди курганов шихинской группы особенно выделяются круглые насыпи с горизонтальной поверхностью, расположенные в центральной части группы.

До последнего времени такие насыпи не были известны в других курганных группах. Лишь в 1953—1954 гг. в бассейнах рек Мсты, Садвы и Шегринки А. Х. Репманом было обнаружено еще несколько круглых курганов с плоскими вершинами значительных размеров [7].

В 1952 г. нами был раскопан подобного типа курган (№ 20) — один из наиболее крупных курганов шихинской группы. Высота его — 1 *м*, диаметр — 15 *м*. Он был окружен глубоким ровиком шириной 1 *м*. На кургане росли три небольшие сосны и находилось несколько пней от давно срубленных деревьев. Как и другие исследуемые нами курганы, он не был поврежден кладоискателями. В насыпи, состоящей из крупнозернистого песка, встречались отдельные обломки глиняных лепных сосудов и куски угля. Курган был также раскопан на снос, однако следов погребения в нем не оказалось, он был пустым.

По-видимому, эти круглые насыпи с плоской вершиной являются площадками культового назначения, где в небольших деревянных домиках, поставленных на сваях, помещались останки после трупосожжения. Подобные надмогильные домики, помещенные на плоской вершине пустого кургана, известны на территории Скандинавии, Дании и Германии (III—X вв.).

При этом насыпи были нередко очень большого размера [8].

Для окончательного выяснения вопроса о назначении круглых насыпей с горизонтальной поверхностью необходимо произвести исследование ряда памятников подобного типа.

---

[3] С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954, стр. 93.

[4] Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 79.

[5] В шихинской группе четырехугольные насыпи составляют 48% от общего числа курганов.

[6] А. Х. Репман. Отчеты об археологических работах 1953 и 1954 гг. в Калининской области. Архив ИА АН СССР, №№ 791 и 942.

[7] А. Х. Репман. Ук. соч.

[8] H. Andersen. Tomme hoje (Empty Tumuli). Kuml. Aarhus, 1951.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

ДАТИРОВАННЫЕ ГРАФФИТИ XI в. В СОФИИ КИЕВСКОЙ

В последнее время в Софийском соборе в Киеве при реставрации фресковой живописи XI в. открыто много метров древней штукатурки, на которой в нижних частях стен наряду с фресками обнаружены новые граффити различного содержания. Изучение этих памятников древнего письма в Софии Киевской представляет большие трудности, так как фресковая живопись неоднократно записывалась масляными красками во время так называемых «поновлений» собора в дореволюционное время. Древние граффити при этом рассматривались, по-видимому, как простые царапины на фресковой живописи и тщательно шпаклевались, поэтому прежде, чем приступить к чтению граффити, приходится прибегать к помощи реставраторов и удалять позднейшую шпаклевку XVIII—XIX вв.

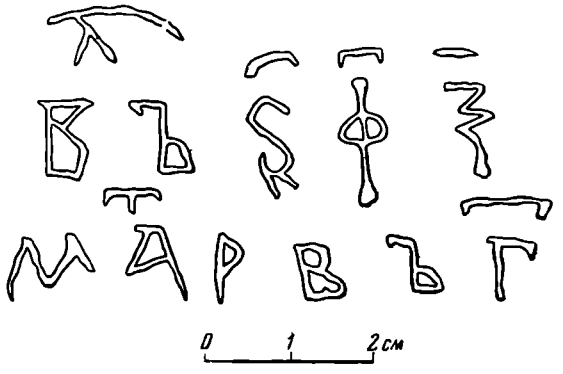

Рис. 2. Прорись надписи 1052 г.

При изучении граффити очень трудным является также вопрос датировки, отчасти потому что палеографические особенности почерков граффити, сделанных по сравнительно твердой фресковой штукатурке или обмазке стен, мало изучены. Кроме того, до настоящего времени не встречено датированных граффити, сравнение с которыми позволило бы уточнить особенности начертания букв граффити в тот или иной период времени.

Два датированных граффити XI в. открыты недавно из-под поздней шпаклевки в среднем нефе Софийского собора на южном, третьем от алтаря крещатом столбе, на высоте 1,15 *м* от уровня древнего пола XI в.[1]

Граффити нацарапаны на древней штукатурке в нижней части фрески, изображающей Пантелеймона. Текст надписей сохранился фрагментарно; поэтому обратим основное внимание на даты, позволяющие уточнить время росписи стен Софийского собора.

В обоих граффити очень хорошо, разборчиво читаются помещенные в первых строках даты

въ ѧѕ҃ѳ҃ѯ҃ мар҃ въ г҃

т. е. в 6560 г. третьего марта, или 3-го марта 1052 г. (рис. 1 и 2) и

въ ѧѕ҃ѳ҃ѯ҃ мца҃ ѳ҃ѳвраря к҃

т. е. в 6562 г. 20-го февраля, или 20-го февраля 1055 г. (рис. 3).

Если считать, что в рассматриваемых граффити счет велся по мартовскому летосчислению, которого придерживалось большинство наших летописцев [2], т. е. началом года считался март месяц, то, следовательно, первая надпись была сделана в самом начале 1052 г., когда прошло всего три дня этого года.

Буквы граффити геометричны, тщательно отделаны, почти все мачты букв имеют ограничительные штрихи. Обе надписи, по-видимому, сделаны

---

[1] Расчистка шпаклевки XIX в. произведена художниками-реставраторами Е. С. Мамалат и А. Ф. Ерко.

[2] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 142. В. Н. Щепкин указывает, что с XI до XV в. русские летописцы придерживались мартовского летосчисления.

разными писцами: различны начертания ξ, ф и ρ, по-разному написаны титла над цифровыми знаками.

Из палеографических особенностей этих граффити XI в. можно отметить следующие. Буква а в четырех случаях из пяти имеет прямоугольную головку и острую петлю, перекладина буквы и строго горизонтальна и проведена точно посредине буквы, все линии буквы ж сходятся в середине вертикальной мачты, буква близка к полной симметрии, буква имеет маленькую полукруглую головку и прямую спинку, которая в первой надписи не выходит в межстрочные пространства. Мачта буквы ѣ не возвышается над строкой. В третьей строке второй надписи ясно читается ѫ — «большой юс», употребление которого, как считает В. Н. Щепкин, характерно для XI и первой половины XII вв. [3]

Рассмотренные датированные граффити позволяют также сделать интересные выводы о времени выполнения фресковой живописи в средней части Софийского собора.

В летописях не говорится о том, сколько лет строился Софийский собор; имеется только дата его заложения — 1037 г. В связи с этим исследователи собора высказывали различные, часто противоречивые мнения о длительности его постройки и выполнении внутреннего убранства.

Известно, что техника фресковой живописи заключается в том, что краски накладываются на еще сырую штукатурку, а следовательно, живопись и штукатурка стены выполняются почти одновременно, в течение одного дня [4]. Если на фресковой штукатурке сохранились датированные граффити, то, выбрав из них наиболее древние, можно уточнить, до какого времени была исполнена та или иная фресковая композиция.

Рассмотренные граффити сделаны на древней штукатурке по фресковому изображению; следовательно, можно сделать вывод, что фрески в этом месте собора были выполнены до марта 1052 г. или даже до середины 1051 г., так как вряд ли фресковая живопись могла выполняться во вторую половину 1051 г., т. е. зимой. От закладки собора в 1037 г. до 1052 г. получается около 15 лет.

Софийский собор в Киеве строился как митрополичий; его постройка была связана с общегосударственными интересами, а поэтому можно предположить, что строили его не дольше подобных сооружений того времени. Так, Десятинная церковь в Киеве строилась в 989—996 гг., София Новгородская без внутреннего убранства — в 1045—1052 гг. Можно думать, что стены Софии Киевской возводились также не более семи лет. Фресковая живопись в центральном нефе собора, таким образом, могла быть выполнена между 1044 и второй половиной 1051 г.

В настоящее время в Софийском соборе найдено еще недостаточное количество датированных граффити XI в., чтобы можно было сделать выводы о выполнении фресок в других частях собора. Многие фресковые композиции (а значит и древние граффити) еще и сейчас скрыты под поздней живописью, так как реставрационные работы в соборе еще не окончены. Можно надеяться, что в ходе дальнейших работ по реставрации фресок будут найдены новые датированные граффити, которые дадут возможность уточнить время выполнения фресковой живописи не только в центральной части собора, но и на хорах и окружающих собор галереях.

Надписи граффити, как мы видим, являются не только ценными письменными и палеографическими памятниками древности, но и позволяют в некоторых случаях расширить и пополнить наши знания о выдающихся сооружениях древней Руси.

---

[3] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 101; А. М. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 52.

[4] Н. М. Чернышев. Искусство фрески в древней Руси. М., 1954, стр. 12, 19.

Рис. 1. Надпись 1052 г.

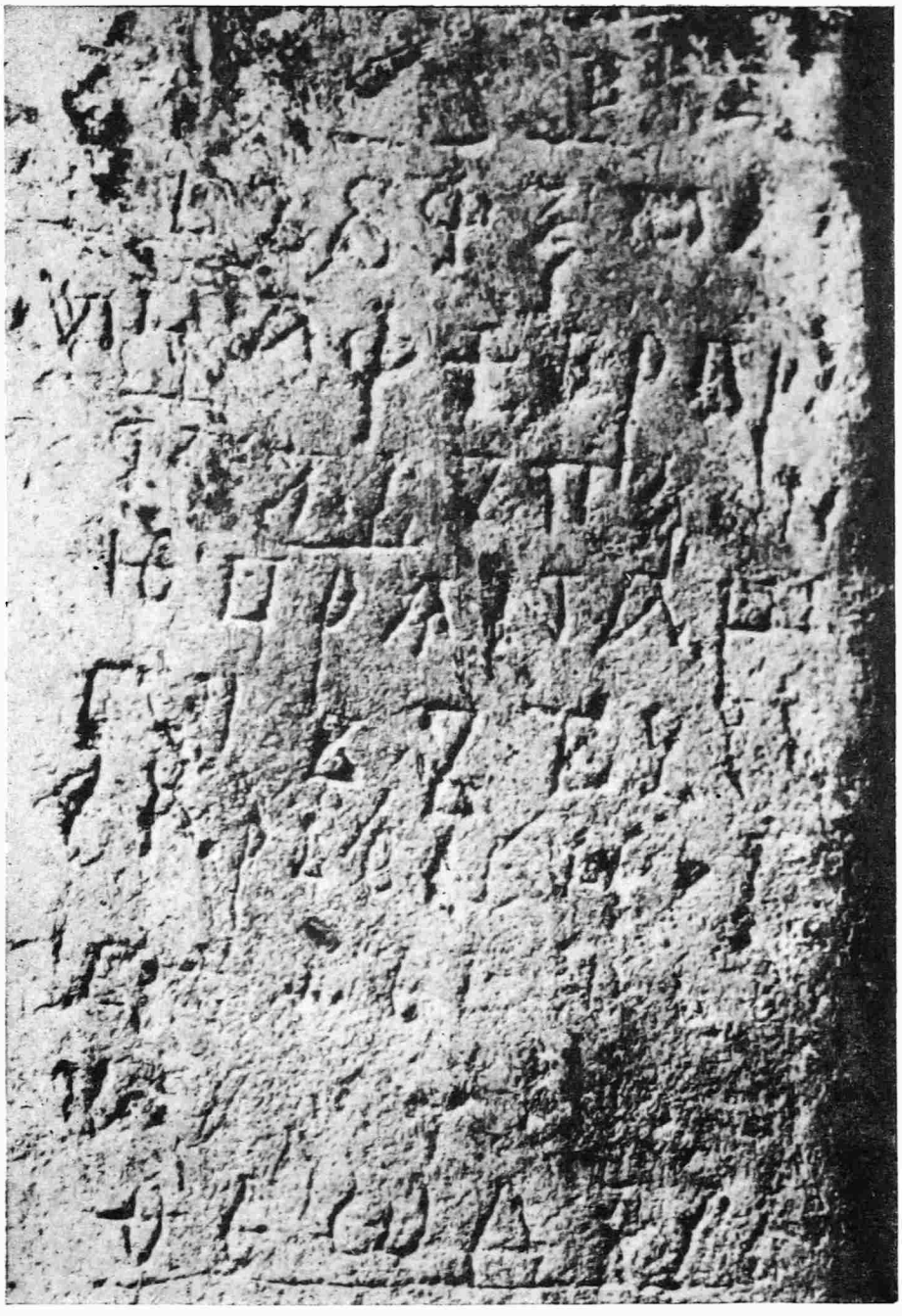

Рис. 3. Надпись 1054 г.

Б. А. РЫБАКОВ

ЗАПИСЬ О СМЕРТИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Среди древних граффити Софийского собора в Киеве, обнаруженных за последнее время С. А. Высоцким, особый интерес представляет надпись (№ 2) о событии 1054 г. [1].

Ознакомление с надписью на месте позволяет мне сделать несколько выводов.

Палеографически надпись очень близка к Остромирову евангелию 1056—1057 гг.

Надпись состоит из девяти коротких строк; конец ее определен горизонтальной чертой. Строки 7-я и 8-я, к сожалению, не читаются — там сохранились только следы отдельных букв.

Писавший несколько раз ошибался, зачеркивал ошибки и писал вновь. Так, в конце 1-й строки зачеркнуты буквы **ма** и вместо них в начале следующей строки написано **мца**. Слово «февраль» написано через «ѣ»; в слове «нашего» пропущен второй гласный звук. В конце пятой строки неясно написана буква «С», начата и недописана буква «К»; обе буквы повторены в начале следующей строки. В 6-й строке зачеркнут «Ь» и вместо него поставлено «Е».

Надпись начинается датой: **ѕ ф ξ к**. Знак единиц, хотя и приподнят над строкой, но, несомненно, относится к этому числу, так как вокруг даты нет других надписей. Следовательно, год — 6562 = 1054.

Надпись читается так:

въ ѕ фξ к мца февраріи к
жсъпѣнїе цр҃ѧ нашего въ
въ[сі]скрьсенї в — — — єдѣ? — —
— — — ѵ — — — Θєѡдора

Написание **февраріи** (февраль) характерно для XI—XII вв. Не ранее XII в. появляется более близкая нам форма «февраль» (Псковская I летопись 1138 г.).

Слово **жсъпенїе** обычно писалось как **оусъпениє** [2].

Писавший надпись пропустил предпоследнее **и**, а начальное **оу** заменил на **ж**, что подтверждает датировку надписи XI в., когда под влиянием болгарской письменности злоупотребляли «юсом».

Слово «успение» применялось обычно для обозначения смерти богородицы или святых. Помещенное под титлом слово **цр҃ѧ** можно раскрыть двояко: «царя» или «цесаря». Оба эти варианта применялись в XI в. и оба они в сокращении под титлом выглядели одинаково. Расшифровка надписи:

«В (лето) 6562 месяца февраля 20-го успение царя нашего...».

Чью смерть отметила эта запись? Кого назвал своим царем киевлянин XI в. и к кому применил он торжественное слово «успение»?

В 6562 г. (по мартовскому счету) скончался цесарь Византии Константин IX Мономах, и под этим же 6562 г. русская летопись отметила смерть великого князя киевского Ярослава Владимировича.

Как предполагал в свое время М. Д. Приселков, Ярослав Мудрый принял около 1037 г. императорский титул [3], а следовательно, наименование царя могло в равной мере относиться к обоим монархам.

---

[1] См. предыдущую заметку в этом номере журнала.

[2] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1895, стр. 1295 и 1353.

[3] М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 81.

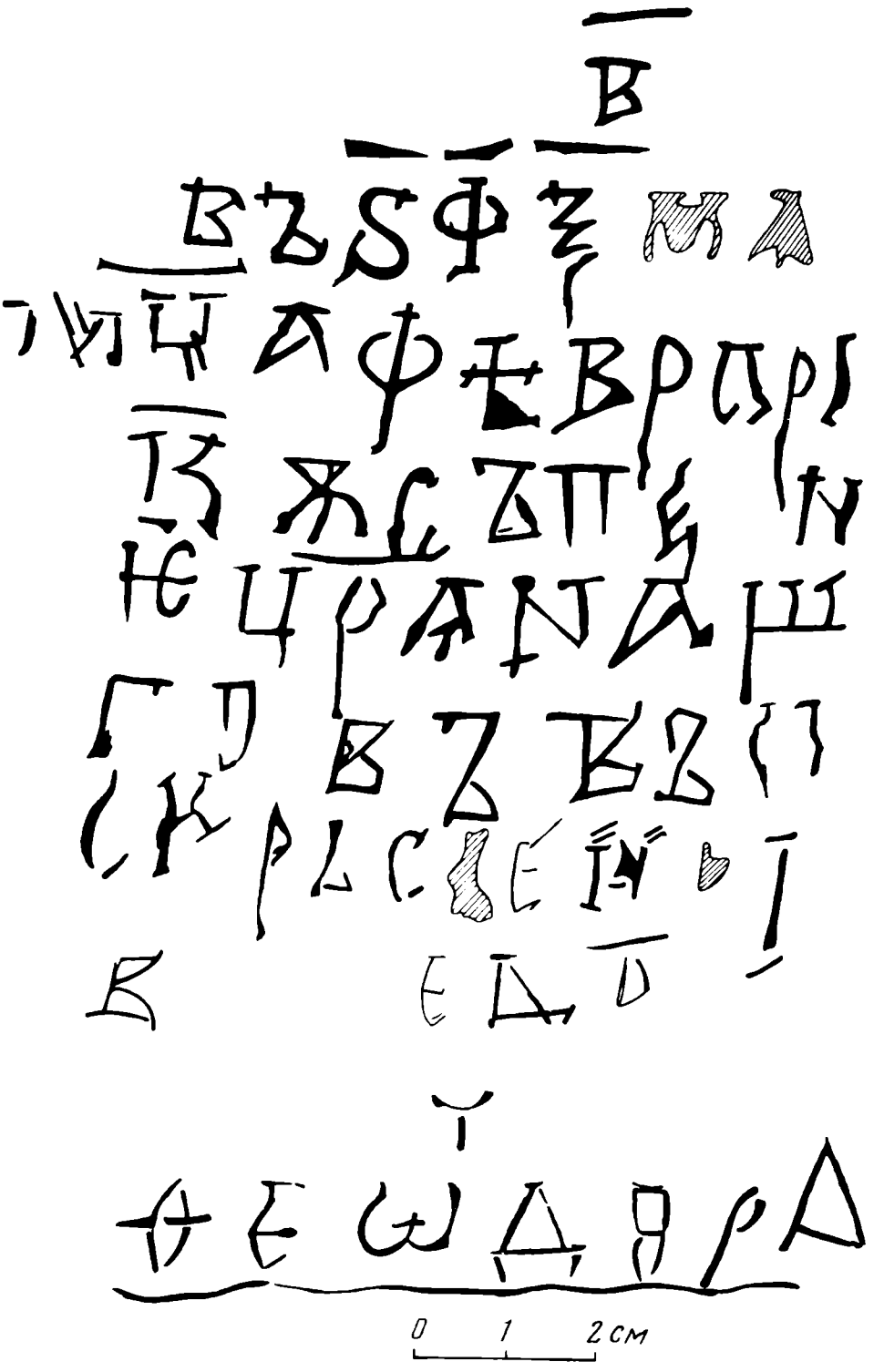

Рис. 1. Запись о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г. в воскресенье

Вопрос решают месяц и день смерти: Константин Мономах умер 11 января [4], а Ярослав — 20 февраля, т. е. в тот самый день, который и обозначен в записи об «успении». Ипатьевская летопись под 6562 г. сообщает: «Преставися князь Руский Ярославь... Ярославу же приспѣ конѣць житья

[4] Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 68. При переводе 6562 года на наше летосчисление получается 11 января 1055 г.

и предасть душю свою мѣсяца февраля в 20 в суботу 1 недели поста...» [5].

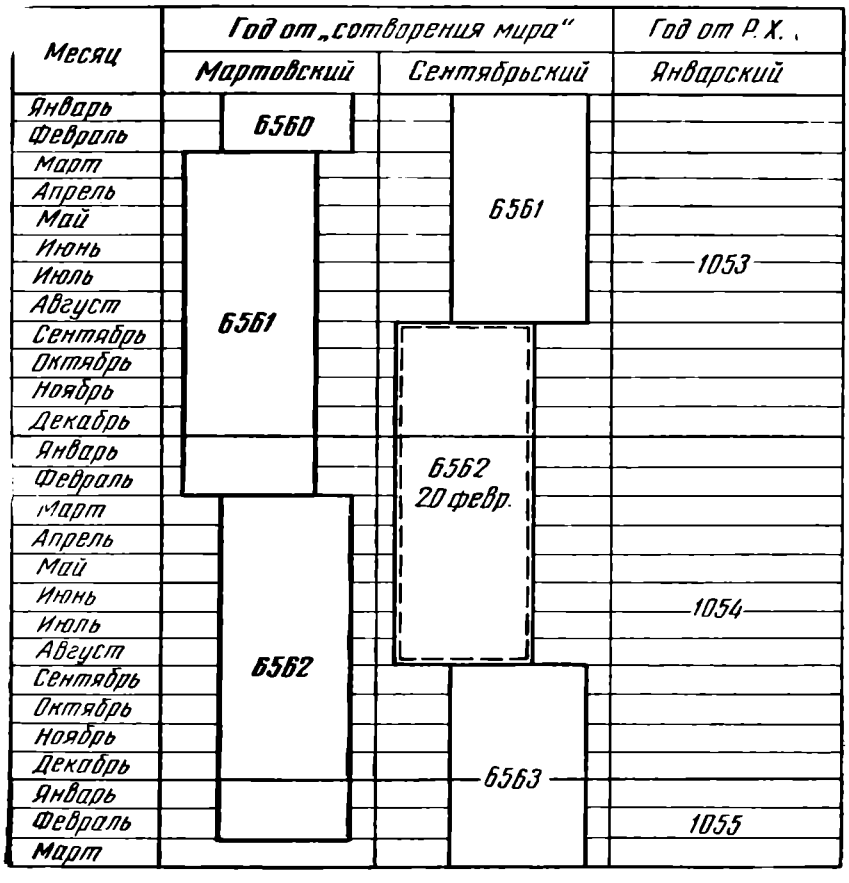
Впрочем, следует сказать, что вопрос о точной дате смерти Ярослава Мудрого давно уже является предметом дискуссии. Н. М. Карамзин определял дату 18 февраля 1054 г. Н. П. Ламбин — 19 февраля 1054 г. М. П. Погодин считал, что год «от сотворения мира» должен был быть 6561, а не 6562. А. А. Куник считал, что мы вообще не располагаем данными для определения даты. Н. П. Шляков определял дату 4 марта 1055 г. [6].

Все эти разногласия вызваны тем, что дошедшие до нас списки летописей по-разному определяют день смерти — наряду с числом (20 февраля) они упоминают еще субботу первой недели великого поста («федоровской» недели), ставя эту дату в зависимость от пасхи, а иногда по неисправности добавляют «в святого Федора день» (который приходится на 17 февраля).

В приведенной выше дискуссии последнее слово осталось за Н. П. Шляковым, предложившим 4 марта 1055 г. на основании допущения, что Ярослав умер в конце 6562 мартовского года. А это допущение основывалось на том, что княжение в Киеве наследника Ярославова — Изяслава — помещено в летописи под 6563 г. Н. П. Шляков доверился только расчетам пасхалии и слишком смело отверг точное летописное число — 20 февраля.

Думаю, что все споры разрешатся легко, если мы допустим, что запись сделана не в русском, а в византийском (сентябрьском) счете лет. Здесь я привожу соотношение мартовского, январского и сентябрьского годов (табл. 1).

Таблица 1

[5] Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 113 и 114, запись под 1054 г.

[6] А. Куник. О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича. Записки Академии наук т. XXVIII, СПб., 1876; его же. Известны ли нам год и день смерти вел. князя Ярослава Бладимировича? СПб., 1896; Н. Шляков. Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого. ЖМНП, июнь 1907, стр. 362—400.

В 6562 сентябрьском году пасха была 3 апреля и суббота федоровской недели приходится на 19 февраля. Все остальные решения резко расходятся с летописной датой, здесь же расхождение только на один день. Очевидно, нам надо вспомнить старое объяснение, данное еще В. Н. Татищевым: «И тако видно, что в ночи (разрядка моя.— *Б. Р.*) субботы на неделю скончался» [7].

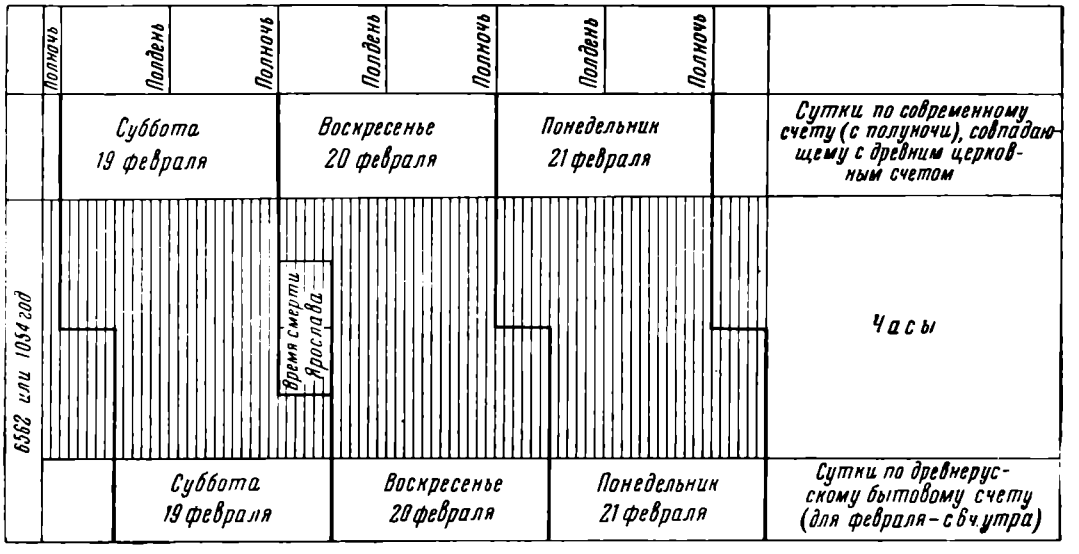
Непонятная, на наш взгляд, путаница субботы и воскресенья при одном и том же числе — 20 февраля — объясняется древнерусскими системами счета часов ночи и дня.

В древней Руси сутки делились на 24 часа: «Аще котории промузгы хотять к сему навыкнути или числолюбци или ритори, да ведаеть, яко 12 часа еста во дни, а нощных толико же» (Кирик 1136 г.). Для некоторых месяцев делались отклонения от такого равного разделения ночи и дня. Так, в феврале считали ночь в 13 часов, а день в 11 часов [8].

Для определения начала дня существовало два принципа: в церковной литературе новые сутки начинались с полуночи (как и у нас теперь), но наряду с этим бытовал и счет суток с рассвета [9]. Счет дней с рассвета мы видим в описании убийства Итларя в 1095 г. (утром, в 1-й час дня) и в «Поучении» Владимира Мономаха.

Соотношение обеих систем можно представить следующим графиком, составленным с учетом того, что в конце февраля первый дневной час начинался в 6 час. 5 мин. пополуночи.

Таблица 2

Учет подобного двойственного счета примиряет все спорные даты: Ярослав, очевидно, действительно умер в ночь с субботы на воскресенье между полночью (24 часами) и 6 часами утра. По одному счету (бытовому) это была еще суббота, а по церковному счету уже воскресенье. Автор граффито придерживался церковного счета и это вносит дополнительный штрих в его характеристику: он считает года по византийскому счету, он часто ошибается в русском тексте, применяет болгарскую графику (но пишет не по-болгарски) и счет суток ведет по-книжному, а не так, как

---

[7] В. Н. Татищев. История Российская. М., 1773, т. II. стр. 431, прим. 261.

[8] Д. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. Тр. II АС, СПб., 1876, стр. 183.

[9] Там же, стр. 161, 165.

было принято на Руси [10]. Можно сделать и другой вывод, что запись в Софийском соборе сделана ближе к самому событию, чем запись о нем в летописи, так как граффито в е р н о передает и день недели и число, а летописец пользовался, очевидно, двумя разными источниками: из одного он взял 20 февраля, а из другого (может быть, устного упоминания) субботу, приходившуюся на 19 февраля и не заметил этого противоречия, доставившего столько хлопот историкам. Смерть в ночное время далеко от Киева, в Вышгороде, способствовала путанице в вопросе о дате «успения» Ярослава, возникшей еще в XI в.

Совершенно особый интерес представляет царский титул в применении к киевскому князю. Для эпохи Ярослава Мудрого мы не располагаем другими данными, кроме гипотезы М. Д. Приселкова, но для XII в. летопись сохранила нам много случаев применения царского титула к киевскому великому князю как в риторических произведениях, так и в дипломатической переписке. Юрий Долгорукий писал своему сопернику киевскому князю Изяславу Мстиславичу 21 августа 1149 г.: «...а ти седи царствуя в Киеве». Когда раненого Изяслава Мстиславича киевляне опознали на поле боя (в мае 1151 г.), то они «въсытиша и руками своими с радостью, я к о ц а р я и к н я з я с в о е г о (разрядка моя.— *Б. Р.*) и тако возваша — кирелъисон». После смерти этого же Изяслава Мстиславича (13 ноября 1154 г.) «плакася по нем вся Русская земля и вси Чернии Клобуци и яко п о ц а р и и господине своем...» [11].

Игумен Выдубицкого монастыря Моисей в своем знаменитом слове о постройке стены (24 сентября 1200 г.) называет замысел киевского князя Рюрика Ростиславича «ц а р с к о ю мыслью» [12].

В летописях других княжеств мы ни разу не встретим подобной терминологии; очевидно, царский титул применялся только по отношению к великому князю киевскому.

Софийская надпись подтверждает догадку М. Д. Приселкова о том, что Ярослав Мудрый, ставший после смерти Мстислава Черниговского «самовластцем во всей Русской земле» (1036 г.), принял императорский титул, выражавшийся не только восточным словом «каган», но и словом «царь», что приравнивало великого князя Руси к императору Византии.

Полное совпадение даты и титулатуры в настенной записи и в летописи утверждает нас в мысли, что запись об «успении» относится к киевскому князю, и именно к Ярославу Мудрому, умершему, как говорит летопись, 20 февраля 6562 г.

---

[10] За год до смерти Ярослава в Киев «пришел митрополит Георгий из Царяграда и с ним три человека с роды своими демественники и учаху в Руси пети на 8 голосов» (В. Н. Т а т и щ е в. Ук. соч., стр. 114). Не из свиты ли митрополита Георгия был автор записи о смерти Ярослава Мудрого?

[11] Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 266, 303, 323.

[12] Там же, стр. 477.

Б. А. ТИМОЩУК

ЛЕНКОВЕЦКОЕ ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОРОДИЩЕ

Остатки земляных укреплений в северо-западной окрестности Черновиц — Ленковцах — привлекали к себе внимание исследователей уже давно. Еще в конце XIX в. городище было обследовано австрийскими историками, которые Ленковецкие укрепления приписали полякам, а их сооружение отнесли ко времени польско-турецких войн XVII в.[1]. С установлением Советской власти на Буковине исследования на городище возобновились. Начиная с 1952 г. на нем ведутся раскопки экспедицией Черновицкого краеведческого музея. Выяснилось, что городище является древнерусским и относится к XII—XIII вв. [2].

Исследования Ленковецкого городища дали некоторые новые материалы для характеристики древнерусских городищ Галицкой Руси. Интересны его оборонительные сооружения. Городище расположено на плоской местности, в болотистой долине р. Прута [3]. Его укрепления состояли из основного кольцевого вала, дополнительных земляных сооружений типа бастионов и системы рвов, которые в древности были наполнены водой (рис. 1). Основной кольцевой вал сохранился частично, его южная половина полностью уничтожена при постройке шоссейной и железной дорог. Его современная высота 3,5 *м*, ширина в основании 14 *м*. Раскопки вала показали, что в конструкцию его входили клети из массивных дубовых бревен, служившие, по-видимому, жилищами. В западной части детинца, под насыпью вала, в его внутренней половине, расчищена большая глинобитная печь подковообразной формы в плане (размер пода печи 1,35 × 1,20 *м*) и несколько обугленных дубовых бревен. Два бревна толщиной 0,25 *м* не нарушены и образуют угол клети. На полу клети найдено много обломков керамики, костей животных и железный нож [4].

Остатки сгоревшего помещения, которое находилось внутри вала, также прослежены в северной части детинца. В траншее шириной 2 *м*, во внутренней половине вала, на древней поверхности обнаружен развал обугленных бревен — остатки сгоревших деревянных клетей.

Во время пожара деревянные стены и потолок обвалились, а слой глины с верхней части вала сполз и перекрыл собой догорающие бревна. При этом слой глины сдвинул бревна в южную половину клети, где и образовался горелый слой толщиной до 1 *м*. Глина, попавшая на горящие бревна, подверглась сильному обжигу и приобрела красный цвет. С вершины вала вместе с глиной сполз и культурный слой толщиной до 0,15 *м*, в котором изредка встречаются кости животных и обломки керамики. На полу клети под бревнами найдено шиферное пряслице с процарапанными на нем буквами, обломки керамики и костей животных.

Конструкция вала, внутри которого находились деревянные клети-жилища, характерна для сторожевых крепостей. Она известна по рас-

---

[1] E. Fischer. Kosmin. Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseums. Черновицы, 1902, стр. 61.

[2] Б. А. Тимощук. Древнерусские поселения Северной Буковины. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр 111—114.

[3] Следует отметить, что в широкой долине Прута на участке Снятин-Новоселица обнаружено 12 открытых древнерусских поселений. Они располагаются в одну линию вдоль долины Прута, независимо от его русла. Возле сел Пядыковцы и Бергомет Кицманского района линия поселений совпадает с древним топографическим наименованием «Берладская дорога». По-видимому, вдоль долины Верхнего Прута в XII—XIII вв. проходил торговый путь на Берладь (Нижнее Подунавье) под названием Берладского.

[4] Раскопками вскрыта незначительная часть клети.

копкам в Райках[5], Колодяжине[6], Городске[7]. С внешней стороны вал окружен рвом глубиной 1,5 *м* и шириной до 8 *м*.

За линией рва выступают остатки двух дополнительных укреплений детинца. Каждое из них состоит из двух земляных «валов» длиной в 30 *м*, которые внешними концами соединяются между собой, образуя в плане треугольник. Противоположными концами «валы» входят в ров

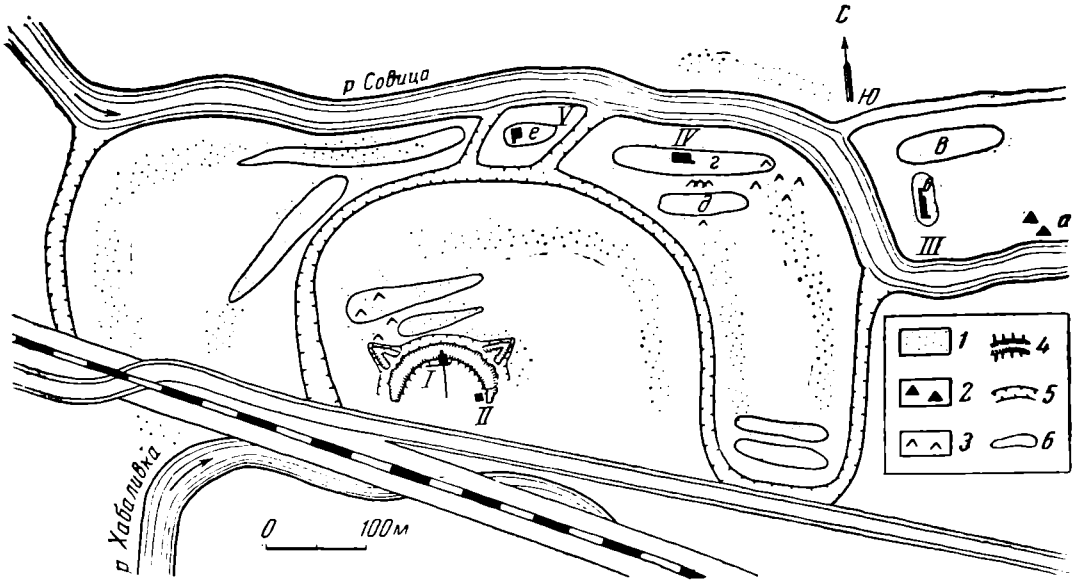

Рис. 1. Схематический план Ленковецкого городища

1 — распространение древнерусской керамики; *2* — поливные плитки; *3* — железные шлаки; *4* — вал; *5* — ров; *6* — холм искусственного происхождения

детинца. Соответственно им во рву имеются выступы со стороны основного вала. «Валы» дополнительных укреплений окружены рвами шириной до 4 *м*, глубиной до 1,5 *м*. Укрепления подобного типа на территории древней Руси нам неизвестны[8]. Предположительно можно говорить, что дополнительные укрепления Ленковецкого городища выполняли функции башен и были предназначены для фланкирующей стрельбы[9]. Они расположены на расстоянии 70—80 *м* друг от друга, что соответствует расстоянию поражаемости стрелами.

Как показал поперечный разрез, под подошвой восточного «вала» северо-западного дополнительного укрепления, насыпанного из глины и гальки, вынутых из рва, лежит древнерусский культурный слой. Следовательно, вал сооружен позже основания крепости, построенной на чистом месте. В то же время древнерусские находки (обломки керамики, железный ключ-отмычка) встречаются и в верхней части насыпи вала, что может указывать на функционирование данного укрепления одновременно с крепостью. Возможно, что дополнительные укрепления были

---

[5] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев. 1950, стр. 28—47.

[6] Р. А. Юра. Исследования Колодяжинского городища. КСИА, № 4, стр. 14, 15.

[7] В. К. Гончаров. Работы Волынской экспедиции в 1948 г. АП, т. III, 1952, стр. 175.

[8] Дополнительные оборонительные сооружения типа бастионов, выступавших впереди основного вала, известны на скифском городище Большая Сахарна в Молдавии. См. Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище «Большая Сахарна», КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 94.

[9] Башни, предназначенные для фланкирующей стрельбы, на древнерусских городищах появляются в середине XIII в. См. П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 25.

сооружены после пожара на городище и функционировали в последний период его существования [10].

Основные укрепления городища дополнялись системой водных преград. Его внешними укреплениями служили реки: Совица — с севера и Хабаливка — с юга, соединенные между собой искусственно выкопанными рвами (см. рис. 1).

Ленковецкое городище состоит из двух составных частей — детинца и посада. Детинец в плане имел форму круга диаметром до 80 *м*. Следы его застройки прослеживаются у вала и в самом центре. В северной части детинца у самого вала, на площади в 100 $м^2$ (раскоп I) раскрыты шесть хозяйственных ям, глубиной до 1,5 *м* и диаметром до 3,5 *м*. В слое пожарища, который перекрывает ямы, часто встречаются куски обугленных тонких бревен, по-видимому, от хозяйственных построек легкого типа.

Вероятно, хозяйственные постройки как и на других древнерусских городищах, шли вдоль вала: их остатки у вала прослеживаются и в западной части детинца.

Хозяйственные ямы в северной части детинца, погибшие от пожара, в последний период существования Ленковецкой крепости использовались как место свалки отбросов. В то же время в восточной части детинца на месте погибших от пожара построек были сооружены наземные жилища. Одно из них частично раскрыто в раскопе II. Жилище сооружено на глиняном основании. Его глинобитная печь имеет прямоугольную в плане форму; размеры ее 1 × 2 *м*. Под печи состоит из слоя битой керамики, покрытого глиняной обмазкой.

Из объектов, раскрытых на территории детинца, особый интерес представляют остатки дымоотводных труб, найденные возле печи в раскопе II, а также при исследовании жилища, входившего в конструкцию вала. Основой глиняной части дымохода могла служить деревянная доска. До недавнего времени такого типа дымоходы-лежаки бытовали во многих селах Буковины. Они служили для вывода дыма из печи в сени жилища.

Территория посада, шириной в 300—400 *м*, вытянута с востока на запад до 1 *км*. Она представляет собой почти ровную поверхность, на которой выступают невысокие (до 0,5 *м*) продолговатые холмы. Они, как показали раскопки, образовались в результате скопления строительных остатков.

Основная территория посада ограничена внешними укреплениями городища, а на востоке она выходит за линию укреплений, на левый берег р. Совицы. Раскопки проводились на участке «а», «б», «в» (см. рис. 1).

На участке «а» в месте с незначительным количеством обломков славянской керамики, на глубине 0,20—0,35 *м* обнаружено скопление поливных плиток. Они лежали кучей, занимая площадь около 5 *м* в диаметре. Все плитки (около 250 штук) треугольные, с плохой поливой, коричневого и зеленого цвета, в большинстве побитые. Вблизи скопления плиток никаких объектов не обнаружено [11].

На участке «б» в раскопке III были открыты остатки 13 ямных горнов для выделки железа. Они овальные в плане, размером по оси от 0,70 до 1 *м*. Некоторые ямы сохранились на глубину до 0,30 *м*. Их стенки и днища обмазаны глиной толщиной до 2 *см* и сильно обожжены. В ямах найдено много железных шлаков, древесного угля, золы, извести и обломков

---

[10] Изучение стратиграфии показывает, что после пожара жизнь на городище еще некоторое время продолжалась.

[11] Несколько плиток, но с поливой хорошего качества, найдено на правом берегу р. Совицы, недалеко от раскопанного жилища (раскоп IV) и одна — на территории детинца.

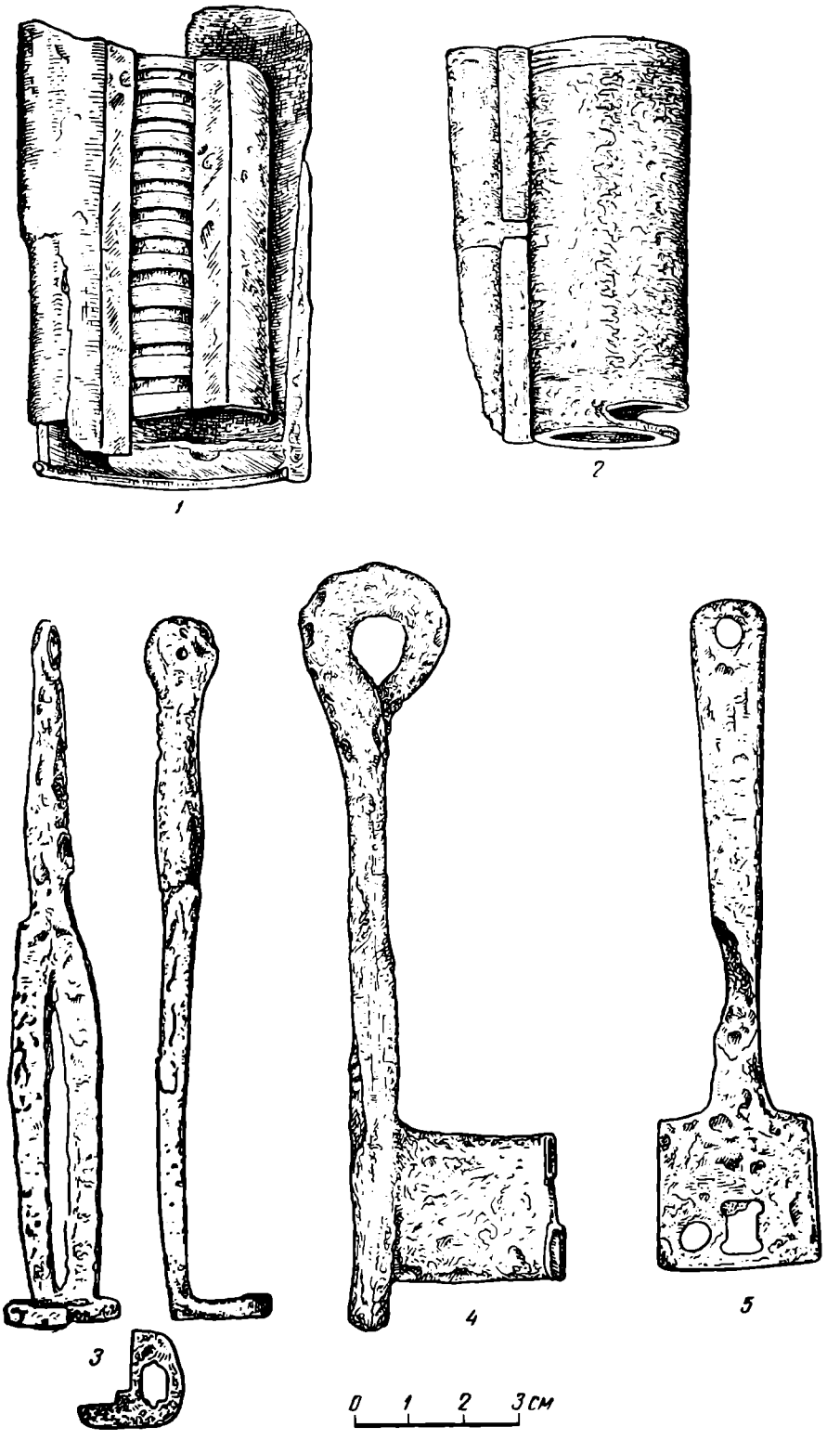

Рис. 2.

1, 2 — трубчатые замки; *3* — ключ к трубчатому замку; *4* — ключ к врезному дверному замку; *5* — ключ к кубическому замку

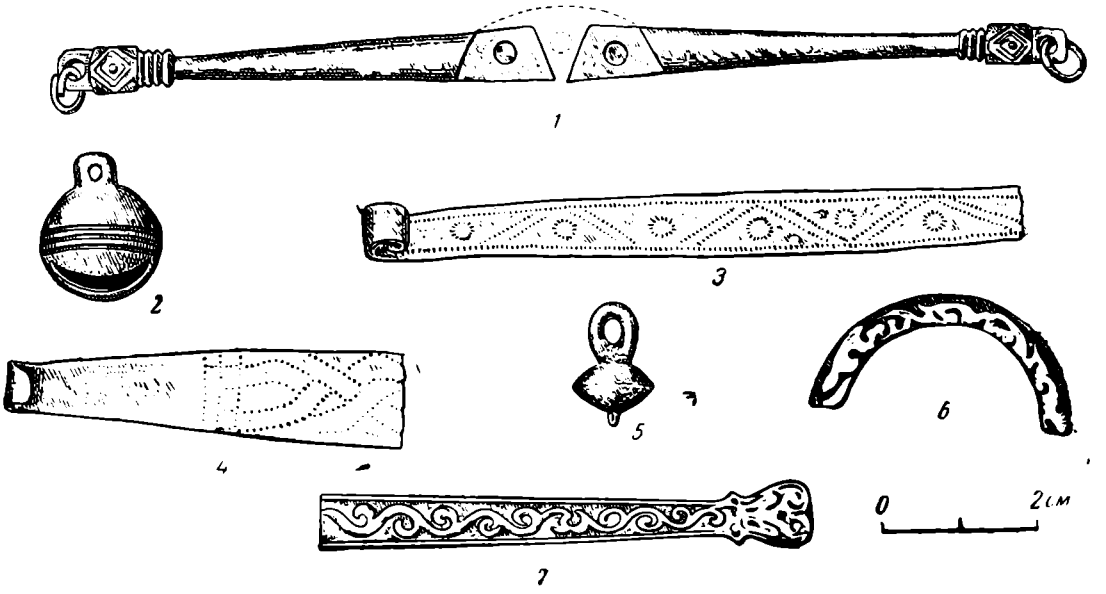

Рис. 3. Бронзовые изделия из Ленковецкого городища

1 — коромысло от миниатюрных весов; *2* — пуговица-бубенчик; *3,4* — обломки пластинчатых браслетов; *5* — подвеска; *6* — обломок застежки; *7* — орнаментированная бляшка

славянской керамики XII—XIII вв. Горны принадлежат к типу «волчьих ям» [12]. Два горна ямного типа вскрыты шурфом на участке «в».

Остатки железоделательного ремесла были обнаружены также на правом берегу р. Совицы. В районе участков «г» и «д» найдено большое количество железных шлаков. Среди шлаков лежало 25 больших обломков сильно обожженной глиняной обмазки с отпечатками плах и 20 обожженных камней-валунов. «Чушки» шлака большого размера (диаметром 12—15 *см*) имеют форму приемника — части сыродутной печи. Они сегментовидны в сечении. На нижней поверхности таких шлаков сохранились следы прикипевшей глины. Обнаруженные вместе со шлаком камни и обломки глиняной обмазки являются остатками древнерусской сыродутной печи [13]. Очевидно, на Ленковецком городище наряду с примитивными плавильными горнами — «волчьими ямами» — существовали горны более сложной конструкции — сыродутные печи [14].

В раскопе IV, на участке «г», обнаружены остатки помещения полуземляночного типа. Его нижняя часть представляла собой вырытую в материке выемку глубиной до 0,60 *м*. В плане углубление имеет овальную форму (4,2×2,2 *м*). На дне углубления находился гумусированный слой с большим количеством обгорелого дерева, угля, золы и других находок (два железных ножа, точильный брусок, рыболовный крючок, амулет из кабаньего клыка, обрезки рогов). Выше него находился слой из обломков глиняной обмазки с отпечатками дерева. Возможно, это остатки обвалившихся наружных стен помещения. В южной части помещения прослежен вход в виде пологого склона шириной в 1 *м*. Отсутствие печи говорит о том, что это помещение скорее всего имело хозяйственное назначение.

На участке «е» (раскоп V) раскрыты остатки жилого помещения наземного типа. Здесь найдены остатки глинобитной печи, хозяйственная яма и скопление различных предметов. Печь в плане имеет подковообразную форму. Под печи (его длинная ось — 0,85 *м*) лежит на глиняной вымостке и вокруг обложен камнями. В 3 *м* к северу от печи рас-

[12] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 128.

[13] См. Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 29—30.

[14] Железную руду добывали в болотах долины Прута, к северу от городища.

чищена яма, выкопанная на глубину 1,6 *м* от современной поверхности, овальная в плане. Плоское дно ямы имеет диаметр 0,8 *м*. Кверху яма расширяется до 1 *м*. В яме и возле нее найдены два шиферных пряслица, обломок пластинчатого бронзового браслета, три обломка стеклян-

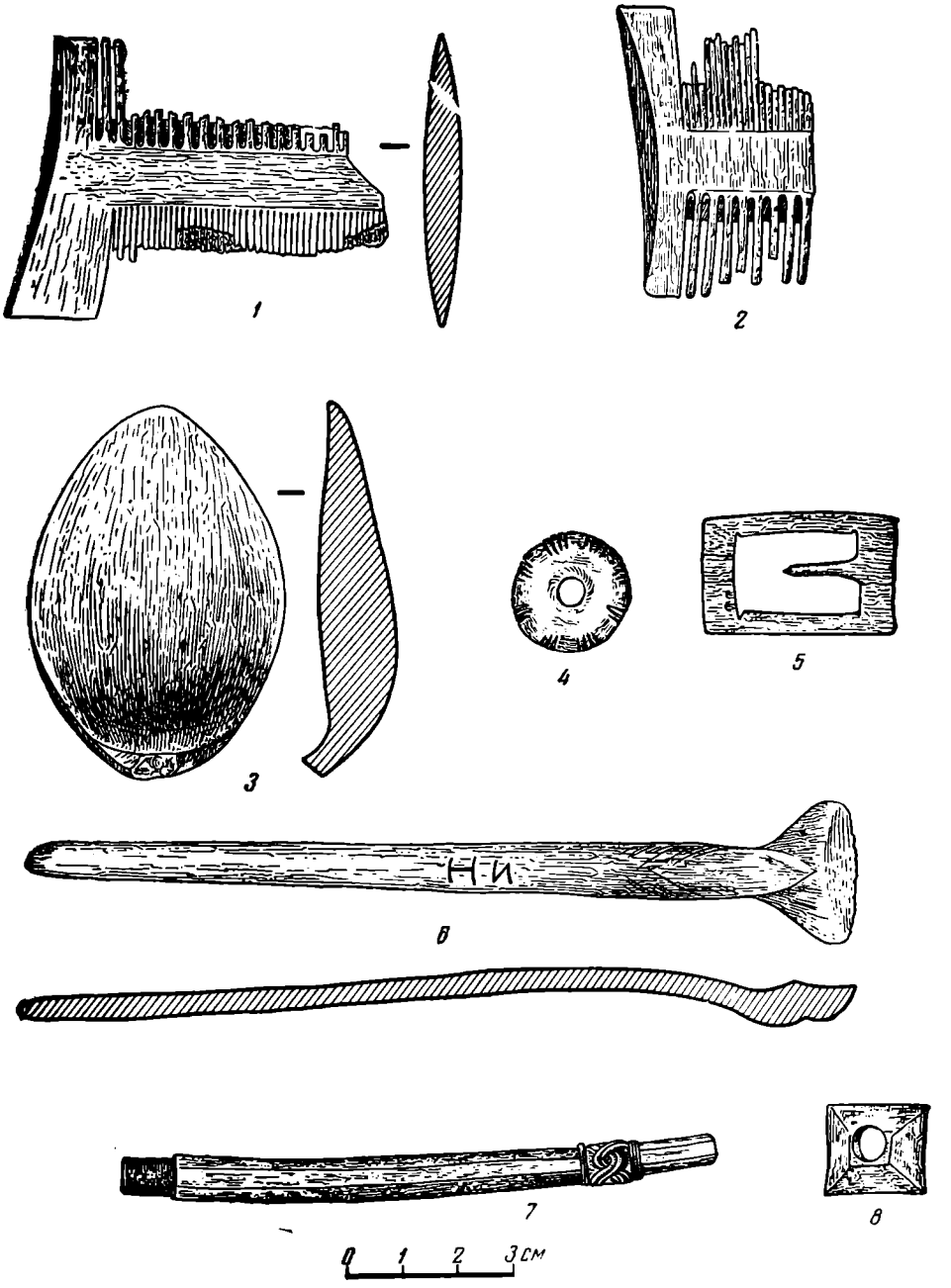

Рис. 4. Костяные изделия из Ленковецкого городища

ных браслетов, железная шпора, много железных гвоздей, обломков керамики и костей животных.

К юго-западу от городища на территории усадьбы колхоза им. Ивана Франко, находится древнерусское кладбище. Здесь раскопаны четыре погребения: одно мужское, одно женское и два детских. Все покойники лежали вытянуто на спине, головами на запад. Руки согнуты на животе. В засыпи всех погребений встречены обломки древнерусской керамики и угольки. В женском погребении найдены остатки головного украшения в виде венчика из лубка, обшитого шелковой тканью. Вдоль венчика

нашиты в один ряд бронзовые шарообразные подвески диаметром 0,8 *см*. Их найдено 13 штук; пять из них позолочены. Такого типа женские головные уборы бытовали на Буковине до недавнего времени [15].

Во время раскопок Ленковецкого городища найдено много железных, бронзовых, костяных, стеклянных, глиняных и других вещей, большинство которых является обычными для древнерусских городищ. Из железных вещей найдены: ножи, цилиндрические замки (рис. 2, *1, 2*) и ключи к ним (рис. 2, *3*), ключ от кубического замка (рис. 2, *5*), ключи от больших врезных замков (рис. 2, *4*) долота цельнометаллические, клещи, пружинные ножницы, стили — орудия для письма [16], наконечники стрел, шпоры с коническим острием, дужки и обручи от деревянных ведер, гвозди, пряжки, крючки, разнообразные оковки и т. п.

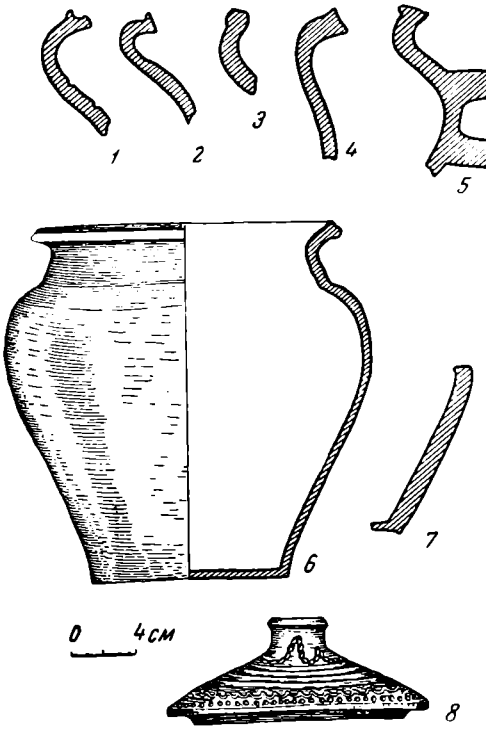

Рис. 5. Образцы керамической посуды из Ленковецкого городища

В меньшем количестве представлены бронзовые вещи. Большинство из них украшения: пластинчатые браслеты (рис. 3, *4*), нагрудная пряжка (рис. 3, *6*), подвески (рис. 3, *2, 5*) и др. Заслуживает внимания бронзовое коромысло от складных равноплечных чашечных весов (рис. 3, *1*). Подобного типа весы известны из раскопок 1952 г. в Новгороде [17]. Они были удобны для бродячих торговцев и служили для взвешивания монет и драгоценностей.

Костяные изделия представлены обломками ложек [18] (рис. 4, *3, 6*) и гребешков (рис. 4, *1, 2*), пряжкой (рис. 4, *5*), пуговицами (рис. 4, *4—8*), ручкой с орнаментом в виде плетенки (рис. 4, *7*,), проколками и т. п. Интересной находкой является костяная трубочка длиной 7,2 *см*, имеющая два боковых отверстия, расположенных одно против другого. Вся поверхность трубочки богато орнаментирована резьбой. Возможно, это пищик от духового языкового инструмента типа зурны [19].

Наряду с ложновитыми стеклянными браслетами, обычными для древней Руси, встречаются граненые стеклянные браслеты темно-синего или черного цвета. Найдены также обломки стеклянных сосудов, бусы из стекла, смальты и янтаря, нательные крестики из днестровского песчаника, пряслица из овручского шифера. На двух пряслицах процарапаны древнерусские буквы.

Самую большую группу находок составляет керамика. Она исключительно гончарная, и своими типами и техникой изготовления полно-

---

[15] В с. Ленковцы головной венчик состоит из лубка шириной 4—5 *см*, обшитого шелковой тканью; на него нашивают металлические украшения и цветы. Головной венчик является обязательным украшением свадебного наряда. Он также входит в состав погребального наряда покойниц — незамужних женщин.

[16] Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма («стилях»). КСИИМК, вып. 62, 1956.

[17] Весы хранятся в экспозиции ГИМ (зал № 9).

[18] На ручке костяной ложки выцарапаны две буквы: НИ.

[19] См. М. Г. Рабинович. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты. СЭ, 1946, № 4.

стью повторяет глиняную посуду из культурных слоев XII—XIII вв. Галича, Плиснеска и других городов Галицко-Волынского княжества. Преобладающее большинство обломков происходит от горшков (рис. 5, *6*). Они украшены горизонтальными, реже — волнообразными линиями. Изредка встречается орнамент в виде валика с косой насечкой, нанесенной ножом, и линий, нанесенных зубчатым колесиком. Один обломок горшка покрыт поливой светло-зеленого цвета. На днищах горшков встречаются клейма обычного для древнерусской керамики типа в виде круга, двух концентрических окружностей, колеса. Имеется клеймо в виде буквы «ж». Найдено несколько обломков и две целые крышки (рис. 5, *8*). Встречены обломки черпака (рис. 5, *5*) и чашки (рис. 5, *7*).

Сравнительно часто встречаются обломки красноглиняных и желтоглиняных амфор. Красноглиняные амфоры — грушевидной формы, с бороздчатой поверхностью, имеют высоко поднятые округлые в сечении ручки с резким перегибом в верхней части. Желтоглиняные амфоры с округлым дном и каннелированной поверхностью имеют уплощенные ручки, соединяющиеся с горлом на уровне его верхнего края.

Раскопками вскрыта пока незначительная территория Ленковецкого городища (около 350 $м^2$). Тем не менее добытые материалы показывают, что перед нами — интересный памятник Галицкой Руси. Интерес к нему возрастает еще и потому, что городище находится на территории современного города Черновцы и, по-видимому, является его предшественником. Такое предположение до некоторой степени подтверждается преданием о возникновении Черновиц, записанным со слов старожилов еще в XVIII в.[20]. По преданию, первоначально город находился на левом берегу Прута, на территории современного села Ленковцы, и в результате татарских набегов был разрушен. Молдавские князья отстроили его уже на правом берегу Прута, где он стоит и теперь. Предание находит некоторое подтверждение в археологических материалах. Действительно, на левом берегу Прута, на территории с. Ленковцы, имеются остатки городка-крепости (Ленковецкое городище). На правом берегу Прута подобных памятников не обнаружено. Здесь город начал развиваться с XIV в. Возможно, что Ленковецкое городище является остатками летописного Черна[21].

---

[20] D. Werenka. Urkundliche Nachrichten über die Städte Cecina und Tschernowitz. Черновцы, 1782.

[21] ПСРЛ, т. VII, стр. 240. Мы предполагаем, что название «Черновцы» происходит от древнерусского города Черн, а его изменение связано с перемещением города с левого на правый берег Прута. Основателями поселения на правом берегу могли быть выходцы из древнего Черна, которых и называли «черновцы», т. е. выходцы из Черна.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. П. Ефименко. Костенки I. Изд-во АН СССР, 1958. 451 стр. + 200 рис. + +XXX табл. Тираж 1700. Цена 23 руб. 35 коп.

Известный советский археолог, автор фундаментальных исследований по палеолиту П. П. Ефименко опубликовал обширный труд, посвященный выдающемуся памятнику палеолитической эпохи — Костенки I.

Многие годы в районе с. Костенок Воронежской области, на берегу Дона, ведутся археологические исследования памятников позднего палеолита.

Особенно широкий размах получили эти работы с начала 30-х годов, и не только по охвату исследуемых площадей, но и по своей научной целеустремленности. Сейчас уже известно свыше 20 палеолитических памятников в районе Костенок. Некоторые из них исследованы на значительной площади, другие еще ждут своего раскрытия.

Очень важным достижением за последние годы следует считать выявление и подробное изучение многослойных палеолитических памятников в районе Костенок. Открытия, сделанные в этом направлении, создали возможности для углубленной разработки проблемы периодизации палеолита Восточной Европы. Вместе с тем археологические материалы, добытые в Костенках, весьма обогатили советскую науку знаниями о развитии культуры палеолитического человека, о его физическом облике, о естественной обстановке, в которой обитал древний человек.

Среди палеолитических памятников района Костенок особое место занимают Костенки I.

Уже в самом начале организованных здесь работ, в 1922—1923 гг., для исследователей, проводивших их — С. М. Замятина и П. П. Ефименко,— была очевидна исключительная научная значимость для истории культуры памятника Костенки I. В дальнейшем исследование Костенок I раскрыло перед археологами совершенно незнакомый еще мир новых исторических фактов, новых свидетельств, имеющих первостепенное познавательное значение.

Обычно большие успехи, достигнутые при изучении памятников палеолита, и не только в Костенках, связывают с введением новых методов раскопок. Действительно, исследования в Костенках, проводящиеся на относительно широких площадях, и разработанная новая методика наблюдений дают возможность выявлять остатки жилищ, реконструировать их типы, планировку, внутреннее устройство, черты убранства и т. п. Эти крупнейшие достижения принадлежат П. П. Ефименко и работавшему вместе с ним коллективу молодых археологов. Сама идея применения раскопок на широких площадях и поисков остатков жилищ явилась следствием перестройки археологической науки на марксистско-ленинской основе. В 30-х годах начался интенсивный процесс историзации археологии, отход от эмпиризма и формальных методов работы. Это и привело к усилению комплексных археологических исследований, к расширению самой программы исследовательских работ.

В устройстве жилища и планировке поселения отражается не только хозяйственный уклад общества, но и социальное бытие его. Неудивительно поэтому, что в программу исследований по палеолиту включается и такой важный раздел, как изучение жилищ и поселений. Конечно, осуществление этой задачи потребовало немалых усилий, серьезных экспериментов, сопровождавшихся и неудачами. С «лабораторной» стороной дела изучения жилых комплексов читатель может познакомиться во II—V главах книги П. П. Ефименко. Этот раздел книги занимает около одной трети ее содержания. Здесь подробно, шаг за шагом, очень скрупулезно и документально подан процесс изучения жилого комплекса. Автор ведет читателя по площадке раскопок, точно и исчерпывающе фиксирует свои наблюдения, устанавливает соотношения между находками, ищет объяснений для условий залегания археологических остатков. С помощью разработанных автором методов наблюдений П. П. Ефименко устанавливает границы жилого сооружения в целом и отдельных его частей, прослеживает пол жилья и отдельные его части — землянки, ямы-кладовые, ямки-хранилища, рабочие места, очаги.

Заключения автора часто бывают меткими и оригинальными. В результате раскопок автор предлагает реконструкцию жилого комплекса, основанную на анализе

распространения культурного слоя и размещения жилых и хозяйственных углублений. В предложенной П. П. Ефименко схеме (стр. 39) жилой комплекс в Костенках I выглядит как овальная площадка длиной 36 *м*, шириной 14—15 *м*. На периферии этой площадки располагаются ямы-землянки и ямы-кладовые. Среднюю линию площадки занимают девять очагов. Внутри нее размещаются ямки-хранилища и другие небольшие углубления (стр. 40—41). Автор в археологических остатках на исследованной им площадке видит следы долговременно существовавшего здесь жилого комплекса, состоящего из утепленных жилищ, огражденных, быть может, специальной насыпью, укрепленной с помощью плах или плетня (стр. 207). В состав жилого комплекса, по мнению автора, кроме хорошо утепленных жилищ-землянок, входило и наземное большое жилище. Кровля его поддерживалась значительным числом опорных столбов, остов состоял из тонких жердей. Реконструируя такой тип жилья, автор использует интересные аналогии, не повторяющие, однако, картину, полученную в Костенках I (стр. 304—308).

П. П. Ефименко отлично понимает, что предложенная им описательная картина возможной реконструкции жилища в Костенках I не бесспорна. Помимо отдельных частных заключений по поводу назначения некоторых ямок, спорным остается характер перекрытия наземной части жилого комплекса. Из каких бы малых секций ни состояло наземное жилище, единое перекрытие его даже легкой кровлей (а не шкурами мамонта) едва ли составляло технически осуществимую задачу. Такое предположение маловероятно уже потому, что при изучении жилой площадки не выявлено достоверных ямок от опорных столбов, поддерживающих кровлю. Не случайно, что автор не дает графической реконструкции костенковского жилья.

Нам представляется более вероятным наличие во внутренней части площадки группы легких шалашеобразных жилищ, может быть, летнего типа, подобных, например, пушкаревским. Такой вывод имеет свои уязвимые места, однако он более вероятен, если принять во внимание уровень развития первобытной строительной техники. Впрочем, и сам автор не исключает пушкаревского типа жилища из группы аналогий костенковскому жилью. Сказанное относительно возможной реконструкции жилья ни в коей мере не должно затмить главного вывода, сделанного автором, что исследованный жилой комплекс был долговременным, т. е. принадлежал довольно оседлому коллективу. Вывод, сделанный П. П. Ефименко, имеет очень существенное значение. Именно это заключение открывает пути для уяснения экономического и социального укладов позднепалеолитических обществ, которые вели оседлый образ жизни, для раскрытия своеобразия в культуре этих обществ.

Четвертая глава посвящена характеристике кремневого инвентаря Костенок I. Это одна из важных глав уже потому, что она дает наиболее полное представление об основных орудиях труда у позднепалеолитического человека.

П. П. Ефименко известен среди археологов как первый русский, советский исследователь, разработавший и утвердивший свои классификационные признаки для кремневого инвентаря, свою терминологию для определения отдельных видов кремневых орудий. В главе, посвященной изучению кремневого инвентаря, П. П. Ефименко значительно развивает методическую часть своих прежних исследований, примененную, например, при анализе кремней из Мезина[1]. Автор исходит из того положения, что развитие техники обработки кремня и появление новых форм орудий — это процесс закономерный, обусловленный всем ходом развития человеческой культуры, и в первую очередь — материальных основ ее. Исследователь очень подробно характеризует кремневый инвентарь, добытый в Костенках I. Он группирует его по формам и функциям. В результате складывается впечатление о разнообразии кремневого инвентаря. В последнем могут быть отмечены: ножи, метчики, различные острия, проколки, клинки, резаки, резцы, скребки и т. п. Для каждого из типов изделий автор устанавливает его назначение. Даже на пластинках, не имеющих вторичной обработки (ретуши), автор отмечает следы использования их для изготовления нитей (фальц). Оригинальны предложенные автором определения функций для ножей с плоской концевой затеской и клинков-наконечников. Один из типов последних — наконечник с боковой выемкой — используется автором для важных культурно-хронологических выводов (стр. 235—236). Подробно и всесторонне рассматривает автор и другие типы кремневых орудий, в том числе и еще не описанный до находки в Костенках I замечательный тип орудия — топорик. Обычно считалось, что топор стал применяться как выработанная и целесообразная форма орудия только в неолите. Топорик из Костенок I — это пока еще только эпизод в развитии палеолитической техники, но именно с него и начинается внедрение в производство этого могучего и универсального для того времени орудия.

Интересны соображения автора о возможности определения по кремневому инвентарю наличия полового и возрастного разделения труда в позднепалеолитическом обществе. Эта традиция установления половой атрибуции орудий идет с того времени, когда автор предложил рассматривать мустьерские остроконечники как орудия муж-

[1] П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете, т. IV, 1913.

ского труда, а скребла — как женского[2]. В инвентаре из Костенок I П. П. Ефименко также различает орудия мужского, женского и детского труда.

Изучение кремневого инвентаря из Костенок I убеждает читателя в разнообразии производственных функций орудий, в дифференцированности и специализации производственных процессов у позднепалеолитических племен. Автор лишь в общих чертах (в основном в заключительной главе) говорит об этой стороне дела.

Читатель остается не до конца удовлетворенным тем, что автор мало использует методику определения функций орудий с помощью увеличительных приборов, позволяющих наблюдать линейные следы, оставшиеся от употребления на гранях и плоскостях орудий. Кстати, зарождение этой методики и первые успешные шаги применения ее С. А. Семеновым были сделаны при ближайшем участии П. П. Ефименко.

Нельзя считать удачным название главы VII — «Кость, разные мелкие находки». Достаточно раскрыть страницы этой главы, чтобы убедиться в том, что название главы не раскрывает ее содержания. В главе VII речь идет о великолепном и поистине драгоценном комплексе костяных изделий. Это орудия труда, предметы убранства и украшений и непонятые изделия. В этой главе обращают на себя внимание изящные, видимо, высокопродуктивные для своего времени массивные топоры-кайла, выделанные из мамонтовой кости, долотовидные изделия, клинья, кинжал, рогатина. Все эти орудия — целесообразных форм и пропорций. Замечателен резной орнамент на рукоятках топора-кайла, долотообразных и других орудий. Это — традиционная, ритмичная гравировка в виде насечек, зигзагов, клеток.

Широко известные из западноевропейских местонахождений выпрямители, или «жезлы начальников», представлены в Костенках I одним замечательным экземпляром. Находка эта, помимо своего художественного и культурно-исторического значения, важна для хронологии Костенок I и для установления связей палеолитических племен Русской равнины с западными территориями.

Большую и очень интересную группу составляют различные бытовые предметы. Тонкостью обработки и изяществом построения отличаются, например, лопаточки. Они часто снабжены фигурной резной головкой и резным легким узором (рис. 113—116). Трудно сказать, для чего употреблялись эти изделия. Может быть, они имели какое-нибудь производственное назначение, например, как думает П. П. Ефименко, для извлечения мозга из трубчатых костей, или же служили предметами убранства. Многое можно было бы сказать по поводу костяных изделий, их функций, орнаментации, связей с западными областями. Однако документальность работы возвращает автора порой к почти бесстрастному изложению.

Трудно переоценить значение главы VIII — «Изображения людей и животных». В этой главе освещены материалы, дающие редкую возможность судить о надстроечных явлениях в позднепалеолитическом обществе — о матриархальном укладе, о тотемистических и раннеанимистических верованиях, о космогонических представлениях. Скульптурные изображения и гравюра открывают возможность для суждений об идейном содержании первобытного искусства, о его истоках и смысловом значении.

П. П. Ефименко значительное место отводит анализу скульптурных изображений женщин. Привлекая большой сравнительный материал, автор рассматривает женские фигурки в трех основных аспектах. Во-первых, с точки зрения семантики женского образа, во-вторых — значения фигурок для установления хронологии костенковского комплекса, в-третьих, как образцы художественного творчества. Автор устанавливает значение изображения женщины-матери, прародительницы в воззрениях древнего человека, созвучных с культом плодородия в широком понимании. Нужно отметить, что исследователь несколько расширяет трактовку женского образа в мировоззрении палеолитического человека в сравнении с тем, что было высказано им ранее[3]. Суждения автора имеют большой исторический смысл и проливают свет на одну из существенных сторон психологии древнего охотника. П. П. Ефименко меньше внимания уделяет анализу значения фигурок животных. Последние также выражают какие-то культовые представления, связанные с идеей возрождения, плодородия — того, что составляло основу жизни первобытных охотников.

Интересно, что значительно позднее, уже в ранних земледельческо-скотоводческих обществах Южной и Юго-Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока тоже складываются представления, связанные с древним «пантеоном» — пластические изображения женщин и домашних животных. Их появление и утверждение в древней земледельческо-скотоводческой среде связано с теми же представлениями о плодородии, что и в палеолитических сообществах. Наблюдения над примесями толченых костей в статуэтках или над обжигом палеолитических статуэток еще больше сближают (в смысле проявления одинаковых форм обрядности) эти палеолитические статуэтки с глиняными фигурками, например, триполья.

Очень серьезное значение имеет заключительная, IX глава, и особенно последние разделы ее, связанные с генетическими вопросами. Некоторые положения этой главы

---

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 220.

[3] П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. ИГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931; его же. Первобытное общество, стр. 396—404.

были изложены П. П. Ефименко в докладе, сделанном в Венгерской Академии наук [4].

В IX главе автор, наряду с другими важными вопросами, ставит коренной вопрос о происхождении культуры костенковского типа. Следует особо подчеркнуть, что вопрос этот ставится не в узко-локальных рамках, а в широком плане. Опираясь на культурно-стратиграфическую шкалу, выработанную чешскими исследователями для своей страны, П. П. Ефименко предлагает свое объяснение смены позднепалеолитических культур на Русской равнине. П. П. Ефименко доказывает общность развития позднего палеолита на очень широкой территории, во всяком случае от Дона до Одера и Моравы. В тождественности проявления культурных признаков в палеолите этих весьма отдаленных друг от друга областей П. П. Ефименко видит результаты сходства не только в условиях существования обществ, но и в общности их исторических судеб, в общениях между ними. Весь палеолитический уклад жизни обусловливал необходимость периодических перекочевок при истощении охотничьих угодий, с целью добычи кремневого материала для орудий труда и т. п. Эти перекочевки проходили уже в условиях увеличившегося населения в Европе, что создавало большие возможности для контактов между племенами, а следовательно, и культурных взаимовлияний. Нужно сразу же заметить, что точка зрения автора не имеет ничего общего с миграционистской. П. П. Ефименко исходит из материалистического понимания необходимости и роли передвижений. И, что особенно важно, он не теряет из виду основных линий, основных черт в последовательном развитии культур палеолита, даже в сложной обстановке подвижности обществ.

П. П. Ефименко предлагает далеко не просто обоснованные культурно-хронологические схемы развития культур палеолита на Русской равнине. Здешний путь развития он справедливо отличает от среднеевропейского, шедшего в условиях некоторой территориальной изолированности. Однако единые и закономерные формы проявления определенных признаков палеолита, заключающиеся, например, в эволюции кремневой техники, он считает общими для всей приледниковой полосы Центральной и Восточной Европы. Не кажутся ли противоречивыми утверждения автора об оседлости позднепалеолитических обществ и вывод о перекочевках и подвижности их? Поскольку речь идет здесь о явлениях разного временного масштаба, смущаться этим не следует.

Взгляды П. П. Ефименко по поводу сложения палеолитических культур в условиях приледниковья в Восточной Европе, хотя и во многом глубоко обоснованы, но окончательному закреплению их в науке должны сопутствовать широкие исследования палеолита между Доном и Карпатами. В том, что картина расселения и взаимосвязей позднепалеолитических племен в Восточной Европе еще больше усложнится, не может быть сомнений. На это указывает блестяще доказанное П. П. Ефименко проникновение позднепалеолитической культуры южного, гримальдийского типа в район Дона.

Идеи П. П. Ефименко по поводу сложения позднепалеолитических культур безусловно плодотворны, новы по своей теоретической направленности и будут развиваться дальше. Что же касается полемики автора со своим учеником А. Н. Рогачевым (стр. 444), то сам автор смягчил сделанные упреки признанием больших заслуг А. Н. Рогачева. А. Н. Рогачев, действительно, несколько переоценивает маркирующее значение литологических и стратиграфических наблюдений, равно как недооценивает стадиальную устойчивость и закономерность появления, например, в кремневом инвентаре отличительных признаков, характеризующих определенные ступени развития палеолитической техники.

Какой же общий вывод может сделать читатель, ознакомившись с книгой П. П. Ефименко «Костенки I»? Книга эта, принадлежащая перу крупного ученого, лучшего знатока палеолитической эпохи, является ценным вкладом в науку о палеолите. Автор не только ввел в научный обиход памятник первостепенного научного значения, но и нашел ответы на многие вопросы историко-культурного и теоретического порядка. Естественно, что читатель, имея дело с очень отдаленной эпохой, чаще всего остается не совсем удовлетворенным объемом исторических выводов. И в данном случае в книге П. П. Ефименко иногда слишком скупо говорится об экономическом и социальном устройстве позднепалеолитического общества, о деталях в образе жизни, о смысловом значении отдельных сюжетов искусства и о других проявлениях бытия позднепалеолитического человека. Сказано это скорее не в упрек, так как цели и задачи книги, рассчитанной на специалистов, несколько иные. Но природа читателя такова, что он хочет знать больше, чем изложено в книге.

С. Н. Бибиков

---

[4] П. П. Ефименко. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы. Acta arhaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, т. VII, 1956.

Radu Vulpe. Izvoare. Săpăturile din 1936—1948. Institutul de Arheologie al Academiei RPR Editura Academiei Republicu Populara Romîne. Bucureşti, 1957, 369 стр.+ 350 рис.+ VII табл.

В послевоенные годы румынские археологи систематически осуществляют раскопки энеолитических поселений культуры расписной керамики, применяя методику вскрытия поселений большими площадями. Исследованию подверглись за это время трипольские поселения Хабашешти, Траяна, Трушешти и др. Одновременно румынскими археологами была проведена обработка накопленных материалов и изданы монографии, посвященные таким трипольским поселениям, как Фрумушика [1], Хабашешти [2]; опубликованы обширные исследования, освещающие результаты раскопок отдельных памятников в Траяне [3], Трушешти [4] и др.

Выход в свет в конце 1957 г. книги Раду Вулпе «Извоаре» — новый ценный вклад в дело исследования поселений энеолитического периода. Книга выпущена Институтом археологии Академии Румынской Народной Республики и включает археологические материалы из раскопок нескольких лет (1936—1948 гг.). Книга богато иллюстрирована. О результатах первых раскопок в Извоаре Р. Вулпе сообщил еще в 1936 г. на состоявшемся в Осло II Международном конгрессе, посвященном доисторическим культурам [5]. Важнейшим результатом раскопок в Извоаре было открытие докукутеновского (или дотрипольского) слоя, расположенного под слоем с расписной керамикой типа Ариушд и Кукутени «А». Данные первых раскопок в Извоаре были широко использованы советскими археологами в их исследованиях по трипольской культуре и в значительной степени способствовали освещению вопроса о раннем периоде развития трипольской культуры [6].

Раскопки в Извоаре продолжались с перерывами вплоть до 1948 г., однако в печати за эти годы появились лишь небольшие предварительные сообщения [7]. Настоящая книга Р. Вулпе является монографией, всесторонне освещающей раскопки в Извоаре, где обнаружено неолитическое поселение (Извоаре I и II), остатки поселения бронзового века (Извоаре III), погребения III—IV вв. н. э. (Извоаре IV) и погребения XIV—XVII вв. (Извоаре V). Книга состоит из введения («A»), пяти разделов («B» — «F») и заключения («G»). Во введении кратко рассматриваются географическое положение поселка и история его раскопок. Раздел «B» посвящен стратиграфии памятника, раздел «C» посвящен типологическому рассмотрению различного инвентаря, обнаруженного в нижних неолитических слоях поселения фазы Извоаре I и II. В разделе «D» рассматриваются отдельные находки бронзового века фазы Извоаре III. В разделе «E» дается типологическое описание погребального инвентаря из могил III—IV вв. н. э. (фаза Извоаре IV). Раздел «F» посвящен материалам средневекового периода (фаза Извоаре V). В заключительном разделе изложены соображения общего характера, подведены итоги исследований в Извоаре.

Поселение Извоаре находится вблизи села того же названия, в 8 *км* на запад от г. Пятра-Нямц, и расположено на возвышенном (6 *м* высоты) левом берегу р. Быстрицы, протекающей по большой прикарпатской котловине. Вокруг поселения находятся многочисленные источники питьевой воды, откуда происходит и название «Извоаре» (ключи). С момента открытия этого поселения, начиная с 1936 г., на нем были произведены раскопки и разведки в течение пяти раскопочных сезонов (1936, 1938, 1939, 1942 и 1948 гг.), причем ежегодно продолжительность раскопок колебалась от 6 до 13 дней.

Раскопки производились автором книги, Раду Вулпе, а также Екатериной Вулпе, при участии С. Матаца, В. Зирра и А. Ницу. За пять сезонов (за 41 раскопочный день) раскопками вскрыта площадь в 391 $м^2$, причем площадь, где обнаружены культурные слои неолитического периода, равна 347 $м^2$. Исследования были сосредоточены в центральной части возвышенности в пределах 12 раскопочных участков («A», «C»,

---

[1] C. Matasă. Frumuşica. Bucureşti, 1946.

[2] D. Vlad, H. Dumitrescu, M. Petrescu-Dîmboviţa, N. Gostar. Hăbăşeşti. Monografie arheologica. Bucureşti, 1954.

[3] V. Dumitrescu. La station préhistorique de Traian. Dacia, т. IX—X, Bucureşti, 1945.

[4] M. Petrescu-Dîmoovița. Les principaux résultats des fouilles de Truşeşti. Analele stinţifice de Universităţii al I Cuza din Jaşi (serie nová), т. III, вып. 1—2, 1957.

[5] R. Vulpe. Civilisation précucutenienne récemment découverte a Izvoare en Moldavie. ESA, т. XI, 1937.

[6] Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху КСИИМК, вып. VIII, 1940; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953; В. Н. Даниленко. До питання про пам'ятки ранньотрипільського часу на Україні. Археологія, т. II, 1948; Е. К. Черныш. К вопросу о раннетрипольских поселениях. Изв. Молд. ФАН, № 4 (31), 1956.

[7] R. Vulpe. Săpăturile arheologice de la Izvoare jud. Neamţ. Studii, т. II, 1949, стр. 125—130; его же. Problemele neoliticului carpato-niprovian în lumina săpăturilor de la Izvoare. SCIV, т. VII, 1956.

«D», «E», «F», «G», «H», «J», «J'» и «a», «b», «c»). Кроме того, раскопки проведены на участке «B», к северу от поселения, где обнаружена средневековая землянка.

Наиболее интересным представляется в книге раздел «B». Автор подробно описывает разрезы с культурными наслоениями на всех участках раскопок, дополняя эти описания чертежами профилей (рис. 6—12). На основании стратиграфических наблюдений, сделанных на различных участках в Извоаре, Р. Вулпе представляет в отдельной схеме (рис. 14) стратиграфию неолитических слоев поселения. Мощность их достигает 3 *м*. После первых раскопок (1936 г.) Р. Вулпе выделил в Извоаре два неолитических культурных слоя — Извоаре I и II. Последующие раскопки позволили ему уточнить эти наблюдения, и в настоящей монографии для периода неолита выделены четыре горизонта с остатками глинобитных жилищ, обозначенные (сверху вниз) греческими буквами φ, χ, ψ, ω. Эти строительные горизонты чередуются с наслоениями пепла, обломками посуды, орудиями труда, костями животных.

Автор полагает, таким образом, что от неолитического периода в Извоаре сохранились остатки пяти последовательных поселений, каждое из которых характеризуется определенным комплексом находок, в основном — керамикой. На поверхности встречены следы поселения начала бронзового века (Извоаре III). Неолитические слои поселения нарушены погребениями III—IV вв. н. э. (Извоаре IV) и средневековыми XIV—XVII вв. (Извоаре V). К периоду средневековья относится и землянка, раскопанная на участке «B». Стратиграфия неолитических слоев сводится к следующей схеме: докукутенсвский нижний слой (Извоаре I) Р. Вулпе делит на два — Извоаре I, 1 и I, 2.

Извоаре I, 1, наиболее древний слой докукутеновского периода с керамикой культуры типа Боян — Джулешты, был обнаружен под горизонтом ω. Извоаре 1, 2, слой докукутеновского периода, обнаружен выше, на глубине горизонта ω с керамикой типа Триполье «A»[8] (по периодизации Т. С. Пассек). Ранне- или протокукутеновский слой Извоаре II подразделяется автором на три горизонта: 1) Извоаре II, 1 а — с керамикой с двухкрасочной (белой и красной) росписью залегавший в слое ψ; 2) Извоаре II, 1 в — со смешанным комплексом керамики, с двухкрасочной и трехкрасочной росписью, обнаруженный в слое χ; 3) Извоаре II, 2[9], обнаруженный в слое φ, включал комплекс керамики с трехцветной росписью типа Кукутени «A» (B/1 — по периодизации Т. С. Пассек).

Таким образом, после первых стратиграфических наблюдений в Извоаре, позволивших Р. Вулпе в 1936 г. выделить два культурных горизонта — Извоаре I, с керамикой типа Триполье «A» (по периодизации Т. С. Пассек), и Извоаре II, с керамикой типа Кукутени «A» (B/1 — по периодизации Т. С. Пассек),— в настоящей монографии автор внес значительные изменения в характеристику отдельных горизонтов. Принципиально новыми оказались два горизонта — Извоаре I, 1 докукутеновского периода с керамикой типа культуры Боян — Джулешты и Извоаре II, 1 и 2 с ранне- или протокукутеновской керамикой, предшествовавшей керамике типа Кукутени «A» (Извоаре II). Культура времени Извоаре III представлена отдельными находками позднетрипольской керамики усатовского типа.

Поселения с керамикой культуры докукутеновского типа Боян — Джулешты известны в настоящее время в Молдове во многих районах; что касается остатков культуры с ранне- или протокукутеновской керамикой типа Извоаре II, 1 и 2, с двухцветной росписью, то подобная керамика представлена в нескольких поселениях в Трансильвании (Бонтешти, Калу, Фрумушике, Ариушд и др.). Она не распространена в Молдове и не известна на Украине, в Поднестровье, в Побужье и далее на востоке, в Поднепровье. Как считает автор, она является одним из локальных вариантов, из которого позднее формируется трехцветная расписная керамика типа Кукутени «A». В связи с этим автор ставит вопрос о местных путях развития в Трансильвании керамики с трехцветной росписью восточнокарпатского стиля[10].

К разделу стратиграфии непосредственно примыкает представляющий не меньший интерес раздел «C», посвященный типологическому анализу археологических материалов неолитического периода. Этот наиболее обширный раздел книги (стр. 55—265) построен на основе подробного рассмотрения количественно преобладающего керамического материала в каждом из горизонтов. К сожалению, автор ведет эту классификацию не путем систематизации керамического материала по сумме признаков в пределах отдельных групп, а путем характеристики отдельно форм сосудов, орнамента, его техники и мотивов. Это не дает возможности четко представить керамические комплексы в каждом из пяти горизонтов. В этом разделе, кроме сосудов, рассмотрены антропоморфные и зооморфные изображения, изделия из кости, рога и клыков кабана, а также орудия из кремня, сланца и обсидиана. Особенно интересны находки из меди. В нижнем слое Извоаре I обнаружены три медных предмета — подвеска со сквозным отверстием, острие и фрагмент пластинки. В верхних слоях Извоаре II обнаружено 12 медных предметов: четырехгранное шило, булавки, браслеты в пять оборотов, перстень и др.

---

[8] По данным Р. Вулпе 1936 г., это слой Извоаре I.

[9] По данным Р. Вулпе 1936 г., это слой Извоаре II.

[10] R. Vulpe. Problemele neoliticului carpato-niprovian în lumina săpăturilor de la Izvoare.

Раздел «D», сравнительно небольшой, включает описание фрагментов грубой кухонной керамики с ногтевым орнаментом по краю, с орнаментом в виде оттисков веревочки и др. Фрагменты принадлежат чашам с сильно отогнутым краем и небольшой ручкой и сосудам с высоким коническим горлом. Керамика датируется позднеолитическим временем и находит аналогии не только среди сосудов из позднетрипольских поселений городско-усатовского типа на Украине, но и среди сосудов из Румынии, с верхних слоев таких поселений, как Хабашешти [11], Фолтешти [12], Стойканы [13], Городище [14] и др.

Заметным и несколько досадным пробелом в книге Р. Вулпе является вопрос о жилищах на поселении Извоаре. В книге по этому поводу имеется небольшой раздел, однако, как пишет и сам автор (стр. 354), «метод, который приходилось применять при раскопках в Извоаре — раскопки на ограниченных участках, с большими перерывами — не дал возможности исследовать неолитические жилища на всем их протяжении». Почти на всех раскопочных участках были обнаружены остатки глинобитных площадок, однако на основании приложенных планов раскопок (планы I—II) невозможно составить какое-либо, даже самое общее, впечатление о характере жилищ. Автор лишь кратко пишет, что все же на раскопочных участках удалось выявить достаточные данные, свидетельствующие о том, что жилища были выстроены на поверхности почвы из дерева и самана.

В слоях же φ — ψ, соответствующих периодам Извоаре II, как и на различных других стоянках карпато-днепровской области, указывает автор, обнаружены подобные площадки из обожженной глины. Далее говорится крайне общо о том, что жилища были прямоугольными и что в основном они расположены в направлении с севера на юг. Среди их остатков обнаружены многочисленные очаги, цилиндрические ямы, иногда колоколообразные, для хранения зерна и, возможно, остатков культовых жертвоприношений (стр. 354).

К сожалению, размеры раскопов все годы обычно не превышали площадь в 40 $м^2$, что, естественно, не позволило выявить границы больших трипольских жилищ. Если для периода Извоаре II, среднего триполья, подобные жилища в настоящее время достаточно изучены на других одновременных поселениях, то для периода Извоаре I характер земляночных и наземных жилищ раннего триполья остается крайне малоизвестным. Мне представляется, что с точки зрения полевой методики в процессе раскопок в Извоаре, в отличие от других раскопок в Румынии подобных памятников (Хабашешти, Трушешти), были не использованы все возможные приемы раскопок. Автор не объясняет, чем была вызвана в Извоаре подобная методика раскопок — крайне малыми площадями и короткими ежегодными сроками раскопок (от 6 до 13 дней), составившими за пять сезонов всего 41 раскопочный день. Исследование поселения Извоаре, имеющего пять различных неолитических горизонтов и три горизонта позднейших периодов, было бы желательно продолжить, обратив особое внимание на изучение жилищ каждого горизонта и на изучение в целом поселения, постепенно разраставшегося.

Раздел «G», заключительный, посвящен общим вопросам, вытекающим из всех данных, полученных в процессе раскопок неолитических горизонтов в Извоаре. Автор рассматривает культуры племен, оставивших все пять горизонтов на поселении, как единую культуру карпато-днепровской области, соответствующую этническому единству многочисленных племен; время от времени передвижение отдельных племен нарушало мирное развитие этой культуры, простиравшейся на огромном пространстве от Восточных Карпат до Днепра. Пока возможно лишь предположить, что характер этих передвижений мог быть вызван засухой, приростом населения, эпидемией, поисками новых пространств и лучших условий для хозяйства. Этим автор делает попытку объяснить те различные аспекты, которые наблюдаются в отдельные хронологические периоды в пяти залегающих друг под другом неолитических горизонтах в Извоаре. Наиболее древним населением были племена культуры Боян — Джулешты, пришедшие с юга прямо из Валахии или через Трансильванию и смешавшиеся с местным древним населением в Молдове. На основе этого смешения, как предполагает Р. Вулпе, и произошла культура раннего триполья (триполье «А» — по периодизации Т. С. Пассек). Обе культуры (Боян — Джулешты и триполье «А»), представленные в нижних докукутеновских горизонтах Извоаре (Извоаре I, 1 и 2) отличаются главным образом керамическими изделиями. Для культуры Боян — Джулешты (Извоаре I, 1) характерен глубоко врезанный, а для триполья «А» (Извоаре I, 2) — углубленный спиральный орнамент. Кроме того, район распространения обеих культур — различный, и Молдова является зоной их соприкосновения. Однако Р. Вулпе полагает на основании стратиграфических наблюдений, что культуре «Боян — Джулешты предшествовала в Молдове культура триполья «А», допускает вместе с тем и их некоторую одновременность.

---

[11] Habaşeşti, стр. 477—481.

[12] M. Petrescu-Dîmboviţa, I. Casan, C. Mateescu. Săpăturile arheologice dela Folteşti. SCIV, II, № 1, Bucureşti, 1951.

[13] M. Petrescu-Dîmboviţa. Cetăţuia dela Stoicani. Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, т. I, Bucureşti, 1953.

[14] H. Dumitrescu. Dacia, т. IX—X, Bucureşti, 1941—1944, стр. 142—153.

Р. Вулпе считает, что поселение Извоаре в конце докукутеновского периода (Извоаре I, 2 — раннее триполье) было покинуто, и население продвинулось в бассейн Прута, Днестра, Южного Буга.

Позднее поселение Извоаре было занято населением того же происхождения, находившимся, однако, на более высокой ступени развития (Извоаре II, I a и I b). Речь идет о населении ранне- или протокукутеновской культуры, принесшем новые способы изготовления керамики с росписью. Население это пришло, как думает автор, через Карпаты в Трансильванию и распространилось до Муреша. К востоку эта культура типа Извоаре II, I a и I b с керамикой особого стиля и двухцветной росписью распространилась лишь до Серета. Конец поселения Извоаре II, I a совпадает с событием местного значения, вероятно, с пожаром, за которым последовало восстановление села теми же жителями. Об этом свидетельствуют общий характер керамики обоих раннекукутеновских горизонтов (Извоаре II, I a и I b — типа Ариушд). Совершенно иначе трактует Р. Вулпе конец поселения периода Извоаре II, I b. Он считает, что население этого периода покинуло не только поселение в Извоаре, но и всю занимаемую им территорию на обоих склонах Восточных Карпат, в Молдове и в Трансильвании. Их изгнало отсюда какое-то родственное племя, пришедшее в Молдову с востока, через Серет. Осев в Извоаре и в ближайшем районе между Прутом и Серетом, пришельцы построили поселение кукутеновского горизонта (Извоаре II, 2) и не перешли далее за цепь Карпат, ставшую с тех пор западной границей карпато-днепровской культуры с трехцветной керамикой стиля Кукутени А (B/1 — по периодизации Т. С. Пассек).

Наряду с вопросами стратиграфии Извоаре и с этими соображениями общего характера, Р. Вулпе рассматривает в книге и ряд частных вопросов, которые оказалось возможным решить после раскопок в Извоаре, как, например, развитие орнаментальных систем в керамике нижних и верхних слоев Извоаре. Прослеживается непрерывное и преемственное развитие орнаментального стиля на протяжении всех этапов, начиная от более ранних в одноцветной керамике (культуры Боян — Джулешты) и до более поздних (Извоаре II, 2), с расписной трехцветной керамикой. Другим вопросом, который решает автор после раскопок в Извоаре, явилась возможность выявления ранне- или протокукутеновской фазы (Извоаре II, 1), представленной двухцветной керамикой типа Ариушд. Р. Вулпе подчеркивает, что этот переход от двухцветной к трехцветной росписи в керамике совершился на ограниченной территории, между Прикарпатской Молдовой и Восточной Трансильванией. Эта протокукутеновская фаза, идентичная региональной фазе Ариушда карпато-днепровской культуры, современна культуре Гумельница «А», 1 в Большой Валахии и Болгарии и, возможно, культуре расписной керамики центральной части Трансильвании. Последующая фаза Извоаре II, 2 преставляющая собой культуру Кукутени «А», одновременна с культурой Гумельница «А», 2.

В целом же стратиграфические наблюдения над пятью горизонтами в Извоаре (докукутеновская и протокукутеновская фазы) привели к разрешению одного из кардинальных вопросов карпато-днепровского неолита, вопроса, относящегося к происхождению кукутеновской расписной керамики. Р. Вулпе считает, что возникновение этой керамики имело место в Молдавских Карпатах, без какого-либо внешнего влияния, лишь путем постепенной эволюции докукутеновской одноцветной керамики в прокукутеновскую двухцветную, а затем в трехцветную, стиля Кукутени «А». В этот период, т. е. в период среднего триполья (B/1 — по периодизации Т. С. Пассек) керамика этого стиля распространилась на север и восток, на Украину, где неизвестна двухцветная керамика типа Извоаре II, I a и b и где трехцветная роспись непосредственно следовала за одноцветной керамикой типа раннего (А — по периодизации Т. С. Пассек) триполья. Подвергая сравнительному анализу расписную керамику различных культур в Европе и в Передней Азии в связи с карпато-днепровской расписной керамикой, Р. Вулпе как в рецензируемой книге, так в статье своей, посвященной вопросам карпато-днепровского неолита в свете раскопок в Извоаре, полагает, что расписная керамика стиля Кукутени «А» — автохтонного происхождения[15]. Автор считает, что в период Извоаре III происходит все возрастающее влияние на оседло-земледельческие племена карпато-днепровской территории со стороны племен скотоводов, кочующих в соседних степных пространствах Северного Причерноморья (усатовско-городская культура).

Монография Раду Вулпе — большой и разносторонний труд, посвященный одному из интереснейших энеолитических поселений, стратиграфические наблюдения на котором впервые позволили представить развитие культуры расписной керамики на протяжении длительного отрезка времени, начиная от самого древнего докукутеновского этапа (Извоаре I, 1 и 2) и до этапа Кукутени «А» (Извоаре II), т. е. начиная от этапа, предшествующего раннему триполью до среднего этапа (B/1 — по периодизации Т. С. Пассек). Стратиграфия, обнаруженная Р. Вулпе на поселении Извоаре, вместе со стратиграфией, ранее открытой Г. Шмидтом в Румынии на поселении Кукутени, дополняют друг друга. Последовательные наслоения на поселениях Извоаре и Кукутени, так же как и наблюдения на многослойных трипольских поселениях на Украине,

---

[15] R. Vulpe. Problemele neoliticului carpato-nipr.ovian în lumina săpăturilor de la Izvoare.

у с. Поливанова-Яра [16], Незвиско [17] и в Молдавии у с. Дарабани, Мерешовка и Солончены II, значительно расширяют представления о ступенях последовательного развития трипольской культуры. На основе материалов Извоаре и всех этих многослойных энеолитических памятников получает дополнительное подтверждение периодизация трипольских поселений, разработанная советскими археологами, и создается относительная периодизация энеолитических памятников юго-запада Восточной Европы.

Т. С. Пассек

* * *

Большой интерес в работе Р. Вулпе «Извоаре» представляет подробное и тщательное издание материалов восьми погребений III—IV вв. н. э., 49 погребений и соседнего селища XIV—XVII вв. Погребения перерезают слой энеолитического поселения. Цельное впечатление о поздних этапах истории Извоаре создается лишь после суммирования описаний, помещенных в особых разделах книги: «Стратиграфия», «Типология», «Выводы», вперемежку с описаниями поселения энеолитической эпохи. Автор не ограничивается характеристикой Извоаре IV как памятника черняховского типа, но дает очерк своих взглядов об этой культуре в целом.

Погребения III—IV вв. н. э. содержат вытянутые костяки, ориентированные на север. Больше всего вещей было в наиболее глубоком погребении VIII: 17 глиняных сосудов, стеклянный кубок, две позднеримские амфоры, бусы и другие предметы. К сожалению, в работе не даны планы расположения костяка и инвентаря ни этого, ни других важнейших погребений.

Керамика, сопровождающая погребения III—IV вв. н. э., вся изготовлена на гончарном круге. Различается серая посуда с грубой шероховатой и лощеной поверхностью, характерная для памятников черняховского типа. Виды сосудов следующие: сфероидальные горшки; кувшины с одной и двумя ручками; биусеченноконические сосуды с цилиндрическим горлом; вазы с горизонтальным широким венчиком и тремя ручками; различные миски, в том числе высокие, закрытые, с плоскими венчиками; цилиндрические кубки с ручками. Автор не высказывает мнения о назначении сосудов, явно различном, в зависимости от их размера и формы. В погребения были поставлены сосуды для хранения, приготовления, приема пищи.

Посуда перечисленных видов и остальные предметы, найденные в могильнике III—IV вв. н. э. и подробно описанные в разделе «Типология», относятся к числу находок, свойственных памятникам черняховской культуры, как об этом правильно пишет Р. Вулпе.

Однако на современном уровне знаний о черняховской культуре, когда выделяют ее локальные варианты [18], нельзя возвращаться к представлениям о монолитности и одинаковости черняховской культуры в обширных районах ее распространения. Более плодотворным было бы сравнение Извоаре IV с памятниками того или иного локального варианта черняховской культуры.

Извоаре IV является примером локальных, а может быть, хронологических особенностей, присущих, видимо, черняховским памятникам Румынии. Так, трупоположения с ориентировкой костяков на север (в качестве единственного, за весьма редкими исключениями, вида погребального обряда) свойственны этому и другим могильникам черняховской культуры Румынии и несвойственны памятникам этого типа в МолдССР [19] и УССР [20]. Наличие лишь круговой посуды несвойственно подавляющему большинству памятников черняховского типа.

Кладбище III—IV вв. Р. Вулпе считает принадлежавшим готам, отличая Извоаре IV от памятников карпов типа Поянешты. Приписывая готам памятники типа Извоаре IV, автор основывается на достоверных исторических сведениях о расселении готов в III—IV вв. н. э. на равнинах к северу от Нижнего Дуная, в Поднестровье и

---

[16] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов-Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; ее же. Итоги работ трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, вып. XLV, 1952; ее же. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953.

[17] Е. К. Черныш. Многослойное поселение у с. Незвиско на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956; ее же. Раскопки в с. Незвиско, Станиславской области, КСИА, № 4, 1955.

[18] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4.

[19] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958, № 3.

[20] См., например, В. К. Гончаров, Є. В. Махно. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницкого. Археологія, т. XI, 1957.

Поднепровье. Археологические наблюдения в пользу этого положения не приведены. И памятники материальной культуры готов по-прежнему остаются здесь не выявленными.

Вклад готов в формирование черняховской культуры Р. Вулпе считает незначительным, полагая, что решающая роль принадлежала местным племенам и признавая значение позднеантичного влияния. Готы лишь восприняли местную культуру. Соглашаясь с Р. Вулпе в оценке значения готов в формировании черняховской культуры как небольшого, нельзя отказаться от выявления черт восточногерманской культуры, проявляющихся, возможно, в некоторых памятниках черняховского типа и в некоторых чертах культуры в целом.

Сам облик открытых, незащищенных поселений, столь широко распространившихся в эпоху готского владычества, свойственный черняховским поселениям, вероятно, связан именно с обычаями готов, имевших незащищенные поселения [21].

Можно предположить, что своеобразные сфероидальные сосуды ряда черняховских памятников допустимо выводить не только из гетских керамических форм, но и из восточногерманских, так как более ранние и позднейшие восточногерманские сосуды отличаются сфероидальностью [22].

Высказываясь по вопросу о носителях черняховской культуры в целом, автор считает, что ими были не только готы, но и даки, карпы, славяне, сарматы. Эти местные племена, испытавшие влияние позднеантичной культуры, были создателями черняховской культуры.

Р. Вулпе считает, что техника, форма, декор сосудов из Извоаре IV происходят из предшествующей гетской и сарматской керамики. Связь с культурой сарматов не установлена, хотя этот вопрос заслуживает внимания. Открытие все новых памятников позднесарматской (аланской) культуры на территории Румынии и Молдавской ССР показывает, что в III—IV вв. н. э. значительной частью пестрого населения были позднесарматские племена с их специфической культурой, которая оказывала влияние на Извоаре IV и ему подобные поселения черняховского типа. Более чем вероятно, что история этих влияний и связей уходит в предшествующие столетия.

Что касается гетского влияния, то оно выявляется сравнением Извоаре IV с материалом, Поян, который датируется тремя — четырьмя веками ранее. Наличие подобного интервала снижает ценность этого сопоставления и сделанные на его основе выводы. Внушает сомнение сравнение почти всей керамики Извоаре IV с гетской из Поян.

Боканский могильник II—V вв. н. э., раскопанный на территории Молдавской ССР Г. Б. Федоровым, Р. Вулпе относит к карпо-дакийской культуре. Думается, что автор раскопок прав, считая его, в отличие от Р. Вулпе, сарматским, на основании анализа погребального обряда (трупоположения) и сарматского комплекса инвентаря (зеркала, бисер, мечи) [23]. Боканский могильник существенно отличается от карпо-дакийского кладбища Поянешты II, где господствуют трупосожжения и представлена керамика карпо-дакийского облика.

Автор правильно отмечает торговые и культурные связи черняховцев с римским миром Юга и Запада, объясняя этими связями относительно высокий уровень этой культуры, однородность ее на больших территориях, важную роль импорта. Однако Р. Вулпе не показывает на конкретном материале, например на керамике, проявление позднеантичного влияния на местное производство. Думается, что определенная часть посуды (некоторые миски, кувшины), может быть, например, сопоставлена с позднеантичными формами, выработанными в городах Северного Причерноморья. Техника производства этой посуды носит целиком характер, подобный позднеантичной технике, и, по всей видимости, воспринята из позднеантичных центров. Так, например, сравнение ряда мисок, кувшинов из Будештского могильника черняховского типа II—IV вв. н. э. (Молдавская ССР) с материалами Тиры позднеримского времени дает сходство форм и техники производства ряда сосудов. Необходимо учитывать и возможность сочетания местных форм сосудов с позднеантичной техникой их производства.

Р. Вулпе оспаривает точку зрения, согласно которой черняховская культура в целом принадлежит славянам, но допускает, что часть памятников является славянскими. Однако вряд ли опорой таким взглядам может служить мнение Р. Вулпе о возможности вывести из шероховатой круговой черняховской посуды некоторые типы керамики, наблюдаемой позднее у славян. Р. Вулпе не приводит доказательств в пользу этого мнения. Нам факты подобного рода неизвестны. Более сопоставима лепная керамика черняховских и позднейших славянских памятников.

Поселение, относящееся к могильнику Извоаре IV, располагалось, по мнению автора, в 2 *км* от кладбища. Вряд ли это правильно. Слишком отдалены друг от друга оба памятника. Скорее поселение находилось неподалеку от могильника, где в слоях средневекового селища найдены фрагменты керамики черняховской культуры.

---

[21] А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 360.

[22] Die altthüringische und frühmittelalterliche Siedlung Weimar. Deutsche Akademie der Wissenschaften zur Berlin. Schriften der Seotion für Vor- und Frühgeschichte, т. 2. Frühe Burgen und Städte, 1954, стр. 117, 120, рис. 18.

[23] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН СССР, № 4 (31), 1956.

Конец поселения и могильника Извоаре IV, а также и всей черняховской культуры Р. Вулпе связывает, как и большинство исследователей этой проблемы, с нашествием гуннов.

В связи с возросшим в настоящее время интересом к ранним румынским и молдавским (волошским) археологическим памятникам несомненное значение представляет публикация Р. Вулпе материала наиболее поздних средневековых слоев и 49 погребений XIV—XVII вв. из Извоаре.

Раскопано типичное для предков молдавского и румынского народов жилище — землянка, реконструктивное описание которой приводит автор. Полагаю, что несколько необычную форму этого жилища можно было бы убедительнее пояснить, сопоставляя эту постройку с другими, известными по раскопкам и этнографическим данным.

Датировку средневековых кладбища и селища автор дает в широких рамках — XIV—XVII вв., сетуя на недостаточность датирующего материала. Для установления нижней границы существования селища можно было бы привлечь поливную керамику, наибольшее распространение которой, судя по данным раскопок в Молдавской ССР, падает на XIV—XV вв.[24]. Для датировок можно шире использовать и серую посуду раннерумынских памятников, хронологическая классификация которой в последние годы устанавливается археологами Румынии и Молдавии.

Подробно и тщательно издав погребения могильника, автор отмечает отсутствие в могилах и на поселении монет, что, по его мнению, говорит о низком уровне экономической жизни. Думается, что это свидетельствует скорее об определенных погребальных обычаях и, вероятно, о ранней дате средневекового селища.

На наш взгляд, нуждаются в дополнительных доказательствах выводы Р. Вулпе о наличии церкви на кладбище и ряд исторических заключений, сделанных по средневековому материалу.

Высказанные замечания никак не снижают ценности богатой фактическим материалом и выводами книги Р. Вулпе «Извоаре», которая будет весьма полезна советским археологам, в особенности тем, которые изучают сопредельные с Румынией районы.

Э. А. Рикман

[24] Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея. КСИИМК, вып. 56, 1954.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ в 1957 г.

ГРЕЦИЯ

1. Афины и Аттика

В районе Афинской агоры[1] в 1957 г. раскопки велись на северо-западном склоне Ареопага, в месте пересечения двух дорог, идущих одна от Пирейских ворот вдоль северного склона Ареопага, другая — от юго-западного угла агоры вокруг западного подножья Акрополя. Изучено 50 *м* этой последней дороги. Она имеет ширину от 3 до 5 *м*, вымощена гравием (прослежено несколько слоев вымостки, от позднеархаической до VI в. н. э.) В центре дороги проложен большой водосток из глиняных труб.

К юго-западу от перекрестка раскопаны жилые постройки; наибольшая из них, в которой сохранились гипокаусты, вероятно, была небольшой баней; датируется она римским временем. Здесь были найдены мраморная статуэтка Асклепия хорошей работы и римский портрет небольшого размера, изображающий женщину средних лет с прической типа Юлии Домны.

Жилые дома V в. до н. э.— V в. н. э. раскапывались также на северном склоне Ареопага. Найдены два интересных сооружения для водоснабжения участка. Более раннее (V в. до н. э.) состоит из небольшого (0,50 × 0,80 *м*) прямоугольного бассейна для сбора воды, расположенного у подножья холма; отсюда вода шла к северу, по водостоку, сделанному из вторично использованных глиняных труб позднеархаического времени. Второе сооружение — колодец I в. н. э. на склоне Ареопага. В позднеримское время он был перекрыт кирпичным сводом, и для доступа к воде была устроена дверь с несколькими ступенями; тогда же от колодца был проложен водосток, в верхней своей части заключенный в кирпичный сводчатый тоннель. Кроме этих сооружений, в раскапывавшемся районе найдены четыре колодца и две цистерны. Найдено

[1] H. A. Thompson. Activities in the Athenian Agora, 1957. Hesperia, 1958, т. XXVII, № 2, стр. 145—160.

много фрагментов архаической скульптуры, видимо, происходящей с Акрополя. Под полом одного из домов у северного подножья Ареопага найден клад из 133 монет императорского времени; ряд монет дает новые типы изображений.

При дренажных работах в северной части агоры найдена необычного типа фависса (рис. 1). Она сооружена из вторично использованного материала. На платформе из массивных блоков пороса, уложенных на материке, поставлен путеал, фланкированный с четырех сторон вертикальными блоками, скрепленными залитыми свинцом железными скрепами. Путеал закрывался крышкой, сделанной из подтесанной капители дорийской колонны. Размеры путеала внутри: глубина 0,50 *м*, диаметр вверху 0,60 *м*. Все сооружение было засыпано землей, и современная ему поверхность мощеной гравием

Рис. 1. Фависса, найденная на Афинской агоре

дороги начала V в. до н. э. находилась на 0,55 *м* выше крышки. Фависса была разграблена в IV в. до н. э. Судя по сохранившимся внутри нее и в выбросе остаткам, основным ее содержанием были обожженные кости животного (вероятно, козла); в разрушенном устье вместилища лежали фрагменты большого кувшина и амфоры начала V в. до н. э. Найдены также фрагменты золотой повязки, бронзовые предметы (в том числе обломки щита), терракоты и фрагменты керамики. Весь этот разнообразный материал (VII—V вв. до н. э.) носит вотивный характер и имеет близкие аналогии в вотивном комплексе, найденном в 1932 г. на северном склоне Ареопага[2], и в комплексе из дромоса микенской гробницы в Мениди[3], где вплоть до второй половины V в. до н. э. существовал культ героя. Очевидно, и находку на Афинской агоре следует связывать с культом героя, возможно, с какой-либо из находившихся поблизости микенских гробниц. Культ этот существовал с середины VII до начала V в. до н. э.

Продолжались раскопки на южном склоне Акрополя, в районе южнее Одеона Ирода Аттика[4]. Локализовано Святилище Нимфы, на существование которого указывали граффити на вазах, найденных в предшествующие годы. Оно было небольшое, открытое, окруженное низкой стеной Судя по надписи на обнаруженном здесь пограничном камне, святилище было посвящено какой-то одной местной нимфе. Найдено более 1000 фрагментов краснофигурных лутрофор, являвшихся вотивными приношениями. Святилище существовало с VI в. до н. э. и было заброшено до римского периода.

Между улицами Драгостаниона и Аристида выявлен хорошо сохранившийся участок городской стены длиной около 40 *м*, толщиной 6 *м* и высотой до 3,5 *м*.

В Марафоне случайно открыта пещера[5], состоящая из ряда помещений, где

---

[2] D. Burr. A Geometric House and a Proto-Attic Votive Deposit. Hesperia, 1933. т. II, № 4, стр. 542—640.

[3] P. Walters. Vasen aus Menidi II. JDAI, 1899, т. XIV, стр. 103—135.

[4] E. Vanderpool. News Letter from Greece. AJA, 1958, т. 62, № 3, стр. 321.

[5] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 321.

найдено много керамики времени неолита и бронзы, а также V в. до н. э. Раскапывавший ее И. Пападимитриу считает, что это — пещера Пана, упоминаемая Павсанием (I, 32, 7), на что указывает также найденная здесь статуэтка Пана.

В Бравроне[6], близ открытых ранее фундаментов храма Артемиды, найдены остатки стои и два интересных рельефа конца V в. до н. э. Один из них — вотивный, изображающий жертвоприношение Артемиде. Посвятительная надпись гласит: «Аристоника, жена Антифанта, делает это приношение Артемиде». Второй рельеф изображает Зевса, сидящего слева, рядом с ним — стоящих Латону и Аполлона и бегущую справа по направлению к Зевсу Артемиду. Ее порывистая поза напоминает Ириду восточного фронтона Парфенона; по стилю рельеф близок рельефам парапета храма Ники Аптерос. Размеры его — около 1,30 × 1,0 *м* (справа он обломан).

2. Пелопоннес

На Истме, близ святилища Посейдона, исследовались фортификационные сооружения[7]. Обнаружена стена микенского времени, тянущаяся от современного селения Истмии (у восточного конца Коринфского канала) до святилища Посейдона, на протяжении около 1 *км*. Стена имеет два панциря из больших необработанных камней и забутовку из земли и мелких камней. Толщина стены 4—4,60 *м*. С северной стороны стена имеет небольшие башни-контрфорсы (через интервалы в 7,90—9,50 *м*), шириной по фасаду 2,50 *м*, выступающие на 0,70 *м*. Как направление стены, так и расположение башен указывают, что она была сооружена для защиты от нападения с севера. Материал из заполнения стены (керамика позднеэлладского III B периода) датирует время ее сооружения второй половиной XIII в. до н. э., что, несомненно, было связано с началом угрозы с севера, завершившейся нашествием дорян.

С истмийскими фортификационными сооружениями классического времени, о которых упоминает Геродот, рассказывая о вторжении Ксеркса, можно связать стену к западу от Истмийского святилища, прослеженную на протяжении около 1 *км*.

Исследовалась также стена, построенная при Юстиниане и прослеживающаяся на всем своем протяжении через перешеек. Панцири ее построены из больших прямоугольных блоков, главным образом вторичного использования, забутовка — из грубой кладки, типичной для ранневизантийского времени. С северной стороны она имеет башни. У восточного и западного концов она была укреплена крепостями, примыкавшими к ней с южной стороны. Исследована восточная крепость, расположенная к востоку от Истмийского святилища, стены которой принимались ранее за стены ограды святилища. Крепость — неправильной формы, размером 225 × 200 *м*, имела двое ворот; северо-восточные включали постройку более раннего времени, может быть, триумфальную арку. По сторонам южных ворот, сохранившихся лишь на высоту 2 *м*, в стену вделаны медальоны с изображением креста, что указывает на раннехристианскую дату.

В Микенах[8] при расширении дороги, ведущей к Львиным воротам, был доследован «дом торговца маслом». В одном из помещений найден очаг с дымоходом, многочисленные вазы со стремяобразными ручками, фрагменты расписной штукатурки и таблички с надписями.

В Лерне[9] наиболее интересные открытия были сделаны в слоях раннеэлладского времени, обнаруженных разведочными траншеями и зондажами. Они непосредственно лежат на неолитическом слое.

Частично выявлен лишь один комплекс массивных стен, толщиной 0,80—1,20 *м*, находящийся под северо-восточным углом ранее открытого «дома с черепицей». Стены эти, являющиеся фундаментом стен из сырца, были впущены в траншеи, вырытые в неолитическом слое. В одном из помещений этого здания открыт интересный предмет, представляющий собой плоский глиняный диск около 1,15 *м* в диаметре. Он был сделан на месте, т. е. сырая глина положена на пол, где ей была придана соответствующая форма. Диск имел закраину, украшенную зигзагообразным резным орнаментом, и углубление в центре в форме двулезвийного топора. Внутри него было найдено много золы; от длительного горения на нем огня глина затвердела, обожглась. Очевидно, этот круг служил домашним очагом, и, возможно, имел культовый характер. Аналогичные очаги, несколько более простой конструкции, неоднократно встречались в поселениях раннеэлладского времени; фрагменты их были найдены в «доме с черепицей».

Наиболее интересным открытием в 1957 г. в Лерне являются оборонительные стены поселения раннеэлладского времени. Они состоят из двух массивных параллельных стен; проход между ними, шириной около 2 *м*, разделен перегородками на ряд помещений, служивших, очевидно, жилищами (в них найдено много целых и разбитых со-

---

[6] New-found Sculpture from the Golden Age of Greek Art: Artemis Reliefs from the Temple at Brauron. ILN, 1958, № 6229, стр. 696—697.

[7] O. Broneer. The Corinthian Isthmus and the Isthmian Sanctuary. Antiquity, 1958, т. XXXII, № 126, стр. 80—88; его же. Notes from Isthmia. Archaeology, 1958, т. 11, № 1, стр. 59.

[8] E. Vanderpool, Ук. соч., стр. 323.

[9] J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1957. Hesperia, 1958, т. 27, № 2, стр. 125.

судов). К стенам пристроены две башни разного времени. Внутреннее помещение более ранней башни, имеющей округлую форму, связано дверным проемом с одним из жилищ в проходе между стенами. Поздняя башня, более грубой и массивной кладки, не имеет внутреннего помещения. Она перекрывает связанную с первой башней лестницу из больших плит.

В Олимпии[10] впервые после войны возобновлены работы на стадионе; расчищена беговая дорожка, а земля употреблена для восстановления южной насыпи стадиона. Его предполагается восстановить в том виде, в каком он был в IV в. до н. э., т. е. без скамей для зрителей.

В Леонтионе[11], в 50 *км* от Патраса, открыт театр; раскопано восемь рядов сидений, частично высеченных в скале и частично пристроенных, а также часть скены.

Раскопки микенского дворца в Пилосе[12] близятся к завершению. В 1957 г. работы велись в северо-восточном крыле дворца, отделенном от комплекса Большого дворца широким проходом, мощенным штуком. Обнаружен открытый двор с алтарем, представляющим собой четырехгранный блок пороса, покрытый штукатуркой, сохранившей следы росписи. Этот алтарь стоит против небольшого помещения, рода портика, который предположительно считают остатками святилища. К северо-западу и северо-востоку от двора с алтарем расчищен ряд помещений, в которых найдено много фрагментов обгоревшей керамики, дерева, бронзовых и кремневых печатей. Толстый слой красноватой глины представляет собой остатки рухнувших стен из сырцового кирпича, стоявших на каменном основании. Полы в помещениях были из утрамбованной глины. Второго этажа северо-восточное крыло дворца, видимо, не имело. В самой большой из обнаруженных здесь комнат найдено 97 фрагментов табличек с надписями. Назначение этого обособленного от основной части дворца крыла до окончательной дешифровки найденных в нем табличек неясно. Можно предполагать, что здесь было помещение гарнизона, может быть арсенал, так как на многих табличках упоминается «людская (военная?) сила», а на других — колесницы и доспехи. Это определение подтверждается найденными здесь наконечниками стрел. Дополнительные расчистки в районе Архива дали еще 28 фрагментов табличек с надписями, частично подходящих к найденным в 1952 г.

Раскопки велись и за пределами дворца. В 135 *м* к югу от него был открыт толос, диаметром около 5,60 *м*, от которого сохранилась лишь нижняя часть стен. В полу, в неглубоких ямах, было обнаружено несколько погребений. Необычным для микенских толосов является использование для погребений четырех больших кувшинов. Один из этих сосудов является прекрасным образцом дворцового стиля. Погребальный инвентарь был довольно богат. Найдены две золотые диадемы, много серебряных фрагментов, много оружия — 8 мечей, 16 кинжалов, сосуды и зеркало из бронзы, 58 наконечников обсидиановых стрел, бусы из разных материалов, 33 сосуда различной формы и декора. Датируется толос от позднеэлладского I до позднеэлладского III А периодов.

Раскопано несколько камерных гробниц из открытого в предшествующие сезоны некрополя. Гробницы, вырытые в слое плотной глины, имеют дромос в несколько метров длины и камеры, овальные или прямоугольные в плане. Дверной проем закладывался каменной кладкой. Интересна гробница Е 6, использовавшаяся длительное время; в ней найдены три слоя погребений, причем верхнему, позднейшему слою соответствует по уровню второй, пробитый над первоначальным дверной проем. Погребальный инвентарь довольно богат, особенно в ранних погребениях (оружие, вазы, бусы, бронзовые зеркала). В неразрушенной гробнице К 1 обнаружено 14 хорошо сохранившихся ваз. Датируются эти камерные гробницы позднеэлладским III А — С периодом.

К сожалению, не продолжаются, судя по отчету, начатые в небольших масштабах раскопки окружающего Пилосский дворец микенского города. Невнимание к рядовому материалу, не могущему дать эффектных находок, характерно для западной археологии. Между тем раскопки города были бы чрезвычайно важны для изучения всей истории Микенской Греции, так как наши знания именно в области рядовой городской культуры ее весьма ограничены.

3. Средняя и Северная Греция

В Мегаре[13] произведены раскопки знаменитого фонтана тирана Феогена, о котором упоминает Павсаний (I, 40. 1). Зондажи в этом районе делались еще в 1899 г. Теперь уточнено устройство фонтана. Бассейн его был разделен на две части рядом колонн, между которыми были вертикально поставлены плиты. Всего в бассейне было семь пересекающихся рядов колонн, общим числом 35. Вдоль внутренней стены шел ряд пилястров. К фронтонной скульптуре фонтана, вероятно, относится рельеф из пороса с изображением сидящей в фас женщины. Фасад фонтана еще не раскопан. В раннехристианское время в восточной половине бассейна была устроена базилика.

[10] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 323.

[11] Там же.

[12] C. W. Blegen. The Palace of Nestor Excavations of 1957. AJA, 1958, т. 62, № 2, стр. 175—181.

[13] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 323—324.

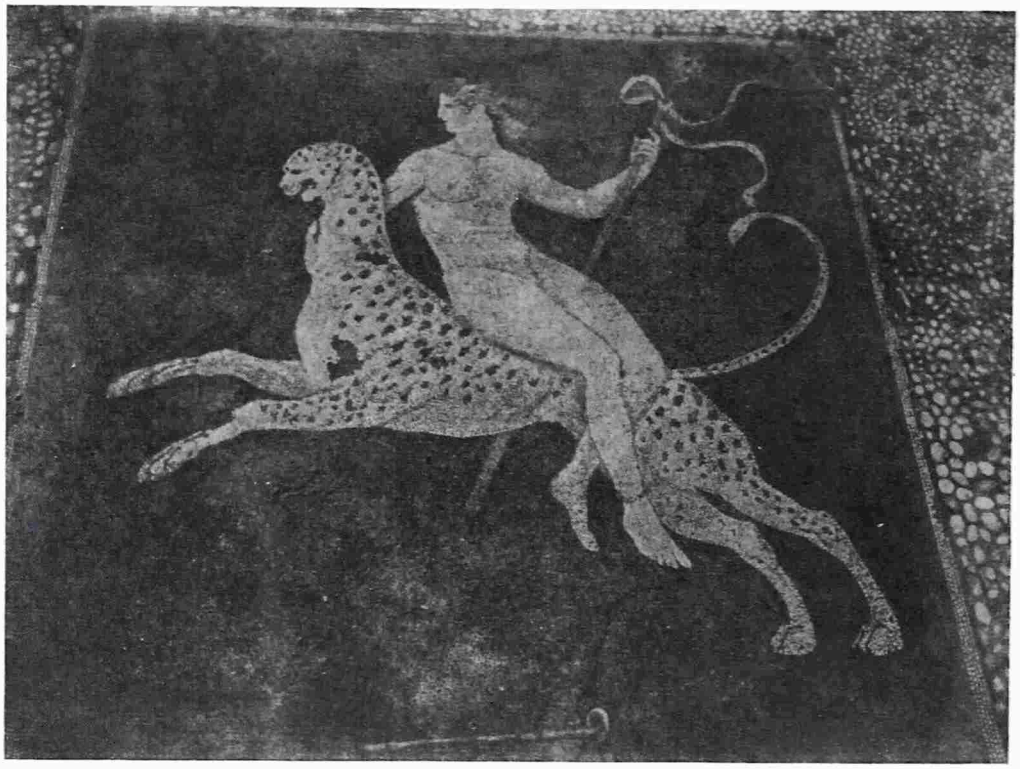

Рис. 2. Мозаика из Пеллы с изображением Диониса на пантере

В Фессали, в 10 *км* от Карадитца, найдена толосная гробница [14]; она разграблена, но архитектура сохранилась хорошо. Она имеет 9 *м* в длину и 9 *м* в высоту.

Наиболее значительными в 1957 г. в Греции были раскопки в Пелле [15], столице Македонии с конца V в. до н. э. до римского завоевания. Место ее расположения, в 38 *км* от Салоник по дороге в Эдессу, было известно давно. В 1914—1915 гг. производились раскопки, открывшие часть большого жилого комплекса. Случайное открытие колонн весной 1957 в. при постройке дома привело к развертыванию археологических работ. Разведка, проведенная траншеями, установила, что город занимал площадь около 3,5 *км*^{2}. За его пределами отмечен ряд погребений, располагавшихся вдоль древних дорог. Акрополь города находился на возвышении, где траншеями обнаружены остатки монументального здания, возможно, дворца или храма. Стены зданий, до 2 *м* толщиной, с колоннами более 1 *м* в диаметре, открыты и в других местах города. Основным строительным материалом был местный камень; для архитектурных деталей (фризов и пр.) использовался импортный мрамор. Почти полностью раскопано лишь одно здание, в центре города, не относящееся к наиболее крупным (толщина стен — 0,80 *м*), но все же имеющее в ширину 50 *м*, в длину — более 90 *м* (южный конец его не раскопан). В центре здания находятся три перистильных дворика. Базы ионийских колонн еще стоят местами in situ; тут же лежат упавшие стволы колонн. В среднем перистиле найден крытый двускатными калиптерами водосток. Четвертый двор, без колоннады, имел вымостку из галечной мозаики с орнаментом. Прекрасные мозаичные полы найдены в четырех помещениях в восточном крыле здания. Наиболее совершенной по тонкости исполнения и по сохранности является мозаика с изображением юного Диониса на пантере (рис. 2). Бог представлен обнаженным, с тирсом в левой руке. Детали лица и волос переданы тонкими полосками свинца. Весь рисунок исполнен тщательно подобранной галькой естественных цветов. На других мозаиках изображены: охота на льва, грифон, терзающий оленя, и два кентавра. Любопытно, что у всех изображенных на мозаиках фигур вынуты глаза; очевидно, последние были сделаны из ценных камней. В здании найдены фрагменты глиняных черепиц с клеймами и царскими монограммами, фрагменты терракотовых антефиксов и карнизов с росписью, расписной штукатурки черного, белого, желтого, пурпурного, серого цветов. Открытое здание, очевидно, было общественным, на что указывает, помимо его величины и богатства, отсутствие в нем мелких бытовых находок. Частично выявлены также три обрамлявшие это здание улицы; на двух из них

[14] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 323—324.

[15] Photios Petsas. Alexander the Great's Capital Discovered by Chance: a First Report on the Excavations at Pella, near Salonica. ILN, 1958, № 6217, стр. 197—199; E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 324—325.

прослежен водосток из глиняных труб. В небольших домах, раскрытых на этих улицах, найдены вазы, статуэтки, формы для терракот, железные и бронзовые предметы, несколько сот монет времени от IV в. до н. э. до римского завоевания, разрушившего Пеллу. Найдены также фрагменты высокохудожественных мраморных скульптур [16].

4. Острова

На о. Самофраке раскапывался некрополь [17] к югу от святилища, отличающийся большой насыщенностью погребениями. Найдены 163 могилы разного времени на небольшом участке; еще больше их было разрушено. Датируются погребения временем от середины VI в. до н. э. до I в. н. э. Найдены краснофигурные аттические вазы; в одном из погребений в пифосах найден любопытный предмет — маленькая (диаметром 0,04 *м*) глиняная модель сшитого из кожи и надутого воздухом мяча, похожего на современные баскетбольные мячи. О существовании в древности подобных мячей упоминает Марциал.

Летом 1957 г. впервые после войны возобновлены в небольшом объеме раскопки в районе Кносского дворца [18], у дороги минойского времени на запад от дворца, против здания так называемого Арсенала. На площади размером 10 × 5 *м* найдено большое количество фрагментов изделий из слоновой кости. Особенно интересны фрагменты двух статуэток, первоначальный размер которых был 0,40 *м* — наибольший для статуэток из слоновой кости эгейского времени. Сохранились лишь отдельные части — руки, одежда. Статуэтки были сделаны из отдельных скреплявшихся друг с другом кусков кости. Поражает мастерство передачи анатомических подробностей — мускулатуры, вздувшихся вен на руках. По размеру и стилю эти фрагменты могут быть сравнены с известной статуэткой акробата, хотя последняя датируется около 1600 г. до н. э., несколько раньше вновь найденных. Кроме фрагментов статуэток, в том же месте найдены фрагменты орнаментированных пластинок слоновой кости, служивших, видимо, украшением какой-то утвари. Особенно интересна пластинка, изображающая фасад дома (рис. 3) — мотив, хорошо известный по фаянсовым пластинкам, найденным А. Эвансом в Кносском дворце, но в кости не встречавшийся. Она изображает двухэтажное здание из прямоугольных плит, дверь в центре фланкирована узкими окнами, три таких же окна находятся над дверью. Архитектура здания имеет явно крепостной характер. Кроме названных вещей, найдено большое количество керамики, от среднеминойского до позднеминойского II (около 1400 г. до н. э.— времени окончательного разрушения дворца) периода.

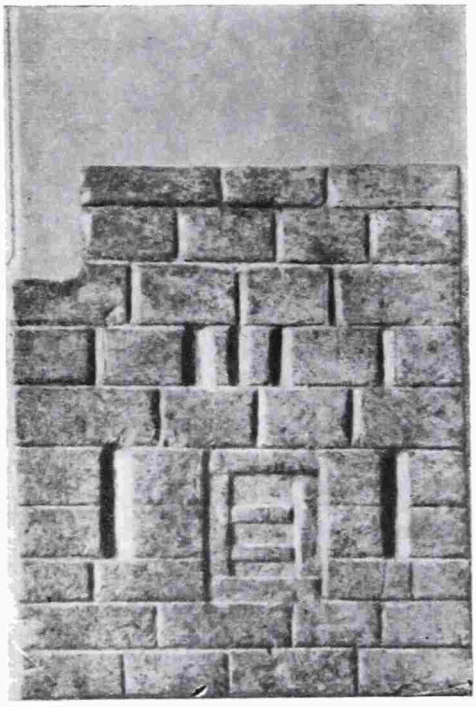

Рис. 3. Пластинка слоновой кости из раскопок близ Кносса с изображением фасада дома

К югу от дворца раскапывалась случайно открытая круглая в плане гробница, типа хорошо известного в районе Южного Крита, но впервые найденного близ Кносса. Гробница маленькая, 4 *м* в диаметре; на длительность использования ее указывает факт сооружения в ней второго пола, более высокого по уровню. Покойников хоронили и прямо на полу, и в глиняных гробах-ларнаках. Близ гробницы находилось прямоугольное здание, в которое выносились из гробницы более ранние погребения, чтобы освободить место для позднейших. Дата сооружения вновь открытой гробницы более поздняя, чем дата аналогичных ей сооружений Южного Крита (около 1900 г. до н. э. и существовала она не менее чем до 1600 г. до н. э.). Таким образом, эта гробница может служить связующим звеном между круглыми гробницами Крита и ранними толосами материковой Греции.

В заключение обзора археологических работ, проводимых в Греции, следует упомянуть о значительных реставрационных работах, ведущихся в различных местах. Про-

---

[16] ILN, 1957, № 6172, стр. 464.

[17] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 325.

[18] S. Hood. The Largest Ivory Statuettes to be Found in Greece and an Early Tholos Tomb, Discoveries During the Latest Knossos Excavations. ILN, 1958, № 6194, стр. 299—301.

изведена очистка от земли и частичная реставрация циклопических стен Тиринфа. Восстановлена часть колоннады храма Посейдона на мысе Сунион, колоннада палестры в Олимпии, произведена реставрация театра в Эпидавре, предпринято восстановление храма Афины Афаи на о. Эгине.

II. ИТАЛИЯ

1. Центральная и Южная Италия

В Риме[19] продолжаются реставрационные работы на Палатине, в Колизее, начата реставрация Арки Септимия Севера. На римском Форуме небольшие зондажи дали важные статиграфические сведения. Раскопки близ Колизея обнаружили здание республиканского периода.

Рис. 4. Мраморная статуэтка комического актера, найденная близ Анцио, в море

В Ватикане[20] произведены раскопки некрополя, являющегося продолжением известного некрополя на Виа Триумфалис. Установлено, что этот район начал использоваться для погребений уже во времена Августа. Открыто восемь погребальных сооружений различных типов, с кремацией и трупоположением, и много отдельных погребений, перекрытых черепицей, датирующихся I—III в. н. э. Из погребального инвентаря следует отметить бронзовую чернильницу, так плотно закупоренную, что в ней сохранились сгустившиеся остатки чернил, а также род погребальной одежды, сделанной из асбеста. Как указывает Плиний (NH, XIX, 19—20), такого рода плащи иногда использовались при кремации, чтобы пепел покойника не смешивался с золой.

На Виа Аппиа, вне городских стен, найдена статуя Сильвана[21], более 1 *м* высоты, II в. н. э.— новое свидетельство, подтверждающее существование культа этого божества вблизи Рима.

Южнее Рима, близ Анцио, в руинах римской виллы, теперь затопленных морем, обнаружена мраморная статуэтка комического актера II в. н. э., в маске (рис. 4)[22] — тип, известный по терракоте, но в скульптуре почти не встречающийся. Возможно, что актер изображал силена, на что указывает его туника, имитирующая шерсть, и волосатые ноги.

В Сперлонге[23] доследовались открытые на вилле Тиберия гроты, в которых были устроены бассейны-нимфеумы, украшенные многочисленными скульптурами. Найдено более 5500 фрагментов статуй (см. CA, 1958, № 4, стр. 251). На сюжет одной из находившихся тут скульптурных групп проливает свет обломок надписи со стихотворной эпиграммой, в которой упоминается изображение Скиллы, похищающей спутников Одиссея. С этой группой можно связать многие из найденных фрагментов, в частности изображение Палладиума, вероятно украшавшее корабль Одиссея (ранее эту скульптуру связывали с сюжетом похищения Палладиума из Трои). Из других скульптур следует упомянуть фрагменты статуи Ганимеда с орлом — мраморную реплику известного произведения Леохара. Опубликованы также головы Афины и Силена, отличающиеся высоким качеством работы.

В Террачине летом 1958 г. найдена мраморная статуя императора Антонина Пия[24], изображенного в виде героя, обнаженным, с плащом, накинутым на левое плечо.

Небольшие подводные работы были произведены в Байях[25]; как известно, часть древнего города находится сейчас под водой, на глубине 8—10 *м* из-за опускания зем-

[19] A. W. Van Buren. News Letter from Rome. AJA, 1958, т. 62, № 4, стр. 415.
[20] Там же, стр. 415—416.
[21] Там же, стр. 415. Опубликована в ILN, 1958, № 6202, стр. 630.
[22] G. Jacopi. Un Attore comico travestito da Papposibeno. Bolletino d'arte, 1958, Anno XLIII, № 2, стр. 97—106.
[23] Striking New Finds in the Sperlonga Grotto. ILN, 1957, № 6186, стр. 1132—1133
[24] ILN, 1958, № 6213, стр. 37.
[25] The Submarine Ruins of Baiae. ILN, 1958, № 6195, стр. 342.

ной коры. В соединении с аэрофотосъемкой подводные исследования позволили составить представление о районе больших терм.

Опубликована аэрофотосъемка затопленного участка города.

В Сала Консилина[26] на архаическом некрополе в 1957 г. открыто 331 погребение с богатым инвентарем. На некрополе, расположенном севернее, в Контрада Сан Николо, открыты 82 могилы VIII—VII вв. до н. э. и более позднего периода. Найдена керамика с полихромным геометрическим орнаментом, бронзовые фибулы, янтарные бусы и пр.

Археологические работы в устье р. Селы (древ. Силарис) в святилище Геры, открытом в середине 30-х годов, успешно продолжаются[27]. В 1957 г. найдены шесть больших метоп архаического храма. На пяти из них изображены бегущие вправо девушки (рис. 5). Предполагают, что это — Нереиды, часто изображавшиеся в сценах борьбы Геракла с морским чудовищем, или Пелея и Фетиды. Раскопки установили, что большой архаический храм в Селе был частично разрушен в начале IV в. до н. э., возможно, при нападении луканцев. Окончательно он погиб при извержении Везувия в 79 г. н. э.

Рис. 5. Метопа из архаического храма в устье р. Селы

В Пестуме[28] при раскопках города открыты жилые дома римского времени и большие термы. В некрополе Пестума, в 1 *км* к северу от города, открыта камерная гробница луканского периода (начало IV в. до н. э.), с росписью и богатым погребальным инвентарем. Гробница сооружена из известковых блоков, хорошо обработанных с внутренней стороны, перекрыта двускатной кровлей, образованной блоками, поставленными на ребро и опиравшимися на выступы вверху стен. Вход находился с восточной стороны; дверной проем перекрыт большим блоком, в котором высечена низкая арка. Пол гробницы состоит из утрамбованной земли, стены оштукатурены и расписаны. Лучше всего сохранилась роспись левой половины южной стены, где пред-

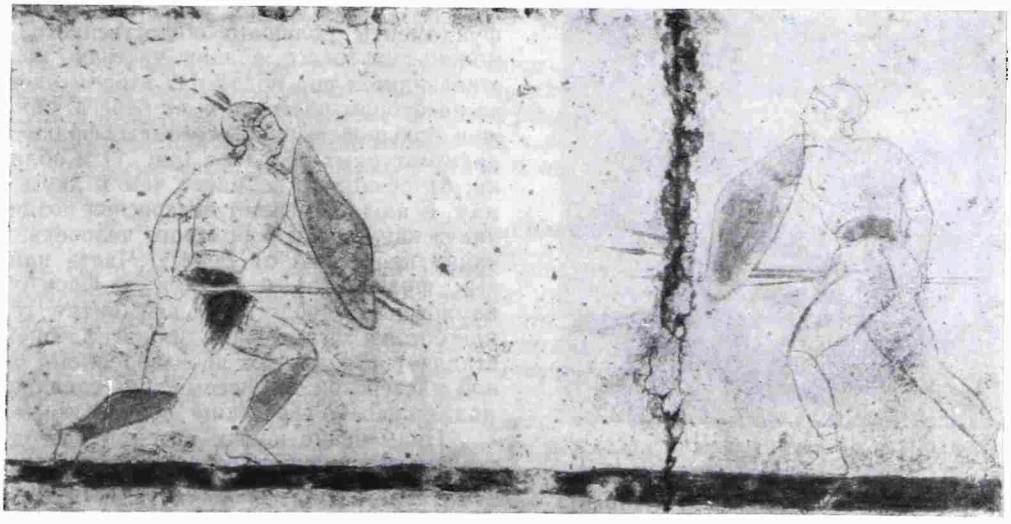

Рис. 6. Роспись гробницы в Пестуме с изображением двух воинов

ставлены два воина, приготовившиеся к схватке (рис. 6). Воины в шлемах и поножах, но без нагрудников, со щитами, вооружены копьями; на левой фигуре — род передника

[26] Van Buren. Ук. соч., стр. 417.

[27] Там же, стр. 418.

[28] P. C. Sestieri. Tomba a camera d'età Lucana. Bolletino d'arte, 1958, Anno XLIII, № 1, стр. 46—63.

с бахромой, вероятно, кожаного. На правой половине южной стены сохранилась лишь часть стоящей женской фигуры. На северной стене изображен умерший, на колеснице, запряженной двумя конями; за колесницей следует фигура демона, а перед ней изображен воин с копьями и щитом. На западной стене, пострадавшей больше других, было помещено изображение всадника, по размеру превышавшее остальные фигуры; от него сохранилась лишь часть крупа коня. Техника росписи — обычная для пестумских фресок: контурный рисунок, с заполнением ровным слоем краски; обнаженное тело обозначается розовым, одежды — белым, оружие — желтым цветом. В гробнице найден богатый погребальный инвентарь: шлем, нагрудник, поножи, железные наконечники копий, нож и пр., бронзовый стригиль и различная бронзовая посуда, несколько ваз, в том числе арибаллический лекиф с изображением сцены очищения Ореста в Дельфах.

В Локрах[29] работы велись в районе большого святилища. Раскопки предшествующих лет установили, что здесь был большой храм, восходящий к VII в. до н. э., дважды перестраивавшийся — в архаический период и в V в. до н. э.; храм классического времени был ионийский. К югу от храма в 1957 г. обнаружен маленький земляной алтарь архаического времени, за которым найдено скопление черепов баранов, приносившихся здесь в жертву, уложенных рядами на черепицах. Близ храма найдено также много фрагментов расписной архитектурной терракоты. Интересны глиняные плиты с росписью мотивом меандра, облицовывавшие стены раннего храма. Восстановлен центральный акротерий в виде диска с чешуеобразным орнаментом. К храму классического времени относятся фрагменты каменного карниза и несколько львиных голов. Севернее этого участка зондажи обнаружили стену, сложенную из больших блоков. Возможно, это часть оборонительной стены города, может быть, ограда святилища. Продолжено изучение расположенного к северу от города некрополя. Найдено 40 погребений первой половины V в. до н. э.— III в. н. э.

Заключительная кампания проведена в Палуди[30]. Выявлены оборонительные стены; ступени, ведущие к верхней части стены, заставляют предположить существование прохода для часовых. На некрополе проведены разведочные зондажи; находка римских погребений подтверждает, что город продолжал существовать и в римское время.

В Реджио ди Калабриа[31] (древнем Региуме) выявлен новый участок городской стены. Стена состоит из двух панцирей, сложенных из блоков на мощном фундаменте, с промежуточным заполнением. По своей структуре она идентична ранее известному участку городской стены, защищавшему город со стороны моря.

2. Северная Италия

В Веях[32], близ северо-западных ворот, было проведено исследование древних укреплений. Массивный земляной вал был укреплен стеной из больших туфовых блоков, служившей одновременно основанием разрушенной стены увенчивавшей вал. Вал и стена датируются **V в. до н. э.**

Рис. 7. Терракотовая голова Афины из раскопок в Санта-Севера (Пирги)

Начаты раскопки в Санта Севера, древнем Пирги, порте Цере[33]. Один раскоп, на самом берегу моря, дал каменные фундаменты большого общественного, возможно культового, здания, частично прослеживающиеся под водой. На втором раскопе, на некотором расстоянии от берега, обнаружен большой выброс черепицы, фрагментов архитектурных терракот (рис. 7) и облицовки, относящихся не менее чем к двум храмам. К ним примыкает интересная позднеархаическая голова бородатого человека, случайно найденная на берегу. Часть найденных фрагментов относится к фронтонной композиции, представлявшей битву героев или богов с гигантами. Стиль этих вещей заставляет считать их произведениями местной мастерской, но, несомненно, сделанными под сильным греческим воздействием.

Применение новых методов разведки с помощью перископа, соединенного с фотоаппаратом, в изучении этрусских некрополей дало хорошие результаты[34]. За трехмесяч-

[29] A. Franciscis. Ancient Locri. Archaelogy, 1958, т. 11, № 3, стр. 206—212.
[30] Van Buren. Ук. соч., стр. 421.
[31] Там же, стр. 421—422.
[32] Там же, стр. 422.
[33] Там же, стр. 422—423.
[34] C. M. Lerici. Periscopic Sight and Photography to the Archaelogist's Aid. ILN. 1958, № 6205, стр. 774—775.

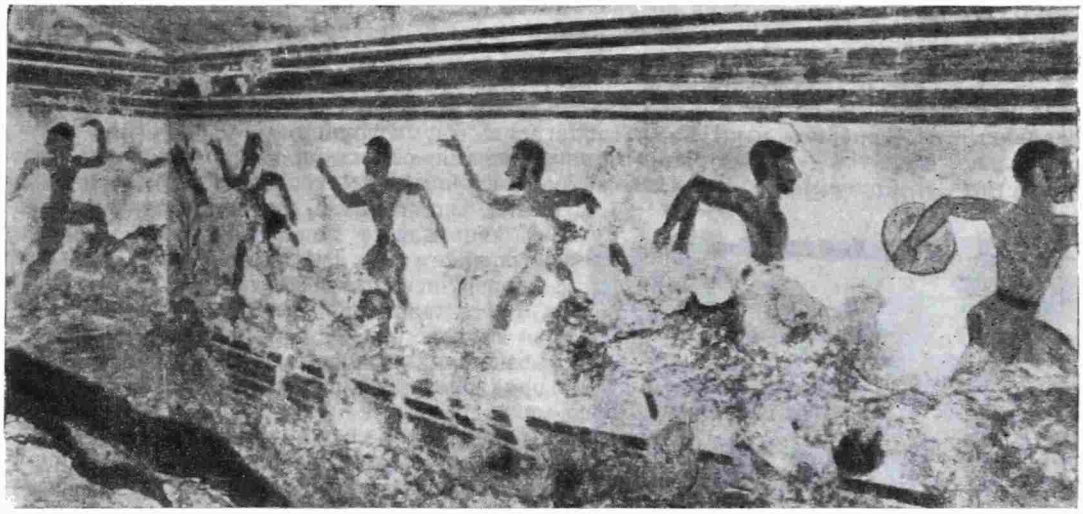

Рис. 8. Внутренний вид камеры этрусской гробницы в Тарквинии с росписью, изображающей спортивные состязания

ную кампанию на некрополе Монте Аббатоне открыто 450 могил, причем лишь немногие из них оказались неограбленными. В конце 1957 г. в районе Вульчи открыта пятикомнатная гробница, на стенах которой обнаружено большое количество этрусских надписей. Наиболее интересное открытие с помощью перископа было сделано на некрополе Тарквинии, где впервые после 1892 г. была обнаружена гробница с росписью. Роспись располагается непрерывным фризом в верхней части стен камеры. Темой ее являются спортивные состязания — изображены бегуны, дискобол, прыгун (рис. 8). Лучше всего сохранилась сцена состязания биг. Роспись перенесена в музей Тарквинии, где будет восстановлен внутренний вид гробницы.

В Больсене[35] (древнем Вольсинии) продолжаются раскопки поселения начала I тысячелетия до н. э. Обнаружена ограда поселения, фундаменты хижин, высеченных в скале или сложенных из камней. У подножья холма открыты три погребения, относящиеся к некрополю периода Виллановы. В самом городе Больсене, близ средневекового замка, случайно открыта часть стены этрусского города, сохранившаяся на высоту 5 *м*. Знаки в виде буквы «Т» отмечают блоки, лежащие в основании стены.

В Северной Этрурии раскопки ведутся в менее широких масштабах[36].

В Популонии найдена могила в форме маленького храма (V в. до н. э.).

В Польверозе раскапывался римский некрополь III—II вв. до н. э. Могилы были перекрыты большими черепицами. В одной найдено миниатюрное золотое ожерелье, в другой — рельефный сосуд в форме бутылки с изображением Диониса и охотничьих сцен.

В Росселе (древнем Рузеллии) начаты исследования городской территории. Найдены две подпорные стены террасы; среди находок интересны архитектурные терракоты с рельефным орнаментом и антефиксы в форме женских голов архаического периода, относящиеся к находившимся на террасе зданиям. Предполагается исследовать городскую стену, сохранившуюся почти на 3 *км*.

3. Сицилия

В Сиракузах[37] при строительных работах выявлены археологические остатки различных периодов: архаического (в виде высеченных в материковой скале могил), IV в. до н. э. и эллинистического (остатки стен домов с полами из утрамбованной земли, остатки круглой печи, цистерны). Мозаичные вымостки, также являющиеся следами жилищ, относятся ко времени Августа. Расчищена на большом протяжении стена Дионисия I, на берегу Эпипалея, к северо-востоку от дороги из Катании.

В Мегарах Гиблейских[38] выявлены новые участки эллинистической оборонительной стены; изучение ее фундаментов и жилищ, построенных на ее развалинах, позволило установить, что стена датируется второй половиной III в. до н. э. Прослежена на 50 *м* улица, идущая от центральных ворот вдоль западной стены к открытой площади, очевидно, агоре. Здесь обнаружены фундаменты открытого к югу портика, длиной 45 *м*, шириной 8 *м*.

---

[35] Van Buren. Ук. соч., стр. 423.
[36] Там же, стр. 424.
[37] Там же.
[38] Там же, стр. 425.

В Катане[39] обнаружена позднеримская подземная погребальная камера; в трех стенах ее устроены ниши, в которых in situ найдены погребальные урны, с четвертой стороны находилась лестница.

В Геле[40] открыты греческие общественные бани конца IV в. до н. э.— единственные, известные до сих пор в Сицилии (рис. 9). Ванны обычного греческого типа, сделанные из терракоты и штука, располагались двумя группами — в одной по кругу, радиально, в другой — двумя рядами, окруженными вымосткой из терракотовых плит. К востоку от помещения с ваннами находилось помещение с гипокаустом — горячая баня. Здание бань составляет часть жилого квартала в западной части Гелы, застроенного при Тимолеоне (339 г. до н. э.) и разрушенного в 282 г. до н. э.

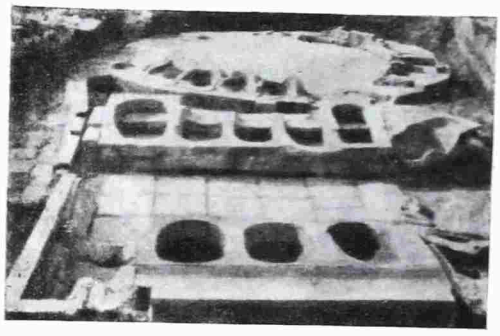

Рис. 9. Вид греческих бань IV в. до н. э. в Геле

На территории от Гелы в глубь острова открыт ряд ранних местных поселений, возникших в доисторическое время и воспринявших эллинскую культуру в VI—V вв. до н. э. В Фендо Нобиле, в 15 км к востоку от Гелы, найдены поселения первого сикульского периода; там же обнаружены остатки сельского святилища VI—V вв. до н. э., найдены местные и привозные терракоты и керамика.

В Селинунте[41] произведена реставрация храма «е» (так называемого храма Геры), второго по величине из селинунтских храмов, датирующегося 470—460 гг. до н. э. Храм этот, один из наиболее совершенных по пропорциям и богатых по скульптурному декору, был совершенно разрушен, и после раскопок XIX в., когда были найдены его знаменитые метопы, представлял собой груды развалин. При реставрации были использованы почти исключительно античные детали; в случае необходимости отдельные части дополнялись деталями, сделанными из растолченного местного камня. Восстановлен почти весь храм, за исключением восточной части целлы, крыши, фронтонов и скульптурного декора. В процессе реставрационных работ произведены исследования, позволившие определить время разрушения храма — не позже III в. до н. э., судя по тому, что в перистиле его обнаружен маленький дом, в котором найдены фрагменты греческой и пунической посуды этой даты.

В широком масштабе ведутся раскопки в Серра-Орландо[42]. Как предполагают, здесь находился древний город Моргантина[43]. Раскопки производились на акрополе, на агоре и в ряде других участков.

Акрополь города расположен на возвышенности в северо-восточной его части. На примыкающем к вершине плато обнаружены слои от VI в. до н. э. до римского времени. Наиболее значительны остатки ранних периодов. От эпохи архаики сохранились основания домов из булыжника, на которых находились стены из сырцовых кирпичей, укрепленные деревянными балками. Дома располагались по прямоугольной сетке улиц. Найдено много фрагментов расписных архитектурных терракот и черепицы; антефиксы с горгонейонами, местного производства, третьей четверти VI в. до н. э. Интересен антефикс с женской головой (около 570 г. до н. э.), ионийский по стилю. Возможно, что они принадлежали какому-то храму. Среди найденной в архаическом слое керамики есть как импортная (аттическая и позднекоринфская), так и местная (сикульская, с матовой росписью), и местное подражание аттическому импорту. Это раннее поселение было уничтожено пожаром, который исследователи связывают с разрушением Моргантины сикулами в 459 г. до н. э. Жизнь в городе возрождается в начале IV в. до н. э., при Дионисии Сиракузском. На акрополе обнаружены дома этого времени, большие, с несколькими помещениями, располагавшимися по сторонам внутреннего двора. Стены по-прежнему сооружались из сырца на каменном основании.

На северном склоне акрополя исследовались оборонительные стены, перекрывавшие остатки домов первой половины VI в. до н. э.; стены, следовательно, датируются второй половиной VI или началом V в. до н. э. Они состоят из трех рядов грубо отесанных блоков, служивших основанием палисада или земляного вала. В этом участке под слоем архаических домов открыто поселение с догреческой сикульской керамикой X—VII вв. до н. э. Найден пол хижины с очагом и жерновом; под ним прослежен слой

---

[39] Van Buren. Ук. соч., стр. 425.

[40] Там же, стр. 425—426.

[41] J. B. Marconi. The Temple of Hera Rises again; a Major Work of Reconstruction at Selinunte. ILN, 1958, № 6208, стр. 914—915.

[42] E. Sjöqvist, Excavations at Serra Orlando (Morgantina), Preliminary Report, II. AJA, 1958, т. 62, № 2, стр. 155—164.

[43] K. Frim. Morgantina. AJA, 1958, т. 62, № 1, стр. 79—90. E. Sjöqvist. Morgantina Identified: a Greek Colony of the Sixth Century B. C. Excavated in the Interior of Sicily ILN, 1957, № 6179, стр. 788—791.

с еще более ранней керамикой (XII — XI вв. до н. э.), аналогичной керамике Липарских островов и впервые встречающейся в центре Сицилии.

Продолжались работы в районе агоры. Расчищена территория нижней агоры; здесь найдена ступенчатая платформа, размером 7,4 × 3,7 *м*; вероятно, это трибуна оратора, что подтверждает гипотезу об использовании нижней агоры как места публичных собраний. При исследовании территории между римским рынком на верхней агоре и ступенями, ведущими к нижней агоре, выявлены два алтаря и фундаменты небольшого храма в антах — первого открытого в Моргантине греческого храма, датирующегося началом IV в. до н. э.

Рис. 10. Терракотовая статуэтка жрицы из святилища Коры и Деметры в Моргантине

Исследование района между нижней агорой и так называемой виллой, обнаруженной в предшествующий сезон (теперь ее называют «домом дорических капителей»), открыло еще два дома, из которых один был подсобным помещением виллы, а другой, примыкающий к агоре, с перистилем, с трех сторон окруженным помещениями, являлся, вероятно, общественным зданием.

Интересный жилой комплекс со сложным планом открыт на Западном холме. Это сооружение, названное «домом тусканских капителей», имело атриум, с имплювием, находившимся не в центре, а у юго-западной стены, и перистильный дворик, центр которого, незамощенный, был засажен растениями. В ряде окружавших атриум комнат обнаружены мозаичные полы, найдены остатки росписей стен в инкрустационном стиле. В юго-восточной части дома было изолированное помещение с небольшим перистилем, где найдены две тусканские капители из известняка. В отчете бегло упомянуты найденные в юго-западном углу здания помещения для выжимания масла и вина, а также для размола зерна. Никаких более подробных сведений о них не сообщено, что характерно для современной буржуазной археологии, уделяющей подобным вопросам мало внимания. Дом этот возник во второй половине II в. до н. э. и существовал до середины I в. до н. э.

Исследовалось также святилище, расположенное на холме в 300 *м* к северо-западу от агоры Серра-Орландо, за городской стеной. Небольшой квадратный дворик, являющийся древнейшей частью святилища, имел алтарь в виде колонны, сложенной из камней, покрытой штуком и расписанной желтой и красной красками; помещение это было крытое. К нему примыкает более поздний открытый двор, с аналогичным, но бо́льшим по размеру алтарем-колонкой. Соединение закрытого и открытого святилищ и характер находок позволяют определить его как святилище Деметры и Коры, далеко не единственное в Сицилии. Находки многочисленны, особенно из святилища Коры; это главным образом вотивные терракоты. Выделяется голова богини работы конца V в. до н. э., размером в половину натуральной величины; другая голова Коры, того же размера, найдена в цистерне, расположенной на границе обоих дворов. Большая часть находок датируется IV в. до н. э. Выделяется женский бюст, почти натурального размера, на котором сохранилось несколько слоев росписи, и статуэтка жрицы с вытянутой для возлияния рукой, высотой в 0,62 *м* (рис. 10). Возникновение малого святилища относится к третьей четверти IV в. до н. э., большого — на полстолетия позже. Погибло святилище в конце II в. до н. э.

В Серра-Орландо раскопано еще несколько гробниц некрополя, расположенного на крутом северном склоне вершины акрополя. Гробницы высечены в скале, в стенах их устроены ниши или лежанки, на которых помещались тела покойников. Самая южная гробница, неограбленная, дала большое количество разнообразной керамики, привозной и местной, серебряных украшений и пр. Дата ее — 530—500 гг. до н. э.

В заключение обзора археологических работ в Италии следует упомянуть об открытии в результате подводных исследований у берегов о. Спаржи римского корабля, хорошо сохранившегося, датирующегося около 100 г. до н. э.

III. АНГЛИЯ

С 1955 г. возобновлены раскопки Верулама́я[44], крупного центра доримской и римской Британии. Раскопан значительный участок территории, пересекающей римский город на всем его протяжении. Частично выявлен форум, окруженный лавками

[44] S. S. Frere. Roman and Pre-Roman St. Albans: Verulamium Excavations. ILN, 1957, № 6137, стр. 106—108; Verulamium Excavations Appeal Found. Archaeol. News Letter, 1958, т. VI, № 6, стр. 152.

торговцев (часть его, находящаяся под современными постройками, недоступна раскопкам), и прослежена древняя мощеная улица, неоднократно подвергавшаяся починкам, так что уровень ее вымостки поднялся к позднеримскому времени на 2 *м* по сравнению с первоначальным. Открыты термы римского времени, занимавшие целый квартал. Важным открытием явилось обнаружение в одном из раскопанных домов целых пластов упавшей со стен штукатурки с хорошо сохранившейся росписью. Изучались также городские укрепления; установлено, что земляной вал раннеримского времени был разрушен в I в. н. э., очевидно, Боудикой; следы этого разрушения наблюдаются в различных частях города. Позже была воздвигнута каменная оборонительная стена. Краткая заметка[45] сообщает о находке в Веруламии в 1958 г. прекрасной мозаики с орнаментальными и растительными узорами.

Н. А. Сидорова

[45] ILN, 1958, № 6219, стр. 252.

Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. 1. Древний Ростов. Под редакцией В. В. Косточкина. Ярославль, 1958, 116 стр. Тираж 2000. Цена 12 руб.

В послевоенные годы в наиболее крупных центрах нашей страны, где сосредоточены выдающиеся произведения национальной архитектуры прошлого, были организованы реставрационные мастерские. Они развернули увлекательную, но трудную работу по восстановлению зданий, как пользующихся широкой известностью, так и незаслуженно обойденных нашими исследователями. Реставрационные работы затруднялись в ряде случаев тем, что, несмотря на существование специального органа — Главного управления по охране памятников, а ныне Научно-Методического совета по охране памятников культуры при Академии наук СССР,— теоретические и методические вопросы реставрационной практики до сих пор не служили объектом серьезного обсуждения как в печати, так и на специальных конференциях, созываемых от случая к случаю то отдельными реставрационными мастерскими, то тем же Методическим советом. Вместе с тем ряд архитекторов, занятых в области архитектурной реставрации, на основе своего опыта разработали определенные принципы реставрации. Естественно, что обмен мнениями в этой области, ознакомление с методикой реставрационных работ, с произведенными открытиями являются совершенно необходимыми для дальнейшего плодотворного развития советской архитектурной реставрации. Поэтому выход в свет специального сборника Ярославской реставрационной мастерской, посвященного реставрации «митрополии» древнего Ростова, пострадавшей в ураган 1953 г., нельзя не приветствовать. Несомненные достоинства сборника заключаются не только в развернутом показе того, что сделано в области архитектурной реставрации в Ростове за последние годы, но и в опубликовании ряда ценнейших архитектурных данных, позволяющих внести серьезные уточнения в историю русского каменного зодчества.

Сборник открывается статьей Н. Н. Воронина, посвященной его археологическим исследованиям древнейших памятников Ростова. Появление археологической статьи Н. Н. Воронина в сборнике, посвященном архитектурной реставрации,— глубоко знаменательное явление. Участие археолога в реставрационных работах становится совершенно необходимым. Следует также подчеркнуть, что это участие не может ограничиться исследованием частей зданий, лежащих ниже уровня земли. Археологам придется помочь реставраторам в изучении наземных частей многих сооружений.

В статье Н. Н. Воронина центральное место отведено (что вполне закономерно) Успенскому собору. Автор со свойственной ему тщательностью проследил многовековую историю жизни этого здания на всех этапах (XII—XIII, XV, XVI вв.). Благодаря раскопкам внутри собора он установил последовательность и особенности этих этапов. Н. Н. Воронин не ограничился исследованием остатков прежнего храма, находящихся под землей; он обратил внимание и на сохранившееся здание. Сопоставляя ростовский собор с аналогичными памятниками как начала, так и конца XVI в., он предложил новую датировку, связанную с превращением ростовской епископии в митрополию (после 1587 г.). При всей краткости изложения доводы автора в пользу этой даты выглядят вполне убедительно, хотя объяснение форм этого монументального сооружения вряд ли возможно принять. Ретроспективные тенденции, сказавшиеся в строительстве крупных соборов второй половины XVI в., нельзя связывать с «надвигавшимся кризисом Крестьянской войны» (стр. 19) начала XVII в. Это и не соответствует действительности, и слишком прямолинейно. Причиной появления подобных зданий следует считать развитие идейных представлений самодержавия и церкви в условиях экономического кризиса 70—80 годов XVI в. и политических событий этого времени.

Разделы статьи, посвященные другим обнаруженным остаткам ряда зданий (церкви Бориса и Глеба XIII в., палатам XVI в. и др.) дополняют наши представления о памятниках древнего Ростова.

В работе отдельных реставрационных мастерских за последние годы принимают участие и историки искусства. Они трудятся в архивах, собирая документы и разрозненные известия по истории реставрируемых памятников; им обычно поручается составление «исторической записки», предваряющей отчет архитектора-реставратора.

Интереснейшая статья Э. Д. Добровольской посвящена мастерам, работавшим по созданию Ростовской митрополии. Правда, Э. Д. Добровольская обнаружила документы, относящиеся лишь ко времени 90-х годов XVII в., когда основная часть ростовского «кремля» была уже построена (70—80-е годы XVII в.). Однако автор вполне справедливо предполагает, что «домовые каменных дел мастера» Степан Леонтьев, Гавриил Харитонов, Гавриил Савостьянов и другие, трудившиеся при митрополите Иоасафе Лазаревиче, преемнике Ионы Сысоевича, могли быть зодчими прославленных сооружений, созданных по заказу этого митрополита, буквально одержимого «манией строительства». Сопровождающий статью список мастеров, известных по документам 1691—1704 гг., вводит в историю нашего зодчества ряд новых имен не только ведущих мастеров, но и рядовых исполнителей. Все сообщаемое Э. Д. Добровольской о строительстве конца XVII в. настолько интересно, что разделы ее работы, посвященные истории памятников Ростова в XVIII и XIX вв., отходят на второй план. Но и эти последние данные, как и обнаруженные ею чертежи, не менее существенны, чем все предыдущие. Ведь именно этот материал дал возможность восстановить покрытие ростовских башен и другие архитектурные детали зданий митрополии.

Нельзя не пожалеть, что Э. Д. Добровольская не остановилась на специфических особенностях архитектурного «почерка» ростовских мастеров. Ведь, по-видимому, ими же было осуществлено по заказу митрополита Ионы огромное по тому времени строительство в ростовской епархии. Сооруженные здания обладали рядом общих черт, отличавших их от зданий того времени, построенных и в Москве, и в Каргополе, и на Волге — в Ярославле, Костроме и других городах. Задачу автора нельзя было ограничивать лишь изложением сообщаемых ею фактов, как бы интересны и новы они ни были. Необходимо было охарактеризовать «ионинскую» архитектуру, в особенности Ростовскую митрополию, ее специфические особенности, определив и ее место в истории русского зодчества. Это было бы тем более важно, что она возникла как самостоятельное явление в интереснейшую эпоху рождения новых архитектурных форм, известных под именем «московского барокко».

В трех последующих статьях сборника рассматривается ряд реставрационных работ, связанных с восстановлением отдельных элементов ростовской митрополии. Так, В. С. Баниге посвящает свою статью покрытиям ростовских памятников XVI—XVII вв. Б. В. Гнедовский рассматривает реставрацию ростовских башен, В. В. Насонов делится своими наблюдениями в области форм маковиц (куполов) ростовских храмов.

Произведенные исследователями открытия имеют немаловажное значение как для восстановительных работ по Ростову, так и для истории древнерусского зодчества. Здесь следует отметить пофронтонное покрытие кокошников «ионинских» храмов Ростова — прием, впервые подмеченный В. С. Баниге. Не менее интересны кубоватые покрытия ростовских башен, восстановленных Б. В. Гнедовским по обнаруженным чертежам XVIII в. Исследование форм маковиц В. В. Насоновым вносит новое в нашу науку.

Однако как бы ни были интересны и новы открытия, обычно сопутствующие работе реставратора, и сама его работа по восстановлению тех или иных архитектурных форм, все же ими ограничиваться нельзя. Ведь часто в результате работы реставратора восстановленное им зданче вносит серьезные коррективы в наши представления о развитии и истории отечественной архитектуры. Реставратор обязан найти должное место памятника в истории зодчества, объяснить появление тех или иных форм в зависимости от исторических условий. К сожалению, это не сделано в названных выше статьях.

Статья В. Г. Брюсовой, посвященная реставрации фресок Ростова, знакомит читателя с техникой их восстановления, а также достаточно подробно излагает историю их искажений.

Сборник завершает сообщение Н. Б. Щапова, рисующее увлекательную картину дальнейших реставрационных работ в Ростове. Нельзя не отметить редакционную работу В. В. Косточкина, придавшего сборнику определенную цельность. Вместе с тем хотелось бы, чтобы наряду с архивными чертежами, рисунками реконструкций и т. д. публиковались современные точные обмерные чертежи — планы, разрезы, фасады. В рецензируемом сборнике помещен лишь план и фасад Успенского собора, в то время как остальные памятники лишены этого ценного графического материала. Следовало бы дать и современный генеральный план митрополии, так как чертеж 1793 г. при всей своей ценности все же неточен.

Сделанные замечания не умаляют большое положительное значение работы авторов сборника, не только сумевших опередить своих столичных собратьев по искусству, но и приступивших к систематической публикации реставрируемых ими памятников архитектуры. Следует пожелать, чтобы опыт Ярославской реставрационной мастерской был подхвачен другими мастерскими и они также начали бы издавать все то важное и интересное, что сделано ими за последние годы.

М. А. Ильин

Н. А. ВИНБЕРГ, Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА за 1957 г.

I. Общий отдел

1. Сводные труды и общие вопросы археологии

1. Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957. 224 стр. с 30 ил. (АН СССР, ИИМК. Научно-попул. серия). Библиогр.: стр. 213—222.
   Рец.: Бахта В. М.— СЭ, 1958, № 4, стр. 145—148.
2. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. 2-е испр. и доп. изд. М., 1957. 240 стр. с 49 ил. (АН СССР. Научно-попул. серия). Библиогр.: 31 назв.
3. Нариси стародавньої історії України РСР [Ред. колегія С. М. Бібіков (відп. ред.) и др.]. Київ, 1957. 632 стр. с ил.; 20 л. ил.; 9 л. карт. (АН УРСР. Ин-т археології). Библиогр.: «Основна література», стр. 598—610. Доп. тит. л. на русск. яз.
   От эпохи палеолита до времени Киевской Руси.
4. Семенов С. А. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) М.— Л., 1957, 240 стр. с 92 ил.; 14 л. ил. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 54).
   Рец.: Гурьев Д. — ВИМК, 1958, № 3, стр. 225—230.
5. Шовкопляс І. Г. Археологічні дослідження на Україні. (1917—1957). Огляд вивчення археологічних пам'яток. Київ, 1957, 424 стр. с илл. (АН УРСР, Ін-т археології). Прил.: «Бібліографія з археології України» (1917—1957), стр. 319—410 (3045 назв.).
   Рец.: 1. Бондар М. М.— ВАН УРСР, 1958, № 5, стр. 77—80; 2. Брайчевський М. Ю.— Укр. іст. журнал, 1958, № 2, стр. 144—148.

---

6. Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. Что такое археология? М., Учпедгиз 1957. 188 стр. с ил. Библиогр.: 18 назв.
7. Бадер О. Н., Брюсов А. Я., Киселев С. В. и Формозов А. А. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества (По поводу статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» [ВФ, 1955, № 5]).— СА, 1957, № 1, стр. 256—260.
8. Брюсов А. Я. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы.— СА, XXVII, 1957, стр. 5—13.
9. Брюсов А. Я. К вопросу о теории диффузии.— СА, 1957, № 1, стр. 7—12.
10. Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе.— СА, XXVII, 1957, стр. 14—28.
11. Волянский Н. Некоторые проблемы механизма и факторов эволюции человека (Доклад на заседании Моск. общества испытателей природы 26 декабря 1956 г.).— СЭ, 1957, № 6, стр. 3—8.
12. Громов В. И. Стратиграфическая схема четвертичных отложений СССР и ее сопоставление с зарубежными схемами.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода. 16—17 мая 1957 г. 1. Пленарные заседания. 2. Общие вопросы. М., 1957, стр. 5; 1 л. ил.
13. Дебец Г. Ф. Находки палеолитического и мезолитического человека в СССР.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 5—7.
14. Ефименко П. П. По поводу статьи А. А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации». [СА, 1957, № 1].— СА, 1957, № 1, стр. 22—25.
15. Зворыкин А. А. История горной техники. (Основные моменты развития от древних времен до наших дней). Вып. I. М., 1957. 92 стр. (Моск. горный ин-т).
16. Иванов С. В. Некоторые вопросы первобытного искусства в освещении Г. В. Плеханова. [Доклад на заседании учен. совета Ин-та этнографии АН СССР, посвящ. 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова].— СЭ, 1957, № 1, стр. 17—24.

17. Мерперт Н. Я. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы. В связи с трудами В. Милойчича.— СА, 1957, № 1, стр. 260—268; 1 разв. л. табл.
18. Нестурх М. Ф. Типы локомоции у обезьян и прямохождение у человека в связи с антропогенезом.— Сов. антропология, т. 1, 1957, № 2, стр. 159—169. Библиогр.: 14 назв.
19. Плисецкий М. С. Еще раз о так называемых неандертальских погребениях.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 1, стр. 47—53. Библиогр.: стр. 53.
20. Поршнев Б. Ф. Еще к вопросу о становлении человека.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 2, стр. 255—262. Библиогр.: 7 назв.
21. Рогинский Я. Я. Об этапах и темпах эволюции гоминид.— СЭ, 1957, № 6, стр. 9—18.
22. Семенов С. А. Техника обработки кости в палеолите.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 366—373.
23. Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии.— СА, 1957, № 3, стр. 20—30.
24. Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 11—15.
25. Формозов А. А. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 1957, № 4, стр. 66—74.
26. Формозов А. А. О времени и исторических условиях сложения племенной организации.— СА, 1957, № 1, стр. 13—21 с 1 карт.

    Отзыв П. П. Ефименко см. № 14.
27. Хайтун Д. Е. Проблема тотемизма в освещении современной науки. Автореферат дис. на соискание учен. степени доктора ист. наук. М., 1957, 29 с. (АН СССР. Ин-т этнографии).
28. Якимов В. П. Неандертальская проблема в трудах советских антропологов.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 2, стр. 147—157. Библиогр.: стр. 155—157.

2. Организация археологической науки в СССР

А. Итоги и задачи археологии. Работа научных учреждений и музеев. Преподавание археологии. История археологии

29. Абрамзон С. М. Научная сессия по этногенезу киргизского народа. [Фрунзе. Ноябрь 1956 г.].— СЭ, 1957, № 1, стр. 151—157.
30. Авдиев В. И. Изучение истории древнего Востока в Советском Союзе (1917—1957 гг.) — ВДИ, 1957, № 3, стр. 13—27.

    Стр. 13—18: Об археологических исследованиях древневосточных цивилизаций Кавказа и Средней Азии.
31. Авдусин Д. А. Методические указания по курсу «Основы археологии». Для студентов-заочников I курса ист. фак. гос. ун-тов. М., 1957. 12 стр. (М-во высш. образования СССР. Научно-метод. кабинет по заочн. обучению при Моск. гос. ун-те). Библиогр.: 8 назв.
32. Артемов Н. Е. Первобытно-общинный строй на территории СССР [Лекция по теме курса «История СССР» для студентов-заочников и самообразования]. М., «Советская Россия», 1957. 30 стр.
33. Археологические пленумы и конференции 1956 г.— СА, 1957, № 1, стр. 291—300.
34. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. (Заметки с мест).— СА, 1957, № 4, стр. 278—298.
35. Астахов С. и Черных Е. II студенческая археологическая конференция [Москва. Март 1957 г.].— СА, 1957, № 3, стр. 321—322.
36. Бібіков С. М. Деякі вузлові питання археологічної науки на Україні.— ВАН УРСР, 1957, № 6, стр. 3—12.
37. Бібіков С. М. Сорокаріччя археологічної науки на Україні.— В сб.: Розвиток науки в Українській РСР за 40 років. Київ, 1957, стр. 105—123.
38. Воробьев Н. И. и Бусыгин Е. П. Конференция по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья [Казань. Декабрь 1956 г.].— СЭ, 1957, № 2, стр. 164—168.
39. Воробьева М. Г. Совещание по археологии и этнографии Средней Азии [Сталинабад. Окт.— ноябрь 1956 г.].— СА, 1957, № 3, стр. 318—321.
40. Воронин Н. Н. О местных музеях и краеведении.— СА, 1957, № 3, стр. 265—270.
41. Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.).— В сб.: История музейного дела в СССР. М., 1957, стр. 7—36.

42. Голубева Л. А. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. [Киев. Май 1957 г.].— СА, 1957, № 4, стр. 274—277.
43. Грач А. Д. Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1956 года. [Москва. 25—30 марта 1957 г.].— СЭ, 1957, № 4, стр. 148—153.
44. Гремяцкий М. А. Сорок лет советской антропологии.— Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, т. 34. М.— Л., 1957, № 5, стр. 8—18.
45. Гріневич К. Е. Досягнення радянських учених у дослідженні античних міст Північного Причерномор'я.— УЗ ХаркДУ, т. 89. Труди іст. фак., т. 6, 1957, стр. 415—431.
46. Дебец Г. Ф. Сорок лет советской антропологии.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 1, стр. 7—30. Библиогр.: стр. 26—30.
47. Деопик В. и Полубояринова М. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР [Москва. 25—30 апр. 1957 г.].— СА, 1957, № 3, стр. 323—327.
48. Жданко Т. А. и Итина М. А. Второе Среднеазиатское совещание археологов и этнографов [Сталинабад. Окт.— ноябрь 1956 г.].— СЭ, 1957, № 2, стр. 146—162.— Резолюция совещания — стр. 162—164.
49. Загорский Государственный Историко-художественный музей-заповедник. Путеводитель. [Под редакцией Н. А. Маясовой]. М., «Советская Россия», 1957. 103 стр. с ил. На обороте тит. л. сост.: Н. А. Маясова, Т. В. Николаева, И. И. Бурейченко, О. Н. Есипова, О. В. Круглова.
50. Золотаревская И. А. Работа Института этнографии АН СССР в 1956 году.— СЭ, 1957, № 3, стр. 168—171.
Стр. 169: Об археологических работах Института.
51. Золотаревская И. А. и Окладников А. П. 32-й Международный конгресс американистов [Копенгаген. Август 1956 г.].— СЭ, 1957, № 1, стр. 157—159.
52. Зяблин Л. П. Сессия, посвященная этногенезу киргизов [Фрунзе. Ноябрь 1956 г.].— СА, 1957, № 2, стр. 309—310.
53. Исакова Ш. Г. К вопросу связи археологических материалов экспозиции с материалами этнографии Азербайджана XIX—XX вв.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 124—133 с 14 ил.
54. Историко-краеведческий музей Карельской АССР. Краткий путеводитель. Петрозаводск, Гос. изд. Карел. АССР, 1957. 51 стр. с 13 ил. (М-во культуры Карел. АССР).
55. Казиев М. А. Научные основы и задачи экспозиции Музея истории Азербайджана с древнейших времен до X в.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 9—18. На азербайдж. и русск. яз.
56. Київський державний заповідник-музей «Києво-Печерська лавра». Короткий путівник. Київ, Держ. вид. образотворчого мистецтва і музичної літератури, 1957. 77 стр. с ил. (М-во культури УРСР). На обор. тит. л. сост.: В. Г. Дьомін, В. М. Крикотун, М. З. Петренко, В. А. Шиденко.
57. Киселев С. В. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет.— СА, 1957, № 4, стр. 28—43.
58. Контрольні роботи з археології. Для студентів-заочників іст. фак. пед. ін-ту. Київ, 1957. 10 стр. (М-во освіти УРСР. Упр. підготовки вчителів). На обороте тит. л. авт.: Т. М. Никольська.
59. Контрольные работы по археологии. Для студентов-заочников I курса ист. фак. пед. ин-та. Ташкент, 1957. 12 стр. (М-во просвещения УзССР. Респ. научно-метод. кабинет по заочн. обучению). На узбекск. яз.
60. Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья [Казань. Декабрь 1956 г.].— СА, 1957, № 2, стр. 310—312. Подпись: Г. Ф.
61. Крайнов Д. А. Археология и краеведение.— СА, 1957, № 3, стр. 270—275.
Об организации краеведческой работы по изучению археологических памятников.
62. Краснов Ю. А. и Краснов Н. А. Историко-культурные памятники Звенигородского района. (Краткий путеводитель). Звенигород, 1957. 61 стр.; 27 л. ил. (Звенигор. ист.-краевед. музей).
63. Крупнов Е. И. Археологическое изучение Кавказа. (Конференция в Ереване [22—28 октября 1956 г.]).— ВАН СССР, 1957, № 1, стр. 114—115.
64. Крупнов Е. И. Заключительное слово [на заседании Секции археологии Объедин. научн. сессии АН СССР и академий наук Закавказских республик по обществ. наукам]— Труды объедин. науч. сессии АН СССР и академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апреля 1954 г.). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 394—399.
65. Крылова В. И. В фондах Угличского краеведческого музея.— В сб.: Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья, вып. I. Углич, 1957, стр. 33—35.
66. Левин М. Г. и Рогинский Я. Я. Советская антропология к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— СЭ, 1957, № 5, стр. 56—71.

67. Лисицына Н. К. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г.— СА, 1957, № 2, стр. 312—319.
68. Литвинский Б. А. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. (Страница истории археол. изучения Средней Азии).— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 157—167. Резюме на таджикск. яз.
69. Мартиросян А. А. Научная конференция ИИМК АН СССР и Ин-та истории АН АрмССР, посвященная археологии Кавказа. [Ереван. 22—28 октября 1956 г.] — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 1, стр. 107—126.
70. Монгайт А. Л. Работы советских археологов [за 40 лет].— ВИМК, 1957, № 5, стр. 69—91 с 2 карт.; 1 л. ил. Резюме на англ. яз.
71. Москаленко А. Н. Сорок лет советской археологии.— ТВоронГУ, 1957, [ненум. вып.]. Тезисы докладов научн. конференции, посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 90—92.
72. Научная сессия музея, посвященная экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века [9—10 марта 1956 г.].— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 166—180. На азербайдж. и русск. яз.
73. Никитин А. В. Археолого-этнографические исследования в 1956 году.— ВИ, 1957, № 6, стр. 205—208.
74. Окладников А. П. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет.— СА, 1957, № 4, стр. 12—27.
75. Основы археологии. [Программа для ист. фак. пед. ин-тов], Ташкент, 1957. 16 стр. (М-во просвещения УзССР. Отд. пед. вузов и училищ. Программы пед. ин-тов). В вып. дан. авт.: Д. Б. Шелов. На узбекск. яз.
76. План курса «Основы археологии». Для студентов заочн. отд. ист. фак. ХГУ. Харьков, 1957, 8 стр. (М-во высш. образования УССР. Харьк. гос. ин-т. Заочн. отд.).
77. Покровский С. Н., Нусупбеков А. Н. и Шахматов В. Ф. Историческая наука в Казахстане в советский период.— В сб.: Наука в Казахстане за сорок лет Советской власти. Алма-Ата, 1957, стр. 369—391. Резюме на казахск. яз.

    Стр. 369—373: Об археологических работах в Казахстане.
78. Рикман Э. А. Десять лет археологических исследований в Молдавии. «Днестр», 1957, № 5, стр. 105—112 с 6 ил.
79. Рыбаков Б. А. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке.— СА, 1957, № 4, стр. 55—65.
80. Рыбаков Б. А. О корпусе археологических источников СССР. (Тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.). М., 1957. 8 стр. (АН СССР. ИИМК), Прил.: Тематика выпусков «Корпуса» (для обсуждения). Сост. секторами ИИМК АН СССР.
81. Семенов А. А. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 143—155. Резюме на таджикск. яз.
82. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвящ. результатам археологических и этнографических исследований (25—30 марта 1957 г.).— ВДИ, 1957, № 2, стр. 232—235. Подпись: Л. Е.
83. Совещание археологов и этнографов Средней Азии, 1-е. Москва, 1955. Резолюция Совещания.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 63—66.
84. Совещание по археологии и этнографии Средней Азии. [Сталинабад, 29 октября — 4 ноября 1956 г.].— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 185—189. Резюме на таджикск. яз.
85. Сорок лет советской археологии. [Передовая].— СА, 1957, № 4, стр. 3—11.
86. Сумбат-заде А. С. Развитие общественных наук в Азербайджанской ССР за годы Советской власти.— ИАН АзССР, 1957, № 10, стр. 77—110.
87. Тараканова С. А. и Терентьева Л. Н. Работа Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1956 году.— СЭ, 1957, № 4, стр. 156—163.
88. Тезисы докладов на сессии Отделения ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957. 71 стр. (АН СССР. Отд. ист. наук. ИИМК. Ин-т этнографии).
89. Утченко С. Л. История первобытного общества. Краткий конспект лекций (Пособие для заочников). М., 1957. 50 стр. (Моск. гос. ист.-архивный ин-т. Кафедра всеобщей истории).
90. Федоров Г. Б. и Бырня П. П. Итоги археологических исследований Академии наук СССР в 1956 г.— ВАН СССР, 1957, № 5, стр. 37—43.
91. Хануков А. и Соловьева Г. О наглядной пропаганде памятников культуры.— СА, 1957, № 3, стр. 275—278.
92. Харко Л. П. Из нумизматического архива.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 9—15.

    О рукописном каталоге древнегреческих монет, составленном К. К. Герцем в 60-х годах XIX в.
93. Чабров Г. Н. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана.— Звезда Востока, 1957, № 1, стр. 144—147.
94. Шовкопляс І. Г. Вивчення стародавнього кам'яного віку на Україні за роки радянської влади.— ВАН УРСР, 1957, № 12, стр. 51—61.

95. Шовкопляс І. Г. VIII наукова конференція Інституту археології АН УРСР [Киев. 21—24 февраля 1956 г.].— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 160—180.
96. Шрамко Б. А. Досягнення радянських археологів у вивченні племен Скіфії.— УЗ ХаркДУ, т. 89. Труди іст. фак., т. 6, 1957, стр. 433—444.

Б. Методика археологических исследований. Обработка археологических материалов. Охрана, консервация и реставрация памятников

97. Антейн А. Изучение структуры свойств и технологии производства железных и стальных изделий, найденных на городище Кенте.— Археология и этнография. Сборник статей, т. I. Рига, 1957, стр. 45—50 с 20 ил. На латышск. яз. Резюме на русск. яз.
97-а. Антейн А. Добыча и обработка черных металлов в древней Латвии.— Учен. записки Латв. гос. ун-та, т. 13, Техн. науки, вып. 4, 1957, стр. 177—202 с 35 ил. Библиогр.: 11 назв. На латышск. яз. Резюме на русск. яз.
98. Безбородов М. А. Материалы из раскопок стеклозавода XVII в. (Химико-технол. исследование).— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 146—147.
99. Горецкий Г. И. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья). Ч. 2.— БКИЧП, № 21, 1957, стр. 58—78 с 10 ил. Библиогр.: 11 назв.
100. Громов В. И. Спорные вопросы геологического определения возраста палеолитических стоянок.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода. 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 3—5.
101. Дебец Г. Ф. О стратиграфическом значении палеоантропологических материалов.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. 1. Пленарные заседания. 2. Общие вопросы. М., 1957, стр. 25—27.
102. Домбровский О. И. О реставраторской службе Инкерманской экспедиции.— В сб. История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 292—306 с 3 ил.
103. Кашкай М. А. и Селимханов И. Р. Исследование медно-мышьяковых предметов из раскопов Кюль-Тепе в Нахичеванской АССР.— ДАН АзССР, т. 13, 1957, № 4, стр. 449—454 с 1 ил. Библиогр.: 8 назв.
104. Каштанов Л. И., Патушинская А. А. и Байчорова Р. Я. Древние бронзы Китая.— Химическая наука и промышленность, т. 2. 1957, вып. 4, стр. 529—530. Библиогр.: 9 назв.
105. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917 гг.).— В сб.: История музейного дела в СССР. М., 1957, стр. 73—128.
106. Селимханов И. Р. О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР.— СА, 1957, № 3, стр. 105—113 с 1 ил.
107. Хамцов А. Реставрация сооружений Псковского кремля.— Архитектура СССР, 1957, № 1, стр. 49—53 с ил.
108. Шейнина Е. Г. Реставрация фрагмента стенной росписи из Афона.— СГЭ, 12, 1957, стр. 58—60 с 3 ил.
109. Шишкин В. А. Аэроразведка и аэросъемка в археологии Узбекистана.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 3, стр. 61—62.

В. Библиография

110. Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1953 год.—СА, XXVII, 1957, стр. 335—383 (691 назв.).
111. Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1955 г.— СА, 1957, № 4, стр. 234—273 (728 назв.).
112. Ельницкий Л. А. Из новейшей зарубежной литературы по археологии доримской Италии [Обзор].— СА, 1957, № 4, стр. 212—221.
113. Ельницкий Л. А. Новая зарубежная литература по истории Греции и Рима (Краткие аннотации).— ВДИ, 1957, № 2, стр 220—231. Подпись: Л. Е.
Заднепровский Ю. А. Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины. См. № 723.
114. Лунин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1955 г.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 3, стр. 65—72.
115. Лунин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1956 г.— ИАН УзССР, Серия обществ. наук, 1957, № 4, стр. 81—91.
116. Лурье С. Я. Обзор новейшей литературы по греческим надписям микенской эпохи.— ВДИ, 1957, № 3, стр. 196—213.
Шовкопляс І. Г. Бібліографія з археології України (1917—1957). См. № 5.

Г. Personalia

АРЕМБОВСКИЙ И. В.

117. Иосиф Вячеславович Аремовский. [1907—1954. Некролог].— БКИЧП, № 21, 1957, стр. 141—143. «Список научных работ И. В. Аремовского», 19 назв.

БЕЗСОНОВ С. В.

118. Максимов П. Н. С. В. Безсонов. [1885—1955. Некролог].— Архитектурное наследство, 8. М., 1957, стр. 187—188 с портр.

БЕРНШТАМ А. Н.

119. Александр Натанович Бернштам. [1910—1956. Некролог].— СА, 1957, № 1, стр. 289—290 с портр.

120. С. П. Толстов. Александр Натанович Бернштам. [1910—1956. Некролог].— СЭ, 1957, № 1, стр. 178—183 с портр. «Список печатных трудов А. Н. Бернштама», стр. 180—183.

БЕТГЕР Е. К.

121. Памяти Евгения Карловича Бетгера.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 3—11.

ВАСНЕЦОВ А. М.

122. Рабинович М. Г. А. М. Васнецов — археолог.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 7, М., 1957, стр. 43—50 с 1 ил.

ДИВАЕВ А. А.

123. Лунин Б. В. А. А. Диваев как археолог-краевед.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 1, стр. 73—77.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. В.

124. Лагодовская Е. Ф. А. В. Добровольский. [1885—1956. Некролог].— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 113—114 с портр.

ЗАСЫПКИН Б. Н.

125. Прибыткова А. М. Б. Н. Засыпкин. [1891—1955. Некролог.].— Архитектурное наследство; 8, М., 1957, стр. 189—190 с портр.

ИНОЗЕМЦЕВ Г. А.

126. Лунин Б. В. Георгий Александрович Иноземцев. [1902—1957. Некролог].— СА, 1957, № 2, стр. 320 с портр.

ЛУКИН А. Л.

127. Пачулия В. П. Неутомимый краевед-археолог. [К 75-летию со дня рождения и 50-летию обществ. и науч. деятельности А. Л. Лукина].— ТАбхазИЯЛИ, 28, 1957, стр. 535—536.

ЛЫКОШИН Н. С.

128. Указатель публикаций Н. С. Лыкошина с 1890 по 1922 г.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. III. Ист. науки, кн 25, 1957, стр. 196—230.
Стр. 200—201: «Археология и нумизматика».

МАНТЕЙФЕЛЬ Б. К.

129. Монгайт А. Л. Борис Константинович Мантейфель. [1896—1957. Некролог].— СА, 1957, № 4, стр. 301 с портр.

МАЦУЛЕВИЧ Л. А.

130. Юбилей Л. А. Мацулевича. [К 70-летию со дня рождения].— ВВ, т. 12, 1957, стр. 353—354. Подпись: Г. К.

ОРБЕЛИ И. А.

131. Власян Н. С., Манасерян А. С. и Бартикян М. А. Иосиф Абгарович Орбели. [Библиография трудов. Вступ. статья Б. Н. Аракелян]. Ереван, 1957. 77 стр. с портр. (АН АрмССР. Материалы к библиографии ученых СССР). Доп. тит. л. на арм. яз. Авторы указаны на обороте тит. л.

132. Чалоян В. Наш дорогой друг и учитель И. А. Орбели. [К 70-летию со дня рождения].— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 3, стр. 25—26.

133. Чествование академика И. А. Орбели. [70-летие со дня рождения].— ВАН СССР, 1957, № 5. стр. 97—98.

ПЛИСЕЦКИЙ М. С.

134. Нестурх М. Ф. Марк Соломонович Плисецкий [1891—1957. Некролог].— Сов. антропология, т. I, 1957, № 1, стр. 105—110 с портр. «Список трудов М. С. Плисецкого», стр. 108—110.

СУГРОБОВ Н. А,

135. Крупнов Е. И. Памяти Николая Андреевича Сугробова. (К пятнадцатилетию со дня смерти).— СА, 1957, № 4, стр 300 с портр.

ТОЛСТОВ С. П.

136. Лобачева Н. К юбилею С. П. Толстова. [50-летие со дня рождения].— СЭ, 1957, № 4, стр. 164—166 с портр.

137. Сергей Павлович Толстов. [К 50-летию со дня рождения и 30-летию научн. и обществ. деятельности].— СА, 1957, № 2, стр. 304—305.

II. Европейская часть СССР

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

138. Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция. (Работы 1953—1954 гг.).— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 49—71 с 6 ил. и 1 карт., 1 разв. л. карт.
Памятники от эпохи мезолита до XVII в.

139. Бобин В. В. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму.— Труды кафедр нормальной анатомии и гистологии с эмбриологией. (Крымск. гос. мед. ин-т). Симферополь, 1957, стр. 47—74; 16 л. ил.; 1 разв. л. табл. Библиогр: стр. 74.

140. Генинг В. Ф. Очерк работ Удмуртской археологической экспедиции в 1954 году.— Записки (Удм. научно-исслед. ин-т ист., этногр., лит. и языка), вып. 18. Ижевск, 1957, стр. 160—178.
Обследование разновременных памятников.

141. Заверняев Ф. М. Погар и его археологические памятники.— Брянский краевед. Сборник статей, I. Брянск, 1957, стр. 16—20.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

142. История Литовской ССР. С древнейших времен до 1861 года. Вильнюс, 1957. 447 стр. с ил. и карт.; 4 л. карт. (АН ЛитовскССР. Ин-т истории). На литовск. яз.
Разд. I. «Первобытно-общинный строй на территории Литовской ССР». Авт.: П. Куликаускас.

143. История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней). 2-е изд. Под ред. Г. И. Наана. Таллин, Эстонск. гос. изд., 1957. 651 стр. (АН ЭстонскССР. Ин-т истории). На эстонск. яз.
Гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР»; гл. 2. «Зарождение раннефеодальных отношений. Эстонские земли в составе древнерусского государства. (X—XII века)». Авт.: Х. А. Моора.

144. Калинин Н. Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года.— ИКазанФАНСССР. Серия гуманитарн. наук, 1957, № 2, стр. 201—204 с 1 карт.
Памятники от эпохи неолита до средневековья.

145. Каховский В. Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Под ред. А. П. Смирнова. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1957, 175 стр. с ил.; 1 л. карт. Библиогр.: 60 назв.

146. Лашук Л. П. Новые археологические находки на Вычегде и Печоре.— ИКомиФВГО, вып. 4, 1957, стр. 152—154.

147. Лунин Б. В. К изучению далекого прошлого Таганрога и прилегающих к нему местностей.— Краевед. записки (Таганрогск. краевед. музей), вып. I, 1957, стр. 89—101.

148. Милонов Н. П. Историко-археологические исследования на территории Рязанской области за годы Советской власти.— Юбилейная научная сессия (Рязан. гос. пед. ин-т, 1917—1957). Краткое содержание докладов. Рязань, 157, стр. 11.

149. Моора Х. А. К истории сложения балтийских племен.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 42—45.

150. Никитин Г. А. О древних памятниках на горе Крестовой у с. Пещерного и Чертовой Лестницы.—В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 330—334 с 4 ил.

151. Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск, Гос. изд. Карел. АССР, 1957, 431 с. с илл. и карт. (АН СССР. Карел. филиал. Ин-т языка, лит. и истории).
Стр. 7—39: гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Карелии». Авт.: Н. Н. Гурина. стр. 40—76; гл. 2. «Возникновение и развитие феодальных отношений в Карелии в XII—XV вв.» Авт.: В.Н. Бернадский и А. М. Линевский.

152. Поликарпович К. М. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 5—29. Библиогр.: стр. 28—29.

153. Поликарпович К. М. Стоянка Среднего Посожья. (Материалы обследования 1928 г.).— В сб. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 45—148 с 14 ил.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

154. Руделев В. Г. Историко-этнографические данные о жилище Рязанского края.— УЗ РязанГПИ, т. 16, 1957, стр. 161—187 с 9 ил.
История жилища прослеживается от эпохи неолита до XIX в.

155. Смирнов А. П. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа.— О происхождении чувашского народа. Сборник статей. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1957, стр. 5—27.

156. Смирнов А. П. Железный век Башкирии.— МИА, № 58, 1957, стр. 5—107 с 16 ил. и 2 карт. Прил.: Список археологических памятников в Башкирии и прилежащих районах, стр. 107—113 с 1 карт. Сост. И. А. Талицкая.
Памятники от эпохи поздней бронзы до позднего средневековья.

157. Смирнова Г. И. Работы Западно-Украинской экспедиции в 1954 году.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 101—108 с 3 ил.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
158. Шмидт Е. А. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг.— Сборник научных работ, посвящ. 25-летию Института (1930—1955 гг.), вып. I. Смоленск, 1957 (Смол. краевед. научно-исслед. ин-т), стр. 274—297 с 6 ил.; 2 л. ил.
159. Шовкопляс А. М. Керамические комплексы с горы Киселевки в Киеве.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 100—103 с 1 ил.
Керамика от позднетрипольского времени до средневековья.
Шовкопляс І. Г. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957). См. № 5.
160. Щепинский А. А. Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины в 1950 г.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 307—322 с 11 ил.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
161. Щепинский А. А. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 17—19 с 1 ил.
Памятники от эпохи неолита до раннего средневековья.

2. Эпоха палеолита и неолита

162. Абрамова З. А. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 71—77 с 2 ил.
163. Алпысбаев Х. А. Кремневый инвентарь позднепалеолитического поселения Костенки II.— ИАН КазССР. Серия ист., экономики, филос. и права, 1957, вып. 2(5), стр. 73—93 с 5 ил. Резюме на казахск. яз.
164. Бадер О. Н. Некоторые памятники палеолита и мезолита в Восточной части горного Крыма.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 7—25 с 8 ил.
165. Бадер О. Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 307—314 с 2 ил. Библиогр.: 18 назв.
166. Белановская Т. Д. Трипольское поселение Красноставка.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 31—39 с 3 ил.
Киевская обл.
167. Бибиков С. Н. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма.—БКИЧП, № 21, 1957, стр. 79—86. Библиогр.: 7 назв.
168. Болтенко М. Ф.. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 24—33 с 3 ил.
169. Борисковский П. И. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины.— МИА, № 59, стр. 174—190 с 5 ил.
170. Борисковский П. И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье.— Краевед. записки (Таганрогск. краевед. музей), вып. 1, 1957, стр. 137—145; 7 л. ил. и 1 л. карт.
171. Борисковский П. И. Некоторые палеолитические поселения Костенок (Костенки XVII, Костенки III) и их значение для периодизации позднего палеолита Русской равнины.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 10—11.
172. Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. 1.— СА, XXVII, 1957, стр. 29—70 с 21 ил. и 1 карт.
173. Борисковский П. И. Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной [1954 г.].— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 4—9 с 4 ил.
174. Брюсов А. Я. и Крайнов Д. А. Проблема северного мезолита.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 27—28.
175. Векилова Е. А. Мезолитическая стоянка Сюрень II. (Раскопки 1954—1955 гг.).— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 7—8.
176. Векилова Е. А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий.— МИА, № 59, 1957, стр. 235—323 с 37 ил. Библиогр.: стр. 322—323.
177. Величко А. А. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита.— ИАН СССР. Серия геогр., 1957, № 2, стр. 33—51 с 9 ил. Библиогр.: стр. 50—51 (47 назв.).
Памятники верхнего палеолита Европейской территории СССР.
178. Величко А. А. К палеогеографии эпохи верхнего палеолита по данным стоянок бассейна средней Десны и некоторых стоянок Сейма и Дона.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 17—18.

179. Величко А. А. О физико-географических условиях эпохи верхнего палеолита в бассейне средней Десны.— Тезисы докладов IV конференции молодых ученых Ин-та географии АН СССР. М., 1957, стр. 7—9.
180. Величко А. А. Палеогеография эпохи верхнего палеолита бассейна средней Десны. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата геогр. наук. М., 1957. 15 стр. (АН СССР. Ин-т географии).
181. Верещагин Н. К. и Колбутов А. Д. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя.— Труды Зоол. ин-та, т. 22, 1957, стр. 75—89 с 7 ил. Библиогр.: 8 назв.
182. Гурина Н. Н. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР.— СА, 1957, № 2, стр. 115—120 с 3 ил.
По материалам раскопок Печорской стоянки эпохи неолита.
183. Гурина Н. Н. Стратиграфические особенности неолитического поселения Усть-Рыбежно в связи с геологическими данными юго-восточного Приладожья.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 28—31.
184. Даниленко В. Н. Исследование неолитических памятников на Южном Буге.— В сб. Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 36—49 с 6 ил.; 1 л. ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
185. Есипенко А. Л. Раннетрипольское поселение Александровка (По материалам разведок и раскопок 1949—1951 гг.).— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 10—23 с 10 ил.
186. Ефименко П. П. О периодизации позднего палеолита Восточной Европы. В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 3—10. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
187. Ефименко П. П. и Борисковский П. И. Тельманское палеолитическое поселение (Раскопки 1937 г.).— МИА, № 59, 1957, стр. 191—234 с 19 ил.
188. Заверняев Ф. М. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 65—70 с 4 ил.
189. Заверняев Ф. М. Поселения мезолитического времени на Соже и Десне.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 63—64 с 2 ил.
Стоянка Подлужье Гомельской обл.
190. Иванова И. К. О геологических условиях нахождения палеолитических стоянок Среднего Поднестровья.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 25—27.
191. Колосов Ю. Г. Новые неолитические стоянки Крыма (По данным археол. разведок 1955 г.)— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 13—16 с 1 ил.
192. Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 2, стр. 189—210. Библиогр.: 6 назв.
193. Коробкова Г. Ф. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 59—62 с 3 ил.
194. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время (По материалам пещерной стоянки Таш-Аир I).— СА, 1957, № 2, стр. 3—25 с 2 ил.
По костным остаткам от эпохи мадлен до эпохи бронзы.
195. Крайнов Д. А. Стоянка Золоторучье № 1 (Результаты исследования 1955—1956 гг.).— XII научн. конференция (Яросл. гос. пед. ин-т). Тезисы докладов. Ярославль, 1957, стр. 37—38.
196. Крайнов Д. А. Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур юго-западного Крыма. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1957. 20 стр. (АН СССР. ИИМК).
197. Красковский В. И. Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 5—6 с 1 ил.
198. Лазуков Г. И. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района.— МИА, № 59, 1957, стр. 135—173 с 10 ил.
199. Лазуков Г. И. Относительный возраст стоянок и природные условия ориньяко-солютрейского времени в Костенковско-Боршевском районе.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 324—331 с 1 ил.
200. Лазуков Г. И. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе.— СА, 1957, № 3, стр. 84—104 с 4 схем.
201. Лазуков Г. И. Стратиграфия стоянок Костенковско-Боршевского района по геолого-геоморфологическим данным.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 16—17.
202. Месяц В. А. Следы новой позднепалеолитической стоянки в окрестности Овруча.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 3—4 с 1 ил.

Палеолит и неолит СССР. Т. 3. Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.— Л., 1957, 325 стр. с ил. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 59). См. №№ 169, 176, 187, 198, 209.

203. Пассек Т. С. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 78—93 с 8 ил.; 1 разв. л. план.
Раскопки позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы и дотрипольского поселения у с. Флорешты.

204. Пассек Т. С. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 24—27

205. Пидопличко И. Г. Ископаемые остатки животных из лёссовых отложений УССР.— Труды Ин-та геол. наук (АН УССР). Серия геоморф. и четверт. геологии, вып. I, 1957, стр. 80—88.

206. Пидопличко И. Г. и Шовкопляс И. Г. Исследование Мезинской палеолитической стоянки.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 20—23.

207. Поликарпович К. М. К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 30—44. Библиогр.: 17 назв.

208. Репман А. Х. Фигурный кремень с вышневолоцких неолитических стоянок.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 135—137 с 1 ил.

209. Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине — МИА, № 59, 1957, стр. 9—134 с 62 ил.

210. Рогачев А. Н. Об относительной древности верхнепалеолитических стоянок Средне-Русской возвышенности.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 11—15.

211. Руденко Г. С. О геологии Мезинской палеолитической стоянки.— НЗ КиївДУ, т. 16, вып. 14. Збірник геол. фак., № 7. Київ, 1957, стр. 21—28 с ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

212. Рудинский М. Я. Петроглифический комплекс Каменной Могилы.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 20—31 с 5 ил.

213. Савватеев Ю. А. Соломенские стоянки.— Сборник научных работ студентов Петрозаводск. гос. ун-та, вып. 4. Петрозаводск, 1957, стр. 5—12 с ил.
Стоянки III—I тысячелетия до н. э. Карельская АССР.

214. Столяр А. Д. Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 2, стр. 179—188.

215. Телегин Д. Я. Неолитические поселения лесостепного Левобережья и Полесья Украины.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 70—86 с 5 ил. и 1 карт. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

216. Телегін Д. Я. Нові дані про людину кам'яного віку на Україні.— ВАН УРСР, 1957, № 4, стр 51—54.

217. Телегин Д. Я. Третий Васильевский могильник.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 9—12 с 2 ил.

218. Формозов А. А. Исследование памятников каменного века Крыма в 1954 г.— БКИЧП, № 21, 1957, стр. 135—138. Библиогр.: 4 назв.

219. Формозов А. А. Новые данные о палеолитическом человеке из Староселья.— СЭ, 1957, № 2, стр. 124—130 с 2 ил.

220. Формозов А. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и их значение для стратиграфии палеолита СССР.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 19—20.

221. Цапенко М. М. Стратиграфия четвертичных (антропогеновых) отложений Белорусской ССР.— Научные сообщения Ин-та геологии и географии АН Литовск. ССР, т. 4, 1957, стр. 83—100 с 2 ил. Библиогр.: стр. 98—100.

222. Цветкова И. К. Волосовский клад. Под ред. А. Я. Брюсова. М., «Советская Россия», 1957. 20 стр. с 3 ил.; 13 л. ил. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры, вып. 23).

223. Черныш А. П. Изображение человека позднепалеолитического времени.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 133—134 с 2 ил.

224. Черныш А. П. Краткие итоги исследований позднего палеолита Среднего Поднестровья.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 315—323.

225. Черныш А. П. Многослойная стоянка Молодова 5.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 45—53 с 6 ил.

226. Черныш А. П. Основные итоги исследований позднего палеолита Поднестровья.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 23—25.

227. Черныш А. П. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 3—11.

228. Черныш Е. К. Культура линейно-ленточной керамики и триполье (по материалам Незвиско).— СГЭ, 11, 1957, стр. 37—40 с 2 ил.
229. Шовкопляс И. Г. Исследования Мезинской палеолитической стоянки в 1954—1956 гг.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 38—41.
230. Шовкопляс И. Г. Некоторые итоги исследования Мезинской позднепалеолитической стоянки в 1954 —1956 гг. (Предварит. сообщение).— СА, 1957, № 4, стр. 99—115 с 10 ил.; 2 л. ил.

Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. См. № 302.

231. Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовской стоянке в Костенках.— СМАЭ, т. 17, 1957, стр. 500—529 с 6 ил.; 1 л. ил.

3. Эпоха бронзы и раннего железа юга европейской территории СССР

232. Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 94—141 с 30 ил.
233. Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1957, 19 стр. (АН УССР. Отд. обществ. наук).
234. Березанская С. С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 28—35 с 2 ил.
235. Березанская С. С. Памятники периода средней бронзы на Десне и Сейме.— В сб.: Археология, т. 11, Київ, 1957, стр. 87—94 с 2 ил. и 1 карт.
236. Бобин В. В. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 54—60 с 5 ил.

Болтенко М. Ф. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. См. № 168.

237. Веселов В. В. Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменка, Глейки и Маяк.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 35—39 с 6 ил.
238. Вязьмитина М. И. Поселение у с. Золотая Балка.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 115—126 с 9 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

Поселение рубежа н. э. Херсонская обл.

239. Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр).— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 108—117 с 6 ил.
240. Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино III.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 40—45 с 3 ил.

Херсонская обл.

241. Домбровский О. И. Керамическая печь на скифском городище «Красное».— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 191—209 с 12 ил.
242. Дяденко В. Д. Сліди зрубної культури біля с. Річки, Сумської області — В сб. Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 154—155 с 1 ил.
243. Захарук Ю. Н. Новое поселение культуры шнуровой керамики на Волыни.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 38—39.
244. Захарук Ю. Н. Поселение культуры воронковидных сосудов на Волыни.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 97—100 с 2 ил.

Поселение Зимно.

245. Зиновьев М. К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 323—326 с 1 ил.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

246. Иерусалимская А. А. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа.— СГЭ, 12, 1957, стр. 45—47 с 4 ил.
247. Ильинская В. А. Новые данные о памятниках эпохи бронзы в левобережной лесостепи.— В сб.: Археологія, т. 10, Київ, 1957, стр. 50—64 с 4 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
248. Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века на левобережье Среднего Днепра.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 14—27 с 3 ил.
249. Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл.— СА, XXVII, 1957, стр. 232—249 с 7 ил.
250. Иноземцев Г. А. Археологические раскопки у станицы Верхне-Гниловской.— Краевед, записки (Таганрогск. краевед. музей), вып. I, 1957, стр. 103—114.

Раскопки могильника эпохи бронзы. Ростовская обл.

251. Каменецкий И. С. Нижне-Гниловское городище. (Раскопки 1954 и 1955 гг.).— Краевед. записки (Таганрогск. краевед. музей), вып. I, 1957, стр. 121—134; 6 л. ил. в отд. прил.

Эпоха поздней бронзы и I—IV вв. н. э. Ростовская обл.

252. Ковпаненко Г. Т. Поселения периода поздней бронзы и раннего железа в окрестностях Ахтырки.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 95—105 с 4 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Сумская обл.

253. Колосов Ю. Г. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 году.— ИКрымОГО, вып. 4, 1957, стр. 77—82 с 3 ил. Библиогр.: 4 назв.
Разведка: памятники эпохи бронзы и скифо-сарматского времени.

Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. См. № 194.

Крайнов Д. А. Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур юго-западного Крыма. См. № 196.

254. Крис Х. И. Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 40—46 с 3 ил.

255. Крис Х. И. Раннетаврское поселение в Инкермане (по раскопкам 1948 г.).— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 47—53 с 6 ил.

256. Латынин Б. А. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 3—13 с 2 ил.
По памятникам степной полосы Юга СССР.

257. Лесков А. М. Седьмой симферопольский курган.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 109—116 с 4 ил.
Рубеж III и II тысячелетий до н. э.

258. Максимов Е. К. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области.— СА, 1957, № 4, стр. 157—161 с 4 ил.

259. Манцевич А. П. Ритон Талаевского кургана.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 155—173 с 27 ил.
IV в. до н. э. Крымская обл.

260. Махно Є. В. Нові пам'ятки епохи бронзи в Київській та Сумській областях.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 141—145 с 4 ил.

261. Мовша Т. Г. Медные украшения из Киева.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 94—98.
Украшения эпохи ранней бронзы из Киевского ист. музея.

262. Нудельман А. А. и Рикман Э. А. Новые археологические находки в Молдавии.— СА, 1957, № 3, стр. 248—252 с 3 ил.
Клад бронзовых предметов периода поздней бронзы и золотые гривны IV—III вв. до н. э.

263. Патокова Э. Ф. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 34—40 с 2 ил.

264. Погребова Н. Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 142—154 с 6 ил.

265. Погребова Н. Н. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 67—68.
Первые века н. э. Херсонская обл.

266. Покровская Е. Ф. Курганы IV в. до н. э. у Холодного Яра вблизи м. Смелы.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 65—79 с 5 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

267. Покровська Є. Ф. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 148—153 с 4 ил.

268. Попова Т. Б. К вопросу о курильницах «северокавказского типа».— СА, 1957, № 1, стр. 161—177 с 10 ил. и 1 карт.

269. Припусков А. П. О зольных подстилках под основаниями скифских построек.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 327—329 с 1 ил.

270. Пятышева Н. В. Скифы и Херсонес.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 249—263 с 7 ил.

Рудинский М. Я. Петрографический комплекс Каменной Могилы. См. № 212.

271. Рудык Ф. Древнее поселение Викторовка I (VI—III вв. до н. э.).— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 63—66 с 2 ил.
Николаевская обл.

272. Свешніков І. К. Мегалітичні поховання на Західному Поділлі (Доповідь на засіданні наук-метод ради). Львів, 1957. 31 стр.; 1 л. ил.; 1 л. карт (Львів. держ. іст. музей).

273. Свешников И. К. Поселения раннескифского времени у с. Сухостав, Тернопольской области.— В сб.: Археологія, т. II, Київ, 1957, стр. 106—114 с 4 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

274. Синицын И. В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 32—35 с 2 ил.

275. Синицын М. С. Древнее поселение в Лузановке (По раскопкам 1929—30 и 1937—39 гг.).— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1857, стр. 67—78 с 1 ил
Поселение V в. до н. э.— II—III вв. н. э. Одесская обл.

Славін Л. М. і Бондар М. М. Розкопки Причерноморської археологічної експедиції Київського державного університету 1956 року. См. № 359.

276. Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.— СА, XXVII, 1957, стр. 209—221 с 4 ил.
277. Смирнов К. Ф. Проблема происхождения и территория ранних сарматов.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 54—57.
278. Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов.— СА, 1957, № 3, стр. 3—19 с 1 ил. и 2 карт.
280. Смирнова Г. И. Поселение культуры фракийского гальштата на Буковине.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 58—59 с 1 ил.
280. Смирнова Г. И. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 99—107 с 4 ил.
281. Смишко М. Ю. Погребения раннежелезного века в с. Могиляны, Ровенской области.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 54—57 с 2 ил.
282. Соколова К. Ф. Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 26—34 с 10 ил.
283. Соломоник Э. И. О некоторых памятниках Северного Причерноморья со знаками.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 102—110 с 4 ил. и 1 карт. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
284. Соломоник Э. И. О таврении скота в Северном Причерноморье. (По поводу некоторых загадочных знаков).— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 210—218 с 5 ил.
285. Таганова В. Сероглиняная посуда из Лузановского поселения.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 79—84 с 2 ил.

Керамика VI—IV вв. до н. э.

286. Тереножкин А. И. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 3—16 с 3 ил. и 1 карт.
287. Тереножкин А. И. Среднее Поднепровье в начале железного века.— СА, 1957, № 2, стр. 47—63 с 7 ил.
288. Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в центральном Крыму и на Керченском полуострове.— ИКрымОГО, вып. 4, 1957, стр. 67—76 с 11 ил. и 1 карт.
289. Троицкая Т. Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в [Крымском] областном краеведческом музее.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 174—190 с 13 ил.
290. Троицкая Т. Н. Погребение у села Белоглинки. (К вопросу о кизил-кобинской культуре предгорной и степной частей Центр. Крыма).— СА, XXVII, 1957, стр. 222—231 с 4 ил. и 1 карт.
291. Федоров Г. Б. Лукашевский могильник.— КСИИМК, вып 68, 1957, стр. 51—62 с 5 ил.

II—I вв. до н. э. Молдавская ССР.

292. Шапошникова О. Г. Поселение раннебронзового времени у села Волошского.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 94—96 с 1 ил.

Днепропетровская обл.

293. Шевченко А. И. Фауна поселения эпохи бронзы в с. Михайловке на нижнем Днепре.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 36—37.
294. Шовкопляс А. М. Керамический комплекс эпохи бронзы и раннеславянского времени с Юрьевой Горы в окрестностях Смелы.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 145—147 с 2 ил. На укр. яз.
295. Шрамко Б. А. Археологічні дослідження курганів раннього залізного віку в околицях м. Люботина.— УЗХаркДУ, т. 78. Труди іст. фак., т. 5, 1957, стр. 193—203.
296. Шрамко Б. А. Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 60—61.
297. Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 17—27 с 3 ил.
298. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке.— СА, 1957, № 1, стр. 178—198 с 10 ил.
299. Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.).— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 61—93 с 15 ил. и 1 карт.
300. Шульц П. Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 62—66 с 1 ил.
301. Щепинский А. А. Новые памятники кизил-кобинской культуры в Крыму.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 89—93 с 2 ил.
302. Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя.— СА, XXVII. 1957, стр. 178—192 с 8 ил.

303. Яровая Е. Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1, Одесса, 1957, стр. 55—62 с 3 ил.
Керамика XIII—VI вв. до н. э.

4. Античные города Северного Причерноморья

304. Бабков И. И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала. В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 282—291 с 2 ил.
305. Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг. (На терр. древнего города Патрэя).— УЗ ЯрославГПИ, вып. 22, 1957, стр. 309—382; 61 л. ил.
306. Белецкий А. А. О собственных именах из ольвийских надписей.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 21—34 с 2 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
307. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 238—248 с 8 ил.
308. Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1955 г.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 86—88.
309. Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея.— СА, 1957, № 2, стр. 247—250 с 4 ил.
310. Блаватский В. Д. Надпись на обломке фасосской амфоры.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 32—33; 1 л. ил.
Надпись из раскопок 1953 г. в Пантикапее.
311. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1934 г.— МИА, № 56, 1957, стр. 251—253 с 1 ил.
312. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1956 гг.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 50—53.
313. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, № 56, 1957, с. 5—95 с 39 ил. и 2 табл.
314. Блаватский В. Д. Четвертый год раскопок в Синдике. [Раскопки 1953 г.].— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 118—129 с 2 ил.
315. Бондарь Н. Н. Торговля Ольвии с греческими городами в эллинистическое время.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 35—44. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
316. Бураков А. В. Исследования Козырского городища.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 81—82.
II—III вв. н. э. Николаевская обл.
317. Веселов В. В. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове.— СА, 1957, № 3, стр. 252—254 с 1 схем.
318. Ветштейн Р. И. Раскопки на римской цитадели Ольвии.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 78—80 с 1 ил.
319. Голенко К. В. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе. (Предварит. сообщение).— СА, 1957, № 2, стр. 197—204; 1 л. ил.
320. Голенко К. В. Надчеканки на медных боспорских монетах III века н. э.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 43—49 с 1 ил.; 2 л. ил.
321. Горбунова К. С. Костяная пластинка с гравированным рисунком из VI Семибратнего кургана.— СГЭ, 11, 1957, стр. 46—47.
322. Граков Б. Н. Клеймо на амфоре VI века до н. э.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 16—18; 1 л. ил.
323. Гриневич К. Э. Новые данные о стенах Ольвии V—IV вв. до н. э.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 76—77.
324. Домбровский О. И. Раскопки античного театра в Херсонесе. В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 94—101 с 6 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
325. Зеест И. Б. Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945—1949 гг.).— МИА, № 56, 1957, стр. 139—159 с 7 ил.
326. Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 года.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 97—101 с 1 ил.
327. Зограф А. Н. Монеты Тиры. М., 1957, 131 стр.; 6 л. ил. (АН СССР. ИИМК).
Рец.: Карышковский П. О.— ВДИ, 1958, № 2, стр. 181—184.
328. Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 1957, № 2, стр. 138—146 с 1 ил.
329. Карышковский П. О. Из истории монетного дела и денежного обращения в Ольвии. I. «ΤΟ ΑΡΓΥΡΙΟΝ ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΙΚΟΝ» из надписи IOSPE, I², № 24.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 45—69; 2 л. ил. Библиогр.: 94 назв: На укр. яз. Резюме на русск. яз.
330. Карышковский П. О. Несколько неизданных монет античного Причерноморья.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 27—31; 1 л. ил.
331. Кубылина М. И. Фанагорийский склеп. [По материалу экспедиции 1955 г.].— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 143—146 с 2 ил.

332. Козыренко И. И. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 91—96 с 2 ил.
333. Коростовцев М. А. Древнеегипетские находки в СССР.— ВИМК, 1957, № 2, стр. 72—86. Резюме на англ. яз.
334. Кругликова И. Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, № 56, 1957, стр. 174—181 с 1 ил.
335. Кругликова И. Т. Исследование сельской территории европейского Боспора. (По материалам работ Вост. Крымского отряда Причерномор. экспедиции в 1953—1956 гг.).— СА, 1957, № 1, стр. 217—231 с 13 ил. и 1 карт.
336. Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское.— СА, 1957, № 2, стр. 253—257 с 2 ил.
337. Кругликова И. Т. Поселение Золотое Восточное.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 130—137 с 4 ил.
338. Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI—III вв. до н. э.— МИА, № 56, 1957, стр. 96—138 с 9 ил.
339. Кругликова И. Т. Сельские поселения европейского Боспора.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 83—85.
340. Крушкол Ю. С. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 году.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 61—69; 1 л. ил.
341. Крушкол Ю. С. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху.— ВДИ, 1957, № 4, стр. 110—115.
342. Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества. (К истории формирования культов античного полиса).— Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. I. М.—Л., 1957, стр. 222—231.
343. Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская.— СА, 1957, № 4, стр. 75—82 с 2 ил.; 1 л. ил.
344. Марченко И. Д. К вопросу о боспорских торговых судах.— СА, 1957, № 1, стр. 232—237 с 7 ил.
345. Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. (По данным археол. раскопок с 1945 по 1953 г.).— МИА, № 56, 1957, стр. 160—173 с 2 ил.
346. Михаловский К. и Гайдукевич В. Ф. Работы Советско-Польской экспедиции в Восточном Крыму.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 6—10.
347. Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952).— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 264—281 с 13 ил.
348. Нейхардт А. А. Древнегреческие ритуальные терракоты.— Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. I. М.—Л., 1957, стр. 465—478 с 10 ил.
349. Никулин В. К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 85—89 с 1 ил.

Пантикапей. [Сборник статей]. Отв. ред. И. Б. Зеест. М., 1957. 256 стр. с 77 ил. и 1 карт.; 2 л. ил. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 56).

См. №№ 311, 313, 325, 334, 338, 345, 367, 368, 371.

350. Парович М. Б. Про датування ольвійських монет з зображенням голови Тіхи.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 157—159.
351. Передольская А. А. О новых атрибуциях ваз «мастера из Эретрии».— СГЭ, 11, 1957, стр. 43—44 с 2 ил.
352. Передольская А. А. Художественно-историческое значение терракот из кургана Большая Близница.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 69—72 с 2 ил.
353. [Петровская Е. А.] Петровська Є. О. Потрійна свинцева герма з розкопок Ольвії 1955 р.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 154—156 с 1 ил.
354. Сальников А. Г. Литой дельфин из фондов Одесского государственного археологического музея.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 102—104 с 2 ил.
355. Скуднова В. М. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 73—75 с 1 ил.
356. Скуднова В. М. Обломки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани.— СГЭ, 12, 1957, стр. 48—49 с 3 ил.
357. Скуднова В. М. Фрагменты чернофигурных киликов Тлесона.— СГЭ, 11, 1957, стр. 45—46.
358. Скуднова В. М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани.— СА, 1957, № 4, стр. 128—139 с 10 ил.
359. Славін Л. М. і Бондар М. М. Розкопки Причерноморської археологічної експедиції Київського держ. університету 1956 року.— Науковий щорічник за 1956 рік. Київ, 1957 (Київ. держ. ун-т), стр. 123—125.

Поселения эпохи бронзы и античного времени.

360. Славін Л. М. Успіхи радянських вчених в розкопках Ольвії.— НЗКиївДУ, т. 16, вип. 12. Збірник іст.-філос. фак. I ст. відділ, 10, 1957, стр. 147—159. Резюме на русск. яз.
361. Сокольский Н. И. Валы в системе обороны европейского Боспора.— СА, XXVII, 1957, стр. 91—106.
362. Сокольский Н. И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове.— СА, 1957, № 1, стр. 244—246 с 3 ил.
363 Сокольский Н. И. О разработке истории античных государств Северного Причерноморья.— ВИ, 1957, № 4, стр. 186—189.
364. Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. Под ред. А. П. Смирнова. М., «Советская Россия», 1957. 64 стр. с 24 ил.; 11 л. ил. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры, вып. 26).
Рец.: Коровина А. К.— СА, 1959, № 1, стр. 316—318.
365. Стржелецкий С. Ф. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э.— СА, 1957, № 3, стр. 31—42 с 5 схем.
366. Фурманская А. И. Археологические памятники Тиры первых веков нашей эры.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 80—93 с 4 ил.; 1 л. ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
367. Цветаева Г. А. К вопросу о торговых связях Пантикапея. (По материалам привозной расписной керамики из раскопок Пантикапея 1945—1949 гг.).— МИА, № 56, 1957, стр. 182—201 с 8 ил.
368. Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, стр. 227—250 с 5 ил. и 1 карт.
369. Цехмистренко В. И. Два керченских сосуда с акварельной росписью.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 147—149 с 1 ил.
370. Шелов Д. Б Возникновение Феодосии.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 19—26.
371. Шелов Д. Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, № 56, 1957, стр. 202—226 с 7 ил.
372. Шелов Д. Б. Новые данные о древнем Танаисе.— Краевед. записки (Таганрог. краевед. музей), вып. 1, 1957, стр. 115—120; 7 л. ил. в отд. прил.

5. Эпоха бронзы и раннего железа северной и средней части европейской территории СССР

373. Артишевская Л. В. Разведка в верховьях Десны.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 84—89 с 2 ил. и 1 карт.
Городища V—IV вв. до н. э. Брянская обл.
374 Бадер О. Н. К изучению эпохи бронзы в Прикамье. (Верх-Савинское погребение).— УЗ МолотГУ, т. 10, вып. 3, 1957, стр. 165—182 с 10 ил.
375. Бадер О. Н. и Кадиков Б. Х. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом.— СА, 1957, № 3, стр. 136—158 с 10 ил. и 1 карт.
376. Збруева А. В. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры.— СА, 1957, № 2, стр. 26—46 с 6 табл. и 1 карт.
377. Куликаускас П. З. Новые находки в могильнике Курмайчяй.— ТАН Литов. ССР. Серия А, 1957, № 2, стр. 141—152 с 7 ил. на литовск. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники от середины I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э.
378. Левенок В. П. Городища юхновской культуры.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 49—53 с 2 ил.
379. Мельниковская О. Н. Древнейшие городища Южной Белоруссии.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28—39 с 5 ил.
V—IV вв. н. э.— II в. н. э.
380. Мельниковская О. Н. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск. 1957, стр. 149—154 с 2 ил.
381. Мельниковская О. Н. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 46—48 с 1 ил.
382. Мерперт Н. Я. Бронзовый век Поволжья.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 63—69.
383. Мерперт Н. Я. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957, 32 стр. (Гос. музей ТАССР).
Пронина И. Г. и Гарутт В. Е. Остатки животных из поселений III в. до н. э.— V в. н. э. на территории Минской области БССР. См. № 410.
384. Сальников К. В. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 83—88 с 3 ил.
385. Успенская А. В. Успенское городище.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 117—122 с 2 ил.
Городище дьяковской культуры и XI—XIII вв. Московская обл.
386. Шмидт Е. А. Некоторые данные о поселениях раннего железного века в Смоленской области.— УЗ СмолГПИ, вып. 4 (ч. I), 1957, стр. 52—55.

6. Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.

387. Адмони В. и Сильман Т. Предварительное сообщение о рунической надписи из Старой Ладоги.— СГЭ, 11, 1957, стр. 40—43 с 2 ил.
388. Баран В. Д. Поселение первых веков нашей эры в с. Черепин Львовской области.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 97—99.
389. Березовец Д. Т. Лохвицкий могильник.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 89—90.
III—IV вв. н. э. Полтавская обл.
390. Брайчевская А. Т. Некоторые археологические данные о торговле древних славян с крымскими городами.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 111—121 с 4 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
391. Брайчевская А. Т. Южная граница черняховской культуры на Днепре. (По материалам раскопок последних лет).— В сб.: Археологія, т. 11. Київ. 1957, стр. 3—13 с 1 карт. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
392. Брайчевский М. Ю. Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г.— СА, 1957, № 1, стр. 246 с 1 ил.
393. Брайчевский М. Ю. Исследование Пастырского городища в 1955 г.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 94—96.
394. Брайчевский М. Ю. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э.— СА, 1957, № 3, стр. 114—129.
395. Брайчевский М. Ю. Этническая принадлежность черняховской культуры.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 11—24. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
396. Братченко С. Н. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону.— СА, 1957, № 2, стр. 188—196 с 8 ил.
II—III в. н. э. Ростовская обл.
397. Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г.— В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 219—237 с 17 ил.
III—IV вв. н. э. Крымская обл.
398. Гончаров В. К. и Махно Е. В. Могильник черняховского типа у Переяслава-Хмельницкого.— В сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 127—144 с 4 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
399. Гуревич Ф. Д. К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 40—48 с 3 ил.
400. Казаманова Л. Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII века.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 70—76; 3 л. ил.
Клад, найденный в 1950 г. близ д. Бартым Пермской обл.
Каменецкий И. С. Нижне-Гниловское городище. См. № 251.
401. Карышковский П. О. Находка римских монет в бассейне р. Кодымы.— СА, 1957, № 2, стр. 250—253 с 1 ил.
Винницкая обл.
Куликаускас П. З. Новые находки в могильнике Курмайчяй. См. № 377.
402. Кухаренко Ю. В. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 91—93.
Памятники II в. до н. э.— I в. н. э. и V—IX вв.
403. Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. (Предварит. сообщение).— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90—97 с 4 ил.
Памятники VIII—IX вв.. Брестская обл.
404. Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X в.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 3—13 с 3 план.; 1 разв. л. план.
405. Макаревич М. Л. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 146—149 с 3 ил.; 1 л. ил.
406. Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, 37 стр. (Гос. музей ТАССР).
407. Митрофанов А. Г. Городище в Вязынке.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 155—164.
II—IV вв. н. э.
408. Навицкайте О. В. Могильник Вершвай. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Вильнюс, 1957. 15 стр. (АН ЛитовскССР. Ин-т истории).
II—XIV вв. Литовская ССР.
409. Навицкайте О. В. Обряды погребения в могильнике Вершвай.— ТАН ЛитовскССР. Серия А, 1957, № 2, стр. 153—175 с 3 ил. На литовск. яз. Резюме на русск. яз.
Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. См. № 494.
410. Пронина И. Г. и Гарутт В. Е. Остатки животных из поселений III в. до н. э.— V в. н. э. на территории Минской области БССР.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 165—181 с 4 ил. Библиогр.: стр. 180—181.
411. Рикман Э. А. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 75—83 с 5 ил.
412. Рикман Э. А. Раскопки у села Будешты и проблема этнического состава населения Молдавии в первых столетиях н. э.— Юбил. науч. сессия Совета

Молд. ФАН СССР, посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов. (Секция истории и археологии). Кишинев, 1957, стр. 5—6.

413. Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской области. (Раскопки у сс. Звенигород и Болотное).— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 63—74 с 5 ил.

414. Смирнов А. П. Новая находка восточного серебра в Приуралье. Под ред. Н. В. Пятышевой. М., «Советская Россия», 1952, 31 стр. с 16 ил.; 1 л. ил. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры, вып. 25).

415. Смирнов К. А. Русский элемент в культуре мордвы. Ульяновск, 1957. 22 стр. с 7 ил. (Ульян. обл. упр. культуры. Ульян. обл. краевед. музей). Библиогр.: стр. 19—22.

По материалам могильников середины I тысячелетия н. э.

416. Смишко М. Ю. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области.— СА, 1957, № 1, стр. 238—243 с 1 ил.

417. Стубавс А. Я. Ремесло VI—VIII вв. по данным городища и селища Кентескалнс.— Археология и этнография. Сборник статей, т. I. Рига, 1957, стр. 21—43 с 20 ил.; 4 л. ил. На латышск. яз. Резюме на русск. яз.

418. Сымонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 14—19 с 1 ил.

419. [Сымонович Э. А.] Симонович Э. О.. Пам'ятки черняхівської культури нижнього Побужжя.— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 150—153 с 2 ил.

420. Сымонович Э. А. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с нижнего Днепра.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 22—30 с 2 ил.

421. Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Северном Донце.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 129—132 с 2 ил.

422. Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры.— СА, 1957, № 4, стр. 168—194 с 16 ил.; 1 разв. л. карт.

423. Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— СА, 1957, № 2, стр. 64—77 с 3 ил. и 1 карт.

424. Федоров Г. Б. Древние славяне и их соседи в Молдавии. (Краткое описание памятников I и начала II тыс. н. э.)— Учен. записки (Ин-т ист., языка и лит. Молд. ФАН СССР), т. 6. Кишинев, 1957, стр. 237—311. Резюме на молдавск. яз.

425. Храбан Г. Скарб римських монет в Уманському краезнавчому музеї.— Укр. іст. журнал. 1957, № 2, стр. 161.

426. Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 98—103 с 2 ил.

Поселение VIII—X вв.

Шовкопляс А. М. Керамический комплекс эпохи бронзы и раннеславянского времени с Юрьевой Горы с окрестностях Смелы, см. № 294.

7. Древняя Русь и ее соседи

427. Авдусин Д. А. Возникновение Смоленска. Смоленск, Кн. изд., 1957, 56 стр. с 13 ил. Библиогр.: «Литература по истории и археологии древнего Смоленска», стр. 54—56.

Рец.: Шмидт Е.— Рабочий Путь, Смоленск, 1957, 6 марта.

428. Авдусин Д. А. Новый памятник смоленской архитектуры. (Церковь в Перекопном переулке).— СА, 1957, № 2, стр. 228—238 с 9 ил.

Первая половина XII в.

429. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов [в 1950 и 1952—1955 гг.].— Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 113—183 с 21 ил.

430. Авдусин Д. А. Смоленская берестяная грамота.— СА, 1957, № 1, стр. 248—249 с 2 ил.

Из раскопок Смоленской археологической экспедиции 1952 г.

431. Александров В. А. О докладе А. М. Васнецова «Кремль при Иване Калите». См. № 446.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 7, М. 1957. стр. 167—168.

432. Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. (Из истории прикладного искусства Полоцкой земли).— СА, 1957, № 3, стр. 224—244 с 7 ил.; 3 л. ил. «Библиогр. креста Лазаря Богши», 55 назв.

433. Антонова В. И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском».— ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 375—392; 3 л. ил.

434. Арциховский А. В. Берестяные грамоты мальчика Онфима.— СА, 1957, № 3, стр. 215—223 с 6 ил.; 1 л. ил.

Грамоты рубежа XII и XIII вв. из раскопок Новгородской археологической экспедиции 1956 г.

435. Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 58—60.

436. Аулих В. В. Древнерусское поселение у с. Рипнев Львовской области.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 106—108.
VIII—XI вв.

437. Бабенчиков В. П. Средневековая гончарная печь в Мисхоре.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 111—112 с 1 ил.
VIII—X вв.

438. Белов Г. Д. Два поливных блюда из Херсонеса.— СГЭ, 11, 1957, стр. 48—49.
XIII и XIV вв.

Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. См. № 307.

439. Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1956 г.— СГЭ, 12, 1957, стр. 56—57 с 1 ил.
Памятники XII—XIV вв.

440. Белоруцкий Н. Л. Находка каменного изваяния в Краснодарском крае.— СА, 1957, № 3, стр. 257 с 1 ил.

441. Бліфельд Д. І. Стан дослідження археологічних пам'яток періоду утворення Київської Русі.— ВАН УРСР, 1957, № 7, стр. 18—26.

442. Богусевич В. А. О феодальных дворах Киева XI—XIII вв.— в сб.: Археологія, т. 11. Київ, 1957, стр. 14—20 с 1 ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

443. Вага В. Я. Курессаареский замок. Таллин, Эстгосиздат, 1957. 67 стр. с ил. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Эстонск. ССР). Текст на эстонск., русск. и англ. яз.
XIV—XV вв.

444. Вага В. Я. Основные этапы развития готики в Эстонии. Автореферат дис. на соискание учен. степени доктора искусствоведения. М., 1957. 30 стр. (АН СССР. Ин-т истории искусств).

445. Варганов А. Д. Суздаль. Ист.-экон. очерк. Владимир. Кн. изд., 1957, 82 стр.; 12 л. ил.
Рец.: Воронин Н. Н.— Призыв, Владимир, 1958, 17 мая.

446. Васнецов А. М. Кремль при Иване Калите.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, вып. 7, М., 1957, стр. 150—166.
Доклад, прочит. при экспонировании картины «Кремль при Иване Калите» на выставке «Союза русских художников», в 1914 г.

447. Витков З. А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка.— УЗ МурманГПИ, т. I, 1957, стр. 3—21 с 7 ил.
XVII — начало XVIII в.

448. Воронин Н. Н. Историко-архитектурные заметки. 1. Неизданные фрагменты шиферных рельефов XI в. 2. Русские архитектурные рисунки начала XVI в.— СА, 1957, № 2, стр. 258—264 с 3 ил.

449. Воронин Н. Н. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих.— ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 364—374 с 3 ил.

450. Воронин Н. Н. Новые памятники Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв. (Ростовский Успенский собор и Покров на Нерли).— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 61—62.

451. Воронин Н. Н. О некоторых работах по истории древнерусской техники. [Обзор].— СА, 1957, № 1, стр. 284—288.

452. Выезжев Р. И. Раскопки в Городске в 1955 г.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 104—105.
IX—XIII вв. Житомирская обл.

453. Гончаров В. К. Археологические раскопки в Киеве в 1955 г.— В сб: Археологія, т. 10, Київ, 1957, стр. 122—135 с 8 ил.; 1 л. ил. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

454. Гончарова А. А. и Хамцов А. И. Древние соборы Кремля. М., «Московский рабочий», 1957. 80 стр. с ил.

455. Гончарова А. А. и Хамцов А. И. Стены и башни Кремля. М., «Московский рабочий», 1957. 68 стр. с ил.

456. Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М—Л., 1957. 29 стр.; 29 л. ил. (АН СССР. Ин-т этнографии. Научно-попул. серия).

457. Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова в 1955 г.— СГЭ, 11, 1957, стр. 63—65 с 3 ил.

458. Дмитриев Ю. Н. Об истолковании древнерусского искусства. ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 345—363.

459. Донова К. и Писарская Л. Оружейная палата. М., «Московский рабочий», 1957. 114 стр. с ил.

460. Дубынин А. Ф. К истории Московского посада.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 123—128 с 3 ил.

461. Ефимова А. М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957, 18 стр. (Гос. музей ТАССР).

462. Жолтовський П. М. До історії художнього лиття металу на Західних землях України в XIV—XVII ст.— Праці Укр. держ. музею етнографії та художнього промислу АН УРСР, вип. 3. Київ, 1957, стр. 120—144 с 10 ил.

463. Запаско Я. П. Орнаментовані рукописи XI—XVI ст. в книгосховищах Української РСР.—Праці Укр. держ. музею етнографії та художнього промислу АН УРСР, вип. 3. Київ, 1957, стр. 145—159 с 6 ил.

464. Изюмова С. А. Вятическое погребение в Тульской области.— СА, 1957, № 3, стр. 260—261 с 1 ил.
465. История Минска. Минск, 1957. 542 стр. с ил. (АН БССР. Ин-т истории). Доп. тит. л. на белорусск. яз.
Стр. 9—21: гл.1 «Минск — город древней Руси (IX—XIV вв.)». Авт.: К. М. Поликарпович и В. Р. Тарасенко. Стр. 22—53: гл. 2. «Минск — крупный ремесленно-торговый город Белоруссии (XV — первая половина XVII в.)». Авт. З. Ю. Копысский.
466. История русского искусства. Т. I. М., «Искусство», 1957. 479, LXVIII стр. с ил.; 127 л. ил. (Акад. художеств СССР. Научно-исслед. ин-т теории и истории искусства).
Стр. 5—156, разд. 1—5 [Древнерусское искусство] Авт.: Н. Н. Воронин, И. Е. Данилова и А. Ф. Коростин.
467. Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. Перевод со 2-го испр. и доп. изд. Казань, Таткнигоиздат, 1957. 436 стр. с ил.; 6 л. ил. Библиогр.: стр. 420—435. На татарск. яз.
468. Калинин Н. Ф. Постник Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля.— СА, 1957, № 3, стр. 261—264.
469. Кижский погост. Путеводитель. Петрозаводск, Госиздат Карел. АССР. 1957. 49 стр. с ил.; 4 л. ил. (Упр. по делам строительства и архитектуры М-ва коммун. хозяйства КАССР). На обороте тит. л. сост.: В. П. Орфинский и Л. Ю. Тарлер.
470. Кирпичников А. Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия.—СА, 1957, № 3, стр. 60—76.
471. Ковалев И. Ростов Ярославский. Ярославль, Кн. изд., 1957. 128 стр. с ил. (Города нашей области). Библиогр.: 18 назв.
472. Колчин Б. А. Русский феодальный город Великий Новгород.— СА, 1957, № 3, стр. 278—288 с 8 ил. Библиогр.: 5 назв.
473. Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 1, стр. 55—59 с ил. Библиогр.: 8 назв.
X—XII вв. Запорожская обл.
474. Корзухина Г. Ф. К реконструкции Десятинной церкви.— СА, 1957, № 2, стр. 78—90 с 7 ил.
475. Корнилович К. В. Два кубка из собрания Русского музея.— СГРМ, 5, 1957, стр. 55—58 с 2 ил.
XVI и XVII вв.
476. Косточкин В. В. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв.— СА, 1957, № 1, стр. 132—142 с 8 план.
477. Косточкин В. В. Русское крепостное зодчество XIV—XVII веков.— Сов. архитектура, 1957, № 8, стр. 91—101 с ил.
478. Кремль Москвы. [Сборник статей]. М., «Московский рабочий», 1957. 316 стр.; 67 л. ил.
Стр. 35—108: разд. «Архитектурные памятники». Авт.: В. Л. Снегирев. Стр. 111—148: разд. «Древняя живопись». Авт.: Н. Е. Мнева и Е. Ф. Каменская. Стр. 151—416: разд. «Оружейная палата». Авт.: С. Боровкова.
479. Кропоткин В. В. Крест-складень из Коктебеля.— СА, 1957, № 2, стр. 257—258 с 1 ил.
XII—XIII вв.
480. Кропоткин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 35—44 с 2 ил. и 1 карт.
481. Лазарев В. Н. Снетогорские росписи.— СИИИ, т. 8, 1957, стр. 78—112 с 22 ил. Библиогр.: стр. 108—112.
482. Лазіцкі А. Надпісы на каменнай пліце.— Беларусь, 1957, № 5, стр. 29.
Надгробная плита XVI в., найденная в 1952 г. в г. Пинске.
483 Лебедева Ю. А. К вопросу о раннем творчестве Андрея Рублева.— Искусство, 1957, № 4, стр. 66—69 с ил.
Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв. См. № 404.
484. Максименков Г. А. Из истории древнерусской артиллерии.— СА, 1957, № 3, стр. 77—83 с 3 ил.
485. Мальм В. А. и Фехнер М. В. Раскопки стеклозавода близ деревни Большое Буньково.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 142—145 с 3 ил.
XVII в. Московская обл.
486. Маркова А. А. Третий Лодейнопольский клад средневековых западноевропейских монет.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр 134—139.
Клад найден в 1949 г. Собрание Гос. Эрмитажа.
487. Медведев А. Ф. Новые открытия археологов в Новгороде.— Дон, 1957, № 6, стр. 167—171 с ил.
488. Мезенцева Г. Г. Древньоруське кістьорізне ремесло.— Науковий щорічник за 1956 рік. Київ, 1957. (Київ. держ. ун-т), стр. 121—123.
489. Мейерович М. Г. Новые монетные клады Ярославского краеведческого музея.— Краевед. записки (Ярослав. обл. краевед. музей), вып. 2. Ярославль, 1957, стр. 265—270; 1 л. ил.

490. Мельникова А. С. Клады монет (зарегистрированные Гос. ист. музеем за 1952—1954 годы).— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 147—158.
491. Милонов Н. П. Топонимика и некоторые вопросы из истории Древней Руси.— УЗ РязанГПИ, т. 16, 1957, стр. 134—160.

Навицкайте О. В. Могильник Вершвай. См. № 408.

Навицкайте О. В. Обряды погребения в могильнике Вершвай. См. № 409.

492. Нариси історії архітектури Української РСР. (Дожовтневий період). Київ, 1957. 559 стр. с ил., фронт. (Акад. будівництва і архітектури УРСР. Ін-т теорії та історії архітектури і будівельної техніки).

Разд. 1—4 и 7 (X—XVII вв.). Авт.: Ю. С. Асеев и Г. Н. Логвин.

493. Николаева Т. В. Новые находки на территории Загорского музея — заповедника.— СА, 1957, № 1, стр. 251—255 с 3 ил.

Надгробья с надписями XVI в.

494. Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка.— СА, 1957, № 3, стр. 176—197 с 17 ил.

Селище VIII—XIII вв. Орловская обл.

495. Нукшинский могильник. Под ред. Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда. Рига, 1957. 152 стр. с 32 ил. и 43 табл. (АН ЛатвССР. Ин-та истории и материальной культуры. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, 1). Резюме на латышск. и нем. яз. Авт. отд. глав.: Э. Д. Шноре, А. Э. Заринь и И. В. Дайга.

IX—XII вв. Рец.; Седов В. В.— СА, 1959, № 1, стр. 319—324.

496. Оборин В. А. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура). Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1957, 20 стр. (АН СССР. ИИМК). Библиогр.: 16 назв.
497. Оборин В. А. Орел-городок (По раскопкам Камской археол. экспедиции 1953—1954 гг.).— СА, 1957, № 4, стр. 140—152 с 6 ил.

XVI—XVII вв.

498. Оборин В. А. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.).— УЗ МолотГУ, т. 10, вып. 3, 1957, стр. 145—164 с 4 ил.
499. Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Морской транспорт», 1957. 120 стр. с ил.
500. Орлов С. Н. К вопросу о древнерусской метрологии.— СА, 1957, № 4, стр. 163—166 с 3 ил.
501. Орлов С. Н. и Хрычиков Б. В. Новый документ древнерусской письменности. (Сообщение и публикация).— Учен. записки (Новгор. гос. пед. ин-т), т. 2. Ист.-филол. фак., вып. 2, 1957, стр. 241—244 с 1 ил.

Берестяная грамота XIV—XV вв.

502. Подобедова О. И. Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии».— ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 393—406; 4 л. ил.
503. Полевой Л. Л. Нумизматическая коллекция Старого Орхея.— Юбилейная научн. сессия Совета Молд. ФАН СССР, посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов. (Секция истории и археологии). Кишинев, 1957, стр. 6
504. Полозов И. Интересная находка.— Брянский краевед. Сборник статей, 1. Брянск, 1957, стр. 21—22.

Находка древнерусских монет на территории Брянской обл.

505. Рабинович М. Г. Золотое украшение из Тушкова городка.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 45—50.

Украшение из слоя конца XIV в. на городище в верховьях р. Москвы.

506. Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска.— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153 с 3 ил.

Конец XI — начало XII вв.

507. [Ратич А. А.] Ратич О. О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. 96 стр. с ил. и план.; 1 л. карт. (АН УРСР. Ін-т сусп. наук.).
508. Ратич А. А. Раскопки на Замковой горе во Львове в 1955 г.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 109—110.
509. Розенфельд Р. Л. К вопросу о начале Москвы.— СА, 1957, № 4, стр. 93—98.

Рец.: Рабинович М. Г.— СА, 1958, № 3, стр. 61—64.

510. Ростов-Ярославский. Путеводитель по архитектурным памятникам. Ярославль, Кн. изд. 1957, 187 стр. с ил.; 1 л. план. Перед загл. авт.: В. С. Баниге, В. Г. Брюсова, Б. В. Гнедовская и Н. Б. Щапов.

Рец.: Мейерович М.— Сев. рабочий, Ярославль, 1958, 24 янв.

511. Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих.— СА, 1957, № 1, стр. 83—112 с 26 ил.
512. Сахарова И. Г. О технике настила майоликовых полов.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 138—141 с 1 ил.

По материалам раскопок г. Юрьевца Ивановской обл.

513. Седов В. В. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 104—116 с 4 ил. и 1 карт.
514. Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 20—30 с 3 ил

515. Седов В. В. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли.— Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 281—310 с 6 ил. и 1 карт.
516. Седова М. В. Амулет из древнего Новгорода.— СА, 1957, № 4, стр. 166—167 с 1 ил.
517. Семенов А. И. Экскурсия по Новгородскому Кремлю. Новгород, 1957. 51 стр. с ил. (Новгородск. ист. худож. музей).
518. Смирнов А. П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957. 36 стр. (Гос. музей ТАССР).
519. Сорокин С. С. Новый археологический материал по истории русского железоделательного производства.— СГЭ, 11, 1957, стр. 22—24 с 2 ил.
520. Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (Дело Федора Жеребца, 1447 г.).— СА, 1957, № 3, стр. 54—59 с 1 ил.
521. Сотникова М. П. Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа.— СГЭ, 12, 1957, стр. 15—18.
522. Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1957. 124 стр. с 120 ил. Библиогр.: стр. 121—122.
523. Тарасенко В. Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945—1951 гг.).— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957. стр. 182—257 с 32 ил.
524. Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г.— В сб.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 258—279 с 17 ил. IX—XIV вв.
525. Таутавичюс А. З. Курганы в Капитонишкес.— ТАН ЛитовскССР. Серия А, 1957, № 1, стр. 95—109 с 9 ил. На литовск. яз. Резюме на русск. яз. VIII—XII вв. Литовская ССР.
526. Тимощук Б. А. Надгробие из с. Мусоровки Черновицкой области.— СА, 1957, № 3, стр. 254—256 с 3 ил. Надгробие XII—XIII вв.
527. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., Изд. Моск. ун-та, 1957. 320 стр. с 23 ил.; 2 л. схем и карт.
Рец.: 1. Монгайт А. Л.— НМ, 1958, № 6, стр. 269—271; 2. Пронштейн А. П.— ВИ, 1958, № 10, стр. 195—199; 3. Рабинович М. Г.— История СССР, 1959, № 1, стр. 212—215.
528. Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. Автореферат дис. на соискание учен. степени доктора искусствоведения. М., 1957. 30 с.; 2 л. ил. (АН СССР. Ин-т истории искусств).
529. Турчанинов Г. Ф. Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея.— СА, 1957, № 1, стр. 250—251 с 1 ил.

Федоров Г. Б. Древние славяне и их соседи в Молдавии. См. № 424.

530. Федоров-Давыдов Г. А. Клады золотоордынских монет. (Основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде XIII—XV вв.). Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1957. 14 стр. (Моск. гос. ун-т. Ист. фак.).
531. Федоров-Давыдов Г. А. О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР.— СА, 1957, № 1, стр. 247—248 с 1 ил.
532. Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв.— Краевед. записки (Ярославск. обл. краевед. музей), вып. 2, 1957, стр. 183—196 с 5 ил.
533. Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками.— Учен. записки (Елецкий гос. пед. ин-т), вып. 2. 1957, стр. 166—186.
534. Филатов В. В. Особенности техники и состояние Снетогорских росписей.— СИИИ, т. 8, 1957, стр. 113—122 с 5 ил.
535. Халиков А. Х. и Булатов А. Б. Мало-Атрясинский монетный клад XIV — начала XV вв. (Предварит. сообщение).— ИКазанФАН СССР. Серия гуманитарн. наук, № 2, 1957, стр. 197—199.
536. Хафизов Я. Культура древнего Новгорода (X—XII вв.) — VII научная студенч. конференция, посвящ. В. И. Ленину. (Таджикск. гос. ун-т). Тезисы докладов. Сталинабад, 1957, стр. 4—5.
537 Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Приднепровье.— Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 184—280 с 55 ил. Библиогр.: 18 назв.
538. Шноре Э. Д. Печи городища Асоте.— Археология и этнография. Сборник статей, т. 1. Рига, 1957, стр. 5—20 с 17 ил. На латышск. яз. Резюме на русск. яз. IX—XIII вв.
539. [Шовкопляс А. М.] Шовкопляс Г. М. Слов'янські пам'ятки в районі Канева. (За матеріалами Київського держ. іст. музею).— В сб.: Археологія, т. 10. Київ, 1957, стр. 136—140 с 3 ил.

540. Щукин Г. Б. Городище Екимауцы в Молдавии.— Архитектурное наследство, 8, М., 1957, стр. 3—24 с 20 ил. Библиогр.: 25 назв.
Городище IX—XI вв.

541. Яковлев И. В. Покровский собор (Храм Василия Блаженного). Путеводитель по музею. М., 1957. 32 стр. с 1 ил.; 3 л. ил. (М-во культуры РСФСР. Гос. ист. музей).

542. Янин В. Л. Из истории русской художественной и политической жизни XII в.— СА, 1957, № 1, стр. 113—131 с 8 ил.; 1 л. ил.
По памятникам новгородского чекана XI—XIII вв.

543. Янин В. Л. К вопросу о дате Лопастицкого креста.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 31—34 с 2 ил.
Межевой камень XIII в.

544. Янин В. Л. Монетные клады Ярославского краеведческого музея.— Краевед. записки (Ярослав. обл. краевед. музей), вып. 2, 1957, стр. 241—264 с 1 ил.

III. Кавказ (включая Северный Кавказ и Прикубанье)

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

545. Аджинджал И. А. Материалы к изучению резьбы по дереву, рогу, кости, камню и металлу в дореволюционной Абхазии.— ТАбхазГМ, вып. 2, 1957, стр. 91—171. Широко привлечен археологический материал от эпохи энеолита до средневековья.

546. Алиев М. М. и Кашкай М. А. Из истории геологических понятий и горнорудного дела в древнем и средневековом Азербайджане.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 9. История геолого-геогр. наук, горной и металлургич. науки и техники. М., 1957, стр. 138—154. Библиогр.: 21 назв.

547. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. 16, 305 стр. с 23 ил.; 19 л. ил. (АН ГрузССР. Ин-т истории). Библиогр.: стр. 269—290. Доп. тит. л. на груз. и нем. яз. Загл. части тиража: По этапам древнейших религиозных верований и обрядовое графическое искусство грузинских племен.

548. Бокучава Г. К. Обзор нумизматических фондов Государственного музея Абхазии.— ТАбхазГМ, вып. 2, 1957, стр. 187—197; 9 л. ил.

549. Бунятов Т. А. Путешествие в далекое прошлое Азербайджана. Баку, Азернешр, 1957. 63 стр. с ил. Библиогр.: 25 назв. На азербайдж. яз.
От эпохи палеолита до средневековья.

550. Джафарзаде И. М. К вопросу о древней истории Азербайджана по археологическим данным.— В кн.: 10 лет Академии наук Азербайджанской ССР. Научная сессия 23—27 апреля 1955 г. Баку, 1957, стр. 608—622.

551. Джафарзаде И. М. Наскальные изображения Кобыстана в Азербайджанской ССР.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 99—114 с 6 ил. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

552. Иессен А. А. Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953—1955 гг.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 19—32. Резюме на азербайдж. яз.

553. Иессен А. А. Работы Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции в 1953 г.— Труды объедин. научн. сессии АН СССР и академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апр. 1954). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 329—331.
В прениях по докладу: И. М. Джафарзаде (стр. 382—384), Е. А. Пахомов (стр. 377—380); ответ докладчика, стр. 363—364.

554. История Кабарды. С древнейших времен до наших дней. М., Изд. АН СССР, 1957. 395 стр. с ил. (Кабардино-Балкарский научно-исслед. ин-т при Совете Министров КБАССР).
Стр. 11—18: гл.1. «Древнейший период истории Северо-Западного Кавказа и Кабардино-Балкарии». Авт.: П. Г. Акритас. Стр. 19—25: гл. 2. «Северо-Западный Кавказ в античную и раннесредневековую эпоху». Авт.: Л. И. Лавров и П. Г. Акритас.

555. Казиев С. М. Об археологических памятниках Мингечаура.— Труды Объедин. научн. сессии АН СССР и Академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апр. 1954 г.). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 353—362.
В прениях по докладу: И. Р. Селимханов (стр. 374—376), И. Г. Нариманов (стр. 376—377), М. С. Асратян (стр. 380—381), А. А. Иессен (стр. 384—386), А. М. Апакидзе (стр. 386—388), Г. И. Ионе (стр. 388—389); ответ докладчика, стр. 368—370; заключ. слово, стр. 392—393.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

556. Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году.— Учен. записки (Ин-т ист. языка и лит. ДагФАН СССР), т. 3. Махачкала, 1957, стр. 157—167.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

557. Караханян Г. О. Археологические работы в Армении в 1956 г.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 5, стр. 129—133. На арм. яз.

558. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, 176 стр. с 47 ил.: 4 л. карт. (АН СССР. ИИМК и Кабард.-Балкар. научн.-исслед. ин-т при Совете Министров Кабард.-Балкар. АССР).

559. Куссаева С. С. Археологические находки последних лет в Северной Осетии.— ИСев.-ОсетНИИ, т. 19, 1957, стр. 184—189.

560. Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев, Черкесск, Карачаево-Черкесск. кн. изд., 1957. 67 стр. с 4 ил.

Привлекаются данные археологии.

561. Меликишвили Г. А. Древняя история Закавказья в советской исторической науке.— ВДИ, 1957, № 3, стр. 66—75.

Освещены итоги археологических работ в Закавказье.

562. Мирзоян А. Из истории древнего Еревана. (С древнейших времен до XVI в.).— Сборник научн. трудов (Арм. заочн. гос. пед. ин-т), № 4, вып. I. Ереван, 1957, стр. 49—63. На арм. яз.

563. Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957, 483 стр. с ил. и карт. (Адыгейский научно-исслед. ин-т языка, лит. и истории).

Стр. 13—61; гл. I «Древнейшее прошлое адыгейского народа». Авт.: Н. В. Анфимов и Е. С. Зевакин.

564. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957, 392 стр. (АН СССР, ДагФАН. Ин-т ист., языка и лит.).

Стр. 5—36: гл. I. «Первобытно-общинный строй на территории Дагестана». Авт.: М. И. Пикуль и В. Г. Котович.

565. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 7. Баку, 1957, 124 стр. (АН АзССР. Ин-т истории).

Рец. на вып. 1—7: Керимов М. А.— СА, 1958, № 2, стр. 317—318.

566. Рехвиашвили Н. Б. Добыча и обработка гагата в Грузии.— Материалы по этнографии Грузии, 9. Тбилиси, 1957, стр. 43—53; 3 л. ил. Библиогр.: 33 назв.

Привлекаются данные археологии.

567. Техов Б. В. Основные итоги и перспективы археологического изучения Южной Осетии.— Изв. Юго-Осет. науч.-исслед. ин-та, вып. 8, 1957, стр. 225—244.

2. Эпоха палеолита и неолита

Абибуллаев О. А. Первые итоги раскопок Кюльтепе. См. № 580.

См. № 580.

568. Габуния Л. К. Об ископаемом носороге из пещеры Сагварджиле. (Зап. Грузия).— САН ГрузССР, т. 19, 1957, № 2, стр. 193—196 с 1 ил. Библиогр.: 5 назв.

569. Гусейнов М. М. Изучение каменного века в Азербайджане.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 69—74. Резюме на азербайдж. яз.

570. Замятнин С. Н. и Акритас П. Г. Археологические исследования 1957 года в Баксанском ущелье.— УЗ Каб-БалкНИИ, т. 13, 1957, стр. 471—473.

Мезолитическая стоянка в гроте Сосруко.

571. Замятнин С. Н. и Акритас П. Г. Исследования по каменному веку в Кабарде в 1954—1955 гг. (Предварит. отчет).— УЗ КабНИИ, т. II, 1957, стр. 415—424.

572. Замятнин С. Н. Палеолит Западного Закавказья. 1. Палеолитические пещеры Имеретии.— СМАЭ, т. 17, 1957, стр. 432—499.

573. Замятнин С. Н. и Акритас П. Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году.— УЗ Каб-БалкНИИ, т. 13, 1957, стр. 431—452 с 12 ил.

574. Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Предварит. сообщение.— Учен. записки (Ин-т ист., языка и лит. ДагФАН СССР), т. 3. Махачкала, 1957, стр. 135—156 с 5 ил.

575. Любин В. П. Нижнепалеолитические находки на Тереке.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 332—343 с 2 ил. Библиогр.: стр. 342—343.

576. Любин В. П. О некоторых вопросах, связанных с условиями нахождения нижнего палеолита на Кавказе.— Тезисы докладов Всесоюзн. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 8—10.

Марковин В. И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). См. № 602.

577. Марковин В. И. и Мунчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ города Буйнакска (Дагестан).— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 78—82 с 2 ил.

578. Недоля И. К. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 142—143 с 1 ил.

579. Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок черноморского побережья Кавказа.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 138—141 с 2 ил.

3. Эпоха бронзы и раннего железа

580. Абибуллаев О. А. Первые итоги раскопок Кюльтепе.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2, Баку, 1957, стр. 75—98 с 10 ил. Резюме на азербайдж. яз.

Памятники эпохи неолита, бронзы и раннего железа.

581. Абилова Г. А. О менгирах Азербайджана.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2, Баку, 1957, стр. 115—118. Резюме на азербайдж. яз.

582. Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— ВГМГ, т. 19-А и 21-В, 1957, стр. 115—140; 2 л. ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

583. Автандилов Г. Г. Описание черепа человека конца бронзового и начала железного периодов.— Уз Каб-БалкНИИ, т. 13, 1957, стр. 475—479. Библиогр.: 9 назв.

584. Анфимов Н. В. Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной.— СА, 1957, № 4, стр. 155—157 с 1 ил.

Бобин В. В. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. См. № 236.

585. Бунятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, 138 стр. с ил. (АН АзССР, Ин-т истории). Библиогр.: стр. 127—137.

586. Бунятов Т. А. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане. (К вопросу об изготовлении молочных продуктов).— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 36—44 с 3 ил.

По памятникам эпохи бронзы.

587. Бунятов Т. А. и Гусейнов М. М. Результаты археологических поездок в Акстафинский и Казахский районы в 1955 году.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 183—198 с 8 ил. Резюме на азербайдж. яз.

588. Высоцкий Б. П. Следы выплавки железа у дольменов.— Природа, 1957, № 7, стр. 116.

589. Голубкина Т. И. Раскопки кувшинных погребений в с. Коша-Диза Нахичеванской АССР.— ДАН АЗССР, т. 13, 1957, № 9, стр. 1035—1038. Резюме на азербайдж. яз.

590. Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в с. Ожора.— ТТбилГУ, т. 65. 1957, стр. 181—216 с 16 ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Могильник VII в. до н. э.

591. Исаков М. И. Талгинский могильник.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 126—132 с 3 ил.

Могильник конца II — начала I тысячелетия до н. э. Дагестанская АССР.

592. Казиев С. М. Клинообразное орудие из бронзы.— ДАН АзССР, т. 13, 1957, № 3, стр. 355—358 с 1 ил. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

593. Коридзе Д. Л. Археологические памятники, обнаруженные в 1946 г. в Булачаури.— ВГМГ, т. 19-А и 21-В, 1957, стр. 141—148. с 6 ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Предметы XIII—XII вв. до н. э.

594. Коридзе Д. Л. Клад первой половины I тысячелетия до н. э. из с. Переви (Сачхерский район).— V научная сессия Гос. музея Грузии 18—20 апр. 1957. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 14 и 23—24. На груз. и русск. яз.

595. Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов.— СА, 1957, № 2, стр. 174—187 с 10 ил.

596. Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры.— СА, 1957, № 1, стр. 56—82 с 9 ил. и 1 карт.

597. Крупнов Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. (По материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) — СА, 1957, № 2, стр. 154—173 с 9 ил.; 1 л. цв. ил.

Памятники эпохи энеолита, бронзы и скифо-сарматские.

598. Кушнарева К. Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе.— СА, XXVII, 1957, стр. 135—177 с 20 ил.

599. Кушнарева К. Х. Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама. (Из работ Азербайдж. экспедиции 1954 г.).— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 129—135 с 4 ил.

Раскопки поселения середины II тысячелетия до н. э.

600. Майсурадзе З. П. Технические способы художественного украшения черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений Самтаврского некрополя в Мцхета.— САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 1, стр. 125—128.

601 Макалатия С. И. Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 139—143 с 2 ил.

602 Марковин В. И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан).— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 117—125 с 3 ил.

Находки предметов эпохи неолита, эпохи бронзы и I тысячелетия до н. э.

603. Мелихов А. Н. Памятники эпохи бронзы в Красной Поляне.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I. Одесса, 1957, стр. 41—54 с 5 ил.

604. Мнацаканян А. О. О двухцветной керамике Лчашена.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 5, стр. 107—116 с 9 ил.
Керамика X в. до н. э.
605. Мнацаканян А. О. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (Предварит. сообщение).— СА, 1957, № 2, стр. 146—153 с 14 ил.
Курганы эпохи бронзы.
606. Мнацаканян Г. Курган главы рода.— Советакан Айастан («Сов. Армения»), 1957, № 7, стр. 41—42. На арм. яз.
Курган эпохи бронзы.
607. Нариманов И. Г. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха (Азербайджанская ССР).— КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 138—142 с 3 ил.
Памятники ходжал-кедабекской культуры.
608. Пирпилашвили П. М. О назначении сосудов с изображением змеи, найденных во время триалетских и самтаврских археологических раскопок.— САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 3, стр. 377—383 с 3 ил. Библиогр.: 13 назв.
Сосуды эпохи бронзы и VIII—VI вв. до н. э.
609. Пирпилашвили П. М. О некоторых хирургических инструментах, обнаруженных при археологических раскопках.— САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 4, стр. 495—502 с 3 ил. Библиогр.: 7 назв.
Предметы VIII—VI вв. до н. э.
610. Пицхелаури К. Могильник позднебронзового века у с. Гулгула (Кахетия).— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 37—38. На груз. яз.
611. Рамишвили Р. Археологические находки из села Цинандали.— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов... Тбилиси, 1957, стр. 47—49. На груз. яз.
612. Стрельченко М. Л. Меотские городища Адыгеи.— Сборник студенч., работ (Краснодар. гос. пед. ин-т. Студенч. науч. о-ва), вып. 2. Краснодар, 1957, стр. 50—64.
613. Техов Б. В. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. (Древний могильник в с. Тли). Сталинир, Госиздат Юго-Осетии, 1957. 172 стр.; 36 л. ил. Библиогр., 169 назв.
614. Тогонидзе Г. И. Рудные месторождения Горной Рачи.— Труды Груз. политехн. ин-та им. С. М. Кирова, № 8(56). Геол. сборник. Тбилиси, 1957, стр. 13—22. Библиогр.: 9 назв.
Стр. 13 и 14: о следах рудных выработок III—II тысячелетия до н. э.
615. Фоменко В. П. «Сообщающиеся» сосуды из Мингечаура в экспозиции древнего периода.— Труды Музея истории Азербайджана. т. 2. Баку, 1957, стр. 119—123 с 6 ил. Резюме на азербайдж. яз.
616. Хачатрян Т. Раскопки в Айриванке.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 12, стр. 93—101 с 7 ил.
Памятники IX—VIII вв. до н. э.
617. Чубинишвили Т. Н., Татишвили Т. И. и Гамбашидзе О. С. Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавахети) в 1953—1955 гг.— СА, 1957, № 4, стр. 116—127 с 6 ил. и 1 карт.; 1 л. ил.
Памятники эпохи энеолита, бронзы и раннего железа.
618. Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, Гостехиздат ГрузССР, 1957. 163 стр. с 18 ил.; 10 л. ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
XV—XIV вв. до н. э.

4. Древние государства (Урарту. Древние армянские и грузинские царства. Античная культура Кавказа)

619. Аракелян Б. Н. Значение Гарни в изучении культуры древней Армении.— Труды объедин. научн. сессии АН СССР и Академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апр. 1954 г.). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 332—340.
В прениях по докладу: Л. А. Мацулевич (стр. 373—374), И. Р. Селимханов (стр. 374—376), Е. А. Пахомов (стр. 377—380); ответ докладчика, стр. 364—366; заключ. слово, стр. 391—392.
620. Арутюнян В. Мцхета и ее историко-архитектурные памятники.— Эчмиадзин, 1957, № 7—8, стр. 52—57. На арм. яз.
621 Арутюнян Н. В. Даинала-Тини. (Из истории ирригации в Урарту).— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 4, стр. 97—106.
622. Арутюнян Н. В. Заметки по урартской эпиграфике.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 12, стр. 65—76.
623. Арутюнян Н. В. Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-Блура.— ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149; 1 л. ил.
624. Барнавели С. В. Из истории античных печатей Грузии.— САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 2, стр. 247—254 с 11 ил. Библиогр.: 15 назв.

625. Бохочадзе А. Раннеантичные погребения в Тетрицкаро.— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 50—52. На груз. яз.
626. Гарни [Отв. ред. А. А. Мартиросян]. II Аракелян Б. Н. Результаты работ Гарнийской археологической экспедиции 1951—1955 гг. (Античный период). Ереван, 1957. 93 стр. с 65 ил.; 16 л. ил. (АН АрмССР. Археологические раскопки в Армении, № 7). На обл. загл. тома: Результаты раскопок 1951—1955.
Рец.: Саркисян Г.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1958, № 4, стр. 93—96.
627. Голенко К. В. Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. (Предварит. сообщение).— СА, 27, 1957, стр. 290—298 с 2 л. ил.
628. Горганян К. О раскопках Кармир-Блура.— Эчмиадзин, 1957, № 5, стр. 56—61. На арм. яз.
629. Инадзе М. К истории городов Северо-Восточного побережья Черного моря в античное время.— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 39—41. На груз. яз.
630. Исраэлян М. Храм susi Аринберда и его надписи.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 9, стр. 93—104 с 4 ил. На арм. яз.
631. Капанадзе Д. Г. Ауреусы Армазского некрополя.— СА, 1957, № 3, стр. 159—175; 1 л. ил.
632. Капанадзе Д. Г. и Голенко К. В. К вопросу о происхождении колхидок.— ВДИ, 1957, № 4, стр. 88—95 с 1 карт.; 1 л. ил.
633 Касабян З. М. Производство кунжутного масла в Урарту.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 4, стр. 107—116 с 5 ил. На арм. яз.
По данным археологии.
634. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике.— ТАбхаз ИЯЛИ, 28, 1957, стр. 227—236 с 4 ил.
635. Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 1957, № 4, стр. 96—110 с 2 карт.
С привлечением данных археологии.
636. Ломтатидзе Г. А. Некрополь II века н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957. 224 стр. с 32 ил.; 11 л. ил. (АН ГрузССР. Ин-т истории). На груз. яз. Резюме на русск. яз.
637. Лордкипанидзе О. Д. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. (К изучению экономики городов Иберии античного периода).— ТТбилГУ, т. 65, 1957, стр. 115—159 с 10 ил. Резюме на груз. яз.
638. Лордкипанидзе О. Д. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. (К изучению экономики городов Иберии античного периода). Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1957, 21 стр. (Тбил. гос. ун-т).
639. Лордкипанидзе О. Д. Торговые связи города Мцхеты с античными центрами (I в. н. э.).—VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 38—39. На груз. яз.
640. Мартиросян А. А. К характеристике города Тейшебаини.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 8, стр. 89—99 с 4 ил.
641. Меликишвили Г. А. Изучение урартской эпиграфики в советской науке и некоторые вопросы истории Урарту.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 175—176.
642. Месхиа Ш. А., Ломоури Н. Ю. и Лордкипанидзе О. Д. К вопросу о происхождении государства и существовании рабовладельческой формации в Грузии.— ВИ, 1957, № 7, стр. 104—120.
643. Пиотровский Б. Б. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур.— Труды Объедин. научн. сессии АН СССР и Академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апр. 1954 г.). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 323—328.
В прениях по докладу: М. С. Асратян (стр. 380—381); Ответ докладчика, стр. 362—363; заключ. слово, стр. 390—391.
644. Piotrovskiy B. B. Fortschritte der Forschung des Urartu-Reichs. Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress. Moskau, 1957, 11 стр. (Akad. der Wissenschaften der U.d.SSR).
645. Тирацян Г. А. Новонайденная надпись Арташеса I.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 10, стр. 105—110 с 1 ил. На арм. яз.
646. Тирацян Г. А. Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении. (VI в. до н. э.— III в. н. э.).— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 2, стр. 77—90.
647. Топуриа Н. С. Некоторые археологические данные в свете этнографических материалов.— Материалы по этнографии Грузии, 9. Тбилиси, 1957, стр. 55—67. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
По материалам Кармир-Блура.
648. Хахутайшвили Д. Происхождение грузинского раннеклассового города.— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 45. На груз. яз.

5. Памятники средневековья

649. Агиазарян Г. Монастырь Арича и его надписи.— Эчмиадзин, 1957, № I, стр. 57—63. На арм. яз.
VII в.

650. Азарян Л. Значение Дразарка в киликийской миниатюре.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 5, стр. 95—106 с 9 ил. На арм. яз.

651. Акритас П. Г. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье (недалеко от Эльбруса).— УЗ КабНИИ, т. 11, 1957, стр. 407—414 с 10 ил.

652. Алибегашвили Г. В. Роспись в церкви святого Георгия в Бочорме.— XII научная сессия Ин-та истории груз. искусства (АН ГрузССР) 21, 22 мая 1957 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 9—10 и 15—16. На груз. и русск. яз.
Росписи XII в.

653. Алибегашвили Г. В. Четыре портрета царицы Тамары. К истории портрета в грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1957, 111 стр. с 13 ил.; 4 л. ил. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. искусства). Резюме на нем. яз.

654. Амиранашвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Т. I. [VII—XII вв.]. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1957. 185 стр.; 88 л. ил.

655. Арутюнян В. М. Средневековая светская архитектура Армении.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 8, стр. 67—82 с 9 ил. На арм. яз.

656. Ахмедов Г. М. Неполивная бытовая керамика Азербайджана IV—XIII вв. (По материалам раскопок Оренкала). Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Баку, 1957, 22 стр. (АН СССР, ЛОИИМК. АН АзССР, Ин-т истории).

657. Ашурбейли С. Б. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана.— Труды Музея истории Азербайджана. т. 2. Баку, 1957, стр. 149—165. Резюме на азербайдж. яз.

658. Ашурбейли С. Б. Экономические и культурные связи Азербайджана с Китаем в период средневековья.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 122—123.

659. Барнавели Т. В. Надписи Атенского Сиона. Тбилиси, 1957, 64 стр. с 37 ил.; (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. искусства). На груз. яз.

660. Барнавели Т. В. Некоторые эпиграфические памятники Кахетии.— XII научная сессия Ин-та истории груз. искусства (АН ГрузССР) 21, 22 мая 1957 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 8 и 14. На груз. и русск. яз.

661. Башкиров А. С. Историко-археологические задачи в изучении антисейсмических конструкций на базе древней архитектуры Южного Кавказа (Армении и Грузии).— XII научная конференция (Ярослав. гос. пед. ин-т). Тезисы докладов. Ярославль, 1957, стр. 36—37.

662. Беридзе В. В. Архитектурные памятники Месхети. Научно-попул. очерк. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1957, 70 стр.; 16 л. ил.; 1 л. карт. На груз. яз.

663. Беслекоева К. Х. Краниология осетин и происхождение осетинского народа.— ИСев-ОсетНИИ, т. 19, 1957, стр. 206—212. Библиогр : 17 назв.

664. Вадбольский М. Из прошлого грузинской геральдики.— Сабчота хеловнеба («Сов. искусство»), 1957, № 1, стр. 63—64 с 7 ил. На груз. яз.

665. Ваидов Р. М. Средневековые поселения Мингечаура.— ТИИАН АзССР, т. 11, 1957, стр. 5—26 с 11 ил. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

666. Вардзиа. Путеводитель. Тбилиси, 1957. 95 стр.; 33 л. илл. (АН ГрузССР. Научно-попул. серия). Перед загл. авт.: Г. Д. Джамбурия. К. Н. Мелитаури, Ш. А. Хантатдзе и Н. Ф. Шошиашвили.

667. Вольская А. И. Рельефы Шиомгвиме и их место в развитии грузинской средневековой скульптуры. Тбилиси, 1957, 102 стр.; 14 л. ил. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. искусства). Резюме на нем. яз.
Рельефы X—XI вв.

668. Гаприндашвили Г. М. Пещеры Вардзии и ее окрестностей. Тбилиси, 1957, 48 стр. с 12 ил. (О-во по распространению полит. и научн. знаний ГрузССР. Серия 1, № 9). Библиогр.: 14 назв. На груз. яз.

669. Дурново Л. А. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, Армгосиздат, 1957, 58 стр.; 13 л. ил.
Рец.: Корганов К.— Коммунист (Ереван), 1958, 14 июня.

670. Егиазарян Г. Монастырь Мармашена и его надписи.— Эчмиадзин, 1957, № 5, стр. 35—43. На арм. яз.
XI в.

671. Закарая П. П. Крепостные сооружения Сацициано XVI—XVIII вв.— САН ГрузССР, т. 19, 1957, № 6, стр. 767—774 с 6 ил.

672. Закарая П. П. Некоторые вопросы крепостных сооружений Шида Картли XVI—XVIII вв.— ВГМГ, т. 19-А и 21-В, 1957, стр. 169—249 с 10 ил.

673. Иессен А. А. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 115—128 с 6 ил. и 1 карт.
Раскопки городища Орен-Кала.

674. Капанадзе Д. Г. О некоторых определениях М. Баратаева и В. Ланглуа [груз. монет].—САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 4, стр. 491—494 с 7 ил. Библиогр.: 5 назв.

675. Капанадзе Д. Г. Родовой знак Багратионов на грузинских средневековых монетах.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 77—81.

676. Кафадарян К. Санаинский монастырь и его надписи. Ереван, 1957, 209 стр. с 123 ил.; 1 л. ил. (АН АрмССР. Гос. ист. музей Армении). Библиогр.: 41 назв. На арм. яз.

Рец.: Тер-Гевондян А.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1958, № 4, стр. 97—98.

677. Кения Р. К истории оформления икон Хахульской богоматери.— VIII научная конференция аспирантов и молодых научных работников... (АН ГрузССР). План работы и тезисы докладов. Тбилиси. 1957, стр. 42. На груз. яз.

678. Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции [1950—1954 гг.].— СМАЭ, т. 17, 1957, стр. 373—384 с 7 ил.; 2 л. ил.

Надписи XI—XVIII вв.

679. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв.— СЭ, 1957, № 4, стр. 13—23.

680. Ломтатидзе Г. А. Итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии.— Труды Объедин. научн. сессии АН СССР и Академий наук Закавказских республик по обществ. наукам (29 марта — 2 апр. 1954 г.). Стеногр. отчет. Баку, 1957, стр. 341—352.

Ответ докладчика, стр. 366—368; заключ. слово, стр. 393—394.

681. Ломтатидзе Г. А. Некоторые итоги археологических раскопок памятников феодальной Грузии.—СА, XXVII, 1957, стр. 269—289 с 14 ил.

682. Майсурадзе З. П. Озаанская художественная керамика и ее место в грузинской архитектуре — XII научная сессия Ин-та истории груз. искусства (АН ГрузССР) 21, 22 мая 1957 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957. стр. 11 и 16—17. На груз. и русск. яз.

683. Макалатия С. И. Атенское ущелье. Ист.-этногр. очерк. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1957, 38 стр. с 5 ил. На груз. яз.

684. Макалатия С. И. Боржомское ущелье. Ист.-этногр. очерк. Тбилиси, Гос. издат ГрузССР. 1957, 64 стр. с 7 ил. На груз. яз.

685. Мегрелидзе И. В. Древности левого берега р. Большой Лиахви и их надписи (Сабацминда — Кемерти).— Труды Тбил. гос. пед. ин-та, т. 11, 1957, стр. 81—94. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Архитектурные памятники X—XIX вв

686. Меликсет-Бек Л. М. Рельефы руки на памятниках материальной культуры феодальной Грузии.— Материалы по этнографии Грузии, 9. Тбилиси, 1957, стр. 109—130; 11 л. ил. Библиогр.: стр. 129—130.

687. Меликсет-Бек Л. М. Храм Эчмиадзин в описании Шардена — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 9, стр. 83—87 с 4 ил.

688. Минаева Т. М. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе.— КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 133—137 с 3 ил.

Бронзовые и серебряные вещи VI в. Карачаево-Черкесская авт. обл.

689. Минкевич-Мустафаева Н. В. Гончарные печи на средневековом городище Орен-кала.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 134—148 с 20 ил. Резюме на азербайдж. яз.

690. Мнацаканян С. Х. Новые материалы по истории армянского зодчества IX—X вв.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 2, стр. 57—76 с 22 ил.

691. Мнацаканян С. Х. О возможности частичного восстановления Звартноца.— Советакан арвест («Сов. искусство»), 1957, № 1, стр. 47—51. На арм. яз.

692. Мушегян Х. А. Денежное обращение и торговые связи Двина по монетным данным. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1957, 15 стр. (АН СССР. ЛОИИМК).

693. Мушегян Х. А. Клад куфических монет IX—X вв., найденный в 1955 г. в развалинах Двина.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1957, № 12, стр. 77—84; 2 л. ил.

694. Наджафова Н. Н. Художественная керамика (бытовая) Азербайджана IX—XI вв.— Тезисы докладов на VI научной конференции аспирантов Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1957, стр. 124.

695. Пахомов Е. А. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII века.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 82—90.

696. Рзаев Н. Мавзолей «Имам-Заде» в Старой Гандже.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 224—254 с 28 ил. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

697. Рчеулишвили Л. Д. Из истории строительства г. Телави («Батонис цихе»).—XII научная сессия Ин-та истории груз. искусства (АН ГрузССР) 21, 22 мая 1957 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 7—8 и 13—14. На груз. и русск. яз.

698. Саидов М. С. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР.— Учен. записки (Ин-т ист., языка и лит. ДагФАН СССР), т. 3, Махачкала, 1957, стр. 122—131 с 1 ил.

Надгробные надписи XV в.

699. Ткешелашвили О. В. Булавки, обнаруженные в погребениях IV—VIII вв. Самтаврского могильника.— ВГМГ, т. 19-А и 21-В, 1957, стр. 149—163 с 4 ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
700. Халпахчьян О. Х. Плоские каменные покрытия Армении.— Архитектурное наследство, 8. М., 1957, стр. 79—92 с 21 ил.
701. Халпахчьян О. Х. Родники Армении. Архитектурное наследство, 8, М., 1957, стр. 93—114 с 31 ил.
702. Чолокашвили К. К. Грузинское вооружение. Шлем.— ВГМГ, т. 1-А и 21-В, 1957, стр. 335—356 с 19 ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
703. Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканое искусство с VIII по XVIII век. Альбом, ист. очерк и аннотации. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1957. 105 стр. в 5-ти отд. сброшир. тетр. парал. текста; 200 отд. л. илл. в папке (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. искусства). Текст парал. на русск., груз., англ., нем. и франц. яз.
704. Чубинашвили Г. Н. О художественной среде и хронологических рамках мингечаурского рельефа.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 2. Баку, 1957, стр. 212—223 с 3 ил. Резюме на азербайдж. яз.
VIII—IX вв.
705. Шелковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957. 69 стр.; 16 л. ил. (АН АрмССР. Сектор истории и теории искусств).
Рец.: Якобсон А. Л.— Сов. археология, 1959, № 1, стр. 324—327.
706. Шервашидзе Л. А. Стенная роспись на сюжеты «Амиран-Дареджаниани» в Сванетии.— Сабчота хеловнеба («Сов. искусство»), 1957, № 1, стр 60—61 с 2 ил. На груз. яз.
707. Шмерлинг Р. О. К вопросу датировки росписи храма Бедиа.— САН ГрузССР, т. 18, 1957, № 4, стр. 503—511 с 2 ил.
Роспись трех периодов: XI, XII—XIV и XVI—XVII вв.
708. Шмерлинг Р. О. Фрагмент алтарной преграды из сел. Икалто.— XII научная сессия Ин-та истории груз. искусства (АН ГрузССР) 21, 22 мая 1957 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957, стр. 9 и 14—15. На груз. и русск. яз.
Первая половина XI в.
709. Шошиашвили Н. Ф. и Цискаришвили В. Г. Надпись церкви Цхракара, села Додоти.— ВГМГ, т. 19-А и 21-В, 1957, стр. 91—99 с 1 ил. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Надпись X в.

IV. Средняя Азия и Казахстан

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

710. Агаханянц О. Е. Наскальные рисунки в Язгулеме.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 71—78 с 6 ил. Резюме на таджикск. яз.
Рисунки разновременные.
711. Андрианов Б. В., Базилевич Н. И. и Родин Л. Е. Из истории земель древнего орошения Хорезма.— ИВГО, т. 89, 1957, вып. 6, стр. 516—535 с 11 ил.; 1 л. ил.; 1 л. карт. Библиогр., 25 назв.
Геоморфологическое изучение земель древнего Хорезма.
712. Аргасова К. Геоморфологическая характеристика Жана-Дарьи (древнего протока р. Сыр-Дарьи).— Тезисы докладов IV конференции молодых ученых Ин-та географии АН СССР. М., 1957, стр. 18—19.
Привлечены данные археологии.
713. Ахинжанов М. Об этногенезе казахского народа. (Краткий обзор). Алма-Ата, Казгосиздат, 1957, 163 стр. с ил. Библиогр: стр. 156—162. На казахск яз.
714. Грач А. Д. Проблема этногенеза киргизского народа. (Сессия во Фрунзе [10—14 нояб. 1956 г.]).— ВАН СССР, 1957, № 2, стр. 123—125.
715. Гулямов Я. Г. Из истории ирригационной практики народов Средней Азии,— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 177—180.
716. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, 314 стр. с ил. и карт. (АН УзССР. Ин-т ист. и археол.). Библиогр.: стр. 300—313.
717. Дебец Г. Ф. Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции [1954 г.]— КСИЭ, 26, 1957, стр. 67—71; 1 л. карт.
718. Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете работ последних лет.— Первая всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 220—221.
719. Джаббаров И. Двадцать лет работы Хорезмской экспедиции.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 3, стр. 73—75.

720. Дурдыев Д. Исследование археологических памятников в Туркменистане.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 188—189.

721. Жуков В. Д Некоторые результаты археологических работ в Кувинском районе Ферганской области.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 2, стр. 93—96 с 1 ил.

Обследование разновременных памятников.

722. Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии [1954 г.].— КСИЭ, 26, 1957, стр. 75—81 с 2 ил.

Памятники от эпохи бронзы до средневековья.

723. Заднепровский Ю. А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П. П. Иванова.— ТИИАН КиргССР, вып. 3, 1957, стр. 109—116. Прил.: Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины, стр. 117—126 (103 назв.).

724. Иванов П. П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля.— ТИИАН КиргССР, вып. 3, 1957, стр. 65—107 с 13 ил.— Прил.: Список экспонатов Джетысуйского губернского музея, найденных на берегах оз. Иссык-Куль (Киргизстан) в период с 1880 по 1920 гг. Сост. Б. Дублицкий.

725. Изобразительное искусство Советского Узбекистана. (Очерк истории живописи графики, скульптуры). Ташкент, 1957, 180 стр. с ил. 33 л. ил. (Научно-исслед. ин-т искусствознания УзССР. Искусство советского Узбекистана)

Стр. 2—42: гл. I. [С древнейших времен до начала XX в.]. Авт.: Г. А. Пугаченкова.

726. История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата. 1957. 609 стр. с ил. и карт. (АН КазССР. Ин-т ист., археол. и этнографии).

Стр. 9—26: гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Казахстана». Авт.: Е. И. Агеева и С. С. Черников. Стр. 27—52; гл. 2. «Разложение первобытно-общинного строя. Племенные союзы на территории Казахстана». Авт.: Е. И. Агеева. И. И. Копылов и В. Ф. Шахматов. Стр. 55—74; гл. 3. «Возникновение и развитие патриархально-феодальных отношений. Раннефеодальные государства на территории Казахстана». Авт.: Е. И. Агеева и В. Ф. Шахматов. Стр. 75—111, гл. 4. «Культура племен и народностей Казахстана в VI—XII веках». Авт.: А. Х. Маргулан и С. К. Кенесбаев.

То же на казахск. яз. Казгосиздат. 640 стр. с ил.

727. История Туркменской ССР. Т. I. Кн. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Ашхабад, 1957, 496 стр. с ил. (АН ТуркмССР. Ин-т ист., археол. и этнографии).

Стр. 18—56: гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Туркменистана. (От каменного до раннежелезного века)». Авт.: В. М. Массон и А. П. Окладников. Стр. 57—150: гл. 2 «Народы Туркменистана в эпоху рабовладельческого строя и его кризиса (VI в. до н. э.— V в. н. э.)». Авт.: С. А. Вязигин, В. М. Массон, М. Е. Массон и Ф. Я. Коське.

728. Кесь А. С. К вопросу о верхнечетвертичной истории системы Аму-Дарья —Сарыкамыш — Узбой.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 188—200 с 5 ил.; I л. ил. Библиогр.: 15 назв.

729. Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы.— КСИЭ, 26, 1957. стр. 12—15.

730. Литвинский Б. А. Путешествие в глубь тысячелетий. Памятка юного археолога. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, 55 стр. с ил.

731. Маджи А. Е. Наскальные рисунки в горах Моголтау.— ИООНАН Тадж. ССР, вып. 14, 1957, стр. 76—86 с 6 ил. Резюме на таджикск. яз.

732. Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Часть 1. Ереван, 1957, 140 стр.; 7 л. ил. (САГУ. Труды. Нов. серия, вып. 96. Ист. науки, кн. 16). Библиогр.: 82 назв.

733. Парфенов Г. В. Находки на Кулин-Тепе и в его окрестностях, сделанные при строительстве Большого Гиссарского канала в 1911 г.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 61—66 с 2 ил. Резюме на таджикск. яз.

Находки разновременных памятников.

734. Ранов В. А. Наскальные изображения у кишлака Наматгут.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, с. 67—70 с 2 ил. Резюме на таджикск. яз.

Горно-Бадахшанская обл.

735. Семенов А. А. Роль Средней Азии в распространении материальных и духовных ценностей.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент. 1957, стр. 101—102.

736. Толстов С. П. Бируни и проблема древней и раннесредневековой истории Хорезма.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 38—42.

737. Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. (1937—1956 гг.).— СЭ, 1957, № 4, стр. 31—59 с 18 ил.; 7 вкл. л. илл. и карт.

738. Толстов С. П. и Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 5—11; 1 л. ил.

739. Толстов С. П. Новые работы в Хорезме (1954 г.).— КСИЭ, 26, 1957, стр. 103—105.
Памятники от эпохи бронзы до средневековья.
740. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 28—31.
741. Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. [Археол. экспедиция 1953 г.].— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 12—21 с 3 ил.
Памятники от эпохи палеолита до IX—XII вв.

2. Эпоха палеолита и неолита

742. Бабаев А. Д. Каменный век в Таджикистане.— VII научная студенч. конференция, посвящ. В. И. Ленину. (Таджикск. гос. ун-т). Тезисы докладов. Сталинабад, 1957, стр. 6—7.
743. Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры.— СЭ, 1957, № 1, стр. 25—45 с 7 ил.
744. Виноградов А. В. Кельтеминарская культура. Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1957. 16 стр. (АН СССР. Ин-т. этнографии).
745. Гинзбург В. В. О фрагменте бедренной кости [медведя] из Аман-Кутана.— КСИЭ, 27, 1957, стр. 60—63 с 1 ил.; 1 л. ил.
746. Гохман И. И. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 54—58 с 3 ил.
747. Итина М. А. Работы Узбойского отряда в 1954 г.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 105—113 с 3 ил.
Памятники эпохи неолита и бронзы.
748. Лев Д. Н. Новые памятники палеолита в Узбекистане.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 344—349. Библиогр.: 4 назв.
Стоянки Аман-Кутан и Такалисай.
Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. См. № 765.
749. Массон В. М. Ранние земледельческие поселения Южной Туркмении.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 32—34.
750. Ярмак Г. А. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане.—ВАН КазССР, 1957, № 7, стр. 104—108 с 21 ил.

3. Эпоха бронзы и раннего железа

751. Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 96—102. I—IV вв. н. э. Ошская обл.
752. Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1955 г.).— ТИИ АН КиргССР, вып. 3, 1957, стр. 17—31 с 7 ил.
753. Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 18—21.
754. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник.—КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 78—90 с 4 ил.; 1 л. ил.
V—III вв. до н. э. Ферганская обл.
755. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА, 1957, № 3, стр. 130—135 с 5 ил.
756. Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 91—93.
Могильники эпохи поздней бронзы в V—III вв. до н. э. Ферганская обл.
757. Горбунова Н. Г. и Гамбург Б. З. Могильник Хангиз.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 33—44 с 3 ил.; 2 л. ил. Резюме на таджикск. яз.
II в. до н. э.— IV в. н. э. Ферганская обл.
758. Грязнов М. П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 21—28.
759. Заднепровский Ю. А. Дальверзинское селище.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 50—57 с 3 ил.
Селище эпохи бронзы. Андижанская обл.
Итина М. А. Работа Узбойского отряда в 1954 г. См. № 747.
760. Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда [1954 г.].— КСИЭ, 26, 1957, стр. 81—88 с 5 ил.
Раскопки курганов второй половины I тысячелетия до н. э. и средневековых.

761. Копылов И. И. Из истории техники литейного дела в сакское время.— УЗ Алма-АтГПИ, т. 14(2). Серия обществ.-полит., 1957, стр. 291—299 с 2 ил.; 8 л. ил.
762. Копылов И. И. Находка скифского шлема в Семиречье.— УЗ Алма-АтГПИ, т. 14(2). Серия обществ.-полит., 1957, стр. 300—302.
763. Массон В. М. Археологические работы на Мисрианской равнине [ЮТАКЭ в 1953 г.].— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 66—71 с 3 ил.
Памятники первой трети I тысячелетия до н. э. и V—VIII вв.
764. Массон В. М. Джейтун и Кара-Депе. Предварит. сообщение о работах 1955 г.— СА. 1957, № 1, стр. 143—160 с 13 илл.; 1 л. цв. ил.
Поселения культуры Анау. Ашхабадская обл.
765. Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией.— ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47 с 6 ил.; 1 вкл. л. цв. ил.
766. Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. [1955 г.].— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 58—65 с 4 ил.
767. Массон В. М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.— СА, 1957, № 4, стр. 44—54 с карт.
768. Миклашевская Н. Н. Новые палеоантропологические материалы из Кенкольского могильника.— Сов. антропология, т. 1, 1957, № 2, стр. 211—214 с ил. Библиогр.: 10 назв.
II—IV вв. Таласская обл.
769. Сариаиди В. И. Керамические печи древней Маргианы.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 72—77 с 3 ил.
Печи эпохи поздней бронзы и середины I тысячелетия до н. э.
770. Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 1, стр. 65—72 с 5 ил. Библиогр.: 5 назв. Резюме на узбекск. яз.
771. Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.).— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 40—49 с 6 ил.
772. Трофимова Т. А. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма.— СЭ, 1957, № 3, стр. 10—31 с 6 ил.
Материалы эпохи бронзы и первых вв. н. э.
773. Хлопин И. Н. Изображение коровы на сосуде из Кара-Депе. (По материалам работ ЮТАКЭ 1955 г.).— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 136—138 с 1 ил.
Первая половина III тысячелетия до н. э.
774. Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 28—33 с 1 карт.

4. Древние государства (Греко-Бактрия. Парфия. Государство Кушанов)

775. Воробьева М. Г. Гончарные печи античного Хорезма.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 113—121 с 4 ил.
776. Дьяконов И. М. и Лившиц В. А. Ход расшифровки парфянского архива из Нисы — Первая Всесоюзн. конференция востоковедов: Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 172—174.
777. Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища.— ИАН УзССР. Серия обществ. наук, 1957, № 2, стр. 75—83 с 5 ил. Резюме на узбекск. яз.
Памятники античного периода и средневековые.
778. Лапиров-Скоблo М. С. К вопросу о реконструкции памятника античного Хорезма — Кой-Крылган-калы.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 121—127 с 4 ил.
779. Массон В. М. Восточно-парфянский правитель Санабар.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 34—42.
По данным нумизматики.
780. Массон В. М. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 109—114 с 1 ил. Резюме на таджикск. яз.
781. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы. (Предварит. публикация).— Ежегодник Института истории искусств. 1956, М., 1957, стр. 460—489 с ил.
782. Массон М. Е. Новые данные по истории и истории культуры Южного Туркменистана.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 181—187.
Памятники античного времени и средневековые.
783. Массон М. Е. Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней давности в крепости древнего Мерва.— ИАН ТуркмССР, 1957, № 1, стр. 118—120 с 2 ил.
Негматов Н. Н. Усрушана в древности и в раннем средневековье. См. № 818.
784. Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки. кн. 25, 1957, стр. 109—132 с 19 ил.
785 Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва.—ИАН ТуркмССР, 1957, № 3, стр. 65—72 с 12 ил. Библиогр.: 24 назв.

786. Пугаченкова Г. А. Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 118—120.
787. Рутковская Л. М. Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 133—138 с 2 ил.
II—III вв.
Трофимова Т. А. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. См. № 772.
788. Шишкин В. А. Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 195—196.
Памятники искусства античного периода и средневековые.

5. Памятники средневековья

789. Адыков К. К истории средневековых поселений Мервского оазиса.— ИАН ТуркмССР, 1957, № 4, стр. 120—123. Библиогр.: 5 назв.
790. Басенов Т. К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957, 98 стр. с 21 ил.; 59 л. ил. (АН КазССР). Библиогр.: стр. 87—89.
791. Беленицкий А. М. Археологические заметки. 1. К вопросу о похоронной обрядности в домусульманской Средней Азии (О бракте атах Средней Азии). 2. О сосудах с клеймами из Пенджикента.— ИООН АН ТаджССР, 14, 1957, стр. 3—15 с 3 ил. Резюме на таджикск. яз.
792. Беленицкий А. М. Новые памятники искусства Пенджикента.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 35—37.
793. Belenizkij A. M. Neue Denkmäler der vorislamischen monumentalen sogdischen Kunst. Vortrag auf dem 24 Internationalen Orientalistenkongress. Moskau, 1957, 8 стр. (Akad. der Wissenschaften der U. d. S. S. R.).
794. Винокурова М. П. Ткани из замка на горе Муг.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 17—32 с 10 ил. Резюме на таджикск. яз.
795. Воронина В. Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества.— Архитектурное наследство, 8. М., 1957, стр. 115—142 с 25 ил.
796. Воронина В. Л. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии.— СА, 1957, № 4, стр. 83—92 с 3 ил.
797. Гелах Г. Ф. Бухарская городская оборонительная стена в связи с историческими судьбами города.— Доклады научно-теорет. конференции 1957 года (Бухар. гос. пед. ин-т). Бухара, 1957, стр. 21—25.
798. Герасимов Г. Г. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957, 60 стр.; 20 л. ил. (АН КазССР. Ин-т архитектуры, строительства и строит. материалов). Библиогр.: стр. 59—60.
Герасимов М. М. Портрет Ибн Сины. (Опыт воспроизведения внешнего облика по фотографиям из могилы Ибн Сины в Хамадане). См. № 821.
799. Давидович Е. А. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана.— СА, 1957, № 3, стр. 257—259.
800. Давидович Е. А. Коллекция восточных монет Ферганского областного музея.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 137—142. Резюме на таджикск. яз.
801. Давидович Е. А. Новый клад монет Ленинабадского областного историко-краеведческого музея.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 193. Резюме на таджикск. яз.
Клад монет VIII—XI вв.
802. Давидович Е. А. Новый клад монет Ферганского областного музея.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 195. Резюме на таджикск. яз.
Клад монет XI в.
803. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 91—119 с 3 ил.
804. Добровольский И. Г. Монета Нуха ибн Мансура из раскопок Пайкенда.— СГЭ, 11, 1957, стр. 61—62 с 1 ил.
805. Зяблин Л. П. Археологические работы на Иссык-Куле.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 94—101 с 5 ил.
Памятники V—VI вв. н. э. и XI—XIII вв.
806. Исламов О. И. и Рутковская Л. М. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кан-и-Мансур.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 155—176 с 14 ил.
Кабанов С. К. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища. См. № 777.
Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. См. № 760.
807. Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда.— Архитектурное наследство, 8. М., 1957, стр. 165—186 с 33 ил.

808. Крачковская В. А. Кайрак 514 года хиджры из Амуля.— ВЛУ, 1957, № 8. Серия ист., языка и лит., вып. 2, стр. 70—84 с 6 ил. Резюме на англ. яз.
809. Крачковская В. А. О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии. (Мервские ткани IX—X вв.).— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 197.
810. Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 88—96 с 3 ил.; 1 л. ил.
Памятники V—X вв.
811. Лившиц В. А. Три согдийских надписи.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 101—104 с 2 ил. Резюме на таджикск. яз.
812. Лунина С. Б. и Усманова З. И. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Занги-Ата.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111, Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 193—196.
Обследование средневековых поселений Ташкентской обл.
813. Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 91—99 с 2 ил. Резюме на таджикск. яз.
Массон В. М Археологические работы на Мисрианской равнине. См. № 763.
814. Массон М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.).— ТСАГУ. Нов. серия, т. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 41—108 с 2 ил. и 1 карт.
Массон М. Е. Новые данные по истории и истории культуры Южного Туркменистана. См. № 782.
815. Мороз А. Каким был Рудаки.— Современный Восток, 1957, № 6, стр. 15—19 с 4 ил. Резюме на англ. яз.
Портрет поэта X в., воспроизведенный по его черепу М. М. Герасимовым.
816. Мухтаров А. Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана и их научное значение.— Первая Всесоюзн. конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент. 1957, стр. 225—226.
817. Негматов Н. Н. Мавзолей Туба-Хан.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 45—60 с 8 ил.; 1 л. ил. Резюме на таджикск. яз.
Мавзолей XIV в. в г. Ленинабаде.
818. Негматов Н. Н. Усрушана в древности и в раннем средневековье. Сталинабад, 1957. 159 стр.; 1 л. карт. (АН ТаджССР. Труды, т. 55. Ин-т ист., археол. и этнографии).
819. Норматов Ш. Южный Таджикистан и родина Носири Хисрава — Кобадиан. (Ист.-археол. очерк).— Учен. записки (Ленинабад. гос. пед. ин-т), вып. 7, 1957, стр. 147—173.
820. Пацевич Г. И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 111—114 с 1 ил.
821. Портрет Ибн Сины. Ташкент, 1957, 30 стр. с ил.; 1 л. портр. (АН УзССР. Труды Ин-та востоковедения, вып. 5). На узбекск. яз.
Содержание: 1. В. Н. Терновский. Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины. 2. М. М. Герасимов. Портрет Ибн Сины. (Опыт воспроизведения внешнего облика по фотографиям черепа из могилы Ибн Сины в Хамадане).
822. Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркмении: 1. Памятники архитектуры города Мешхед-и-Мисриан. 2. К вопросу о первоначальном облике мавзолея Санджара в Мерве.— Архитектурное наследство, 8. М., 1957, стр. 143—164 с 35 ил.
823. Пугаченкова Г. А. Архитектура и изобразительное искусство до Великой Октябрьской революции.— В кн.: Пугаченкова Г. А. и Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1957, стр. 5—90. На турком. яз.
Пугаченкова Г. А. Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана. См. № 786.
824. Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 139—154 с 6 ил.
825. Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. Ташкент, 1957. 98 стр. с ил.; 33 л. ил. Среднеаз. гос. ун-т. Труды. Нов. серия, вып. 108. Ист. науки, кн. 22).
826. Пулатов У. Археологические раскопки в Шахристане в 1955—56 гг.— Учен. записки (Ленинабадск. гос. пед. ин-т), вып. 5 [колонтит. вып. 4], 1957, стр. 195—204.
Памятники VII—IX вв.
827. Раков В. А. Раскопки могилы Рудаки.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 191—192. Резюме на таджикск. яз.
828. Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 102—110 с 5 ил.
VII—X вв.
829. Сарианиди В. И. Новая матрица Самаркандского музея.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 105—108 с 1 ил. Резюме на таджикск. яз.
830. Смирнова О. И. О двух группах монет владетелей Согда VII—VIII вв.— ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 115—135 с 2 ил. Резюме на таджикск. яз.

831. Ставиский Б. Я. Дворцовое хозяйство пенджикентского владетеля. (К вопросу о хозяйственной жизни Средней Азии в VII—VIII вв.).— СВ, 1957, № 1, стр. 86—94. Резюме на англ. яз.
832. Сусенкова Р. С. Клад медных монет конца XV в. из горного селения Сукок Ташкентской области.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 177—185; 1 л. ил.

Терновский В. Н. Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины. См. № 821.

833. Толстов С. П. Роль археологических и этнографических материалов в разработке спорных вопросов истории Средней Азии накануне присоединения ее к России.— КСИЭ, 26, 1957, стр. 34—37.
834. Трапезников Г. Е. Городище древнего Чарджоу (Амуль).— СА, 1957, № 4, стр. 161—163.
835. Федоров-Давыдов Г. А. Монетная система Хорезма XIV в.— СА, 1957, № 2, стр. 239—246; 1 л. ил.
836. Чабров Г. Н. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента.— ТСАГУ. Нов. серия, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, 1957, стр. 187—192. Перед загл. ошибочно: Чабров Р. Н.

Шишкин В. А. Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований. См. № 788.

V. Сибирь и Дальний Восток

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

837. Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев.— УЗ ТувИЯЛИ, вып. 5, 1957, стр. 178—214.

С привлечением данных археологии.

838. Давыдова Л. Археологические и исторические памятники Горного Алтая. Горно-Алтайск, Кн. изд., 1957. 28 стр. с ил. Библиогр.: 12 назв.

Памятники от эпохи палеолита до XV в.

839. Костин М. А. К вопросу историографии Хакассии.— ТТомГУ, т. 136, 1957, стр. 157—165.

Об археологических работах С. В. Киселева, А. Н. Бернштама и Л. П. Потапова.

Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. 250 стр., 98 ил. и 4 карт. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 58). См. №№ 156, 863, 866, 872.

840. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Автореферат дис. на соискание учен. степени доктора ист. наук. М., 1957. 16 стр. (АН СССР ИИМК).
841. Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре в зоне строительства Братской ГЭС.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 46—49.
842. Потапов Р. Л. К истории фауны Центральной Азии. (О наскальных изображениях животных в Туве).— СМАЭ, т. 17, 1957, стр. 429—431.
843. Птицеводство в древней Сибири.— Птицеводство, 1957, № 6, стр. 43 с 1 ил.
844. Пытляков Г. А. и Беляева А. В. Археологические работы на Охотском побережье [1955—1956 гг.].— Краевед. записки (Обл. краевед. музей), вып. 1. Магадан, 1957, стр. 5—11.
845. Розен М. Ф. К истории древних горных работ на Алтае.— Труды научн. конференции (Кемеровск. гос. пед. ин-т) по истории черной металлургии Кузбасса, посвящ. 140-летию Гурьевского завода (1816—1956). Кемерово, 1957, стр. 298—323. Библиогр.: 15 назв.
846. Рощина Н. А. Из истории горнорудного дела народов Западной Сибири.— Труды научн. конференции (Кемеровск. гос. пед. ин-т) по истории черной металлургии Кузбасса, посвящ. 140-летию Гурьевского завода (1816—1956). Кемерово, 1957, стр. 325—343. Библиогр.: 8 назв.
847. Соколова З. П. К истории жилища обских угров.— СЭ, 1957, № 2, стр. 88—105 с 11 ил.

Привлечен археологический материал Урала и Западной Сибири от эпохи неолита до конца I тысячелетия н. э.

848. Томашевский В. В. Археологические исследования на Дальнем Востоке в 1953—1956 гг.— Учен. записки (Дальневост. гос. ун-т.), вып. 1, 1957, стр. 33—45. Библиогр.: 6 назв.

Памятники от эпохи палеолита до XIII в.

849. Трухин Г. В. Описание археологических памятников по р. Яя в пределах Томской области.— УЗТомГПИ, т. 16, 1957, стр. 493—500.

Разведка разновременных памятников.

850. Эрдниев У. Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе.— Труды научн. конференции (Кемеровск. гос. пед. ин-т) по истории черной металлургии Кузбасса, посвящ. 140-летию Гурьевского завода (1816—1956). Кемерово, 1957, стр. 272—297 с 10 ил. Библиогр.: 53 назв.

2. Эпоха палеолита и неолита

851. Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье.— ЗБМИК, т. 23, 1957, стр. 118—135 с 10 ил.
852. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. (К вопросу о происхождении самодийских племен).— СА, 1957, стр. 26—55 с 14 ил.
853. Окладников А. П. и Флоренсов Н. А. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья.— Тезисы докладов Всес. междувед. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М., 1957, стр. 7—8.
854. Окладников А. П. и Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке. (Находки у оз. Эльгытхын).— СА, 1957, № 2, стр. 102—114 с 8 ил. и 1 карт.
855. Хороших П. П. Археологические исследования в районе строительства Ангарской ГЭС.— Природа, 1957, № 6, стр. 93—100 с 3 ил.
Памятники эпохи палеолита и неолита.
856. Хороших П. П. Энеолитическое погребение на берегу оз. Байкала.— СА, 1957. № 4, стр. 153—155 с 3 ил.
857. Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина.— СЭ, 1957, № 4. стр. 60—75 с 4 ил.
Памятники эпохи неолита.

3. Эпоха бронзы и железа

858. Андреев Г. И. Поселение Зайсановка I в Приморье.— СА, 1957, № 2, стр. 121—145 с 13 ил.
XVI—XII вв. до н. э.
859. Гаврилова А. А. Раскопки второго Катандинского могильника. (Работы Катандинск. отряда Горно-Алт. экспедиции 1954 г.).— СА, XXVII, 1957, стр. 250—268 с 10 ил.
Могильник II—I вв. до н. э.
860. Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции).— СМАЭ, т. 17, 1957, стр. 385—428 с 21 илл.; 17 л. ил.
VII в. до н. э.— VII в. н. э.
Грязнов М. П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. См. № 758.
861. Давыдова А. В. Бурятмонгольская археологическая экспедиция в 1956 году.— ЗБМИК, 24, 1957, стр. 241—269 с 16 ил.
Раскопки Иволгинского городища и могильника. II в. до н. э.— I в. н. э.
862. Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник XVII века у с. Молчаново на Оби.— УЗТомГПИ, т. 16, 1957, стр. 443—487 с 12 ил.
863. Золотарева И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников. (Средняя Обь).— МИА, № 58, 1957, стр. 246—250 с 3 ил.
I тысячелетие н. э.
864. Липский А. Н. Раскопки 1953 г. в Хакассии.— КСИИМК, вып. 70. 1957, стр. 72—77 с 3 ил.
Памятники эпохи бронзы и раннего железа.
865. Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов.— КСИИМК. вып. 67, 1957, стр. 144—146 с 2 ил.
Клад вещей начала I тысячелетия до н. э. из фондов Омского краеведческого музея.
866. Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, № 58, 1957, стр. 114—135 с 9 ил.
867. Окладников А. П. и Гурвич И. С. Древние поселения в дельте р. Индигирки.— КСИЭ, 27, 1957, стр. 42—51.
Поселение эпохи позднего неолита — ранней бронзы.
868. Руденко С. И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. [Ответ на рецензии Л. Р. Кызласова и К. Ф. Смирнова на кн. «Горноалтайские находки и скифы» (СА, XIX, 1954) и Л. А. Евтюховой на кн. «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (ВИ, 1954, № 4)].— СА, XXVII, 1957, стр. 301—306.
869. Рыгдылон Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги.— ЗБМИК, т. 23, 1957, стр. 136—143 с 1 ил.
Надписи V в. н. э.
870. Сальников К. В. Кипельское селище.— СА, XXVII, 1957, стр. 193—208 с 8 ил.
Селище андроновской культуры. Курганская обл.

871. Хороших П. П. Наскальные изображения на горе Байтог.— ЗБМИК, 23, 1957, стр. 144—148 с 3 ил.; 2 л. ил.
Древнетюркские рисунки VI—XI вв.
872. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, № 58, 1957, стр. 136—245 с 70 илл. и 1 карт.
873. Эрдниев У. Э. Городище Маяк.— ТТомГУ, т. 136, 1957, стр. 197—208.
Основной слой V—III вв. до н. э. Кемеровская обл.

IV. Работы по археологии зарубежных стран и переводная литература

874 Абрамова З. А. Новые находки верхнепалеолитических изображений человека в Центральной и Западной Европе,— СА, 1957, № 3, стр. 245—248 с 5 ил.
875. Антоневич Е. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики. (Исследования, произведенные за последнее десятилетие в Польской Народной Республике).— ИАН ЭстонскССР. Серия обществ. наук, т. 6, 1957, № 2, стр. 166—179 с 7 ил. и 1 карт.; 1 л. ил. Резюме на эстонск. и англ. яз.
876. Банк А. В. Выставка памятников культуры и искусства Византии и стран Ближнего и Среднего Востока.— СГЭ, 11, 1957, стр. 16—19.
877. Береговая Н. А. Находка доэскимосских поселений на Аляске и в прилегающих областях, по работам 1945—1954 гг. (К вопросу о заселении Америки).— СЭ, 1957, № 2, стр. 15—39 с 7 ил. и 1 карт.; 1 вкл. л. карт.
878. Берзин Э. О. Раскопки Афинской агоры (1946—1955 г.).— СА, 1957, № 3, стр. 305—310 с 4 ил.
879. Бонгард-Левин Г. М. Изображения хранилища для зерна на печатях Мохенджо-Даро и Хараппы.— СВ, 1957, № 6, стр. 119—122 с ил.
880. Бонгард-Левин Г. М. и Деопик Д. В. К проблеме происхождения народов мунда. (В свете археол. исследований последних лет).— СЭ, 1957, № 1, стр. 46—56 с 3 ил.; 1 вкл. л. карт.
881. Бонгард-Левин Г. М. Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955 гг.). [Из иностр. литературы].— СА, 1957, № 3, стр. 299—305 с 4 ил.
882. Бонгард-Левин Г. М. и Деопик Д. В. Новые материалы по древнейшей истории Индии. (Обзор журн. «Ancient India» за 1946—1955 гг.).— ВДИ, 1957, № 2, стр. 188—200 с 4 ил.; 2 л. ил.
Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. См. № 172.
883. Бошкович. Д. Византийская археология в Югославии перед новыми проблемами. [Статья из Белграда].— ВВ, т. 12, 1957, стр. 53—57.
884. Брашинский И. Б. Эпиграфические памятники из материковой Греции. (Открытия 1950—1955 гг.).— ВДИ, 1957, № 2, стр. 207—219.
885. Брюсов А. Я. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953 гг.).— СА, 1957, № 2, стр. 265—267.
886. Бутинов Н. А. и Кнорозов Ю. В. Новые материалы об острове Пасхи.— СЭ, 1957, № 6, стр. 38—42.
887. Быков А. А. Пережитки античности на монетах Зенгидов и Ортокидов.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 120—133 с 2 ил.; 3 л. ил.
888. Воробьев М. В. Состояние вопроса о палеолите зарубежного Дальнего Востока.— ТКИЧП, вып. 13, 1957, стр. 350—355. Библиогр.: 16 назв.
889 Деопик Д. В. и Мерперт Н. Я. К вопросу о конце цивилизации Хараппы. [По поводу статьи нем. археолога Р. Гейне-Гельдерна «Приход арийцев и конец цивилизации Хараппы» в англ. журн. «Man» за окт. 1956 г.].— СА, 1957, № 4, стр. 198—211 с 10 ил. и карт.
890. Димитров Д. П. Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района (Краткое предварит. сообщение). [Статья из Софии].— СА, 1957, № 1, стр. 199—216 с 20 ил.; 1 л. ил.
891. Добрынин М. А. Редкий тип драхм Ардашира I.— ТГИМ, вып. 26, Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 56—60 с 4 ил.
892. Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов).— СА, 1957, № 2, стр. 205—227 с 13 ил.; 1 л. цв. ил.
893. Иванова Ю. В. Изучение памятников иллирийской эпохи в Албании.— ВДИ, 1957, № 1, стр. 183—192 с 8 ил.
894. Казиев А. О датировке миниатюры Бехзада на сюжет «Лейли посещает Меджнуна в пустыне».— ДАН АзССР, т. 13, 1957, № 5, стр. 581—586; 2 л. ил.
895. Кацнельсон Р. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии.— ВВ, т. 12, 1957, стр. 242—262 с 20 ил.
896. Киньжалов Р. В. Древнеперуанский керамический сосуд из Чанкая.— СГЭ, 12, 1957, стр. 54—55 с 1 ил.
897. Киньжалов Р. В. Парфянская туалетная ложечка из слоновой кости.— СГЭ, 11, 1957, стр. 53—54 с 1 ил.
898. Киселев С. В. Древние города Монголии,— СА, 1957, № 2, стр. 91—101 с 4 план.

899. Киселев С. В. Древние города Монголии.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и на пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 года. М., 1957, стр. 3—5.
900. Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв. М., «Искусство», 1957, 67 стр., 15 л. ил. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. сост.: А. В. Банк, А. А. Иванов, Т. А. Измайлова, В. Г. Луконин, Р. В. Кинжалов, Ю. А. Миллер, С. Б. Певзнер и К. В. Тревер. На обл. загл.: Путеводитель по выставке «Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв.».
901. Лапис И. А. Статуя Арсинои II.— СГЭ, 11, 1957, стр. 49—52 с 3 ил.
902. Лебедев Ю. Д. Ангкор Великий.— ВИМК, 1957, № 3, стр. 122—126.
903. Лебедев Ю. Д. Монументальное искусство средневековой Камбоджи,— СВ, 1957, № 6, стр. 39—53 с 4 ил.; 3 л. ил. Резюме на англ. яз.
904. Лубо-Лесниченко Е. И. Символическое значение орнамента ноин-улинской ткани МР 1330.— СГЭ, 12, 1957, стр. 50—52 с 1 ил.
905. Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.— Л., 1957, 402 стр. с 50 ил.; 1 л. ил. (АН СССР. Ин-т истории). Библиогр.: стр. 13—17.
906. Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества,— СА, XXVII, 1957, стр. 71—90 с 1 карт.
907. Маракулев А. В. Опыт характеристики антропогена Китая.— ТКИЧП, 13, 1957, стр. 356—365 с 1 карт.; 1 л. ил. Библиогр.: 11 назв.
908. Массон В. М. Поселение бронзового века в Южном Афганистане.— СА, 1957, № 2, стр. 269—270 с 1 ил.
909. Матей М. Город Сучава с конца XIV в. до турецкого завоевания Молдавии (1538 г.). Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1957. 15 стр. (Ленингр. гос. ун-т).
910. Миллер Ю. А. Датированный изразец XVII в. из Халеба.— СГЭ, 12, 1957, стр. 52—54 с 1 ил.
911. Монгайт А. Л. Низкий прием. [По поводу вышедшей в Нью-Йорке книги М. А. Миллера «Археология СССР». Письмо в ред.] — Новое время, 1957, № 5, стр. 29—30.
912. Немировский А. Н. Племена Италии во II тысячелетии до нашей эры.— ВДИ, 1957 № 1, стр. 102—121.
913. Николаевич-Стойкович И. Работа в области археологии и истории искусств [в Югославии].— ВВ, т. 12, 1957, стр. 319—326.
914. Окладников А. П. Остатки бохайской столицы у р. Дунзинчэн на р. Муданцзян.— СА, 1957, № 3 стр. 198—214 с 12 ил.
915. Певзнер С. Б. Египетская медная чаша XV в.— СГЭ, 11, 1957, стр. 55—56 с 2 ил.
916. I Сессия археологов КНР. [Пекин. Февр 1956 г. Обзор работы].— СА, 1957, № 2, стр. 307—308. Подпись: Ред. отд. Ин-та археологии АН КНР.
917. Постовская Н. М. О царских кенотафах древнего Египта. (Кенотафы и хебсед).— ВДИ, 1957, № 3, стр. 122—144.
918. Прокофьев О. Росписи Аджанты.— Искусство, 1957, № 4, стр. 45—53 с ил.
919. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии. [Статья из Монгол. Нар. Республики].— СА, 1957, № 3, стр. 43—53 с 12 ил.; 1 л. ил.
920. Рейни Ф. Проблемы американской археологии [Доклад, прочит. в Ин-те этнографии АН СССР в июне 1957 г. директором университетского музея в Филадельфии].— СЭ, 1957, № 6, стр. 31—37.
921.Ременников А. М. К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV веке н. э.— УЗ КазанГПИ, Кафедра обществ. наук, вып. 12, 1957, стр. 389—418.
922. Розанова Н. П. Латинская эпитафия на ручке зеркала.— ТГИМ, вып. 26. Нумизматич. сборник, ч. 2, 1957, стр. 50—55 с 2 ил.
923. Сидорова Н. А. Новейшие археологические открытия в Греции.— СА, 1957, № 2, стр. 278—288 с 11 ил.
924. Сидорова Н. А. Новейшие открытия в области античной археологии в Западной Европе. [Из иностр. литературы].— СА, 1957, № 4, стр. 221—229 с 9 ил.
925. Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. (К вопросу о праболгарах). [Статья из Болгарии].— СА, XXVII, 1957, стр. 107—132 с 14 ил. Могильник Нови-Пазар.
926. Тюляев С. И. Выставка искусства Ирана в Государственном музее восточных культур.— СВ, 1957, № 6, стр. 197—198.
927. Урысон М. И. Новейшие палеоантропологические открытия в Африке.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 1, стр. 125—137. Библиогр.: 18 назв.
928. Хрисанфова Е. Н. Новая находка костных остатков ископаемого человека.— Сов. антропология, т. I, 1957, № 2, стр. 284. Находка 1957 г. во Франции.
929. Чайлд Г. Археологические документы по предыстории науки. [Статья из журн. «Cahiers d'histoire mondiale», т. I, № 4, и т. 2, № 1].— ВИМК, 1957, № 1, стр. 24—42; № 2, стр. 56—71.
930. Якимов В. П. Открытие скелетных остатков древнейших людей в Северной Африке.— Природа, 1957, № 2, стр. 101—102 с 3 ил.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абибуллаев О. А. 580
Абилова Г. А. 581
Абрамзон С. М. 29
Абрамишвили Р. М. 582
Абрамова З. А. 162, 874
Авдиев В. И. 30
Авдусин Д. А. 31, 427—430
Автандилов Г. Г. 583
Агаханянц О. **Е. 710**
Агеева **Е. И. 726**
Агиазарян Г. 649
Аджинджал И. А. 545
Адмони В. 387
Адыков К. 789
Азарян Л. 650
Акритас П. Г. 554, 570, 571, 573, 651
Александров В. А. 431
Алексеев Л. В. 432
Алибегашвили Г. В. 652, 653
Алиев М. М. 546
Алпысбаев Х. А. 163
Амальрик А. С. 6
Амиранашвили Ш. Я. 654
Андреев Г. И. 858
Андрианов Б. В 711, 738
Антейн **А. 97, 97а**
Антонович Е. 875
Антонова В. И. 433
Анфимов Н. В. 563, 584
Апакидзе А. М. 555
Аракелян Б. Н. 619, 626
Аргасова К. 712
Арембовский И. В. О нем. 117
Артемов Н. Е. 32
Артишевская Л. В. 373
Арутюнян В. М. 620, 655
Арутюнян Н. В. 621—623
Арциховский А. В. 434, 435
Асеев Ю. С. 492
Асратян М. С. 555, 643
Астахов С. 35
Аулих В. В. 436
Ахинжанов М. 713
Ахмедов Г. М. 656
Ашурбейли С. Б. 657, 658

Бабаев А. Д. 742
Бабенчиков В. П. 232, 233, 437
Бабков И. И. 304
Бадер О. Н. 7, 138, 164, 165, 374, 375
Базилевич Н. И. 711
Байчорова Р. Я. 104
Баниге В. С. 510
Банк А. В. 876, 900
Баран В. Д. 388
Бардавелидзе В. В. 547
Барнавели С. В. 624
Барнавели Т. В. 659, 660
Бартикян М. А. 131
Баруздин Ю. Д. 751, 752
Басенов Т. К. 790
Бахта В. М. Рец. 1
Башкиров А. С. 305, 661
Безбородов М. А. 98
Безсонов С. В. О нем 118
Белановская Т. Д. 166
Беленицкий А. М. 791, 792, 793
Белецкий А. А. 306
Белов Г. Д. 307, 308, 438, 439
Белоруцкий Н. Л. 440
Беляева А. В. 844
Береговая Н. А. 877
Березанская С. С. 234, 235
Березовец Д. Т. 389
Берзин Э. О. 878
Беридзе В. В. 662
Бернадский В. Н. 151
Бернштам А. Н. 753; о нем 119, 120
Беслекоева К. Х. 663
Бетгер Е. К.; о нем 121
Бибиков С. Н. 36, 37, 167
Блаватский В. Д. 309—314
Блифельд Д. И. 441
Бобин В. В. 139, 236
Богусевич В. А. 442
Бокучаева Г. К. 548
Болтенко М. Ф. 168
Бонгард-Левин Г. М. 879—882
Бондарь Н. Н. 315, 359; рец. 5
Борисковский П. И. 1, 169—173, 187
Боровкова С. 478
Бохочадзе А. 625
Бошкович Д. 883
Брайчевская А. Т. 390, 391
Брайчевский М. Ю. 392—395; рец.: 5
Братченко С. Н. 396
Брашинский И. Б. 884
Брюсов А. Я. 7—10, 174, 885
Брюсова В. Г. 510
Булатов А. Б. 535
Бунятов Т. А. 549, 585—587
Бураков А. В. 316
Бурейченко И. И. 49
Бусыгин Е. П. 38
Бутинов Н. А. 886
Быков А. А. 887
Бырня П. П. 90

Вага В. Я. 443, 444
Вадбольский М. 664
Ваидов Р. М. 665
Вайнштейн С. И. 837
Варганов А. Д. 445
Васнецов А. М. 446; о нем 122
Веймарн Е. В. 397
Векилова Е. А. 175, 176

Величко А. А. 177—180
Верещагин Н. К. 181
Веселов В. В. 237, 317
Ветштейн Р. И. 318
Винберг Н. А. 110, 111
Виноградов А. В. 743, 744
Винокурова М. П. 794
Витков З. А. 447
Власян Н. С. 131
Вольская А. И. 667
Волянский Н. 11
Воробьев М. В. 888
Воробьев Н. И. 38
Воробьева М. Г. 39, 775
Воронин Н. Н. 40. 448—451, 466; рец.: 445
Воронина В. Л. 795, 796
Выезжев Р. И. 452
Высоцкий Б. П. 588
Вязигин С. А. 727
Вязьмитина М. И. 238

Г. К. 130
Габуния Л. К. 568
Гаврилова А. А. 859
Гайдукевич В. Ф. 346
Гамбашидзе О. С. 617
Гамбург Б. З. 754, 755, 757
Гаприндашвили Г. М. 668
Гарданов В. К. 41
Гарутт В. Е. 410
Гелах Т. Ф. 797
Генинг Б. Ф. 140
Герасимов Г. Г. 798
Герасимов М. М. 821
Гинзбург В. В. 745, 756
Гнедовская Б. В. 510
Голенко К. В. 319, 320, 627, 632
Голубева Л. А. 42
Голубкина Т. И. 589
Гончаров В. К. 398, 453
Гончарова А. А. 454, 455
Горбунова К. С. 321
Горбунова Н. Г. 754, 755, 757
Горганян К. 628
Горецкий Г. И. 99
Гохман И. И. 746
Граков Б. Н. 322
Грач А. Д. 43, 456, 714, 860
Гремяцкий М. А. 44
Гриневич К. Э. 45, 323
Гроздилов Г. П. 457
Громов В. И. 12, 100
Грязнов М. П. 758
Гулямов Я. Г. 715, 716
Гурвич И. С. 867
Гуревич Ф. Д. 399
Гурина Н. Н. 151, 182, 183
Гурьев Д. Рец.: 4
Гусейнов М. М. 569, 587

Давидович Е. А. 799—803
Давыдова А. В. 861
Давыдова Л. 838
Дайга И. В. 495
Даниленко В. Н. 184
Данилова И. Е. 466
Дашевская О. Д. 239
Дебец Г. Ф. 13, 46, 101, 717, 718
Демин В. Г. 56
Деопик В. Б. 47
Деопик Д. В. 880, 882, 889
Джаббаров И. 719
Джамбурия Г. Д. 666
Джапаридзе О. М. 590
Джафарзаде И. М. 550, 551, 553
Диваев А. А. О нем 123
Димитров Д. П. 890
Дмитриев Ю. Н. 458
Добровольский А. В. 240; о нем 124
Добровольский И. Г. 804
Добрынин М. А. 891
Домбровский О. И. 102, 241, 324
Донова К. 459
Дублицкий Б. 724
Дубынин А. Ф. 460
Дульзон А. П. 862
Дурдыев Д. 720
Дурново Л. А. 669
Дьяконов И. М. 776
Дяденко В. Д. 242

Евтюхова Л. А. 892
Егиазарян Г. 670
Ельницкий Л. А. 112, 113
Есипенко А. Л. 185
Есипова О. Н. 49
Ефименко П. П. 14, 186, 187
Ефимова А. М. 461

Жданко Т. А. 48
Жолтовский П. 462
Жуков В. Д. 721

Заверняев Ф. М. 141, 188, 189
Заднепровская Т. Н. 110, 111
Заднепровский Ю. А. 722, 723, 759
Закарая П. П. 671, 672
Замятнин С. Н. 570—573
Запаско Я. П. 463
Заринь А. Э. 495
Засыпкин Б. Н. О нем 125
Захарук Ю. Н. 243, 244
Збруева А. В. 376
Зворыкин А. А. 15
Зевакин Е. С. 563
Зеест И. Б. 325
Зиновьев М. К. 245
Зограф А. Н. 326, 327
Золотарева И. М. 863
Золотаревская И. А. 50, 51
Зяблин Л. П. 52, 805

Иванов А. А. 900
Иванов П. П. 724
Иванов С. В. 16
Иванова И. К. 190
Иванова Ю. В. 893
Иерусалимская А. А. 246
Иессен А. А. 552, 553, 555, 673
Измайлова Т. А. 900
Изюмова С. А. 464
Ильинская В. А. 247—249
Инадзе М. 629
Иноземцев Г. А. 250; о нем 126
Ионе Г. И. 555
Исаков М. И. 53, 591
Исакова Ш. Г. 53
Исламов О. И. 806
Исраэлян М. 630
Итина М. А. 48, 747

Кабанов С. К. 777
Кадиков Б. Х. 375
Казаманова Л. Н. 400
Казиев А. 894

Казиев М. А. 55
Казиев С. М. 555, 592
Калинин Н. Ф. 144, 467, 468
Каменецкий И. С. 251
Каменская Е. Ф. 478
Канивец В. И. 556
Капанадзе Д. Г. 631, 632, 674, 675
Караханян Г. О. 557
Карышковский П. О. 328—330, 401; рец.: 327
Касабян З. М. 633
Каухчишвили Т. С. 634
Кафадарян К. 676
Каховский В. Ф. 145
Кацнельсон Р. А. 895
Кашкай М. А. 103, 546
Каштанов Л. И. 104
Кенесбаев С. К. 726
Кения Р. 677
Керимов М. А. Рец.: 565
Кесь А. С. 728
Кибиров А. К. 760
Кинжалов Р. В. 896, 897, 900
Кирпичников А. Н. 470
Киселев С. В. 7, 57, 898, 899
Кнорозов Ю. В. 886
Кобылина М. М. 331
Ковалев И. 471
Ковпаненко Г. Т. 252
Козыренко И. И. 332
Колбутов А. Д. 181
Колосов Ю. Г. 191, 253
Колчин Б. А. 472
Кондукторова Т. С. 192, 473
Копылов И. И. 726, 761, 762
Копысский З. Ю. 465
Корганов К. Рец.: 669
Корзухина Г. Ф. 474
Коридзе Д. Л. 593, 594
Корнилович К. Ф. 475
Коробкова Г. Ф. 193
Коровина А. К. 595; рец.: 364
Коростин А. Ф. 466
Коростовцев М. А. 333
Косвен М. О. 2
Костин М. А. 839
Косточкин В. В. 476, 477
Коське Ф. Я. 727
Котович В. Г. 564, 574
Кочедамов В. И. 807
Крайнов Д. А. 61, 174, 194—196
Красковский В. И. 197
Краснов Н. А. 62
Краснов Ю. А. 62
Крачковская В. А. 808, 809
Крикотун В. М. 56
Крис Х. И. 254, 255
Кропоткин В. В. 479, 480
Кругликова И. Т. 334—339
Круглова О. В. 49
Крупнов Е. И. 63, 64, 135, 558, 596, 597
Крушкол Ю. С. 340, 341
Крылова В. И. 65
Кубланов М. М. 342
Куликаускас П. З. 142, 377
Куссаева С. С. 559
Кухаренко Ю. В. 402, 403
Кушнарева К. Х. 598, 599
Кызласов Л. Р. 810

Л. Е. 82
Лавров Л. И. 554, 678, 679
Лагодовская Е. Ф. 124
Лазарев В. Н. 481
Лазицкий А. 482
Лазуков Г. И. 198—201
Лайпанов Х. О. 560
Лапиров-Скобло М. С. 778
Лапис И. А. 901
Латынин Б. А. 256, 729
Лашук Л. П. 146
Лебедев Ю. Д. 902, 903
Лебедева Ю. А. 483
Лев Д. Н. 748
Левенок В. П. 378
Левин М. Г. 66, 840
Лесков А. М. 257
Лифшиц В. А. 776, 811
Линевский А. М. 151
Липский А. Н. 864
Лисицына Н. К. 67
Литвинский Б. А. 68, 730
Лобачева Н. 136
Логвин Г. Н. 492
Ломоури Н. Ю. 635, 642
Ломтатидзе Г. А. 636, 680, 681
Лордкипанидзе О. Д. 637—639, 642
Лубо-Лесниченко Е. И. 904
Лукин А. Л. О нем 127
Луконин В. Г. 900
Лунин Б. В. 114, 115, 123, 126, 147
Лунина С. Б. 812
Лурье С. Я. 116, 905
Лыкошин Н. С. 128
Любин В. П. 575, 576, 903
Ляпушкин И. И. 404

Маджи А. Е. 731
Майсурадзе З. П. 600, 682
Макалатия С. И. 601, 683, 684
Макаревич М. Л. 405
Максименко Г. А. 484
Максимов Е. К. 258
Максимов П. Н. 118
Максимова М. И. 343
Мальм В. А. 485
Мамонова Н. Н. 851
Манасерян А. С. 131
Мантейфель Б. К. О нем 129
Манцевич А. П. 259
Маракуев А. В. 907
Маргулан А. Х. 726
Маркова А. А. 486
Марковин В. И. 577, 602
Мартиросян А. А. 69, 640
Марченко И. Д. 344, 345
Маршак Б. И. 813
Массон В. М. 727, 749, 763—767, 779, 780, 908
Массон М. Е. 727, 781, 783, 814
Матей М. 909
Махно Е. В. 260, 398
Мацулевич Л. А. 619; о нем: 130
Маясова Н. А. 49
Мегрелидзе И. В. 685
Медведев А. Ф. 487
Мезенцева Г. Г. 488
Мейерович М. Г. 489; рец. 511
Меликишвили Г. А. 561, 641
Меликсет-Бек Л. М. 686, 687
Мелитаури К. Н. 666
Мелихов А. Н. 603
Мельникова А. С. 490
Мельниковская О. Н. 379—381
Мерперт Н. Я. 17, 382, 383, 406, 889

Месхия Ш. А. 642
Месяц В. А. 202
Миклашевская Н. Н. 768
Миллер Ю. А. 900, 910
Милонов Н. П. 148, 491
Минаева Т. М. 688
Минкевич-Мустафаева Н. В. 689
Мирзоян А. 562
Митрофанов А. Г. 407
Михаловский К. 346
Мнацаканян А. О. 604, 605
Мнацаканян Г. 606
Мнацаканян С. Х. 690, 691
Мнева Н. Е. 478
Мовша Т. Г. 261
Монгайт А. Л. 6, 70, 129, 911; рец.: 527
Моора Х. А. 143, 149
Мороз А. 815
Москаленко А. Н. 71
Мошинская В. И. 865, 866
Мунчаев Р. М. 577
Мухтаров А. 816
Мушегян Х. А. 692, 693

Навицкайте О. В. 408, 409
Наджафов Н. Н. 694
Наливкина М. А. 347
Нариманов И. Г. 555, 607
Негматов Н. Н. 817, 818
Недоля И. К. 578
Нейхардт А. А. 348
Некрасов И. А. 854
Немировский А. И. 912
Нестурх М. Ф. 18, 134
Никитин А. В. 73
Никитин Г. А. 150
Николаева Т. В. 49, 493
Николаевич-Стойкович И. 913
Никольская Т. Н. 58, 494
Никулин В. 349
Норматов Ш. 819
Нудельман А. А. 262
Нусупбеков А. Н. 77

Обельченко О. В. 784
Оборин В. А. 496—498
Окладников А .П. 51, 74, 499, 727, 841, 852—854, 867, 914
Орбели И. А. О нем: 131—133
Орлов С. Н. 500, 501
Орфинский В. П. 469
Ошанин Л. В. 732

Паровић М. Б. 350
Парфенов Г. В. 733
Пассек Т. С. 203, 204
Патокова Э. Ф. 263
Патушинская А. А. 104
Пахомов Е. А. 553, 565, 619, 695
Пацевич Г. И. 820
Пачулиа В. П. 127
Певзнер С. Б. 900, 915
Передольская А. А. 351, 352
Петренко М. З. 56
Петровская Е. А. 353
Пидопличко И. Г. 205, 206
Пикуль М. И. 564
Пиотровский Б. Б. 643, 644
Пирпилашвили П. М. 608, 609
Писарская Л. 459
Пицхелаури К. Н. 610
Плисецкий М. С. 19; о нем 134
Погребова Н. Н. 264, 265
Подобедова О. И. 502
Покровская Е. Ф. 266, 267
Покровский С. Н. 77
Полевой Л. Л. 503
Поликарпович К. М. 152, 153, 207, 465
Полозов И. 504
Полубояринова М. 47
Попова Т. Б. 268
Поршнев Б. Ф. 20
Постовская Н. М. 917
Потапов Р. Л. 842
Прибыткова А. М. 125, 822
Припусков А. П. 269
Прокофьев О. 918
Пронина И. Г. 410
Пронштейн А. П. 527
Пугаченкова Г. А. 725, 781, 785, 786, 823—825
Пулатов У. 826
Пытляков Г. А. 844
Пэрлээ Х. 919
Пятышева Н. В. 270

Рабинович М. Г. 122, 505; рец.: 509, 527
Равдина Т. В. 506
Разгон А. М. 105
Рамишвили Р. М. 611
Ранов В. А. 734, 827
Ратич А. А. 507, 508
Рейни Ф. 920
Ременников А. М. 921
Ремпель Л. И. 828
Репман А. Х. 208
Рехвиашвили Н. Б. 566
Рзаев Н. 696
Рикман Э. А. 78, 262, 411, 412
Рогачев А. Н. 209, 210
Рогинский Я. Я. 21, 66
Родин Л. Е. 711
Розанова Н. П. 922
Розен М. Ф. 845
Розенфельдт Р. Л. 509
Рощина Н. А. 846
Руделев В. Г. 154
Руденко Г. С. 211
Руденко С. И. 868
Рудинский М. Я. 212
Рудык Ф. 271
Рутковская Л. М. 787, 806
Рчеулишвили Л. Д. 697
Рыбаков Б. А. 79, 80, 511
Рыгдылон Э. Р. 869

Савватеев Ю. А. 213
Саидов М. С. 698
Сальников А. Г. 354, 870
Сальников К. В. 384
Сарианиди В. И. 769, 829
Саркисян Г. Рец.: 626
Сахарова И. Г. 512
Свешников И. К. 272, 273, 413
Седов В. В. 513—515; рец.: 495
Седова М. В. 516
Селимханов И. Р. 103, 106, 555, 619
Семенов А. А. 81, 735
Семенов А. И. 517
Семенов С. А. 4, 22
Сидорова Н. А. 923, 924
Сильман Т. 387
Синицын И. В. 274
Синицын М. С. 275

Скуднова В. М. 355—358
Славин Л. М. 359, 360
Смирнов А. П. 23, 24, 155, 156, 414, 518
Смирнов К. А. 415
Смирнов К. Ф. 276—278
Смирнова Г. И. 157, 279, 280
Смирнова О. И. 830
Смишко М. Ю. 281, 416
Снегирева В. Л. 478
Соколова З. П. 847
Соколова К. Ф. 282
Сокольский Н. И. 361—363
Соловьева Г. Ф. 91
Соломоник Э. И. 283, 284
Сорокин С. С. 519
Сорокина Н. П. 364
Сотникова М. П. 520, 521
Спасский И. Г. 522
Спришевский В. И. 770, 771
Ставиский Б. Я. 831
Станчев С. Р. 925
Столяр А. Д. 214
Стрельченко М. Л. 612
Стржелецкий С. Ф. 365
Стубавс А. Я. 417
Сугробов Н. А. 135
Сумбат-заде А. С. 86
Сусенкова Р. С. 832
Сымонович Э. А. 418—420

Таганова В. 285
Талицкая И. А. 156
Тараканова С. А. 87
Тарасенко В. Р. 465, 523, 524
Тарлер Л. Ю. 469
Татишвили Т. И. 617
Таутавичюс А. З. 525
Телегин Д. Я. 215—217, 421
Тер-Гевондян А. Рец.: 676
Тереножкин А. И. 286, 287
Терентьева Л. Н. 87
Терновский В. Н. 821
Техов Б. В. 567, 613
Тимощук Б. А. 526
Тирацян Г. А. 645, 646
Тиханова М. А. 422
Тихомиров М. Н. 527
Тиц А. А. 528
Ткешелашвили О. В. 699
Тогонидзе Г. И. 614
Толстов С. П. 120, 136, 137, 736—740, 833
Томашевский В. В. 848
Топуриа Н. С. 647
Трапезников Г. Е. 834
Тревер К. В. 900
Третьяков П. Н. 423
Троицкая Т. Н. 288—290
Трофимова Т. А. 772
Трухин Г. В. 849
Турчанинов Г. Ф. 529
Тюляев С. И. 926
Урысон М. И. 927
Усманова З. И. 812
Успенская А. В. 386
Утченко С. Л. 89

Федоров Г. Б. 90, 291, 424
Федоров-Давыдов Г. А. 530, 531, 835
Фехнер М. В. 485, 532
Фигуровский И. А. 533
Филатов В. В. 534
Флоренсов Н. А. 853
Фоменко В. П. 615
Формозов А. А. 7, 25, 26, 218—220, 579
Фурманская А. И. 366

Хайтун Д. Е. 27
Халиков А. Х. 535
Халпахчьян О. Х. 700, 701
Хамцов А. И. 107, 454, 455
Хантадзе Ш. А. 666
Хануков А. 91
Харко Л. П. 92
Хафизов Я. 536
Хахутайшвили Д. А. 648
Хачатрян Т. 616
Хлопин И. Н. 773
Хороших П. П. 855, 856, 871
Храбан Г. 425
Хрисанфова Е. Н. 928
Хрычиков Б. В. 501

Цапенко М. М. 221
Цветаева Г. А. 367, 368
Цветкова И. К. 222
Цехмистренко В. И. 369
Цискаришвили В. Г. 709

Чабров Г. Н. 93, 836
Чайлд Г. 929
Чалоян В. 132
Чернецов В. Н. 872
Черников С. С. 726, 741, 774
Черных Е. 35
Черныш А. П. 223—227
Черныш Е. К. 228
Чолокашвили К. К. 702
Чубарова Р. В. 857
Чубинашвили Г. Н. 703, 704
Чубинишвили Т. Н. 617, 618

Шапошникова О. Г. 292
Шахматов В. Ф. 77, 726
Шевченко А. И. 293
Шейнина Е. Г. 108
Шелковников Б. А. 705
Шетов Д. Б. 75, 370—372, 426
Шервашидзе Л. А. 706
Шиденко В. А. 56
Шишкин В. А. 109, 788
Шмерлинг Р. О. 707, 708
Шмидт Е. А. 158, 386, 537; рец.: 427
Шноре Э. Д. 495, 538
Шовкопляс А. М. 159, 294, 539
Шовкопляс И. Г. 5, 94, 95, 206, 229, 230
Шошнашвили Н. Ф. 666, 709
Шрамко Б. А. 96, 295—298
Шульц П. Н. 299, 300
Щапов Н. Б. 510
Щепинский А. А. 160, 301, 302
Щукин Г. Б. 540

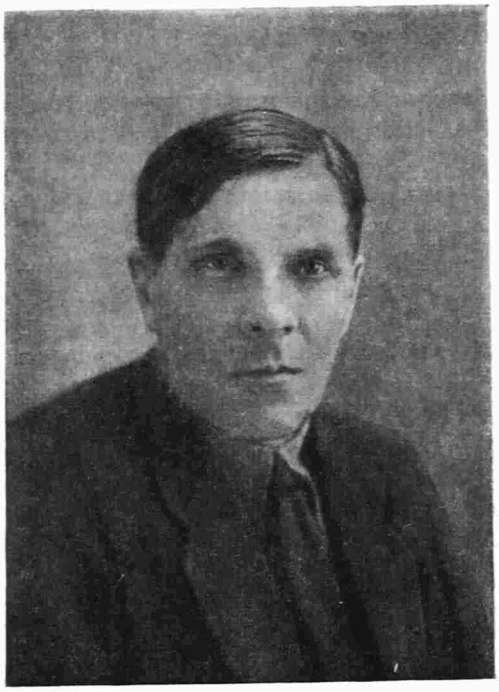
Эрдниев У. Э. 850, 873

Якимов В. П. 28, 231, 930
Якобсон А. Л. Рец.: 705
Яковлев И. В. 541
Янин В. Л. 542—544
Ярмак Г. А. 750
Яровая Е. 303

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода (Академия наук СССР).
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВФ — Вопросы философии
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательного института культуры
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИАН ЭстонССР — Известия Академии наук Эстонской ССР.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИКазанФАН СССР — Известия Казанского филиала Академии наук СССР
ИКомиФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИКрымОГО — Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИСев-ОсетНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского Института
КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Академия наук УССР)
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии (Академия наук СССР).
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЗУжДУ — Наукові записки Ужгородського державного університету
НМ — Новый мир
СА — Советская археология
САН ГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СВ — Советское востоковедение
СГРМ — Сообщения Государственного русского музея
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИИИ — Сообщения Института истории искусств (Академия наук СССР)
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии (Академия наук СССР)
СЭ — Советская этнография
ТАбхазГМ — Труды Абхазского государственного музея
ТАбхазИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории (Академия наук Грузинской ССР)
ТАНЛитовскССР — Труды Академии наук Литовской ССР
ТВоронГУ — Труды Воронежского государственного университета
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея

ТИИ АН АзССР — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
ТИИ АН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТТбилГУ — Труды Тбилисского государственного университета
ТТомГУ — Труды Томского государственного университета
УЗ Алма-АтГПИ — Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического и учительского института
УЗ Каб-БалкНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗ КабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
УЗ КазанГПИ — Ученые записки Казанского государственного педагогического института
УЗ МолотГУ — Ученые записки Молотовского государственного университета
УЗ МурманГПИ — Ученые записки Мурманского государственного педагогического института
УЗ РязанГПИ — Ученые записки Рязанского государственного педагогического института
УЗ СмолГПИ — Ученые записки Смоленского государственного педагогического института
УЗ ТомГПИ — Ученые записки Томского государственного института
УЗ ТувИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗ ХаркДУ — Учені записки Харківського державного університету
УЗ ЯрославГПИ — Ученые записки Ярославского государственного педагогического института

М. Я. РУДИНСКИЙ

23 июля 1959 г. в Киеве скончался Михаил Яковлевич Рудинский. М. Я. Рудинский родился 16 октября 1887 г. в семье земского врача. В 1910 г. Михаил Яковлевич закончил историко-филологический факультет Харьковского университета. С 1910 по 1918 г. Михаил Яковлевич был занят педагогической деятельностью, преимущественно в Путивле и Харькове. Еще в Путивле М. Я. Рудинский начал интересоваться археологией, проводил археологические разведки окрестностей города.

В период с 1919 по 1924 г. М. Я. Рудинский работал в музеях Полтавы и Киева. В 1925 г. он стал секретарем Всеукраинского Археологического комитета АН УССР (ВУАК). Последний, весьма плодотворный период творческой деятельности М. Я. Рудинского (1944—1958 гг.) был непосредственно связан с Институтом археологии АН УССР. В 1949 г. Михаилу Яковлевичу была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Творческий диапазон М. Я. Рудинского охватывал ряд общественных наук. Помимо археологии, он занимался вопросами истории, этнографии и народного искусства Украины.

Научно-литературное наследство М. Я. Рудинского включает около 50 научных работ. Оно свидетельствует о том, что вклад Михаила Яковлевича в археологическую науку был весьма значительным и разнообразным. Хорошо известны работы М. Я. Рудинского в области палеолита Украины. Плодотворны были его работы в области изучения послепалеолитического и ранненеолитического периодов.

Много занимался М. Я. Рудинский памятниками неолитической и трипольской эпохи на Украине.

Последние годы жизни М. Я. Рудинский занимался изучением сложнейшего комплекса памятников изобразительного искусства Каменной Могилы, а также научно-организационной и педагогической работой.

Все, кто работал с М. Я. Рудинским, сохранят память об этом большом и скромном ученом, добром и благожелательном товарище.

В. Н. Даниленко

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ

13 декабря 1958 г. в Киеве скончалась Елена Федоровна Лагодовская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН УССР.

Е. Ф. Лагодовская родилась в 1899 г. в г. Одессе в семье учителя. Среднее образование она получила в Ленинграде. В 1925 г. окончила факультет общественных наук Института народного образования в г. Житомире, а с 1926 по 1930 г. проходила срок аспирантской подготовки при ГАИМК и ЛГУ.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации о мегалитической культуре Украины Е. Ф. Лагодовская получает назначение на работу в Одесский историко-археологический музей.

С 1939 г. и до последних дней Е. Ф. Лагодовская работала старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР. С 1944 по 1949 г. Е. Ф. Лагодовская заведовала отделом первобытной археологии этого института.

В круг научных интересов Е. Ф. Лагодовской входили вопросы, относящиеся к древнейшей истории Украины эпохи раннего металла. С ее именем неразрывно связано изучение мегалитических памятников, открытие и изучение усатовской культуры, исследование памятников позднетрипольского времени Волыни и, наконец, изучение культуры древнеямного типа на Украине.

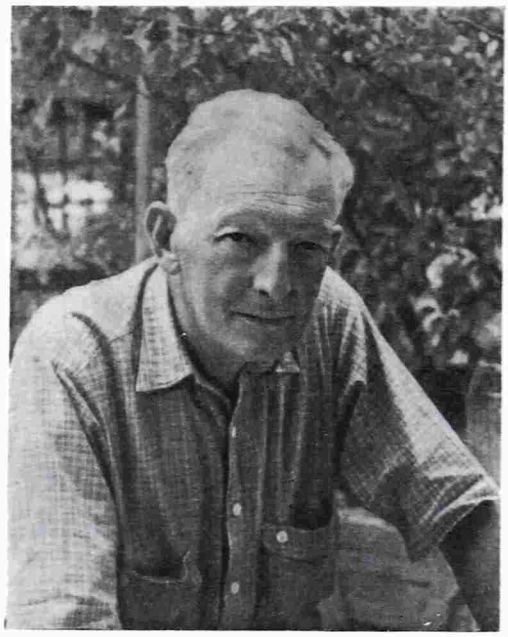
Е. Ф. Лагодовская руководила многими крупными археологическими экспедициями на Украине. Усатово, Сандраки, Войцеховка, Михайловка — вот далеко не полный перечень важных археологических объектов, изученных ею.

Последние годы жизни Е. Ф. Лагодовская полностью посвятила изучению памятников древнеямного времени на Нижнем Днепре. На протяжении пяти лет под ее руководством проводилось раскрытие уникального памятника древнеямного времени — Михайловского поселения с его монументальными каменными оборонительными стенами и жилыми постройками, богатейшими комплексами инвентаря, погребениями и т. д.

Добросовестная и всегда аккуратная в работе Е. Ф. Лагодовская была примером трудолюбия и преданности науке. У нее училось работать целое поколение молодых археологов, к которым она всегда относилась с исключительным вниманием и заботой, передавая им весь свой опыт и знания.

Память о Елене Федоровне Лагодовской, о прекрасном человеке, чутком товарище и друге навсегда останется в сердцах всех, кто ее знал и кто работал вместе с ней.

Д. Я. Телегин

Ю. С. ПАНЮТИН

5 февраля 1959 г. в Москве скончался Юрий Сергеевич Панютин, участник многих археологических экспедиций ИИМК и других учреждений.

Ю. С. Панютин родился в 1890 г. в Калуге. Он получил образование в Коммерческом училище в Москве, но делом его жизни с юных лет и до самой смерти была фотография. Замечательный специалист художественной фотографии Юрий Сергеевич особенно много внимания уделил фотографированию выдающихся памятников древнерусской архитектуры. В результате многолетней работы им были созданы монографические художественные фотоальбомы о древнерусских городах Переяславле-Залесском, Ростове Великом, Юрьеве Польском, о таких замечательных памятниках, как Кирилло-Белоозерский и Новодевичий монастыри, и о многих других.

С 1945 г. Юрий Сергеевич является постоянным участником археологических экспедиций, главным образом на юге нашей страны. Участвуя в качестве фотографа в раскопках античных и средневековых городов и поселений в Прикубанье, в Крыму, в Подонье, он создает обширные коллекции прекрасных фотографий археологических памятников. Его художественные снимки неизменно являлись украшением ежегодных археологических выставок, его работы иллюстрировали многие археологические статьи во всех изданиях ИИМК. Одновременно с участием в раскопках Юрий Сергеевич продолжал напряженно работать над архитектурной съемкой. Им созданы исчерпывающие по полноте и блестяще выполненные художественные фотоальбомы памятников античной и средневековой архитектуры Крыма — Херсонеса, Феодосии, Керчи, Судака, Мангупа, Чуфут-Кале, Инкермана, Бахчисарая и др.

В лице Юрия Сергеевича мы потеряли прекрасного товарища, тонкого и чуткого художника, знатока архитектурной и археологической съемки, неутомимого труженика, беззаветно преданного делу художественного и исторического изучения памятников древности.

Л. П. СЕМЕНОВ

2 апреля 1959 года в г. Орджоникидзе СОАССР на 73 году жизни скоропостижно скончался заслуженный деятель науки, профессор Леонид Петрович Семенов. В его лице советское литературоведение и советская историческая наука понесли большую утрату.

Оборвалась жизнь известного кавказоведа, блестяще сочетавшего в себе крупнейшего литературоведа, археолога, этнографа, фольклориста и искусствоведа. Это был образованнейший человек, в разных аспектах живо интересовавшийся как общими проблемами мировой культуры, так и культурными достижениями малых бесписьменных народов Северного Кавказа. Разносторонность его научных интересов, огромная эрудиция в сочетании с его беспримерной скромностью и трудолюбием давно снискали ему известность истинно советского ученого, а его творческая жизнь всегда была для всех знавших его примером подлинно подвижнического служения науке.

Профессор Л. П. Семенов родился 30 мая 1886 года в г. Владикавказе (б. Терская область), в семье народного учителя. Успешно окончив Владикавказское реальное училище и проявив склонность к гуманитарным наукам, в 1908 г. он поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, который и окончил в 1912 г. С тех пор и началась многообразная и целеустремленная научно-исследовательская и педагогическая деятельность этого подлинного энтузиаста науки.

Первой его научной работой был «Очерк поэзии Лермонтова», написанный еще в студенческие годы, в 1911 г. С тех пор и до последнего дня своей жизни Л. П. Семенов не прекращал научно-исследовательской работы.

Будучи уже на пенсии (с 1951 г.), он по-прежнему состоял активным членом ученых советов Северо-Осетинского научно-исследовательского и Педагогического институтов и руководил подготовкой аспирантов. Буквально за день до смерти он с увлечением работал над рукописью статьи, посвященной оценке деятельности первого ингушского исследователя-краеведа и просветителя Чаха Ахриева («Чах Ахриев как этнограф и фольклорист»).

Профессор Л. П. Семенов является автором более 100 научных трудов по различным вопросам литературы, музееведения и материальной культуры, опубликованных в центральных и местных изданиях. Около 30 работ связаны с археологией и этнографией Кавказа.

Исключительно многогранной была его деятельность и как исследователя, и как педагога — руководителя молодых научных кадров. В течение многих лет он заведовал кафедрами русской и зарубежной литератур и читал лекции по русской, иностранной литературе, фольклору и литературе народов СССР. Л. П. Семенов был одним из крупнейших советских лермонтоведов, состоял членом Лермонтовской комиссии при Академии наук СССР. Широкую известность получили его книги: «М. Ю. Лермонтов»,

«Кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова», «Лермонтов на Кавказе», «Лермонтов и фольклор Кавказа», «Пушкин на Кавказе», «Пушкин о Кавказе», «Лев Толстой и Кавказ» и др.

Л. П. Семенов был тесно связан с музеями М. Ю. Лермонтова в Тарханах и Пятигорске. Последнему он принес в дар свою богатейшую библиотеку, в которую входили редчайшие издания произведений любимого им поэта и ценнейшие работы об этом певце Кавказа.

Особенно значительны труды проф. Семенова об основоположнике осетинской литературы — великом сыне осетинского народа — поэте и драматурге К. Л. Хетагурове. Большой популярностью среди широкого круга читателей пользуются такие его работы, как «Лермонтов и Коста», «Коста — драматург», «К вопросу об отношении Коста Хетагурова к русской литературе» и др. В подготовке академического издания сочинений Коста Хетагурова и двух юбилейных сборников, посвященных поэту (1939 и 1941 гг.), Л. П. Семенов принял самое непосредственное участие.

Очень много сделано Л. П. Семеновым и в деле изучения народного творчества (фольклора) горских народов, в частности в исследовании нартского или героического осетинского и ингушского эпоса. При его активном участии были подготовлены и роскошно изданы «Осетинские нартские сказания» в 1948 г. Его работа «Нартские памятники Северной Осетии», в которой автор документировал показания народного (богатырского) эпоса памятниками материальной культуры, заслуживает всяческого одобрения.

Своими исследованиями профессор Л. П. Семенов внес неоценимый вклад в изучение духовной культуры осетинского, ингушского и других народов Северного Кавказа.

Не менее значительной в научном отношении явилась деятельность Л. П. Семенова и в изучении вещественных исторических источников, связанных с историей кавказских народов. Особенно плодотворной была его работа в области археологии и этнографии Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. По существу проф. Л. П. Семенову принадлежит первое место среди советских археологов, изучавших памятники материальной культуры, непосредственно уже связанные с предками осетин и ингушей. Это — жилые и боевые башни, могильники, наземные склепы, храмы, святилища и другие культовые места. И в полевом изучении, и в историческом освещении всех этих памятников, особенно нагорной полосы СОАССР и западной части ЧИАССР, Л. П. Семенову бесспорно принадлежит ведущая роль.

Практически начав свою полевую археолого-этнографическую работу с поездки по горным районам Северной Осетии в 1924 г., Л. П. Семенов около 25 лет своей жизни посвятил обстоятельному исследованию этих ценных исторических источников. Являясь блестящим знатоком материальной и духовной культуры народов центральной части Кавказского перешейка, Л. П. Семенов всегда удачно использовал и сопоставлял изучаемые им археологические объекты как с этнографическими фактами, так и с данными изобразительного искусства и фольклора народов Кавказа. В этом заключалась одна из примечательных особенностей его творческого научного метода.

Таковы его труды: «Мавзолей Борга-Каш» (1928 г.), позднее переизданный с дополнениями в работе «Брагунский мавзолей» (1956 г.), «Эволюция ингушских святилищ» (1928 г.), «Татартупский минарет» (1947 г.), «Нартские памятники Северной Осетии» (1949 г.), «Нартский эпос и памятники материальной культуры» (1957 г.) и многие другие. Он первый написал научную историю г. Владикавказа-Орджоникидзе (1947 г.). Первостепенную научную значимость для истории чечено-ингушского народа имеют его «Археологические и этнографические разыскания в Ингушии», осуществленные автором в 1925—1932 гг. и опубликованные в Грозном и Владикавказе в 1929—1936 гг. В них автор впервые дал классификацию всех средневековых ингушских памятников и их исторический анализ.

Одним из наиболее крупных его трудов по археологии явилась обобщающая работа «Археологические разыскания в Северной Осетии», вышедшая в 1948 г. По признанию самого автора, в ней были подведены итоги его деятельности «по изучению местных памятников древности, продолжающейся более двадцати лет». Исторические выводы автора и сама источниковедческая база этого труда имеют огромное значение для древней и средневековой истории не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа.

Последовательно рассмотрев типы погребальных сооружений на протяжении ряда веков, Л. П. Семенов убедительно проследил эволюцию склеповых сооружений от раннего средневековья вплоть до XV—XVII вв и доказал, что архитектура наземных склепов преемственно связана с более древними памятниками. А сопоставляя эволюционный ряд погребальных сооружений с анализом могильного инвентаря и самого погребального обряда, автор установил и время появления в местной среде типично кавказского костюма (около IX—X вв.) и даже овеществленных элементов нартского эпоса. Дав исчерпывающий анализ жилых и боевых башен горной зоны Северного Кавказа, Л. П. Семенов окончательно развенчал предвзятое мнение Дирра и других иностранных ученых о якобы неслучайном сходстве кавказских башен с аналогичными сооружениями Центральной Азии (индийскими пагодами). Доказав, что эти башни и склепы со ступенчатым перекрытием возникли на местной основе и в местной этнической среде, он продемонстрировал значимость вещественных материалов в успешном решении важнейшего

вопроса исторической науки — в этногенезе, в происхождении народов Северного Кавказа.

Проследив поэтапное развитие материальной культуры на территории Северной Осетии, Л. П. Семенов пришел к справедливому выводу, что культура народов Северного Кавказа «развивалась не изолированно, а в тесном общении со многими цивилизованными странами мира». В заключении своей работы автор сформулировал основные задачи в изучении древней истории края, сохранившие свое значение до наших дней. С методической стороны эта работа Л. П. Семенова является образцом строго научного труда.

Венцом его обобщающих историко-археологических работ по Северному Кавказу явились первые главы опубликованного в 1954 г. макета по «Истории Осетии», ч. I, и сводной «Истории Северо-Осетинской АССР», выпущенной Издательством Академии наук СССР в этом году.

Все сделанное Л. П. Семеновым является достойным вкладом в советское кавказоведение, в изучение средневековой истории и культуры народов Северного Кавказа.

Путь, пройденный Л. П. Семеновым,— путь самоотверженного и бескорыстного служения науке, интересам народа — послужит достойным примером для молодой научной смены.

Е. И. Крупнов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА

С 11 по 17 мая 1959 г. в г. Махачкале состоялась сессия по археологии Дагестана. Она была организована Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР совместно с ИИМК АН СССР. Кроме того, в работе сессии приняли участие сотрудники научно-исследовательских институтов и музеев г. Москвы, Баку, Тбилиси, Сталинири, Грозного, Орджоникидзе, Нальчика, Черкесска, Майкопа и других городов Северного Кавказа.

Уже сам факт организации и проведения сессии по археологии Дагестана является довольно знаменательным событием. Дело в том, что до недавнего времени Дагестан являлся одной из наиболее слабо исследованных в археологическом отношении областей Кавказа. Горная его часть, где обитает основная масса многочисленных народностей Дагестана, вообще представляла собой почти белое пятно. Лишь с 1954 г. началось систематическое и планомерное изучение археологических памятников нагорного Дагестана. К сожалению, пока исследованиями охвачены не все районы края, почти совсем не ведутся работы в Южном Дагестане.

Большие работы были развернуты в Дагестане, особенно в бассейне среднего течения р. Сулак в связи со строительством Чирюртовской ГЭС в 1955—1958 гг. Здесь раскопано большое количество разновременных и разнохарактерных памятников. Среди них: поселение эпохи ранней бронзы, курганы, относящиеся ко II тыс. до н. э., средневековые поселения и городище, а также катакомбный могильник V—VIII вв. и др.

Разновременные бытовые и погребальные памятники в эти годы исследованы и в других районах Дагестана, особенно в горной его полосе.

Проведенная сессия имела целью подвести основные итоги исследования памятников материальной культуры Дагестана и наметить планы дальнейших археологических работ в республике, а также помочь систематизации обследованных там памятников и добытого разнообразного и многочисленного материала. Неудивительно поэтому, что она привлекла к себе широкое внимание местной научной и студенческой общественности.

Сессию открыл председатель президиума Дагестанского филиала АН СССР проф. Х. И. Амирханов. С докладом «Итоги и перспективы развития археологического изучения Дагестана» выступил директор Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР Г.-А. Д. Даниялов. Докладчик проследил кратко историю изучения археологических памятников края, особенно за последние годы, и раскрыл их значение в деле восстановления древней и средневековой истории и культуры бесписьменных народов Дагестана. Он отметил необходимость более широкого развертывания археологических работ в Дагестане с охватом всей его территории. Большие возможности для усиления этой работы открываются в связи с сооружением очередного каскада на Сулаке — Черкейской ГЭС.

На сессии были заслушаны и широко обсуждены как общие доклады, так и сообщения по частным вопросам, посвященные не только археологии Дагестана, но и другим областям Кавказа, особенно восточной его части.

Некоторые итоги изучения каменного века в Дагестане подвел в своем докладе В. Г. Котович. Начиная с 1953 г. в приморских и горных районах Дагестана выявлены ашельские и мустьерские местонахождения (уроч. Чумус-Иниц, Кайтагский район; с. Акуша и Гинта, Акушинский район) и стоянки со слоями верхнепалеолитического и мезолитического возраста (с. Чох и Ругуджа, Гунибский район). Всего в Дагестане в настоящее время известно 16 местонахождений каменного века. Их открытие является одним из значительных достижений дагестанской археологии за последние годы. Это отметили выступившие в прениях по докладу В. Г. Котовича А. А. Формозов и Е. И. Крупнов. Вместе с тем они подчеркнули, что пока еще нет оснований для выделения в Дагестане всех этапов развития палеолитической культуры и тем более мало оснований для включения Дагестана в зону очеловечения обезьяны.

Ряд докладов на сессии был посвящен энеолиту Кавказа.

А. А. Формозов коснулся в своем докладе важного вопроса изучения неолита и энеолита Северного Кавказа. Он остановился на характеристике вновь открытых (древнейших) бытовых памятников в Краснодарском крае, в частности — Нижне-Шиловской стоянки позднего неолита и особенно энеолитического поселения Мешоко, где в 1958 г. найдены каменные браслеты нальчикского типа и обнаружена керамика с орнаментом из налепных шишечек, аналогичным орнаменту сосудов из кургана в

ст. Новосвободненской (б. Царской). Раскопки в Мешоко и у пос. Ходжоха дали интересные бытовые комплексы так называемой майкопской культуры — остатки жилища, мастерскую по изготовлению каменных браслетов и топоров и др. Эти памятники обещают дать материалы, которые прольют свет на решение многих важных вопросов развития культуры древнейших земледельческо-скотоводческих племен Сев. Кавказа. Поэтому крайне необходимо продолжить их исследования.

Характеристике энеолитической культуры Северо-Восточного Кавказа был посвящен доклад Р. М. Мунчаева. На Северо-Восточном Кавказе исследованы почти исключительно бытовые памятники энеолитической эпохи. Это — Гильярское, Великентское, Мамайкутанское, Каякентское и другие поселения в Дагестане и «Луговое» поселение в Чечено-Ингушетии. Устанавливается поразительная близость энеолитической культуры Северо-Восточного Кавказа к древнейшим культурам Закавказья и Северного Кавказа. При этом, если энеолитические памятники Дагестана обнаруживают тяготение к культуре Закавказья, то этого нельзя сказать о «Луговом» поселении (ЧИ АССР), представляющем собой как памятник удивительный симбиоз древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа.

Определенный интерес вызвала высказанная докладчиком мысль о том, не является ли древнейшая земледельческо-скотоводческая культура Закавказья и Северного Кавказа, отличающаяся поразительной общностью и единством на огромной территории ее распространения, подосновой кавказского этнического субстрата.

В основу доклада О. А. Абибуллаева об энеолитической культуре Азербайджана были положены материалы многослойной Нахичеванской Кюль-Тапы. Это — уникальный памятник кавказской археологии. Мощность культурных напластований, относящихся к энеолиту, составляет здесь более 10 *м*. Общая же мощность культурного слоя Кюль-Тапы равна 21 *м*. Здесь добыт огромный и разнообразный вещественный материал, в том числе ряд металлических предметов, которые оказались медно-мышьяковыми, с содержанием мышьяка — 1,74—6,09% [1].

Материал энеолитического слоя хорошо и надежно связывается с известным Шингавитским поселением в Армении, с одной стороны, и слоем «К» поселения Геой-Тепе в Иранском Азербайджане, с другой стороны. Нахичеванская Кюль-Тапа — один из ярких памятников куро-аракского энеолита.

К этому докладу в известной степени примыкал доклад К. Х. Кушнаревой «Памятники эпохи раннего металла в восточном Закавказье и поселение Узерлик-Тепе». Докладчица обратила главное внимание на характеристику культуры расписной керамики (типа триалетской) на территории Азербайджана, изученной сейчас по основному слою поселения Узерлик-Тепе у Агдама. К. Х. Кушнарева доказывает, что Азербайджан входил в область распространения так называемой триалетской культуры середины II тыс. до н. э.

С докладом о культуре эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа выступил В. И. Марковин. Он подвел итоги проведенного им изучения восточного варианта так называемой северокавказской культуры эпохи бронзы, характеризуемого в настоящее время главным образом могильниками у с. Асланбек Шерипово (Гатын-Кале) в горной Чечне и у с. Миатлы в Северном Дагестане, инвентарь которых, наряду с признаками северокавказской культуры, имеет ряд чисто дагестанских черт.

На характеристике поселений эпохи бронзы и раннего железа, обследованных в 1956—1958 гг. на правом и левом берегу Сулака, остановился в своем докладе К. А. Бредэ. Среди этих памятников особый интерес представляет верхнее Сигитминское поселение, ранний слой которого, где найден, например, архаический наконечник медного копья, относится к началу II тыс. до н. э.

Сообщение о раскопках каменного склепа с коллективными захоронениями и обследовании поселения эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района ДАССР сделала М. Н. Погребова. Эти памятники, особенно склеп, давший материал (бронзовые подвески, пастовые бусы, мергелевая булава, керамика и др.), типичный для памятников средней бронзы Северо-Восточного Кавказа (Манас, Миатлы, Гатын-Кале и др.), датируются серединой II тыс. до н. э.

С 1957 г. в Гунибском районе ДАССР начаты исследования скального поселения эпохи бронзы (у сел. Верхний Гуниб). Здесь открыты остатки жилых каменных строений и мощной оборонительной стены, очаги и другие бытовые комплексы и добыт большой и разнообразный вещественный материал (керамика, зернотерки и другие каменные орудия труда, кремневые наконечники стрел, костяные проколки и пряслица и т. д.). С сообщением о раскопках этого памятника выступила В. М. Котович. Следует отметить, что автор без достаточных оснований пытается выделить здесь четыре культурных слоя. Дело в том, что поселение находилось на склоне (уклон более 45°) и поэтому здесь не могли спокойно и последовательно отлагаться культурные остатки. Наоборот, они могли сползать сверху вниз и перекрывать поздние слои более ранними. К тому же четырехслойность памятника не подтверждается и типологическим анализом материала.

---

[1] И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних медно-бронзовых предметов (на материале энеолита Азербайджана). Автореферат докторской диссертации, М., 1959, стр. 17.

Верхнегунибское поселение — чрезвычайно интересный, но вместе с тем и весьма сложный памятник. При его исследовании необходимо проявлять максимальную осторожность и большую тщательность.

Известно, что проблемам хронологии древних культур в нашей науке до сих пор уделяется явно недостаточное внимание. Отсюда понятен тот огромный интерес, который вызвал доклад А. А. Иессена о хронологии кавказских культур эпохи энеолита и бронзы. Он остановился на значении хронологии в историко-археологических исследованиях, подчеркнув важность применения при разработке вопросов датировки не только археологических приемов (стратиграфия и типология), но и методов естественных наук (метод по С-14 и др.). Основное внимание докладчик уделил вопросам хронологии энеолита Закавказья, памятников майкопской культуры и курганов Триалети. К сожалению, А. А. Иессен не дал четкой периодизации и хронологии древних культур Кавказа. И тем не менее его доклад явился значительным шагом вперед в решении этой важной проблемы кавказской археологии. Он датировал энеолит Закавказья (так называемый куро-араксский энеолит), с которым прямо связываются такие памятники, как Геой-Тепе близ Урмии и Караз у Эрзерума, в пределах III тыс. до н. э. (XXVIII—XXI вв. до н. э.). Что же касается Майкопского кургана, то А. А. Иессен удревнил его дату до 2400 лет до н. э. Датировка комплексов Триалети требует, по мнению докладчика, детализации, но не коренного пересмотра. Это доказывается и определением по методу С-14 образца дерева из Узерлик-Тепе, сделанным в специальной лаборатории ИИМК [2]. Вообще детализация хронологии Триалети — одна из ближайших задач археологии Кавказа.

С большим вниманием участники сессии заслушали доклад Е. И. Крупнова «К историко-археологическому изучению степного Дагестана». Докладчик охарактеризовал развитие культуры Северо-Западного Прикаспия с эпохи неолита до средневековья. Эта территория представляет сейчас голую полынную степь и полупустыню. Содружество с палеоботаниками и геоморфологами позволило установить, что в древности природная обстановка этих ныне полупустынных районов Северного Дагестана была иная, более благоприятная для процветания здесь активной человеческой деятельности. Еще около рубежа нашей эры здесь произрастали сосна, липа, бук и другие деревья. И только в средневековый период нерациональная практика ведения овцеводческого кочевого хозяйства привела к вскрытию растительного покрова, что вызвало обнажение подстилающих лесков и их развевание. Следовательно, современный ландшафт этих районов является порождением не только природных факторов, но и следствием неумеренной деятельности средневековых обитателей края.

Автор приходит к важному выводу большого практического значения: используя пять восточных ответвлений Терско-Кумского канала, проходящих по северным районам ДАССР, и намечающуюся семилетним планом систему обводнения безводных и маловодных пастбищ, можно вновь преобразовать эти ныне полупустынные районы, превратив их в цветущий край.

С докладом «Эпоха раннего железа в Дагестане» выступила М. И. Пикуль. Она сделала первую и серьезную попытку отвергнуть существовавшее представление о позднем освоении железа в Дагестане. Эпоху раннего железа в Дагестане М. И. Пикуль разделяет на три периода: 1) появление первых железных изделий и освоение плавки железной руды (VIII—VII вв. до н. э.); 2) широкого внедрения железных изделий (VII—IV вв. до н. э.) и 3) широкого распространения в быту и производстве железных изделий (III в. до н. э.— III в. н. э.). Разделение на 2-й и 3-й периоды слабо аргументировано автором. Это, по существу, один большой период, внутри которого, по мере накопления нового материала, можно будет впоследствии выделить отдельные этапы.

Ряд докладов и выступлений был посвящен средневековой тематике, и в частности проблеме Кавказской Албании.

С интересным докладом «О преемственности в истории Кавказской Албании и Азербайджана» выступил З. И. Ямпольский. Докладчик использовал большой, но не всегда равноценный, а иногда и спорный материал для доказательства постулируемого им тезиса об исторической и этно-культурной связи Кавказской Албании и Азербайджана. Большое значение автором придается не только свидетельствам письменных источников и другим данным, но и археологическим материалам. Надо полагать, что З. И. Ямпольский продолжит целеустремленно свои усилия для дополнительного обоснования и полного решения этой важной проблемы истории Азербайджана и всего Восточного Кавказа.

С этой же проблематикой связан и доклад Д. М. Атаева «Дагестан и Кавказская Албания». Известно, какая пестрота взглядов наблюдается в работах, посвященных исторической географии Восточного Кавказа, в частности и особенно в определении северных границ древней Албании. До сих пор нельзя считать решенным вопрос о том, какая часть Дагестана входила в состав Кавказской Албании.

Д. М. Атаев считает, что значительная часть Дагестана (в том числе горный Дагестан) входила в состав Албании. Для доказательства этого он не ограничивается

---

[2] Дата по С-14, установленная пока предварительно для Узерлик-Тепе, составляет 1235±350 лет.

анализом греко-римских источников, но приводит и некоторые новые данные из аварского языка, топонимики и археологии. Он делает предположения, что в основе этнонима «албан», вероятно, связанного с понятием «белый», лежит определенный антропологический признак народа, выступавшего под названием албаны. В языках, родственных аварскому (каратинском, ахвахском и др.), бытует название аварцев с корнем «alb». Упоминаемый в старинной аварской рукописи «Завещание Андуника сыну Булачу» храм Мия Д. М. Атаев считает возможным отождествлять с храмом албанского бога луны «Ма». Культ луны, широко почитавшийся в Албании, имеет, по сообщению докладчика, многочисленные параллели в быту современных аварцев. Д. М. Атаев делает вывод, что Дагестан на рубеже нашей эры был одним из очагов албанских племен и поэтому материальную культуру Дагестана этого времени необходимо именовать албанской, а не сарматской.

Интерес вызвал и доклад В. А. Кузнецова о новых данных по аланской культуре Северного Кавказа и раннесредневековом Дагестане. В. А. Кузнецов полагает, что в эпоху раннего средневековья продолжал существовать этно-культурный контакт местных племен Дагестана и аланских племен Сев. Кавказа и Прикаспия; изучение средневековых катакомбных могильников Дагестана и аланской культуры Сев. Кавказа представляет по существу один круг научных проблем. Он подробно остановился на характеристике богатого катакомбного могильника XI—XII вв. у ст. Змейской в Сев. Осетии. Анализ материалов позволил ему сделать вывод о том, что аланская культура Сев. Кавказа не была однородной, она делилась на ряд локальных вариантов.

В порядке постановки вопроса В. А. Кузнецов предполагает наличие на территории самостоятельного варианта аланской культуры. Основные положения этого доклада не вызвали возражений.

На сессии были сделаны еще доклад Р. О. Шмерлинг «К вопросу о культурных взаимосвязях Дагестана и Грузии в средние века» и сообщение П. Д. Дибирова о памятниках искусства Аварии позднего средневековья.

Памятниками, свидетельствующими о культурных связях Дагестана и Грузии в средние века, являются церковь Датуна и ряд грузинских и грузино-аварских надписей, найденных в разных пунктах нагорной Аварии. Р. О. Шмерлинг сделала анализ архитектурных особенностей этой церкви и остановилась на палеографическом характере указанных надписей, что, по ее мнению, подтверждает наличие действенных взаимосвязей между Дагестаном и Грузией в период между X и XIII—XIV вв.

Как видим, на сессии были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения, посвященные освещению важных этапов истории и культуры Дагестана с эпохи палеолита до позднего средневековья, но не только Дагестана, а также и других областей Кавказа. По важности поднятых там вопросов значение сессии выходит за пределы Дагестана. Действительно, на сессии были обсуждены такие вопросы, имеющие значение не только для археологии Дагестана, но и всего Кавказа, как проблема каменного века и энеолита, вопросы хронологии кавказских культур эпохи меди и бронзы, изучение Кавказской Албании и аланской культуры и др.

Сессия прошла весьма оживленно и на высоком научном уровне. Она продемонстрировала не только значительные полевые достижения дагестанских археологов, но и успехи в их общей исследовательской работе. В принятой сессией развернутой резолюции отражены эти достижения и успехи и намечены мероприятия по дальнейшему развертыванию археологических исследований в Дагестане. В резолюции указано на важность и необходимость координировать усилия научно-исследовательских учреждений республик Закавказья и Северного Кавказа для решения общих проблем кавказской археологии.

В заключение участники сессии посетили ряд интересных археологических памятников Дагестана, в частности Чохскую стоянку каменного века и Верхнегунибское поселение эпохи бронзы, а также недавно открытый в 70 *км* к юго-юго-западу от Махачкалы большой древний город, предположительно связываемый проф. Р. М. Магомедовым с хазарской столицей Семендер [3].

Следует отметить, что Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР провел большую подготовительную работу к сессии и хорошо ее организовал. Своевременно были напечатаны и разосланы пригласительные билеты вместе с тезисами докладов. Сессия проходила в зале заседаний Верховного совета Республики. Там же была развернута для участников сессии большая и интересная археологическая выставка.

Значение подобных региональных сессий вполне очевидно. Отсюда понятно, что на сессии в Махачкале было высказано пожелание о необходимости периодически (через 2—3 года) проводить такие сессии или конференции. Сейчас задача заключается в подготовке к съезду по археологии Кавказа, который приурочивается к 80-й годовщине со времени проведения первого кавказского археологического съезда (в г. Тифлисе в 1881 г.) и состоится в 1961 г. в г. Тбилиси.

Р. М. Мунчаев

---

[3] Р. М. Магомедов. На развалинах древнего города. Газета «Дагестанская правда» от 26.IV.1959 г.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1959 г.

Статьи

XXI съезд КПСС и задачи советской археологии 1 1
К пятидесятилетию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» 2 3
К шестидесятилетию А. П. Смирнова и В. Д. Блаватского 4 3
К семидесятипятилетию со дня рождения П. П. Ефименко 4 153
М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э. 1 52
А. В. Арциховский. О новгородской хронологии 4 107
Д. Я. Беренбейм. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря 4 42
Э. О. Берзин. Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре . . 4 53
С. Н. Бибиков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита 4 19
М. П. Ваулина. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом 1 72
В. Е. Вихров. Некоторые наблюдения над стойкостью древесины из археологических раскопок 2 135
Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округи 4 74
В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии 1 84
В. Гензель. Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства 2 85
Л. Н. Гумилев. Алтайская ветвь тюрок-тугю 1 105
В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. 3 48
И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов . . . 1 21
Т. Д. Златковская. О начальном периоде истории Тиры 2 60
И. Л. Значко-Яворский, Я. Г. Белик, В. Т. Иллиминская. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ 4 140
В. В. Косточкин. Строительная биография крепости Изборска 1 124
В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа . 2 97
Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы 1 31
Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы 3 66
Б. А. Латынин. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии 3 19
Г. А. Ломтатидзе. Результаты и перспективы археологического изучения г. Тбилиси 4 61
В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры 1 3
А. Ф. Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси 2 119
Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах 4 29
А. П. Окладников. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса и современность 4 5
Е. Ольчак. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века 3 91
Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}) 2 7
Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии 2 70
П. А. Раппопорт. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси 1 115
Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей 4 82
С. А. Семенов. Экспериментальные исследования первобытной техники . . . 2 35
А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой Орды. 4 128
В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи 4 10
А. Д. Столяр. Об одном центре одомашнивания свиньи 3 3
Н. Н. Терехова. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае 3 28
А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР 2 47
С. С. Чураков. Портреты во фресках Ферапонтова монастыря 3 99
Г. Г. Штобе. Применение метода почвенных исследований в археологии . . 4 135
В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора 3 91

С. Н. Замятнин 2 143

Публикации

К. А. Адыков. Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв 4 212
Р. Б. Ахмеров. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени 1 156
О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме 1 144
К. Беленин. Древняя металлургия железа в Центральной Польше 1 173
А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент 1 195
В. Д. Блаватский, С. Ислями. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. . . . 4 166
А. И. Болтунова. Греческая метрическая надпись из Керчи 1 168
А. А. Бобринский. Гончары-пидьбляне 1 228
М. В. Воробьев. Старинные китайские монеты из собрания Хабаровского музея 3 194
М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша . . . 1 218
Л. А. Евтюхова. Древнекитайская керамика из Каракорума 3 179
Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея . . . 2 187
Р. В. Кинжалов. Серебряная пластина с изображением парфянского царя . . 2 197
С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы 3 159
В. В. Кропоткин. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение 1 181
И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора III в. н. э. 3 137
В. А. Леквинадзе. Оборонительные сооружения Археополиса-Нокалакеви . . 3 144
Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар 2 218
В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи 4 154
Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане 2 205
А. П. Окладников. Триподы за Байкалом 3 114
А. П. Окладников. Бронзовый меч из Якутии 3 133
Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы 2 169
М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской обл. . . . 4 202
А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье 2 148

Заметки

Л. В. Алексеев. Еще три шиферных пряслица с надписями 2 242
А. К. Антейн. Наконечники копий из дамасской стали 1 278
И. П. Богатов. О времени возникновения г. Мурома 3 223
П. И. Борисковский. Палеолитический очаг на стоянке Валукинского (Костенки XIX) 1 246
М. Ю. Брайчевский. Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья 4 230
А. Г. Векслер. Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея . . 3 226
И. С. Винокур. Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском музее 4 235
С. А. Высоцкий. Граффито XI в. в Софии Киевской 1 217
С. А. Высоцкий. Датированные граффити XI в. в Софии Киевской 4 243
А. М. Гилевич. Золотые византийские монеты из Херсонеса 1 267
В. Б. Гиршберг. Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры 3 227
В. Б. Гиршберг. Надпись мастера Повилики 2 248
К. В. Голенко. Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях 1 265
Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища 1 259
Ю. А. Заднепровский. Ашкал-Тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане 3 216
Ю. М. Золотов. Чернолощеный кувшин XVII в. с надписью 1 284
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Новые памятники льяловской культуры . . . 1 249
П. Д. Либеров. К вопросу о времени одомашнения курицы 2 232
Е. К. Максимов. Меч и копье из коллекции Саратовского музея 1 261
Т. М. Минаева. Курган эпохи бронзы близ станицы Дурновской в Сталинградской области 3 212
Ф. Прошек. Новый тип палеолитического очага из стоянки Шанов-Коут II у с. Гостим 1 243
Е. В. Пузаков. Серп из поселения Сердюково II в Харьковской области . . . 1 264
Р. Л. Розенфельдт. Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве 1 279
Р. Л. Розенфельдт. Псевдоидол из с. Вески 2 246
Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого 4 245
Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Археологические находки у озера Алят 3 209
Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Коллегия бронзовых котлов Иркутского музея 1 253
Б. Н. Сарианиди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении 2 235
В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища 1 275

Н. И. Сокольский. Земляной склеп на горе Митридат 3 220
Б. А. Тимощук. Ленковецкое древнерусское городище 4 250
То Ю Хо, Хван Ги Док. Раскопки в Ди-Тап-Ли 4 228
Г. Е. Трапезников. Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля) . . . 1 268
Р. В. Федорова. Применение спорово-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья 1 286
М. В. Фехнер. Шихинская курганная группа 4 239
В. А. Филипченко. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас . . . 2 239
П. И. Хавлюк. Новые данные о культовых изображениях в триполье . . . 3 206
Г. А. Чернов. Стоянки на Средней Печоре 2 228

В помощь учителю и краеведу

Н. А. Онайко, М. Г. Мошкова. Новая экспозиция ГИМ 3 230
Д. Б. Шелов. Археологическая экспозиция Пражского Национального музея 2 250

Критика и библиография

С. Н. Бибиков. П. П. Ефименко. Костенки I, 1958 г. 4 258
И. Б. Брашинский. G. Klaffenbach. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957 2 272
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1957 г. 4 283
М. В. Воробьев. Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя 1 309
М. В. Воробьев. G. Tucci. The Tombs of the Tibetan Kings. 1 319
П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин 1 291
Л. А. Ельницкий. Новые книги по истории эгейской культуры 1 309
М. А. Ильин. Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области 4 280
Г. С. Кнабе. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе 3 243
Д. Л. Коридзе. О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 . . . . . 2 262
А. К. Коровина. Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь 1 316
Л. Я. Крижевская. К вопросу о назначении неолитических поселений, расположенных у мест добычи кремневого сырья 1 300
К. Маевский. Заметки о трипольской пластике 1 302
А. М. Мандельштам. J. C. Gardin. Céramiques de Bactres. Paris, 1957 . . 1 278
Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. Е. И Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957 . . . . . 2 266
Т. С. Пассек, Э. А. Рикман. R. Vulpe. Izvoare, 1957 . . . . . 4 262
Н. Н. Погребова. T. Talbot Rice. The Scythians. New York, 1957. . . . . 2 274
Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. О критике углеродного метода определения возраста 2 255
Г. А. Пугаченкова. D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran 3 265
Н. В. Пятышева. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА, № 50 3 257
К. В. Сальников. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА, № 58 . . . . . 3 261
В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II. Материалы по археологии Туркмении 1 306
В. В. Седов. Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. I 1 319
Н. А. Сидорова. Археологические открытия в Средиземноморье в 1957 г. . . 4 268
К. Ф. Смирнов. Вестник Московского университета, № 4, 1958 . . . . 3 267
К. Ф. Смирнов. Таганрогский краеведческий музей. 1957 . . . . . 2 270
А. А. Формозов, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков. Нариси стародавньої історії Української РСР 3 236
А. Л. Якобсон. Б. А. Шелковников. Поливная крамика из раскопок города Ани 1 324

Хроника

В. Виноградов, А. Хазанов. V Всесоюзная студенческая конференция . . . 3 269
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 г. 2 282
Р. М. Мунчаев. Научная сессия по археологии Дагестана 4 335
Р. М. Мунчаев, Г. А. Федоров-Давыдов. Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР 3 272
Т. С. Пассек. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины 1 329
Р. Л. Розенфельдт. II Международный археологический семинар, посвященный изучению славянских племенных союзов в I тыс. н. э. 2 294
Т. Н. Троицкая. I конференция по комплексному изучению древней истории народов Западной Сибири 2 293

Г. Ф.-Д. Читательская конференция журнала «Советская археология» 3 271
Б. С. Археологическая сессия Гос. Эрмитажа 3 270
Д. Ш. Создание Одесского археологического общества . . . 3 278
Открытое письмо советским археологам . . . 3 280
Я. А. Дубинский 3 283
Л. И. Каштанов 1 328
Е. Ф. Лагодовская 4 330
Ю. С. Панютин . . . 4 331
Ф. Прошек . . 2 301
Д. М. Робинсон 3 280
М. Я. Рудинский 4 239
А. А. Семенов 2 299
Л. П. Семенов 4 332
Памяти И. А. Сухарева 2 297
И. А. Талицкая . . . 2 298
М. М. Худяк . 3 283
Письмо в редакцию 3 276

Поправка

В № 1 журнала «Советская археология» за 1959 г. в статье А. А. Бобринского «Гончары-пидьбляне» на стр. 230 в формуле в знаменателе следует читать: $2h_1$, а в числителе внутри первых скобок должен стоять не плюс, а минус.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АН — Академия наук
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАНО — Записки Археолого-нумизматического общества
Зап. НИИ Мордовской АССР — Записки Научно-исследовательского института Мордовской АССР
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Туркм. ССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
Тр. ВУАК — Труды Всеукраінського археологічного комітету
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. Саратовской УАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ТГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института
AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AJA — American Journal of Archaeology
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch der Deutschen Archäologischen Instituts
ILN — Illustrated London News
SCIV — Studii si cerçetari istorie veche

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию А. П. Смирнова и В. Д. Блаватского 3

А. П. Окладников (Ленинград). «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса и современность 5

Статьи

В. С. Сорокин (Ленинград). Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи 10

С. Н. Бибиков (Киев). Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита 19

Ю. Ф. Новиков (Ворошиловград). О возникновении земледелия и его первоначальных формах 29

Д. Я. Беренбейм (Керчь). Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря 42

Э. О. Берзин (Москва). Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре 53

Г. А. Ломтатидзе (Тбилиси). Результаты и перспективы археологического изучения города Тбилиси 61

Н. Н. Воронин (Москва). Из ранней истории Владимира и его округи . . . 74

Б. А. Рыбаков (Москва). К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей 82

А. В. Арциховский (Москва). О новгородской хронологии 107

А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Задачи археологического изучения Золотой Орды 128

Г. Г. Штобе (Рига). Применение методов почвенных исследований в археологии 135

И. Л. Значко-Яворский, Я. Г. Белик, В. Т. Иллиминская (Ленинград). Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ 140

Петр Петрович Ефименко (К 75-летию со дня рождения) 153

Публикации

В. И. Матющенко (Томск). К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи 154

В. Д. Блаватский (Москва), **С. Ислами** (Албания, Тирана). Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. 166

М. Р. Полесских (Пенза). Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области 202

К. А. Адыков (Ашхабад). Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв 212

Заметки

То Ю Хо, Хван Ги Док (Корея, Пхеньян). Раскопки в Ди-Тап-Ли 228

М. Ю. Брайчевский (Киев). Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья 230

И. С. Винокур (Житомир). Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском краеведческом музее 235

М. В. Фехнер (Москва). Шихинская курганная группа 239

С. А. Высоцкий (Киев). Датированные граффити XI в. в Софии Киевской . . 243

Б. А. Рыбаков (Москва). Запись о смерти Ярослава Мудрого 245

Б. А. Тимощук (Черновцы). Ленковецкое древнерусское городище 250

Критика и библиография

С. Н. Бибиков (Киев). П. П. Ефименко. Костенки I, 1958 258

Т. С. Пассек (Москва), **Э. А. Рикман** (Кишинев). R. Vulpe. Izvoare, 1957 262

Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1957 г. 268

М. А. Ильин (Москва). Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области 280

Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1957 г. 282

Хроника

М. Я. Рудинский 328

Е. Ф. Лагодовская 329

Ю. С. Панютин 330

Л. П. Семенов 331

Р. М. Мунчаев (Москва). Научная сессия по археологии Дагестана 334

Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1959 г. 338

SOMMAIRE

Les soixantièmes anniversaires de A. P. Smirnov et de V. D. Blavatski 3
A. P. Okladnikov (Léningrad). «L'origine de la famille, de la propriété privée et de l'état» de Frédéric Engels et l'époque contemporaine 5

Articles

V. S. Sorokine (Léningrad). Nouvelles données archéologiques sur la question de l'évolution de la famille dans l'antiquité 10
S. N. Bibikov (Kiev). Le peuplement de l'Europe Orientale à l'époque paléolithique 19
I. F. Novikov (Vorochilovgrad). Sur l'apparition de l'agriculture et ses formes primitives 29
D. I. Bérenbeim (Kertch). Le détroit de Kertch au temps de Strabo 42
E. O. Berzine (Moscou). De l'histoire de la production de la tuile portant la marque dans le Bospore 53
G. A. Lomtatidzé (Tbilissi). Résultats et perspectives de l'étude archéologique de la ville de Tbilissi 61
N. N. Voronine (Moscou). De l'histoire ancienne de Vladimir et de sa région . . 74
B. A. Rybakov (Moscou). Sur la question de la méthode de détermination de la chronologie des antiquités novgorodiennes 82
A. V. Artsikhovsky (Moscou). Sur la chronologie novgorodienne 107
A. P. Smirnov, G. A. Fédorov-Davydov (Moscou). Problèmes de l'étude archéologique de la Horde d'Or 128
G. G. Chtobé (Riga). L'emploi de méthodes d'étude du sol en archéologie. . . . 135
I. L. Znatchko-Yavorsky, J. G. Belik, V. T. Illiminskaïa (Léningrad). Recherches expérimentales sur les anciens mortiers de construction et les matières liantes 140
Le soixante-quinzième anniversaire de P. P. Efimenko 153

Publications

V. I. Matiouchtchenko (Tomsk). Sur la question de l'âge de bronze de la Tome inférieure 154
V. D. Blavatsky (Moscou), **S. Islami** (Tirana, Albanie). Les fouilles d'Apollonia et d'Orik en 1958 166
M. R. Polesskikh (Penza). Nouvelles tombes de l'époque antérieure de l'âge du fer dans la région de Penza 202
K. A. Adykov (Ashabad). Principales stations sur la voie commerciale moyenâgeuse allant de Sérakhs à Merv d'après des données archéologiques 212

Notices

To-Yu-Kho, Khvan-Gui-Dok (Pkhénian, Corée). Fouilles dans Di Tap Li . . 228
M. I. Braïtchevsky (Kiev). Matériaux de la civilisation des champs funéraires de la Porosié moyenne 230
I. S. Vinocour (Jitomir). Matériaux de la civilisation de Tcherniakhovo conservés dans le musée de Jitomir 235
M. V. Fekhner (Moscou). Le groupe des tumulus de Chikhino 239
S. A. Vysotsky (Kiev). Graffiti datés du XIe siècle dans Sophie de Kiev . . . 243
B. A. Rybakov (Moscou). Inscription sur la mort de Yaroslav le Sage 245
B. A. Timochtchouk (Tchernovitz). L'ancienne ville russe Lenkovtsy . . . 250

Critique et bibliographie

S. N. Bibikov (Kiev). P. P. Efimenko. Kostenki I, 1958 258
T. S. Passek (Moscou), **E. A. Rikman** (Kichinev). R. Vulpe. Izvoare, 1957 262
N. A. Sidorova (Moscou). Découvertes archéologiques dans le bassin méditerranéen en 1957. 268
M. A. Iline (Moscou). Matériaux pour l'étude de la restauration de monuments architecturaux dans la région de Yaroslavl 280
N. A. Vinberg, T. N. Zadneprovskaïa (Léningrad). La littérature archéologique soviétique en 1957 282

Chroniques

M. J. Roudinsky 328
E. F. Lagodovskaïa 329
I. S. Paniutine 330
L. P. Séménov 331
R. M. Mountchaév (Moscou). Session scientifique d'archéologie au Daghestan 334
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaïa archéologuia» au cours de l'année 1959 . . . . . .

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил.

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.